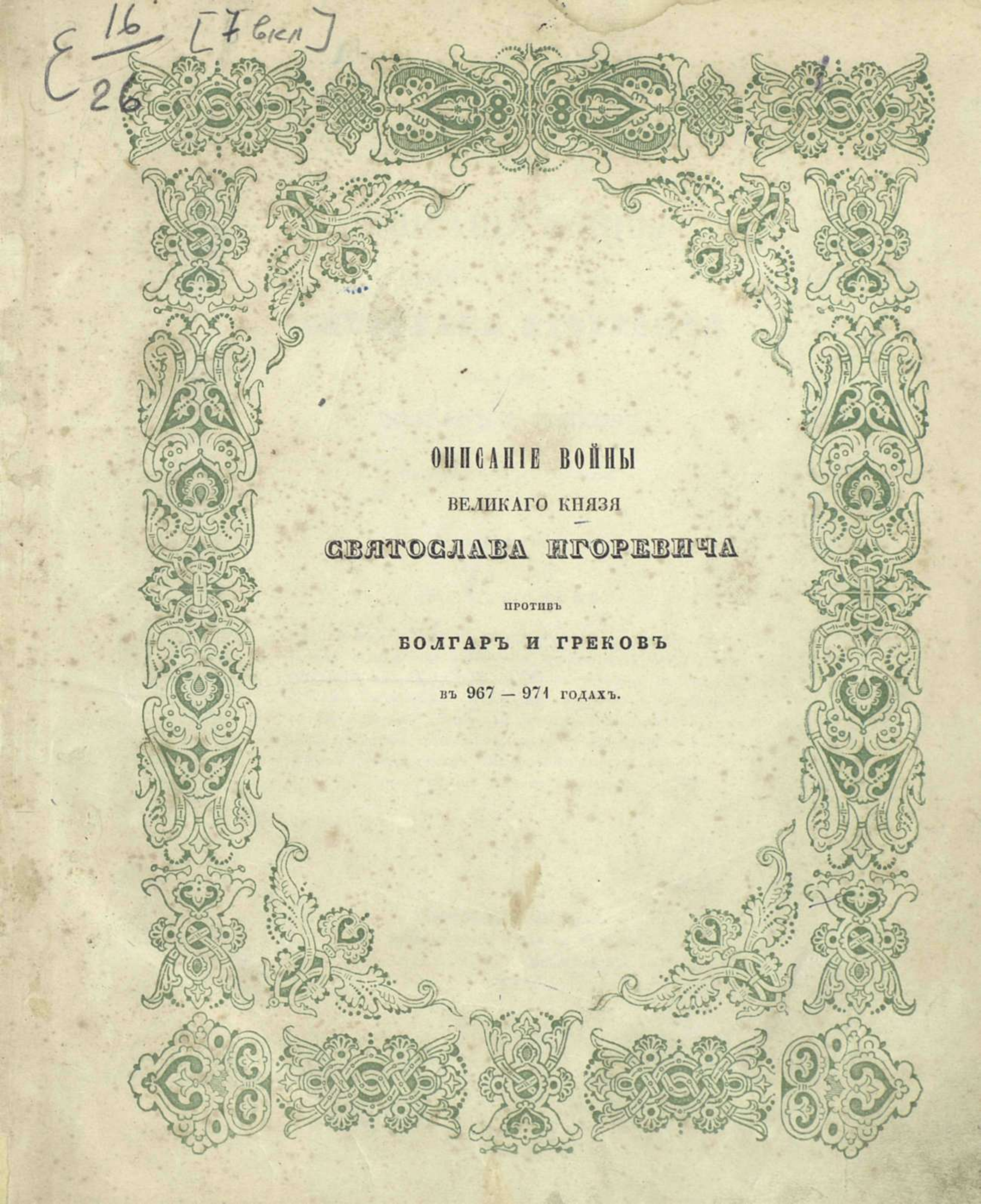


ОПИСАНІЕ ВОЙНЫ

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА

ПРОТИВЪ

БОЛГАРЪ И ГРЕКОВЪ

ВЪ 967 — 971 ГОДАХЪ.

2007059120

ОПИСАНІЕ ВОЙНЫ

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ

СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА

ПРОТИВЪ

БОЛГАРЪ И ГРЕКОВЪ

въ 967 – 971 годахъ.

СОЧИНЕНІЕ

А. Черткова,

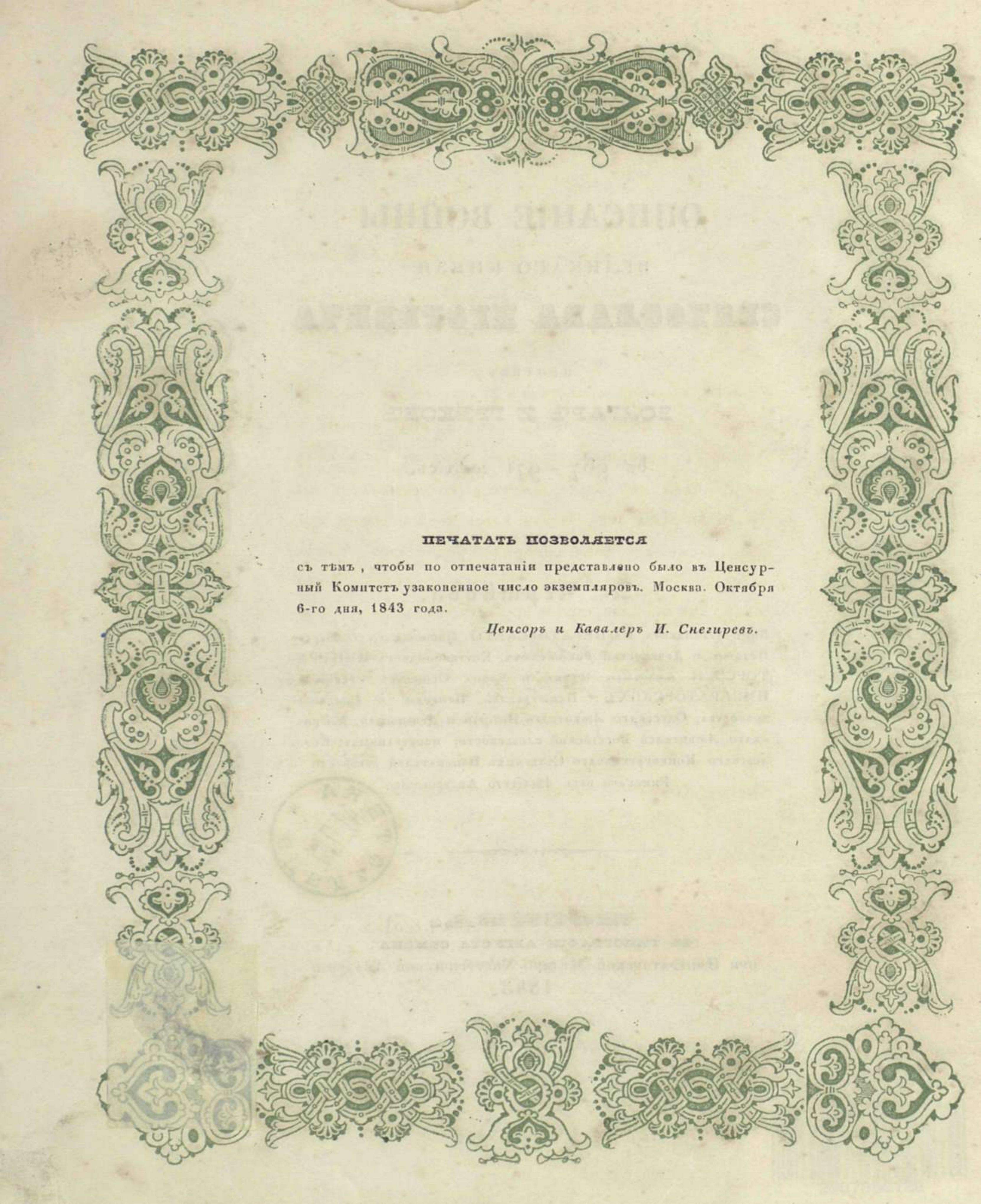
Вице-Президента ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Корреспондента ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ и Члена Обществъ Русскихъ, ИМПЕРАТОРСКИХЪ: Испытателей Природы и Сельскаго хозяйства; Одесскаго Любителей Исторіи и Древностей, Московскаго Любителей Россійской словесности; иностранныхъ: Королевскаго Копенгагенскаго Сѣверныхъ Изыскателей древности и Римскаго dell Instituto Archeologico

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

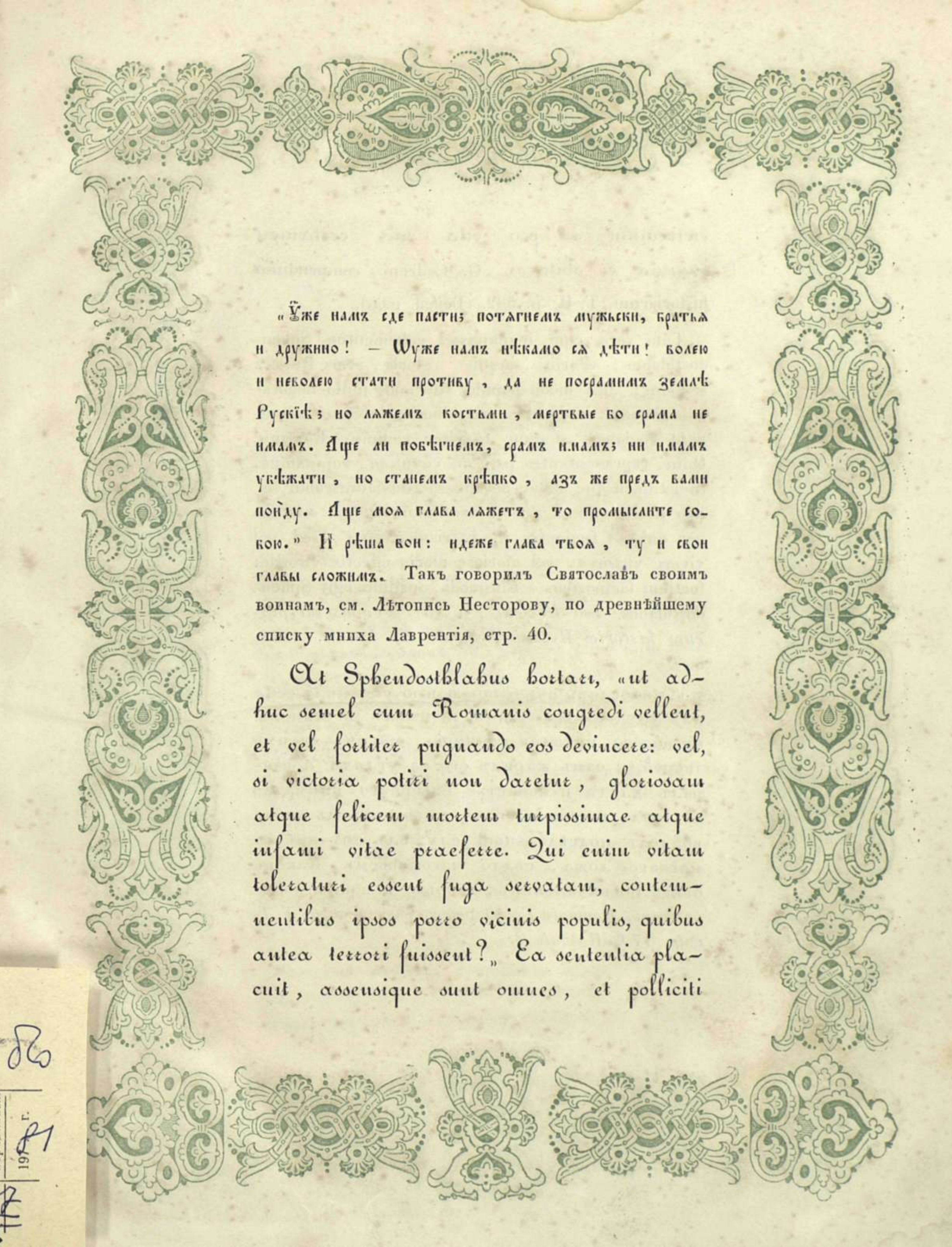
1843.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

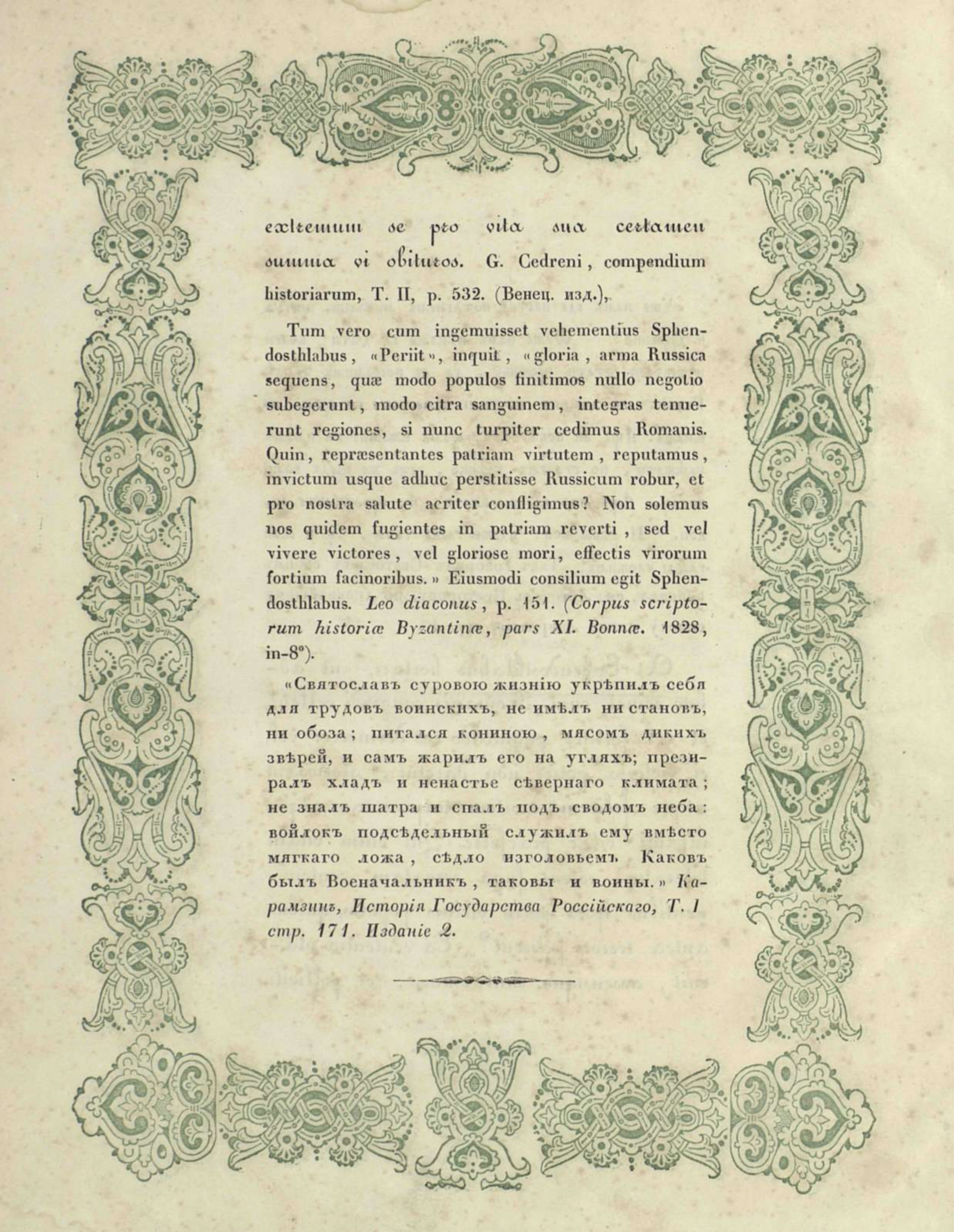
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Октября 6-го дня, 1843 года.

Ценсоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.



«Ꙋже намъ сде пастиъ; потягнемъ мужьски, братья и дружино! — Ѡуже намъ нѣкамо ся дѣти! волею и неволею стати противу, да не посрамимъ землѣ Рускіѣ; но ляжемъ костьми, мертвые бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ; ни имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду. Аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою.» И рѣша вои: идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ. Такъ говорилъ Святославъ своимъ воинамъ, см. Лѣтопись Несторову, по древнѣйшему списку мниха Лаврентія, стр. 40.

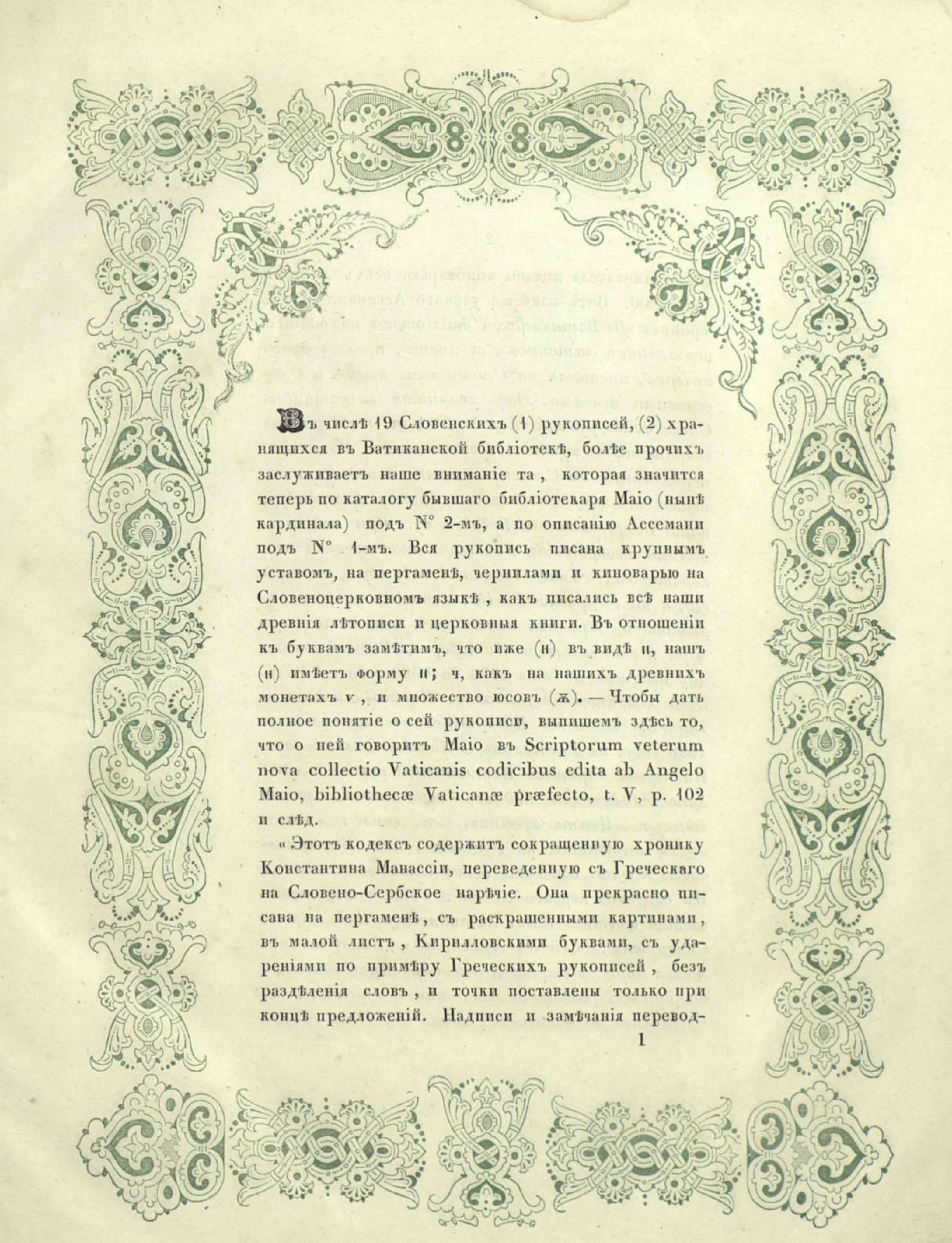
At Sphendosthlabus hortari, «ut adhuc semel cum Romanis congredi vellent, et vel fortiter pugnando eos devincere: vel, si victoria potiri non daretur, gloriosam atque felicem mortem turpissimae atque infami vitae praeferre. Qui enim vitam toleraturi essent fuga servatam, contemnentibus ipsos porro vicinis populis, quibus antea terrori fuissent?» Ea sententia placuit, assensique sunt omnes, et polliciti



extremum se pro vita sua certamen summa vi obituros. G. Cedreni, compendium historiarum, T. II, p. 532. (Венец. изд.),

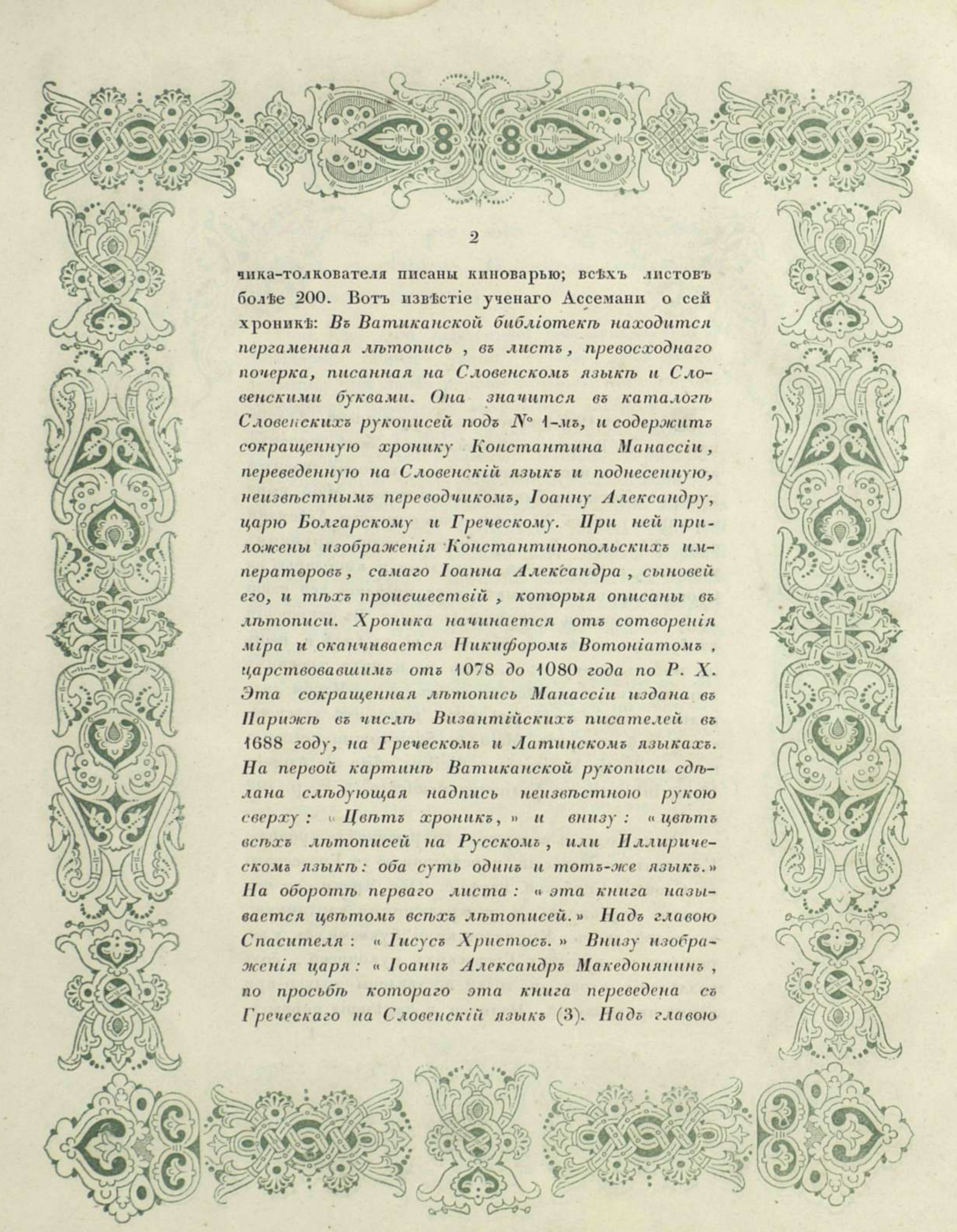
Tum vero cum ingemuisset vehementius Sphendosthlabus, «Periit», inquit, «gloria, arma Russica sequens, quæ modo populos finitimos nullo negotio subegerunt, modo citra sanguinem, integras tenuerunt regiones, si nunc turpiter cedimus Romanis. Quin, repræsentantes patriam virtutem, reputamus, invictum usque adhuc perstitisse Russicum robur, et pro nostra salute acriter confligimus? Non solemus nos quidem fugientes in patriam reverti, sed vel vivere victores, vel gloriose mori, effectis virorum fortium facinoribus.» Eiusmodi consilium egit Sphendosthlabus. *Leo diaconus*, p. 151. *(Corpus scriptorum historiæ Byzantinæ, pars XI. Bonnæ.* 1828, in-8°).

«Святославъ суровою жизнію укрѣпилъ себя для трудовъ воинскихъ, не имѣлъ ни становъ, ни обоза; питался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей, и самъ жарилъ его на угляхъ; презиралъ хладъ и ненастье сѣвернаго климата; не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба: войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло изголовьемъ. Каковъ былъ Военачальникъ, таковы и воины.» *Карамзинъ, Исторія Государства Россійскаго, Т. I стр. 171. Изданіе 2.*

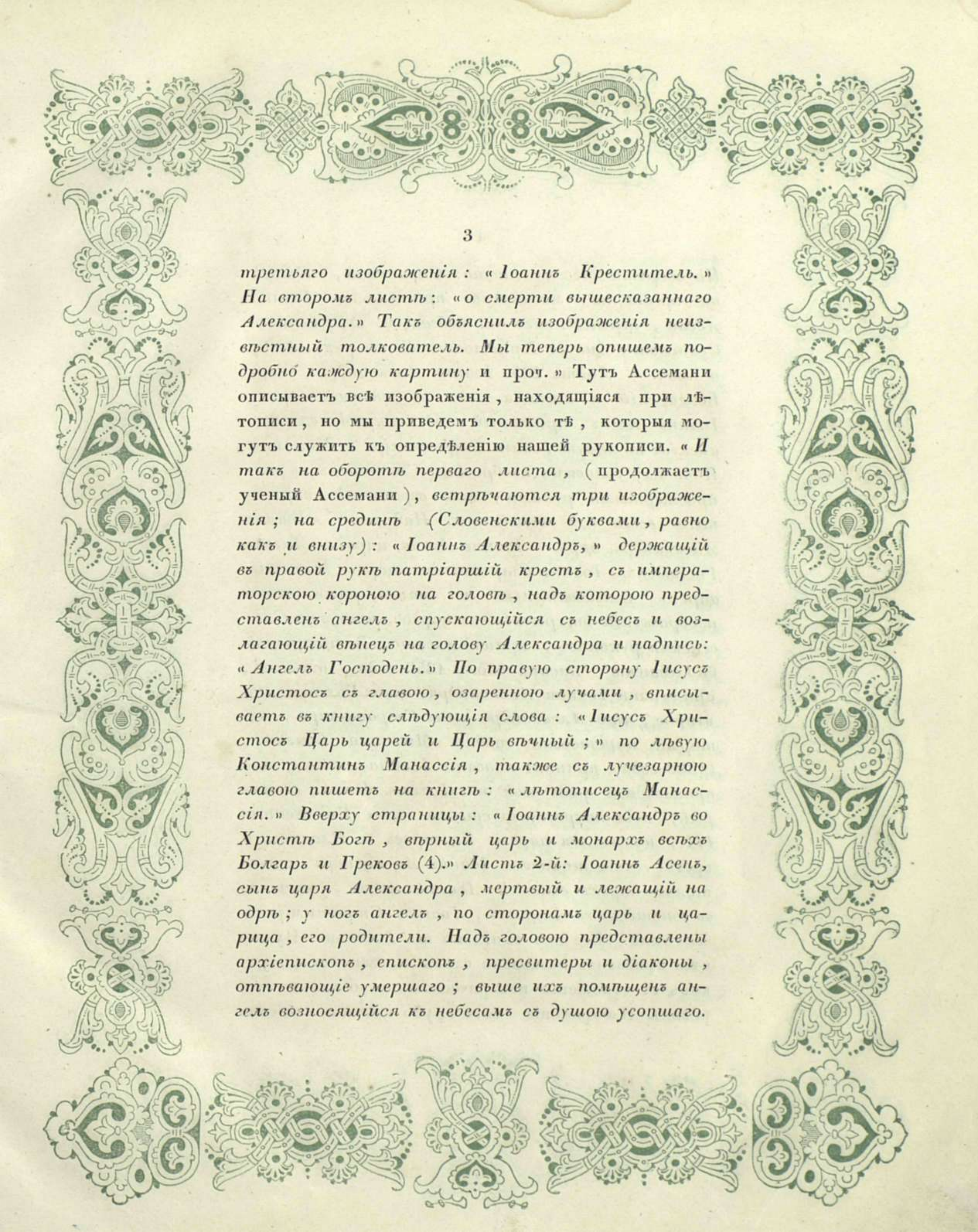


Въ числѣ 19 Словенскихъ (1) рукописей, (2) хранящихся въ Ватиканской библіотекѣ, болѣе прочихъ заслуживаетъ наше вниманіе та, которая значится теперь по каталогу бывшаго библіотекаря Маіо (нынѣ кардинала) подъ N° 2-мъ, а по описанію Ассемани подъ N° 1-мъ. Вся рукопись писана крупнымъ уставомъ, на пергаменѣ, чернилами и киноварью на Словеноцерковномъ языкѣ, какъ писались всѣ наши древнія лѣтописи и церковныя книги. Въ отношеніи къ буквамъ замѣтимъ, что иже (и) въ видѣ и, нашъ (н) имѣетъ форму н; ч, какъ на нашихъ древнихъ монетахъ ѵ, и множество юсовъ (ж). — Чтобы дать полное понятіе о сей рукописи, выпишемъ здѣсь то, что о ней говоритъ Маіо въ Scriptorum veterum nova collectio Vaticanis codicibus edita ab Angelo Maio, bibliothecæ Vaticanæ præfecto, t. V, p. 102 и слѣд.

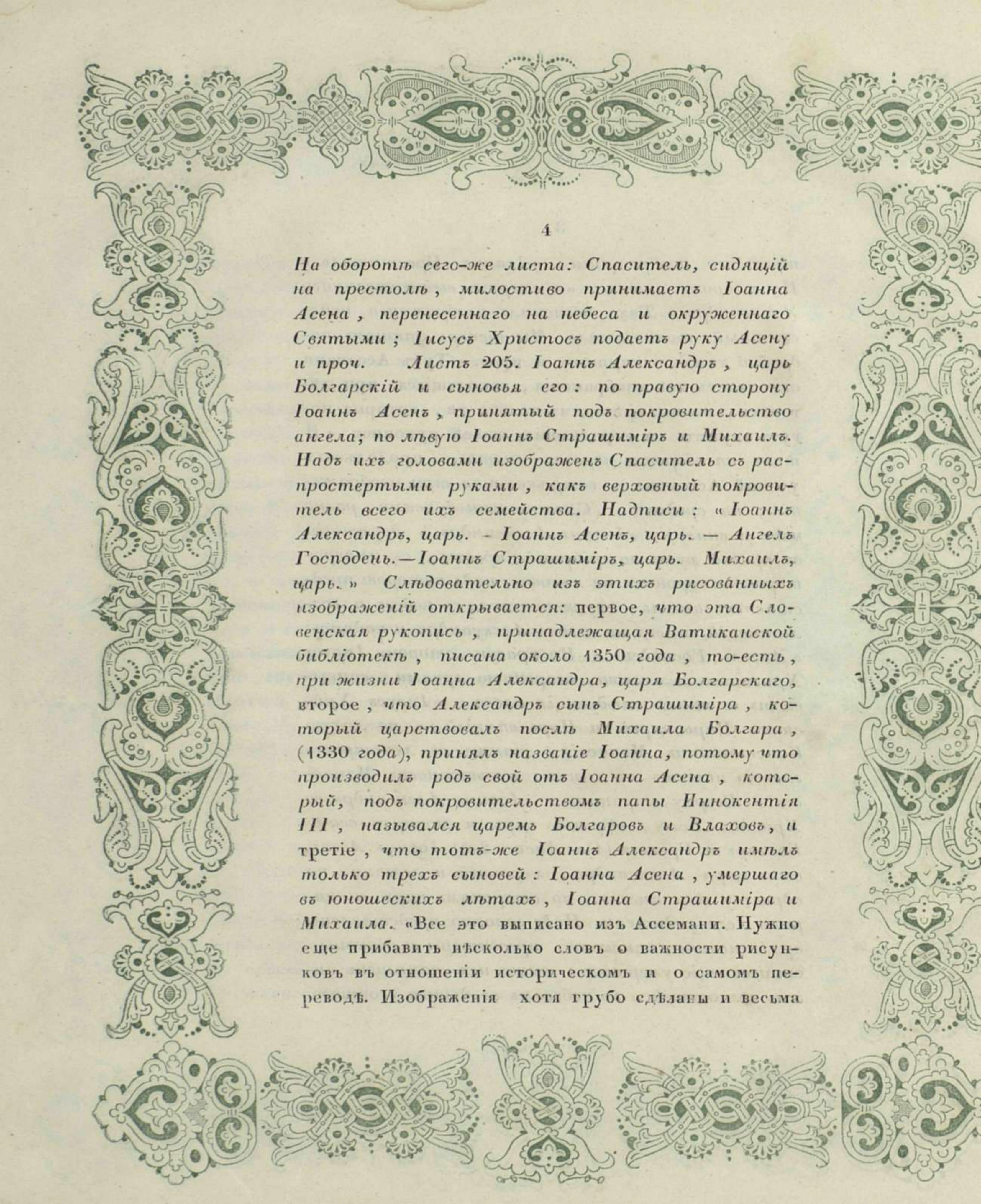
«Этотъ кодексъ содержитъ сокращенную хронику Константина Манассіи, переведенную съ Греческаго на Словено-Сербское нарѣчіе. Она прекрасно писана на пергаменѣ, съ раскрашенными картинами, въ малой листъ, Кирилловскими буквами, съ удареніями по примѣру Греческихъ рукописей, безъ раздѣленія словъ, и точки поставлены только при концѣ предложеній. Надписи и замѣчанія перевод-



чика-толкователя писаны киноварью; всѣхъ листовъ болѣе 200. Вотъ извѣстіе ученаго Ассемани о сей хроникѣ: *Въ Ватиканской библіотекѣ находится пергаменная лѣтопись, въ листъ, превосходнаго почерка, писанная на Словенскомъ языкѣ и Словенскими буквами. Она значится въ каталогѣ Словенскихъ рукописей подъ № 1-мъ, и содержитъ сокращенную хронику Константина Манассіи, переведенную на Словенскій языкъ и поднесенную, неизвѣстнымъ переводчикомъ, Іоанну Александру, царю Болгарскому и Греческому. При ней приложены изображенія Константинопольскихъ императоровъ, самаго Іоанна Александра, сыновей его, и тѣхъ проишествій, которыя описаны въ лѣтописи. Хроника начинается отъ сотворенія міра и оканчивается Никифоромъ Вотоніатомъ, царствовавшимъ отъ 1078 до 1080 года по Р. Х. Эта сокращенная лѣтопись Манассіи издана въ Парижѣ въ числѣ Византійскихъ писателей въ 1688 году, на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ. На первой картинѣ Ватиканской рукописи сдѣлана слѣдующая надпись неизвѣстною рукою сверху: «Цвѣтъ хроникъ,» и внизу: «цвѣтъ всѣхъ лѣтописей на Русскомъ, или Иллирическомъ языкѣ: оба суть одинъ и тотъ-же языкъ.» На оборотѣ перваго листа: «эта книга называется цвѣтомъ всѣхъ лѣтописей.» Надъ главою Спасителя: «Іисусъ Христосъ.» Внизу изображенія царя: «Іоаннъ Александръ Македонянинъ, по просьбѣ котораго эта книга переведена съ Греческаго на Словенскій языкъ* (3). *Надъ главою*



третьяго изображенія: «Іоаннъ Креститель.» На второмъ листѣ: «о смерти вышесказаннаго Александра.» Такъ объяснилъ изображенія неизвѣстный толкователь. Мы теперь опишемъ подробно каждую картину и проч.» Тутъ Ассемани описываетъ всѣ изображенія, находящіяся при лѣтописи, но мы приведемъ только тѣ, которыя могутъ служить къ опредѣленію нашей рукописи. *«И такъ на оборотѣ перваго листа,* (продолжаетъ ученый Ассемани), *встрѣчаются три изображенія; на срединѣ (Словенскими буквами, равно какъ и внизу): «Іоаннъ Александръ,» держащій въ правой рукѣ патріаршій крестъ, съ императорскою короною на головѣ, надъ которою представленъ ангелъ, спускающійся съ небесъ и возлагающій вѣнецъ на голову Александра и надпись: «Ангелъ Господень.» По правую сторону Іисусъ Христосъ съ главою, озаренною лучами, вписываетъ въ книгу слѣдующія слова: «Іисусъ Христосъ Царь царей и Царь вѣчный;» по лѣвую Константинъ Манассія, также съ лучезарною главою пишетъ на книгѣ: «лѣтописецъ Манассія.» Вверху страницы: «Іоаннъ Александръ во Христѣ Богѣ, вѣрный царь и монархъ всѣхъ Болгаръ и Грековъ (4).» Листъ 2-й: Іоаннъ Асенъ, сынъ царя Александра, мертвый и лежащій на одрѣ; у ногъ ангелъ, по сторонамъ царь и царица, его родители. Надъ головою представлены архіепископъ, епископъ, пресвитеры и діаконы, отпѣвающіе умершаго; выше ихъ помѣщенъ ангелъ возносящійся къ небесамъ съ душою усопшаго.*

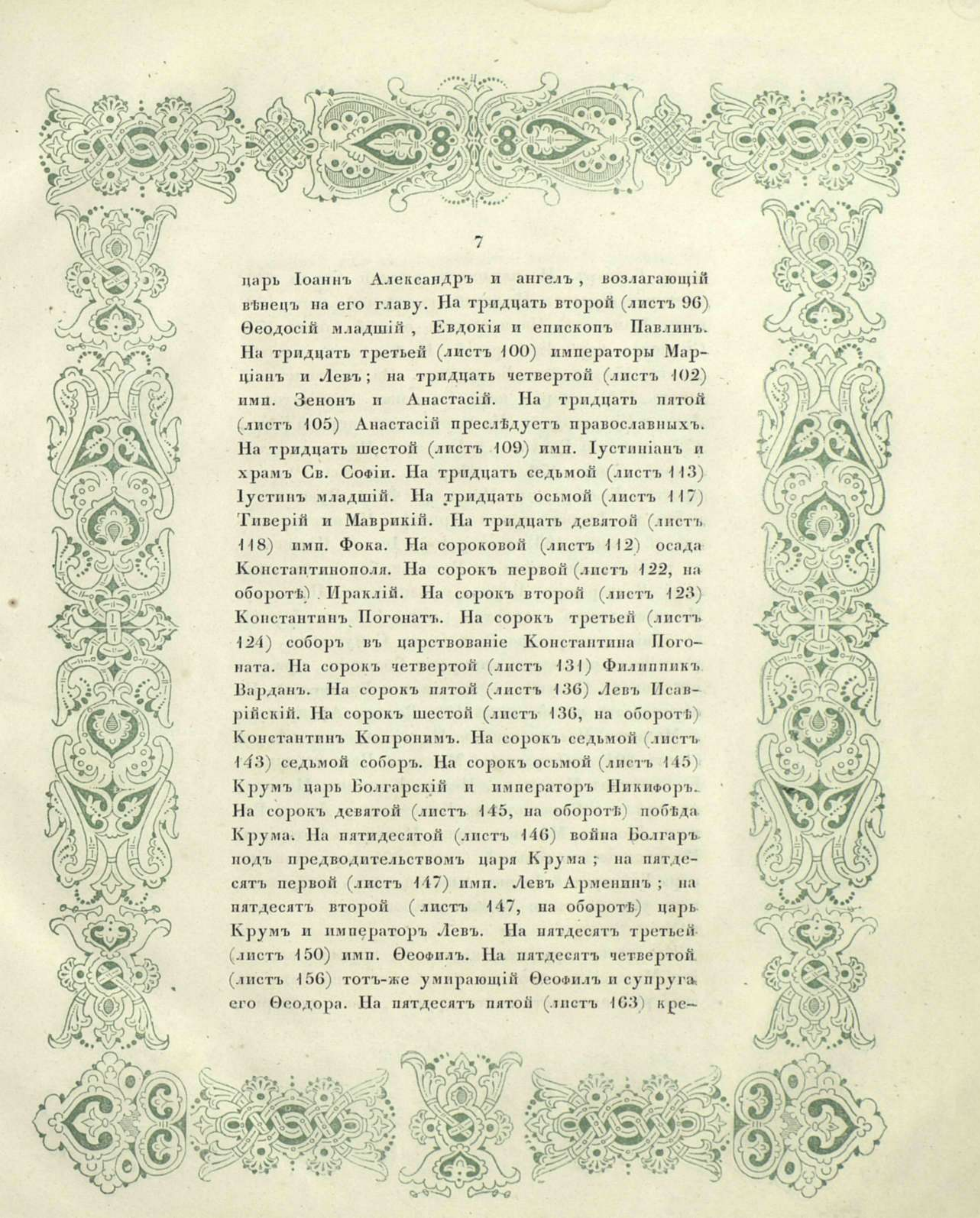


На оборотѣ сего-же листа: Спаситель, сидящій на престолѣ, милостиво принимаетъ Іоанна Асена, перенесеннаго на небеса и окруженнаго Святыми; Іисусъ Христосъ подаетъ руку Асену и проч. Листъ 205. Іоаннъ Александръ, царь Болгарскій и сыновья его: по правую сторону Іоаннъ Асенъ, принятый подъ покровительство ангела; по лѣвую Іоаннъ Страшиміръ и Михаилъ. Надъ ихъ головами изображенъ Спаситель съ распростертыми руками, какъ верховный покровитель всего ихъ семейства. Надписи: «Іоаннъ Александръ, царь. - Іоаннъ Асенъ, царь. — Ангелъ Господенъ.—Іоаннъ Страшиміръ, царь. Михаилъ, царь.» Слѣдовательно изъ этихъ рисованныхъ изображеній открывается: первое, *что эта Словенская рукопись, принадлежащая Ватиканской библіотекѣ, писана около 1350 года, то-есть, при жизни Іоанна Александра, царя Болгарскаго,* второе, *что Александръ сынъ Страшиміра, который царствовалъ послѣ Михаила Болгара, (1330 года), принялъ названіе Іоанна, потому что производилъ родъ свой отъ Іоанна Асена, который, подъ покровительствомъ папы Иннокентія III, назывался царемъ Болгаровъ и Влаховъ, и* третіе, *что тотъ-же Іоаннъ Александръ имѣлъ только трехъ сыновей: Іоанна Асена, умершаго въ юношескихъ лѣтахъ, Іоанна Страшиміра и Михаила.* «Все это выписано изъ Ассемани. Нужно еще прибавить нѣсколько словъ о важности рисунковъ въ отношеніи историческомъ и о самомъ переводѣ. Изображенія хотя грубо сдѣланы и весьма

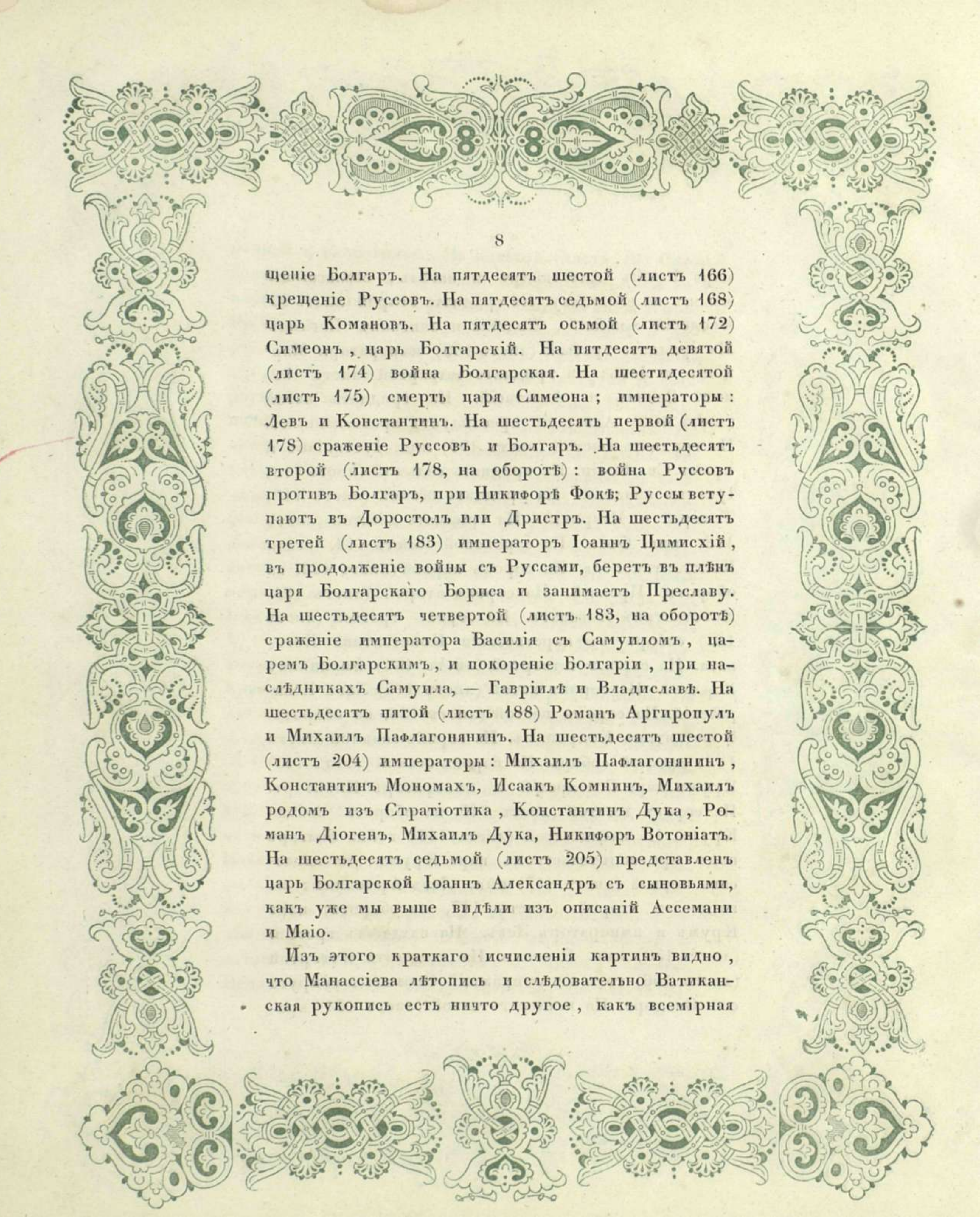
пострадали отъ времени, но тѣмъ не менѣе замѣчательны потому, что представляютъ нравы и обычаи XIV вѣка, одежду, вооруженіе Болгаръ, Грековъ, Татаръ и Руссовъ и вообще домашній бытъ этихъ народовъ и образъ ихъ войны. Что касается до перевода, то должно замѣтить, что это языкъ Словено-Сербскій, которымъ говорятъ Сербы въ своемъ отечествѣ; онъ употребляется въ рукописныхъ лѣтописяхъ Дунайскихъ Словенъ и въ церковныхъ книгахъ Сербовъ и Болгаръ, которыя не древнѣе XIII вѣка и проч.» (5).

Такъ описана наша лѣтопись кардиналомъ Маіо, или лучше сказать М. Бобровскимъ, профессоромъ Виленскаго университета, который, въ бытность свою въ Римѣ, по просьбѣ Маіо, пересмотрѣлъ всѣ Словенскія рукописи, хранящіяся въ Ватиканской и въ другихъ Римскихъ библіотекахъ и сдѣлалъ имъ краткое описаніе (6). Къ этому мы прибавимъ исчисленіе всѣхъ картинъ, украшающихъ Болгарскую хронику, выпущенное въ Scriptorum veterum nova collectio, etc. Мы не будемъ описывать картину первую, находящуюся на оборотѣ перваго листа, равно также и вторую, украшающую второй листъ потому, что обѣ выше объяснены у Маіо. Третія, на листѣ 7-мъ, представляетъ сотвореніе перваго человѣка. На четвертой (листъ 10) Ева подаетъ яблоко Адаму. На пятой (листъ 11) ангелъ изгоняетъ изъ рая Адама и Еву. На шестой (листъ 13) изображенъ Ной съ семействомъ и ковчегомъ. На седьмой (листъ 14) столпотвореніе Вавилонское и смѣшеніе языковъ. На осьмой (листъ 18) Белъ, Семи-

рамида и Сезострисъ. На девятой (листъ 19) Сарданапалъ, царь Ассирійской. На десятой (листъ 24) цари: Навуходоноссоръ, Валтасаръ, Дарій и Киръ. На одиннадцатой (листъ 27) Камбизъ, Гигій и Дарій. На двѣнадцатой (листъ 28) Александръ великій и Птоломей. На тринадцатой (листъ 28 на оборотѣ) Клеопатра, Птоломей Филадельфъ. На четырнадцатой (листъ 32) Моисей, Іосифъ Навинъ. На пятнадцатой (листъ 40) Александръ и Елена. На шестнадцатой (листъ 41) война Троянская. На семнадцатой (листъ 62) Парисъ и Елена. На осьмнадцатой (листъ 62 на оборотѣ) разрушеніе Трои. На девятнадцатой (листъ 66) Ромулъ и Ремъ. На двадцатой (листъ 67) построеніе Рима. На двадцать первой (листъ 75) Іисусъ Христосъ, Св. Дѣва, Св. Іоаннъ и Пилатъ. На двадцать второй (листъ 76) Кесарь Тиверій, Іисусъ Христосъ и Марія Магдалина. На двадцать третьей (листъ 80) императоры: Клавдій, Гальба, Неронъ, Титъ, Домиціанъ. На двадцать четвертой (листъ 82) императоры: Траянъ, Адріанъ, Антонинъ, Маркъ Антонинъ. На двадцать пятой (листъ 83) императоры: Коммодъ, Пертинаксъ, Іуліанъ. На двадцать шестой (листъ 84) императоры: Северъ, Антонинъ, Каракалла. На двадцать седьмой (листъ 85) императоры: Діоклетіанъ, Максиміанъ. На двадцать осьмой (листъ 85 на оборотѣ) императоръ Константинъ. На двадцать девятой (листъ 89) императоры: Іуліанъ, Іовіанъ, Граціанъ, Валентиніанъ, Валентъ, Өеодосій. На тридцатой (листъ 90) императоры: Аркадій, Гонорій, Өеодосій младшій. На тридцать первой (листъ 91)

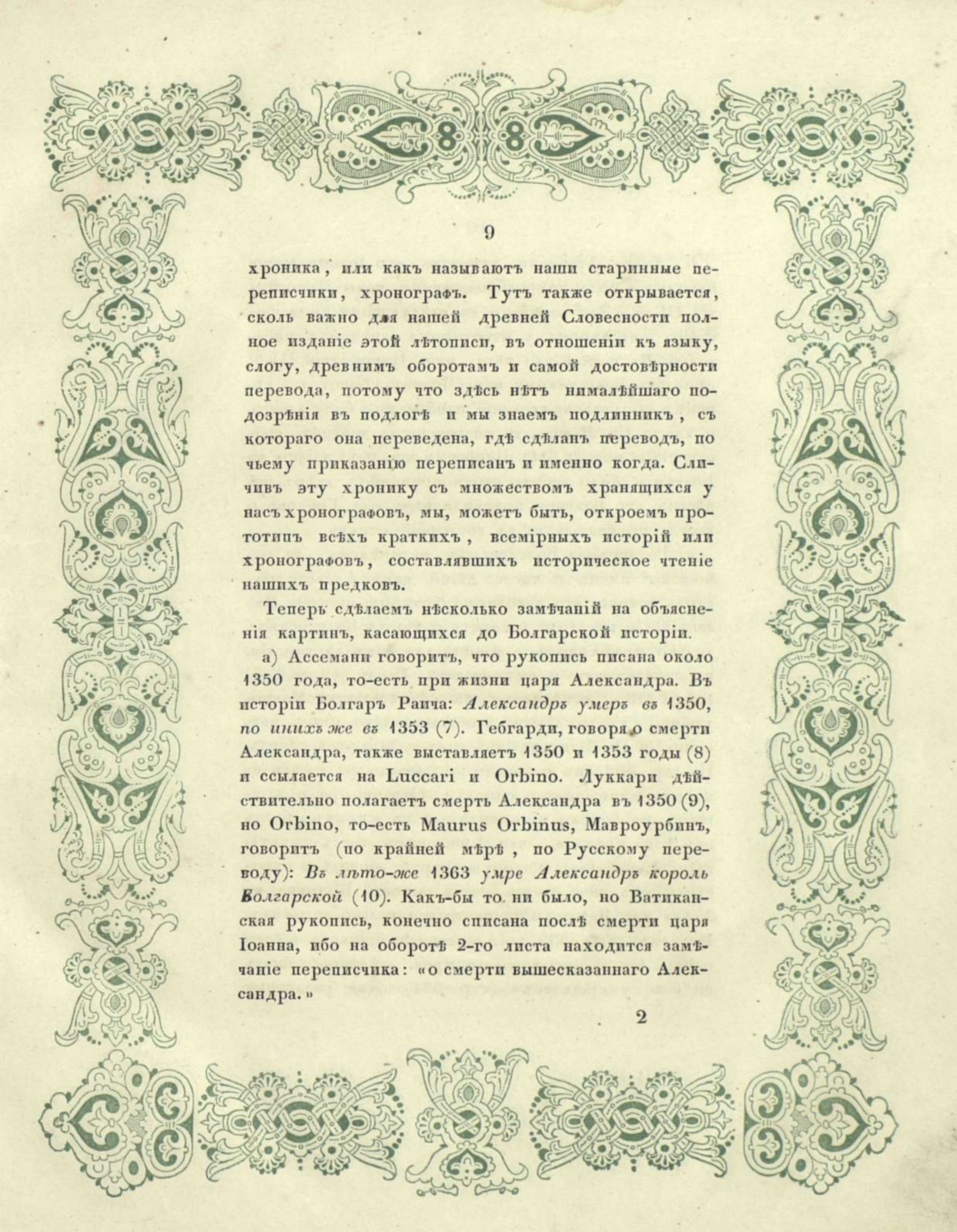


царь Іоаннъ Александръ и ангелъ, возлагающій вѣнецъ на его главу. На тридцать второй (листъ 96) Θеодосій младшій, Евдокія и епископъ Павлинъ. На тридцать третьей (листъ 100) императоры Марціанъ и Левъ; на тридцать четвертой (листъ 102) имп. Зенонъ и Анастасій. На тридцать пятой (листъ 105) Анастасій преслѣдуетъ православныхъ. На тридцать шестой (листъ 109) имп. Іустиніанъ и храмъ Св. Софіи. На тридцать седьмой (листъ 113) Іустинъ младшій. На тридцать осьмой (листъ 117) Тиверій и Маврикій. На тридцать девятой (листъ 118) имп. Фока. На сороковой (листъ 112) осада Константинополя. На сорокъ первой (листъ 122, на оборотѣ) Ираклій. На сорокъ второй (листъ 123) Константинъ Погонатъ. На сорокъ третьей (листъ 124) соборъ въ царствованіе Константина Погоната. На сорокъ четвертой (листъ 131) Филиппикъ Варданъ. На сорокъ пятой (листъ 136) Левъ Исаврійскій. На сорокъ шестой (листъ 136, на оборотѣ) Константинъ Копронимъ. На сорокъ седьмой (листъ 143) седьмой соборъ. На сорокъ осьмой (листъ 145) Крумъ царь Болгарскій и императоръ Никифоръ. На сорокъ девятой (листъ 145, на оборотѣ) побѣда Крума. На пятидесятой (листъ 146) война Болгаръ подъ предводительствомъ царя Крума; на пятдесятъ первой (листъ 147) имп. Левъ Арменинъ; на пятдесятъ второй (листъ 147, на оборотѣ) царь Крумъ и императоръ Левъ. На пятдесятъ третьей (листъ 150) имп. Θеофилъ. На пятдесятъ четвертой (листъ 156) тотъ-же умирающій Θеофилъ и супруга его Θеодора. На пятдесятъ пятой (листъ 163) кре-



щеніе Болгаръ. На пятдесятъ шестой (листъ 166) крещеніе Руссовъ. На пятдесятъ седьмой (листъ 168) царь Командовъ. На пятдесятъ осьмой (листъ 172) Симеонъ, царь Болгарскій. На пятдесятъ девятой (листъ 174) война Болгарская. На шестидесятой (листъ 175) смерть царя Симеона; императоры: Левъ и Константинъ. На шестьдесятъ первой (листъ 178) сраженіе Руссовъ и Болгаръ. На шестьдесятъ второй (листъ 178, на оборотѣ): война Руссовъ противъ Болгаръ, при Никифорѣ Фокѣ; Руссы вступаютъ въ Доростолъ или Дристръ. На шестьдесятъ третей (листъ 183) императоръ Іоаннъ Цимисхій, въ продолженіе войны съ Руссами, беретъ въ плѣнъ царя Болгарскаго Бориса и занимаетъ Преславу. На шестьдесятъ четвертой (листъ 183, на оборотѣ) сраженіе императора Василія съ Самуиломъ, царемъ Болгарскимъ, и покореніе Болгаріи, при наслѣдникахъ Самуила, — Гавріилѣ и Владиславѣ. На шестьдесятъ пятой (листъ 188) Романъ Аргиропулъ и Михаилъ Пафлагонянинъ. На шестьдесятъ шестой (листъ 204) императоры: Михаилъ Пафлагонянинъ, Константинъ Мономахъ, Исаакъ Комнинъ, Михаилъ родомъ изъ Стратіотика, Константинъ Дука, Романъ Діогенъ, Михаилъ Дука, Никифоръ Вотоніатъ. На шестьдесятъ седьмой (листъ 205) представленъ царь Болгарской Іоаннъ Александръ съ сыновьями, какъ уже мы выше видѣли изъ описаній Ассемани и Маіо.

Изъ этого краткаго исчисленія картинъ видно, что Манассіева лѣтопись и слѣдовательно Ватиканская рукопись есть ничто другое, какъ всемірная

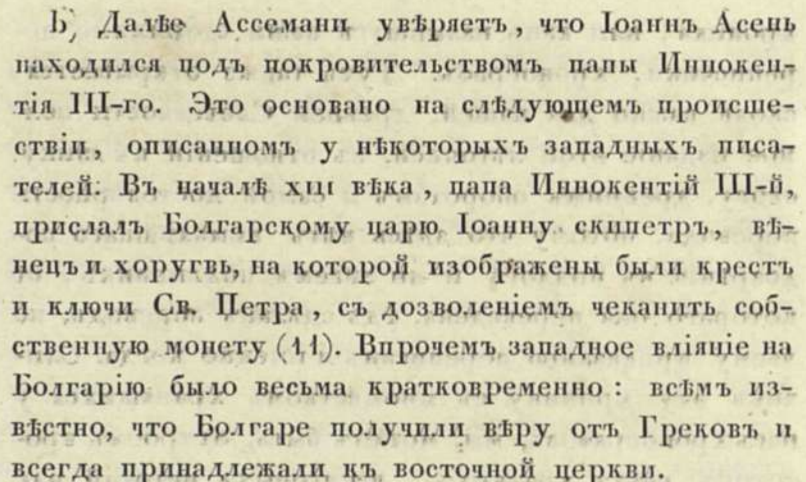


хроника, или какъ называютъ наши старинные переписчики, хронографъ. Тутъ также открывается, сколь важно для нашей древней Словесности полное изданіе этой лѣтописи, въ отношеніи къ языку, слогу, древнимъ оборотамъ и самой достовѣрности перевода, потому что здѣсь нѣтъ нималѣйшаго подозрѣнія въ подлогѣ и мы знаемъ подлинникъ, съ котораго она переведена, гдѣ сдѣланъ переводъ, по чьему приказанію переписанъ и именно когда. Сличивъ эту хронику съ множествомъ хранящихся у насъ хронографовъ, мы, можетъ быть, откроемъ прототипъ всѣхъ краткихъ, всемірныхъ исторій или хронографовъ, составлявшихъ историческое чтеніе нашихъ предковъ.

Теперь сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній на объясненія картинъ, касающихся до Болгарской исторіи.

а) Ассемани говоритъ, что рукопись писана около 1350 года, то-есть при жизни царя Александра. Въ исторіи Болгаръ Раича: *Александръ умеръ въ* 1350, *по иныхъ же въ* 1353 (7). Гебгарди, говоря о смерти Александра, также выставляетъ 1350 и 1353 годы (8) и ссылается на Luccari и Orbino. Луккари дѣйствительно полагаетъ смерть Александра въ 1350 (9), но Orbino, то-есть Maurus Orbinus, Мавроурбинъ, говоритъ (по крайней мѣрѣ, по Русскому переводу): *Въ лѣто-же* 1363 *умре Александръ король Болгарской* (10). Какъ-бы то ни было, но Ватиканская рукопись, конечно списана послѣ смерти царя Іоанна, ибо на оборотѣ 2-го листа находится замѣчаніе переписчика: «о смерти вышесказаннаго Александра.»

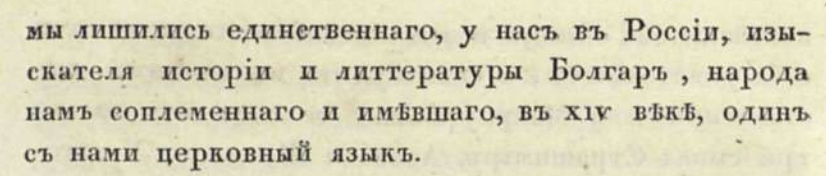
2



b) Далѣе Ассемани увѣряетъ, что Іоаннъ Асень находился подъ покровительствомъ папы Иннокентія III-го. Это основано на слѣдующемъ происшествіи, описанномъ у нѣкоторыхъ западныхъ писателей. Въ началѣ XIII вѣка, папа Иннокентій III-й, прислалъ Болгарскому царю Іоанну скипетръ, вѣнецъ и хоругвь, на которой изображены были крестъ и ключи Св. Петра, съ дозволеніемъ чеканить собственную монету (11). Впрочемъ западное вліяніе на Болгарію было весьма кратковременно: всѣмъ извѣстно, что Болгаре получили вѣру отъ Грековъ и всегда принадлежали къ восточной церкви.

c) Разногласія Болгарскихъ историковъ, въ отношеніи именъ и числа дѣтей царя Александра, столь велики, что невозможно открыть истины. Византійскіе писатели говорятъ о дѣлахъ Болгарскихъ только мимоходомъ, а имена, для нихъ варварскія, переиначиваютъ и смѣшиваютъ. Раичъ (12) и Гебгарди (13), основываясь на свидѣтельствѣ Мавро-урбино, утверждаютъ, что Александръ имѣлъ пять сыновей. Но Мавроурбинъ самъ себѣ противорѣчитъ. На стр. 332 онъ говоритъ: «Александръ имѣлъ съ первою женою *двухъ* сыновъ: Страшимира и другаго; но понеже мать жила злѣ съ мужемъ, бысть отъ того причина, что Александръ взялъ другую вѣры Еврейскія, которую первѣе повелѣлъ окрестить, съ нею имѣлъ *двухъ* сыновей Шизмана и Асѣня или Ясѣня.» Слѣдовательно только четырехъ. Но далѣе (стр. 333): «Александръ оставилъ *трехъ* сыновъ отъ вторыя жены» и проч. «Асѣнь-же бысть на бою умерщвленъ» (стр. 334). Два различныя

показанія объ одномъ и томъ-же обстоятельствѣ сами себя уничтожаютъ, а если судить по именамъ, выставленнымъ у Мавроурбина, то выходитъ только три сына: Страшиміръ, Асень и Шисманъ. У лѣтописца Болгарскаго тоже изображены только три: Іоаннъ-Асень, Іоаннъ-Страшиміръ и Михаилъ. Можетъ быть, сей послѣдній также имѣлъ два имени Шишманъ-Михаилъ, то-есть одно Словенское, другое Греческое, какъ братья его и подобно нашимъ Русскимъ князьямъ. Позднѣйшимъ писателямъ каковы Мавроурбинъ, Луккари и проч. не льзя вѣрить, потому что, не открывъ новыхъ источниковъ, они основываются на тѣхъ-же Византійцахъ, которые, какъ мы уже замѣтили, не объявляютъ ничего положительнаго о именахъ и числѣ дѣтей царя Болгарскаго. Изъ Греческихъ писателей видно только, что Михаилъ-Асень умеръ въ молодости; тоже подтверждаетъ и Болгарская хроника, называя его Іоаннъ-Асень. Во всякомъ случаѣ, скорѣе можно положиться на свидѣтельство отечественнаго лѣтописца, чѣмъ на позднѣйшихъ собирателей извѣстій о Болгаріи, какъ замѣчаетъ и ученый Ассемани. Въ *l'art de vérifier les dates etc.* (*Paris.* 1770, p. 387) говорится только о двухъ сынахъ Александра, которые пережили отца, и именно Страшиміръ и Шишманъ. Болгарской отдѣльной исторіи мы еще не имѣемъ. Сокращеніе Раича составляетъ часть его исторіи западныхъ Словенъ, а краткая Geschichte des Reichs Bulgarien, соч. Гебгарди есть 56-й томъ его Allgemeine Weltgeschichte (Brunn, 1788). Вмѣстѣ съ смертію нашего сочлена Ю. И. Венелина



мы лишились единственнаго, у насъ въ Россіи, изыскателя исторіи и литтературы Болгаръ, народа намъ соплеменнаго и имѣвшаго, въ XIV вѣкѣ, одинъ съ нами церковный языкъ.

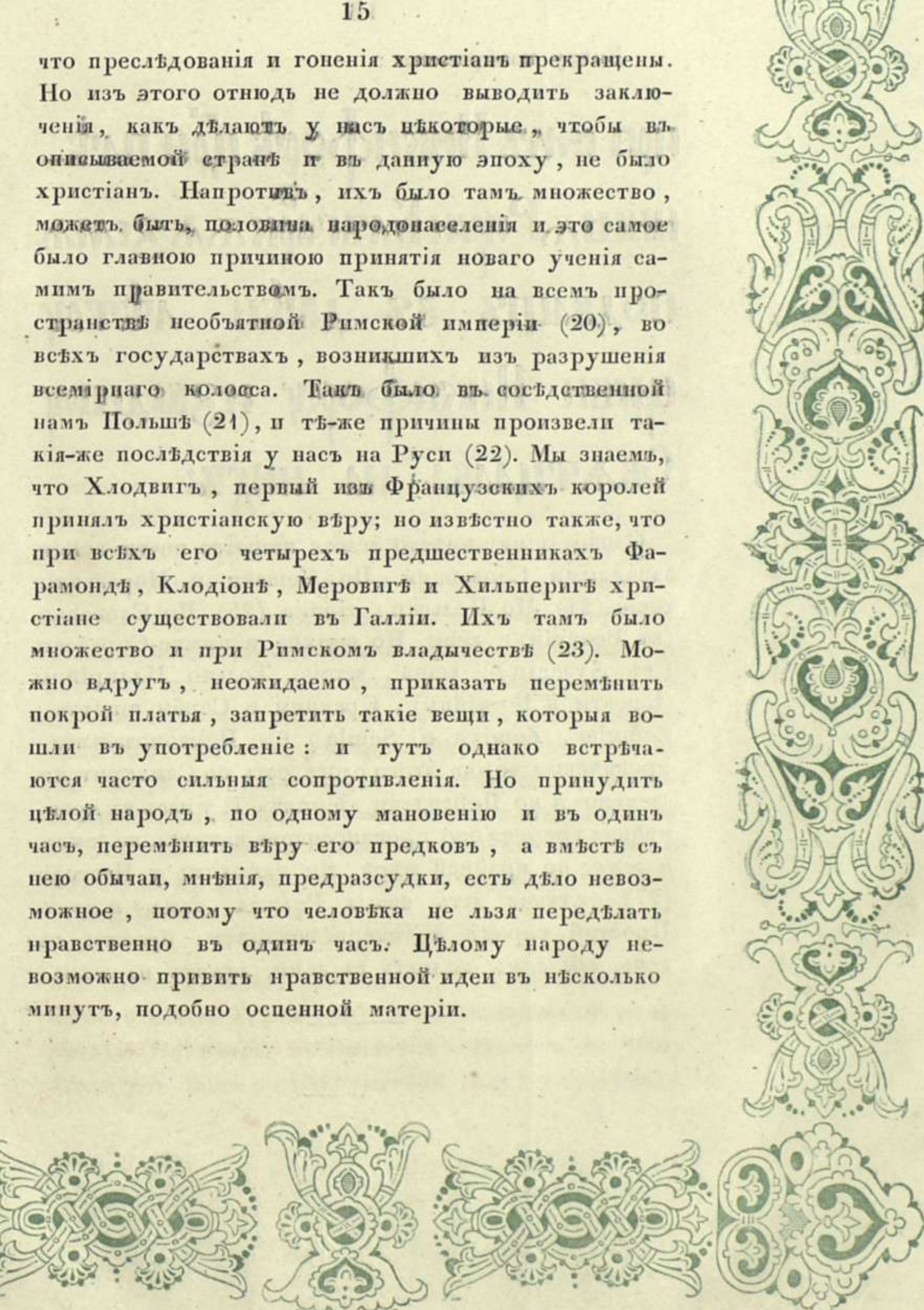
d) Что касается до титла государя Болгарскаго: «Царь и Самодержецъ всѣхъ Болгаръ и Грековъ,» то въ это-же время, въ 1346 году, Сербскій король называлъ себя: Bulgariæ, Bosniæ atque Albaniæ Imperator. Венгерскій король и Греческій императоръ также величались титлами царей Болгарскихъ: этого послѣдняго султанъ Египетскій называетъ (въ 1346), не только царемъ Болгаръ, но даже и Руссовъ: Rex Græcorum, Rex Bulgarorum, Asaniorum, Blachorum, Rhossorum et Alanorum. Царя Болгарскаго называли и Caganus, см. Annal. Fuld. ad ann. 864. Нашего В. К. Владиміра величаютъ также «каганомъ» въ харатейной рукописи, хранящейся у Московскаго купца Лаптева. Можетъ быть, это титло было общее многимъ Словенскимъ владѣтелямъ.

Изъ всѣхъ картинъ Ватиканскаго списка только четыре относятся собственно къ нашей исторіи. На этихъ изображеніяхъ читаемъ слѣдующія надписи. На первомъ: крщение Роусомъ; на второмъ: Рускы плѣнъ еже на Блгары; на третьемъ: плѣнъ Рускы и внизу: идꙋтъ къ Дръстрꙋ; на четвертомъ: Цимисхии црь прѣꙗтъ Прѣславъ. Послѣднія три, какъ эпизоды войны Святослава противъ Болгаръ и Грековъ, объясняются разсказомъ самаго происшествія. Здѣсь помѣстимъ описаніе перваго рисунка. На

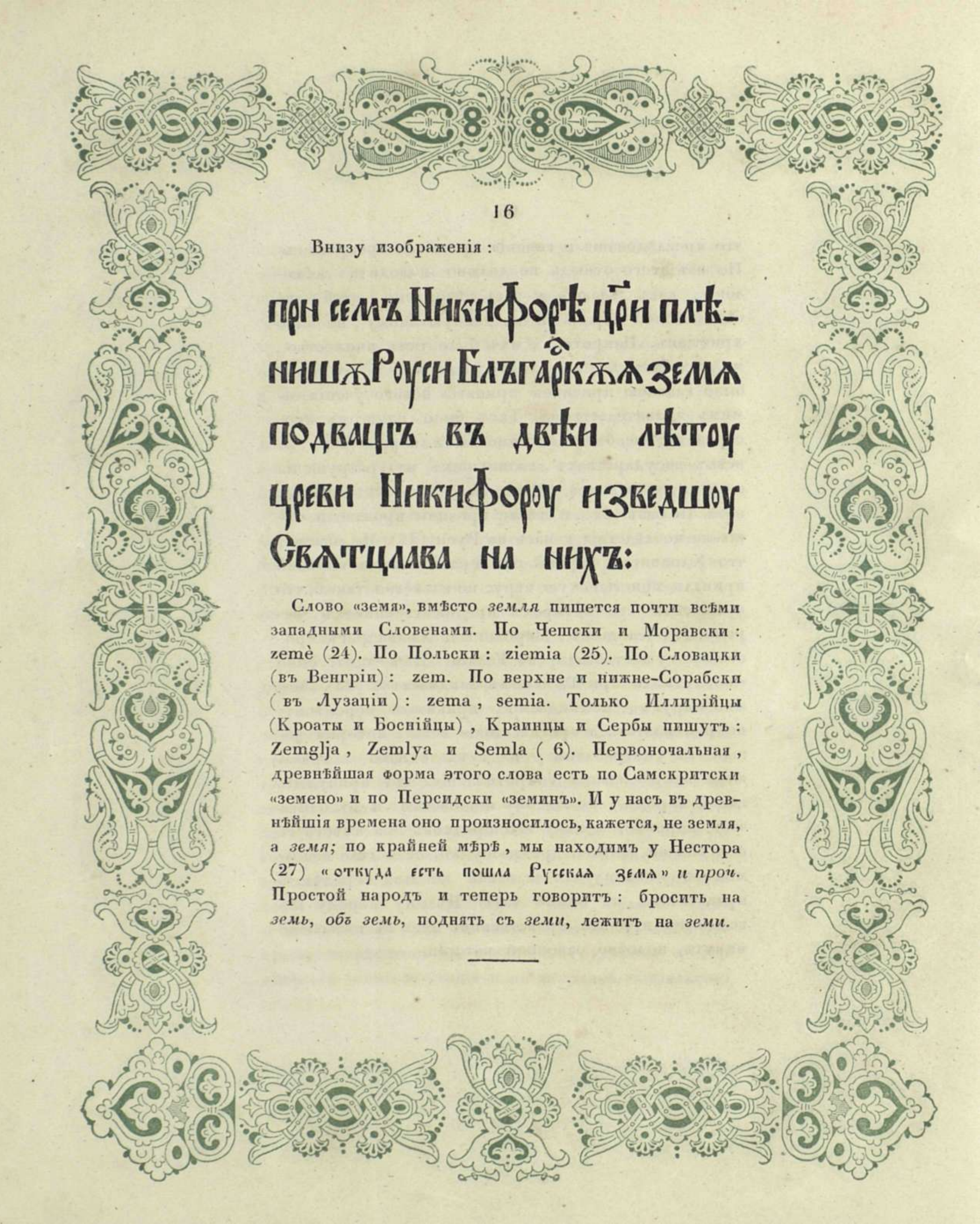
немъ представлено, какъ мы уже сказали, крещеніе Руссовъ. По правую сторону изображенъ епископъ и церковный причтъ, стоящіе на берегу ручья, который течетъ между горъ; по лѣвую Руссы, изъ коихъ одинъ находится по поясъ въ водѣ и внимательно слушаетъ молитвы, читаемыя епископомъ. Другой Руссъ сидитъ, уже раздѣтый, на горѣ, и, кажется, ожидаетъ своей очереди; еще два присутствуютъ тутъ, какъ зрители. Замѣтимъ, что мѣстность, сколь ни грубо изображеніе, имѣетъ нѣкоторое сходство съ Кіевскими окрестностями. Рѣка, текущая внизу покатостей, узкій проходъ между горъ по скату къ рѣкѣ, возвышенія, представленныя по одной сторонѣ Днѣпра, все это, можетъ быть, изображено очевидцемъ.

Мы уже видѣли (стр. 9 и 10), что картины, украшающія лѣтопись, расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Крещеніе Руссовъ изображено послѣ крещенія Болгаръ (14) и прежде войны, начавшейся въ царствованіе Симеона въ 889 (15); слѣдовательно лѣтописецъ Болгарскій относитъ крещеніе Руссовъ къ промежутку 36 лѣтъ, между 853 и 889 годами. Это совершенно сходно съ извѣстіями Византійцевъ, которые описываютъ первоначальное введеніе христіанства, въ нашемъ отечествѣ, въ царствованіе им. Михаила (16) и говорятъ о заключеніи договора и отправленіи архіепископа къ Руссамъ, въ 871 году, въ царствованіе императора Василія (17). Патріархъ Цареградскій Фотій тоже пишетъ въ своемъ окружномъ письмѣ (18). Наши отечественныя лѣтописи и житія святыхъ свидѣтельствуютъ, не только о мно-

гихъ Русскихъ христіанахъ до временъ Владиміра, но говорятъ о христіанскихъ храмахъ, въ Кіевѣ построенныхъ, изъ которыхъ церковь Св. Иліи была соборною (19). Конечно великій князь и большая часть народа оставались еще идолопоклонниками. Но не такъ-ли было и вездѣ? или лучше сказать иначе и быть не могло. Введеніе и распространеніе христіанской вѣры должно быть весьма извѣстно каждому, кто читалъ внимательно исторію первыхъ вѣковъ нашей эры. Божественное слово распространялось не насильственно и не вдругъ. Оно скрывалось въ тѣни лѣсовъ, въ глубинѣ пещеръ, во мракѣ катакомбъ. Его воспринималъ каждый, единственно, по собственному убѣжденію и въ награду ожидалъ преслѣдованія, истязанія и самую смерть. Вотъ отъ чего проходили десятки и сотни лѣтъ, пока христіанская вѣра совершенно укоренялась въ каждой странѣ отдѣльно. Сначала правительство ее преслѣдовало и старалось истребить всѣми зависящими отъ него средствами, потому что не постигало божественности святаго писанія. Когда-же правители народные удостовѣрялись, на самомъ опытѣ, въ невозможности искоренить христіанство и видѣли себя окруженными христіанами въ собственныхъ чертогахъ, то наконецъ принимали новую вѣру, и тогда только, большею частію, исторія записывала это важное происшествіе. Когда мы находимъ, что такой-то народъ, въ извѣстное время, принялъ христіанскую вѣру, то это значитъ не болѣе, какъ открытое и рѣшительное принятіе государемъ и его дворомъ новаго ученія и всенародное объявленіе,



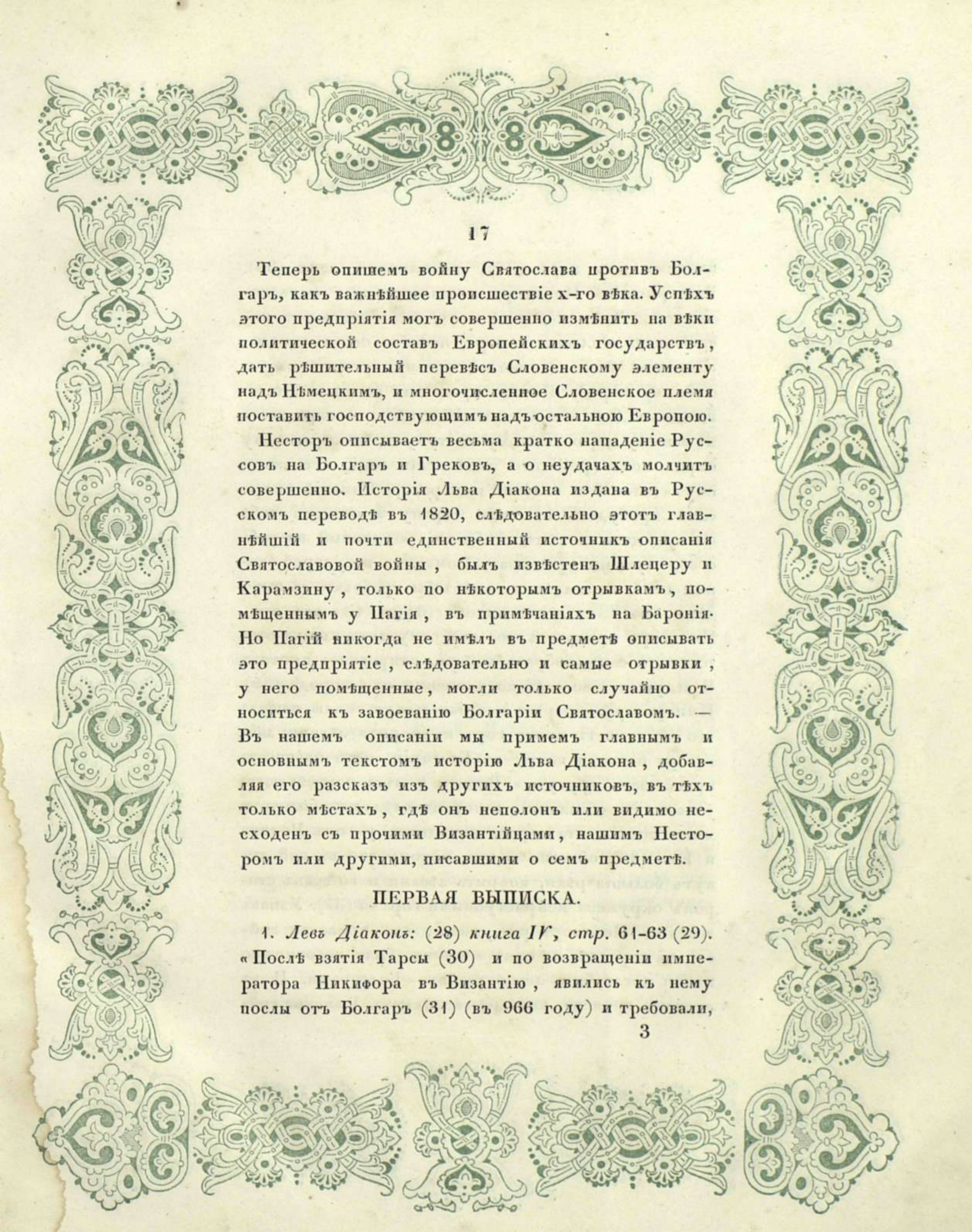
что преслѣдованія и гоненія христіанъ прекращены. Но изъ этого отнюдь не должно выводить заключенія, какъ дѣлаютъ у насъ нѣкоторые, чтобы въ описываемой странѣ и въ данную эпоху, не было христіанъ. Напротивъ, ихъ было тамъ множество, можетъ быть, половина народонаселенія и это самое было главною причиною принятія новаго ученія самимъ правительствомъ. Такъ было на всемъ пространствѣ необъятной Римской имперіи (20), во всѣхъ государствахъ, возникшихъ изъ разрушенія всемірнаго колосса. Такъ было въ сосѣдственной намъ Польшѣ (21), и тѣ-же причины произвели такія-же послѣдствія у насъ на Руси (22). Мы знаемъ, что Хлодвигъ, первый изъ Французскихъ королей принялъ христіанскую вѣру; но извѣстно также, что при всѣхъ его четырехъ предшественникахъ Фарамондѣ, Клодіонѣ, Меровигѣ и Хильперигѣ христіане существовали въ Галліи. Ихъ тамъ было множество и при Римскомъ владычествѣ (23). Можно вдругъ, неожидаемо, приказать перемѣнить покрой платья, запретить такіе вещи, которыя вошли въ употребленіе: и тутъ однако встрѣчаются часто сильныя сопротивленія. Но принудить цѣлой народъ, по одному мановенію и въ одинъ часъ, перемѣнить вѣру его предковъ, а вмѣстѣ съ нею обычаи, мнѣнія, предразсудки, есть дѣло невозможное, потому что человѣка не льзя передѣлать нравственно въ одинъ часъ. Цѣлому народу невозможно привить нравственной идеи въ нѣсколько минутъ, подобно оспенной матеріи.



Внизу изображенія :

при семъ Никифорѣ цр҃и плѣ-нишѧ Роуси Блъгарскѫѭ землѧ подвацѣ въ двѣи лѣтоу цреви Никифороу изведшоу Свѧтслава на нихъ:

Слово «земя», вмѣсто *земля* пишется почти всѣми западными Словенами. По Чешски и Моравски : zemè (24). По Польски : ziemia (25). По Словацки (въ Венгріи) : zem. По верхне и нижне-Сорабски (въ Лузаціи) : zema , semia. Только Иллирійцы (Кроаты и Боснійцы) , Краинцы и Сербы пишутъ : Zemglja , Zemlya и Semla (6). Первоначальная , древнѣйшая форма этого слова есть по Самскритски «земено» и по Персидски «земинъ». И у насъ въ древнѣйшія времена оно произносилось, кажется, не земля, а *земя;* по крайней мѣрѣ , мы находимъ у Нестора (27) « откуда есть пошла Русская земѧ » *и проч.* Простой народъ и теперь говоритъ : бросить на *земь*, *объ земь*, поднять съ *земи*, лежитъ на *земи*.



Теперь опишемъ войну Святослава противъ Болгаръ, какъ важнѣйшее происшествіе x-го вѣка. Успѣхъ этого предпріятія могъ совершенно измѣнить на вѣки политической составъ Европейскихъ государствъ, дать рѣшительный перевѣсъ Словенскому элементу надъ Нѣмецкимъ, и многочисленное Словенское племя поставить господствующимъ надъ остальною Европою.

Несторъ описываетъ весьма кратко нападеніе Руссовъ на Болгаръ и Грековъ, а о неудачахъ молчитъ совершенно. Исторія Льва Діакона издана въ Русскомъ переводѣ въ 1820, слѣдовательно этотъ главнѣйшій и почти единственный источникъ описанія Святославовой войны, былъ извѣстенъ Шлецеру и Карамзину, только по нѣкоторымъ отрывкамъ, помѣщеннымъ у Пагія, въ примѣчаніяхъ на Баронія. Но Пагій никогда не имѣлъ въ предметѣ описывать это предпріятіе, слѣдовательно и самые отрывки, у него помѣщенные, могли только случайно относиться къ завоеванію Болгаріи Святославомъ. — Въ нашемъ описаніи мы примемъ главнымъ и основнымъ текстомъ исторію Льва Діакона, добавляя его разсказъ изъ другихъ источниковъ, въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ онъ неполонъ или видимо несходенъ съ прочими Византійцами, нашимъ Несторомъ или другими, писавшими о семъ предметѣ.

ПЕРВАЯ ВЫПИСКА.

1. *Левъ Діаконъ:* (28) *книга IV, стр.* 61-63 (29). « Послѣ взятія Тарсы (30) и по возвращеніи императора Никифора въ Византію, явились къ нему послы отъ Болгаръ (31) (въ 966 году) и требовали,

именемъ ихъ царя (32), положенной дани (33). Разсерженный Никифоръ сказалъ тогда : *какъ несчастны Римляне, если они , побѣдивъ всѣхъ непріятелей, должны теперь, подобно невольникамъ, платить дань Скиѳамъ, этому презрѣнному и бѣдному народу.* Потомъ приказалъ пословъ бить по щекамъ и далъ имъ слѣдующій отвѣтъ: «возвратитесь къ вашему царю, одѣтому въ тулупъ, пожирающему сырыя кожи (pellivoro mastrucato regi) и скажите ему: «великій и сильный императоръ Римскій скоро самъ прибудетъ въ твою страну и отдастъ тебѣ полную дань съ тѣмъ, чтобы ты, рожденный въ рабствѣ, научился признавать Римскихъ государей своими повелителями и не смѣлъ-бы требовать съ нихъ дани , какъ съ невольниковъ (34). » Сказавъ это , Никифоръ приказалъ пословъ отпустить въ ихъ отечество; а самъ, собравъ войско, отправился противъ Болгаръ и завоевалъ пограничные ихъ города (35). Императоръ, обозрѣвъ непріятельскую землю, нашелъ что она имѣетъ много горъ и покрыта лѣсами; ибо, говоря словами поэта: въ Болгаріи «одна опасность превышаетъ другую. » Высоты и лѣса пересѣкаются утесами и обвалами , а потомъ слѣдуютъ болота и мѣста топкія; эта страна находится у горъ Родопа и Ема (36), обильна водою, потому что въ ней текутъ большія рѣки, покрыта лѣсами и со всѣхъ сторонъ окружена неприступными горами (37). Узнавъ все это, Никифоръ разсудилъ , что провести войско въ порядкѣ, по симъ мѣстамъ, было невозможно и оно могло быть легко разбито Болгарами. И въ прежнія времена, какъ разсказываютъ, Римское вой-

ско, въ тѣснинахъ Болгаріи, часто претерпѣвало совершенное пораженіе. Никифоръ, рѣшась не подвергать своихъ воиновъ опасностямъ, въ этихъ непроходимыхъ и сомнительныхъ мѣстахъ, возвратился съ войскомъ въ Византію. Здѣсь пожаловалъ онъ дерзскаго и хитраго Калокира патриціемъ и послалъ его къ Таврoскиѳамъ, которыхъ мы обыкновенно (38) называемъ Руссами, съ тѣмъ чтобы роздалъ имъ пятнадцать кентинарій золота (39) и привелъ-бы Руссовъ въ Болгарію для завоеванія этой страны. Колокиръ, въ слѣдствіе такого приказанія, немедленно отправился въ путь, а императоръ пошелъ въ циркъ смотрѣть на игры тамъ приготовленныя (40).»

Зонара разсказываетъ иначе о причинѣ этой войны. Этотъ Византіецъ говоритъ, что Никифоръ, страшась вторженія Угровъ (41) въ предѣлы восточной имперіи, послалъ просить Петра, царя Болгарскаго, чтобы онъ воспрепятствовалъ переходу Мадьяръ черезъ Дунай. Петръ былъ недоволенъ императоромъ за то, что не подалъ ему помощи, при подобномъ случаѣ, за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ. Онъ отвѣчалъ Никифору, что не получа отъ него войска противъ этихъ самыхъ Угровъ, принужденъ былъ заключить съ ними миръ и теперь не можетъ, безъ причины, нарушить его. Этотъ гордый отвѣтъ весьма не понравился императору, но занятый тогда войною противъ Сарацынъ, онъ рѣшился наказать Болгарскаго царя мечемъ Руссовъ. Въ слѣдствіе этого онъ отправилъ патриція Калокира къ Святославу и проч. (42).

Кедринъ: «Императоръ Никифоръ, въ четвертое лѣто своего царствованія, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, 10-го индиктіона, (слѣд. въ 966 году), отправился обозрѣвать Ѳракійскіе города и прибывъ къ мѣсту называемому «*Великій ровъ,*» (43) отправилъ письмо къ Петру, царю Болгарскому, въ которомъ просилъ его недозволять Туркамъ (т. е. Уграмъ, Венграмъ, Мадьярамъ) переходить чрезъ рѣку Истръ (Дунай) и разорять Римскія владѣнія. Петръ не исполнилъ просьбы императора и отказалъ ему, представляя разныя на то причины. Тогда Никифоръ пожаловалъ Калокира, сына Херсонскаго начальника, патриціемъ и послалъ къ Святославу, князю Руссовъ, съ порученіемъ склонить его, обѣщаніемъ великихъ почестей и даровъ, къ нападенію на Болгарію» (44).

Несторъ молчитъ о причинѣ, заставившей Святослава предпринять походъ противъ Болгаръ. Онъ подъ годомъ 967 (45) кратко говоритъ: «Иде Свѧтославъ на Дунаи и на Болгары.» (46) Впрочемъ въ Никоновскомъ спискѣ мы находимъ: «*При семъ Никифоре царѣ, въ лѣто 6475, иде Святославъ на Болгары, Никифору царю изведшу его на нихъ, многого ради ихъ воевания, еже на Царь градъ,*» и проч. (47). Можетъ быть составитель Никоновской лѣтописи имѣлъ списокъ Нестора, до насъ недошедшій, въ которомъ была означена причина ополченія Святослава на Болгаръ; но гораздо вѣрнѣе, что въ лѣтопись внесено это замѣчаніе изъ Словенскаго перевода Манассіиной лѣтописи, подписаннаго рукою патріарха Никона, (см. нашу статью о семъ переводѣ, стр. 114).

Раичъ (ч. i, стр. 405), Гебгарди (т. 56, стр. 120), Штриттеръ (извѣстія Визан. ист. iv, 48), Мавроурбинъ (стр. 309), Лебо (Hist. du bas-Empire, vii, 420), Шлецеръ (Несторъ, iii, 498), Карамзинъ (Ист. Росс. Гос. i, 173), однимъ словомъ всѣ писавшіе о Болгарской войнѣ, слѣдуютъ Кедрину, Зонарѣ и Скилицію въ изложеніи причины, заставившей Никифора призвать Святослава на Дунай, потому что всѣмъ имъ была неизвѣстна iv-я книга Льва Діакона. Одинъ только Мавроурбинъ называетъ Петра, Болгарскаго царя, Борисомъ. Довольно странно также, что Шлецеръ, приводя слова Льва Діакона (по выпискамъ изъ Пагія) о занятіи Болгарскихъ городовъ, смѣжныхъ съ Римскими владѣніями, выставляетъ 955 годъ (48), тогда какъ это происшествіе случилось слишкомъ десять лѣтъ послѣ.

ВТОРАЯ ВЫПИСКА.

СОДЕРЖАНІЕ.

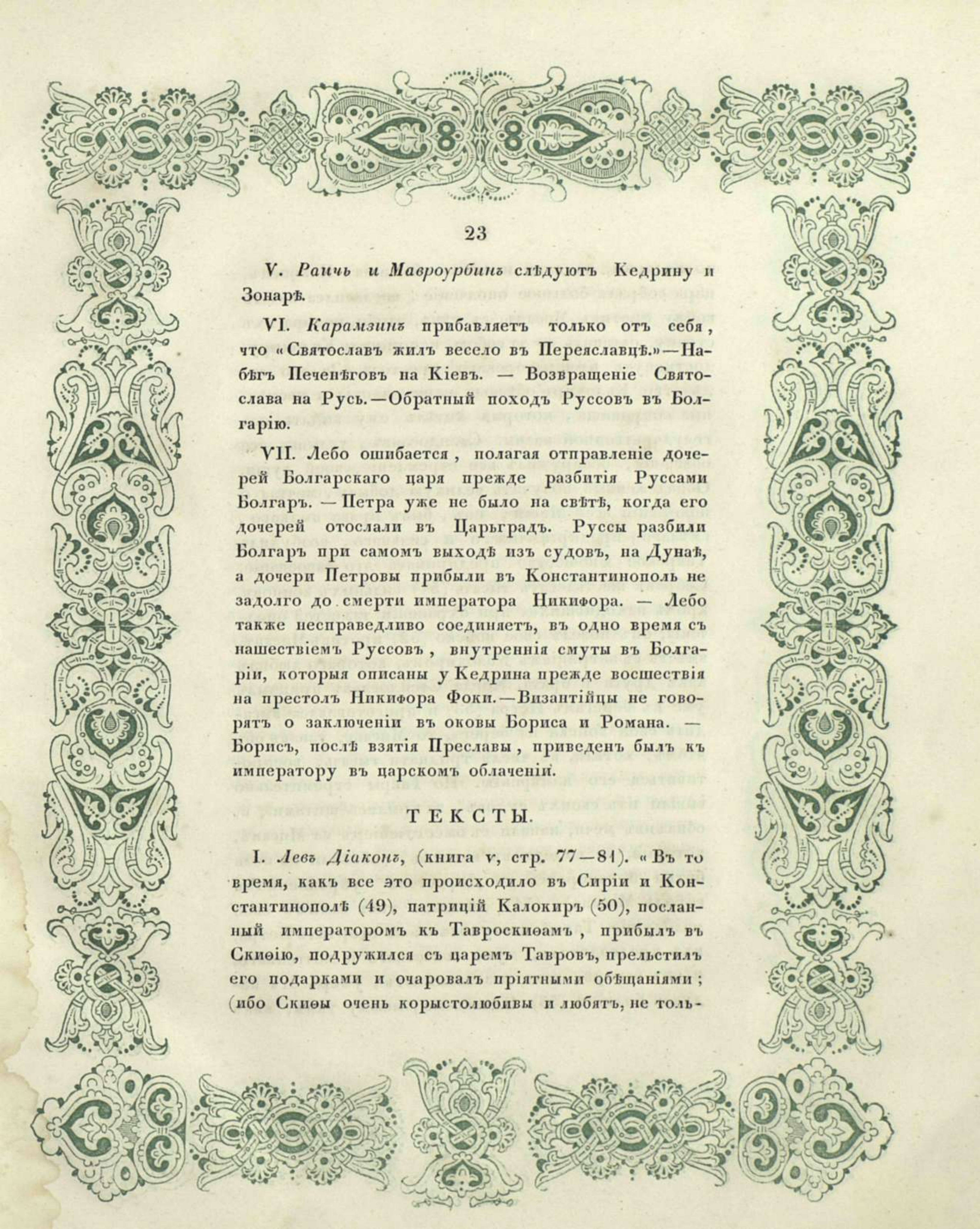
I. *Левъ Діаконъ:* Святославъ склоняется на предложеніе Калокира, съ тѣмъ, чтобы, завоеваніемъ Болгаріи, усвоить эту страну Руссамъ, которые должны помогать Калокиру въ его намѣреніи достигнуть императорскаго престола.—Руссы, при самомъ выходѣ изъ лодокъ, поражаютъ Болгаръ на берегу Дуная.—Остатокъ разбитаго войска запирается въ Доростолѣ. — Смерть Петра, царя Болгарскаго. — Императоръ приготовляется къ отраженію Руссовъ, усиливаетъ Греческія войски, укрѣпляетъ Царьградъ

и приказываетъ протянуть цѣпь отъ одного берега до другаго, при входѣ въ судъ (*Στενον*). — Никифоръ отправляетъ посольство къ Болгарамъ съ предложеніемъ супружества между дочерьми умершаго царя Петра и сыновьями императора Романа: вслѣдствіе этого миръ заключенъ между Болгарами и Греками.

II. *Кедринъ:* Руссы нападаютъ на Болгарію въ пятое лѣто царствованія Никифора и, разоривъ эту страну, возвращаются въ свое отечество. — Вторичное завоеваніе Болгаріи Руссами.

III. *Несторъ:* Святославъ побѣждаетъ Болгаръ, беретъ восемдесять городовъ по Дунаю, живетъ постоянно въ Переяславцѣ и получаетъ дань съ областей принадлежавшихъ Грекамъ. — Набѣгъ Печенѣговъ на Кіевъ. — Осада. — Прѣтичь спасаетъ городъ. — Кіевляне посылаютъ за Святославомъ. — Возвращеніе великаго князя на Русь. — Онъ побѣждаетъ Печенѣговъ и заключаетъ съ ними миръ. — Святославъ объявляетъ Ольгѣ свое желаніе перенести столицу въ Переяславецъ. — Ольга умираетъ. — Похороны ея по обряду христіанской вѣры. — Похвала Ольгѣ. — Святославъ, препоручивъ Ярополку Кіевъ, Олегу Древлянскую область и Владиміру Новгородъ, самъ возвращается въ Болгарію, разбиваетъ Болгаръ и беретъ вторично Переяславецъ.

IV. *Гебгарди:* Ошибочное лѣтосчисленіе. — Соединеніе въ одинъ походъ обѣихъ набѣговъ Святослава. — Вставка о желаніи Святослава передать Борису престолъ Болгарскій.



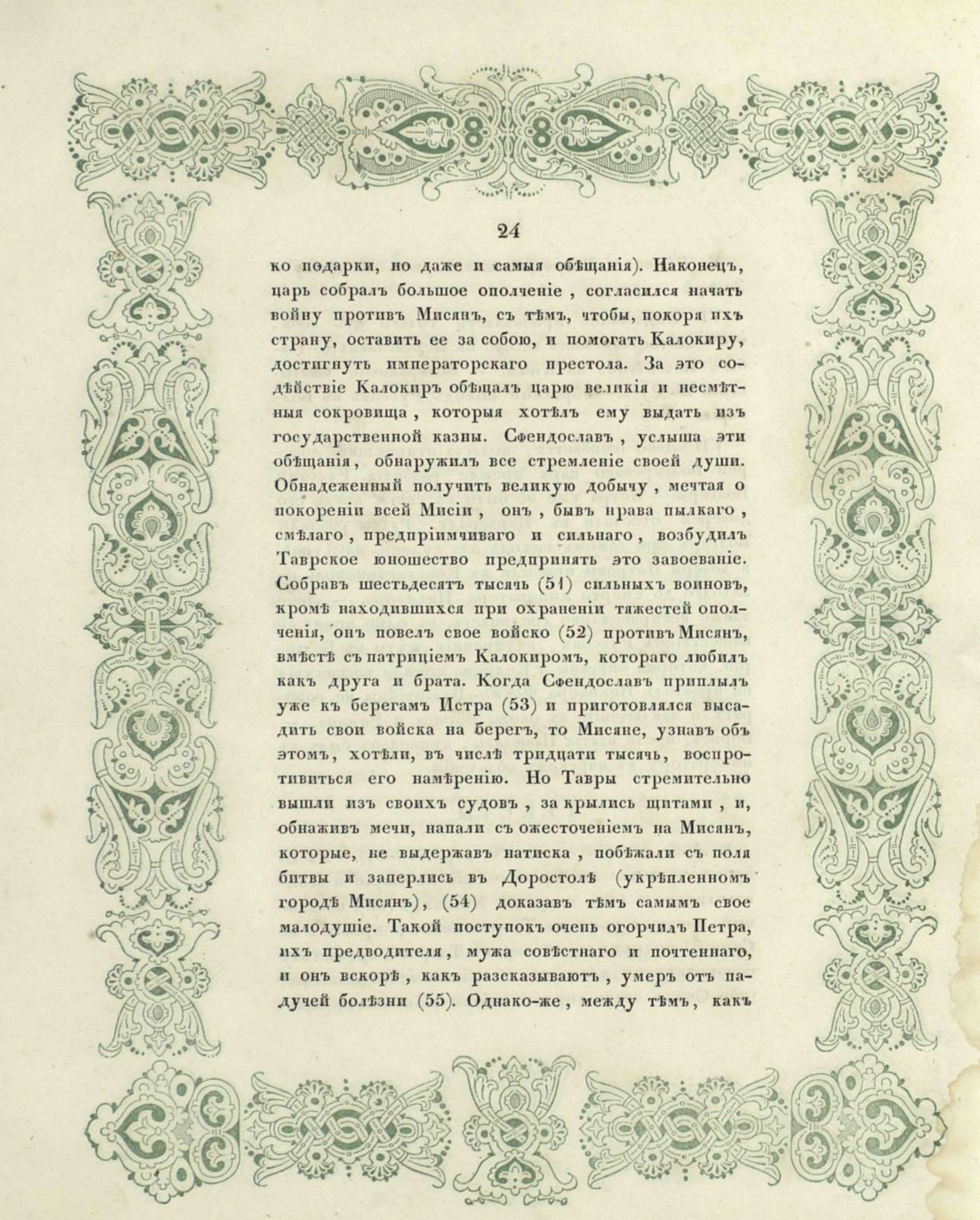
V. *Раичъ* и *Мавроурбинъ* слѣдуютъ Кедрину и Зонарѣ.

VI. *Карамзинъ* прибавляетъ только отъ себя, что «Святославъ жилъ весело въ Переяславцѣ.»—Набѣгъ Печенѣговъ на Кіевъ. — Возвращеніе Святослава на Русь.—Обратный походъ Руссовъ въ Болгарію.

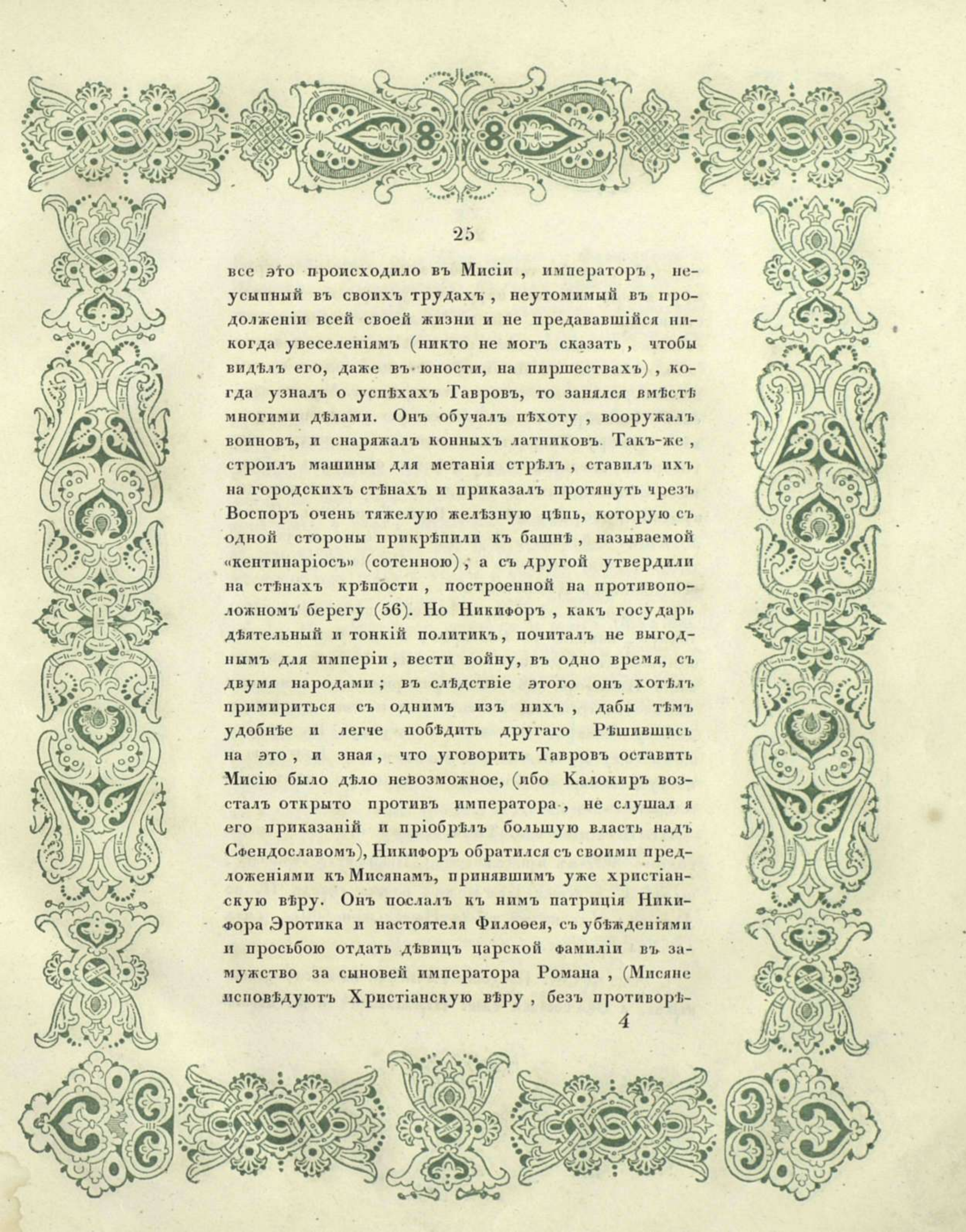
VII. Лебо ошибается, полагая отправленіе дочерей Болгарскаго царя прежде разбитія Руссами Болгаръ. — Петра уже не было на свѣтѣ, когда его дочерей отослали въ Царьградъ. Руссы разбили Болгаръ при самомъ выходѣ изъ судовъ, на Дунаѣ, а дочери Петровы прибыли въ Константинополь не задолго до смерти императора Никифора. — Лебо также несправедливо соединяетъ, въ одно время съ нашествіемъ Руссовъ, внутреннія смуты въ Болгаріи, которыя описаны у Кедрина прежде восшествія на престолъ Никифора Фоки.—Византійцы не говорятъ о заключеніи въ оковы Бориса и Романа. — Борисъ, послѣ взятія Преславы, приведенъ былъ къ императору въ царскомъ облаченіи.

ТЕКСТЫ.

I. *Левъ Діаконъ*, (книга v, стр. 77—81). «Въ то время, какъ все это происходило въ Сиріи и Константинополѣ (49), патрицій Калокиръ (50), посланный императоромъ къ Тавроскиѳамъ, прибылъ въ Скиѳію, подружился съ царемъ Тавровъ, прельстилъ его подарками и очаровалъ пріятными обѣщаніями; (ибо Скиѳы очень корыстолюбивы и любятъ, не толь-



ко подарки, но даже и самыя обѣщанія). Наконецъ, царь собралъ большое ополченіе, согласился начать войну противъ Мисянъ, съ тѣмъ, чтобы, покоря ихъ страну, оставить ее за собою, и помогать Калокиру, достигнуть императорскаго престола. За это содѣйствіе Калокиръ обѣщалъ царю великія и несмѣтныя сокровища, которыя хотѣлъ ему выдать изъ государственной казны. Сфендославъ, услыша эти обѣщанія, обнаружилъ все стремленіе своей души. Обнадеженный получить великую добычу, мечтая о покореніи всей Мисіи, онъ, бывъ нрава пылкаго, смѣлаго, предпріимчиваго и сильнаго, возбудилъ Таврское юношество предпринять это завоеваніе. Собравъ шестьдесятъ тысячъ (51) сильныхъ воиновъ, кромѣ находившихся при охраненіи тяжестей ополченія, онъ повелъ свое войско (52) противъ Мисянъ, вмѣстѣ съ патриціемъ Калокиромъ, котораго любилъ какъ друга и брата. Когда Сфендославъ приплылъ уже къ берегамъ Истра (53) и приготовлялся высадить свои войска на берегъ, то Мисяне, узнавъ объ этомъ, хотѣли, въ числѣ тридцати тысячъ, воспротивиться его намѣренію. Но Тавры стремительно вышли изъ своихъ судовъ, закрылись щитами, и, обнаживъ мечи, напали съ ожесточеніемъ на Мисянъ, которые, не выдержавъ натиска, побѣжали съ поля битвы и заперлись въ Доростолѣ (укрѣпленномъ городѣ Мисянъ), (54) доказавъ тѣмъ самымъ свое малодушіе. Такой поступокъ очень огорчилъ Петра, ихъ предводителя, мужа совѣстнаго и почтеннаго, и онъ вскорѣ, какъ разсказываютъ, умеръ отъ падучей болѣзни (55). Однако-же, между тѣмъ, какъ



все это происходило въ Мисіи, императоръ, неусыпный въ своихъ трудахъ, неутомимый въ продолженіи всей своей жизни и не предававшійся никогда увеселеніямъ (никто не могъ сказать, чтобы видѣлъ его, даже въ юности, на пиршествахъ), когда узналъ о успѣхахъ Тавровъ, то занялся вмѣстѣ многими дѣлами. Онъ обучалъ пѣхоту, вооружалъ воиновъ, и снаряжалъ конныхъ латниковъ. Такъ-же, строилъ машины для метанія стрѣлъ, ставилъ ихъ на городскихъ стѣнахъ и приказалъ протянуть чрезъ Воспоръ очень тяжелую желѣзную цѣпь, которую съ одной стороны прикрѣпили къ башнѣ, называемой «кентинаріосъ» (сотенною), а съ другой утвердили на стѣнахъ крѣпости, построенной на противоположномъ берегу (56). Но Никифоръ, какъ государь дѣятельный и тонкій политикъ, почиталъ не выгоднымъ для имперіи, вести войну, въ одно время, съ двумя народами; въ слѣдствіе этого онъ хотѣлъ примириться съ однимъ изъ нихъ, дабы тѣмъ удобнѣе и легче побѣдить другаго Рѣшившись на это, и зная, что уговорить Тавровъ оставить Мисію было дѣло невозможное, (ибо Калокиръ возсталъ открыто противъ императора, не слушая его приказаній и пріобрѣлъ большую власть надъ Сфендославомъ), Никифоръ обратился съ своими предложеніями къ Мисянамъ, принявшимъ уже христіанскую вѣру. Онъ послалъ къ нимъ патриція Никифора Эротика и настоятеля Филоѳея, съ убѣжденіями и просьбою отдать дѣвицъ царской фамиліи въ замужство за сыновей императора Романа, (Мисяне исповѣдуютъ Христіанскую вѣру, безъ противорѣ-

чія) (57), чтобы такимъ образомъ согласіе и дружбу между обоими народами утвердить на родственныхъ связяхъ. Мисяне радостно приняли посольство, посадили дѣвъ царской крови въ повозки (ибо женщины въ Мисіи обыкновенно ѣздятъ въ повозкахъ) и послали ихъ къ императору. Мисяне просили Никифора отклонить висящую, надъ ихъ главами, сѣкиру Тавровъ и оказать имъ защиту; они говорили, что императоръ конечно одержитъ побѣду надъ Скиѳами, какъ и прежде побѣждалъ всѣ народы, противъ которыхъ посылалъ Римскіе легіоны.» (Тутъ, до конца v-й книги Левъ Діаконъ описываетъ взятіе Антіохіи, заговоръ противъ Никифора и убіеніе его Іоанномъ Цимисхіемъ).

II. *Кедринъ:* «Руссы, склонясь на предложенія Калокира, напали на Болгарію, въ Августѣ мѣсяцѣ, одиннадцатаго индиктіона, въ пятой годъ царствованія Никифора (58). Они разорили до основанія множество городовъ Болгарскихъ и, взявъ огромную добычу, возвратились въ свою страну. Въ слѣдующемъ году Руссы, вторично, завоевали Болгарію и поступали еще съ большею жестокостію, чѣмъ прежде (59).»

III. Несторъ (изд. Тимковскимъ, стр. 36), подъ годомъ 967-мъ продолжаетъ: Бившемъсѧ ѡбоимъ, ѡдолѣ Свѧтославъ Болгаромъ, и взѧ городъ П. по Дѹнаеви; сѣде кнѧжа тѹ в Переѧславци (60), емлѧ дань на Грѣцѣхъ.

В лѣто ѕѵѻѕ. Придоша Печенѣзи на Рѹскѹ землю первое, а Свѧтославъ бѧше Переѧславци; и затворисѧ

Волга въ градѣ со оунꙋки своими, Ꙗрополкомъ и Ѡльгомъ и Володимеромъ, въ градѣ Киевѣ. И ѡстꙋпиша градъ в силѣ велицѣ, бещислено множьство ѡколо града, и не бѣ льзѣ изъ града вылѣсти, ни вѣсти послати; изнемогахꙋ же людье гладомъ и водою. Собравшеся людье ѡноя страны Днѣпра въ лодьяхъ, ѡб онꙋ странꙋ стояхꙋ, и не бѣ льзѣ внити в Киевъ инединомꙋ ихъ, ни изъ града к онѣмъ. Въстꙋжиша людье въ градѣ и рѣша: не ли кого, иже бы моглъ на ѡнꙋ странꙋ доити и речи имъ: аще кто не пристꙋпить с ꙋтра, предатися имамы Печенѣгомъ. И рече единъ ѡтрокъ: азъ преидꙋ. и рѣша: иди. Ѡн же изиде изъ града с ꙋздою и ристаше сквозѣ Печенѣги, глаголя: не видѣли коня никтоже? бѣ бо оумѣя Печенѣжьски, и мняхꙋть и своего. Ꙗко приближися к рецѣ, сверга порты, сꙋнꙋся въ Днѣпръ и побреде; видѣвше же Печенѣзи оустрѣмишася нань, стрѣляюще его, и не могоша емꙋ ничтоже створити. Ѡни же видѣвше с оноя страны, и приѣхаша в лодьи противу ему, и взяша и в лодью, и прївезоша и къ дружинѣ, и рече имъ: аще не подъступите заоутра къ городу, предатись хотять людье Печенѣгомъ. Рече же воевода ихъ, имянемъ Прѣтичь: подъступимъ заоутра в лодьяхъ, и попадше княгиню и княжичѣ, оумчимъ на сю страну; аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ. Ꙗко бысть, заоутра всѣдъше в лодью противоу свѣту и въструбиша вельми, и людье въ градѣ кликнуша; Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разно ѡтъ града, и изиде

Ѡльга со оунѹки и с людми к лодьѣ. Видѣвъ же се князь Печенѣжьскии, възратися единъ къ воеводѣ Прѣтичю и рече: кто се приде? и рече емѹ: лодья оноя страны. И рече князь Печенѣжьскии: а ты князь ли еси? ѡнъ же рече: азъ есмь мѹжь его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ, по мнѣ идетъ полкъ со княземъ, бе-щисла множьство, се же рече, гроза имъ. Рече же князь Печенѣжьскии къ Прѣтичю: бѹди ми дрѹгъ. Ѡнъ же рече: тако створю. И подаста рукѹ межю собою, и въдасть Печенѣжьскии князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы: ѡнъ же дасть емѹ бронѣ, щитъ, мечь. Ѡтступиша Печенѣзи отъ града и не бяше льзѣ коня напоити; на Лыбеди (61) Печенѣзи. И послаша Кияне къ Святославу, глаголюще: ты, княже, чюжея земли ищеши и блюдеши, а своея ся ѡхабивъ: малы бо насъ не взяша Печенѣзи, матерь твою и дѣти твои: аще не поидеши, ни ѡбраниши насъ, да паки ны возмуть, аще ти нежаль ѡтчины своея, ни матере стары сущя, и дѣтии своихъ. То слышавъ Святославъ, вборзѣ всѣде на конѣ (62) съ дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя; и съжалися ѡ бывшемъ ѡтъ Печенѣгъ, и собра вои, и прогна Печенѣги в поле, (63) и бысть миръ.

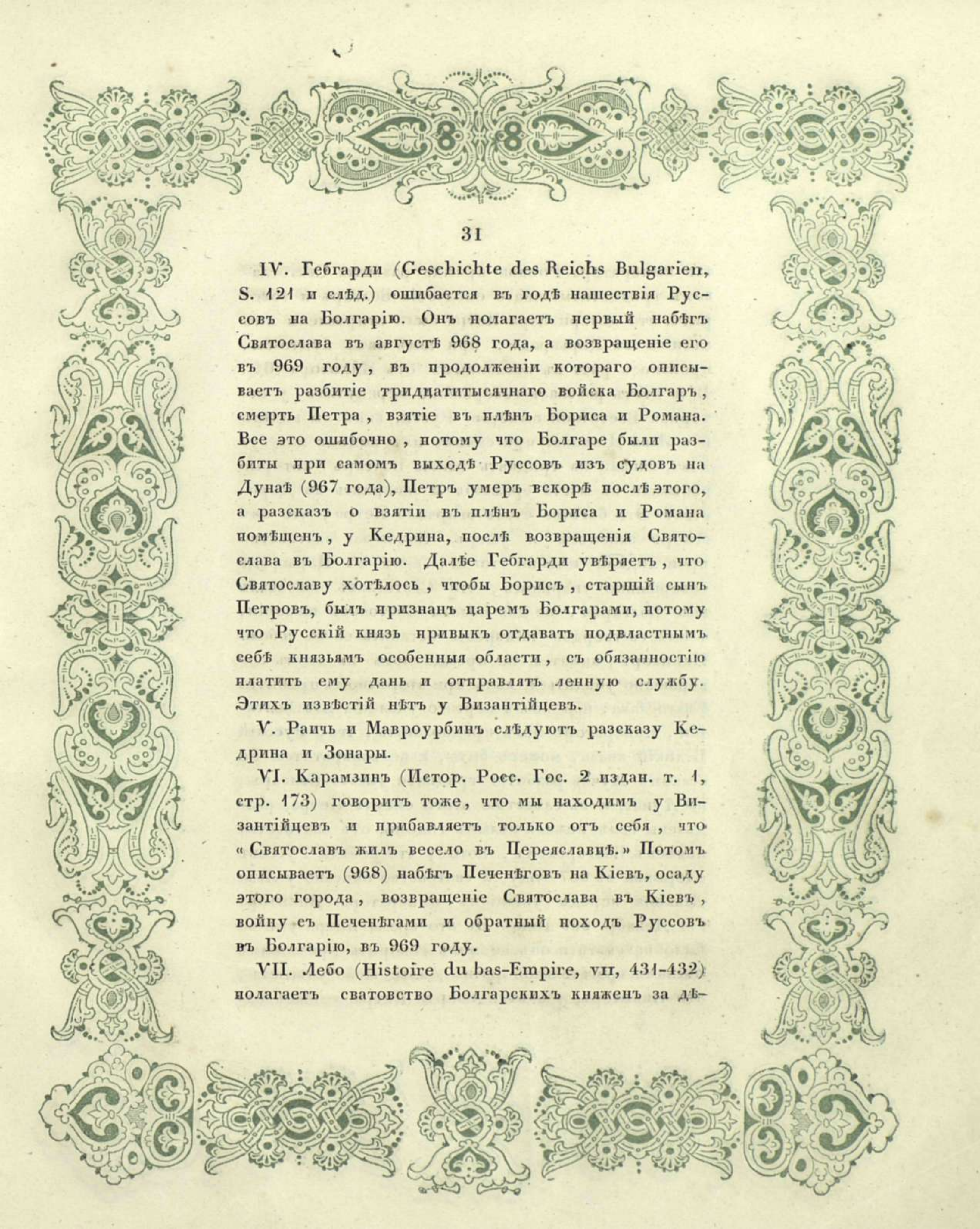
В лѣто ЅУОЗ. Рече Святославъ къ матери своеи и къ боляромъ своимъ: не любо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити с Переяславци в Дунаи, яко то есть середа в земли моеи, яко ту вся благая сходятся: ѡтъ Грекъ злато, паволоки,

вина, ѡвощеве розноличныѧ; и-Щехъ же, из Ꙋгоръ сребро и комони; из Руси же скора и воскъ, медъ и челѧдь. Рече ему Волга: видиши мѧ болное сущю; камо хощеши ѡтъ мене ити? бѣ бо разболѣласѧ оуже рече же ему: погребъ мѧ, иди же, ѧможе хочеши. По трехъ днехъ оумре Ѡльга, и плакасѧ по неи сынъ еѧ, и внꙋци еѧ, и людье вси плачемъ великомъ, несоша и погребоша ю на мѣстѣ. И бѣ заповѣдала Ѡльга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имꙋщи презвꙋтеръ; сеи похорони блаженꙋю Ѡльгꙋ. Си бысть предътекꙋщиѧ крѣстьѧньстѣи земли аки денница предъ солнцемь и акї зорѧ предъ свѣтомъ, си бо сьѧше аки лꙋна въ нощи, тако и си в невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтѧщесѧ аки бисеръ в калѣ; кальни бо вѣша, грѣхъ неѡмовени крещеньемъ свѧтымъ. Си бо ѡмысѧ кꙋпѣлью свѧтою, и совлечесѧ грѣховныѧ ѡдежа ветхаго человѣка Адама, и въ новыи Адамъ облечесѧ, еже есть Христосъ. Мы же рцѣмъ к неи: радꙋисѧ, Гꙋское познанье къ Богꙋ; начатокъ примиренью быхомъ. Си первое вниде в царство небесное ѡтъ Рꙋси, сїю бо хвалѧтъ Рꙋстие сынове, аки началницю; ибо по смерти молѧше Бога за Рꙋсь. Праведныхъ бо дꙋша не оумираютъ; ѧко же рече Соломанъ: похвалѧему праведному, възвеселѧтсѧ людье, бесмертье бо есть память его, ѧко ѡтъ Бога познаваетсѧ и ѡтъ человѣкъ. Се бо вси человѣци прославлѧють, видѧще лежащаѧ в тѣлѣ на многа лѣта; рече бо Пророкъ: прославлѧющаѧ мѧ прославлю. Ѡ сѧковыхъ бо Давыдъ глаголаше: в память вѣчнꙋю праведникъ будеть, ѡтъ

слуха зла не оубоится; готово сердце его оуповати на Господа, оутвердися сердце его и не подвижется. Соломанъ бо рече: праведницы въвѣки живоуть, и отъ Господа мьзда имъ есть, и строенье отъ Вышняго; сего ради примутъ царствие красотѣ и вѣнецъ добротѣ отъ руки Господня, яко десницею покрыетъ я и мышцею защитить я. Защитилъ бо есть сию блажену Волгу отъ противника и супостата дьявола.

В лѣто ѕуОи. Святославъ посади Ярополка в Киевѣ, а Ольга в Деревѣхъ. В сеже время придоша людье Нооугородьстии просяще князя собѣ: аще не поидете к намъ, то налѣземъ князя собѣ. И рече к нимъ Святославъ: абы пошелъ кто к вамъ. И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ, и рече Добрыня: просите Володимера. Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ Добрыня, отецъ же бѣ има Малк Любечанинъ, бѣ Добрына оуи Володимеру. И реша Нооугородьци Святославу: вдаи ны Володимера. Онъ же рече имъ: вото вы есть. И пояша Нооугородьци Володимера к собѣ, и иде Володимиръ съ Добрынею оуемъ своимъ Нооугороду, а Святославъ Переяславьцю.

В лѣто ѕуОд. Приде Святославъ в Переяславець, и затворишася Болгаре въ градѣ. И излѣзоша Болгаре на сѣчю противу Святославу, и бысть сѣча велика, и одоляху Болгаре, и рече Святославъ воемъ своимъ: уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино. И къ вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ копьемъ.



IV. Гебгарди (Geschichte des Reichs Bulgarien, S. 121 и слѣд.) ошибается въ годѣ нашествія Руссовъ на Болгарію. Онъ полагаетъ первый набѣгъ Святослава въ августѣ 968 года, а возвращеніе его въ 969 году, въ продолженіи котораго описываетъ разбитіе тридцатитысячнаго войска Болгаръ, смерть Петра, взятіе въ плѣнъ Бориса и Романа. Все это ошибочно, потому что Болгаре были разбиты при самомъ выходѣ Руссовъ изъ судовъ на Дунаѣ (967 года), Петръ умеръ вскорѣ послѣ этого, а разсказъ о взятіи въ плѣнъ Бориса и Романа помѣщенъ, у Кедрина, послѣ возвращенія Святослава въ Болгарію. Далѣе Гебгарди увѣряетъ, что Святославу хотѣлось, чтобы Борисъ, старшій сынъ Петровъ, былъ признанъ царемъ Болгарами, потому что Русскій князь привыкъ отдавать подвластнымъ себѣ князьямъ особенныя области, съ обязанностію платить ему дань и отправлять ленную службу. Этихъ извѣстій нѣтъ у Византійцевъ.

V. Раичъ и Мавроурбинъ слѣдуютъ разсказу Кедрина и Зонары.

VI. Карамзинъ (Истор. Росс. Гос. 2 издан. т. 1, стр. 173) говоритъ тоже, что мы находимъ у Византійцевъ и прибавляетъ только отъ себя, что «Святославъ жилъ весело въ Переяславцѣ.» Потомъ описываетъ (968) набѣгъ Печенѣговъ на Кіевъ, осаду этого города, возвращеніе Святослава въ Кіевъ, войну съ Печенѣгами и обратный походъ Руссовъ въ Болгарію, въ 969 году.

VII. Лебо (Histoire du bas-Empire, VII, 431-432) полагаетъ сватовство Болгарскихъ княженъ за дѣ-

тей императора Романа прежде разбитія Святославомъ тридцатитысячнаго ополченія Болгаръ и говоритъ, что дочери царя Петра были отправлены имъ самимъ въ Царьградъ, при чемъ онъ, будто-бы, произнесъ рѣчь къ посланнымъ отъ Никифора (64). Весь этотъ разсказъ совершенно перепутанъ у историка Восточной имперіи. Руссы, какъ мы видѣли изъ Льва Діакона, при самомъ ихъ выходѣ изъ судовъ, напали на тридцать тысячь Болгаръ, которые побѣжали съ мѣста сраженія и заперлись въ Доростолѣ. Это бѣгство столь огорчило Петра, что онъ вскорѣ занемогъ и умеръ. Самое-же сватовство происходило именно тогда, какъ въ Царьградѣ совершенно увѣрились, что Святославъ завоевалъ всю Болгарію, не для пользы Восточной имперіи, а имѣетъ твердое намѣреніе оставить ее за собою. Никифоръ, кажется, не прежде могъ въ этомъ совершенно убѣдиться, какъ при вторичномъ прибытіи Святослава; ибо послѣ перваго удаленія изъ Болгаріи, императоръ могъ предполагать, что, Русскій Великій князь, можетъ быть, и не возвратится. Во всякомъ случаѣ разбитіе тридцати тысячь Болгаръ, на Дунаѣ, и въ слѣдствіе этого смерть Петра, раздѣлены болѣе нежели цѣлымъ годомъ, отъ сватовства княженъ Болгарскихъ, потому что побѣда Руссовъ одержана въ 967 году, а сватовство описано у Льва Діакона передъ убіеніемъ императора Никифора (11 Декабр. 969 года). Въ это время Петра уже не было на свѣтѣ и онъ не могъ говорить Греческимъ посламъ трогательной рѣчи. Далѣе Лебо увѣряетъ, что Никифоръ, узнавъ о смерти Петра, тотчасъ от-

правилъ въ Болгарію дѣтей его Бориса и Романа, которые находились тогда въ Константинополѣ. Въ это-же время Лебо описываетъ внутреннія смуты въ Болгаріи, по поводу возстанія четырехъ братьевъ. Этѣ смуты, говоритъ онъ, были прекращены законными владѣтелями, (то-есть Борисомъ и Романомъ), которые потомъ хотѣли выгнать изъ Болгаріи Руссовъ, но были побѣждены и заключены въ оковы въ Переславѣ. Тутъ опять не такъ. Бунтъ четырехъ братьевъ: Давида, Моисея, Аарона и Самуила, дѣтей одного изъ сильнѣйшихъ Комитовъ (Бояръ?) Болгарскихъ (65), описанъ у Кедрина прежде провозглашенія Никифора Фоки императоромъ, случившагося въ Іюлѣ 963 года; слѣдовательно нѣсколькими годами ранѣе, чѣмъ говоритъ Лебо. Что касается до Бориса, то онъ былъ взятъ въ плѣнъ Руссами; но ни Кедринъ, ни Левъ Діаконъ, нигдѣ не упоминаютъ, чтобы онъ былъ заключенъ въ оковы. Напротивъ того: Кедринъ говоритъ, что послѣ взятія Преславы, Борисъ былъ приведенъ къ императору въ царскомъ облаченіи, а это значитъ, что Святославъ, не только не заключалъ его въ оковы, но даже не запрещалъ ему носить царскую одежду.

ТРЕТІЯ ВЫПИСКА.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. *Левъ Діаконъ:* Императоръ Іоаннъ отправляетъ посольство къ Святославу съ приглашеніемъ оставить Болгарію и возвратиться на Русь. — Водвореніе

Болгаръ въ Мисіи. — Побѣды ихъ надъ войсками Римскими. — Только одинъ императоръ Константинъ могъ удержать Болгаръ отъ разоренія Греческой имперіи. — Святославъ не соглашается на предложеніе Цимисхія. — Императоръ отправляетъ къ Святославу другое посольство, съ тѣмъ-же предложеніемъ, но получаетъ отвѣтъ, что Руссы сами скоро явятся для осады и взятія Царьграда. — Вардъ Склиръ, посланный съ войскомъ противъ Святослава, разбиваетъ одинъ отрядъ, состоявшій изъ Руссовъ, Гунновъ и Болгаръ.

II. *Кедринъ:* Руссы, покоривъ Болгарію и плѣнивъ Бориса и Романа, желаютъ навсегда остаться въ завоеванной ими странѣ. — Калокиръ старается поддержать это намѣреніе. — Святославъ отсылаетъ Греческихъ пословъ съ презрительнымъ отвѣтомъ. — Вардъ Склиръ ведетъ Римское войско противъ Руссовъ, которые переходятъ Емскія горы, разоряютъ Ѳракію и останавливаются подлѣ Адріанополя. — Склиръ завлекаетъ въ засаду и поражаетъ часть Русскаго войска, состоявшую изъ Печенѣговъ; потомъ разбиваетъ и другіе два отряда.

III. *Несторъ:* Святославъ посылаетъ сказать императору, что Руссы скоро пойдутъ на Царьградъ. — Греки, дабы выиграть время, нужное для приготовленія къ походу, вступаютъ въ переговоры съ Святославомъ и обманываютъ его. — Рѣчь Святослава къ своимъ воинамъ. — Руссы идутъ на Царьградъ. — Греки откупаются данью и Руссы не доходятъ до Константинополя.

IV. Шлецеръ называетъ присылку даровъ Святославу «нестерпимо глупою сказкою.» — Опроверженіе. — Дары могли быть присланы тогда, какъ Руссы находились на пути въ Царьградъ и дошли уже до Адріанополя. — Затруднительное положеніе, въ которомъ находился Цимисхій, могло заставить его послать подарки и часть дани для удержанія Руссовъ въ окрестностяхъ Адріанополя. — Начало войны ясно доказываетъ, что Греки обманули Святослава и напали на него неожиданно. — Дефилеи въ Емскихъ горахъ не были заняты Руссами. — Несправедливыя нападки на наши лѣтописи. — По словамъ Кедрина, Руссы, прибывъ въ лодьяхъ въ Болгарію, имѣли тамъ до 650,000 войска. — Нелѣпость этого разсказа: но Шлецеръ ему вѣритъ. — Несторъ не могъ подробно знать всѣхъ обстоятельствъ Болгарской войны, и помѣстилъ, въ своей лѣтописи, только то, что ему разсказали Руссы, ушедшіе отъ пораженія на Днѣпровскихъ порогахъ.

V. Карамзинъ, въ описаніи произшествій 968—970 годовъ, слѣдуетъ лѣтописи Нестора, а вступленіе Руссовъ во Ѳракію и пораженіе подъ Адріанополемъ описываетъ по Византійцамъ.

ТЕКСТЫ.

I. *Левъ Діаконъ*, (lib. VI, p. 102—111). «Императоръ Іоаннъ Цимисхій, по восшествіи своемъ на престолъ, имѣлъ много заботъ. Голодъ, война въ Сиріи и нападеніе Руссовъ на Болгарію составляли главнѣйшій предметъ его попеченій (66). Въ этихъ

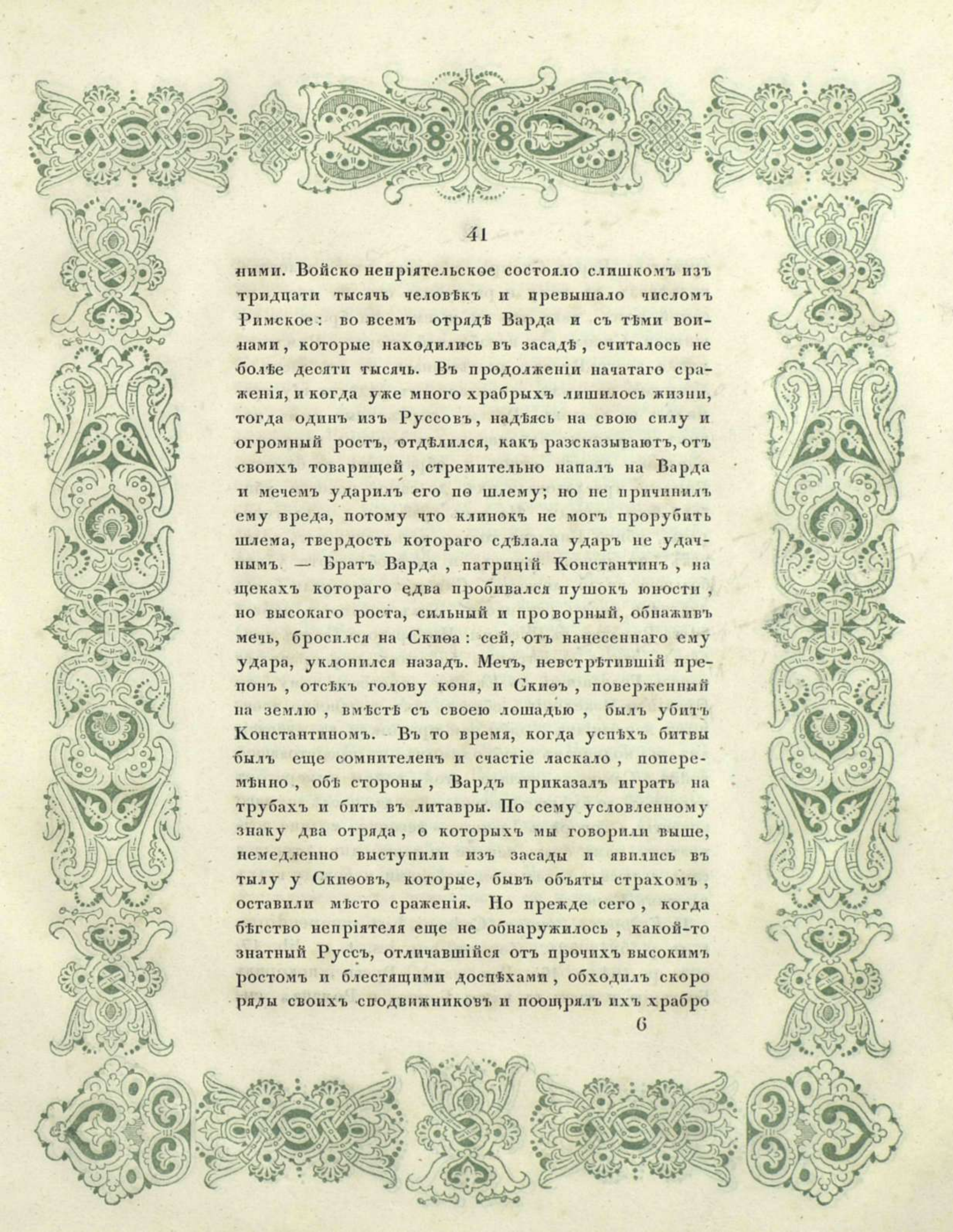
обстоятельствахъ онъ призналъ за лучшее примириться съ Святославомъ, княземъ Руссовъ. Іоаннъ отправилъ къ нему посольство съ предложеніемъ, чтобы онъ, получивъ плату за разореніе Болгаріи, обѣщанную ему императоромъ Никифоромъ, возвратился въ свое отечество, къ Воспору Киммерійскому и предоставилъ Болгарію распоряженію Восточной имперіи (67), какъ область съ древнихъ временъ принадлежавшую къ Македоніи. — Что касается до самыхъ Болгаръ, то предки ихъ преслѣдуемые, какъ говорятъ, жившими на сѣверѣ Катрагами, Хазарами и Команами, принуждены были оставить свое отечество, переходили съ мѣста на мѣсто, наконецъ поселились въ Мисіи, при императорѣ Константинѣ Погонатѣ (брадатомъ) и назвали ее, по имени Болгара своего предводителя, Болгаріею. Есть, однакоже, и другое преданіе объ ихъ водвореніи на земляхъ, принадлежавшихъ Грекамъ: императоръ Іустиніанъ, лишенный престола и сосланный въ Херсонъ, воспользовался нерадѣніемъ людей, наблюдавшихъ за нимъ и бѣжалъ къ берегамъ Меотиса. Тутъ склонилъ онъ Болгаръ, обѣщаніями великихъ наградъ, помочь ему пріобрѣсти снова императорской вѣнецъ. Они исполнили его желаніе и по восшествіи Іустиніана вторично на престолъ, получили въ вознагражденіе всю страну, начиная отъ Македоніи на сѣверъ до Истра. Здѣсь поселились Болгаре и отсюда, какъ народъ воинственный, дѣлали свои набѣги на Ѳракію, уводили въ плѣнъ жителей и разоряли Римскія области. Хотя императорскія войска и выходили противъ Болгаръ; но сіи послѣдніе,

страшась храбрости нашихъ легiоновъ, отступали въ свои лѣса и непроходимыя мѣста: тутъ они побѣждали Римлянъ. Въ продолженiи многихъ войнъ, происходившихъ въ Болгарiи, Римляне потеряли нѣсколько храбрыхъ полководцевъ и самъ императоръ Никифоръ былъ убитъ. Константинъ Копронимъ, первый изъ Греческихъ государей, побѣдилъ Болгаръ; потомъ его племянникъ Константинъ, сынъ Ирины и наконецъ, въ наше время, Iоаннъ завладѣлъ городами, принадлежавшими Болгарамъ. Кромѣ этихъ трехъ, никто изъ императоровъ Римскихъ не могъ побѣдить этотъ народъ въ его собственной странѣ. — Святославъ, гордясь одержанными надъ Болгарами побѣдами, (ибо онъ успѣлъ уже совершенно покорить своей власти всю Болгарiю) поступалъ весьма жестоко съ побѣжденными. Говорятъ, что послѣ взятiя Филиппополя (68), онъ приказалъ посадить на колъ до двадцати тысячь плѣнныхъ. такою свирѣпостiю онъ совершенно обезоружилъ всѣхъ Болгаръ и заставилъ ихъ покориться безъусловно. Въ слѣдствiе этого онъ надмѣнно отвѣчалъ Римскимъ посламъ «что никакъ не оставитъ Болгарiи, если императоръ не заплатитъ ему огромной суммы и не выкупитъ завоеванныхъ имъ городовъ и плѣнныхъ. Если-же Римляне не хотятъ заплатить столько денегъ, то пусть переселятся въ Азiю изъ Европы, въ которой они ничего не имѣютъ: на сихъ только условiяхъ Руссы могутъ заключить миръ съ Римлянами.» Императоръ, получивъ сей отвѣтъ отъ Скиѳа, велѣлъ вторично своимъ посламъ къ нему отправиться и сказать его именемъ: «Я полагаю,

что ты Святославъ еще помнишь бѣдствіе, претерпѣнное твоимъ отцемъ Игоремъ, который, наруша клятву, напалъ на Константинополь съ многочисленнымъ войскомъ, на десяти тысячахъ судахъ и возвратился въ Восфоръ Киммерійской на десяти только ладьяхъ, съ извѣстіемъ о собственномъ пораженіи. Я не хочу напоминать тебѣ о несчастной его смерти, случившейся въ продолженіе войны съ Германцами (69), когда онъ, попавшись къ нимъ въ плѣнъ, былъ привязанъ къ двумъ деревьямъ и разтерзанъ на двѣ части. Если все Римское войско ополчится противъ тебя, то и ты погибнешь, со всѣми твоими воинами, въ Болгаріи; тогда не останется даже и одного огненоснаго корабля (70), могущаго привести въ Скиѳію извѣстіе о случившемся бѣдствіи съ тобою и воинами твоими.» Святославъ, разсерженный симъ отвѣтомъ и преисполненный безумія, велѣлъ сказать императору: «Я не вижу необходимости, побуждающей Іоанна идти къ намъ; а потому и совѣтую ему не предпринимать этого путешествія въ Болгарію. Мы сами немедленно разобьемъ нашъ станъ передъ Византійскими вратами, окружимъ городъ крѣпкимъ валомъ, и когда императоръ выступитъ изъ своей столицы, противъ насъ, то его храбро встрѣтимъ и докажемъ на самомъ дѣлѣ, что мы не поденьщики, питающіеся трудами рукъ, но воины готовые пролить кровь своихъ враговъ и побѣдить ихъ остріемъ оружія. Онъ, по невѣдѣнію своему, почитаетъ Руссовъ слабыми женщинами и хочетъ испугать ихъ угрозами, подобно тому, какъ стращаютъ дѣтей привидѣніями.» Импе-

раторъ, получивъ этотъ безумный отвѣтъ, понялъ что не должно болѣе медлить, но скорѣе приготовляться къ неизбѣжной войнѣ, дабы предупредить нашествіе Святослава и защитить столицу отъ осады Руссовъ. Въ слѣдствіе этого онъ избралъ изъ войскъ своихъ особенный отрядъ, состоявшій изъ храбрѣйшихъ юношей, которыхъ и назвалъ *безсмертными:* эти воины составляли его тѣлохранителей. Потомъ онъ отправилъ съ войсками въ Болгарію магистра Варда Склира, брата умершей своей жены Маріи, военачальника храбраго, дѣятельнаго и патриція Петра, облеченнаго уже императоромъ Никифоромъ въ званіе начальника стана, за оказанные имъ на войнѣ отличные подвиги. Этотъ Петръ, съ легіономъ, состоявшимъ подъ его начальствомъ, былъ посланъ противъ Скиѳовъ, во время ихъ набѣга на Ѳракію (71). Въ одной сшибкѣ, начальникъ Скиѳскій, человѣкъ необычайнаго роста, весь покрытый бронею, выѣхалъ на средину мѣста, раздѣлявшаго оба отряда и, махая огромнымъ копьемъ, началъ вызывать Грековъ на единоборство. Тогда Петръ, хотя и евнухъ, какъ разсказываютъ, но исполненный твердости душевной и храбрости, заставилъ коня своего, сильнымъ ударомъ шпоръ, выѣхать на встрѣчу Скиѳа и вонзилъ, обѣими руками, копье съ такою силою въ грудь варвара, что оно насквозь прошло чрезъ броню и тѣло его. Скиѳскій великанъ, безмолвный, упалъ на землю, и воины его, пораженные неожидаемымъ зрѣлищемъ, обратились въ бѣгство. — Императоръ приказалъ Варду Склиру и Петру провести зиму въ Болгаріи; обу-

чать войска, предохранять страну отъ нашествій Руссовъ, посылать къ нимъ и въ ихъ станъ людей, говорящихъ обоими языками и одѣтыхъ въ Скиѳское платье, дабы можно было проникнуть намѣренія непріятеля и донести Іоанну. Получивъ всѣ этѣ приказанія отъ императора, военачальники повели свои войска въ Европу. Руссы, узнавъ о семъ, послали противъ Римлянъ часть своихъ воиновъ, присоединя къ нимъ ополченіе, состоявшее изъ Гунновъ и Болгаръ. Магистръ Вардъ, военачальникъ храбрый и предпріимчивый (какъ мы уже сказали), получивъ извѣстіе о пришествіи Руссовъ, собралъ надежнѣйшихъ воиновъ и приготовился встрѣтить непріятеля. Онъ отрядилъ Іоанна Алакаса въ передовую стражу и приказалъ ему осмотрѣть станъ Скиѳскій, узнать примѣрно о числѣ непріятелей, обозрѣть мѣстоположеніе и развѣдать о ихъ дѣйствіяхъ. Собравъ всѣ этѣ свѣдѣнія, Алакасъ долженъ былъ немедленно извѣстить Варда, дабы сей успѣлъ приготовить войско къ сраженію. Іоаннъ, съ передовымъ отрядомъ, скоро доѣхалъ до Скиѳскаго стана и въ слѣдующій день отправилъ гонца къ магистру съ извѣстіемъ, что Руссы находятся не въ дальнемъ разстояніи, и вмѣстѣ съ симъ просилъ Варда прибыть къ нему на помощь со всемъ войскомъ. Склиръ, узнавъ это, раздѣлилъ своихъ воиновъ на три отряда: середнему приказалъ слѣдовать за собою, а остальнымъ двумъ скрыться въ лѣсахъ и стремительно напасть на непріятеля только тогда, когда услышатъ трубный звукъ. Отдавъ это приказаніе трибунамъ, онъ пошелъ прямо на Руссовъ и началъ сражаться съ



ними. Войско непріятельское состояло слишкомъ изъ тридцати тысячь человѣкъ и превышало числомъ Римское: во всемъ отрядѣ Варда и съ тѣми воинами, которые находились въ засадѣ, считалось не болѣе десяти тысячь. Въ продолженіи начатаго сраженія, и когда уже много храбрыхъ лишилось жизни, тогда одинъ изъ Руссовъ, надѣясь на свою силу и огромный ростъ, отдѣлился, какъ разсказываютъ, отъ своихъ товарищей, стремительно напалъ на Варда и мечемъ ударилъ его по шлему; но не причинилъ ему вреда, потому что клинокъ не могъ прорубить шлема, твердость котораго сдѣлала ударъ не удачнымъ. — Братъ Варда, патрицій Константинъ, на щекахъ котораго едва пробивался пушокъ юности, но высокаго роста, сильный и проворный, обнаживъ мечь, бросился на Скиѳа: сей, отъ нанесеннаго ему удара, уклонился назадъ. Мечъ, невстрѣтившій препонъ, отсѣкъ голову коня, и Скиѳъ, поверженный на землю, вмѣстѣ съ своею лошадью, былъ убитъ Константиномъ. Въ то время, когда успѣхъ битвы былъ еще сомнителенъ и счастіе ласкало, попеременно, обѣ стороны, Вардъ приказалъ играть на трубахъ и бить въ литавры. По сему условленному знаку два отряда, о которыхъ мы говорили выше, немедленно выступили изъ засады и явились въ тылу у Скиѳовъ, которые, бывъ объяты страхомъ, оставили мѣсто сраженія. Но прежде сего, когда бѣгство непріятеля еще не обнаружилось, какой-то знатный Руссъ, отличавшійся отъ прочихъ высокимъ ростомъ и блестящими доспѣхами, обходилъ скоро ряды своихъ сподвижниковъ и поощрялъ ихъ храбро

сражаться. Вардъ Склиръ, замѣтивъ этого человѣка, подъѣхалъ къ нему и разрубилъ его на двое, по самой поясъ, такъ что ни шлемъ, ни броня не защитили Скиѳа отъ неизбѣжной смерти. Римляне, увидя этого Русса, разсѣченнаго на двѣ части и лежащаго на землѣ, закричали отъ радости и устремились на враговъ. Руссы, пораженные симъ новымъ и чуднымъ зрѣлищемъ, съ воплемъ нарушили порядокъ своего строя и обратились въ бѣгство. Римляне преслѣдовали ихъ до самой ночи и убивали безъ пощады. На семъ сраженіи, какъ говорятъ, убито Римлянъ только пятьдесятъ пять человѣкъ, но ранено много, и въ особенности убито большое число лошадей. Скиѳы-же потеряли болѣе дватцати тысячь ратниковъ. Такъ кончилась первая битва Римлянъ съ Руссами. Императоръ Іоаннъ приказалъ тогда Азіатскимъ войскамъ переправиться черезъ Гелеспонтъ въ Европу, провести зиму, во Ѳракіи и Македоніи, обучать ихъ ежедневно военнымъ эволюціямъ, дабы они пріобыкли къ дѣйствіямъ и подвигамъ необходимымъ въ предстоявшей войнѣ. Самое-же начало этой войны императоръ отложилъ до будущей весны. «Когда, послѣ зимняго ненастья,» говорилъ Іоаннъ, «весеннее солнце возвратитъ намъ опять теплые и ясные дни, тогда я самъ явлюсь съ остальными войсками и поведу всѣхъ противъ Скиѳовъ.«

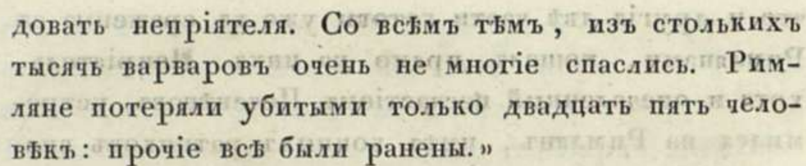
II. *Кедринъ и Зонара* (Cedreni, hist. compendium, t. II, p. 521—524. - Zonaræ, annales, t. II, lib. 17, c. I, p. 164 — 165, Вен. изд.): «Руссы, покоривъ Болгарію и взявъ въ плѣнъ Бориса и Романа, сы-

новъ Петровыхъ, не хотѣли возвратиться въ свою страну, а желали навсегда остаться въ Болгаріи, вопреки договора заключеннаго ими съ Никифоромъ. Къ сему много возбуждалъ ихъ Калокиръ, обѣщаясь, если они возведутъ его на Константинопольскій престолъ, то онъ умножитъ обѣщанную имъ Греками дань и они навсегда останутся союзниками и друзьями Царьграда. Руссы, возгордясь этими обѣщаніями и покоривъ оружіемъ всю страну, не приняли пословъ Іоанна, обѣщавшаго имъ свято соблюсти договоръ заключенный съ ними Никифоромъ, и дали посланнымъ отвѣтъ гордый и презрительный. Такимъ образомъ императоръ принужденъ былъ начать съ ними войну. Онъ перевелъ войска свои съ востока на западъ, назначилъ военачальникомъ магистра Варда, прозваннаго Склиромъ, (т. е. жестокимъ), на сестрѣ котораго былъ женатъ Іоаннъ и въ началѣ весны хотѣлъ самъ лично принять начальство надъ всею ратію. Святославъ, услышавъ между тѣмъ о прибытіи въ Болгарію Римскаго войска, и присоединя къ Руссамъ часть Болгаръ, Печенѣговъ (72) и Турокъ, жившихъ въ Паннонiи, всего въ числѣ трехъ сотъ восьми тысячь (73) человѣкъ, перешелъ Емскія горы, разорилъ и опустошилъ всю Ѳракію, расположилъ свои войска подлѣ Адріанополя и ожидалъ тамъ Римлянъ. Магистръ Вардъ, имѣя только двенадцать тысячь ратниковъ, не могъ дѣйствовать открытою силою противъ такого количества непріятелей, а потому и рѣшился употребить хитрость при нападеніи на Руссовъ. Онъ находился съ своими войсками внутри города, и хотя непріятель ча-

сто вызывалъ его на бой и разорялъ всѣ окрестности, но онъ показывалъ видъ, что боится его. Такое притворство поселило въ Болгарахъ презрѣніе къ Римскому войску. Они думали, что Вардъ дѣйствительно боится выдти изъ города на сраженіе съ ними, а потому пренебрегали сохраненіемъ военнаго порядка въ своемъ станѣ, безпечно разсѣвались въ окружности Адріанополя, проводили ночи въ питьѣ, въ разныхъ играхъ и пляскахъ варварскихъ и не имѣли даже передовой стражи. Вардъ, выбравъ благопріятное время, отрядилъ часть войска въ засаду, послалъ патриція Алакаса, съ малымъ числомъ воиновъ, для наблюденія за непріятелями и приказалъ ему немедленно дать знать, гдѣ они находятся. Магистръ позволилъ Алакасу вступить въ самое сраженіе съ врагами, но съ тѣмъ, чтобы онъ притворился бѣгущимъ, и въ самомъ бѣгствѣ отступалъ бы тихо и стройно до того мѣста, гдѣ находилась скрытно засада: тогда только его воины должны были ускорить свое отступленіе. Воинство варваровъ раздѣлялось на три части: первая состояла изъ Болгаръ и Руссовъ, другая изъ Турокъ и третья изъ Печенѣговъ. Іоаннъ встрѣтился, случайно, съ тою, которую составляли Печенѣги, вступилъ съ ними въ сраженіе и началъ медленно отступать. Печенѣги преслѣдовали его воиновъ и между тѣмъ сами разстроили свои ряды. Римляне завлекли ихъ до мѣста засады, гдѣ внезапно ихъ окружилъ Вардъ съ скрывавшимися воинами и низложилъ множество Скиѳовъ. Вардъ, разбивъ такимъ образомъ одну часть варварскаго войска и узнавъ отъ плѣнныхъ,

что и другія двѣ части готовы уже къ сраженію съ Римлянами, пошелъ прямо на нихъ. Непріятель, хотя и опечаленный несчастіемъ Печенѣговъ, устремился на Римлянъ, имѣя конныхъ ратниковъ впереди, а пѣшихъ сзади. Въ самомъ началѣ сраженія всадники были отражены, отступили къ своей пѣхотѣ и тамъ дожидались новаго нападенія отъ Римлянъ. Долго сраженіе продолжалось съ равнымъ успѣхомъ съ обѣихъ сторонъ. Въ это время, одинъ изъ храбрѣйшихъ Скиѳовъ, огромнаго роста, отдѣлился отъ своихъ товарищей, напалъ на самаго магистра, объѣзжавшаго тогда свои полки и нанесъ ему ударъ, мечемъ, по шлему. Но ударъ не причинилъ вреда, потому что мечъ соскользнулъ со шлема. Тогда Вардъ самъ ударилъ его по головѣ и столь сильно, что разсѣкъ Скиѳа на двое. Патрицій Константинъ, братъ магистра, устремившійся на защиту Варда, хотѣлъ ударить мечемъ другаго Скиѳа по шлему, но этотъ, избѣгая удара, уклонился всѣмъ тѣломъ назадъ, и патрицій отрубилъ голову его лошади. Потомъ сошелъ съ коня, и взявъ за бороду варвара, лежавшаго уже на землѣ, тутъ-же его закололъ. Это зрѣлище возбудило храбрость въ Римскомъ войскѣ и поселило страхъ въ рядахъ Скиѳовъ. Они вскорѣ оставили сраженіе и въ безпорядкѣ обратились въ бѣгство. Римляне преслѣдовали ихъ и покрыли все поле мертвыми тѣлами. Въ плѣнъ захвачено болѣе, чѣмъ убито на мѣстѣ и всѣ взятые были ранены, кромѣ немногихъ. Ни одинъ варваръ не спасся-бы отъ плѣна, если-бы наступившая ночь не воспрепятствовала Римлянамъ преслѣ-

довать непріятеля. Со всѣмъ тѣмъ, изъ стольких тысячь варваровъ очень не многіе спаслись. Римляне потеряли убитыми только двадцать пять человѣкъ: прочіе всѣ были ранены.»

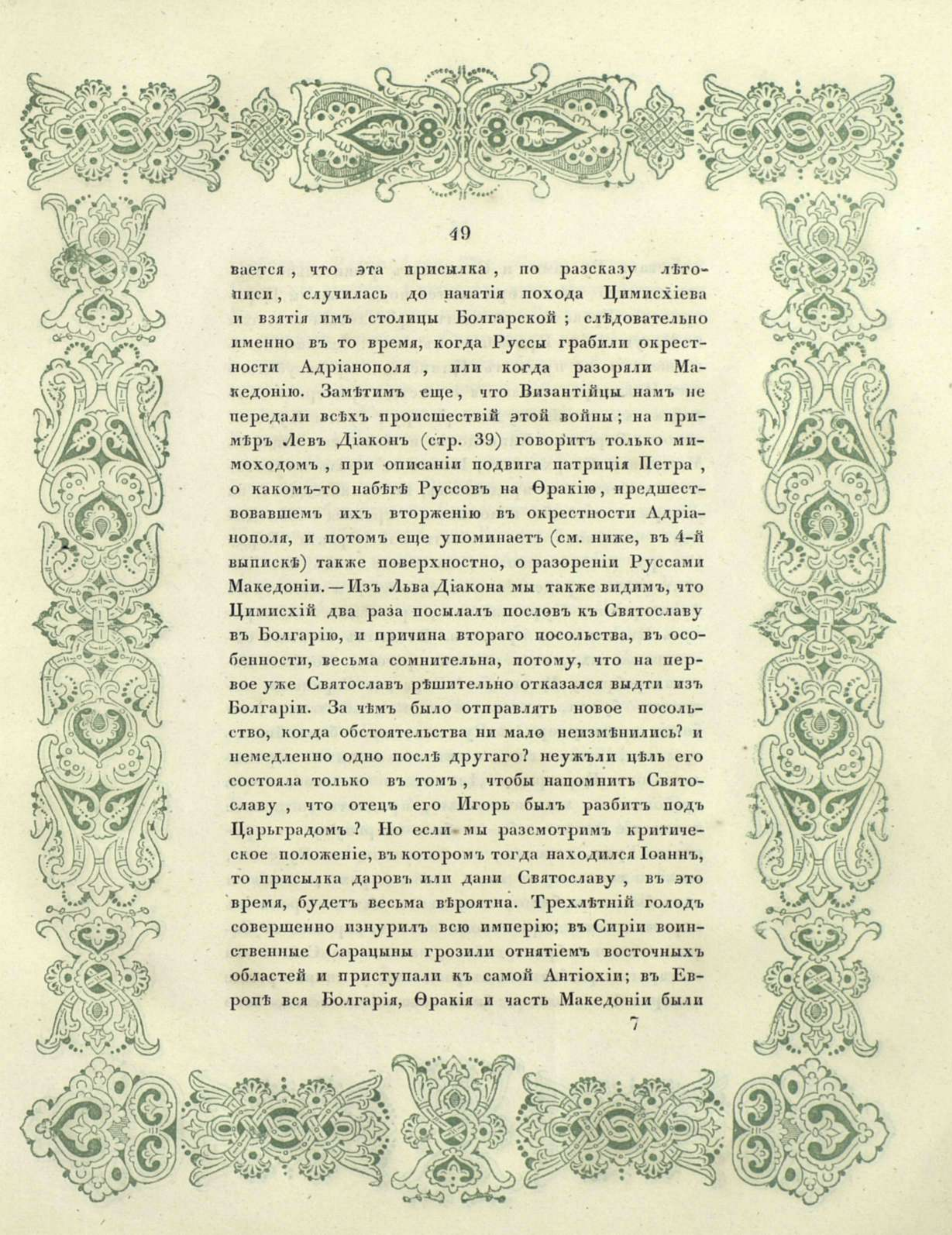


III. Несторъ: «И посла (Святославъ) къ Грекомъ, глаголя: хочю на вы ити, взяти градъ вашь, яко и сей (74). И рѣша Грьци: мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы. Се же рѣша Грьци, льстяче подъ Русью. (75). И рече имъ Святославъ: есть насъ К. тысящь. и прирече I. тысящь, бѣ бо Руси I. тысящь только. И пристроиша Грьци Р. тысящь на Святослава, и не даша дани; и поиде Святославъ на Греки, и изидоша противу Руси. Видѣвше же Русь оубояшася зѣло множьства вои, и рече Святославъ: оуже намъ нѣкамо ся дѣти; волею и неволею стати противу, да не посрамимъ землѣ Рускіѣ, но ляжемъ костьми; мертвыи бо срама не имамъ, аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, ни имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду, аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою. и рѣша вои: идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ. И исполчишася Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Святославъ, и бѣжаша Грьци; и поиде Святославъ ко Граду, воюя и грады разбивая, яже стоятъ и до днешняго дне. И созва Царь боляре своя в полату и рече имъ: што створимъ, яко не можемъ противу ему стати? И рѣша ему боляре: посли к нему дары; искусимъ и, любьзнивъ

ли есть злат8, ли паволокамъ? Й посла к нему злато, и паволоки, и мужа мудра; рѣша ему: глядай взора, и лица его, и смысла его. Ѡнъ же вземъ дары, приде къ Свѧтославу. Повѣдаша Свѧтославу, ѧко придоша Грьци с поклономъ, и рече: въведѣте ѧ сѣмо. Придоша и поклониншасѧ ему, положиша предн нимъ злато и паволоки, и рече Свѧтославъ, кромѣ зрѧ, отрокомъ своимъ: схороните. Ѡниже придоша ко Царю, и созва Царь болѧры, рѣша же послании: ѧко придохомъ к нему, и вдахомъ дары, и не зрѣ на нѧ, и повелѣ схоронити. И рече єдінъ: искуси и еще, посли єму ѡружье. Ѡни же послушаша его, и послаша ему мечь и ино ѡружье, и принесоша к нему; ѡнъ же принимъ нача хвалити и любити, и цѣлова Царѧ. Придоша ѡпѧть ко Царю и повѣдаша ему всѧ бывшаѧ, и рѣша болѧре: лютъ се мужь хоче быти, ѧко имѣньѧ небрежеть, а ѡружье емлеть; имисѧ по дань. Й посла Царь, глаголѧ сице: не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши. За маломъ бо бѣ не дошелъ Царѧграда. Й вдаша єму дань; имашеть же и за оубьеныѧ, глаголѧ: ѧко родъ его возметь. Взѧ же и дары многы, и възратися в Перемславець с похвалою великою.»

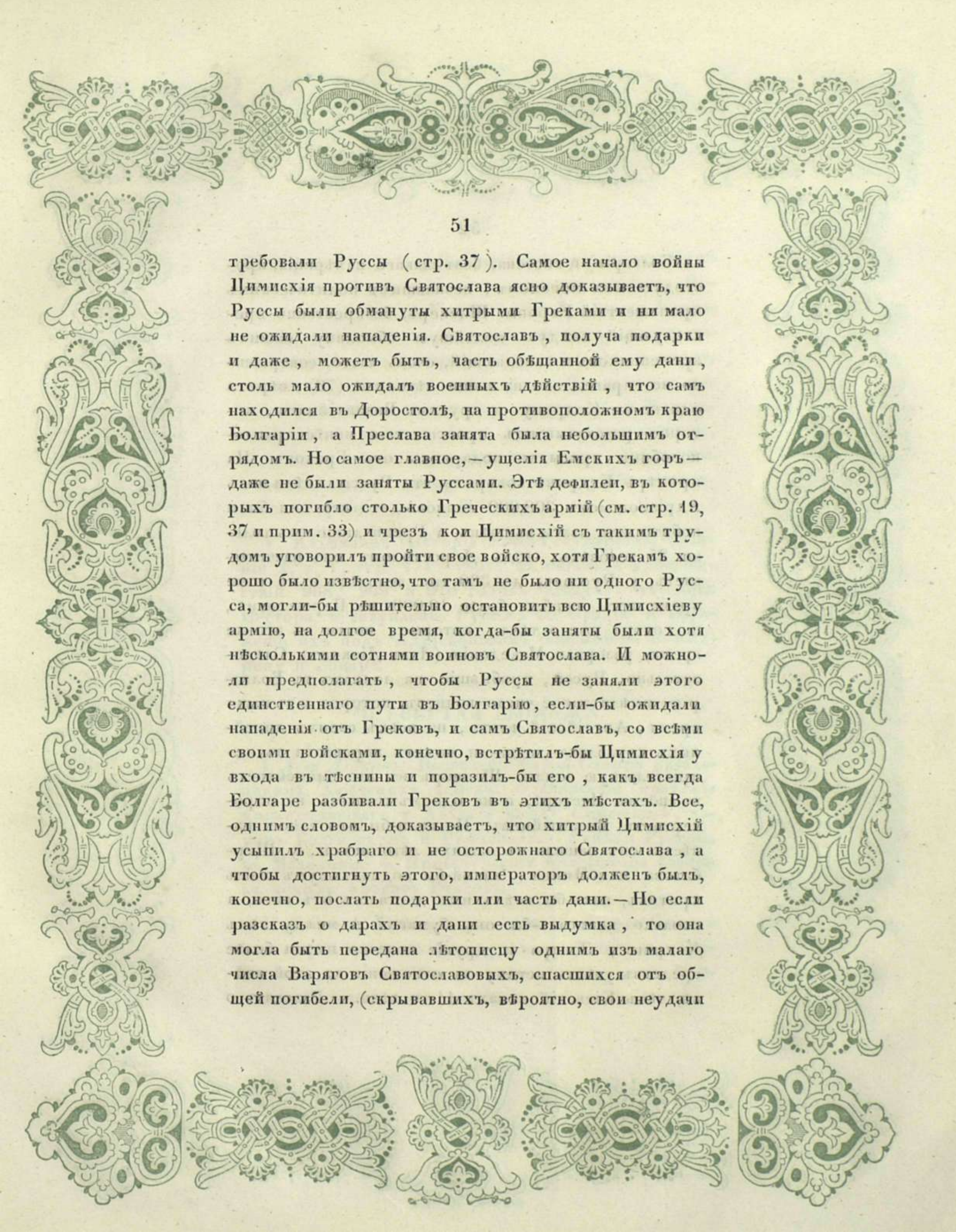
IV. Шлецеръ, грозный критикъ нашихъ лѣтописей, ужасно сердится за разсказъ, у Нестора, о дарахъ и дани, присланныхъ Святославу отъ императора и называетъ эту присылку «безразсуднымъ хвастовствомъ и нестерпимо-глупою сказкою.» А между тѣмъ самъ Шлецеръ помѣстилъ въ своемъ Несторѣ слѣдующую выписку изъ Кедрина: «Кало-

киръ,» (уговаривая Руссовъ возвести его на Константинопольскій престолъ) «обѣщалъ имъ увеличить *обѣщанную имъ дань*» и проч. (см. въ Русс. переводѣ, III, 542). Слѣдовательно, если дань была обѣщана Никифоромъ, то она, конечно, могла быть заплачена Цимисхіемъ. Чего-же хочетъ нашъ критикъ, когда сами Византійцы положительно говорятъ о дани? Это одинъ изъ тѣхъ нападковъ на нашего лѣтописца, которые столь ясно обнаружены Ф. И. Кругомъ, въ его «Krit. Versuch zur Aufklærung der Byzant. Chronologie,» и на кои можно написать такія-же три толстыя книги, какъ Шлецеровъ критическій разборъ первыхъ страницъ нашихъ лѣтописей. Конечно разсказъ о дани или подаркахъ не сообразенъ со взятіемъ Преславы Греками, сраженіями происходившими подъ Доростоломъ и вообще съ окончаніемъ войны. Но присылка подарковъ (впрочемъ столь обыкновенная отъ Византійцевъ варварамъ) не могла-ли случиться въ то время, когда Руссы въ числѣ 308 тыс., по сказанію самихъ Греческихъ писателей, перешли Емскія горы, разграбили всю Ѳракію и едва не дошли до Царьграда, въ которомъ не было тогда войскъ. Въ эту критическую эпоху, и не полагаясь много на защиту 10 тыс. Грековъ, запертыхъ въ Адріанополѣ Руссами, императоръ, вѣроятно, былъ готовъ, не только послать подарки, но и платить дань, какъ нѣкогда прежніе Цареградскіе владыки платили другимъ варварамъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. — Изъ самихъ словъ Нестора: «Святославъ, взявъ дары, возвратился въ Переяславецъ» ясно откры-



вается, что эта присылка, по разсказу лѣтописи, случилась до начатія похода Цимисхіева и взятія имъ столицы Болгарской; слѣдовательно именно въ то время, когда Руссы грабили окрестности Адріанополя, или когда разоряли Македонію. Замѣтимъ еще, что Византійцы намъ не передали всѣхъ происшествій этой войны; на примѣръ Левъ Діаконъ (стр. 39) говоритъ только мимоходомъ, при описаніи подвига патриція Петра, о какомъ-то набѣгѣ Руссовъ на Ѳракію, предшествовавшемъ ихъ вторженію въ окрестности Адріанополя, и потомъ еще упоминаетъ (см. ниже, въ 4-й выпискѣ) также поверхностно, о разореніи Руссами Македоніи. — Изъ Льва Діакона мы также видимъ, что Цимисхій два раза посылалъ пословъ къ Святославу въ Болгарію, и причина втораго посольства, въ особенности, весьма сомнительна, потому, что на первое уже Святославъ рѣшительно отказался выдти изъ Болгаріи. За чѣмъ было отправлять новое посольство, когда обстоятельства ни мало неизмѣнились? и немедленно одно послѣ другаго? неужъли цѣль его состояла только въ томъ, чтобы напомнить Святославу, что отецъ его Игорь былъ разбитъ подъ Царьградомъ? Но если мы разсмотримъ критическое положеніе, въ которомъ тогда находился Іоаннъ, то присылка даровъ или дани Святославу, въ это время, будетъ весьма вѣроятна. Трехлѣтній голодъ совершенно изнурилъ всю имперію; въ Сиріи воинственные Сарацыны грозили отнятіемъ восточныхъ областей и приступали къ самой Антіохіи; въ Европѣ вся Болгарія, Ѳракія и часть Македоніи были

завоеваны Руссами и Святославъ рѣшительно объявилъ, что онъ скоро явится подъ стѣнами Царьграда, а Грекамъ совѣтовалъ переселиться навсегда въ Малую Азію. Прибавимъ къ этому: беззаконность восшествія на престолъ Цимисхія; кровь убитаго имъ Никифора, вопіявшая о мести; приверженность войскъ къ погибшему императору; бунты Куропалатовъ, Варда въ Каппадокіи и Льва, его отца, въ Македоніи. Сверхъ того, Іоаннъ не имѣлъ ни готовыхъ войскъ, ему преданныхъ, ни полководцевъ, на которыхъ могъ-бы положиться: крайняя необходимость заставила его отозвать изъ Ѳракіи Варда Склира (единственнаго, на коего могъ онъ надѣяться, по родственнымъ связямъ) и послать въ Азію противъ Куропалатовъ, грозившихъ низвергнуть Цимисхія съ престола. Въ этихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, имѣя столько враговъ, что было дѣлать храброму Цимисхію? Отразить Сарацынъ, потушить бунты, утолить повсемѣстный голодъ, но болѣе всего удержать Руссовъ, какъ ближайшихъ враговъ, находившихся въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Царьграда. Для этого въ особенности требовалось, хотя нѣсколько, продлить тогдашнее положеніе дѣлъ, дабы не быть свергнуту съ престола. Тутъ, конечно, въ отношеніи къ Руссамъ, главное состояло въ томъ, чтобы дарами, данью и чѣмъ-бы то ни было, остановить ихъ на время въ окрестностяхъ Адріанополя; потомъ, справясь съ Сарацынами и собравъ войска, напасть на Святослава и стараться разбить его въ расплохъ, усыпивъ прежде подарками и, можетъ быть, обѣщаніемъ всего, чего



требовали Руссы (стр. 37). Самое начало войны Цимисхія противъ Святослава ясно доказываетъ, что Руссы были обмануты хитрыми Греками и ни мало не ожидали нападенія. Святославъ, получа подарки и даже, можетъ быть, часть обѣщанной ему дани, столь мало ожидалъ военныхъ дѣйствій, что самъ находился въ Доростолѣ, на противоположномъ краю Болгаріи, а Преслава занята была небольшимъ отрядомъ. Но самое главное, — ущелія Емскихъ горъ — даже не были заняты Руссами. Этѣ дефилеи, въ которыхъ погибло столько Греческихъ армій (см. стр. 19, 37 и прим. 33) и чрезъ кои Цимисхій съ такимъ трудомъ уговорилъ пройти свое войско, хотя Грекамъ хорошо было извѣстно, что тамъ не было ни одного Русса, могли-бы рѣшительно остановить всю Цимисхіеву армію, на долгое время, когда-бы заняты были хотя нѣсколькими сотнями воиновъ Святослава. И можно-ли предполагать, чтобы Руссы не заняли этого единственнаго пути въ Болгарію, если-бы ожидали нападенія отъ Грековъ, и самъ Святославъ, со всѣми своими войсками, конечно, встрѣтилъ-бы Цимисхія у входа въ тѣснины и поразилъ-бы его, какъ всегда Болгаре разбивали Грековъ въ этихъ мѣстахъ. Все, однимъ словомъ, доказываетъ, что хитрый Цимисхій усыпилъ храбраго и не осторожнаго Святослава, а чтобы достигнуть этого, императоръ долженъ былъ, конечно, послать подарки или часть дани. — Но если разсказъ о дарахъ и дани есть выдумка, то она могла быть передана лѣтописцу однимъ изъ малаго числа Варяговъ Святославовыхъ, спасшихся отъ общей погибели, (скрывавшихъ, вѣроятно, свои неудачи

въ Болгаріи) и внесена, безъ всякаго намѣренія, простодушнымъ монахомъ, незнавшимъ политическихъ происшествій Европы. Шлецеръ, безпрестанно преслѣдующій каждую малѣйшую обмолвку нашихъ временниковъ и нападающій, очень часто, совершенно не справедливо на наши лѣтописи (76), вѣритъ однако-же Кедрину и другимъ Византійцамъ, которые разсказываютъ происшествія менѣе правдоподобныя присылки подарковъ отъ Грековъ. На примѣръ Кедринъ говоритъ, что Руссы имѣли подъ Адріанополемъ 308,000 воиновъ, что всѣ они были побиты или взяты въ плѣнъ, а Греки лишились только 25 человѣкъ; подъ Доростоломъ онъ насчитываетъ, у Руссовъ, до 330 тыс. человѣкъ и въ тоже время ихъ погибло болѣе 10,000 въ Переяславцѣ, не говоря уже о тѣхъ, которые, почти въ это-же время, разоряли Македонію (Левъ Діаконъ). Слѣдовательно, Руссы, прибывшіе на лодкахъ въ Болгарію, имѣли такое число воиновъ, которое и въ наше время, Англійскій флотъ, на всѣхъ своихъ линейныхъ корабляхъ, едва-ли можетъ перевести въ непріятельскую землю. Шлецеръ все это выписываетъ въ своемъ Несторѣ, и ни однимъ словомъ не опровергаетъ Византійцевъ. Но если-бы это самое извѣстіе онъ нашелъ въ нашихъ лѣтописяхъ, у Щербатова или Эмина, какой-бы поднялъ шумъ нашъ критикъ, какъ-бы всѣмъ имъ досталось отъ него, и сколько исписалъ-бы онъ бумаги? А между тѣмъ Кедринъ, Зонара и другіе конечно имѣли болѣе средствъ узнать истину въ отношеніи къ этой войнѣ, чѣмъ Кіевскій монахъ 11-го вѣка. — Разсказъ о

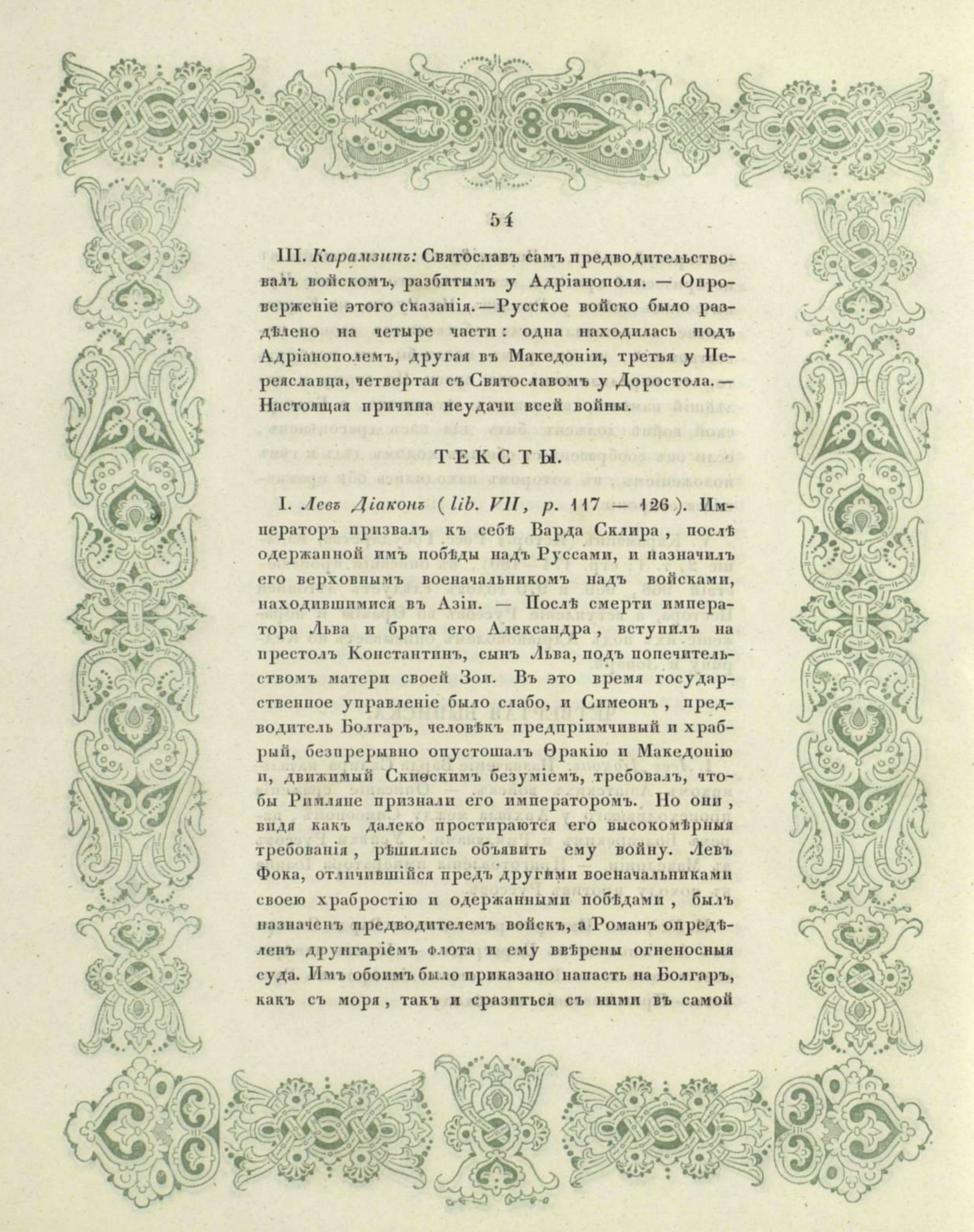
Болгарской войнѣ, у Византійцевъ, въ отношеніи къ исторической критикѣ, есть тоже, что описаніе Пуническихъ войнъ у Римлянъ. Ни Руссы, ни Карѳагеняне не оставили намъ собственныхъ своихъ повѣствованій, по которымъ могли-бы мы повѣрить то, что передали намъ ихъ враги. По этому и малѣйшій намѣкъ, въ нашихъ лѣтописяхъ, о Болгарской войнѣ долженъ быть для насъ драгоцѣненъ, если онъ сообразенъ съ общимъ ходомъ дѣлъ и тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находились обѣ сражавшіяся стороны.

V. Карамзинъ (Исторія Росс. Государства, изданіе 2, т. 1, стр. 174—180), въ описаніи происшествій 968, 969 и 970 годовъ слѣдуетъ лѣтописи Нестора, а вступленіе Руссовъ во Ѳракію и пораженіе ихъ подъ Адріанополемъ описываетъ по Кедрину и Зонарѣ.

ЧЕТВЕРТАЯ ВЫПИСКА.

I. *Левъ Діаконъ:* Назначеніе Варда Склира начальникомъ Азіатскихъ войскъ. — Описаніе сраженія происходившаго у Анхіала между Симеономъ, царемъ Болгарскимъ и Римлянами.- Успѣхи Руссовъ въ Македоніи. — Приготовленія императора Іоанна къ походу противъ Руссовъ.

II. *Кедринъ:* Императоръ отзываетъ Варда Склира изъ Адріанополя въ Царьградъ. — Іоаннъ намѣревается самъ вести Римское ополченіе противъ Руссовъ.—Приготовленія къ походу.



III. *Карамзинъ:* Святославъ самъ предводительствовалъ войскомъ, разбитымъ у Адріанополя. — Опроверженіе этого сказанія.—Русское войско было раздѣлено на четыре части: одна находилась подъ Адріанополемъ, другая въ Македоніи, третья у Переяславца, четвертая съ Святославомъ у Доростола.— Настоящая причина неудачи всей войны.

ТЕКСТЫ.

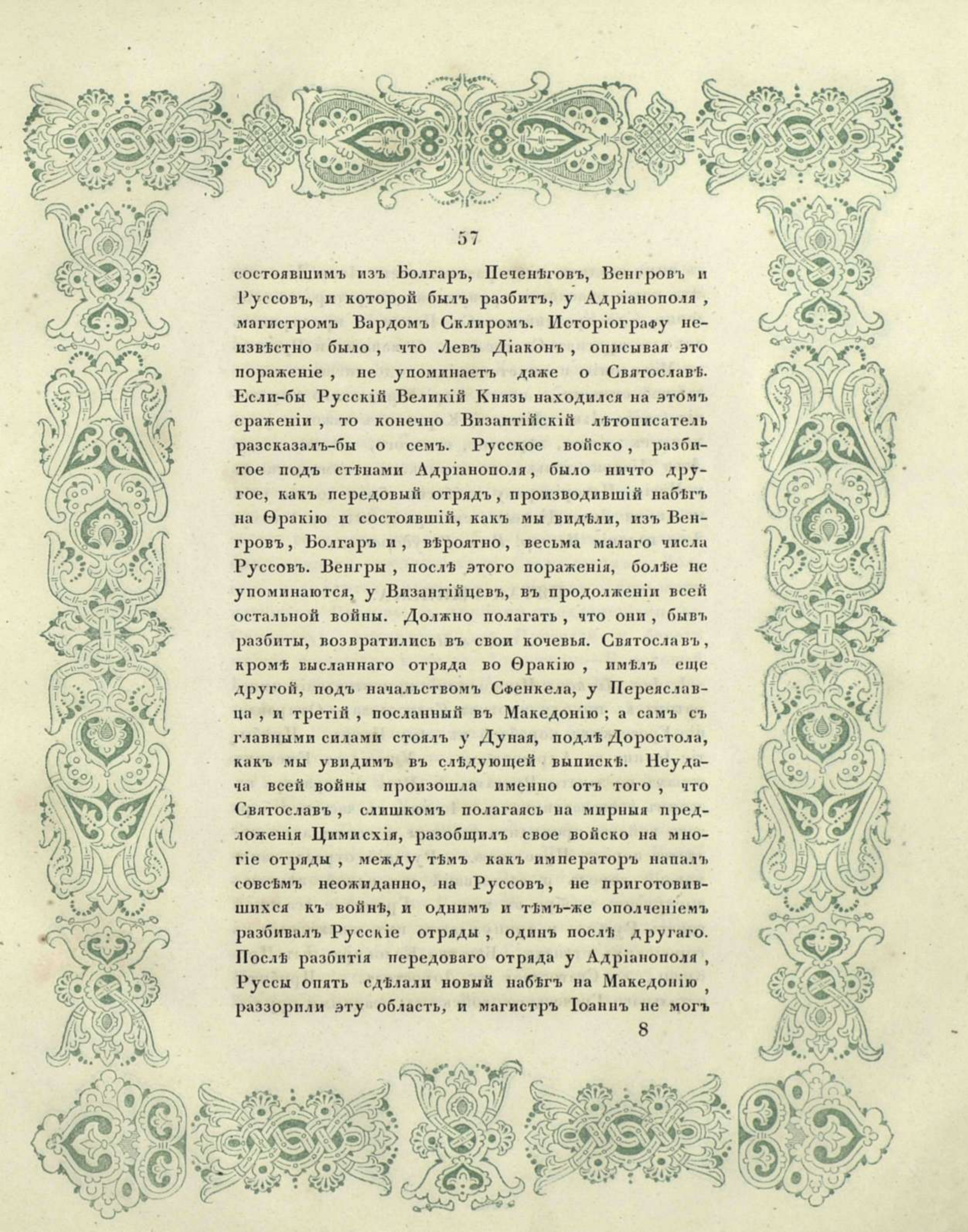
I. *Левъ Діаконъ* (*lib. VII, p.* 117 — 126). Императоръ призвалъ къ себѣ Варда Склира, послѣ одержанной имъ побѣды надъ Руссами, и назначилъ его верховнымъ военачальникомъ надъ войсками, находившимися въ Азіи. — Послѣ смерти императора Льва и брата его Александра, вступилъ на престолъ Константинъ, сынъ Льва, подъ попечительствомъ матери своей Зои. Въ это время государственное управленіе было слабо, и Симеонъ, предводитель Болгаръ, человѣкъ предпріимчивый и храбрый, безпрерывно опустошалъ Ѳракію и Македонію и, движимый Скиѳскимъ безуміемъ, требовалъ, чтобы Римляне признали его императоромъ. Но они, видя какъ далеко простираются его высокомѣрныя требованія, рѣшились объявить ему войну. Левъ Фока, отличившійся предъ другими военачальниками своею храбростію и одержанными побѣдами, былъ назначенъ предводителемъ войскъ, а Романъ опредѣленъ друнгаріемъ флота и ему ввѣрены огненосныя суда. Имъ обоимъ было приказано напасть на Болгаръ, какъ съ моря, такъ и сразиться съ ними въ самой

ихъ странѣ. Левъ, прибылъ съ войскомъ въ Болгарію, сразился съ непріятелемъ и, какъ разсказываютъ, низложилъ безчисленное множество Болгаръ, такъ что Симеонъ находился въ великомъ затрудненіи и не зналъ, какъ ему отдѣлаться отъ мужественнаго и непобѣдимаго военачальника Римскаго. Но въ то самое время, когда Болгаре потеряли всю надежду на счастливое окончаніе этой войны и думали уже обратиться въ бѣгство, Левъ получилъ извѣстіе, что друнгарій Романъ приказалъ поднять якори на своихъ судахъ и, воспользовавшись попутнымъ вѣтромъ, отплылъ со всемъ флотомъ въ Константинополь, намѣреваясь захватить тамъ верховную власть. Левъ, дабы упредить, если возможно, прибытіе Романа въ Царьградъ, немедленно приказалъ всему своему войску оставить Болгарію и направить путь къ столицѣ. Симеонъ, не зная настоящей причины страннаго отступленія Римлянъ, полагалъ сначала, что это была военная хитрость, дабы заманить Болгаръ въ какую нибудь засаду. Но вскорѣ увѣрившись, что Римское войско дѣйствительно бѣжитъ отъ Болгаръ, Симеонъ началъ его сильно преслѣдовать и жестоко умертвилъ безчисленное множество Римлянъ. И теперь еще можно видѣть цѣлыя груды костей близь Анхіала, гдѣ погибло столь постыдно бѣжавшее войско Льва Фоки (77). — Когда Скиѳы узнали объ отправленіи Варда Склира изъ Европы въ Азію, какъ я выше о семъ сказалъ, то начали опять сильно разорять Римскія области; нечаянными своими набѣгами они опустошили и ограбили Македонію (78).

Въ это время начальство надъ Римскимъ войскомъ ввѣрено было магистру Іоанну, человѣку преданному пьянству, лѣности и не способному къ военнымъ предпріятіямъ. Въ слѣдствіе этого предпріимчивость и самонадѣянность Руссовъ достигли высочайшей степени. Императоръ, выведенный изъ терпѣнія ихъ наглою дерзостію и очевиднымъ къ нему презрѣніемъ, рѣшился собрать всѣ силы для отраженія непріятеля и для предохраненія себя, посредствомъ битвы, отъ угрожавшей опасности. Онъ приказалъ приготовить огненосныя суда и доставить въ Адріанополь хлѣбъ и оружіе, необходимые для войскъ, дабы, при начатіи военныхъ дѣйствій, они не имѣли ни въ чемъ недостатка.»

II. *Кедринъ* и *Зонара* (Cedr. II, p. 524 и 526.— Zonar. lib. XVII, c. II, p. 165. Вен. изд.). «Во время самаго сраженія получено было повелѣніе, которымъ императоръ призывалъ Варда въ Царьградъ, для принятія начальства надъ войсками, расположенными въ Азіи. Послѣ этого, императоръ рѣшился самъ предводительствовать ополченіемъ, назначеннымъ противъ Руссовъ. Онъ опредѣлилъ военачальниковъ, прославившихся знаніемъ ратнаго дѣла, роздалъ награды воинамъ и велѣлъ заготовить все нужное для продовольствія и вооруженія. Императоръ приказалъ также Льву, друнгарію морскихъ силъ, починить старые корабли, построить новые, и такимъ образомъ составилъ значительное морское ополченіе.»

III. *Карамзинъ*, слѣдуя описанію Кедрина, говоритъ, что Святославъ самъ предводительствовалъ отрядомъ,



состоявшимъ изъ Болгаръ, Печенѣговъ, Венгровъ и Руссовъ, и которой былъ разбитъ, у Адріанополя, магистромъ Вардомъ Склиромъ. Исторіографу неизвѣстно было, что Левъ Діаконъ, описывая это пораженіе, не упоминаетъ даже о Святославѣ. Если-бы Русскій Великій Князь находился на этомъ сраженіи, то конечно Византійскій лѣтописатель разсказалъ-бы о семъ. Русское войско, разбитое подъ стѣнами Адріанополя, было ничто другое, какъ передовый отрядъ, производившій набѣгъ на Ѳракію и состоявшій, какъ мы видѣли, изъ Венгровъ, Болгаръ и, вѣроятно, весьма малаго числа Руссовъ. Венгры, послѣ этого пораженія, болѣе не упоминаются, у Византійцевъ, въ продолженіи всей остальной войны. Должно полагать, что они, бывъ разбиты, возвратились въ свои кочевья. Святославъ, кромѣ высланнаго отряда во Ѳракію, имѣлъ еще другой, подъ начальствомъ Сфенкела, у Переяславца, и третій, посланный въ Македонію; а самъ съ главными силами стоялъ у Дуная, подлѣ Доростола, какъ мы увидимъ въ слѣдующей выпискѣ. Неудача всей войны произошла именно отъ того, что Святославъ, слишкомъ полагаясь на мирныя предложенія Цимисхія, разобщилъ свое войско на многіе отряды, между тѣмъ какъ императоръ напалъ совсѣмъ неожиданно, на Руссовъ, не приготовившихся къ войнѣ, и однимъ и тѣмъ-же ополченіемъ разбивалъ Русскіе отряды, одинъ послѣ другаго. Послѣ разбитія передоваго отряда у Адріанополя, Руссы опять сдѣлали новый набѣгъ на Македонію, раззорили эту область, и магистръ Іоаннъ не могъ

8

съ ними сладить, какъ разсказываетъ Левъ Діаконъ. Эта новая опасность принудила императора, немедленно (до праздниковъ Св. Пасхи), предпринять походъ противъ Святослава. О нападеніи Руссовъ на Македонію и опустошеніяхъ, «достигшихъ высочайшей степени ,» послѣ Адріанопольскаго пораженія (слова Льва Діакона) Карамзинъ даже не упоминаетъ : опять, вѣроятно, отъ того, что онъ зналъ Льва Діакона только по отрывкамъ, помѣщеннымъ у Пагія. Исторіографу извѣстны были только VI и IX книги Льва Діакона, см. прим. 391, къ 1 тому, 2-го изданія *Истор. Росс. Государства.*

ПЯТАЯ ВЫПИСКА.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. *Левъ Діаконъ:* Продолженіе приготовленій императора къ походу противъ Святослава.— Отправленіе Греческихъ кораблей въ рѣку Истръ. — Прибытіе Іоанна въ Адріанополь. — Ущелія въ Емскихъ горахъ не заняты Руссами. — Рѣчь императора къ своимъ военачальникамъ.— Іоаннъ, съ частію отборнаго войска, проходитъ тѣснины и неожиданно является передъ Преславою. — Русскій отрядъ, занимавшій городъ и состоявшій изъ одной пѣхоты , выступаетъ храбро въ поле. — Греческіе всадники гонятъ Руссовъ и принуждаютъ ихъ заключиться въ городскихъ стѣнахъ.—Бѣгство Калокира , изъ Преславы , къ Святославу въ Доростолъ. — Прибытіе остальнаго Греческаго войска съ осадными орудія-

ми. — Руссы, подъ начальствомъ Сфенкела, храбро защищаютъ городъ, но стѣнобитныя орудія не дозволяютъ имъ показываться на стѣнахъ Преславы. — Греки отбиваютъ ворота, входятъ въ городъ, и берутъ въ плѣнъ Бориса, царя Болгарскаго. — Руссы отступаютъ въ царскій дворецъ, обнесенный оградою, но забываютъ притворить ворота. — Императоръ, видя, что Греки не могутъ ихъ принудить къ здачѣ, приказываетъ зажечь дворецъ. — Руссы тогда выступаютъ на открытое мѣсто и продолжаютъ битву. — Греки ихъ окружаютъ и городъ остается во власти императора. - Сфенкелъ, съ остальными воинами, соединяется съ Святославомъ, а Болгаре покоряются императору. — Іоаннъ отправляетъ плѣнныхъ Руссовъ съ мирными предложеніями къ Святославу, выступаетъ изъ Преславы и беретъ многіе города на пути къ Доростолу.—Передовый Греческій отрядъ разбитъ Руссами. — Первое сраженіе императора съ Святославомъ подъ Доростоломъ. — Греческая конница рѣшаетъ битву и Руссы отступаютъ въ Доростолъ.

II. *Кедринъ:* Императоръ выступаетъ съ войскомъ изъ Царьграда.— У Редеста онъ встрѣчаетъ двухъ Скиѳовъ. —Іоаннъ съ 9000 отборнаго войска переходитъ Емскія горы и осаждаетъ Преславу.—Калокиръ уходитъ изъ города въ Русскій станъ.—Руссы идутъ на помощь къ Преславѣ. — Они разбиты и отступаютъ въ городъ. — Сфагеллъ защищаетъ Преславу.—Прибытіе остальнаго Греческаго войска. — Римляне входятъ въ городъ, берутъ въ плѣнъ царя Бориса и освобождаютъ Болгарскихъ плѣнныхъ. —

Руссы защищаются въ царскомъ дворцѣ, но огонь принуждаетъ ихъ оставить это зданіе и Преслава покорена. — Іоаннъ выступаетъ противъ Святослава, беретъ многіе города и высылаетъ передовый отрядъ, который разбиваетъ Руссовъ. — Римляне нападаютъ на главное войско Святославово и принуждаютъ его затвориться въ Доростолѣ.

III. *Гебгарди, Раичъ, Мавроурбинъ* и *Лебо* слѣдуютъ повѣствованію Кедрина и Зонары, потому что Левъ Діаконъ не былъ имъ извѣстенъ. — Лебо, хотя и ссылается на сего послѣдняго, но выписываетъ изъ Кедрина.

IV. *Карамзинъ* говоритъ, что Руссы, «при появленіи Греческихъ войскъ, занимались тамъ (впереди Преславы) спокойно воинскимъ ученіемъ.» — У Льва Діакона нѣтъ этого извѣстія. — Оно находится въ выпискахъ у Шлецера. — Опроверженіе этого и другаго столь-же нелѣпаго извѣстія, будто-бы Руссы, стоявшіе у Доростола, пришли на помощь къ Преславѣ.

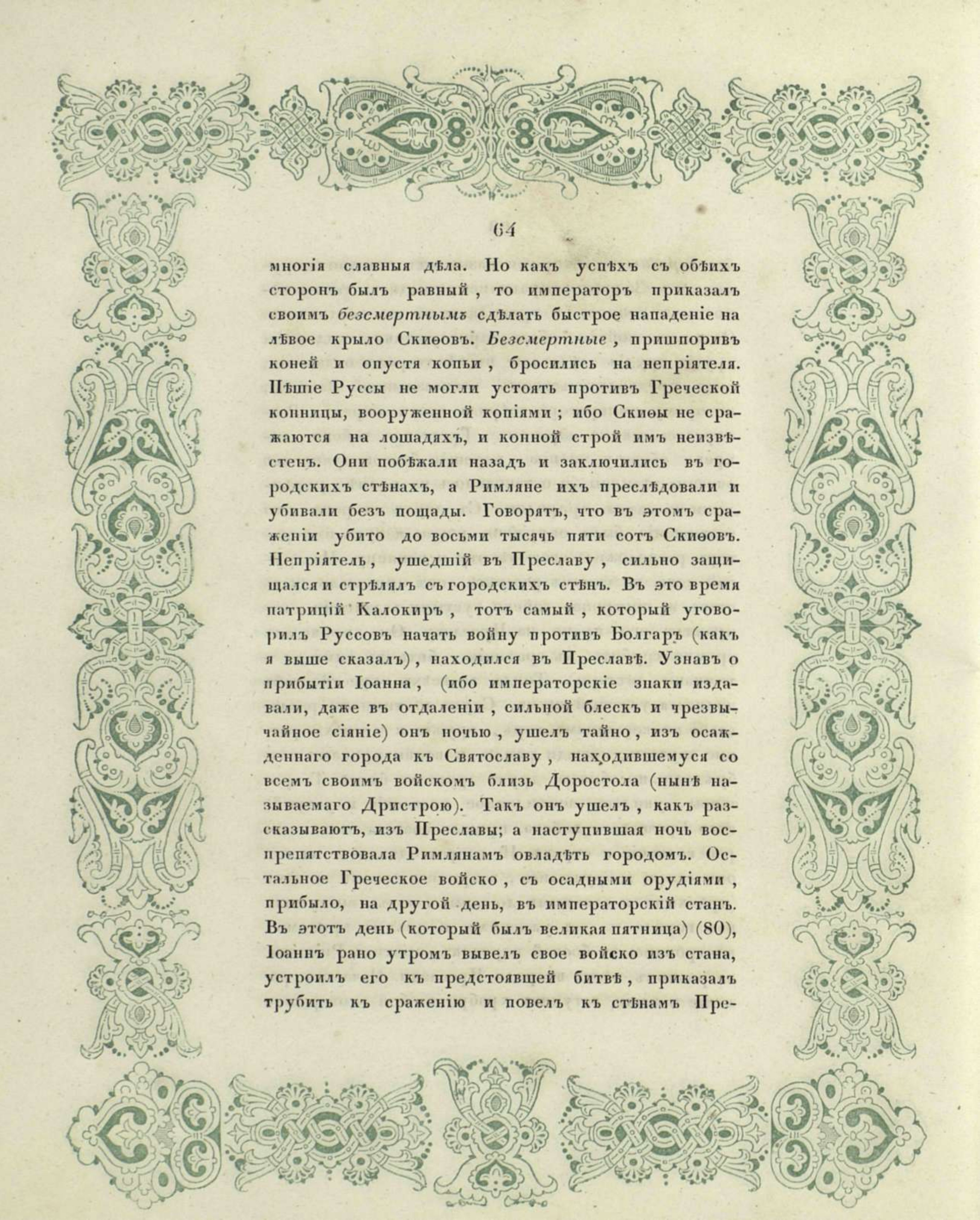
ТЕКСТЫ.

I. Левъ Діаконъ, (lib. VIII, p. 128 — 1 1). Императоръ, весною, приготовился къ походу противъ Тавро-Скиѳовъ. Помолившись въ храмахъ Спасителя (въ Халкесѣ) и Богоматери (въ Влахернахъ), онъ смотрѣлъ, изъ Влахернскаго дворца, на примѣрное сраженіе огненосныхъ и другихъ судовъ (числомъ болѣе трехъ сотъ), которыя обыкновенно стояли въ Воспорскомъ заливѣ. Послѣ этого онъ роз-

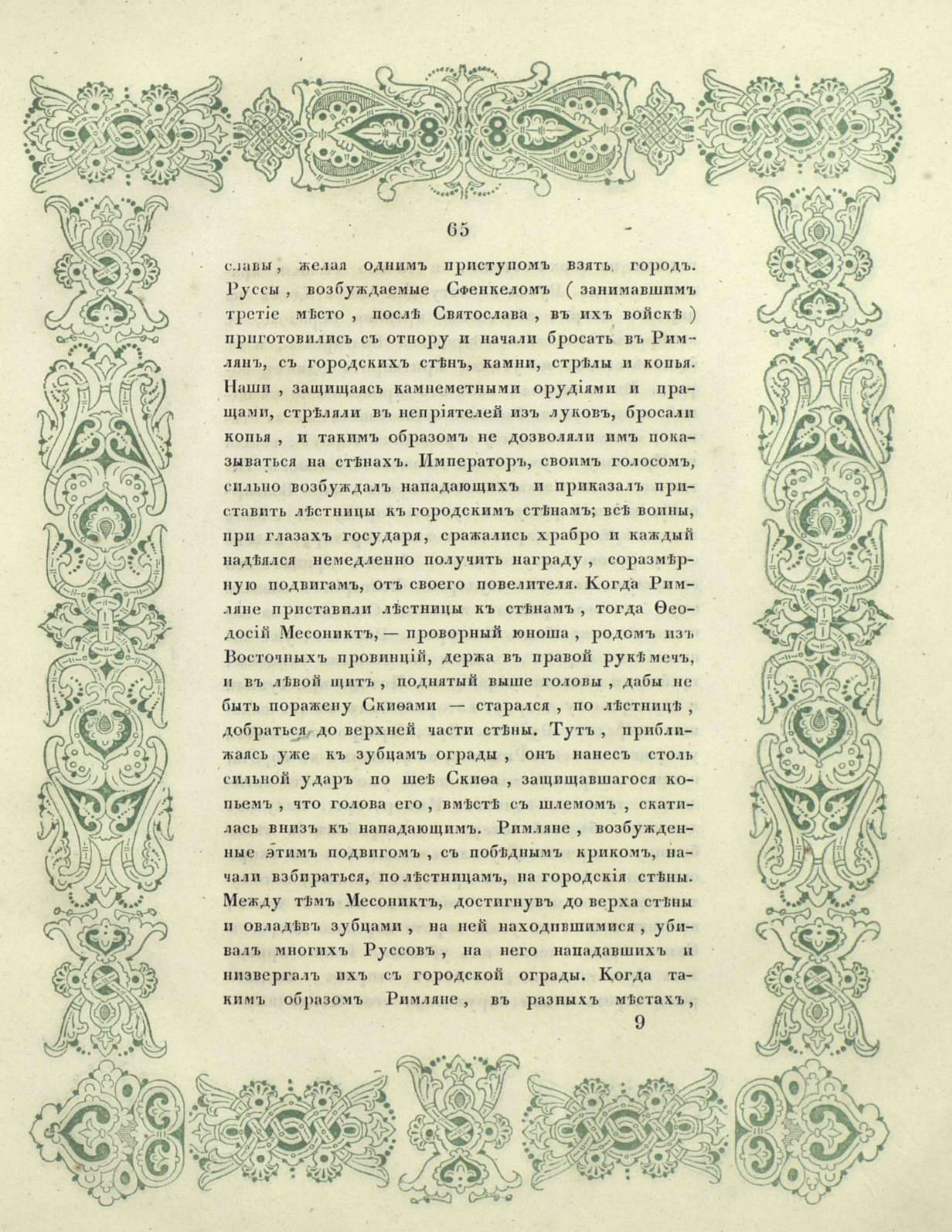
далъ денежныя награды воинамъ и приказалъ всѣмъ судамъ отправиться въ походъ и вступить въ рѣку Истръ, для того, чтобы Скиѳы, когда побѣгутъ отъ Римлянъ, не могли посредствомъ этой рѣки отплыть въ Киммерійской Воспоръ. Флотъ отправился для вступленія въ Истръ, а Іоаннъ, изъ столицы, выступилъ со всѣмъ войскомъ въ Адріанополь. Прибывъ въ этотъ городъ, императоръ узналъ, посредствомъ лазутчиковъ, что ущелія и узкія тропинки, называемыя Клизурами (79), и чрезъ которыя должно было войску проходить въ Болгарію, не были заняты непріятелемъ. Тогда онъ созвалъ всѣхъ сотниковъ и трибуновъ и сказалъ имъ: «я полагалъ, товарищи, что Скиѳы, ожидая давно нашего къ нимъ прихода, успѣли уже сдѣлать укрѣпленія и заградить всѣ проходы окопами, въ тѣхъ тѣсныхъ мѣстахъ, по которымъ намъ необходимо должно пройти. Вѣроятно приближеніе праздника Св. Пасхи было причиною ихъ безпечности, и они не полагали, чтобы мы, вмѣсто торжествъ, предписанныхъ великимъ праздникомъ, игръ и пиршествъ, рѣшились начать, въ это время, военные наши подвиги. По моему мнѣнію, должно теперь-же воспользоваться этимъ важнымъ обстоятельствомъ, перейти, какъ возможно скорѣе, всѣ ущелія, дабы Скиѳы не успѣли узнать о нашемъ приходѣ и занять своими войсками этѣ опасныя для насъ мѣста. По переходѣ этѣхъ тѣснинъ, я полагаю, съ помощію Божіею, напасть на непріятеля нечаянно и съ перваго приступа взять Преславу, столицу Болгаріи. Одержавъ эту побѣду, намъ уже гораздо легче

будетъ обуздать бѣшенство Руссовъ.» — Этѣ слова императора, которыми онъ доказывалъ необходимость провести Римскія войска черезъ ущелія и тѣснины, ведущія въ непріятельскую землю, казались военачальникамъ его дерзкими и даже исполненными безразсудства. Императоръ, понявъ ихъ долгое молчаніе, продолжалъ имъ говорить слѣдующее: «не осторожныя или слишкомъ смѣлыя военныя предпріятія дѣйствительно всегда опасны и часто пагубны; это очень извѣстно мнѣ, воспитанному, съ самой юности, въ военномъ станѣ и одержавшему уже не одну побѣду, какъ вы всѣ знаете. Но когда счастіе намъ благопріятствуетъ и не дозволяетъ долго размышлять, тогда слѣдуетъ смѣло воспользоваться благопріятнымъ случаемъ; въ этомъ, я полагаю, должны согласиться и вы сами, какъ военачальники, пріобрѣтшіе опытность въ превратностяхъ войны. И такъ, послѣдуйте моему совѣту; воспользуемся безпечностію непріятеля, въ особенности тѣмъ, что онъ еще не знаетъ о нашемъ приходѣ, и побѣда увѣнчаетъ переходъ черезъ ущелія. Напротивъ того, если Руссы получатъ извѣстіе о нашемъ намѣреніи, то займутъ тѣснины; тогда дѣло приметъ другой оборотъ и намъ будетъ угрожать большая опасность. Теперь вооружитесь мужествомъ, не забывайте, что вы Римляне, прежде побѣждавшіе всѣхъ непріятелей, слѣдуйте за мною и докажите этимъ вашу храбрость.» Императоръ, сказавъ это воинамъ, возсѣлъ на своего бодраго и смѣлаго коня, покрытый блестящими доспѣхами и, съ длиннымъ копьемъ на плечѣ, открылъ шествіе, предводительствуя отрядомъ

безсмертных, которыми называютъ отлично вооруженныхъ. За ними отправились пятнадцать тысячъ пѣхотныхъ воиновъ и тринадцать тысячъ всадниковъ. Остальное войско, обозъ, прислужники, осадныя и другія орудія слѣдовали въ нѣкоторомъ отдаленіи, подъ предводительствомъ военачальника Василія, которому императоръ ввѣрилъ этотъ отрядъ. Распорядясь такимъ образомъ, Греческое войско, вопреки общему мнѣнію, перешло благополучно всѣ опасныя тѣснины, и остановилось на холмѣ, укрѣпленномъ самою природою. Съ двухъ сторонъ это возвышеніе было окружено рѣкою и тутъ императоръ расположилъ свою пѣхоту и конницу. На другой день, на самомъ разсвѣтѣ, онъ приказалъ снять станъ и, построивъ войско густыми фалангами, направилъ его прямо на Преславу. Онъ приказалъ громко трубить къ сраженію, бить въ кимвалы и тимпаны (литавры). Тогда во всѣхъ окрестностяхъ поднялся ужасный шумъ. Стукъ въ тимпаны раздавался по вершинамъ горъ, оружіе и доспѣхи ратные звучали, лошади ржали, и воины криками возбуждали, по обычаю, другъ друга къ битвѣ. Тавроскиѳы, увидѣвъ неожиданное появленіе и устройство Греческаго войска, пришли сначала въ нѣкоторое волненіе и страхъ. Не взирая однако-же на это, они скоро вооружились, закрылись своими щитами (крѣпкими и длинными до самыхъ ногъ), выступили изъ города и, съ ужаснымъ и дикимъ крикомъ, выстроились въ боевой порядокъ, противъ Римлянъ, на ровномъ мѣстѣ впереди Преславы. Началось сраженіе и наши, вступивъ храбро въ бой, совершили

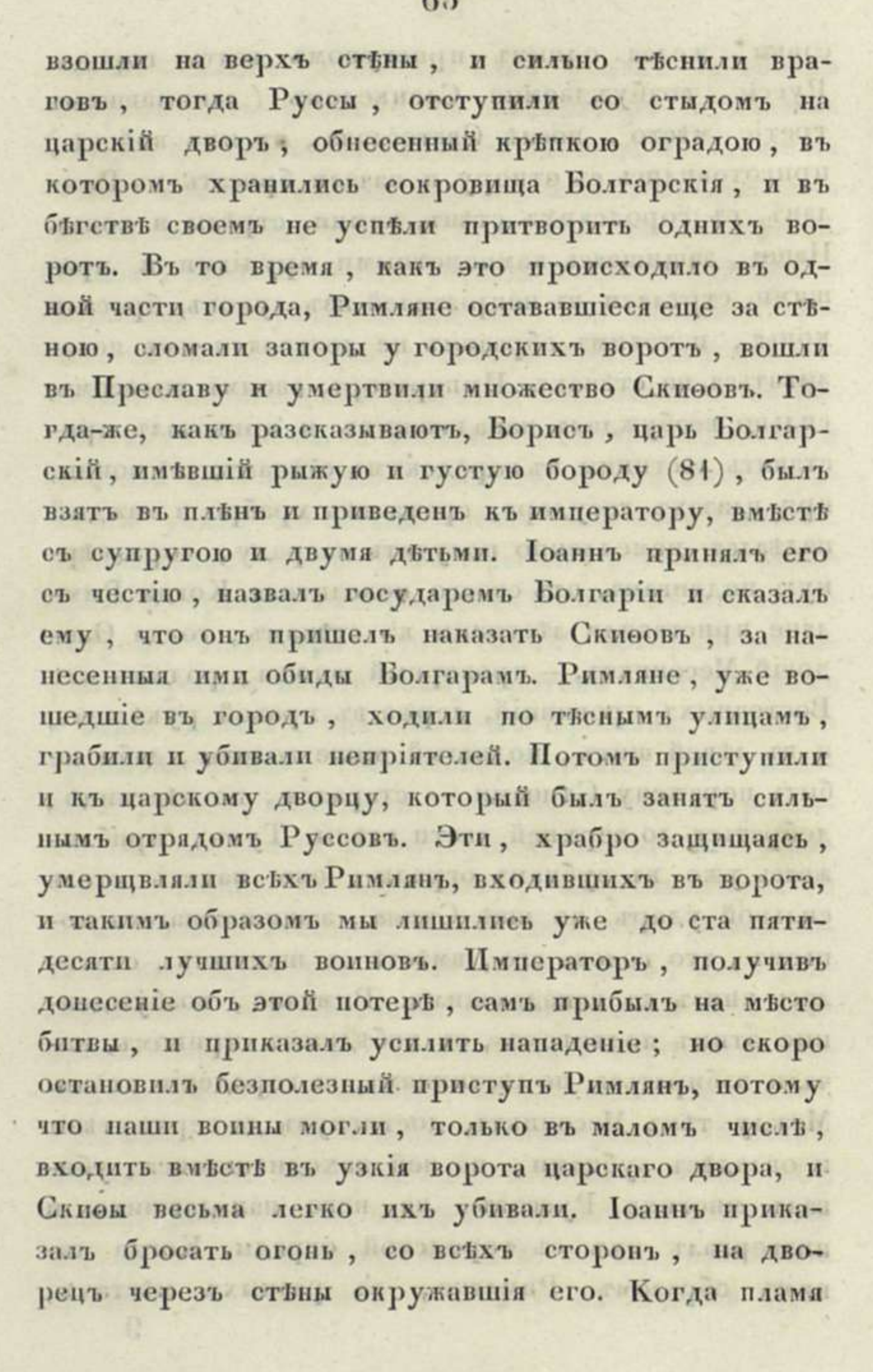


многія славныя дѣла. Но какъ успѣхъ съ обѣихъ сторонъ былъ равный, то императоръ приказалъ своимъ *безсмертнымъ* сдѣлать быстрое нападеніе на лѣвое крыло Скиѳовъ. *Безсмертные*, пришпоривъ коней и опустя копьи, бросились на непріятеля. Пѣшіе Руссы не могли устоять противъ Греческой конницы, вооруженной копіями; ибо Скиѳы не сражаются на лошадяхъ, и конной строй имъ неизвѣстенъ. Они побѣжали назадъ и заключились въ городскихъ стѣнахъ, а Римляне ихъ преслѣдовали и убивали безъ пощады. Говорятъ, что въ этомъ сраженіи убито до восьми тысячь пяти сотъ Скиѳовъ. Непріятель, ушедшій въ Преславу, сильно защищался и стрѣлялъ съ городскихъ стѣнъ. Въ это время патрицій Калокиръ, тотъ самый, который уговорилъ Руссовъ начать войну противъ Болгаръ (какъ я выше сказалъ), находился въ Преславѣ. Узнавъ о прибытіи Іоанна, (ибо императорскіе знаки издавали, даже въ отдаленіи, сильной блескъ и чрезвычайное сіяніе) онъ ночью, ушелъ тайно, изъ осажденнаго города къ Святославу, находившемуся со всемъ своимъ войскомъ близь Доростола (нынѣ называемаго Дристрою). Такъ онъ ушелъ, какъ разсказываютъ, изъ Преславы; а наступившая ночь воспрепятствовала Римлянамъ овладѣть городомъ. Остальное Греческое войско, съ осадными орудіями, прибыло, на другой день, въ императорскій станъ. Въ этотъ день (который былъ великая пятница) (80), Іоаннъ рано утромъ вывелъ свое войско изъ стана, устроилъ его къ предстоявшей битвѣ, приказалъ трубить къ сраженію и повелъ къ стѣнамъ Пре-



славы, желая однимъ приступомъ взять городъ. Руссы, возбуждаемые Сфенкеломъ (занимавшимъ третіе мѣсто, послѣ Святослава, въ ихъ войскѣ) приготовились съ отпору и начали бросать въ Римлянъ, съ городскихъ стѣнъ, камни, стрѣлы и копья. Наши, защищаясь камнеметными орудіями и пращами, стрѣляли въ непріятелей изъ луковъ, бросали копья, и такимъ образомъ не дозволяли имъ показываться на стѣнахъ. Императоръ, своимъ голосомъ, сильно возбуждалъ нападающихъ и приказалъ приставить лѣстницы къ городскимъ стѣнамъ; всѣ воины, при глазахъ государя, сражались храбро и каждый надѣялся немедленно получить награду, соразмѣрную подвигамъ, отъ своего повелителя. Когда Римляне приставили лѣстницы къ стѣнамъ, тогда Θеодосій Месоникть, — проворный юноша, родомъ изъ Восточныхъ провинцій, держа въ правой рукѣ мечъ, и въ лѣвой щитъ, поднятый выше головы, дабы не быть поражену Скиθами — старался, по лѣстницѣ, добраться до верхней части стѣны. Тутъ, приближаясь уже къ зубцамъ ограды, онъ нанесъ столь сильной ударъ по шеѣ Скиθа, защищавшагося копьемъ, что голова его, вмѣстѣ съ шлемомъ, скатилась внизъ къ нападающимъ. Римляне, возбужденные этимъ подвигомъ, съ побѣднымъ крикомъ, начали взбираться, по лѣстницамъ, на городскія стѣны. Между тѣмъ Месоникть, достигнувъ до верха стѣны и овладѣвъ зубцами, на ней находившимися, убивалъ многихъ Руссовъ, на него нападавшихъ и низвергалъ ихъ съ городской ограды. Когда такимъ образомъ Римляне, въ разныхъ мѣстахъ,

9



взошли на верхъ стѣны, и сильно тѣснили враговъ, тогда Руссы, отступили со стыдомъ на царскій дворъ, обнесенный крѣпкою оградою, въ которомъ хранились сокровища Болгарскія, и въ бѣгствѣ своемъ не успѣли притворить однихъ воротъ. Въ то время, какъ это происходило въ одной части города, Римляне остававшіеся еще за стѣною, сломали запоры у городскихъ воротъ, вошли въ Преславу и умертвили множество Скиѳовъ. Тогда-же, какъ разсказываютъ, Борисъ, царь Болгарскій, имѣвшій рыжую и густую бороду (81), былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ императору, вмѣстѣ съ супругою и двумя дѣтьми. Іоаннъ принялъ его съ честію, назвалъ государемъ Болгаріи и сказалъ ему, что онъ пришелъ наказать Скиѳовъ, за нанесенныя ими обиды Болгарамъ. Римляне, уже вошедшіе въ городъ, ходили по тѣснымъ улицамъ, грабили и убивали непріятелей. Потомъ приступили и къ царскому дворцу, который былъ занятъ сильнымъ отрядомъ Руссовъ. Эти, храбро защищаясь, умерщвляли всѣхъ Римлянъ, входившихъ въ ворота, и такимъ образомъ мы лишились уже до ста пятидесяти лучшихъ воиновъ. Императоръ, получивъ донесеніе объ этой потерѣ, самъ прибылъ на мѣсто битвы, и приказалъ усилить нападеніе; но скоро остановилъ безполезный приступъ Римлянъ, потому что наши воины могли, только въ маломъ числѣ, входить вмѣстѣ въ узкія ворота царскаго двора, и Скиѳы весьма легко ихъ убивали. Іоаннъ приказалъ бросать огонь, со всѣхъ сторонъ, на дворецъ черезъ стѣны окружавшія его. Когда пламя

обхватило все зданіе и пожаръ распространился, тогда Руссы, въ числѣ семи тысячь, принуждены были оставить царскій дворъ, вышли на открытое мѣсто и приготовились къ сраженію. Императоръ послалъ противъ нихъ отрядъ, находившійся подъ начальствомъ магистра Варда Склира, и сей, окруживъ ихъ, началъ съ ними сражаться. Руссы дрались храбро и ни одинъ не подавался назадъ; Римляне однако-же, своимъ искуствомъ въ ратномъ дѣлѣ и мужествомъ, одержали побѣду и всѣхъ Руссовъ умертвили. Въ этомъ сраженіи много погибло Болгаръ, которые находились въ рядахъ Руссовъ, и почитали Римлянъ виновниками нашествія Скиѳовъ на ихъ землю. Сфенкелъ, съ немногими воинами, ушелъ къ Святославу; но вскорѣ былъ убитъ, какъ мы опишемъ въ слѣдующей книгѣ. Такимъ образомъ Преслава была взята, въ два дни, Римскимъ ополченіемъ. Императоръ, наградивъ отличившихся воиновъ, приказалъ дать отдыхъ своему войску и праздновалъ тутъ Воскресеніе Христово. Потомъ, выбравъ нѣсколько изъ взятыхъ въ плѣнъ Скиѳовъ, отправилъ ихъ къ Святославу, дабы они сами разсказали ему о взятіи города, разбитіи Руссовъ и также объявили ему, что должно избрать одно изъ двухъ: изъявить покорность побѣдителямъ, просить помилованія и немедленно выступить изъ Болгаріи; или, если Святославъ этого не хочетъ исполнить, то-долженъ приготовиться всѣми силами отразить Римскія войска. Императоръ, сдѣлавъ этѣ предложенія Руссамъ, провелъ еще нѣсколько дней во взятомъ городѣ, приказалъ поправить разрушенныя город-

скія стѣны, переименовалъ Преславу, въ честь своего имени, Іоаннополемъ, оставилъ въ немъ, для охраненія, часть своихъ воиновъ и съ остальнымъ войскомъ пошелъ къ Доростолу. Этотъ городъ былъ, не только заложенъ славнымъ государемъ Константиномъ, но и доведенъ имъ до нынѣшней его обширности и красоты: это случилось послѣ того, какъ Константинъ увидѣлъ на небѣ крестъ и побѣдилъ Скиѳовъ, воевавшихъ противъ него. Императоръ Іоаннъ, вышедъ съ войскомъ изъ Преславы, взялъ Плесковъ, Динею (82) и другіе города, находившіеся на пути къ Доростолу, и которые, отложась отъ союза съ Руссами, поддались Римлянамъ. Извѣстіе о потерѣ Преславы много огорчило Святослава, и онъ почиталъ это дурнымъ предзнаменованіемъ начинавшейся войны; но, по Скиѳскому своему безумію, возгордясь одержанными побѣдами надъ Болгарами, мечталъ, что можетъ разбить и Римское войско. Узнавъ, что много Болгаръ отложилось отъ союза Руссовъ и перешло къ императору, Святославъ ясно видѣлъ, что дѣла его примутъ дурной оборотъ, если жители Мисіи всѣ прибѣгнутъ подъ покровительство Римлянъ. Онъ приказалъ созвать до трехъ сотъ Болгаръ знаменитыхъ родомъ и богатствомъ и предалъ ихъ безчеловѣчно смерти: всѣмъ имъ отрубили головы. Множество другихъ заключили въ оковы и посадили въ темницы. Потомъ, собравъ всѣ свои войска, числомъ до шестидесяти тысячь человѣкъ, Святославъ повелъ ихъ противъ Римлянъ. Между тѣмъ какъ императоръ медленно подвигался впередъ, храбрѣйшіе изъ Руссовъ

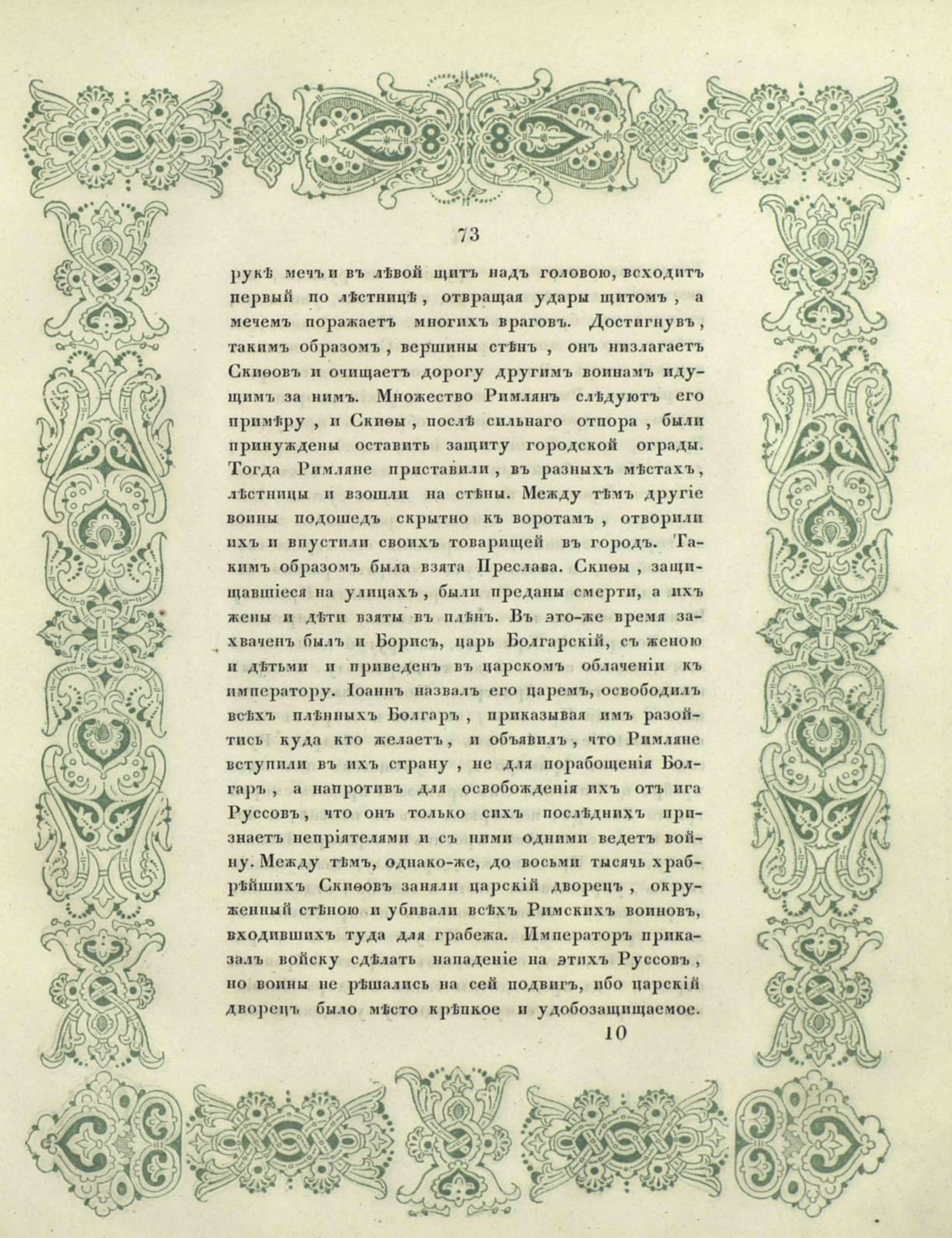
расположились въ скрытномъ мѣстѣ и, сдѣлавъ нападеніе на передовой Римской отрядъ, разбили его. Когда императоръ прибылъ на это мѣсто и увидѣлъ распростертыхъ на землѣ нашихъ убитыхъ воиновъ, то остановилъ коня, сожалѣлъ о погибели своихъ ратниковъ и приказалъ отмстить за убіенныхъ. Посланный пѣхотный отрядъ скоро обошелъ и осмотрѣлъ тутъ находившіеся лѣса и овраги, захватилъ Руссовъ, въ нихъ скрывавшихся и привелъ къ императору. Онъ немедленно приказалъ ихъ предать смерти, а приведшіе ихъ наши воины тутъ-же изрубили этихъ плѣнныхъ своими мечами. Римскія войска пришли на поле, лежавшее передъ Доростоломъ (или Дристрою) и увидѣли Тавроскиѳовъ, построившихся къ бою, въ видѣ твердой стѣны, составленной изъ ихъ щитовъ и копій. Императоръ выстроилъ противъ нихъ Римлянъ въ слѣдующемъ порядкѣ: на правомъ крылѣ и на лѣвомъ были поставлены всадники въ латахъ, а сзади ихъ стояли пращники и пѣхота, которой было приказано безпрестанно стрѣлять изъ луковъ. Таково было боевое расположеніе Римлянъ, и они, по приказанію императора, вступили немедленно въ сраженіе. Войска сошлись, началась жесточайшая битва и долго оставалась въ совершенномъ равновѣсіи. Руссы сражались храбро и отчаянно: они давно пріобрѣли славу побѣдителей надъ всѣми сосѣдственными народами и почитали величайшимъ несчастіемъ быть побѣжденными императоромъ и лишиться этой славы. Римляне также страшились быть побѣжденными и въ особенности такимъ народомъ,

который не умѣлъ ѣздить верьхомъ; они, до сихъ поръ, побѣждали всѣхъ своихъ непріятелей, какъ личною своею храбростію, такъ равно искуствомъ въ ратномъ дѣлѣ, и теперь насталъ день, въ которой могли лишиться пріобрѣтенной ими славы. Оба войска, находясь въ такомъ расположеніи, продолжали сражаться съ необыкновенною храбростію. Когда Руссы, возбужденные природнымъ звѣрствомъ и бѣшенствомъ, испуская яростные крики, храбро бросились на Римлянъ, тогда наши встрѣтили ихъ съ обычнымъ своимъ искуствомъ и опытностію. Уже пало весьма много храбрыхъ воиновъ съ обѣихъ сторонъ, а побѣда все еще оставалась сомнительною до вечера. При самомъ захожденіи солнца, императоръ собралъ всю свою конницу, возбудилъ въ ней, своею рѣчью, необыкновенную храбрость и приказалъ сдѣлать рѣшительное нападеніе на Руссовъ. Тогда всадники наши бросились на враговъ съ неизъяснимою быстротою, раздался трубный звукъ и Римляне со всѣхъ сторонъ закричали. Этого натиска Скиѳы не могли выдержать, оставили поле сраженія и затворились въ стѣнахъ города, потерявъ множество убитыми. Римляне славили побѣду и возхваляли императора, а онъ угощалъ ихъ пиршествами, награждалъ чинами и такимъ образомъ поощрялъ всѣхъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ.»

II. *Кедринъ* и *Зонара* (Cedr. II, p. 526—529. — Zonar. II, lib. 17, c. II, p. 166 — 167. Вен. изд.). «Когда всѣ приготовленія къ походу были окончены, то Іоаннъ, весною, во второе лѣто своего царствованія, вышелъ изъ Царьграда съ Римскимъ ополче-

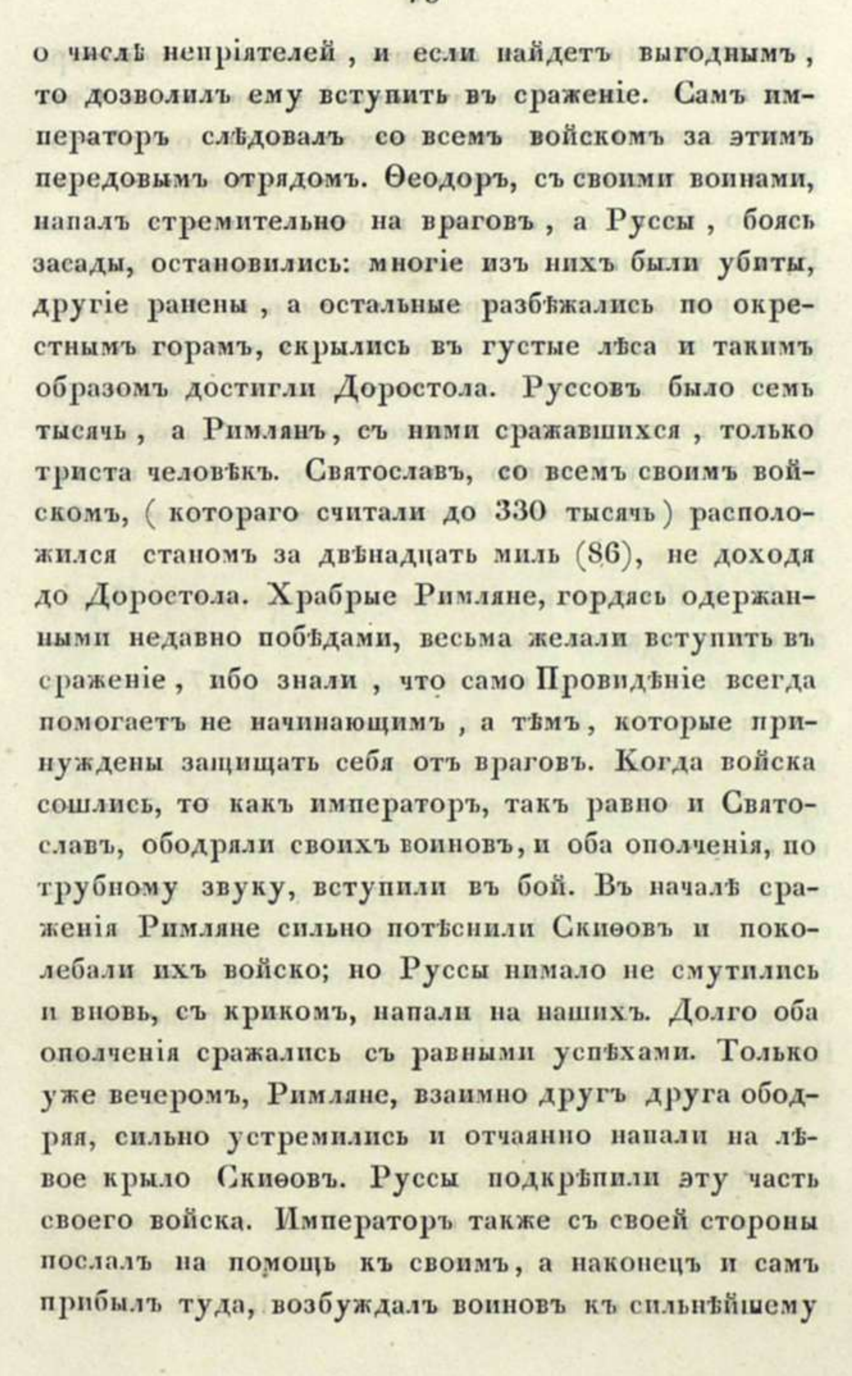
ніемъ. Прибывъ къ Редесту, онъ встрѣтилъ двухъ Скиѳовъ, присланныхъ къ нему, какъ они объявили, послами отъ ихъ князя, но дѣйствительно имѣвшихъ только порученіе осмотрѣть Римское войско. Послы приносили жалобы на обиды, полученныя Руссами отъ Грековъ. Іоаннъ, вмѣсто отвѣта, приказалъ показать этимъ двумъ Скиѳамъ свои войска, (ибо онъ зналъ настоящую причину ихъ пришествія) и потомъ, возвратясь къ Святославу, объявить ему, что самъ императоръ идетъ на него съ ополченіемъ обученнымъ и привыкшимъ къ повиновенію (83). Послѣ этого Іоаннъ, отобравъ, изъ всего своего войска, храбрѣйшихъ воиновъ, пѣшихъ до пяти тысячь и конныхъ до четырехъ тысячь, перешелъ съ симъ отборнымъ отрядомъ Емскія горы, вступилъ въ непріятельскую страну, внезапно явился передъ Преславою, столицею Болгаріи, и тутъ разбилъ свой станъ. Остальному ополченію, подъ начальствомъ Кувикуларія (84) Василія, императоръ приказалъ слѣдовать медленно за собою. Не ожиданное прибытіе Греческихъ войскъ къ Преславѣ изумило и встрѣвожило Руссовъ. Калокиръ, виновникъ этой войны, находился тогда въ городѣ; увидя Греческое ополченіе, предводительствуемое самимъ императоромъ, и услыша звуки трубъ, онъ испугался и тайно ушелъ изъ Преславы въ Русской станъ. Здѣсь Руссы, увидѣвъ его и узнавъ о прибытіи императора, были сильно поражены этимъ извѣстіемъ; но, ободренные увѣщаніями Святослава, пошли въ походъ и разбили свой станъ противъ Римскаго. Въ скоромъ времени Греческія войска напали внезапно на

враговъ, выстроившихся передъ городомъ, въ числѣ восьми тысячь пяти сотъ воиновъ (85). Долго сражались съ обѣихъ сторонъ; но наконецъ Скиѳы, утомленные битвою, побѣжали назадъ въ городъ и многіе были убиты. Во время этого сраженія, другіе Скиѳы, остававшіеся въ Преславѣ, увидя внезапное нападеніе Римлянъ и схватя оружіе, какое тогда у нихъ подъ руками находилось, вышли на помощь къ своимъ. Они выступили изъ города, не соблюдая воинскаго строя и столь разсѣянно, что Греки безъ труда ихъ побивали, и обращали въ бѣгство. Тогда Римская конница преградила имъ обратный путь и принудила еще болѣе разсѣяться по окрестнымъ полямъ, которыя покрылись ихъ трупами и много было взято въ плѣнъ. Сфагеллъ, первый военачальникъ Святослава, приказалъ затворить городскія ворота и отражалъ, со стѣнъ Преславы, камнями и стрѣлами, нападавшихъ Римлянъ. Наступившая ночь прекратила сраженіе. На другой день, съ восходомъ солнца, прибыло къ императору все остальное Римское войско, подъ начальствомъ Василія. Іоаннъ очень обрадовался этому прибытію, взошелъ на холмъ, дабы показать себя Руссамъ и приказалъ всему ополченію Римскому окружить городъ. Онъ послалъ сказать Скиѳамъ, чтобы они не упорствовали въ здачѣ города и не предавали себя видимой опасности. Но враги не внимали его увѣщаніямъ и продолжали сражаться со стѣнъ Преславы. Тогда Римляне подошли къ городу, поражали непріятелей стрѣлами и приставили къ стѣнамъ лѣстницы. Одинъ изъ нашихъ воиновъ, держа въ правой



рукѣ мечъ и въ лѣвой щитъ надъ головою, всходитъ первый по лѣстницѣ, отвращая удары щитомъ, а мечемъ поражаетъ многихъ враговъ. Достигнувъ, такимъ образомъ, вершины стѣнъ, онъ низлагаетъ Скиѳовъ и очищаетъ дорогу другимъ воинамъ идущимъ за нимъ. Множество Римлянъ слѣдуютъ его примѣру, и Скиѳы, послѣ сильнаго отпора, были принуждены оставить защиту городской ограды. Тогда Римляне приставили, въ разныхъ мѣстахъ, лѣстницы и взошли на стѣны. Между тѣмъ другіе воины подошедъ скрытно къ воротамъ, отворили ихъ и впустили своихъ товарищей въ городъ. Такимъ образомъ была взята Преслава. Скиѳы, защищавшіеся на улицахъ, были преданы смерти, а ихъ жены и дѣти взяты въ плѣнъ. Въ это-же время захваченъ былъ и Борисъ, царь Болгарскій, съ женою и дѣтьми и приведенъ въ царскомъ облаченіи къ императору. Іоаннъ назвалъ его царемъ, освободилъ всѣхъ плѣнныхъ Болгаръ, приказывая имъ разойтись куда кто желаетъ, и объявилъ, что Римляне вступили въ ихъ страну, не для порабощенія Болгаръ, а напротивъ для освобожденія ихъ отъ ига Руссовъ, что онъ только сихъ послѣднихъ признаетъ непріятелями и съ ними одними ведетъ войну. Между тѣмъ, однако-же, до восьми тысячь храбрѣйшихъ Скиѳовъ заняли царскій дворецъ, окруженный стѣною и убивали всѣхъ Римскихъ воиновъ, входившихъ туда для грабежа. Императоръ приказалъ войску сдѣлать нападеніе на этихъ Руссовъ, но воины не рѣшались на сей подвигъ, ибо царскій дворецъ было мѣсто крѣпкое и удобозащищаемое.

Тогда императоръ, съ оружіемъ въ рукахъ, пошелъ впереди всѣхъ воиновъ, и Римляне, увидя это, съ крикомъ, бросились за нимъ. Но ни Іоаннъ, ни войска его не могли принудить Скиѳовъ оставить царскій дворъ. Видя, что силою не льзя покорить непріятеля, Римляне зажгли царскій дворецъ съ разныхъ сторонъ и такимъ образомъ принудили Руссовъ оставить его; въ немъ многіе сгорѣли, другіе были убиты или взяты въ плѣнъ. Такъ была покорена Преслава въ теченіи двухъ сутокъ. Императоръ приказалъ поправить разоренныя зданія въ городѣ, оставилъ для охраненія его отрядъ своего войска, и велѣлъ тутъ собирать разныя запасы для воиновъ. Онъ переименовалъ Преславу Іоаннополемъ, въ честь своего имени, и отпраздновавъ Воскресеніе Христово, на другой день, послѣ этого, повелъ свои войска къ Доростолу, который называется также Дристрою. Когда Святославъ узналъ о взятіи Преславы, то хотя и огорченъ былъ симъ извѣстіемъ, но тѣмъ не менѣе ободрялъ Руссовъ своимъ примѣромъ, и увѣщевалъ ихъ идти храбро на Римлянъ. Онъ приказалъ предать смерти триста Болгаръ, подозрѣвая ихъ въ измѣнѣ, и потомъ повелъ свое войско противъ императора. Іоаннъ, на пути изъ Преславы къ Доростолу, взялъ многіе города, укрѣпленныя мѣста и селенія, отдалъ ихъ на расхищеніе своимъ воинамъ и опредѣлилъ новыхъ градоначальниковъ. Получа извѣстіе о приближеніи Скиѳовъ, онъ выслалъ впередъ избранный отрядъ, подъ предводительствомъ Ѳеодора Мисѳіанина, приказалъ сему послѣднему увѣдомить его



о числѣ непріятелей, и если найдетъ выгоднымъ, то дозволилъ ему вступить въ сраженіе. Самъ императоръ слѣдовалъ со всемъ войскомъ за этимъ передовымъ отрядомъ. Ѳеодоръ, съ своими воинами, напалъ стремительно на враговъ, а Руссы, боясь засады, остановились: многіе изъ нихъ были убиты, другіе ранены, а остальные разбѣжались по окрестнымъ горамъ, скрылись въ густые лѣса и такимъ образомъ достигли Доростола. Руссовъ было семь тысячъ, а Римлянъ, съ ними сражавшихся, только триста человѣкъ. Святославъ, со всемъ своимъ войскомъ, (котораго считали до 330 тысячъ) расположился станомъ за двѣнадцать миль (86), не доходя до Доростола. Храбрые Римляне, гордясь одержанными недавно побѣдами, весьма желали вступить въ сраженіе, ибо знали, что само Провидѣніе всегда помогаетъ не начинающимъ, а тѣмъ, которые принуждены защищать себя отъ враговъ. Когда войска сошлись, то какъ императоръ, такъ равно и Святославъ, ободряли своихъ воиновъ, и оба ополченія, по трубному звуку, вступили въ бой. Въ началѣ сраженія Римляне сильно потѣснили Скиѳовъ и поколебали ихъ войско; но Руссы нимало не смутились и вновь, съ крикомъ, напали на нашихъ. Долго оба ополченія сражались съ равными успѣхами. Только уже вечеромъ, Римляне, взаимно другъ друга ободряя, сильно устремились и отчаянно напали на лѣвое крыло Скиѳовъ. Руссы подкрѣпили эту часть своего войска. Императоръ также съ своей стороны послалъ на помощь къ своимъ, а наконецъ и самъ прибылъ туда, возбуждалъ воиновъ къ сильнѣйшему

нападенію, приказалъ открыть знаменія императорскія и даже самъ бросалъ копье въ непріятеля. Сѣча была жестокая и счастье переходило отъ одной стороны къ другой (говорятъ, что двѣнадцать разъ войско было отражаемо и бѣжало назадъ); но Руссы уступили и разсѣялись по полю. Римляне ихъ преслѣдовали и предавали смерти. Такимъ образомъ погибло много враговъ, но еще болѣе ихъ взято въ плѣнъ: остальные отступили въ Доростолъ. Императоръ принесъ торжественное благодареніе Св. мученику Георгію потому, что, въ день празднуемой памяти этого Святаго, онъ одержалъ побѣду» (87).

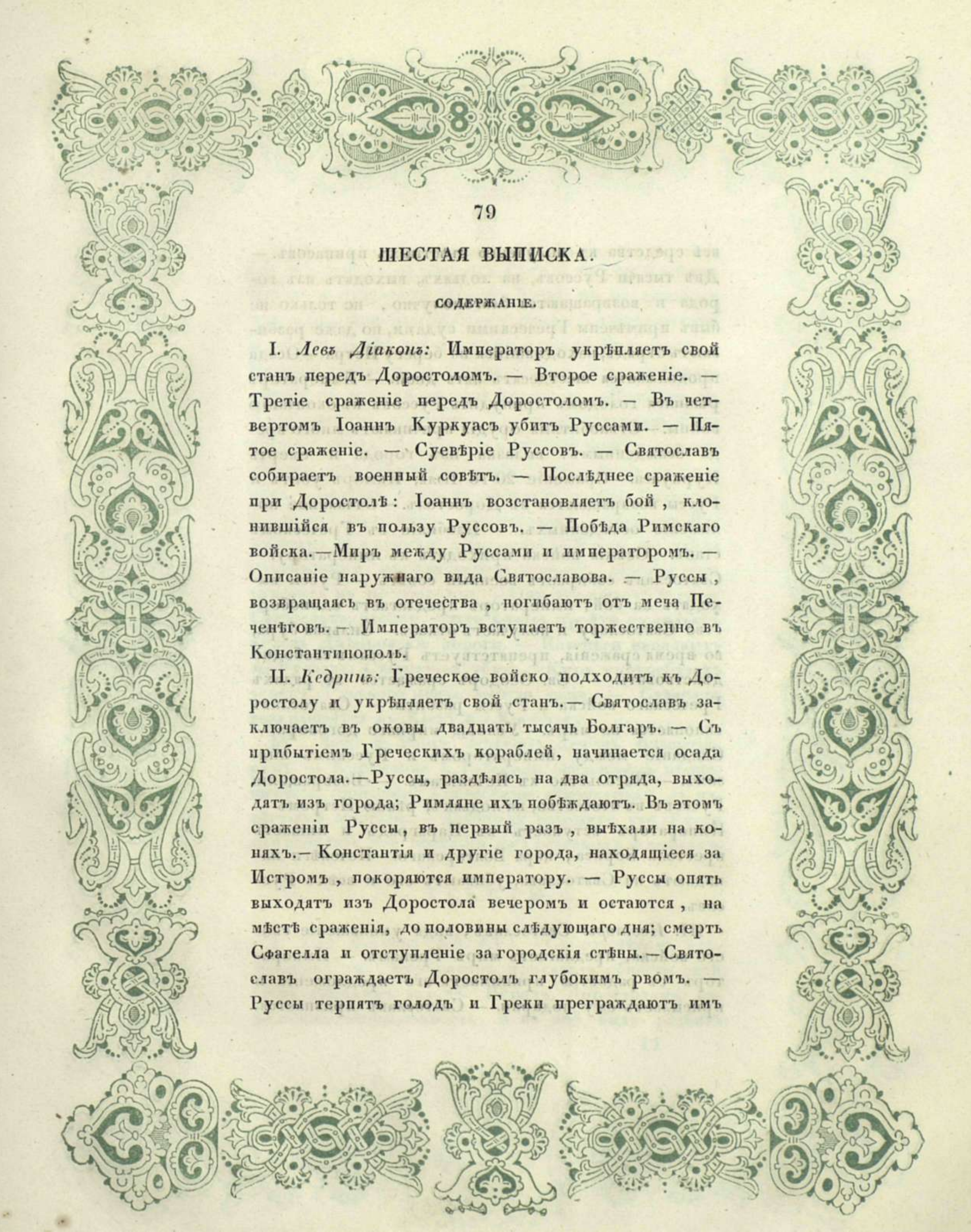
III. У Нестора, послѣ словъ «и възратися къ Переяславецъ с похвалою великою» (*стр.* 41, *издан. Тимковскаго*, см. выше въ 3-й выпискѣ, стр. 47) долженъ быть пропускъ. Тутъ, вѣроятно, былъ помѣщенъ разсказъ о взятіи Греками Переяславца и сраженіяхъ при Доростолѣ: все это выпущено, можетъ быть, съ намѣреніемъ, позднѣйшими переписчиками, почитавшими не приличнымъ передавать потомству описаніе тѣхъ сраженій, въ которыхъ Руссы были побѣждены. Какъ-бы то ни было, но пропускъ весьма очевиденъ, ибо послѣ разсказа о «возвращеніи въ Переяславецъ съ великою славою,» вдругъ, у Нестора, безстрашный Святославъ начинаетъ разсуждать, что у него осталось мало воиновъ, что Греки могутъ его убить обманомъ, вмѣстѣ со всѣми его воинами и думаетъ отправиться въ Русь за войскомъ, и проч. Все это не вяжется съ предъидущимъ, потому что возвратясь съ побѣдою въ Переяславецъ,

для одержанія которой имѣлъ онъ достаточно войска, какъ-же вдругъ, не претерпѣвъ пораженій, нашъ князь уже робѣетъ, не надѣется на своихъ воиновъ, боится быть убитымъ Греками и хочетъ собрать новыя силы. Но если мы предположимъ пропускъ, въ которомъ описаны были хотя кратко неудачи Руссовъ, то весьма ясно будетъ, что Святославъ, потерявъ множество воиновъ въ разныхъ сраженіяхъ, лишась почти всѣхъ своихъ завоеваній въ Болгаріи, запертый въ Доростолѣ, могъ конечно думать и говорить то, что̀ мы находимъ у Нестора, (см. ниже въ шестой выпискѣ).

IV. *Гебгарди, Раичь, Мавроурбинъ, Лебо,* слѣдуютъ повѣствованію Кедрина и Зонары; ибо Левъ Діаконъ имъ былъ неизвѣстенъ, хотя одинъ изъ нихъ (Лебо) и ссылается на него, но вѣроятно не на полной текстъ этого Византійца, а только на выписки у Пагія. Отъ этого у Лебо 300 Грековъ побѣждаютъ 7000 Руссовъ, по разсказу Кедрина, а не Льва Діакона.

V. *Карамзинъ* (Истор. Росс. Гос. 1, 184) говоритъ, что при нечаянномъ появленіи Цимисхія, съ войскомъ, передъ Преславою, онъ «напалъ на 8000 Россіянъ, которые спокойно занимались тамъ воинскимъ ученіемъ» и ссылается на Льва Діакона (прим. 404). Но у сего послѣдняго совсѣмъ нѣтъ этого извѣстія, а находится оно, по выпискамъ Шлецера, будто-бы, у другихъ Византійцевъ и именно въ этихъ словахъ (Несторъ Шлецера, 111,550): «Императоръ останавляется у Преславы; это нечаянное вступленіе

привело въ страхъ Скиѳовъ. Калокиръ, не выдержалъ звука трубъ, узнавъ, что войскомъ начальствуетъ самъ императоръ, и украдкою ушелъ (изъ Преславы въ станъ Руссовъ. Извѣстіе, что императоръ пришелъ самъ, не мало поразило Руссовъ. Но ободрясь словами Святослава, они подошли къ городу (слѣд. къ Преславѣ) и станъ свой поставили противъ Римскаго. Между тѣмъ императорское войско пришло въ долину, лежащую передъ городомъ: здѣсь вдругъ наткнулось оно на толпу непріятелей, состоявшую изъ 8500 человѣкъ, кои совсѣмъ его не замѣтили и учились за городомъ,» и проч. Возможно-ли, чтобы Руссы, не только хорошо знавшіе о приходѣ императора, разбившаго свой станъ у городскихъ стѣнъ, но даже слышавшіе звуки Греческихъ трубъ въ Преславѣ, вышли, въ подобныхъ обстоятельствахъ, изъ города для ученья и спокойно занимались этимъ дѣломъ въ глазахъ 30,000 Грековъ? и даже не замѣтили шедшихъ на нихъ непріятелей въ боевомъ порядкѣ? И когда могло это случиться? Императоръ пришелъ, съ войскомъ, подъ Преславу въ середу на страстной недѣлѣ, въ четвергъ началась атака города, а въ пятницу онъ былъ уже взятъ Греками, и первый день Пасхи Іоаннъ праздновалъ во взятой Преславѣ. Когда тутъ Руссамъ было заниматься ученьемъ? а тѣмъ болѣе имѣлъ ли время Святославъ (стоявшій у Доростола) придти на помощь къ Преславѣ и расположить, будтобы, свой станъ у осажденнаго города? Не ужъ-ли Шлецеръ, приводящій эту выписку, не могъ замѣтить всю нелѣпость разсказа?



ШЕСТАЯ ВЫПИСКА.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. *Левъ Діаконъ:* Императоръ укрѣпляетъ свой станъ передъ Доростоломъ. — Второе сраженіе. — Третіе сраженіе передъ Доростоломъ. — Въ четвертомъ Іоаннъ Куркуасъ убитъ Руссами. — Пятое сраженіе. — Суевѣріе Руссовъ. — Святославъ собираетъ военный совѣтъ. — Послѣднее сраженіе при Доростолѣ: Іоаннъ возстановляетъ бой, клонившійся въ пользу Руссовъ. — Побѣда Римскаго войска.—Миръ между Руссами и императоромъ. — Описаніе наружнаго вида Святославова. — Руссы, возвращаясь въ отечества, погибаютъ отъ меча Печенѣговъ. — Императоръ вступаетъ торжественно въ Константинополь.

II. *Кедринъ:* Греческое войско подходитъ къ Доростолу и укрѣпляетъ свой станъ.— Святославъ заключаетъ въ оковы двадцать тысячь Болгаръ. — Съ прибытіемъ Греческихъ кораблей, начинается осада Доростола.—Руссы, раздѣлясь на два отряда, выходятъ изъ города; Римляне ихъ побѣждаютъ. Въ этомъ сраженіи Руссы, въ первый разъ, выѣхали на коняхъ.— Константія и другіе города, находящіеся за Истромъ, покоряются императору. — Руссы опять выходятъ изъ Доростола вечеромъ и остаются, на мѣстѣ сраженія, до половины слѣдующаго дня; смерть Сфагелла и отступленіе за городскія стѣны.—Святославъ ограждаетъ Доростолъ глубокимъ рвомъ. — Руссы терпятъ голодъ и Греки преграждаютъ имъ

всѣ средства къ полученію съѣстныхъ припасовъ. — Двѣ тысячи Руссовъ, на лодьяхъ, выходятъ изъ города и возвращаются благополучно, не только не бывъ примѣчены Греческими судами, но даже разбиваютъ отрядъ, находившійся на берегу Истра. — Осада продолжается шестдесятъ пять дней. — Императоръ рѣшился голодомъ принудить Руссовъ къ окончанію войны. — Стѣнобитныя орудія причиняютъ много вреда осажденнымъ: вылазка изъ города и смерть Куркуаса. — Сраженіе 20-го Іюля; Икморъ убитъ и Руссы возвращаются въ Доростолъ. — Отчаянное положеніе осажденныхъ. — Изобиліе въ Греческомъ станѣ. - Свѣжія войска приходятъ къ императору. — Святославъ собираетъ военный совѣтъ. — Руссы выходятъ на бой; императоръ предлагаетъ единоборство Святославу и получаетъ отказъ. — Сильная буря, во время сраженія, препятствуетъ Руссамъ свободно дѣйствовать. — Св. Ѳеодоръ сражается въ рядахъ Греческаго войска и Руссы разбиты. — Святославъ склоняется на миръ. — Условія мирнаго договора. — Свиданіе между императоромъ и Русскимъ княземъ. — Посольство къ Печенѣгамъ. — Возвращеніе Руссовъ въ отечество, на лодьяхъ, рѣкою Истромъ. — Императоръ вступаетъ въ Царьградъ и лишаетъ престола Бориса, царя Болгарскаго. — Печенѣги нападаютъ на Святослава, убиваютъ его и всѣхъ Руссовъ.

III. *Несторъ:* Святославъ, видя уменьшеніе своего войска, предлагаетъ миръ Грекамъ. — Императоръ съ радостію принимаетъ его предложеніе и присылаетъ ему подарки. — Святославъ признается,

что онъ зашелъ далеко отъ Руси и что враждебные Печенѣги отдѣляютъ его отъ Кіева, но не лишается надежды, при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ и набравъ болѣе войска, опять идти на Царьградъ. — Мирной договоръ съ Цимисхіемъ. — Руссы отправляются въ лодьяхъ въ свое отечество. — Прибывъ къ Днѣпровскимъ порогамъ, Свѣнелдъ совѣтуетъ Святославу выдти изъ лодокъ и обойти пороги степью, потому что Печенѣги хотятъ тутъ напасть на Руссовъ. — Великій князь не внемлетъ совѣту Свѣнелда и плыветъ на лодьяхъ. — Переяславцы дали знать Печенѣгамъ о прибытіи Святослава. — Руссы, не найдя возможности пройти черезъ пороги, принуждены зимовать въ Бѣлобережье. — Они терпятъ голодъ. — Святославъ, весною, опять хочетъ пройти на лодьяхъ черезъ Днѣпровскіе пороги. — Печенѣги нападаютъ на Руссовъ; Святославъ убитъ. — Куря употребляетъ черепъ, Русскаго князя, вмѣсто чаши. — Свѣнелдъ возвращается въ Кіевъ къ Ярополку.

IV. Лебо и Раичъ слѣдуютъ однимъ Византійцамъ. — Карамзинъ и Гебгарди соглашаютъ происшествія, описанныя Греческими лѣтописцами, съ извѣстіями Нестора. — Гебгарди говоритъ, что Руссы отправились изъ Болгаріи на Греческихъ корабляхъ.

ТЕКСТЫ.

I. *Левъ Діаконъ (lib. IX).* «Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, императоръ приказалъ обнести свой станъ крѣпкимъ валомъ. Передъ Доростоломъ находилась возвышенность, и на ней былъ разбитъ

Римскій станъ. Вокругъ этой возвышенности, по приказанію Іоанна, вырытъ былъ глубокій ровъ; землю, извлеченную изъ рва, насыпали на край его, въ видѣ вала, на вершинѣ котораго водрузили копья и на нихъ повѣсили щиты. Такимъ образомъ ровъ, валъ и щиты, на немъ утвержденные, составляли вмѣстѣ ограду, не позволявшую непріятелямъ вторгаться въ Римской станъ. Такъ точно наши воины укрѣпляли всегда свои лагери въ непріятельскихъ земляхъ. Оградивъ свой станъ отъ внезапнаго нападенія Руссовъ, императоръ повелъ войска, на другой день, къ стѣнамъ города. Скиѳы бросали на Римлянъ изъ башенъ стрѣлы, камни и все, чѣмъ могли имъ вредить. Наши защищались только стрѣлами, пращами, и то снизу. Этою перестрѣлкою окончилось сраженіе: Римляне отступили въ свой станъ, для подкрѣпленія себя пищею. Вечеромъ, въ тотъже день, Скиѳы вышли, на коняхъ, изъ городскихъ воротъ, и тогда наши ихъ увидѣли, въ первой разъ, сидѣвшихъ на лошадяхъ. Они прежде всегда сражались пѣшіе и никогда не употребляли конницы въ бояхъ. Римляне проворно схватились за оружіе, сѣли на лошадей и, держа длинныя копья въ рукахъ, прямо поскакали на непріятелей. Скиѳы, не умѣя дѣйствовать на коняхъ и сильно поражаемые нашими, обратили тылъ и заперлися въ городѣ. Въ это время показались, на Истрѣ, Римскія огнеизвергающія триремы и суда, на которыхъ нагружены были съѣстные припасы для войскъ. Это зрѣлище поселило большую радость въ нашихъ воинахъ и въ тоже время распространило ужасъ въ

рядахъ Руссовъ, которые очень боялись Греческаго огня. Они знали, по преданію, отъ своихъ отцевъ, что Римляне этимъ Мидійскимъ огнемъ сожгли, на море Понтійскомъ, всѣ многочисленные корабли Игоря (Ιγγωρ), отца Святославова. Для избѣжанія подобнаго несчастія, они поспѣшно причалили всѣ свои лодьи къ городскимъ стѣнамъ, которыя Истръ омываетъ съ другой стороны. Но наши огненосные корабли имѣли приказаніе наблюдать, чтобы Руссы не могли, тайно, на своихъ лодьяхъ, уйти Истромъ въ Скиѳію. На другой день непріятель выступилъ изъ города и выстроился на равнинѣ: Руссы были вооружены длинными, до самыхъ ногъ, щитами и покрыты кольчугами и бронями. Римляне, также въ латахъ, вышли къ нимъ на встрѣчу: началась жаркая битва и долго оставалась сомнительною. Каждое воинство, по очередно, брало верхъ одно надъ другимъ, до тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ Римскихъ воиновъ убилъ Сфенкела, храбраго и высокаго роста вождя Русскаго, занимавшаго третье мѣсто, послѣ Святослава, въ ополченіи непріятельскомъ. Тогда Скиѳы, пораженные этимъ зрѣлищемъ, начали отступать съ поля сраженія къ городскимъ стѣнамъ. Въ продолженіе этого боя, Ѳеодоръ Лалаконъ, воинъ непобѣдимый, по необыкновенной своей тѣлесной силѣ и храбрости, перебилъ много непріятелей своею желѣзною палицею. Онъ дѣйствовалъ столь сильно этою булавою, что однимъ ударомъ раздроблялъ голову и шлемъ ея защищавшій. По возвращеніи Руссовъ, такимъ образомъ, въ Доростолъ, императоръ приказалъ Римскому войску от-

ступить и привелъ его въ свой станъ. Здѣсь угощалъ онъ воиновъ и раздавалъ имъ награды, побуждая этимъ къ новымъ подвигамъ и предстоявшимъ битвамъ.» (Тутъ Левъ Діаконъ описываетъ неудачную попытку Льва Куропалата овладѣть императорскимъ престоломъ, не имѣющую никакой связи съ войною Болгарскою и потомъ продолжаетъ:) «Руссы, построясь въ боевой порядокъ (разсказъ опять начинается съ того мѣста, на которомъ мы остановились), выступили на поле впереди города и сильно стремились сжечь наши камнеметательныя орудія, ибо едва могли сносить ихъ убійственное дѣйствіе и каждый день много теряли воиновъ, побиваемыхъ камнями. Стража, охранявшая осадныя орудія, находилась тогда подъ начальствомъ магистра Іоанна Куркуаса, родственника императорскаго. Сей военачальникъ, едва пробужденный отъ сна и отягченный виномъ (вылазка Руссовъ происходила послѣ обѣда), увидя быстрое нападеніе непріятеля, тотчасъ сѣлъ на коня и съ отрядомъ своимъ храбро его встрѣтилъ. Конь упалъ въ рытвину и сбросилъ ѣздока. Скиѳы, принявъ его за императора,—ибо онъ имѣлъ блестящее вооруженіе и превосходные, вызолоченные конскіе доспѣхи,—окружили и изрубили Куркуаса на части, своими мечами и сѣкирами, вмѣстѣ съ его бронею. Потомъ отрубленную голову воткнули на конецъ копья и водрузили на башнѣ, издѣваясь надъ нашими и думая, что имъ удалось убить императора, какъ легкую жертву. Руссы, воодушевленные одержанною побѣдою, вышли на другой день, опять изъ города

и приготовились къ бою. Римляне, съ своей стороны, построясь въ клинообразный порядокъ, пошли имъ на встрѣчу. У Руссовъ былъ главнымъ начальникомъ, послѣ Святослава, Икморъ, мужъ необычайнаго роста и отличной храбрости. Анемасъ, одинъ изъ тѣлохранителей императорскихъ, сынъ Сатрапа Критскаго, увидя этого Икмора, съ отрядомъ Скиѳовъ, сильно тѣснившаго нашихъ и убившаго уже множество Римлянъ, извлекъ свой мечь и, руководимый храбростію, поскакалъ прямо на Русса. Подъѣхавъ къ нему, поразилъ его столь сильно, что голова Икмора, вмѣстѣ съ правою рукою, упала на землю. Скиѳы ужасно закричали, увидѣвъ пораженіе своего полководца, а Римляне въ это время стремительно на нихъ бросились. Руссы не выдержали натиска и сильно пораженные смертію своего начальника, положа щиты на спину, возвратились въ городъ. Римляне преслѣдовали враговъ и убивали сколько могли. Ночью, при появленіи полной луны, непріятели вышли изъ города на поле сраженія, собрали тѣла своихъ убитыхъ воиновъ и сожгли ихъ на многихъ кострахъ, разложенныхъ у стѣны. Въ это-же время они предали смерти, по своему обычаю, множество плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ. Совершая свою кровавую тризну, Руссы утопили въ водахъ Истра грудныхъ младенцевъ и пѣтуховъ. Скиѳы научились языческому богослуженію и Еллинскимъ жертвоприношеніямъ, какъ говорятъ, отъ своихъ философовъ Анахарсиса и Замолксиса, или отъ товарищей Ахилла. Арріанъ увѣряетъ, въ своемъ Периплѣ, что Ахиллъ, сынъ Пелея, былъ

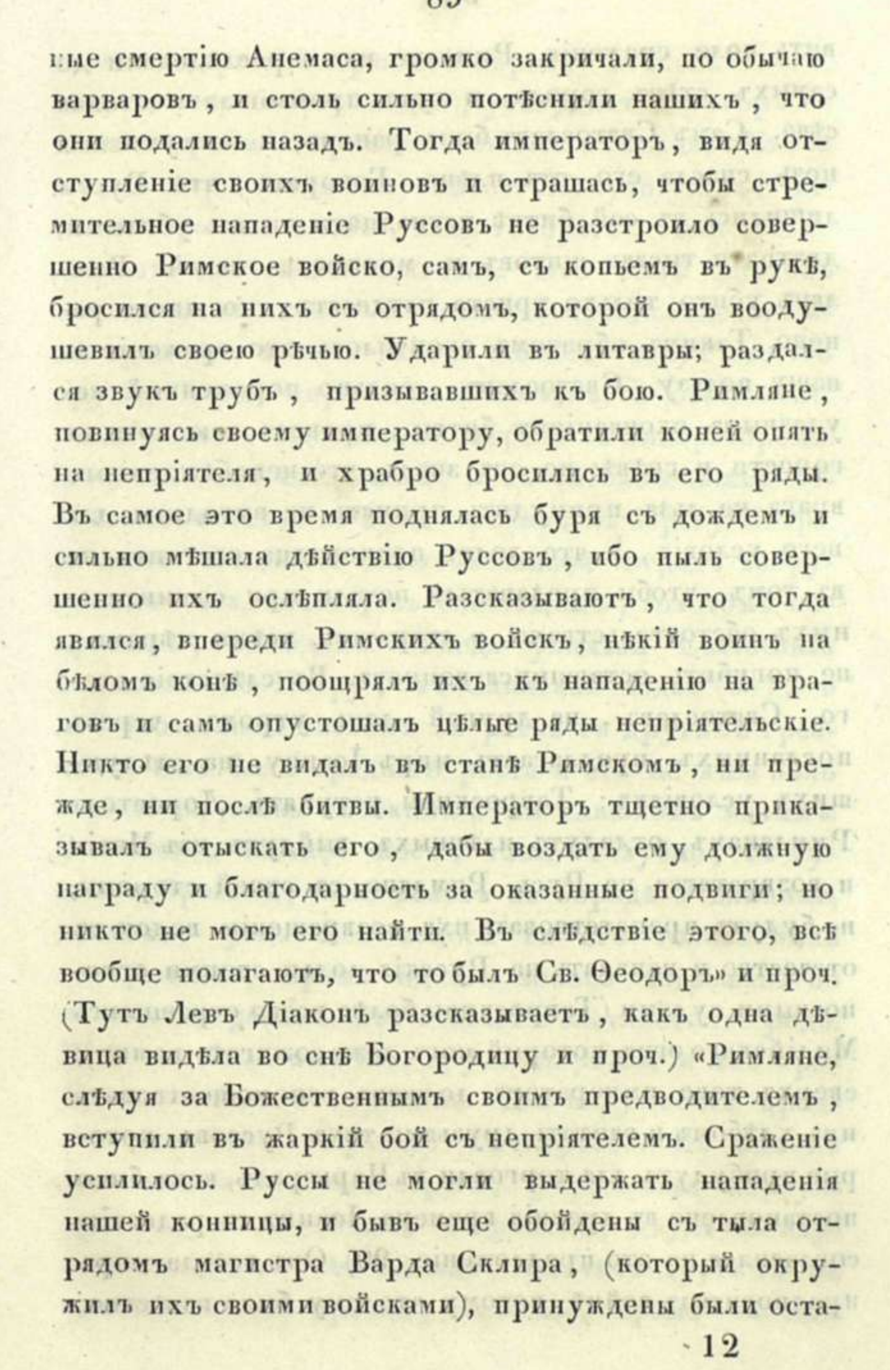
Скиѳъ, рожденный въ небольшомъ городкѣ Мирмикіонѣ, находящемся у болота Меотійскаго: изгнанный потомъ соотечественниками за его жестокость, высокомѣріе и звѣрство, онъ поселился въ Ѳессаліи. Этому разсказу могутъ служить ясными доказательствами его одѣяніе съ пряжкою, обыкновеніе сражаться пѣшимъ; русые волосы, голубые глаза, жестокость, вспыльчивость и буйство. Тоже подтверждаютъ и слова Агамемнона, говорящаго ему: (Иліад. 1, 477).

«Распря единая, брань и убійство тебѣ лишь пріятны.»
(Переводъ Гнѣдича, I, 12).

И въ наше время Тавроскиѳы имѣютъ обычай рѣшать свои несогласія посредствомъ убійства и кровопролитія. Но смѣлость, храбрость и сила этого народа, равно также побѣды его надъ сосѣдственными племенами, не подвержены ни малѣйшему сомнѣнію, и самъ божественный Іезекіилъ говоритъ о немъ слѣдующее: «Се азъ навожу на тя Гога и Магога, князя Россъ.» Но довольно и этого о тризнахъ Тавровъ. — Между тѣмъ Святославъ, рано утромъ, созвалъ всѣхъ первыхъ своихъ сановниковъ на совѣтъ, который, на языкѣ Руссовъ, называется *коментъ* (88). У собравшихся онъ потребовалъ мнѣнія, какъ должно поступить въ томъ положеніи, въ которомъ находились тогда Скиѳы? Нѣкоторые совѣтовали тайно, ночью, сѣсть на суда и стараться спастись бѣгствомъ, потому что почитали не возможностію имѣть успѣхъ въ сраженіи съ всадниками, покрытыми желѣзными доспѣхами и при томъ ли-

шившись уже храбрѣйшихъ военачальниковъ, которые всегда воодушевляли и вели къ побѣдѣ своихъ подчиненныхъ. Другіе предлагали вступить въ переговоры съ непріятелемъ, и такимъ образомъ, получа выгодныя условія, сохранить, по крайней мѣрѣ, остальныя войска; ибо выдти, тайно, изъ города было очень трудно, по той причинѣ, что огненосные Греческіе корабли стояли у обоихъ береговъ Истра и дѣятельно стерегли лодьи Руссовъ, дабы, въ случаѣ отплытія, немедленно ихъ сжечь. Выслушавъ это Святославъ, тяжело вздохнулъ и сказалъ: «Если мы теперь постыдно уступимъ Римлянамъ, то лишимся славы, всегда сопровождавшей наше оружіе, которое, до сихъ поръ, легко побѣждало всѣхъ сосѣдственныхъ народовъ и покоряло Русской власти, безъ кровопролитія, обширныя страны. Вотъ почему намъ, представителямъ обычной храбрости нашихъ предковъ, должно еще разъ отчаянно вступить въ бой за нашу жизнь, съ тою мыслію, что Руссы до сихъ поръ всегда были непобѣдимы. Мы не привыкли спасаться бѣгствомъ въ отечество, но возвращаться побѣдителями, или умирать со славою, совершивъ подвиги достойные храбрыхъ мужей». Таково было мнѣніе Святослава. Побѣжденные Скиѳы, какъ говорятъ, никогда и теперь не сдаются въ плѣнъ своимъ непріятелямъ, но собственными мечами себя убиваютъ. Это основано на принятомъ ими мнѣніи, что падшіе въ бою, послѣ смерти въ будущей жизни, должны вѣчно находиться въ рабствѣ у тѣхъ, которые ихъ убили. Страшась такой зависимости и избѣгая рабства у своихъ враговъ, они

добровольно предаютъ себя смерти. Таково ихъ мнѣніе по сему предмету. Въ слѣдствіе этого, когда они услышали слова своего царя, то съ радостію согласились подвергнуться опасностямъ новой битвы, для спасенія себя въ будущей жизни, и мужественно сражаться съ Римлянами. Такимъ образомъ, на другой день (89), въ то время, какъ солнце уже начинало склоняться къ западу, непріятели вышли изъ города и рѣшились сразиться съ Римлянами; Руссы построились въ густый боевый порядокъ и опустили копья. Императоръ вывелъ также свои войска изъ стана и поставилъ противъ нихъ. Въ началѣ сраженія Скиѳы храбро бросились на Римлянъ, поражали ихъ копьями, убивали стрѣлами коней и всадниковъ. Святославъ напалъ яростно и отчаянно на нашихъ, возбуждая воиновъ, своими словами, къ сильному натиску на Римлянъ. Анемасъ, тотъ самый, который столь храбро поразилъ, за день передъ тѣмъ Икмора, увидѣвъ это, выѣхалъ стремительно изъ рядовъ (такъ онъ всегда дѣлалъ и такимъ образомъ побивалъ много Скиѳовъ) и, опустя поводья, прямо бросился на Святослава, ударилъ его мечемъ по шеѣ и сшибъ на землю; но убить не могъ, потому что кольчуга и щитъ, которыми предводитель Руссовъ былъ вооруженъ, предохранили его отъ смерти. Анемасъ былъ окруженъ отрядомъ Скиѳовъ, конь его пораженъ ударами копій и самъ всадникъ, убивъ многихъ непріятелей, палъ мертвый. Онъ былъ воинъ, превосходившій подвигами всѣхъ своихъ товарищей въ ратномъ дѣлѣ. Руссы, вновь ободрен-

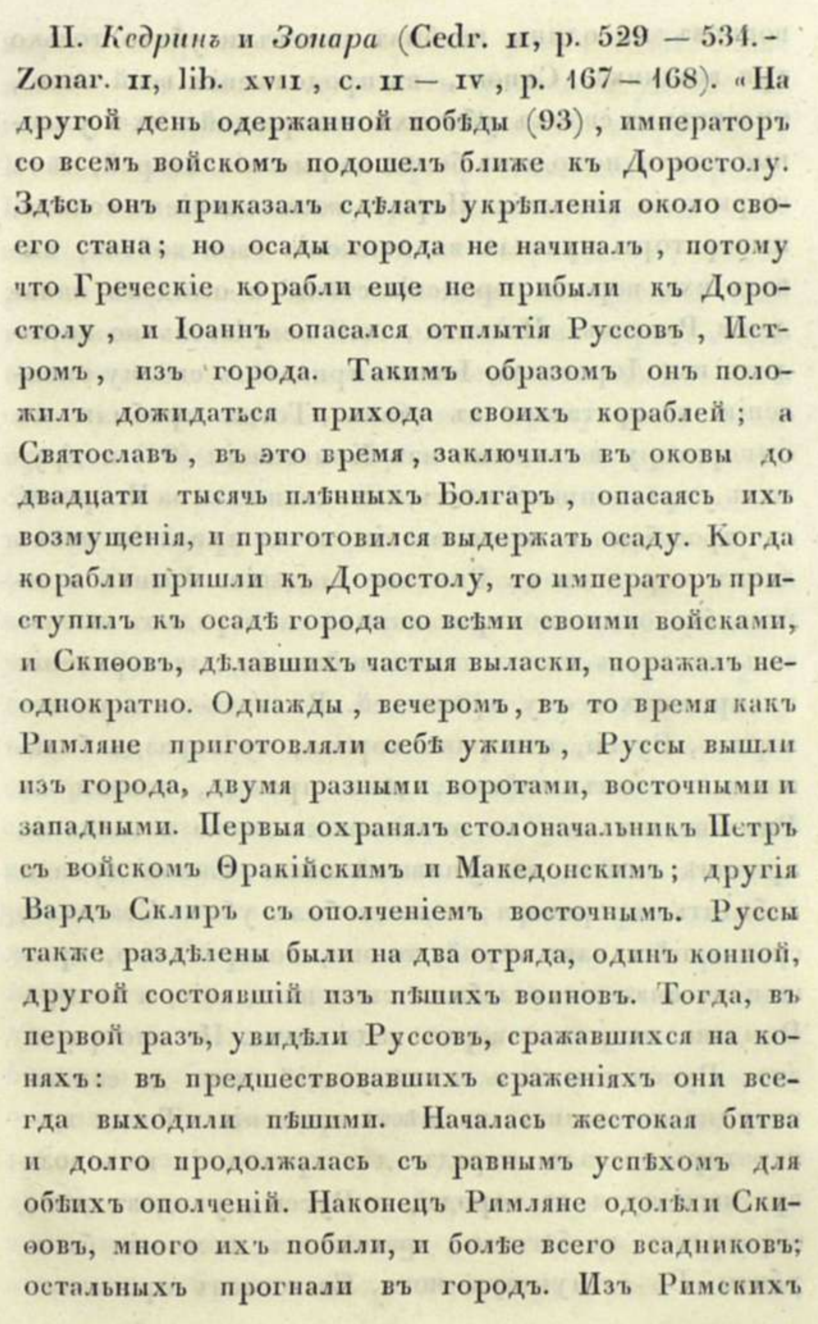


ные смертію Анемаса, громко закричали, по обычаю варваровъ, и столь сильно потѣснили нашихъ, что они подались назадъ. Тогда императоръ, видя отступленіе своихъ воиновъ и страшась, чтобы стремительное нападеніе Руссовъ не разстроило совершенно Римское войско, самъ, съ копьемъ въ рукѣ, бросился на нихъ съ отрядомъ, которой онъ воодушевилъ своею рѣчью. Ударили въ литавры; раздался звукъ трубъ, призывавшихъ къ бою. Римляне, повинуясь своему императору, обратили коней опять на непріятеля, и храбро бросились въ его ряды. Въ самое это время поднялась буря съ дождемъ и сильно мѣшала дѣйствію Руссовъ, ибо пыль совершенно ихъ ослѣпляла. Разсказываютъ, что тогда явился, впереди Римскихъ войскъ, нѣкій воинъ на бѣломъ конѣ, поощрялъ ихъ къ нападенію на враговъ и самъ опустошалъ цѣлые ряды непріятельскіе. Никто его не видалъ въ станѣ Римскомъ, ни прежде, ни послѣ битвы. Императоръ тщетно приказывалъ отыскать его, дабы воздать ему должную награду и благодарность за оказанные подвиги; но никто не могъ его найти. Въ слѣдствіе этого, всѣ вообще полагаютъ, что то былъ Св. Ѳеодоръ» и проч. (Тутъ Левъ Діаконъ разсказываетъ, какъ одна дѣвица видѣла во снѣ Богородицу и проч.) «Римляне, слѣдуя за Божественнымъ своимъ предводителемъ, вступили въ жаркій бой съ непріятелемъ. Сраженіе усилилось. Руссы не могли выдержать нападенія нашей конницы, и бывъ еще обойдены съ тыла отрядомъ магистра Варда Склира, (который окружилъ ихъ своими войсками), принуждены были оста-

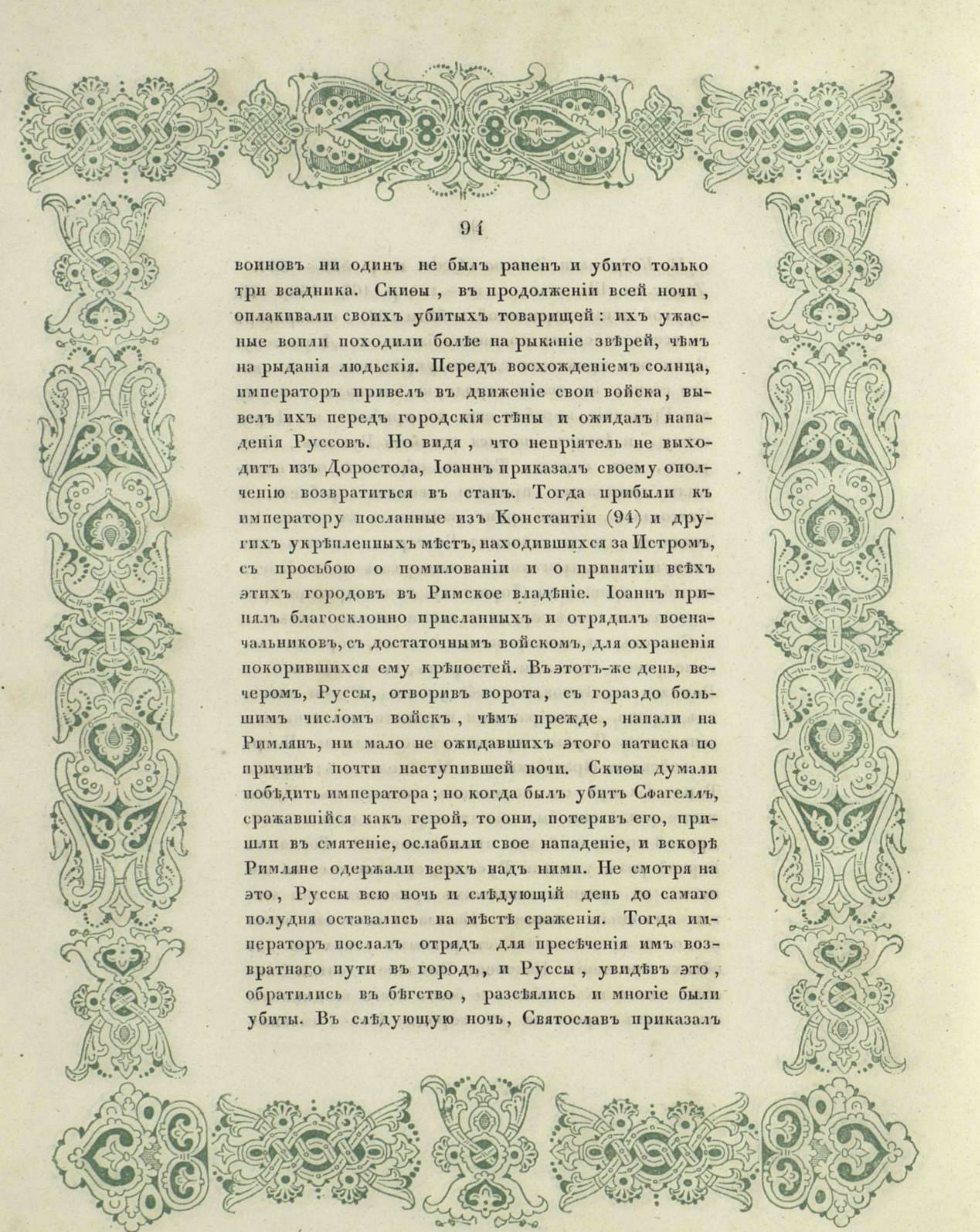
вить поле сраженія. Римляне ихъ преслѣдовали до самыхъ стѣнъ города, и тутъ произошла жестокая сѣча. Самъ Святославъ былъ раненъ, и наступившая ночь спасла его отъ плѣна. Говорятъ, что Руссы лишились въ сей битвѣ пятнадцати тысячь убитыми, дватцати тысячь щитовъ и множества мечей. Римлянъ убито только триста пятдесятъ, но много ранено. Такимъ образомъ окончилось это сраженіе въ нашу пользу. Святославъ, сильно пораженный неудачнымъ окончаніемъ битвы, провелъ всю ночь въ горести и гнѣвѣ; но онъ зналъ, что непобѣжденнаго врага не льзя принудить принять не выгодныя для него условія, и что долгъ полководца состоитъ не въ томъ, чтобы предаваться печали при сомнительныхъ обстоятельствахъ, а стараться, всѣми мѣрами, не погубить оставшихся воиновъ. Въ слѣдствіе этого, Святославъ, на другой день утромъ, черезъ посланныхъ, предлагаетъ миръ Іоанну, на слѣдующихъ условіяхъ: Таврoскиѳы уступятъ Доростолъ Римлянамъ, отдадутъ плѣнныхъ, выйдутъ изъ Мисіи и возвратятся на Русь. Римляне, съ своей стороны, не будутъ препятствовать ихъ возвращенію водою въ отечество и нападать на Русскія лодьи своими огненосными судами (Тавроскиѳы болѣе всего страшились Мидійскаго огня, который могъ даже сожигать камни); сверхъ того императоръ долженъ вспомоществовать имъ хлѣбомъ и считать друзьями тѣхъ Руссовъ, которые прибудутъ для торговли въ Царьградъ, какъ было постановлено въ древнія времена. Іоаннъ съ радостію согласился на это предложеніе (90). Онъ всегда миръ предпочиталъ войнѣ (потому что ему было извѣстно,

сколько первый сохраняетъ народы, и сколь много, вторая, истребляетъ людей), утвердилъ договоръ съ своей стороны и приказалъ выдать на каждаго Скиѳа по двѣ мѣры (медимны) хлѣба. Получившихъ, такимъ образомъ хлѣбъ, какъ говорятъ, было только двадцать двѣ тысячи человѣкъ. Это былъ остатокъ шестидесятитысячнаго Русскаго войска; слѣдовательно тридцать восемь тысячь погибло отъ Римскаго оружія. Когда миръ былъ заключенъ, то Святославъ желалъ имѣть свиданіе и говорить съ императоромъ. Іоаннъ на это согласился, и въ вызолоченныхъ доспѣхахъ, возсѣвъ на коня, прибылъ къ берегу Истра: за нимъ слѣдовалъ многочисленной отрядъ вооруженныхъ всадниковъ, въ блестящихъ, золотомъ покрытыхъ, одеждахъ. Тогда увидѣли Святослава плывшаго по Истру, въ Скиѳской лодьѣ (91), и дѣйствовавшаго весломъ на равнѣ съ другими гребцами. Онъ былъ средняго роста и его не льзя было назвать ни очень высокимъ, ни слишкомъ малымъ. Онъ имѣлъ плоскій носъ, глаза голубые, съ густыми бровями, мало волосъ на бородѣ и длинные, косматые усы. Всѣ волосы на его головѣ были выстрижены, кромѣ одного локона висѣвшаго по обѣимъ сторонамъ: это означало знатность его рода. Шея его была плотная, грудь широкая, и всѣ прочіе члены весьма стройные. Вся наружность представляла что-то мрачное и свирѣпое. Въ одномъ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная карбункуломъ, и по обѣимъ сторонамъ, двумя жемчужинами. Бѣлая его одежда, ни чѣмъ другимъ не отличалась отъ прочихъ Скиѳовъ, кромѣ чистоты

ся. Не вставая съ лавки своей лодьи, Святославъ говорилъ не долго съ императоромъ о мирѣ и отправился назадъ. Такой конецъ имѣла война, начатая императоромъ противъ Руссовъ! — Святославъ, оставя Доростолъ и возвратя, по условію, плѣнныхъ, посадилъ своихъ воиновъ въ лодьи и поплылъ, Истромъ, въ свое отечество. Но Печенѣги, многочисленный, вшеядный и кочевый народъ, живущій въ кибиткахъ, ожидали въ засадахъ Руссовъ, плывшихъ мимо ихъ степей, убили Святослава и большую часть его сподвижниковъ, такъ что весьма мало ихъ возвратилось домой. Іоаннъ, побѣдивъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцовъ Руссовъ, какъ выше было разсказано и возвратя Мисію Римской имперіи, переименовалъ Доростолъ Θеодорополемъ, въ честь Св. Θеодора: онъ снабдилъ этотъ городъ достаточнымъ войскомъ и возвратился съ побѣдою въ Царьградъ. Здѣсь, въ храмѣ Премудрости Спасителя, онъ посвятилъ Богу драгоцѣнную корону царей Болгарскихъ; потомъ прибывъ въ свой дворецъ, вмѣстѣ съ царемъ Борисомъ, приказалъ ему снять съ себя знаки царскаго достоинства, которые состояли изъ шапки, обложенной пурпуромъ (багряницею), украшенной золотомъ и жемчугомъ, червленой одежды и красной обуви (92). Вмѣстѣ съ этимъ онъ далъ ему санъ магистра. Такимъ образомъ Іоаннъ, въ короткое время, сверхъ всякаго ожиданія, побѣдилъ Руссовъ своею храбростію, знаніемъ дѣла и искуствомъ, смирилъ ихъ надмѣнность и воинское высокомѣріе, завоевалъ Мисію и, возвратясь въ Царьградъ, провелъ всю зиму въ столицѣ.»



II. *Кедринъ* и *Зонара* (Cedr. II, p. 529 — 534. - Zonar. II, lib. XVII, c. II — IV, p. 167—168). «На другой день одержанной побѣды (93), императоръ со всемъ войскомъ подошелъ ближе къ Доростолу. Здѣсь онъ приказалъ сдѣлать укрѣпленія около своего стана; но осады города не начиналъ, потому что Греческіе корабли еще не прибыли къ Доростолу, и Іоаннъ опасался отплытія Руссовъ, Истромъ, изъ города. Такимъ образомъ онъ положилъ дожидаться прихода своихъ кораблей; а Святославъ, въ это время, заключилъ въ оковы до двадцати тысячъ плѣнныхъ Болгаръ, опасаясь ихъ возмущенія, и приготовился выдержать осаду. Когда корабли пришли къ Доростолу, то императоръ приступилъ къ осадѣ города со всѣми своими войсками, и Скиѳовъ, дѣлавшихъ частыя выласки, поражалъ неоднократно. Однажды, вечеромъ, въ то время какъ Римляне приготовляли себѣ ужинъ, Руссы вышли изъ города, двумя разными воротами, восточными и западными. Первыя охранялъ столоначальникъ Петръ съ войскомъ Ѳракійскимъ и Македонскимъ; другія Вардъ Склиръ съ ополченіемъ восточнымъ. Руссы также раздѣлены были на два отряда, одинъ конной, другой состоявшій изъ пѣшихъ воиновъ. Тогда, въ первой разъ, увидѣли Руссовъ, сражавшихся на коняхъ: въ предшествовавшихъ сраженіяхъ они всегда выходили пѣшими. Началась жестокая битва и долго продолжалась съ равнымъ успѣхомъ для обѣихъ ополченій. Наконецъ Римляне одолѣли Скиѳовъ, много ихъ побили, и болѣе всего всадниковъ; остальныхъ прогнали въ городъ. Изъ Римскихъ



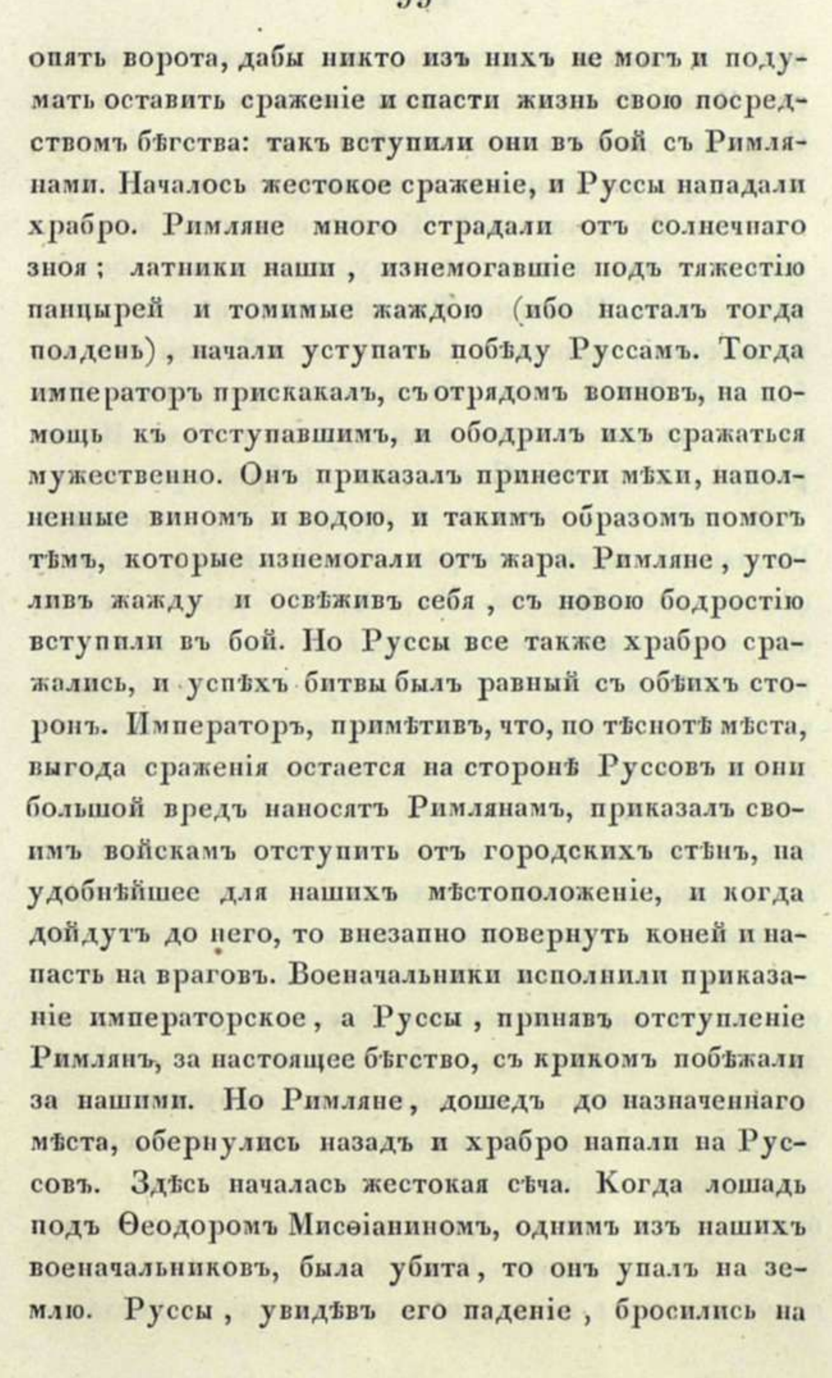
воиновъ ни одинъ не былъ раненъ и убито только три всадника. Скиѳы, въ продолженіи всей ночи, оплакивали своихъ убитыхъ товарищей: ихъ ужасные вопли походили болѣе на рыканіе звѣрей, чѣмъ на рыданія людьскія. Передъ восхожденіемъ солнца, императоръ привелъ въ движеніе свои войска, вывелъ ихъ передъ городскія стѣны и ожидалъ нападенія Руссовъ. Но видя, что непріятель не выходитъ изъ Доростола, Іоаннъ приказалъ своему ополченію возвратиться въ станъ. Тогда прибыли къ императору посланные изъ Константіи (94) и другихъ укрѣпленныхъ мѣстъ, находившихся за Истромъ, съ просьбою о помилованіи и о принятіи всѣхъ этихъ городовъ въ Римское владѣніе. Іоаннъ принялъ благосклонно присланныхъ и отрядилъ военачальниковъ, съ достаточнымъ войскомъ, для охраненія покорившихся ему крѣпостей. Въ этотъ-же день, вечеромъ, Руссы, отворивъ ворота, съ гораздо большимъ числомъ войскъ, чѣмъ прежде, напали на Римлянъ, ни мало не ожидавшихъ этого натиска по причинѣ почти наступившей ночи. Скиѳы думали побѣдить императора; но когда былъ убитъ Сфагеллъ, сражавшійся какъ герой, то они, потерявъ его, пришли въ смятеніе, ослабили свое нападеніе, и вскорѣ Римляне одержали верхъ надъ ними. Не смотря на это, Руссы всю ночь и слѣдующій день до самаго полудня оставались на мѣстѣ сраженія. Тогда императоръ послалъ отрядъ для пресѣченія имъ возвратнаго пути въ городъ, и Руссы, увидѣвъ это, обратились въ бѣгство, разсѣялись и многіе были убиты. Въ слѣдующую ночь, Святославъ приказалъ

вырыть вокругъ стѣнъ глубокій ровъ, дабы осаждающіе не могли подходить близко и удобно къ городу. Укрѣпивъ такимъ образомъ Доростолъ, Русскій князь рѣшился храбро защищать городъ. Руссы имѣли множество раненыхъ и терпѣли большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, которые совершенно были истощены по причинѣ долговременной осады. Выходить-же изъ города, для сисканія пищи, Римляне имъ не дозволяли. Въ этомъ стѣсненномъ положеніи Руссы принуждены были прибѣгать къ тайнымъ средствамъ для пріисканія съѣстныхъ припасовъ. Такимъ образомъ, въ одну темную и бурную ночь, съ сильнымъ дождемъ и грозою, Святославъ послалъ на лодьяхъ двѣ тысячи воиновъ для пріисканія продовольствія своему ополченію. Руссы, собравъ множество всякаго рода припасовъ, возвращались уже, по Истру, въ Доростолъ; но увидя на берегу Римлянъ, поившихъ коней и собиравшихъ дрова и сѣно, воины, посланные Святославомъ, причалили къ берегу. Тутъ вышли они изъ своихъ челноковъ и тихо, лѣсомъ, обошли императорскихъ воиновъ, напали на нихъ стремительно, многихъ побили, а остальныхъ принудили разбѣжаться по окружавшимъ лѣсамъ. Руссы, совершивъ это, сѣли опять на свои лодьи и возвратились, съ большою добычею, въ Доростолъ. Это извѣстіе очень огорчило императора: онъ гнѣвался на своихъ корабельныхъ начальниковъ за то, что они допустили Руссовъ выдти изъ Доростола, и даже угрожалъ имъ смертію, если они еще разъ будутъ столь-же небрежны. Съ этихъ поръ Руссы не мо-

гли болѣе плавать по Истру. Тогда уже минуло шестьдесятъ пять дней (95), съ тѣхъ поръ, какъ началась осада города и происходили почти ежедневныя стычки. Императоръ почелъ за должное испытать еще, какое дѣйствіе произведетъ голодъ на осажденныхъ Руссовъ. Для этого приказалъ всѣ пути, ведущіе изъ Доростола, перекопать рвами, вездѣ поставилъ стражу, дабы никто не могъ выдти изъ города; а самъ жилъ спокойно въ своемъ станѣ. Между тѣмъ, Скиѳы терпѣли голодъ въ Доростолѣ и много страдали отъ стѣнобитныхъ орудій; но болѣе всего причиняли имъ вредъ тѣ, которыя охранялъ магистръ Іоаннъ, сынъ Романа Куркуаса. Святославъ выслалъ избранныхъ воиновъ для истребленія этихъ орудій. Тогда и Куркуасъ, взявъ храбрѣйшихъ изъ своихъ, вступилъ съ Руссами въ битву и сражался до тѣхъ поръ, какъ упалъ съ копя своего, пронзеннаго копьемъ. Руссы бросились на Куркуаса и умертвили его, но Римляне отстояли свои орудія и прогнали непріятеля въ городъ. Іюля 20 дня вышли изъ Доростола всѣ Руссы, подъ предводительствомъ и распоряженіемъ Икмора, воина знаменитѣйшаго у Скиѳовъ и занимавшаго, послѣ смерти Сфагелла, второе мѣсто въ Русскомъ войскѣ. Икморъ достигъ высокаго званія, не родомъ своимъ и не милостію къ нему Святослава, а единственно своею храбростію. Одинъ изъ тѣлохранителей императорскихъ, Анемасъ, сынъ Куруповъ, увидѣвъ этого Русса, храбро сражавшагося и жестоко тѣснившаго Римлянъ, нимало не испугался ни роста, ни крѣпости силъ его.

Храбрый Анемасъ выскочилъ изъ рядовъ сражавшихся Римлянъ, обнажилъ свой мечъ, стремительно бросился на Икмора и нанесъ ему столь сильный ударъ въ лѣвое плечо, что голова Скиѳа, вмѣстѣ съ правою его рукою, упала на землю. Совершивъ этотъ подвигъ, Анемасъ благополучно возвратился къ своимъ товарищамъ. Тогда оба воинства сильно закричали, Римляне по причинѣ одержанной надъ Руссомъ побѣды, а Скиѳы испускали плачевные вопли и уже не столь храбро нападали. Наши воины усилили свой натискъ, а непріятель обратился въ бѣгство и заперся въ городѣ. Въ этотъ день Руссы потеряли много воиновъ, которыхъ Римляне убивали во время преслѣдованія, такъ равно и по тѣснотѣ мѣста, бывшей причиною, что враги давили и попирали другъ друга. Самъ Святославъ попался-бы въ плѣнъ, если-бы наступившая ночь не спасла его отъ этого позора. Ушедшіе въ городъ оплакивали тамъ смерть Икмора, съ громкимъ воплемъ и рыданіемъ. Римляне нашли на полѣ сраженія, между трупами, убитыхъ женщинъ, которыя, въ мужскомъ одѣяніи, сражались столь-же храбро, какъ ихъ соотечественники. Всѣ обстоятельства начатой войны, клонились ко вреду Руссовъ. Имъ не оставалось нималѣйшей надежды получить откуда-либо себѣ помощь. Собственная ихъ страна находилась очень далеко, а сосѣдственные варварскіе народы, боясь Римлянъ, не соглашались помогать имъ. Непріятель претерпѣвалъ голодъ, и всѣ средства къ полученію съѣстныхъ припасовъ были ему преграждены Римлянами, корабли которыхъ возбраняли

всякій выходъ, Истромъ, изъ Доростола. Напротивъ того, императорскій станъ не имѣлъ ни въ чемъ недостатка, обиліе всѣхъ благъ стекало ежедневно къ нашимъ воинамъ, и свѣжія войска, какъ пѣхотныя, такъ и всадники, подкрѣпляли Римское ополченіе и замѣняли убитыхъ. Руссы не могли даже, на челнокахъ, пробраться скрытно въ свою страну, потому что всѣ пути были сильно оберегаемы Римлянами. Это крайне тягостное положеніе принудило Святослава собрать своихъ военачальниковъ на совѣтъ. Одни изъ нихъ предлагали тайно, ночью, выдти изъ города; другіе заключить миръ и тогда, спокойно, возвратиться на Русь. Нѣкоторые совѣтовали взять и другія мѣры, сходныя съ обстоятельствами, въ которыхъ они находились; но всѣ вообще желали скорѣе окончить войну. Самъ Святославъ, однако-же, не принялъ ихъ мнѣнія и предлагалъ имъ «еще разъ вступить въ сраженіе съ Римлянами, дабы отчаяннымъ нападеніемъ опрокинуть ихъ, или, если Руссы побѣждены будутъ, то предпочесть славную и блаженную смерть постыдной и презрѣнной жизни. И тѣ, которые спасутъ жизнь свою бѣгствомъ, могутъ-ли спокойно ею наслаждаться, когда будутъ презираемы сосѣдственными народами, прежде трепетавшими одного ихъ имени?» Руссы съ радостію согласились на предложеніе Святославово и приготовились къ отчаянному сраженію. На другой день, рано утромъ, отворились городскія ворота и всѣ Руссы, подъ предводительствомъ Святослава, бодро и отважно выступили противъ Римлянъ. Скиѳы, вышедъ на поле, затворили



опять ворота, дабы никто изъ нихъ не могъ и подумать оставить сраженіе и спасти жизнь свою посредствомъ бѣгства: такъ вступили они въ бой съ Римлянами. Началось жестокое сраженіе, и Руссы нападали храбро. Римляне много страдали отъ солнечнаго зноя; латники наши, изнемогавшіе подъ тяжестію панцырей и томимые жаждою (ибо насталъ тогда полдень), начали уступать побѣду Руссамъ. Тогда императоръ прискакалъ, съ отрядомъ воиновъ, на помощь къ отступавшимъ, и ободрилъ ихъ сражаться мужественно. Онъ приказалъ принести мѣхи, наполненные виномъ и водою, и такимъ образомъ помогъ тѣмъ, которые изнемогали отъ жара. Римляне, утоливъ жажду и освѣживъ себя, съ новою бодростію вступили въ бой. Но Руссы все также храбро сражались, и успѣхъ битвы былъ равный съ обѣихъ сторонъ. Императоръ, примѣтивъ, что, по тѣснотѣ мѣста, выгода сраженія остается на сторонѣ Руссовъ и они большой вредъ наносятъ Римлянамъ, приказалъ своимъ войскамъ отступить отъ городскихъ стѣнъ, на удобнѣйшее для нашихъ мѣстоположеніе, и когда дойдутъ до него, то внезапно повернуть коней и напасть на враговъ. Военачальники исполнили приказаніе императорское, а Руссы, принявъ отступленіе Римлянъ, за настоящее бѣгство, съ крикомъ побѣжали за нашими. Но Римляне, дошедъ до назначеннаго мѣста, обернулись назадъ и храбро напали на Руссовъ. Здѣсь началась жестокая сѣча. Когда лошадь подъ Ѳеодоромъ Мисѳіаниномъ, однимъ изъ нашихъ военачальниковъ, была убита, то онъ упалъ на землю. Руссы, увидѣвъ его паденіе, бросились на

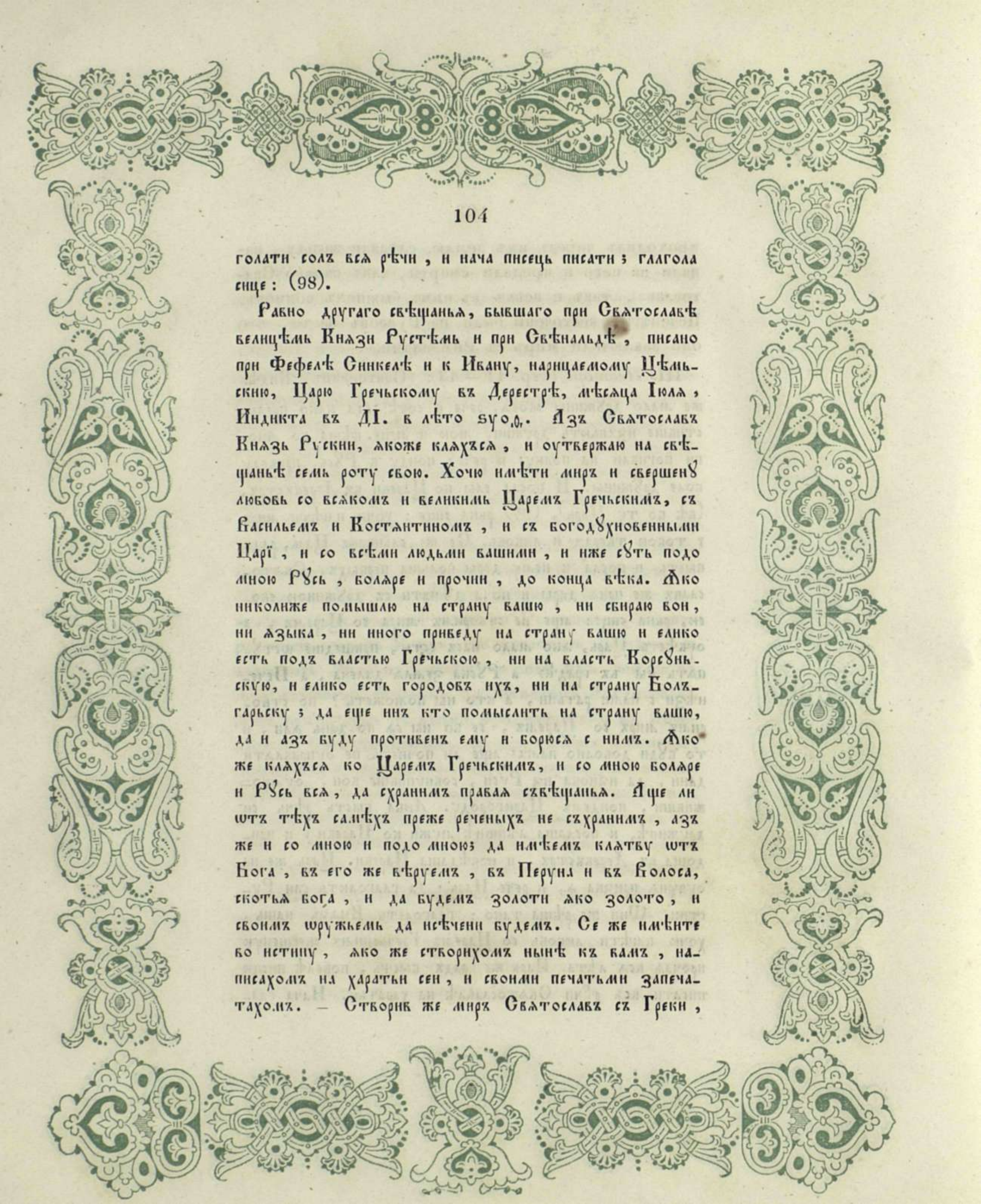
него и хотѣли умертвить, но Римляне защищали его. Этотъ Θеодоръ, схвативъ за поясъ одного изъ Скиθовъ, двигалъ его, подобно щиту, то въ одну, то въ другую сторону, и ограждался имъ отъ бросаемыхъ Руссами копій. Такимъ образомъ, защищая себя и отступая мало по малу, возвращался онъ къ товарищамъ. Наконецъ Римляне подоспѣли къ нему на помощь, прогнали Скиθовъ и избавили его отъ бѣдствія. Послѣ этого обѣ стороны прекратили битву, не одержавъ одна надъ другою побѣды. Императоръ, видя, что Скиθы еще храбрѣе сражаются, чѣмъ прежде, и сожалѣя о трудахъ, переносимыхъ Римлянами, хотѣлъ скорѣе окончить войну посредствомъ единоборства. Въ слѣдствіе этого послалъ онъ предложить Святославу выѣхать съ нимъ на поединокъ и велѣлъ сказать ему, что лучше окончить войну смертію одного человѣка, чѣмъ быть виновникомъ погибели множества людей, и что тотъ, изъ нихъ двоихъ, который останется въ живыхъ, будетъ повелителемъ обоихъ народовъ. Святославъ не согласился на это предложеніе и отвѣчалъ презрительно: «я самъ знаю лучше моего врага, что мнѣ полезно. Если-же Іоанну жизнь надоѣла, то въ его власти находится много другихъ средствъ, ведущихъ къ смерти: да избираетъ онъ любое.» Сдѣлавъ такой отвѣтъ, онъ еще болѣе заботился о возобновленіи битвы. Императоръ, видя, что должно защищаться, старался всѣми силами заградить Скиθамъ отступленіе въ Доростолъ. Іоаннъ препоручаетъ это исполнить Варду Склиру съ воинами, находившимися подъ его начальствомъ, а досталь-

нымъ войскамъ, подъ предводительствомъ столоначальника Петра и патриція Романа, сына императора Константина, приказалъ напасть на Руссовъ. Тогда началось кровопролитное сраженіе; съ обѣихъ сторонъ дрались отчаянно, побѣда попремѣнно ласкала тѣхъ и другихъ и долго оставалась нерѣшенною. Въ продолженіи этой сѣчи, Анемасъ пустился на конѣ своемъ прямо на Святослава и, разсѣявъ Скиѳовъ, ударилъ его мечемъ по головѣ, такъ что сшибъ съ лошади на землю. Шлемъ, бывшій на головѣ у Святослава, спасъ его отъ смерти; а Руссы окружили Анемаса и убили на мѣстѣ. Такъ онъ окончилъ геройски свою жизнь, и самые Скиѳы удивлялись его храбрости. Говорятъ, что въ это время Богъ заступился за Римлянъ; ибо возставшая неожиданно, съ юга, великая буря ослѣпила Скиѳовъ и препятствовала имъ свободно дѣйствовать противъ Римлянъ. Сверхъ того видѣли тогда-же воина, ѣздившаго на бѣломъ конѣ передъ Римскими войсками и приводившаго въ трепетъ Руссовъ. Этого воина никто не видалъ, ни прежде, ни послѣ битвы, а потому его почитали Св. мученикомъ Ѳеодоромъ. Императоръ всегда искалъ, противъ непріятеля, защиты у такихъ Святыхъ Покровителей. Да и самое сраженіе происходило именно въ тотъ день, въ который, ежегодно, празднуютъ память Ѳеодора Стратилата (96). Руссы, вновь тѣснимые Римлянами и отрѣзанные отъ города войскомъ Варда Склира, принуждены были разсѣяться по полямъ, окружавшимъ Доростолъ. Здѣсь они были убиваемы Римлянами и частію сами другъ друга подавляли, такъ

что почти всѣ были ранены. Святославъ, видя, что онъ не имѣетъ успѣха ни въ одномъ изъ своихъ предпріятій и потерявъ совершенно надежду, склонился наконецъ на миролюбивыя предложенія. Онъ просилъ императора принять его въ число своихъ союзниковъ и дозволить ему безпрепятственно возвратиться на Русь, а Руссамъ приходить въ Римскія области для торговли. Императоръ согласился на все это и сказалъ: «мы Римляне обыкновенно побѣждаемъ своихъ враговъ болѣе благодѣяніями, чѣмъ оружіемъ.» Послѣ заключенія мира Святославъ желалъ имѣть свиданіе съ императоромъ, который на это согласился, и они съѣхались для бесѣды; потомъ Святославъ возвратился къ своимъ. Императоръ, по его-же просьбѣ, послалъ къ Печенѣгамъ съ предложеніемъ быть имъ въ союзѣ съ Римлянами, не переходить черезъ Истръ, не раззорять Болгаріи и позволить Руссамъ пройти черезъ ихъ землю въ свое отечество. Ѳеофилъ, архіепископъ Эвхаитскій, былъ отправленъ съ этими предложеніями къ Печенѣгамъ. Они согласились на всѣ условія Іоанновы, кромѣ только пропуска Руссовъ черезъ ихъ землю. Когда Руссы отправились въ отечество, на своихъ лодьяхъ, тогда императоръ приказалъ укрѣпить города и исправить разоренныя крѣпости, находившіяся на берегу Истра, оставилъ въ нихъ достаточное войско и возвратился въ Царьградъ. Здѣсь онъ велѣлъ снять съ Бориса знаки царства Болгарскаго, (которые состояли изъ золотаго вѣнца, красной обуви и проч.) и удостоилъ его званіемъ магистра. Что касается до Святослава, то Печенѣги, когда онъ

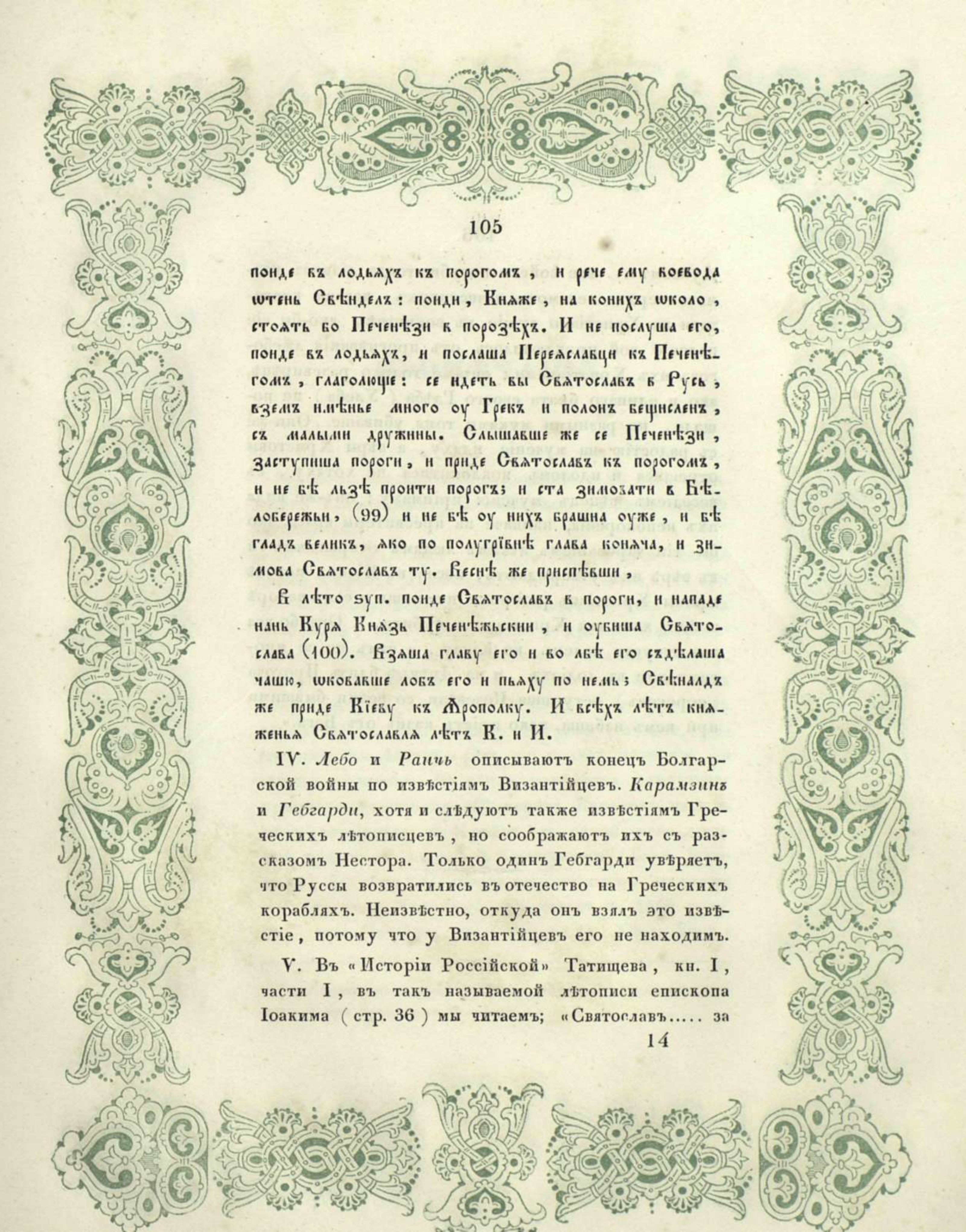
проходилъ черезъ ихъ землю, сдѣлали засаду, напали на него и предали смерти, какъ самаго Святослава, такъ и всѣхъ съ нимъ бывшихъ воиновъ. Печенѣги ожесточены были на Руссовъ за то, что они заключили миръ съ Римлянами.»

III. *Несторъ* (стр. 41 — 43): (Святославъ) Видѣв же мало дружины своеѧ, рече в собѣ: еда како прельстивше изъбьють дружину мою и мене. бѣша бо многи погибли на полку; и рече: поиду в Русь, приведу боле дружины. И посла слы ко Цареви въ Деревъстръ, (бѣ бо ту Царь), (97) рька сице: хочю имѣти миръ с тобою твердъ и любовь. Се же слышавъ Царь, радъ бысть и посла к нему дары больша первыхъ. Святославъ же приѧ дары и поча думати съ дружиною своею, рька сице: аще не створимъ мира со Царемъ, а оувѣсть Царь, ѧко мало насъ есть, пришедше оступять ны въ градѣ; а Руска земля далеча, а Печенѣзи с нами ратьни, а кто ны поможеть? но створимъ миръ со Царемъ, се бо ны сѧ по дань ѧли, и то буди доволно намъ; аще ли почнеть не оуправлѧти дани, да изнова из Руси, совкупивше вои, оумноживши, поидемъ Царюгороду. Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшиѣ мужи ко Цареви; и придоша въ Деревъстръ, и повѣдаша Цареви. Царь же на оутриѧ призва ѧ, и рече Царь: да глаголють сли Рустии. Шни же рѣша тако: глаголеть Князь нашь, хочю имѣти любовь со Царемъ Гречьскимъ свершеную прочаѧ вся лѣта. Царь же радъ бысть, повелѣ писцю писати вся рѣчи Святославлѣ на харатью. Нача гла-



голати соли вся рѣчи, и нача писецъ писати ѕ глаголася сице: (98).

Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ велицѣмь Князи Рустѣмь и при Свѣнальдѣ, писано при Фефелѣ Синкелѣ и к Ивану, нарицаемому Цѣмьскию, Царю Гречьскому въ Дерестрѣ, мѣсяца Июля, Индикта въ ДІ. в лѣто ѕуоѳ. Азъ Святославъ Князь Рускии, якоже кляхъся, и оутвержаю на свѣщаньѣ семь роту свою. Хочю имѣти миръ и свершенꙋ любовь со всякомъ и великимь Царемъ Гречьскимъ, съ Васильемъ и Костянтиномъ, и съ богодꙋхновенными Царі, и со всѣми людьми вашими, и иже сꙋть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка. Яко николиже помышлю на страну вашю, ни сбираю вои, ни языка, ни иного приведу на страну вашю и елико есть подъ властью Гречьскою, ни на власть Корсꙋньскую, и елико есть городовъ ихъ, ни на страну Болгарьску ѕ да еще инъ кто помыслить на страну вашю, да и азъ буду противенъ ему и борюся с нимъ. Яко же кляхъся ко Царемъ Гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да схранимъ правая съвѣщанья. Аще ли ѿтъ тѣхъ самѣхъ преже реченыхъ не схранимъ, азъ же и со мною и подо мноюѕ да имѣемъ клятву ѿтъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти яко золото, и своимъ ѡружьемь да исѣчени будемъ. Се же имѣйте во истину, яко же створихомъ нынѣ къ вамъ, написахомъ на харатьи сеи, и своими печатьми запечатахомъ. — Створивъ же миръ Святославъ съ Греки,

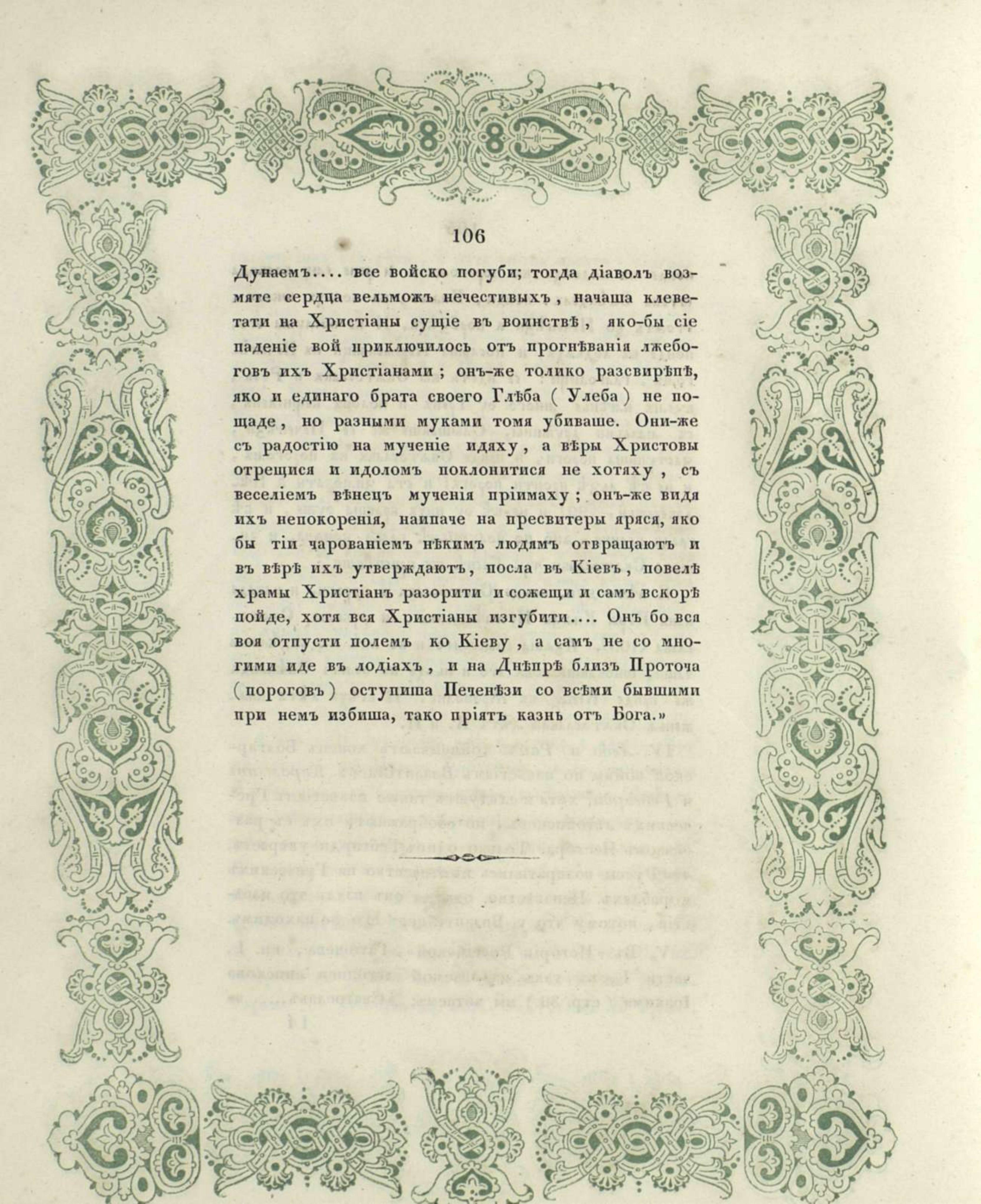


поиде въ лодьяхъ къ порогомъ, и рече ему воевода ѡтень Свѣнделъ: поиди, Княже, на конихъ ѡколо, стоять бо Печенѣзи в порозѣхъ. И не послуша его, поиде въ лодьяхъ, и послаша Переяславци къ Печенѣгомъ, глаголюще: се идеть вы Святославъ в Русь, вземъ имѣнье много оу Грекъ и полонъ бещисленъ, съ малыми дружины. Слышавше же се Печенѣзи, заступиша пороги, и приде Святославъ къ порогомъ, и не бѣ лзѣ проити порогъ; и ста зимовати в Бѣлобережьи, (99) и не бѣ оу нихъ брашна оуже, и бѣ гладъ великъ, яко по полугрївнѣ глава коняча, и зимова Святославъ ту. Веснѣ же приспѣвши,

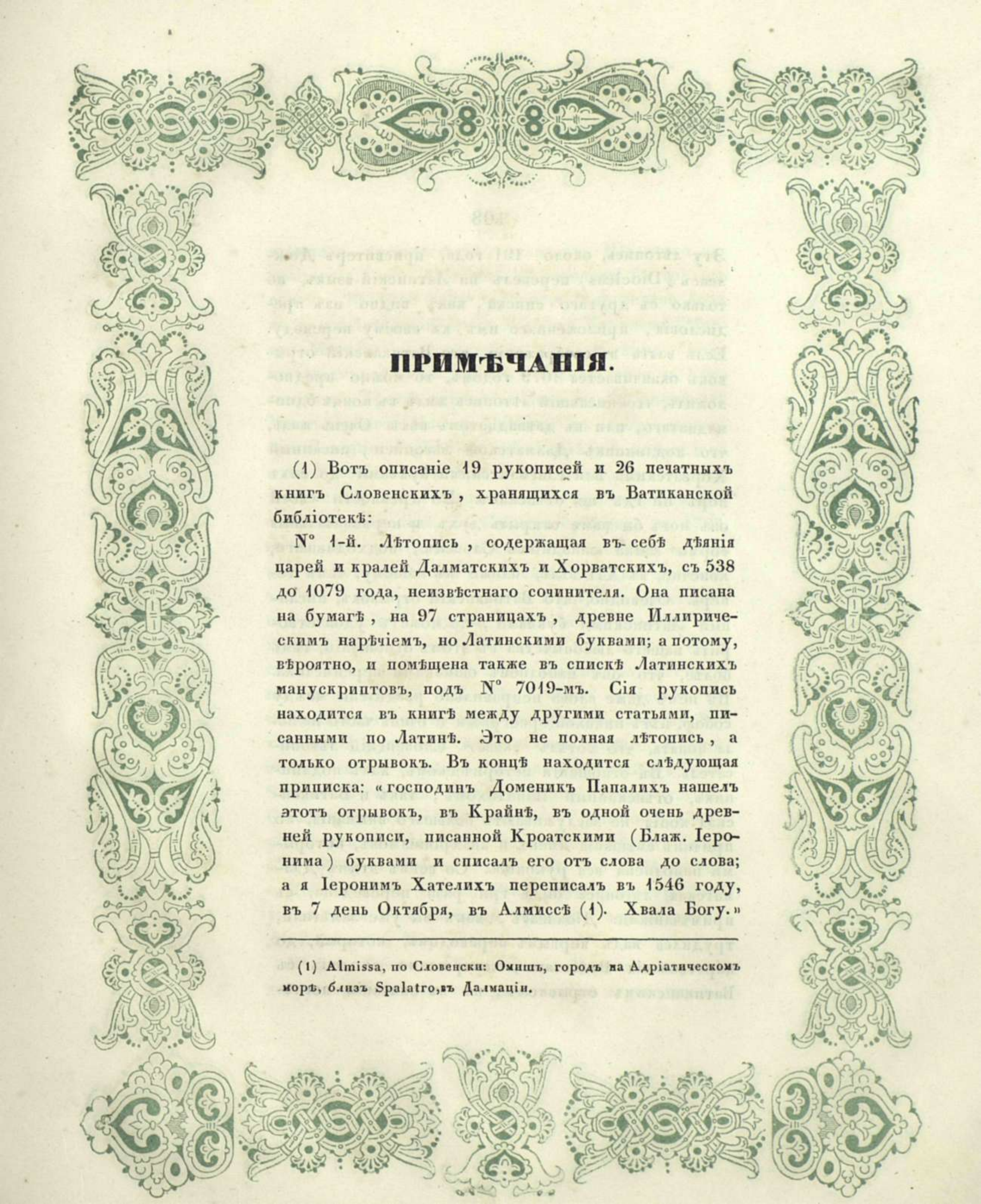
В лѣто ѕуп. поиде Святославъ в пороги, и нападе нань Куря Князь Печенѣжьскии, и оубиша Святослава (100). Взяша главу его и во лбѣ его съдѣлаша чашю, ѡковавше лобъ его и пьяху по немь; Свѣналдъ же приде Кїеву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ княженья Святославля лѣтъ К. и И.

IV. *Лебо* и *Раичь* описываютъ конецъ Болгарской войны по извѣстіямъ Византійцевъ. *Карамзинъ* и *Гебгарди*, хотя и слѣдуютъ также извѣстіямъ Греческихъ лѣтописцевъ, но соображаютъ ихъ съ разсказомъ Нестора. Только одинъ Гебгарди увѣряетъ, что Руссы возвратились въ отечество на Греческихъ корабляхъ. Неизвѣстно, откуда онъ взялъ это извѣстіе, потому что у Византійцевъ его не находимъ.

V. Въ «Исторіи Россійской» Татищева, кн. I, части I, въ такъ называемой лѣтописи епископа Іоакима (стр. 36) мы читаемъ; «Святославъ..... за



Дунаемъ.... все войско погуби; тогда діаволъ возмяте сердца вельможъ нечестивыхъ, начаша клеветати на Христіаны сущіе въ воинствѣ, яко-бы сіе паденіе вой приключилось отъ прогнѣванія лжебоговъ ихъ Христіанами; онъ-же толико разсвирѣпѣ, яко и единаго брата своего Глѣба (Улеба) не пощаде, но разными муками томя убиваше. Они-же съ радостію на мученіе идяху, а вѣры Христовы отрещися и идоломъ поклонитися не хотяху, съ веселіемъ вѣнецъ мученія пріимаху; онъ-же видя ихъ непокоренія, наипаче на пресвитеры яряся, яко бы тіи чарованіемъ нѣкимъ людямъ отвращаютъ и въ вѣрѣ ихъ утверждаютъ, посла въ Кіевъ, повелѣ храмы Христіанъ разорити и сожещи и самъ вскорѣ пойде, хотя вся Христіаны изгубити.... Онъ бо вся воя отпусти полемъ ко Кіеву, а самъ не со многими иде въ лодіахъ, и на Днѣпрѣ близъ Проточа (пороговъ) оступиша Печенѣзи со всѣми бывшими при немъ избиша, тако пріятъ казнь отъ Бога.»



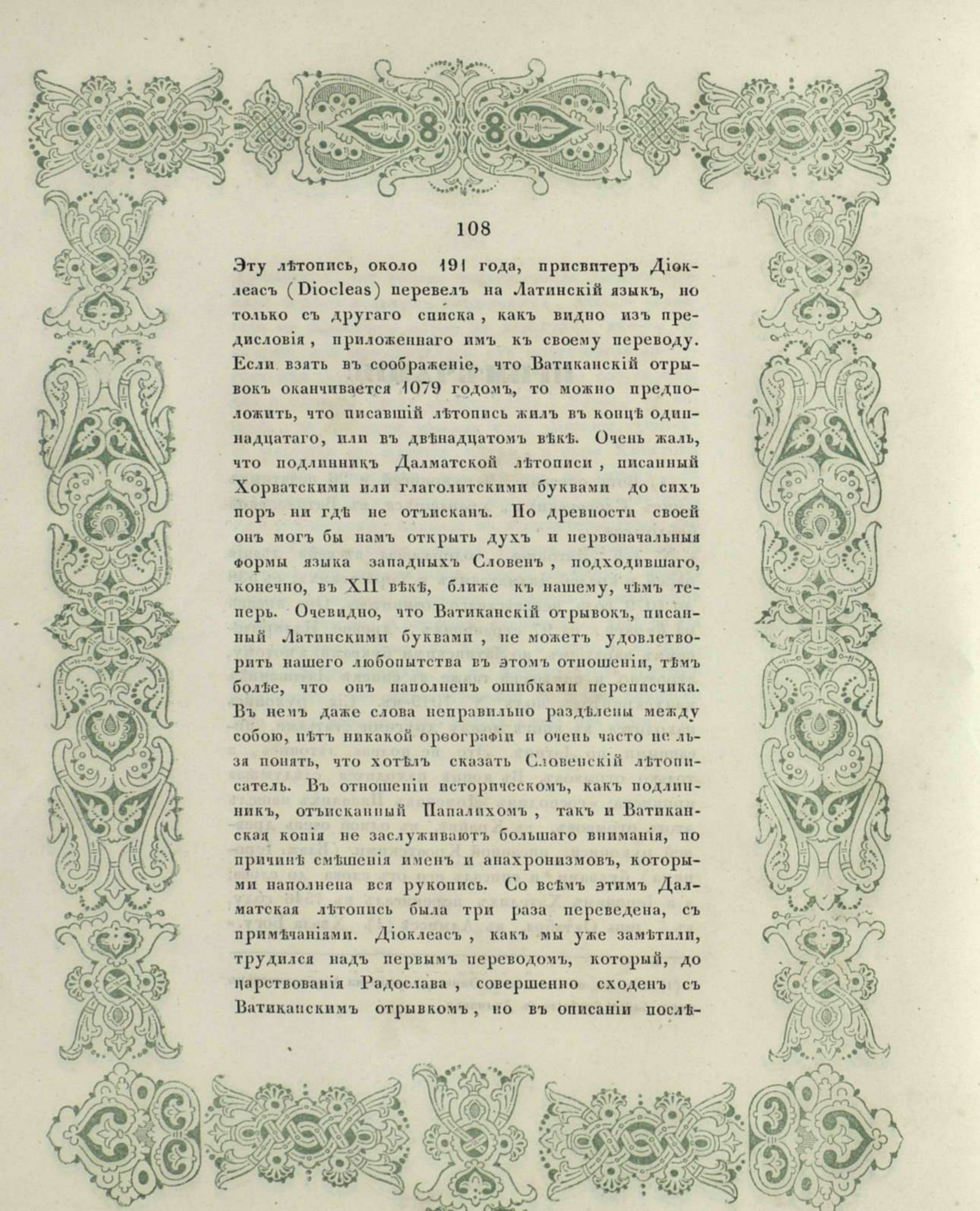
ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) Вотъ описаніе 19 рукописей и 26 печатныхъ книгъ Словенскихъ, хранящихся въ Ватиканской библіотекѣ:

N° 1-й. Лѣтопись, содержащая въ себѣ дѣянія царей и кралей Далматскихъ и Хорватскихъ, съ 538 до 1079 года, неизвѣстнаго сочинителя. Она писана на бумагѣ, на 97 страницахъ, древне Иллирическимъ нарѣчіемъ, но Латинскими буквами; а потому, вѣроятно, и помѣщена также въ спискѣ Латинскихъ манускриптовъ, подъ N° 7019-мъ. Сія рукопись находится въ книгѣ между другими статьями, писанными по Латинѣ. Это не полная лѣтопись, а только отрывокъ. Въ концѣ находится слѣдующая приписка: «господинъ Доменикъ Папалихъ нашелъ этотъ отрывокъ, въ Крайнѣ, въ одной очень древней рукописи, писанной Кроатскими (Блаж. Іеронима) буквами и списалъ его отъ слова до слова; а я Іеронимъ Хателихъ переписалъ въ 1546 году, въ 7 день Октября, въ Алмиссѣ (1). Хвала Богу.»

---

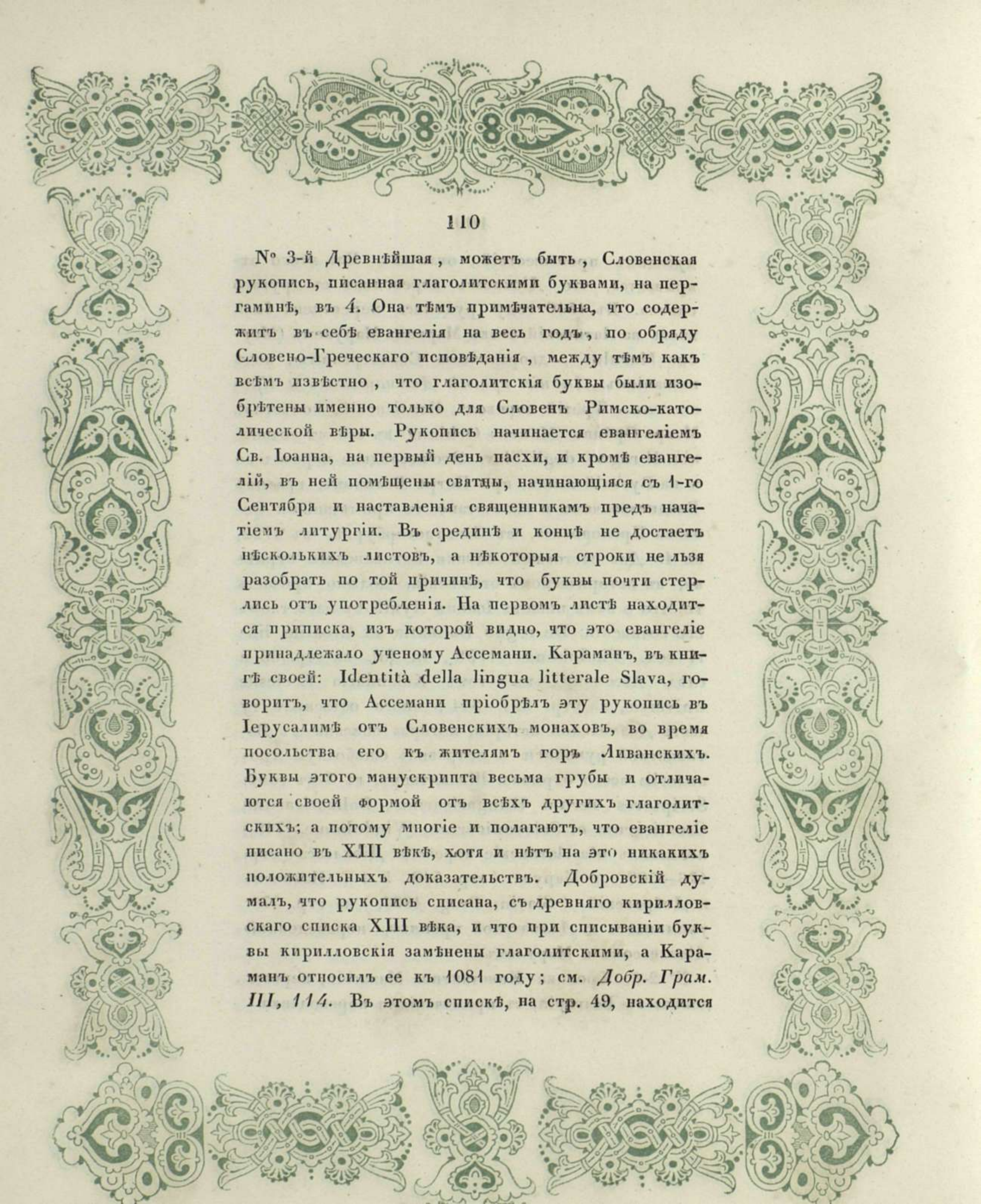
(1) Almissa, по Словенски: Омишъ, городъ на Адріатическомъ морѣ, близъ Spalatro, въ Далмаціи.



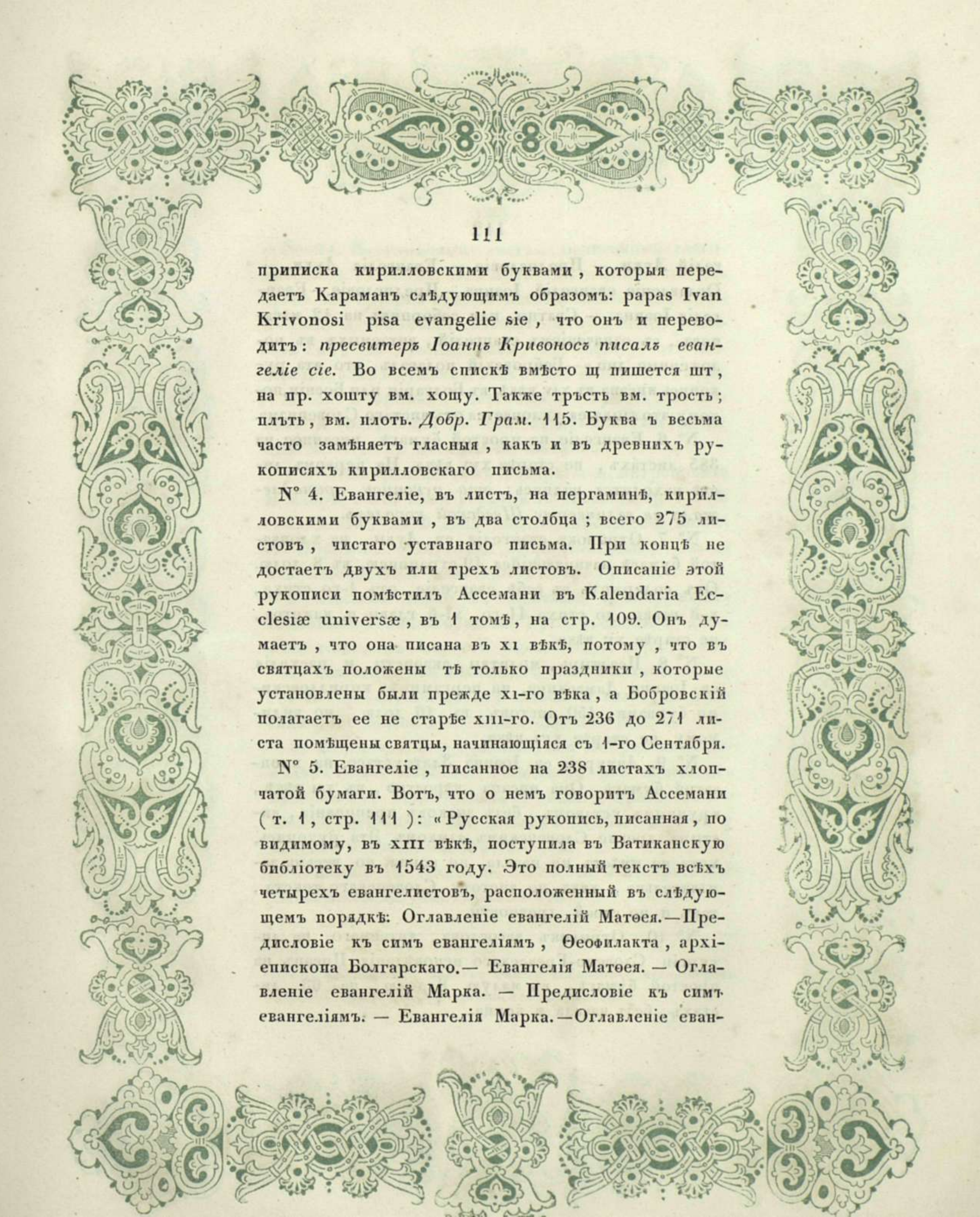
Эту лѣтопись, около 1191 года, присвитеръ Діоклеасъ (Diocleas) перевелъ на Латинскій языкъ, но только съ другаго списка, какъ видно изъ предисловія, приложеннаго имъ къ своему переводу. Если взять въ соображеніе, что Ватиканскій отрывокъ оканчивается 1079 годомъ, то можно предположить, что писавшій лѣтопись жилъ въ концѣ одиннадцатаго, или въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Очень жаль, что подлинникъ Далматской лѣтописи, писанный Хорватскими или глаголитскими буквами до сихъ поръ ни гдѣ не отъисканъ. По древности своей онъ могъ бы намъ открыть духъ и первоначальныя формы языка западныхъ Словенъ, подходившаго, конечно, въ XII вѣкѣ, ближе къ нашему, чѣмъ теперь. Очевидно, что Ватиканскій отрывокъ, писанный Латинскими буквами, не можетъ удовлетворить нашего любопытства въ этомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что онъ наполненъ ошибками переписчика. Въ немъ даже слова неправильно раздѣлены между собою, нѣтъ никакой орѳографіи и очень часто не льзя понять, что хотѣлъ сказать Словенскій лѣтописатель. Въ отношеніи историческомъ, какъ подлинникъ, отъисканный Папалихомъ, такъ и Ватиканская копія не заслуживаютъ большаго вниманія, по причинѣ смѣшенія именъ и анахронизмовъ, которыми наполнена вся рукопись. Со всѣмъ этимъ Далматская лѣтопись была три раза переведена, съ примѣчаніями. Діоклеасъ, какъ мы уже замѣтили, трудился надъ первымъ переводомъ, который, до царствованія Радослава, совершенно сходенъ съ Ватиканскимъ отрывкомъ, но въ описаніи послѣ-

дующихъ происшествій, отличенъ. Изъ этого открывается, что Діоклеасъ переводилъ съ другаго списка. Въ 1510 году рукопись переведена была вновь на Латинскій языкъ Маркомъ Марулемъ (Marcus Marulus), дворяниномъ Спалатрскимъ, подъ названіемъ: *Дѣянія кралей Далматскихъ и Кроатскихъ.* Третій переводъ, Италіанскій, помѣстилъ Мавръ Орбинъ (Maurus Orbinus) въ своемъ сочиненіи: Il regno degli Slavi. Это послѣднее переведено и на Русскій языкъ, при Петрѣ Великомъ, графомъ Владиславичемъ и напечатано, съ примѣчаніями Θеофана Прокоповича, въ Санктпетербургѣ, въ 1722, въ 4. Для настоящей оцѣнки Ватиканскаго отрывка, въ историческомъ отношеніи, должно прочесть то, что о немъ пишетъ Іоаннъ Луцій въ извѣстномъ его сочиненіи: De regno Dalmatiæ et Croatiæ, libri sex. Vindobonæ 1758, in fol. на стр. 66 и слѣд. Ассемани, въ 1 томѣ Kalendaria Ecclesiæ universæ, на стр. 321—344, много объяснилъ ту часть Далматской исторіи, которая описана въ Ватиканской рукописи и исправилъ ошибочную хронологію всего отрывка. Швандтнеръ, въ 3-мъ томѣ: Scriptores rerum Hungaricarum, Dalmaticarum, Croaticarum et Sclavonicarum, (Vindobonæ, 1748,) помѣстилъ оба Латинскіе перевода: Діоклеаса (стр. 476—509) и Марула (стр 510-5 1). Наконецъ и Добровскій (Slavin; Prag, 1806,) на стр. 378. упоминаетъ о Далматской хроникѣ, переведенной Діоклеасомъ и Марулемъ.

N° 2-й. Хроника Константина Манассіи, переведенная въ Болгаріи, съ примѣчаніями переводчика.



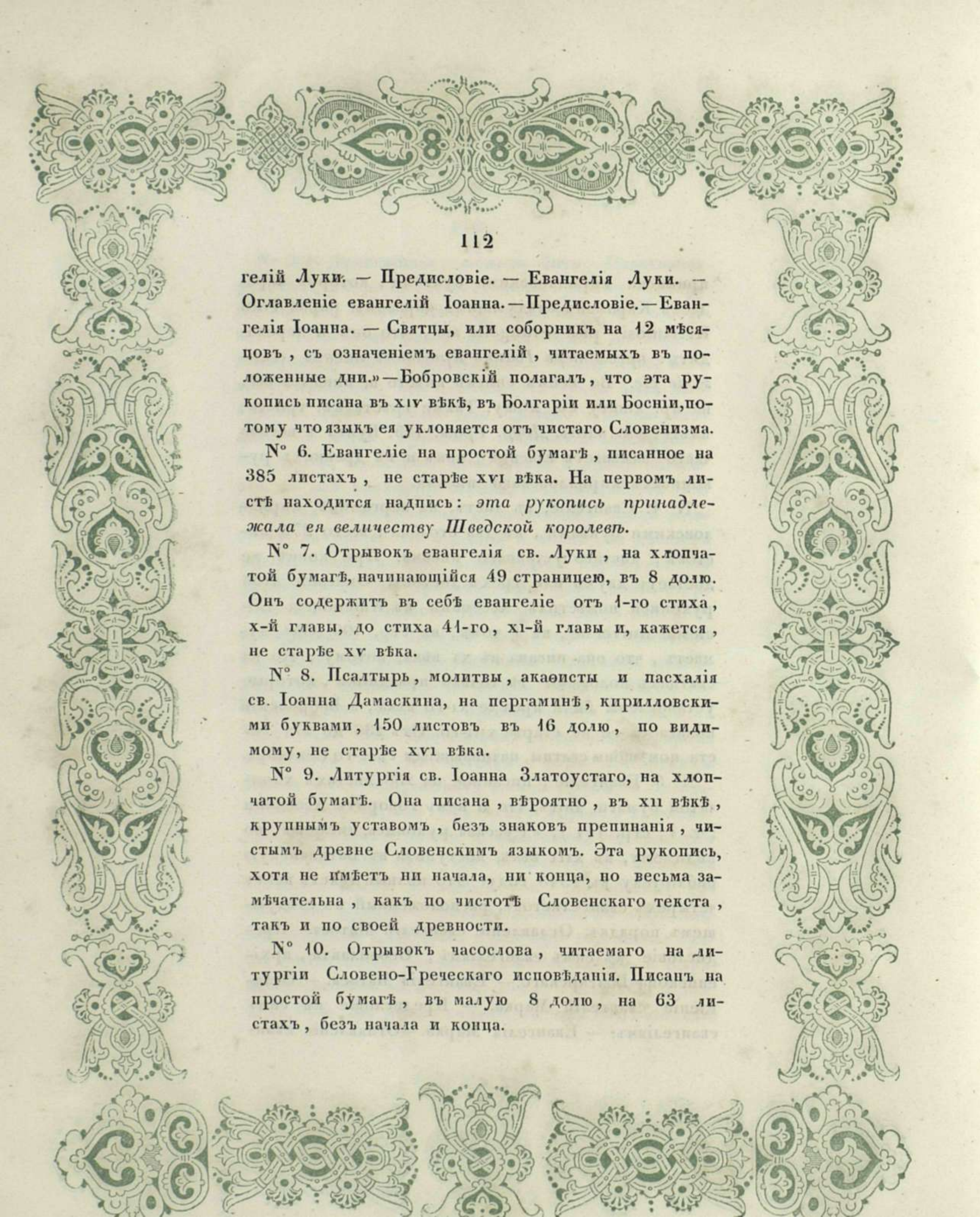
№ 3-й Древнѣйшая, можетъ быть, Словенская рукопись, писанная глаголитскими буквами, на пергаминѣ, въ 4. Она тѣмъ примѣчательна, что содержитъ въ себѣ евангелія на весь годъ, по обряду Словено-Греческаго исповѣданія, между тѣмъ какъ всѣмъ извѣстно, что глаголитскія буквы были изобрѣтены именно только для Словенъ Римско-католической вѣры. Рукопись начинается евангеліемъ Св. Іоанна, на первый день пасхи, и кромѣ евангелій, въ ней помѣщены святцы, начинающіяся съ 1-го Сентября и наставленія священникамъ предъ начатіемъ литургіи. Въ срединѣ и концѣ не достаетъ нѣсколькихъ листовъ, а нѣкоторыя строки не льзя разобрать по той причинѣ, что буквы почти стерлись отъ употребленія. На первомъ листѣ находится приписка, изъ которой видно, что это евангеліе принадлежало ученому Ассемани. Караманъ, въ книгѣ своей: Identità della lingua litterale Slava, говоритъ, что Ассемани пріобрѣлъ эту рукопись въ Іерусалимѣ отъ Словенскихъ монаховъ, во время посольства его къ жителямъ горъ Ливанскихъ. Буквы этого манускрипта весьма грубы и отличаются своей формой отъ всѣхъ другихъ глаголитскихъ; а потому многіе и полагаютъ, что евангеліе писано въ XIII вѣкѣ, хотя и нѣтъ на это никакихъ положительныхъ доказательствъ. Добровскій думалъ, что рукопись списана, съ древняго кирилловскаго списка XIII вѣка, и что при списываніи буквы кирилловскія замѣнены глаголитскими, а Караманъ относилъ ее къ 1081 году; см. *Добр. Грам. III, 114.* Въ этомъ спискѣ, на стр. 49, находится



приписка кирилловскими буквами, которыя передаетъ Караманъ слѣдующимъ образомъ: papas Ivan Krivonosi pisa evangelie sie, что онъ и переводитъ: *пресвитеръ Іоаннъ Кривоносъ писалъ евангеліе сіе.* Во всемъ спискѣ вмѣсто щ пишется шт, на пр. хошту вм. хощу. Также трьсть вм. трость; плъть, вм. плоть. *Добр. Грам.* 115. Буква ъ весьма часто замѣняетъ гласныя, какъ и въ древнихъ рукописяхъ кирилловскаго письма.

N° 4. Евангеліе, въ листъ, на пергаминѣ, кирилловскими буквами, въ два столбца; всего 275 листовъ, чистаго уставнаго письма. При концѣ не достаетъ двухъ или трехъ листовъ. Описаніе этой рукописи помѣстилъ Ассемани въ Kalendaria Ecclesiæ universæ, въ 1 томѣ, на стр. 109. Онъ думаетъ, что она писана въ XI вѣкѣ, потому, что въ святцахъ положены тѣ только праздники, которые установлены были прежде XI-го вѣка, а Бобровскій полагаетъ ее не старѣе XIII-го. Отъ 236 до 271 листа помѣщены святцы, начинающіяся съ 1-го Сентября.

N° 5. Евангеліе, писанное на 238 листахъ хлопчатой бумаги. Вотъ, что о немъ говоритъ Ассемани (т. 1, стр. 111): «Русская рукопись, писанная, по видимому, въ XIII вѣкѣ, поступила въ Ватиканскую библіотеку въ 1543 году. Это полный текстъ всѣхъ четырехъ евангелистовъ, расположенный въ слѣдующемъ порядкѣ: Оглавленіе евангелій Матѳея.—Предисловіе къ симъ евангеліямъ, Ѳеофилакта, архіепископа Болгарскаго.— Евангелія Матѳея. — Оглавленіе евангелій Марка. — Предисловіе къ симъ евангеліямъ. — Евангелія Марка.—Оглавленіе еван-



гелій Луки. — Предисловіе. — Евангелія Луки. — Оглавленіе евангелій Іоанна. — Предисловіе. — Евангелія Іоанна. — Святцы, или соборникъ на 12 мѣсяцовъ, съ означеніемъ евангелій, читаемыхъ въ положенные дни.» — Бобровскій полагалъ, что эта рукопись писана въ XIV вѣкѣ, въ Болгаріи или Босніи, потому что языкъ ея уклоняется отъ чистаго Словенизма.

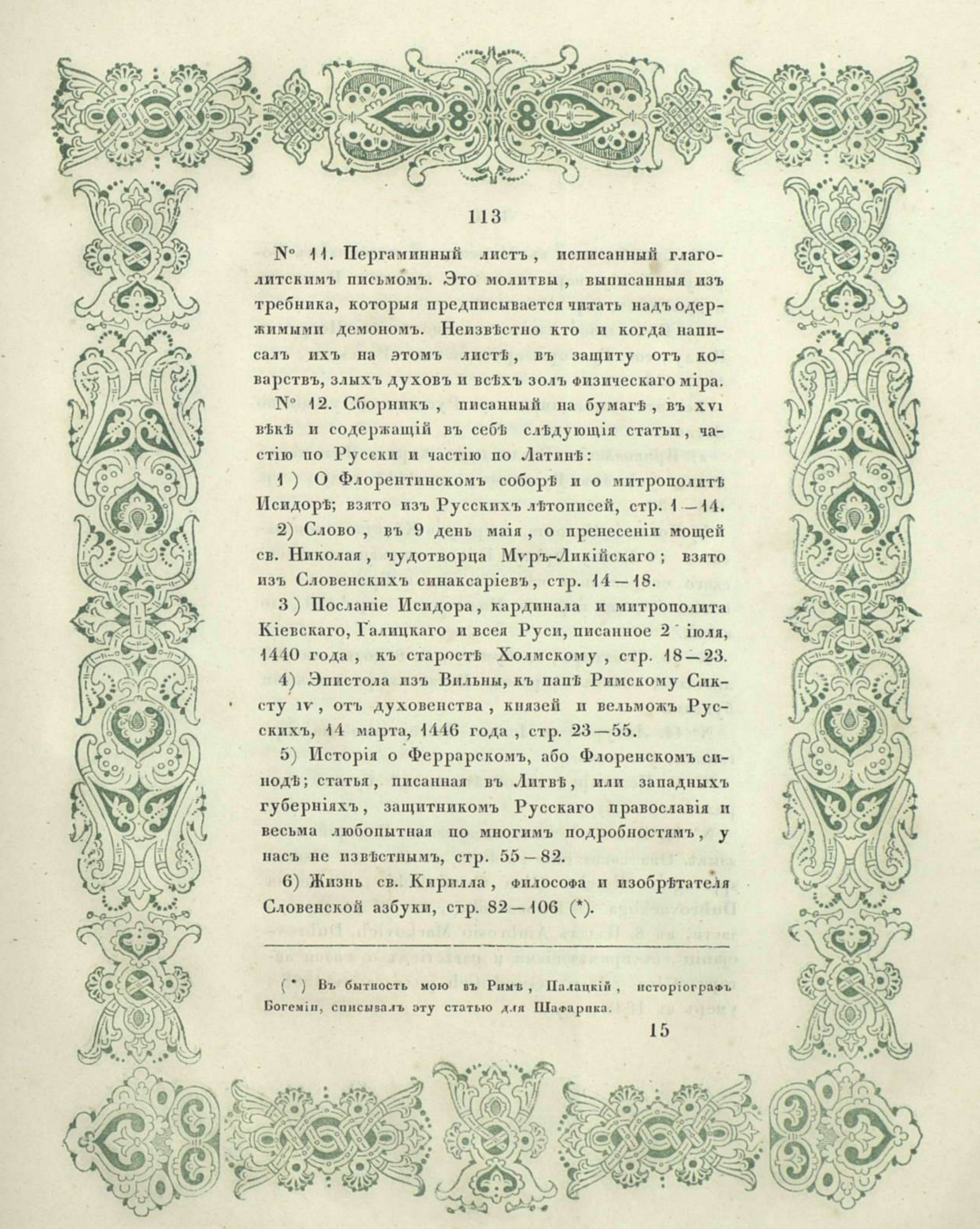
№ 6. Евангеліе на простой бумагѣ, писанное на 385 листахъ, не старѣе XVI вѣка. На первомъ листѣ находится надпись: *эта рукопись принадлежала ея величеству Шведской королевѣ.*

№ 7. Отрывокъ евангелія св. Луки, на хлопчатой бумагѣ, начинающійся 49 страницею, въ 8 долю. Онъ содержитъ въ себѣ евангеліе отъ 1-го стиха, X-й главы, до стиха 41-го, XI-й главы и, кажется, не старѣе XV вѣка.

№ 8. Псалтырь, молитвы, акаѳисты и пасхалія св. Іоанна Дамаскина, на пергаминѣ, кирилловскими буквами, 150 листовъ въ 16 долю, по видимому, не старѣе XVI вѣка.

№ 9. Литургія св. Іоанна Златоустаго, на хлопчатой бумагѣ. Она писана, вѣроятно, въ XII вѣкѣ, крупнымъ уставомъ, безъ знаковъ препинанія, чистымъ древне Словенскимъ языкомъ. Эта рукопись, хотя не имѣетъ ни начала, ни конца, но весьма замѣчательна, какъ по чистотѣ Словенскаго текста, такъ и по своей древности.

№ 10. Отрывокъ часослова, читаемаго на литургіи Словено-Греческаго исповѣданія. Писанъ на простой бумагѣ, въ малую 8 долю, на 63 листахъ, безъ начала и конца.



№ 11. Пергаминный листъ, исписанный глаголитскимъ письмомъ. Это молитвы, выписанныя изъ требника, которыя предписывается читать надъ одержимыми демономъ. Неизвѣстно кто и когда написалъ ихъ на этомъ листѣ, въ защиту отъ коварствъ, злыхъ духовъ и всѣхъ золъ физическаго міра.

№ 12. Сборникъ, писанный на бумагѣ, въ XVI вѣкѣ и содержащій въ себѣ слѣдующія статьи, частію по Руски и частію по Латинѣ:

1) О Флорентинскомъ соборѣ и о митрополитѣ Исидорѣ; взято изъ Русскихъ лѣтописей, стр. 1—14.

2) Слово, въ 9 день маія, о пренесеніи мощей св. Николая, чудотворца Муръ-Ликійскаго; взято изъ Словенскихъ синаксаріевъ, стр. 14—18.

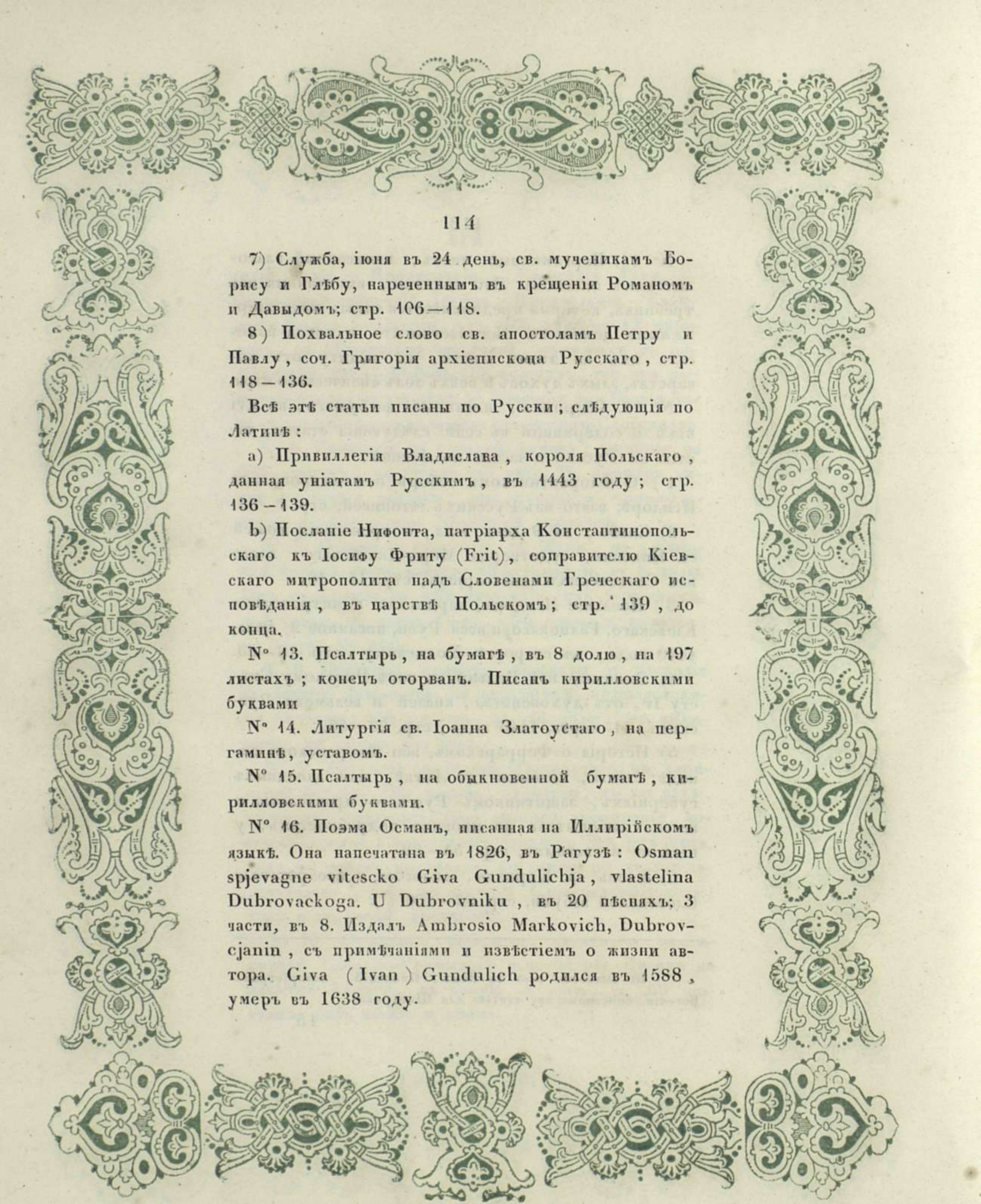
3) Посланіе Исидора, кардинала и митрополита Кіевскаго, Галицкаго и всея Руси, писанное 2 іюля, 1440 года, къ старостѣ Холмскому, стр. 18—23.

4) Эпистола изъ Вильны, къ папѣ Римскому Сиксту IV, отъ духовенства, князей и вельможъ Русскихъ, 14 марта, 1446 года, стр. 23—55.

5) Исторія о Феррарскомъ, або Флоренскомъ синодѣ; статья, писанная въ Литвѣ, или западныхъ губерніяхъ, защитникомъ Русскаго православія и весьма любопытная по многимъ подробностямъ, у насъ не извѣстнымъ, стр. 55—82.

6) Жизнь св. Кирилла, философа и изобрѣтателя Словенской азбуки, стр. 82—106 (*).

(*) Въ бытность мою въ Римѣ, Палацкій, исторіографъ Богеміи, списывалъ эту статью для Шафарика.



7) Служба, іюня въ 24 день, св. мученикамъ Борису и Глѣбу, нареченнымъ въ крещеніи Романомъ и Давыдомъ; стр. 106—118.

8) Похвальное слово св. апостоламъ Петру и Павлу, соч. Григорія архіепископа Русскаго, стр. 118—136.

Всѣ этѣ статьи писаны по Русски; слѣдующія по Латинѣ:

a) Привиллегія Владислава, короля Польскаго, данная уніатамъ Русскимъ, въ 1443 году; стр. 136—139.

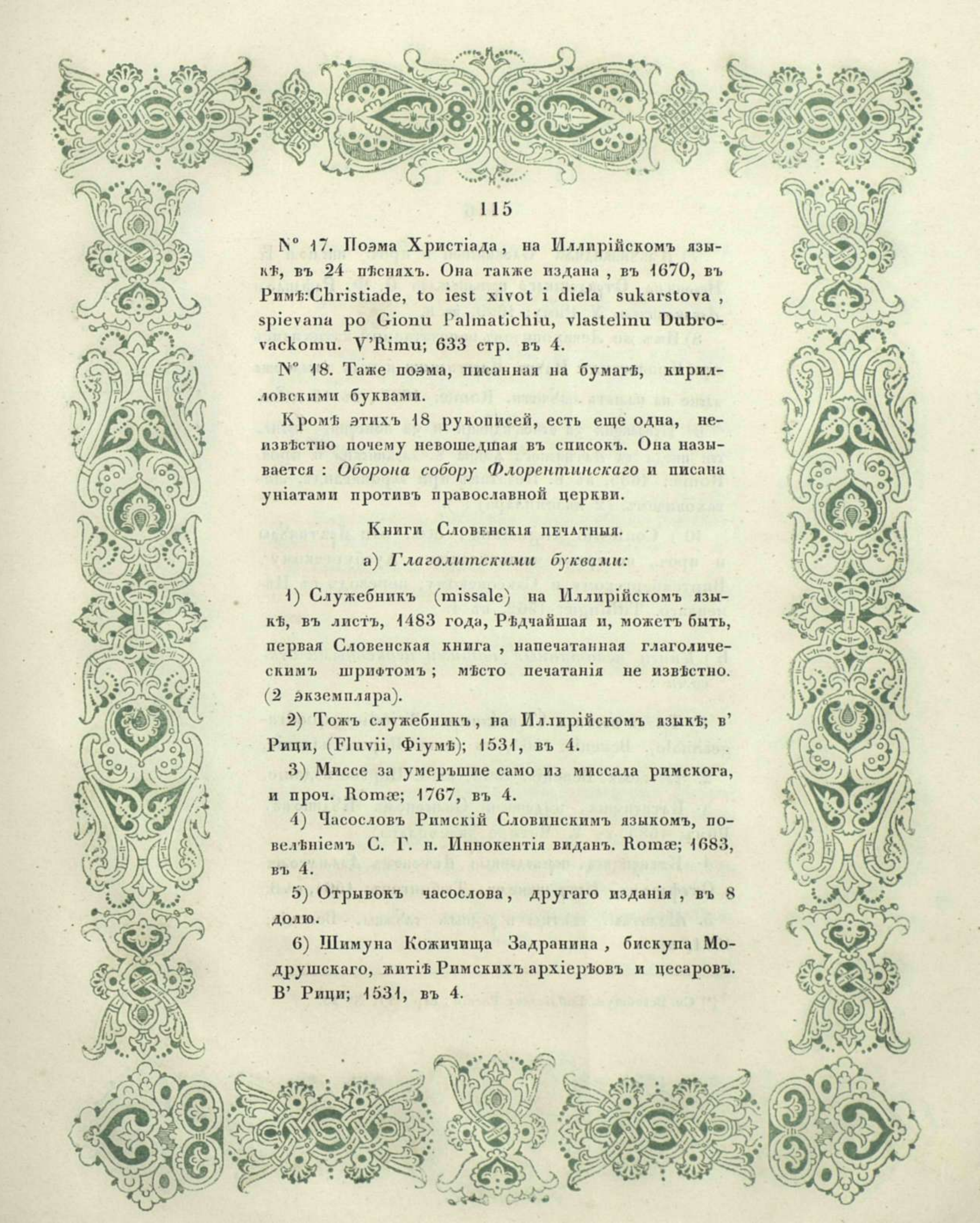
b) Посланіе Нифонта, патріарха Константинопольскаго къ Іосифу Фриту (Frit), соправителю Кіевскаго митрополита надъ Словенами Греческаго исповѣданія, въ царствѣ Польскомъ; стр. 139, до конца.

№ 13. Псалтырь, на бумагѣ, въ 8 долю, на 197 листахъ; конецъ оторванъ. Писанъ кирилловскими буквами

№ 14. Литургія св. Іоанна Златоустаго, на пергаминѣ, уставомъ.

№ 15. Псалтырь, на обыкновенной бумагѣ, кирилловскими буквами.

№ 16. Поэма Османъ, писанная на Иллирійскомъ языкѣ. Она напечатана въ 1826, въ Рагузѣ: Osman spjevagne vitescko Giva Gundulichja, vlastelina Dubrovackoga. U Dubrovniku, въ 20 пѣсняхъ; 3 части, въ 8. Издалъ Ambrosio Markovich, Dubrovcjanin, съ примѣчаніями и извѣстіемъ о жизни автора. Giva (Ivan) Gundulich родился въ 1588, умеръ въ 1638 году.



N° 17. Поэма Христіада, на Иллирійскомъ языкѣ, въ 24 пѣсняхъ. Она также издана, въ 1670, въ Римѣ: Christiade, to iest xivot i diela sukarstova, spievana po Gionu Palmatichiu, vlastelinu Dubrovackomu. V'Rimu; 633 стр. въ 4.

N° 18. Таже поэма, писанная на бумагѣ, кирилловскими буквами.

Кромѣ этихъ 18 рукописей, есть еще одна, неизвѣстно почему невошедшая въ списокъ. Она называется: *Оборона собору Флорентинскаго* и писана уніатами противъ православной церкви.

Книги Словенскія печатныя.

а) *Глаголитскими буквами:*

1) Служебникъ (missale) на Иллирійскомъ языкѣ, въ листъ, 1483 года, Рѣдчайшая и, можетъ быть, первая Словенская книга, напечатанная глаголическимъ шрифтомъ; мѣсто печатанія не извѣстно. (2 экземпляра).

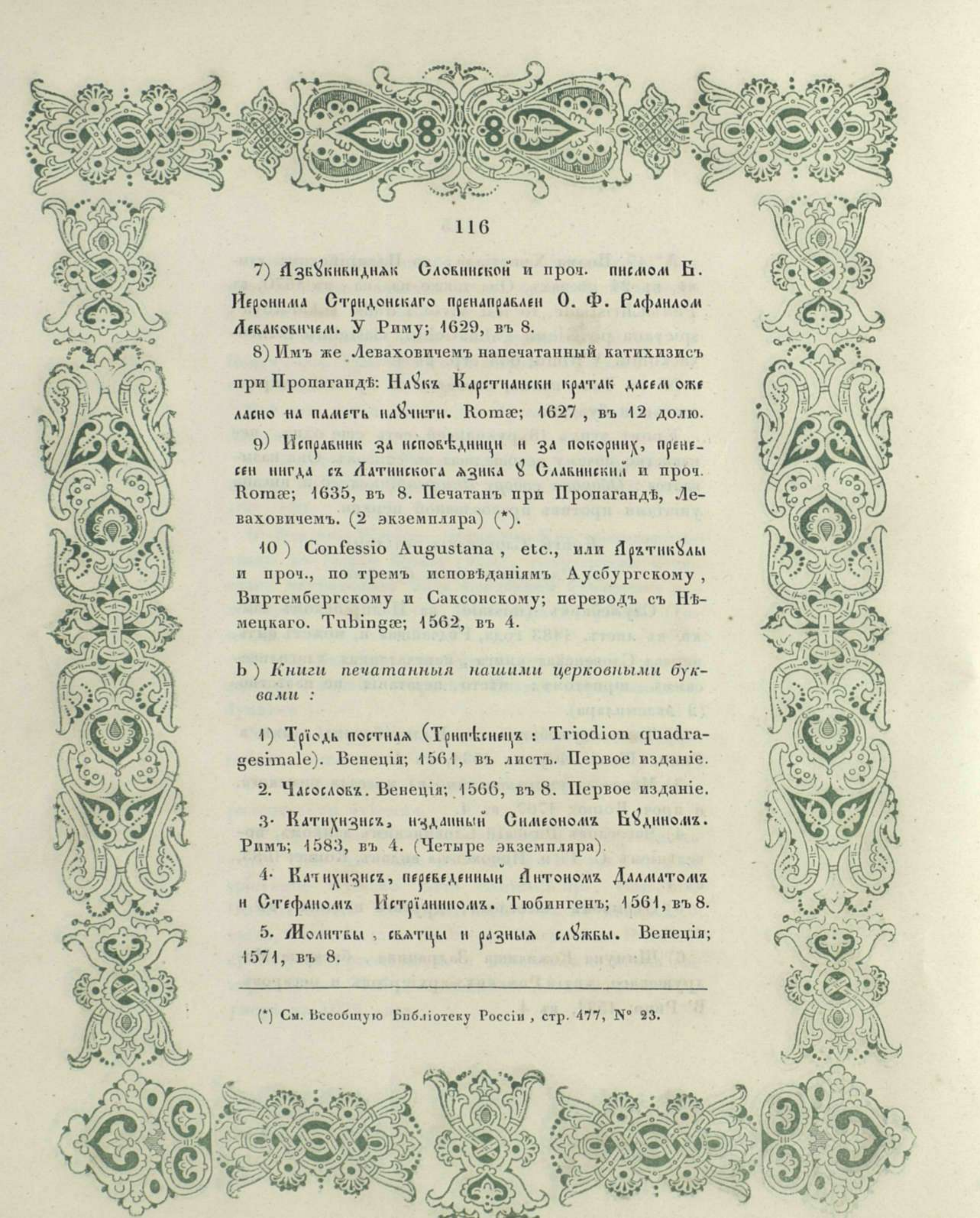
2) Тожъ служебникъ, на Иллирійскомъ языкѣ; в' Рици, (Fluvii, Фіумѣ); 1531, въ 4.

3) Миссе за умеръшие само из миссала римскога, и проч. Romæ; 1767, въ 4.

4) Часословъ Римскій Словинскимъ языкомъ, повелѣніемъ С. Г. п. Иннокентія виданъ. Romæ; 1683, въ 4.

5) Отрывокъ часослова, другаго изданія, въ 8 долю.

6) Шимуна Кожичица Задранина, бискупа Модрушскаго, житіѣ Римскихъ архіерѣовъ и цесаровъ. В' Рици; 1531, въ 4.



7) Азбукиквидиаж Словинской и проч. писмом Б. Иеронима Стридонскаго пренапраблен О. Ф. Рафаилом Левакобичем. У Риму; 1629, въ 8.

8) Имъ же Леваховичемъ напечатанный катихизисъ при Пропагандѣ: Наукъ Карстиански кратак дасем оже ласно на паметь научити. Romæ; 1627, въ 12 долю.

9) Исправник за исповедници и за покорних, пренесен нигда съ Латинскога жзика у Славинский и проч. Romæ; 1635, въ 8. Печатанъ при Пропагандѣ, Леваховичемъ. (2 экземпляра) (*).

10) Confessio Augustana, etc., или Артикулы и проч., по тремъ исповѣданіямъ Аусбургскому, Виртембергскому и Саксонскому; переводъ съ Нѣмецкаго. Tubingæ; 1562, въ 4.

b) *Книги печатанныя нашими церковными буквами :*

1) Тріодь постнаж (Трипѣснецъ : Triodion quadragesimale). Венеція; 1561, въ листъ. Первое изданіе.

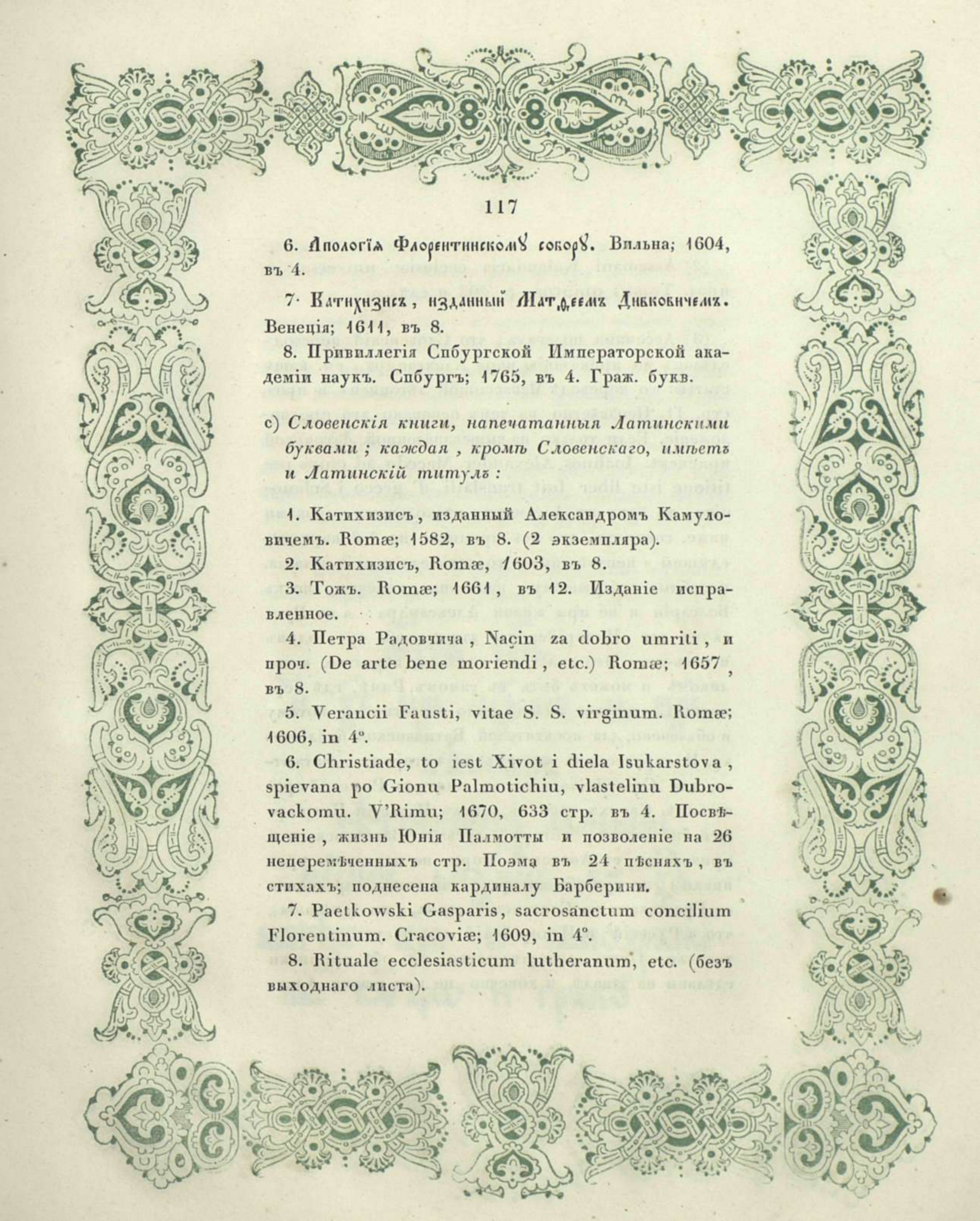
2. Часословъ. Венеція; 1566, въ 8. Первое изданіе.

3. Катихизисъ, изданный Симеономъ Будиномъ. Римъ; 1583, въ 4. (Четыре экземпляра).

4. Катихизисъ, переведенный Антономъ Далматомъ и Стефаномъ Истріаниномъ. Тюбингенъ; 1561, въ 8.

5. Молитвы, святцы и разныж службы. Венеція; 1571, въ 8.

(*) См. Всеобщую Библіотеку Россіи, стр. 477, № 23.



6. Апологія Флорентинскому собору. Вильна; 1604, въ 4.

7. Катихизисъ, изданный Матөеемъ Дивковичемъ. Венеція; 1611, въ 8.

8. Привиллегія Спбургской Императорской академіи наукъ. Спбургъ; 1765, въ 4. Граж. букв.

c) *Словенскія книги, напечатанныя Латинскими буквами; каждая, кромѣ Словенскаго, имѣетъ и Латинскій титулъ:*

1. Катихизисъ, изданный Александромъ Камуловичемъ. Romæ; 1582, въ 8. (2 экземпляра).

2. Катихизисъ, Romæ, 1603, въ 8.

3. Тожъ. Romæ; 1661, въ 12. Изданіе исправленное.

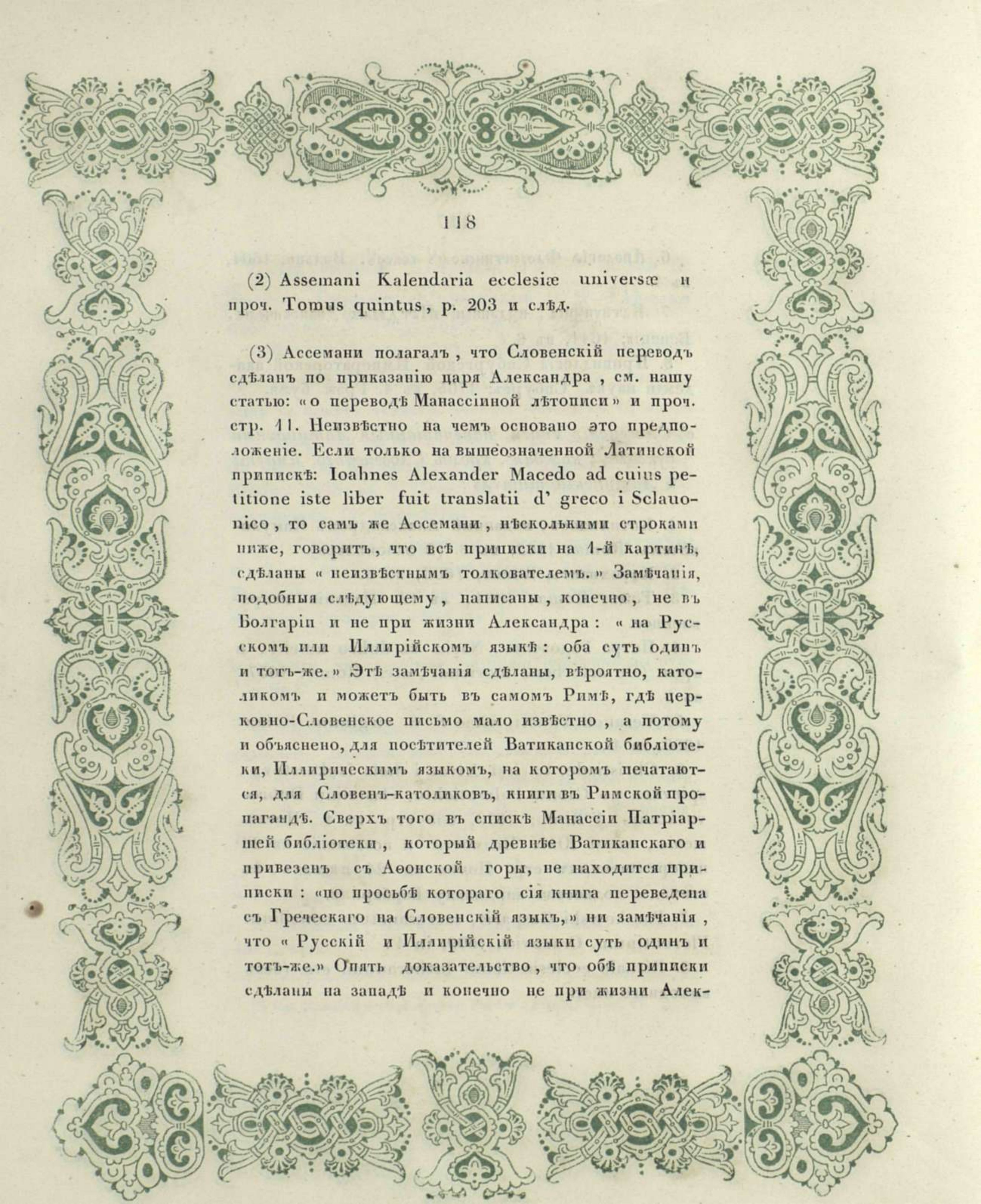
4. Петра Радовчича, Nacin za dobro umriti, и проч. (De arte bene moriendi, etc.) Romæ; 1657, въ 8.

5. Verancii Fausti, vitae S. S. virginum. Romæ; 1606, in 4°.

6. Christiade, to iest Xivot i diela Isukarstova, spievana po Gionu Palmotichiu, vlastelinu Dubrovackomu. V'Rimu; 1670, 633 стр. въ 4. Посвѣщеніе, жизнь Юнія Палмотты и позволеніе на 26 неперемѣченныхъ стр. Поэма въ 24 пѣсняхъ, въ стихахъ; поднесена кардиналу Барберини.

7. Paetkowski Gasparis, sacrosanctum concilium Florentinum. Cracoviæ; 1609, in 4°.

8. Rituale ecclesiasticum lutheranum, etc. (безъ выходнаго листа).



(2) Assemani Kalendaria ecclesiæ universæ и проч. Tomus quintus, p. 203 и слѣд.

(3) Ассемани полагалъ, что Словенскій переводъ сдѣланъ по приказанію царя Александра, см. нашу статью: «о переводѣ Манассіиной лѣтописи» и проч. стр. 11. Неизвѣстно на чемъ основано это предположеніе. Если только на вышеозначенной Латинской припискѣ: Ioahnes Alexander Macedo ad cuius petitione iste liber fuit translatii d' greco i Sclauonico, то самъ же Ассемани, нѣсколькими строками ниже, говоритъ, что всѣ приписки на 1-й картинѣ, сдѣланы «неизвѣстнымъ толкователемъ.» Замѣчанія, подобныя слѣдующему, написаны, конечно, не въ Болгаріи и не при жизни Александра: «на Русскомъ или Иллирійскомъ языкѣ: оба суть одинъ и тотъ-же.» Этѣ замѣчанія сдѣланы, вѣроятно, католикомъ и можетъ быть въ самомъ Римѣ, гдѣ церковно-Словенское письмо мало извѣстно, а потому и объяснено, для посѣтителей Ватиканской библіотеки, Иллирическимъ языкомъ, на которомъ печатаются, для Словенъ-католиковъ, книги въ Римской пропагандѣ. Сверхъ того въ спискѣ Манассіи Патріаршей библіотеки, который древнѣе Ватиканскаго и привезенъ съ Аѳонской горы, не находится приписки: «по просьбѣ котораго сія книга переведена съ Греческаго на Словенскій языкъ,» ни замѣчанія, что «Русскій и Иллирійскій языки суть одинъ и тотъ-же.» Опять доказательство, что обѣ приписки сдѣланы на западѣ и конечно не при жизни Алек-

сандра. Что переводъ Манассіи на Словенскій языкъ гораздо древнѣе обоихъ дошедшихъ до насъ списковъ, на это можно представить слѣдующія доказательства: а) слогъ и правописаніе обоихъ списковъ (кромѣ вставки въ Ватиканскомъ: *о кралехъ причя*) совершенно одинаковы съ древнѣйшими намъ извѣстными Словенскими рукописями. Ь) Замѣчанія, прибавленныя Болгарскимъ переписчикомъ, къ тексту Манассіи, доведены до конца XII вѣка: если бы переводъ былъ сдѣланъ дѣйствительно при царѣ Александрѣ, то и примѣчанія продолжались бы до его царствованія, т. е. до половины XIV столѣтія.

(4) Это переводъ Ассемани; вотъ самыя надписи снятыя нами съ этой картины:

АГГЛЬ ГНЬ.

ІС ХС ЦРЬ ЦРЕМЪ И ЦРЬ ВѢЧНЫИ.

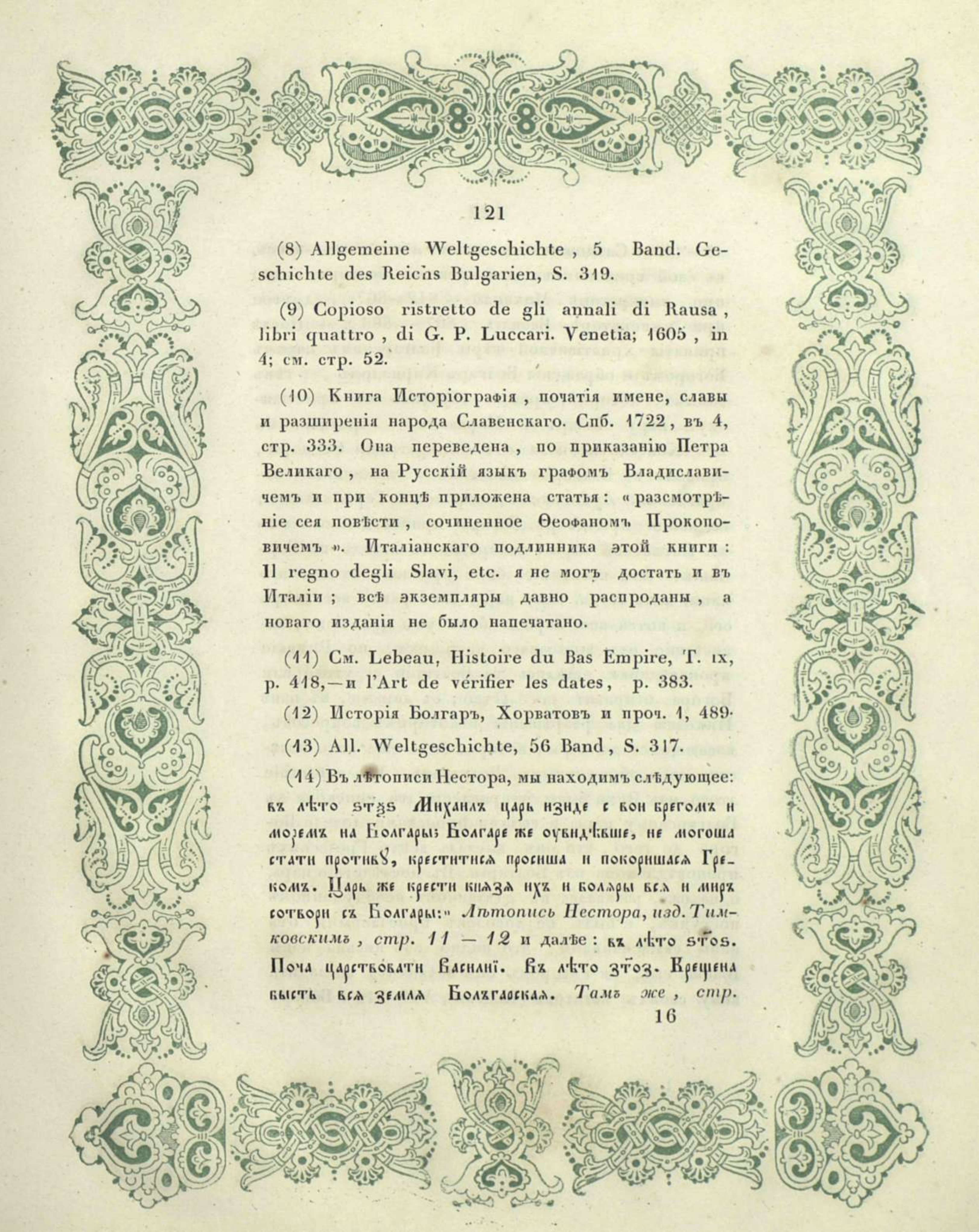
ЛѢТОПИСЕЦЪ МАНАСИИ.

ІѠАНЪ АЛЕѮАНДРЪ ВЪ ХА КАВѢРЕ ЦРЬ И САМОДРЪЖЕ ВЬСМ БЛГАРѠМ И ГРЪКОМ

(5) Вспомнимъ опять, что это говоритъ католикъ. Не упоминая здѣсь о другихъ рукописяхъ, достаточно указать на сочиненія Іоанна Экзарха Болгарскаго, процвѣтавшаго въ IX—X вѣкахъ.—Продолженіе этой выписки кардинала Маіо изъ Ассемани, см. въ нашей статьѣ: «о Словенскомъ переводѣ Манассіиной лѣтописи», *стр. 11*. Тамъ сказано: «переводъ этотъ доказываетъ, что ему не чужда была и критика; онъ принесъ, конечно, большую пользу, обогативъ Словенскій языкъ новыми словами, оборотами, поэтическими выраженіями: все это составлено по примѣру богатаго Греческаго языка.» — Такъ западные филологи отзываются о нашихъ церковно-Словенскихъ книгахъ и переводахъ. И если въ началѣ XIII вѣка нашъ церковный языкъ достигъ уже такой красоты, что его сравниваютъ съ Греческимъ, то эта изящность не могла родиться вдругъ въ XII столѣтіи и для достиженія ея, особенно когда книгопечатаніе не было изобрѣтено, а рукописи были рѣдки и дороги, конечно, нужно было не малое время. — Мы дѣлаемъ это замѣчаніе для тѣхъ, которые, слѣдуя мнѣнію М. Т. Каченовскаго, полагаютъ всѣхъ Словенъ, и въ особенности нашу Русь, въ какомъ-то полудикомъ состояніи до XIV вѣка.

(6) См. Scriptorum veterum nova collectio, p. 101, въ примѣчаніи.

(7) Исторія Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ, соч. архимандритъ Іоаннъ Раичъ. Въ Віеннѣ; 1794. Ч. I, кн. II, глава IX, стр. 489.



(8) Allgemeine Weltgeschichte, 5 Band. Geschichte des Reichs Bulgarien, S. 319.

(9) Copioso ristretto de gli annali di Rausa, libri quattro, di G. P. Luccari. Venetia; 1605, in 4; см. стр. 52.

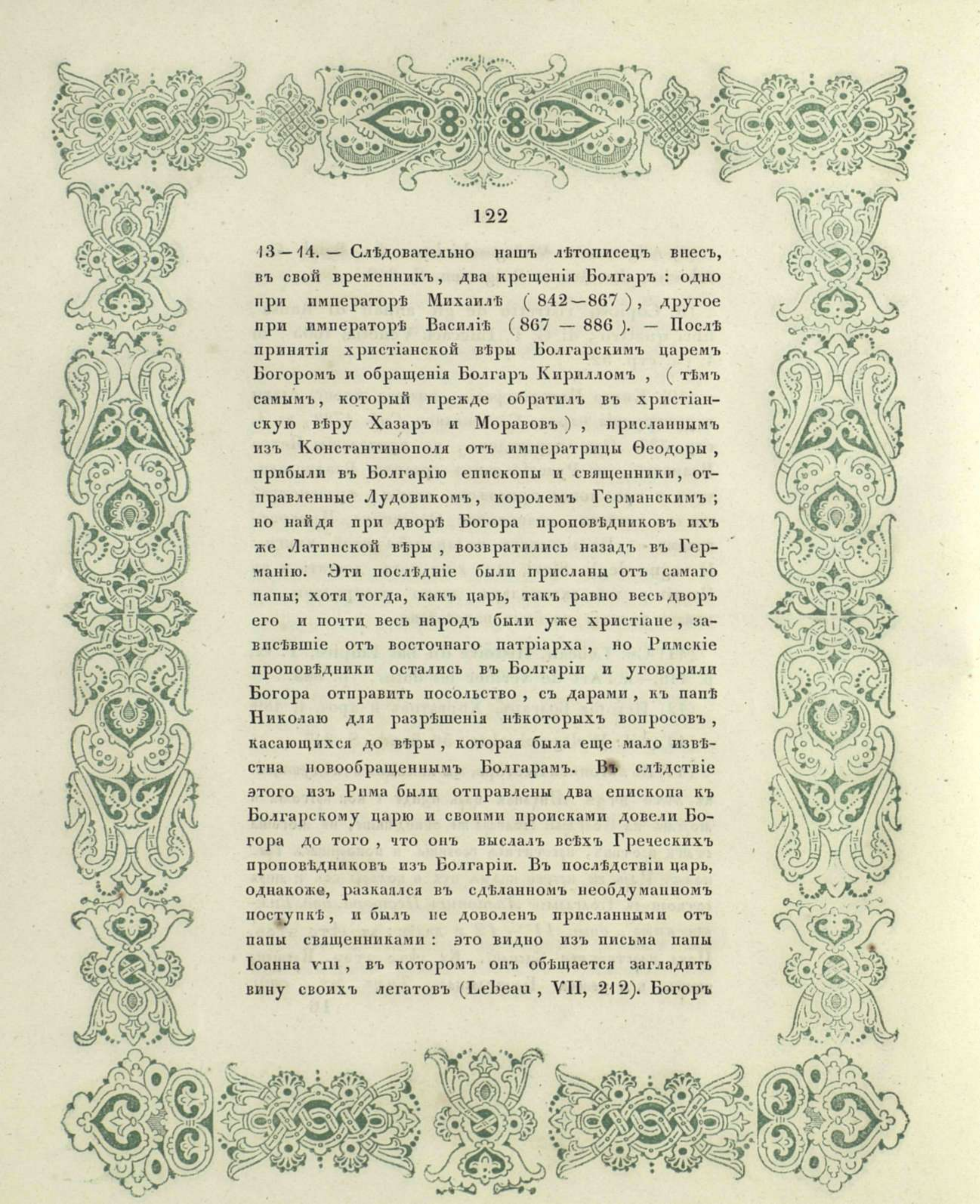
(10) Книга Исторіографія, початія имене, славы и разширенія народа Славенскаго. Спб. 1722, въ 4, стр. 333. Она переведена, по приказанію Петра Великаго, на Русскій языкъ графомъ Владиславичемъ и при концѣ приложена статья: «разсмотрѣніе сея повѣсти, сочиненное Ѳеофаномъ Прокоповичемъ». Италіанскаго подлинника этой книги: Il regno degli Slavi, etc. я не могъ достать и въ Италіи; всѣ экземпляры давно распроданы, а новаго изданія не было напечатано.

(11) См. Lebeau, Histoire du Bas Empire, T. IX, p. 418,—и l'Art de vérifier les dates, p. 383.

(12) Исторія Болгаръ, Хорватовъ и проч. 1, 489.

(13) All. Weltgeschichte, 56 Band, S. 317.

(14) Въ лѣтописи Нестора, мы находимъ слѣдующее: въ лѣто ѕтѯѕ Михаилъ царь изиде с вои брегомъ и моремъ на Болгары; Болгаре же оувидѣвше, не могоша стати противу, крестити ся просиша и покоришася Грекомъ. Царь же крести князя ихъ и боляры вся и миръ сотвори съ Болгары:» *Лѣтопись Нестора, изд. Тимковскимъ, стр. 11 — 12* и далѣе: въ лѣто ѕто ѕ. Поча царьствовати Василіи. Въ лѣто ѕтоз. Крещена бысть вся земля Болъгарьская. *Тамъ же, стр.*



13—14. — Слѣдовательно нашъ лѣтописецъ внесъ, въ свой временникъ, два крещенія Болгаръ: одно при императорѣ Михаилѣ (842—867), другое при императорѣ Василіѣ (867 — 886). — Послѣ принятія христіанской вѣры Болгарскимъ царемъ Богоромъ и обращенія Болгаръ Кирилломъ, (тѣмъ самымъ, который прежде обратилъ въ христіанскую вѣру Хазаръ и Моравовъ), присланнымъ изъ Константинополя отъ императрицы Ѳеодоры, прибыли въ Болгарію епископы и священники, отправленные Лудовикомъ, королемъ Германскимъ; но найдя при дворѣ Богора проповѣдниковъ ихъ же Латинской вѣры, возвратились назадъ въ Германію. Эти послѣдніе были присланы отъ самаго папы; хотя тогда, какъ царь, такъ равно весь дворъ его и почти весь народъ были уже христіане, зависѣвшіе отъ восточнаго патріарха, но Римскіе проповѣдники остались въ Болгаріи и уговорили Богора отправить посольство, съ дарами, къ папѣ Николаю для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся до вѣры, которая была еще мало извѣстна новообращеннымъ Болгарамъ. Въ слѣдствіе этого изъ Рима были отправлены два епископа къ Болгарскому царю и своими происками довели Богора до того, что онъ выслалъ всѣхъ Греческихъ проповѣдниковъ изъ Болгаріи. Въ послѣдствіи царь, однакоже, разкаялся въ сдѣланномъ необдуманномъ поступкѣ, и былъ не доволенъ присланными отъ папы священниками: это видно изъ письма папы Іоанна VIII, въ которомъ онъ обѣщается загладить вину своихъ легатовъ (Lebeau, VII, 212). Богоръ

отправилъ пословъ въ Константинополь съ вопросомъ, къ какой церкви должна принадлежать Болгарія? Патріархи Антіохійскій, Іерусалимскій и Александрійскій были посредниками между папою и патріархомъ Цареградскимъ: они рѣшили единогласно, что Болгарія, получивъ первыхъ проповѣдниковъ изъ Константинополя и принадлежа къ Восточной имперіи, должна зависѣть въ отношеніи вѣры отъ патріарха Цареградскаго. Тогда первосвященнику Римскому не оставалось ничего другаго, какъ прибѣгнуть къ духовному оружію, столь обыкновенному въ дѣлахъ западныхъ. Онъ отлучилъ отъ церкви и предалъ проклятію тѣхъ Греческихъ священниковъ, которые будутъ проповѣдывать слово Божіе въ Болгаріи. Но эта мѣра, на востокѣ, ни малѣйше не оправдала ожиданій Римскаго двора. Богоръ выслалъ епископа и священниковъ Латинскихъ изъ Болгаріи, и сія страна осталась навсегда въ зависимости отъ патріарха Константинопольскаго, хотя еще долго, послѣ этого, папа Іоаннъ VIII стращалъ патріарха Фотія и самаго Богора отлученіемъ отъ церкви, а Игнатія хотѣлъ лишить патріаршескаго достоинства, см. Kopitar, Glagolita Clozianus, etc., *подъ годомъ* 878, *письмо Іоанна VIII* (*). Удаленіе

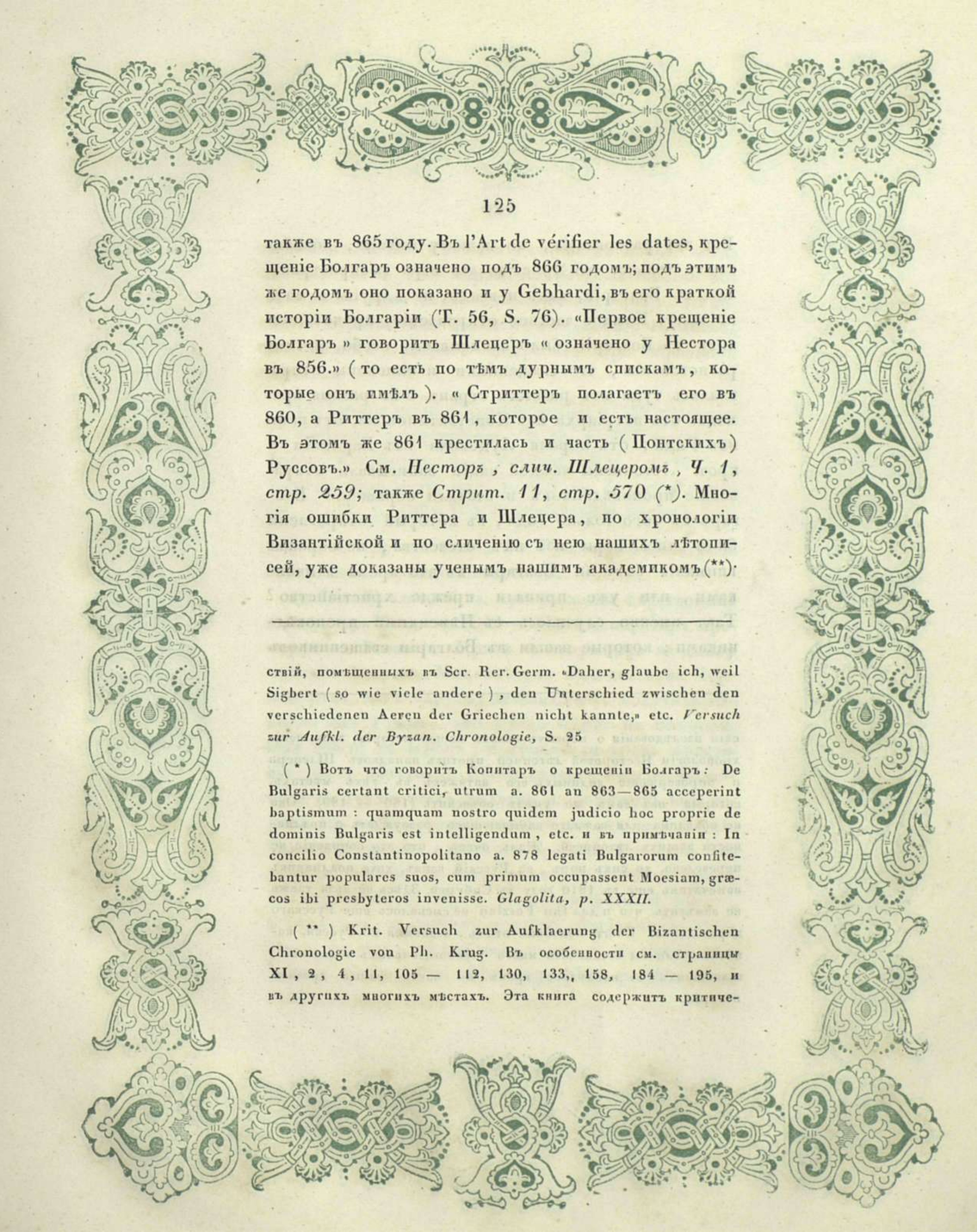
(*) A. D. 878 (indict. XI, Apr. XVI). Ad Ignatium patriarcham. Tertio jam commonet, ne Bulgarum regionem ad ecclesiam Romanam antiquitus pertinentem usurpet et sive a se sive a suis suffraganeis in ea consecratos episcopos intra 30 dies illinc educat; et nisi post duos menses paruerit, domici

изъ Болгаріи проповѣдниковъ Римскихъ и возвращеніе Болгаръ въ лоно православной церкви случились въ царствованіе императора Василія. Вѣроятно нашъ Несторъ, узнавъ изъ Византійскихъ писателей объ отправленіи въ Болгарію проповѣдниковъ Греческихъ при императорѣ Василіѣ, включилъ этотъ разсказъ въ свою лѣтопись и такимъ образомъ, изъ одного обращенія Болгаръ, сдѣлалъ два. Кромѣ принятія Болгарами христіанской вѣры при императорѣ Михаилѣ и возвращенія въ лоно православной церкви, при императорѣ Василіѣ (867—886), мы находимъ еще одно обращеніе Болгаръ, предшествовавшее первому и записанное у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей, *см. Исторія Болгаръ, соч. Раича, Ч. 1. кн. 1. стр. 303.* У Мавроурбина показано обращеніе Болгаръ также подъ разными годами: при императорѣ Львѣ Арманинѣ (813—820), при императорѣ Михаилѣ и матерѣ его Θеодорѣ, (842—854); *см. Исторіографія, стр 300—301.* Раичь, при описаніи принятія христіанской вѣры Болгарами, выставляетъ 865 годъ, *см. Исторія Болгаръ, Ч. 1, кн. 1, стр. 284, 303.*—По извѣстіямъ западныхъ писателей (*) Богоръ крестился

---

corporis et sanguinis communione, et si perseveravit in contumacia, patriarchali etiam dignitate privat. (Стр. LXXVIII).

(*) Именно по Annal. Bertinian. и Annal. Fuldens. См Assemani Kal. T. II, p. 168.—« Woher kommt dieser Irrthum von 7 bis 8 Jahren ? » спрашиваетъ нашъ академикъ Ф. И. Кругъ, при сличеніи и повѣркѣ лѣтосчисленія Византійскихъ происше-



также въ 865 году. Въ l'Art de vérifier les dates, крещеніе Болгаръ означено подъ 866 годомъ; подъ этимъ же годомъ оно показано и у Gebhardi, въ его краткой исторіи Болгаріи (T. 56, S. 76). «Первое крещеніе Болгаръ» говоритъ Шлецеръ «означено у Нестора въ 856.» (то есть по тѣмъ дурнымъ спискамъ, которые онъ имѣлъ). «Стриттеръ полагаетъ его въ 860, а Риттеръ въ 861, которое и есть настоящее. Въ этомъ же 861 крестилась и часть (Понтскихъ) Руссовъ.» См. *Несторъ, слич. Шлецеромъ, Ч. 1, стр. 259;* также *Стрит. 11, стр. 570* (*). Многія ошибки Риттера и Шлецера, по хронологіи Византійской и по сличенію съ нею нашихъ лѣтописей, уже доказаны ученымъ нашимъ академикомъ (**).

ствій, помѣщенныхъ въ Scr. Rer. Germ. «Daher, glaube ich, weil Sigbert (so wie viele andere), den Unterschied zwischen den verschiedenen Aeren der Griechen nicht kannte,» etc. *Versuch zur Aufkl. der Byzan. Chronologie,* S. 25

(*) Вотъ что говоритъ Копитаръ о крещеніи Болгаръ: De Bulgaris certant critici, utrum a. 861 an 863—865 acceperint baptismum: quamquam nostro quidem judicio hoc proprie de dominis Bulgaris est intelligendum, etc. и въ примѣчаніи: In concilio Constantinopolitano a. 878 legati Bulgarorum confitebantur populares suos, cum primum occupassent Moesiam, græcos ibi presbyteros invenisse. *Glagolita, p. XXXII.*

(**) Krit. Versuch zur Aufklaerung der Bizantischen Chronologie von Ph. Krug. Въ особенности см. страницы XI, 2, 4, 11, 105 — 112, 130, 133,, 158, 184 — 195, и въ другихъ многихъ мѣстахъ. Эта книга содержитъ критиче-

Всѣ этѣ разногласія, по нашему мнѣнію, доказываютъ только, что христіанская вѣра распространялась въ Болгаріи, какъ и вездѣ, не вдругъ, а мало по малу. Каждое частное отправленіе проповѣдниковъ въ Болгарію было записываемо особо и тѣмъ разногласнѣе, что священники и епископы отправлялись туда изъ разныхъ странъ и въ разныя времена: отъ патріарха изъ Константинополя, отъ папы изъ Рима, отъ короля Лудовика изъ Германіи и проч. Лѣтописцы каждой націи записывали отправленіе проповѣдниковъ и считали обращеніе Болгаръ съ того только года, въ который отправлены были миссіонеры изъ ихъ отечества, не обращая вниманія были-ли Болгары въ это время язычниками, или уже приняли прежде христіанство? Такъ именно случилось съ Нѣмецкими проповѣдниками, которые нашли въ Болгаріи священниковъ

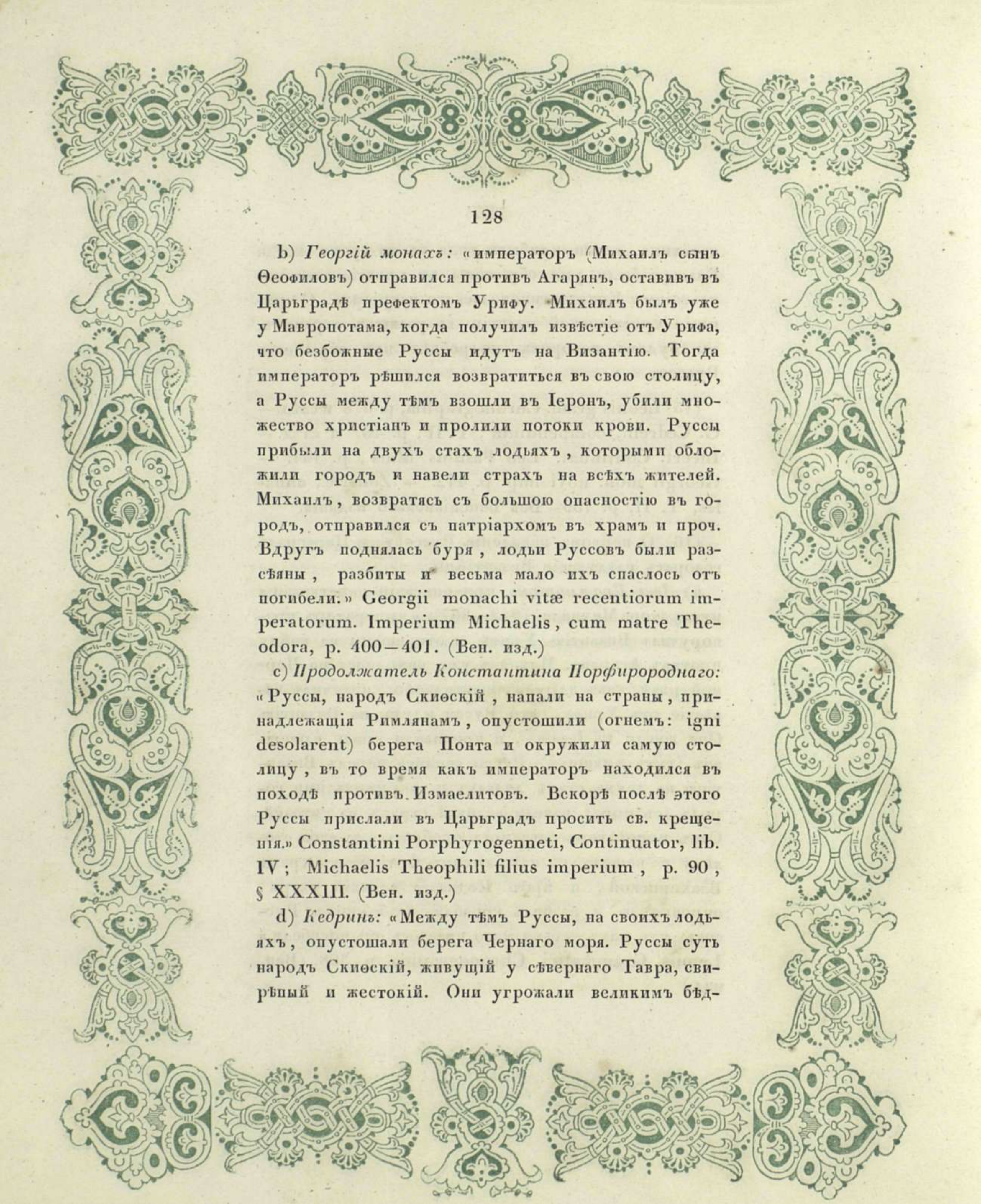
скія изслѣдованія о первыхъ вѣкахъ нашей исторіи, защищеніе хронологіи Несторовой лѣтописи противъ нападковъ Шлецера и опроверженіе видимыхъ его натяжекъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя онъ самъ не умѣлъ объяснить (186 – 189). Она необходима для каждаго начинающаго разсуждать о подлинности нашихъ лѣтописей. Жаль очень, что это сочиненіе не переведено, до сихъ поръ, на Русскій языкъ, хотя подлинникъ напечатанъ еще въ 1810 году въ Спбургѣ. Здѣсь не льзя также не замѣтить, что и для Ihn Foszlan не сыскалось еще Русскаго переводчика. Книги подобныя этимъ, изданныя по Русски, конечно могли бы остановить много неосновательныхъ толкованій, возникшихъ въ послѣднее время по части нашей древней исторіи.

папскихъ, а эти прибыли туда въ то время, когда Болгаре были уже обращены въ христіанство попеченіемъ Константинопольскаго патріарха. О принятіи христіанской религіи въ разныхъ странахъ, мы будемъ говорить подробнѣе при обращеніи Руссовъ.

(15) Leonis gram. Chronographia, p. 378 и слѣд.— G. Cedreni, compendium, T. II, p. 467 и слѣд.— Incert. Continuat. Leo Basilius filius, p. 164. — Georgii mon. novi imp. p. 412. — Zonaræ, annales, T. II, p. 139 — Всѣ Венеціанскаго изданія.

(16) О первомъ нападеніи Руссовъ на Царьградъ говорятъ слѣдующіе Византійцы:

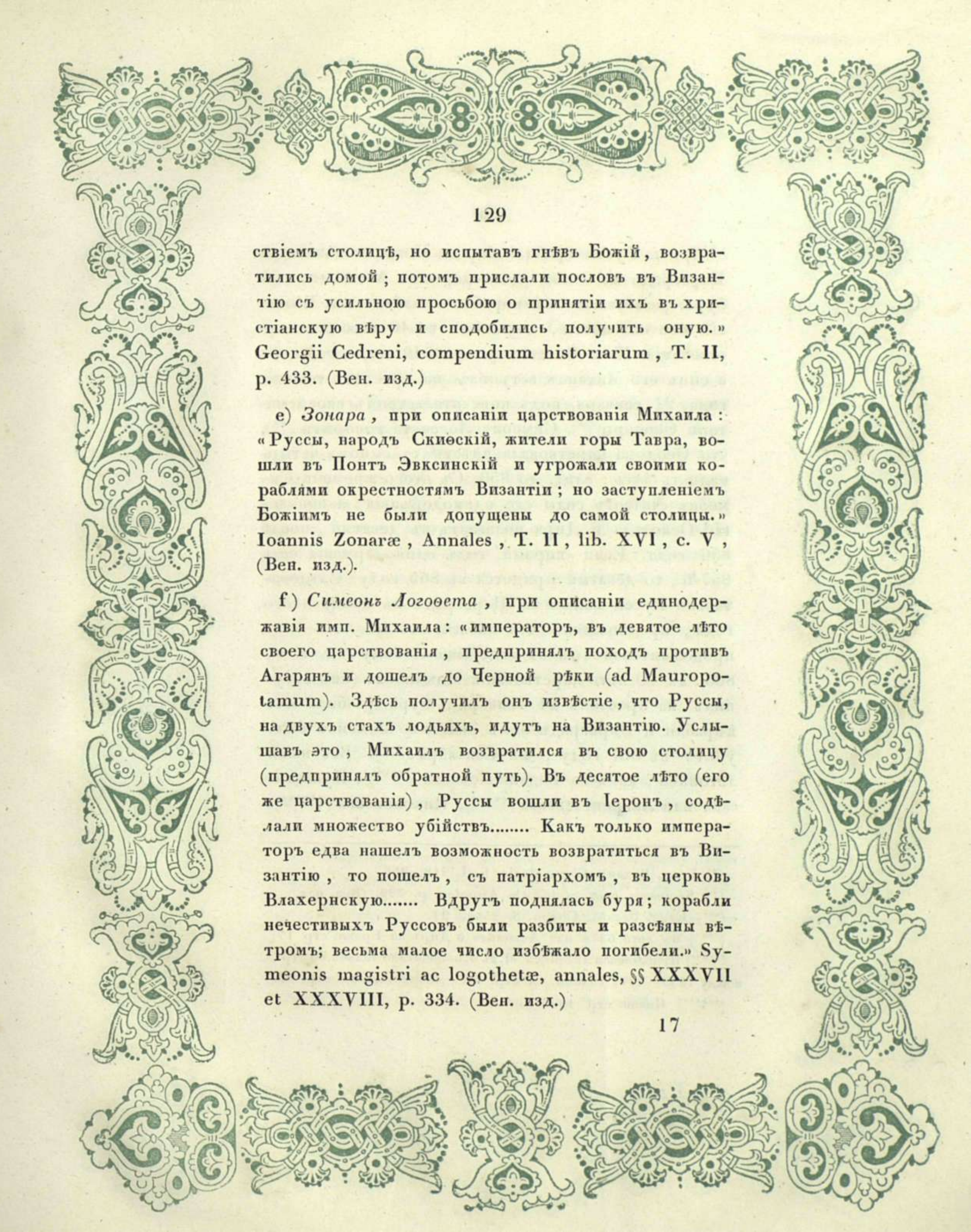
а) *Левъ Грамматикъ*, при описаніи царствованія императора Михаила, (842—867): «императоръ препоручилъ Византію Урифѣ и отправился на войну противъ Агарянъ. Михаилъ уже находился на Черной рѣкѣ, какъ вдругъ, неожидаемо, получилъ извѣстіе отъ Урифа, что Руссы идутъ на Византію. Они вошли въ Іеронъ, и проливали кровь христіанъ (тутъ жившихъ). Руссы явились передъ Византіею на двухъ стахъ лодьяхъ и, окруживъ ими городъ (съ моря), навели великій страхъ на жителей. Самъ императоръ едва могъ пробраться въ свою столицу и пошелъ съ патріархомъ Фотіемъ въ храмъ Влахернской, и проч. Поднялся великій вѣтръ, опрокинулъ и разбилъ корабли безбожныхъ Руссовъ: изъ нихъ весьма мало спаслось отъ погибели.» Leonis Grammatici Chronographia, p. 368. (Вен. изд.)



b) *Георгій монахъ:* «императоръ (Михаилъ сынъ Ѳеофиловъ) отправился противъ Агарянъ, оставивъ въ Царьградѣ префектомъ Урифу. Михаилъ былъ уже у Мавропотама, когда получилъ извѣстіе отъ Урифа, что безбожные Руссы идутъ на Византію. Тогда императоръ рѣшился возвратиться въ свою столицу, а Руссы между тѣмъ взошли въ Іеронъ, убили множество христіанъ и пролили потоки крови. Руссы прибыли на двухъ стахъ лодьяхъ, которыми обложили городъ и навели страхъ на всѣхъ жителей. Михаилъ, возвратясь съ большою опасностію въ городъ, отправился съ патріархомъ въ храмъ и проч. Вдругъ поднялась буря, лодьи Руссовъ были разсѣяны, разбиты и весьма мало ихъ спаслось отъ погибели.» Georgii monachi vitæ recentiorum imperatorum. Imperium Michaelis, cum matre Theodora, p. 400—401. (Вен. изд.)

c) *Продолжатель Константина Порфиророднаго:* «Руссы, народъ Скиѳскій, напали на страны, принадлежащія Римлянамъ, опустошили (огнемъ: igni desolarent) берега Понта и окружили самую столицу, въ то время какъ императоръ находился въ походѣ противъ Измаелитовъ. Вскорѣ послѣ этого Руссы прислали въ Царьградъ просить св. крещенія.» Constantini Porphyrogenneti, Continuator, lib. IV; Michaelis Theophili filius imperium, p. 90, § XXXIII. (Вен. изд.)

d) *Кедринъ:* «Между тѣмъ Руссы, на своихъ лодьяхъ, опустошали берега Чернаго моря. Руссы суть народъ Скиѳскій, живущій у сѣвернаго Тавра, свирѣпый и жестокій. Они угрожали великимъ бѣд-



ствіемъ столицѣ, но испытавъ гнѣвъ Божій, возвратились домой; потомъ прислали пословъ въ Византію съ усильною просьбою о принятіи ихъ въ христіанскую вѣру и сподобились получить оную.» Georgii Cedreni, compendium historiarum, T. II, p. 433. (Вен. изд.)

e) *Зонара*, при описаніи царствованія Михаила: «Руссы, народъ Скиѳскій, жители горы Тавра, вошли въ Понтъ Эвксинскій и угрожали своими кораблями окрестностямъ Византіи; но заступленіемъ Божіимъ не были допущены до самой столицы.» Ioannis Zonaræ, Annales, T. II, lib. XVI, c. V, (Вен. изд.).

f) *Симеонъ Логоѳета*, при описаніи единодержавія имп. Михаила: «императоръ, въ девятое лѣто своего царствованія, предпринялъ походъ противъ Агарянъ и дошелъ до Черной рѣки (ad Mauropotamum). Здѣсь получилъ онъ извѣстіе, что Руссы, на двухъ стахъ лодьяхъ, идутъ на Византію. Услышавъ это, Михаилъ возвратился въ свою столицу (предпринялъ обратной путь). Въ десятое лѣто (его же царствованія), Руссы вошли въ Іеронъ, содѣлали множество убійствъ........ Какъ только императоръ едва нашелъ возможность возвратиться въ Византію, то пошелъ, съ патріархомъ, въ церковь Влахернскую....... Вдругъ поднялась буря; корабли нечестивыхъ Руссовъ были разбиты и разсѣяны вѣтромъ; весьма малое число избѣжало погибели.» Symeonis magistri ac logothetæ, annales, §§ XXXVII et XXXVIII, p. 334. (Вен. изд.)

Прим. Руссы грабили берега Понта и напали на Царьградъ въ 9 лѣто единодержавія Михаилова, а буря, разсѣявшая ихъ корабли и избавившая Византію отъ опасности, случилась въ 10 лѣто его царствованія. Имп. Ѳеофилъ умеръ 842 года, генв. 20, а сынъ его Михаилъ вступилъ на престолъ того-же года, 21 генваря, подъ попечительствомъ своей матери Ѳеодоры (*). Симеонъ Логоѳета говоритъ (**), что Ѳеодора царствовала вмѣстѣ съ сыномъ четырнадцать лѣтъ; слѣд. до 856. Съ этого времени Симеонъ считаетъ годы его единодержавія; а нападеніе Оскольда и Дира полагаетъ въ девятый, послѣ 856 года. Если первый годъ единодержавія есть 857-й, то девятый придется въ 865 году. Слѣдовательно Руссы напали на Царьградъ въ концѣ этого года, предполагая, что набѣгъ ихъ не могъ быть продолжителенъ; а въ слѣдующемъ году, т. е. въ 866, въ 10 лѣто царствованія Михаилова (онъ вступилъ на престолъ 21 генваря), буря разбила ихъ корабли и Царьградъ былъ спасенъ. Михаилъ былъ убитъ въ 867 году, 23 Сентября (***). Всѣ наши лѣтописи, какъ-то Радзивиловская (****), Пушкинская или Лаврентьевская (*****), Никоновская (******).

(*) Krug, Byzant. Chronologie, S. I, 218, 256.

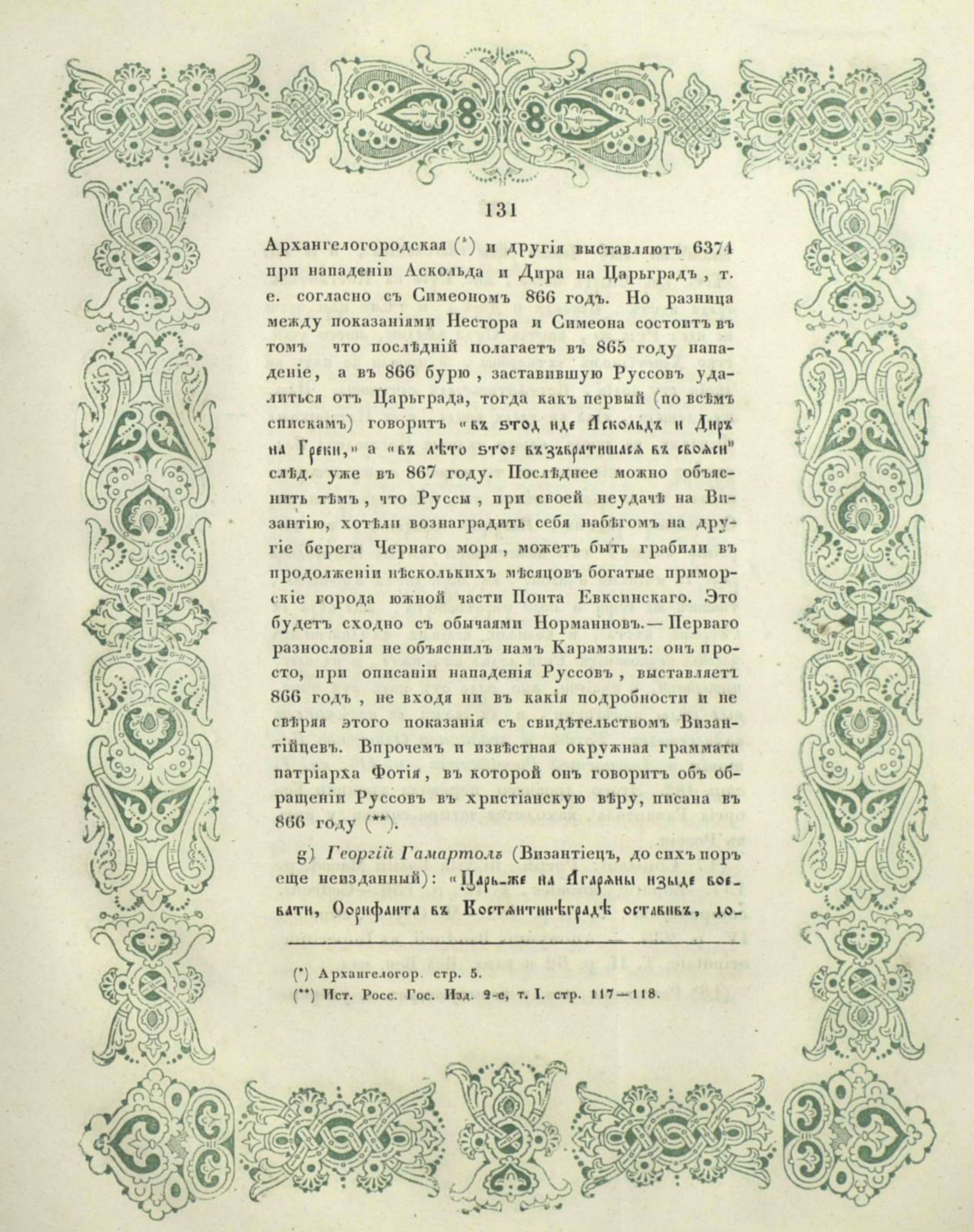
(**) Symeonis mag. et logoth. Annales, p. 322, (Вен. изд.).

(***) Krug. Byzant. Chron. S. 2 -4, 97.

(****) Въ лѣто 6374 иде Аскольдъ и Диръ на Греки; стр 17.

(*****) Пушкинская лѣтопись, М. въ 4; напечатано только 80 стр., между 1805—1811 годами, см. стр. 56. – Лаврентьев. см. стр. 13.

(******) Никон. стр. 16.



Архангелогородская (*) и другія выставляютъ 6374 при нападеніи Аскольда и Дира на Царьградъ, т. е. согласно съ Симеономъ 866 годъ. Но разница между показаніями Нестора и Симеона состоитъ въ томъ что послѣдній полагаетъ въ 865 году нападеніе, а въ 866 бурю, заставившую Руссовъ удалиться отъ Царьграда, тогда какъ первый (по всѣмъ спискамъ) говоритъ «въ ѕтод иде Аскольдъ и Диръ на Греки,» а «въ лѣто ѕто: възвратишася въ своаси" слѣд. уже въ 867 году. Послѣднее можно объяснить тѣмъ, что Руссы, при своей неудачѣ на Византію, хотѣли вознаградить себя набѣгомъ на другіе берега Чернаго моря, можетъ быть грабили въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ богатые приморскіе города южной части Понта Евксинскаго. Это будетъ сходно съ обычаями Норманновъ.— Перваго разнословія не объяснилъ намъ Карамзинъ: онъ просто, при описаніи нападенія Руссовъ, выставляетъ 866 годъ, не входя ни въ какія подробности и не свѣряя этого показанія съ свидѣтельствомъ Византійцевъ. Впрочемъ и извѣстная окружная граммата патріарха Фотія, въ которой онъ говоритъ объ обращеніи Руссовъ въ христіанскую вѣру, писана въ 866 году (**).

g) *Георгій Гамартолъ* (Византіецъ, до сихъ поръ еще неизданный): «Царь-же на Агаряны изыде воевати, Оорифанта въ Костянтинѣградѣ оставивъ, до-

---

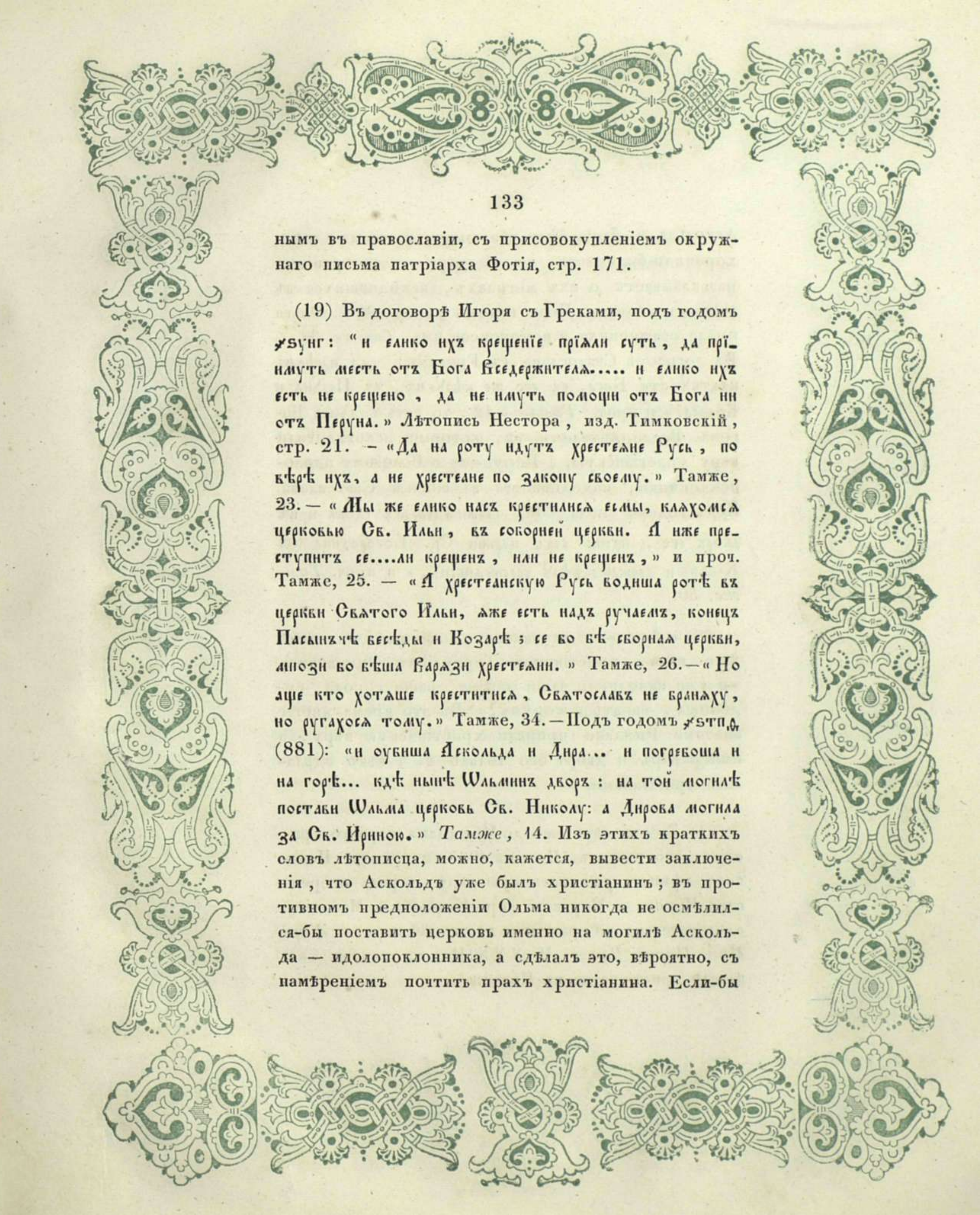
(*) Архангелогор. стр. 5.

(**) Ист. Росс. Гос. Изд. 2-е, т. I. стр. 117—118.

шедшȣ-же емȣ Черныѧ рѣкы глаголемыѧ, и се абїе вѣсть ему Епархъ посла, ѧко Русь на Костѧнтинь-градъ идутъ, Асколдъ и Диръ, и тѣмъ царь прочь не иде: Русь-же, внутрь Суда вшедше, много убїй-ство Христїаномъ сътвориша, и пришли бо бѧху въ двоїю сту лодїй, Костѧнтиньградъ оступиша. Царь-же, дошедъ, едва въ градъ вниде, и съ Патрїархомъ Фотїемъ къ сущей церкви свѧтыѧ Богородица Влахернѣхъ, и абїе пакы въ ту нощную молбу створиша и (имѧ же се прїѧтъ мѣсто то, нѣкоторому князю, Скуфѧнину родомъ, Влахерну нарицаему, ту ему убїену бывшу) таче божественую свѧтыѧ Богородица ризу съ пѣсньми изнесшу, въ мори скутъ омочивше, тишинѣ же сущи и морю укротившусѧ, абїе бурѧ съ вѣтромъ въста, и волнамъ велїимъ въздвигшемсѧ засобь, безбожныхъ Руси лодьѧ возьмѧте, и къ брегу привержени, и избїени, ѧко мало отъ нихъ отъ таковыѧ бѣды избѣгнути, и въ своаси съ побѣженїемъ возвратишасѧ *Труды и лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*, *ч. IV*, *кн. 1*, *стр.* 182. Этого древняго перевода хроники Георгія Гамартола, находится четыре списка у насъ въ Россіи.

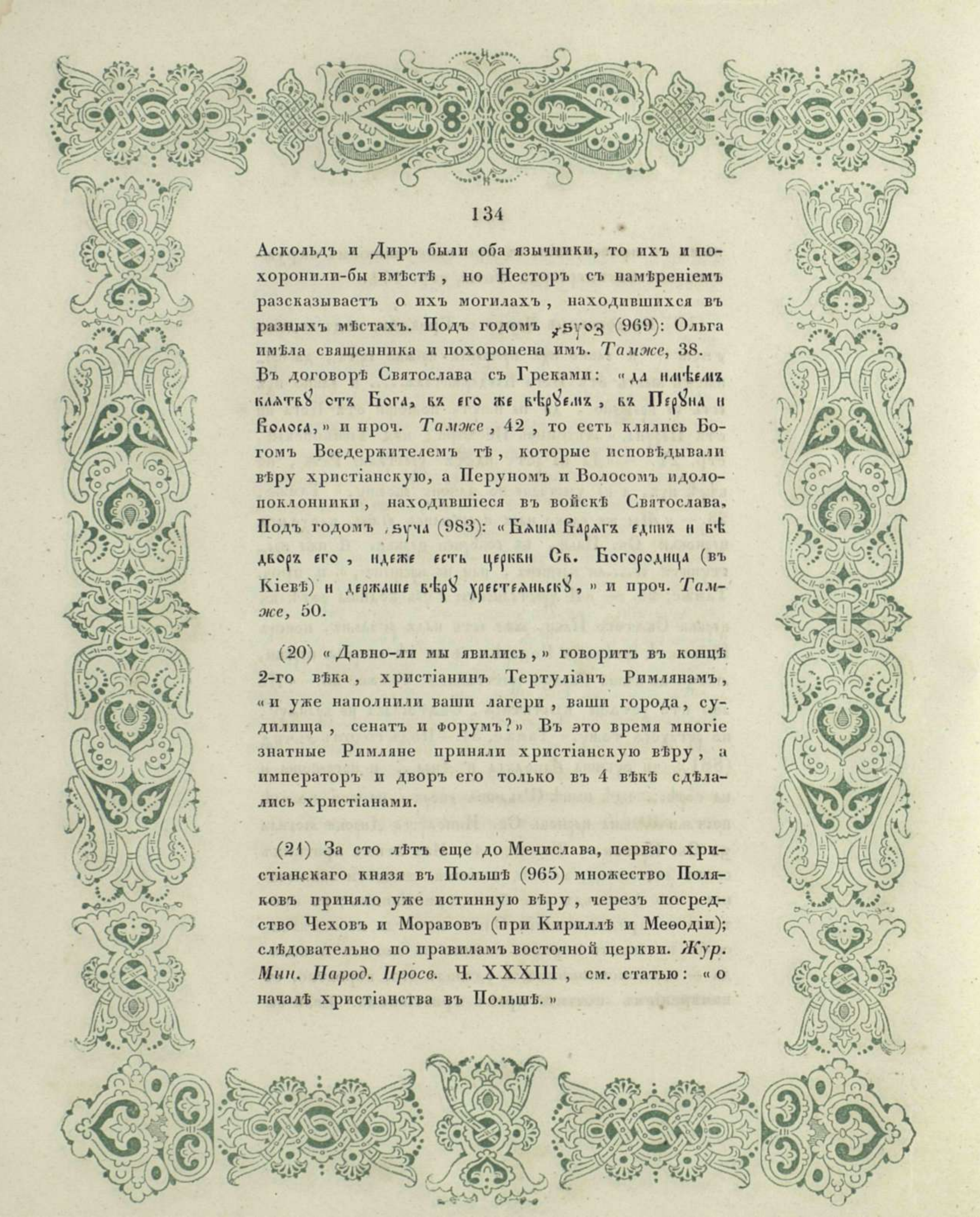
(17) Constant. Porph. in vita Basilii Maced. p. 157.--Zonaræ, annales, T. II, p. 136.—Cedreni, compendium, T. II, p. 462.—M. Glycæ, annales, IV, p. 230. — Anonymus Bandurii, въ Imperium orientale, T. II, p. 62 и слѣд. Все Вен. изд.

(18) Разговоры между испытующимъ и увѣрен-



нымъ въ православіи, съ присовокупленіемъ окружнаго письма патріарха Фотія, стр. 171.

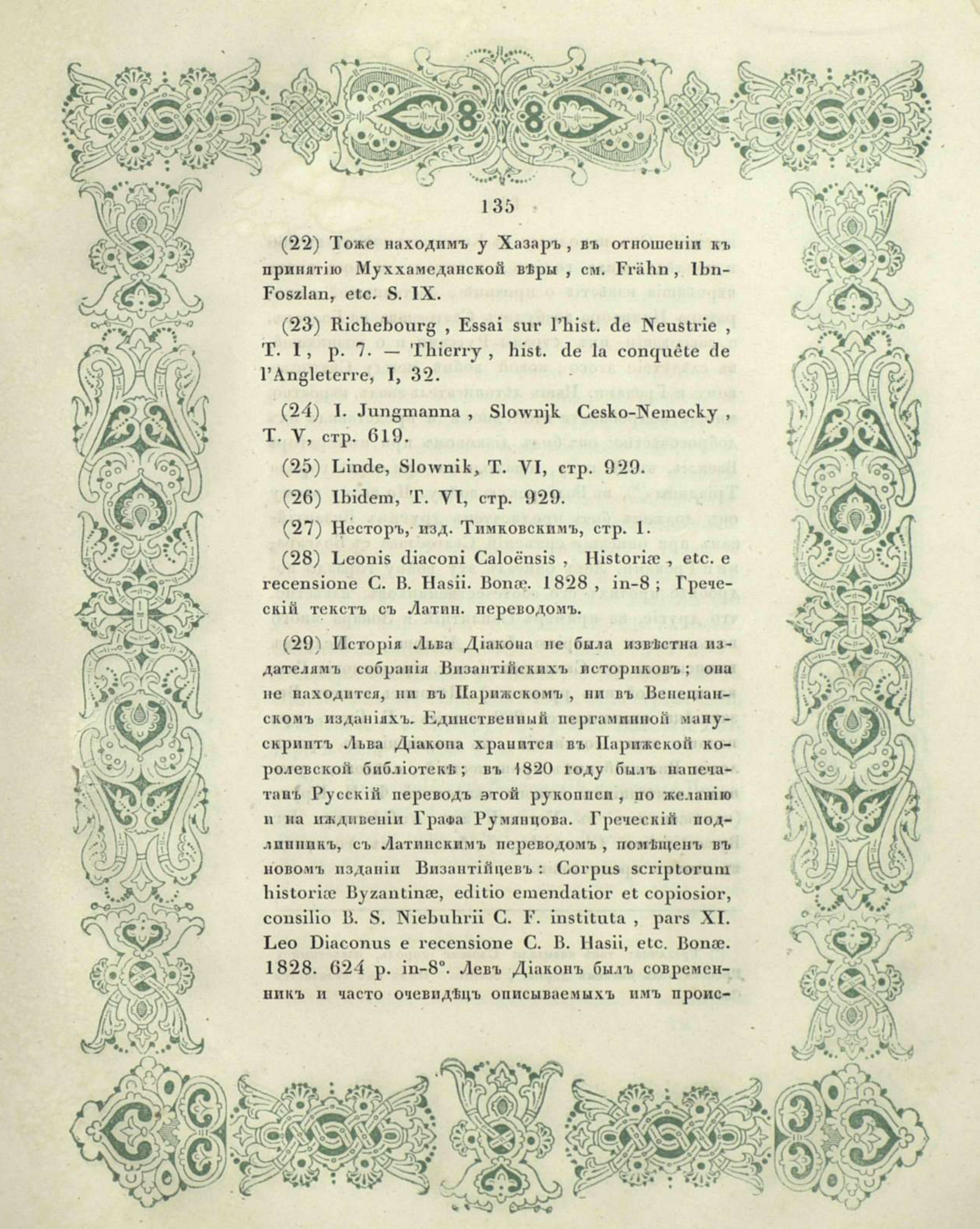
(19) Въ договорѣ Игоря съ Греками, подъ годомъ ҂ѕуні: "и елико ихъ крещеніе пріяли суть, да пріимуть месть отъ Бога Вседержителя..... и елико ихъ есть не крещено, да не имуть помощи отъ Бога ни отъ Перуна." Лѣтопись Нестора, изд. Тимковскій, стр. 21. – «Да на роту идутъ хрестеяне Русь, по вѣрѣ ихъ, а не хрестеяне по закону своему.» Тамже, 23. — «Мы же елико насъ крестилися есмы, кляхомся церковью Св. Ильи, въ соборней церкви. А иже преступитъ се....ли крещенъ, или не крещенъ,» и проч. Тамже, 25. — «А хрестеяньскую Русь водиша ротѣ въ церкви Святого Ильи, яже есть надъ ручаемъ, конецъ Пасынъчѣ бесѣды и Козарѣ; се бо вѣ сборная церкви, мнози бо вѣша Варязи хрестеяни.» Тамже, 26.—«Но аще кто хотяше креститися, Святославъ не браняху, но ругахося тому.» Тамже, 34.—Подъ годомъ ҂ѕтп҃ѳ (881): «и оубиша Аскольда и Дира... и погребоша и на горѣ... кдѣ нынѣ Ѡльминъ дворъ: на той могилѣ постави Ѡльма церковь Св. Николу: а Дирова могила за Св. Ириною.» *Тамже*, 14. Изъ этихъ краткихъ словъ лѣтописца, можно, кажется, вывести заключенія, что Аскольдъ уже былъ христіанинъ; въ противномъ предноложеніи Ольма никогда не осмѣлился-бы поставить церковь именно на могилѣ Аскольда — идолопоклонника, а сдѣлалъ это, вѣроятно, съ намѣреніемъ почтить прахъ христіанина. Если-бы



Аскольдъ и Диръ были оба язычники, то ихъ и похоронили-бы вмѣстѣ, но Несторъ съ намѣреніемъ разсказываетъ о ихъ могилахъ, находившихся въ разныхъ мѣстахъ. Подъ годомъ ҂ѕуоѳ (969): Ольга имѣла священника и похоронена имъ. *Тамже*, 38. Въ договорѣ Святослава съ Греками: «да имѣемъ клꙗтвꙋ отъ Бога, въ его же вѣрꙋемъ, въ Перꙋна и Волоса,» и проч. *Тамже*, 42, то есть клялись Богомъ Вседержителемъ тѣ, которые исповѣдывали вѣру христіанскую, а Перуномъ и Волосомъ идолопоклонники, находившіеся въ войскѣ Святослава. Подъ годомъ ҂ѕуча (983): «Бꙗша Варꙗгъ единъ и бѣ дворъ его, идеже есть церкви Св. Богородица (въ Кіевѣ) и держаше вѣрꙋ хрестеꙗньскꙋ,» и проч. *Тамже*, 50.

(20) «Давно-ли мы явились,» говоритъ въ концѣ 2-го вѣка, христіанинъ Тертуліанъ Римлянамъ, «и уже наполнили ваши лагери, ваши города, судилища, сенатъ и форумъ?» Въ это время многіе знатные Римляне приняли христіанскую вѣру, а императоръ и дворъ его только въ 4 вѣкѣ сдѣлались христіанами.

(21) За сто лѣтъ еще до Мечислава, перваго христіанскаго князя въ Польшѣ (965) множество Поляковъ приняло уже истинную вѣру, черезъ посредство Чеховъ и Моравовъ (при Кириллѣ и Меѳодіи); слѣдовательно по правиламъ восточной церкви. *Жур. Мин. Народ. Просв.* Ч. XXXIII, см. статью: «о началѣ христіанства въ Польшѣ.»



(22) Тоже находимъ у Хазаръ, въ отношеніи къ принятію Муххамеданской вѣры, см. Frähn, Ibn-Foszlan, etc. S. IX.

(23) Richebourg, Essai sur l'hist. de Neustrie, T. I, p. 7. — Thierry, hist. de la conquête de l'Angleterre, I, 32.

(24) I. Jungmanna, Slownjk Cesko-Nemecky, T. V, стр. 619.

(25) Linde, Slownik, T. VI, стр. 929.

(26) Ibidem, T. VI, стр. 929.

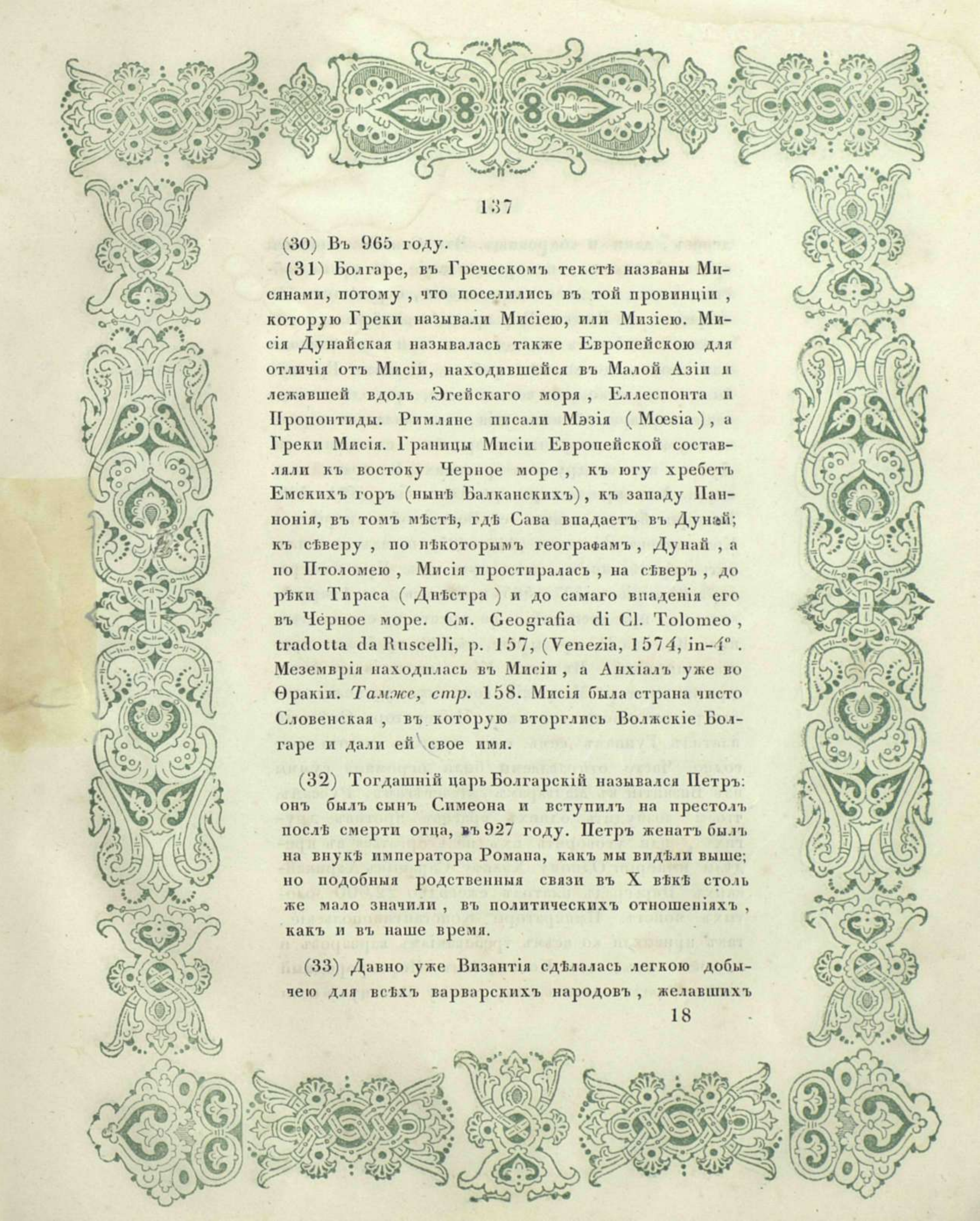
(27) Несторъ, изд. Тимковскимъ, стр. 1.

(28) Leonis diaconi Caloënsis, Historiæ, etc. e recensione C. B. Hasii. Bonæ. 1828, in-8; Греческій текстъ съ Латин. переводомъ.

(29) Исторія Льва Діакона не была извѣстна издателямъ собранія Византійскихъ историковъ; она не находится, ни въ Парижскомъ, ни въ Венеціанскомъ изданіяхъ. Единственный пергаминной манускриптъ Льва Діакона хранится въ Парижской королевской библіотекѣ; въ 1820 году былъ напечатанъ Русскій переводъ этой рукописи, по желанію и на иждивеніи Графа Румянцова. Греческій подлинникъ, съ Латинскимъ переводомъ, помѣщенъ въ новомъ изданіи Византійцевъ: Corpus scriptorum historiæ Byzantinæ, editio emendatior et copiosior, consilio B. S. Niebuhrii C. F. instituta, pars XI. Leo Diaconus e recensione C. B. Hasii, etc. Bonæ. 1828. 624 p. in-8°. Левъ Діаконъ былъ современникъ и часто очевидѣцъ описываемыхъ имъ проис-

шествій. Онъ находился въ Константинополѣ въ 966 и послѣдующихъ годахъ, а потому и могъ имѣть вѣрнѣйшія извѣстія о причинѣ, заставившей императора Никифора возбудить Святослава на Болгаръ, о завоеваніи ихъ страны Руссами и о возникшей, въ слѣдствіе этого, новой войнѣ между Святославомъ и Греками. Нашъ лѣтописатель зналъ, вѣроятно, многія подробности этой эпохи и представилъ ихъ добросовѣстно: онъ былъ діакономъ при императорѣ Василіѣ, въ 981 году, и находился при осадѣ города Тріадицы (*), въ Болгарскую войну. По всему этому онъ долженъ быть предпочтенъ другимъ Византійцамъ при описаніи сраженій Святослава съ Болгарами и Греками. Левъ описалъ эту войну гораздо подробнѣе прочихъ его соотечественниковъ: извѣстно, что другіе, на примѣръ Скилитцій и Зонара много пользовались исторіею Льва Діакона, а Кедринъ выписывалъ изъ Скилитція, (смот. предисловіе Газе къ изданной имъ рукописи). Лѣтопись нашего Византійца оканчивается 989 годомъ: Г. Газе, при изданіи этого сочиненія, въ отношеніи къ хронологіи Византійскихъ происшествій, слѣдовалъ ученымъ замѣчаніямъ нашего академика Ф. И. Круга (помѣщеннымъ въ Versuch zur Aufklärung der Byzantischen Chronologie), какъ самъ говоритъ въ своемъ предисловіи.

(*) Тріадица: такъ называли Словене городъ, извѣстный у Грековъ подъ именемъ Σαρδική, Sardica. Нынѣ онъ называется Софія.



(30) Въ 965 году.

(31) Болгаре, въ Греческомъ текстѣ названы Мисянами, потому, что поселились въ той провинціи, которую Греки называли Мисіею, или Мизіею. Мисія Дунайская называлась также Европейскою для отличія отъ Мисіи, находившейся въ Малой Азіи и лежавшей вдоль Эгейскаго моря, Еллеспонта и Пропонтиды. Римляне писали Мэзія (Mœsia), а Греки Мисія. Границы Мисіи Европейской составляли къ востоку Черное море, къ югу хребетъ Емскихъ горъ (нынѣ Балканскихъ), къ западу Паннонія, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Сава впадаетъ въ Дунай; къ сѣверу, по нѣкоторымъ географамъ, Дунай, а по Птоломею, Мисія простиралась, на сѣверъ, до рѣки Тираса (Днѣстра) и до самаго впаденія его въ Чёрное море. См. Geografia di Cl. Tolomeo, tradotta da Ruscelli, p. 157, (Venezia, 1574, in-4°. Меземврія находилась въ Мисіи, а Анхіалъ уже во Ѳракіи. *Тамже, стр.* 158. Мисія была страна чисто Словенская, въ которую вторглись Волжскіе Болгаре и дали ей свое имя.

(32) Тогдашній царь Болгарскій назывался Петръ: онъ былъ сынъ Симеона и вступилъ на престолъ послѣ смерти отца, въ 927 году. Петръ женатъ былъ на внукѣ императора Романа, какъ мы видѣли выше; но подобныя родственныя связи въ X вѣкѣ столь же мало значили, въ политическихъ отношеніяхъ, какъ и въ наше время.

(33) Давно уже Византія сдѣлалась легкою добычею для всѣхъ варварскихъ народовъ, желавшихъ

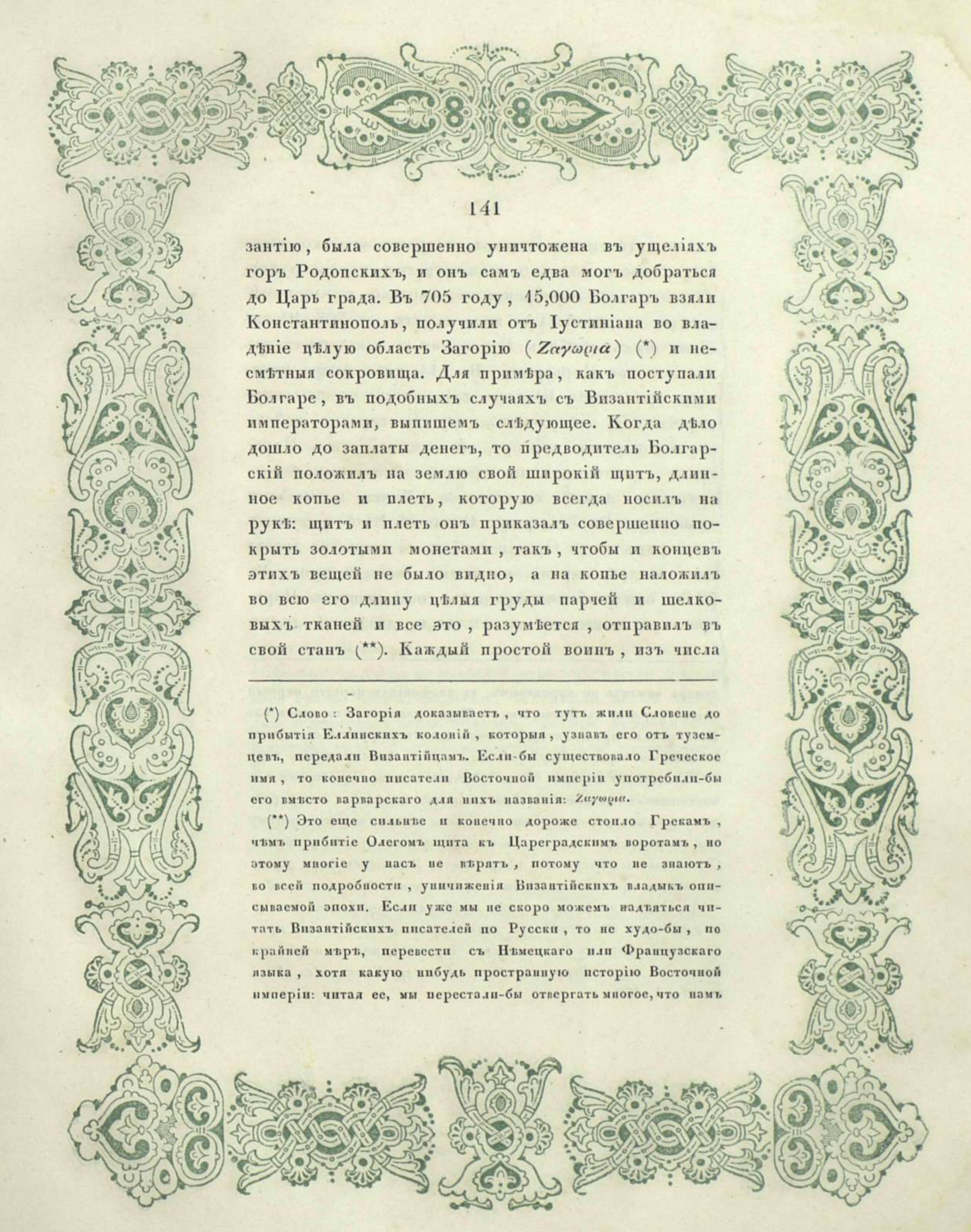
денегъ, дани и сокровищъ. Эти Сен-Симонописты среднихъ вѣковъ, не признававшие ни права собственности, ни давности владѣнія, стремились, по очередно, на Римъ и Царьградъ, всякой разъ когда имѣли надобность въ деньгахъ или невольникахъ для своихъ домашнихъ работъ. Разбить Грековъ было такъ легко, что весьма часто, при одномъ опасеніи варварскаго нашествія, отправлялись огромныя суммы къ полудикимъ ордамъ, стоявшимъ на Дунаѣ, или на другихъ границахъ Восточной имперіи. Уже при императорѣ Анастасіи, (491—518) Болгаре брали деньги съ Восточной имперіи, а Константинъ Погонатъ (668—685) началъ имъ платить опредѣленную ежегодную дань. При императорѣ Юстиніанѣ (527—565) платилась дань Аварамъ, которые, при восшествіи на престолъ его наслѣдника Юстина II, присылали, въ 566, требовать продолженія оной. Въ концѣ VI-го столѣтія эта дань, при императорѣ Маврикіѣ, составляла уже ежегодно сто тысячь золотыхъ монетъ. Императоръ Ѳеодосій платилъ Гуннамъ семь сотъ фунтовъ золота ежегодно. Часто отправляемы были огромныя суммы изъ Византіи къ Мадьярамъ, Печенѣгамъ, Руссамъ, чтобы возбудить однихъ враговъ противъ другихъ, или уговорить ихъ не вторгаться въ предѣлы имперіи. Одному Халифу Сарацынъ Африканскихъ Царьградъ платилъ ежегодно 22,000 золотыхъ монетъ. Императоры Константинопольскіе, такъ привыкли ко всѣмъ требованіямъ варваровъ и алчности ихъ, что Константинъ Порфирородный именно предписываетъ сыну своему Роману: «если

Мадьяры, Хазары, Руссы, или другіе Скиѳскіе народы будутъ требовать въ награду, за ихъ услуги, царскихъ одеждъ, императорскаго вѣнца или Греческаго огня, то должно отвѣчать имъ, что все это и подобныя имъ вещи принесены ангеломъ съ неба, а потому Грекамъ и запрещено ихъ выдавать подъ опасеніемъ проклятія небеснаго. Если варвары будутъ требовать императорскихъ дочерей въ замужство за своихъ предводителей, то увѣрять ихъ, что подобныя родственныя связи запрещены закономъ Константина великаго, съ наложеніемъ анаѳемы на нарушителей законоположенія (*).» — Но царь Болгарскій, кромѣ общаго, почти признаннаго тогда права для всѣхъ варваровъ, требовать ежегодной платы отъ Царьграда, не имѣлъ-ли, какъ ближайшій сосѣдъ, еще сильнѣйшихъ причинъ, основанныхъ на предшествовавшихъ происшествіяхъ, просить дани отъ императора Никифора въ описываемую нами эпоху? Для этого надобно взглянуть, хотя поверхностно, на исторію Болгаръ. Одна изъ ордъ Болгарскихъ показалась, въ первой разъ, на границахъ имперіи, въ 485 году при императорѣ Зенонѣ, и была тогда же разбита Ѳеодорикомъ на берегахъ Борисѳена. Это ни мало не помѣшало Болгарамъ, четырнадцать лѣтъ спустя, вторгнуться въ самую Ѳракію, разбить Грековъ, опустошить всю страну и возвратиться за Дунай, получивъ условленную плату. Императоръ Анастасій построилъ каменную стѣну для

(*) Constantin. de Adm. Im. c. XIII, p. 52–53. Вен изд.

преграждения ихъ набѣговъ; но, при Юстиніанѣ, они опять явились на земляхъ имперіи, и на трехъ сраженіяхъ разбили Грековъ. Послѣ этого, въ продолженіи 60 лѣтъ, Болгаре не переходили Дуная, и только въ 597 году опять напомнили Византіи, что они сосѣди Восточной имперіи. Въ царствованіе Константина Погоната въ 678—679 годахъ, они перешли Дунай, разбили Грековъ, заняли Варну (*) и навсегда поселились въ имперіи, занявъ земли, лежащія между Чернымъ моремъ, Дунаемъ и горами Родопа и Ема. Тутъ жили семь Словенскихъ народовъ, которые смѣшались съ пришлецами и составили съ тѣхъ поръ Болгарское государство. Императоръ Константинъ Погонатъ, кромѣ уступки навсегда занятыхъ земель, обѣщался платить новому царству ежегодную дань. Юстиніанъ II-й, въ 688 году, сначала разбилъ Болгаръ и даже переселилъ часть Словенъ Македонскихъ въ малую Азію; но армія его, на возвратномъ походѣ въ Ви-

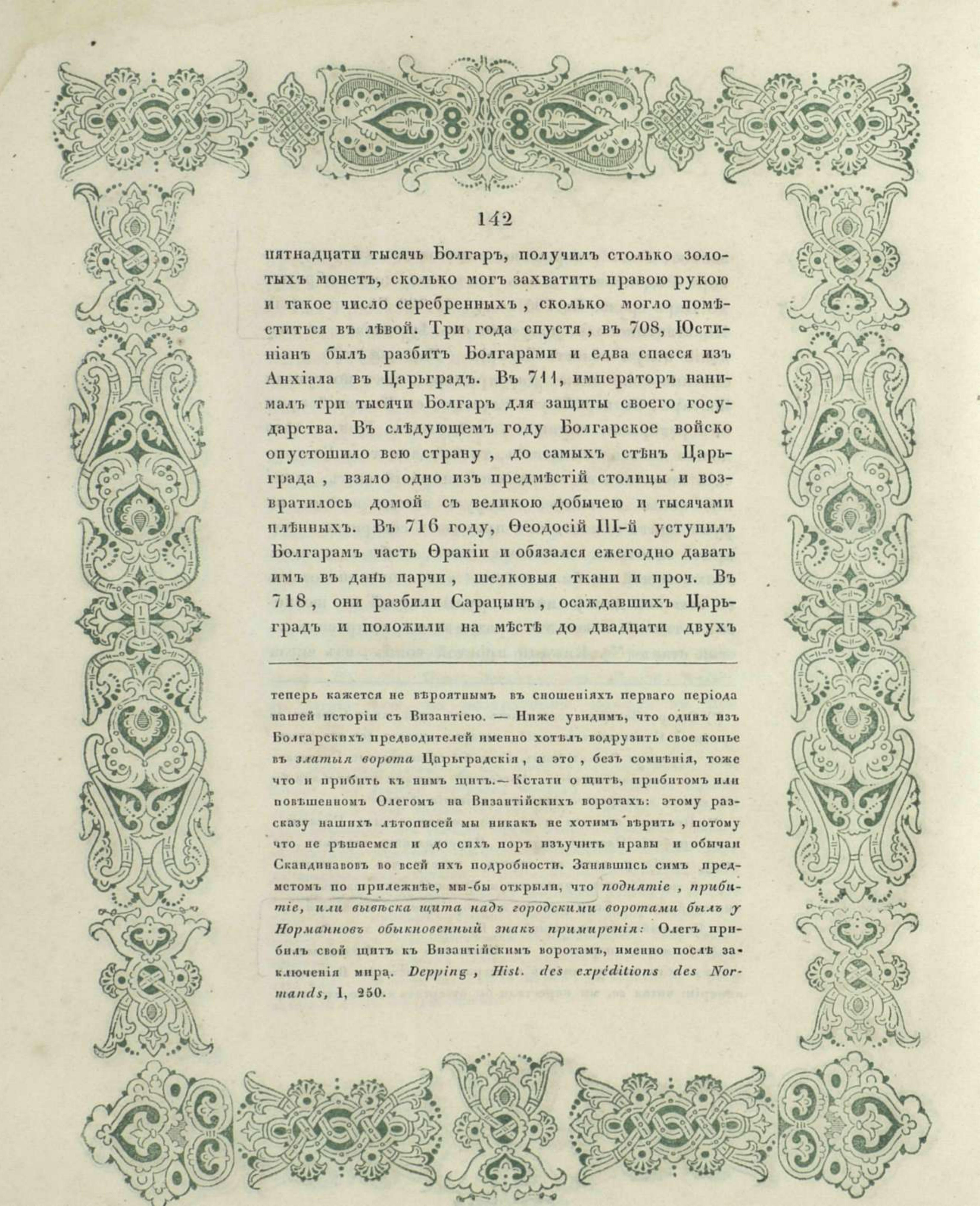
(*) Настоящее Словенское имя этого города есть Врана, т. е. Ворона, по нашему сѣверному выговору. (Сравни въ нашихъ лѣтописяхъ, подъ годомъ 1147, рѣку: «великою Ворону» нынѣ Воронежъ). Въ древней Мисіи этотъ Словенской городъ получилъ имя также отъ рѣки Враны, впадающей въ Черное море (на иностранныхъ картахъ: Urana). Но въ Болгарскомъ языкѣ и нынѣ существуетъ перестановка согласной буквы: р, за гласную: а; на примѣръ: гардица, вмѣсто градица, старна, вм. страна и проч. (См. Шафарика народописаніе). Такъ было, вѣроятно, и у древнихъ Словенъ, жившихъ по берегамъ Чернаго моря: отъ этого произошло Варна, вм. Врана. — Греки называли этотъ городъ: Odissos.



зантію, была совершенно уничтожена въ ущеліяхъ горъ Родопскихъ, и онъ самъ едва могъ добраться до Царь града. Въ 705 году, 15,000 Болгаръ взяли Константинополь, получили отъ Іустиніана во владѣніе цѣлую область Загорію (Ζαγωρια) (*) и несмѣтныя сокровища. Для примѣра, какъ поступали Болгаре, въ подобныхъ случаяхъ съ Византійскими императорами, выпишемъ слѣдующее. Когда дѣло дошло до заплаты денегъ, то предводитель Болгарскій положилъ на землю свой широкій щитъ, длинное копье и плеть, которую всегда носилъ на рукѣ: щитъ и плеть онъ приказалъ совершенно покрыть золотыми монетами, такъ, чтобы и концевъ этихъ вещей не было видно, а на копье наложилъ во всю его длину цѣлыя груды парчей и шелковыхъ тканей и все это, разумѣется, отправилъ въ свой станъ (**). Каждый простой воинъ, изъ числа

(*) Слово: Загорія доказываетъ, что тутъ жили Словене до прибытія Еллинскихъ колоній, которыя, узнавъ его отъ туземцевъ, передали Византійцамъ. Если-бы существовало Греческое имя, то конечно писатели Восточной имперіи употребили-бы его вмѣсто варварскаго для нихъ названія: Ζαγωρια.

(**) Это еще сильнѣе и конечно дороже стоило Грекамъ, чѣмъ прибитіе Олегомъ щита къ Цареградскимъ воротамъ, но этому многіе у насъ не вѣрятъ, потому что не знаютъ, во всей подробности, уничиженія Византійскихъ владыкъ описываемой эпохи. Если уже мы не скоро можемъ надѣяться читать Византійскихъ писателей по Русски, то не худо-бы, по крайней мѣрѣ, перевести съ Нѣмецкаго или Французскаго языка, хотя какую нибудь пространную исторію Восточной имперіи: читая ее, мы перестали-бы отвергать многое, что намъ

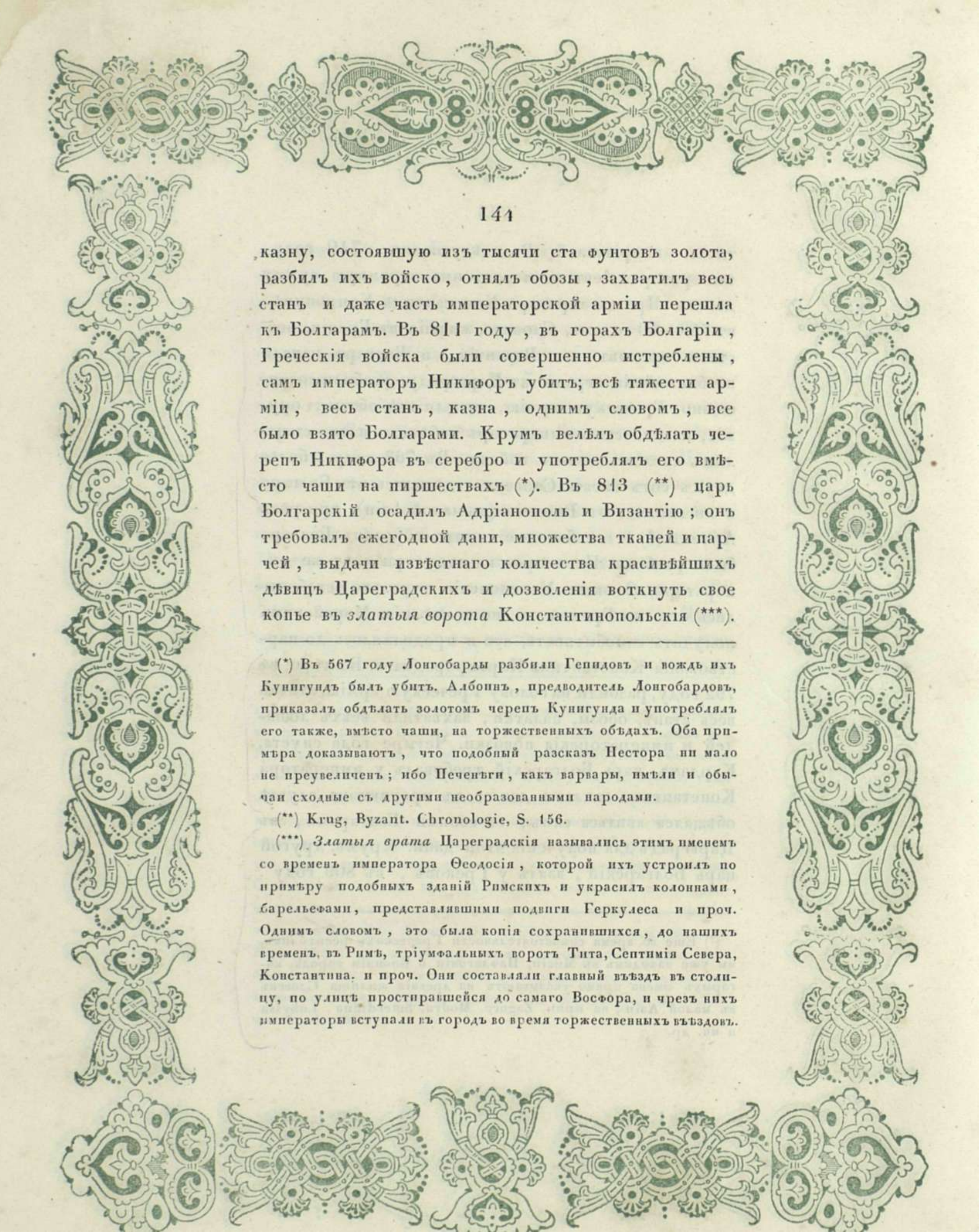


пятнадцати тысячь Болгаръ, получилъ столько золотыхъ монетъ, сколько могъ захватить правою рукою и такое число серебренныхъ, сколько могло помѣститься въ лѣвой. Три года спустя, въ 708, Юстиніанъ былъ разбитъ Болгарами и едва спасся изъ Анхіала въ Царьградъ. Въ 711, императоръ нанималъ три тысячи Болгаръ для защиты своего государства. Въ слѣдующемъ году Болгарское войско опустошило всю страну, до самыхъ стѣнъ Царьграда, взяло одно изъ предмѣстій столицы и возвратилось домой съ великою добычею и тысячами плѣнныхъ. Въ 716 году, Ѳеодосій III-й уступилъ Болгарамъ часть Ѳракіи и обязался ежегодно давать имъ въ дань парчи, шелковыя ткани и проч. Въ 718, они разбили Сарацынъ, осаждавшихъ Царьградъ и положили на мѣстѣ до двадцати двухъ

теперь кажется не вѣроятнымъ въ сношеніяхъ перваго періода нашей исторіи съ Византіею. — Ниже увидимъ, что одинъ изъ Болгарскихъ предводителей именно хотѣлъ водрузить свое копье въ *златыя ворота* Царьградскія, а это, безъ сомнѣнія, тоже что и прибить къ нимъ щитъ.— Кстати о щитѣ, прибитомъ или повѣшенномъ Олегомъ на Византійскихъ воротахъ: этому разсказу нашихъ лѣтописей мы никакъ не хотимъ вѣрить, потому что не рѣшаемся и до сихъ поръ изъучить нравы и обычаи Скандинавовъ во всей ихъ подробности. Занявшись симъ предметомъ по прилежнѣе, мы-бы открыли, что *поднятіе, прибитіе, или вывѣска щита надъ городскими воротами былъ у Норманновъ обыкновенный знакъ примиренія:* Олегъ прибилъ свой щитъ къ Византійскимъ воротамъ, именно послѣ заключенія мира. *Depping, Hist. des expéditions des Normands,* I, 250.

тысячь непріятелей. Въ слѣдующемъ, 719 году, императоръ Левъ заплатилъ имъ огромную сумму денегъ. При императорѣ Константинѣ Копронимѣ, въ 759—60 годахъ, Словене, жившіе въ Греціи, возстали противъ ига Византіи, а Болгаре напали на ближайшія страны къ Царьграду, разбили совершенно Греческую армію, отняли всѣ обозы, оружіе, и едва самъ императоръ избѣжалъ плѣна съ малымъ числомъ своего войска. Въ 763 году, болѣе двухъ сотъ тысячь Словенъ отдѣлились отъ Болгаръ и поселились въ Виѳиніи (въ малой Азіи), при рѣкѣ Артанѣ (*): ослабленные такимъ образомъ Болгаре были разбиты. Не взирая на это, при семъ-же императорѣ, Словене Македонскіе не только освободились отъ ига Греческаго, но помогли и Морейскимъ получить самобытность, что и продолжалось до царствованія Константина Порфиророднаго. Болгаре, въ 792 году, разбили на голову Греческую армію, отняли весь станъ, обозы, палатки, захватили всѣхъ лошадей и императорскія повозки. Четыре года спустя, Кардамъ, царь Болгарскій, требовалъ у императора Константина заплаты дани; въ противномъ случаѣ обѣщался явиться самъ, съ своими Болгарами, въ Царьградъ для полученія этой дани. Крумъ, другой царь Болгарскій, взялъ у Грековъ, въ 809 году,

(*) Еще во время самостоятельности Греческихъ республикъ, мы уже находимъ въ Мисіи, Пафлагоніи и Виѳиніи города, которыхъ имена прямо указываютъ на древнія жилища Словенъ въ малой Азіи; на прим. Zagora, Modra, Smerdiana, Lubyssa и мн. др.

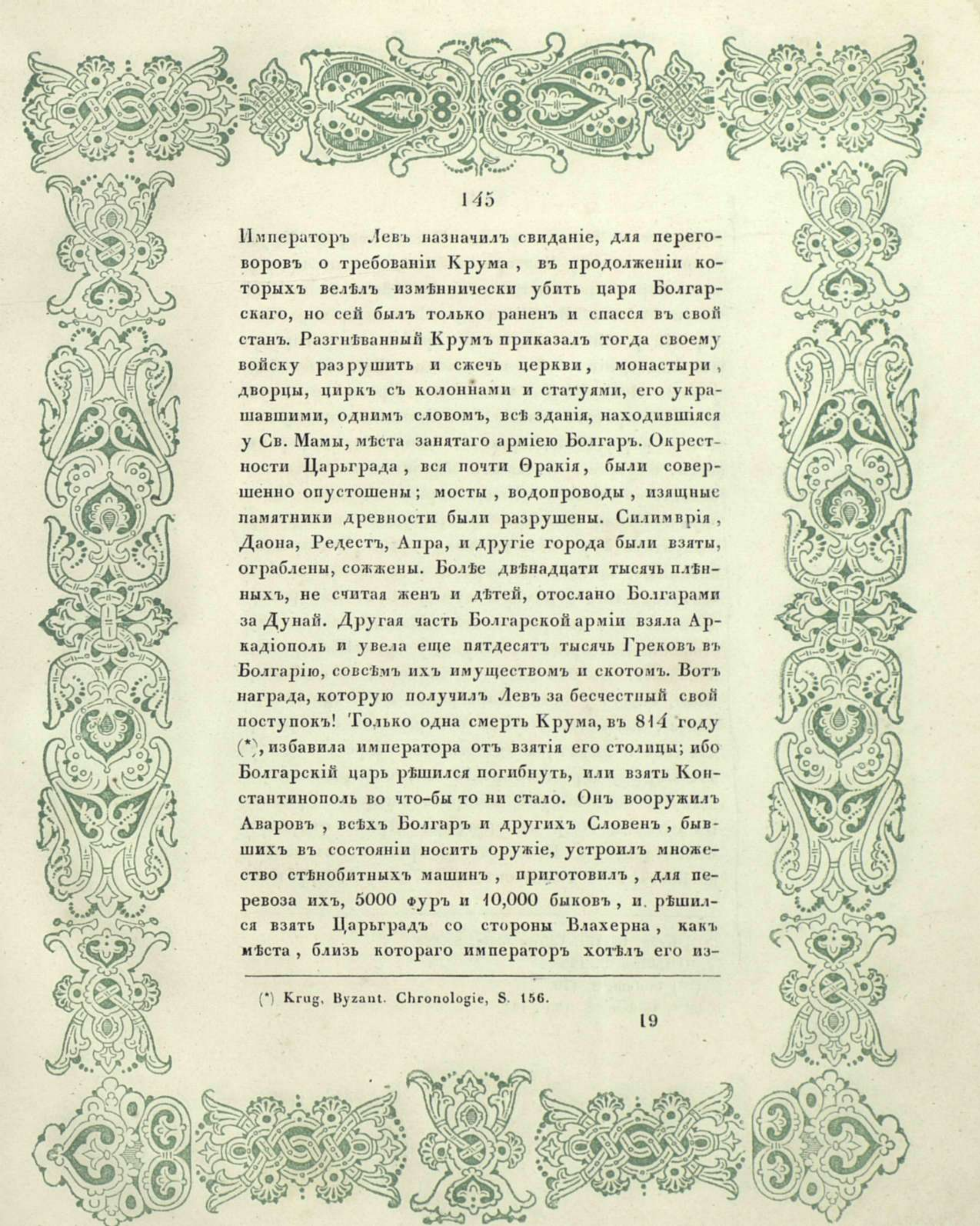


казну, состоявшую изъ тысячи ста фунтовъ золота, разбилъ ихъ войско, отнялъ обозы, захватилъ весь станъ и даже часть императорской арміи перешла къ Болгарамъ. Въ 811 году, въ горахъ Болгаріи, Греческія войска были совершенно истреблены, самъ императоръ Никифоръ убитъ; всѣ тяжести арміи, весь станъ, казна, однимъ словомъ, все было взято Болгарами. Крумъ велѣлъ обдѣлать черепъ Никифора въ серебро и употреблялъ его вмѣсто чаши на пиршествахъ (*). Въ 813 (**) царь Болгарскій осадилъ Адріанополь и Византію; онъ требовалъ ежегодной дани, множества тканей и парчей, выдачи извѣстнаго количества красивѣйшихъ дѣвицъ Цареградскихъ и дозволенія воткнуть свое копье въ *златыя ворота* Константинопольскія (***).

(*) Въ 567 году Лонгобарды разбили Гепидовъ и вождь ихъ Кунигундъ былъ убитъ. Албоинъ, предводитель Лонгобардовъ, приказалъ обдѣлать золотомъ черепъ Кунигунда и употреблялъ его также, вмѣсто чаши, на торжественныхъ обѣдахъ. Оба примѣра доказываютъ, что подобный разсказъ Нестора ни мало не преувеличенъ; ибо Печенѣги, какъ варвары, имѣли и обычаи сходные съ другими необразованными народами.

(**) Krug, Byzant. Chronologie, S. 156.

(***) *Златыя врата* Цареградскія назывались этимъ имемемъ со времени императора Ѳеодосія, которой ихъ устроилъ по примѣру подобныхъ зданій Римскихъ и украсилъ колоннами, барельефами, представлявшими подвиги Геркулеса и проч. Однимъ словомъ, это была копія сохранившихся, до нашихъ временъ, въ Римѣ, тріумфальныхъ воротъ Тита, Септимія Севера, Константина, и проч. Они составляли главный въѣздъ въ столицу, по улицѣ простиравшейся до самаго Босфора, и чрезъ нихъ императоры вступали въ городъ во время торжественныхъ въѣздовъ.

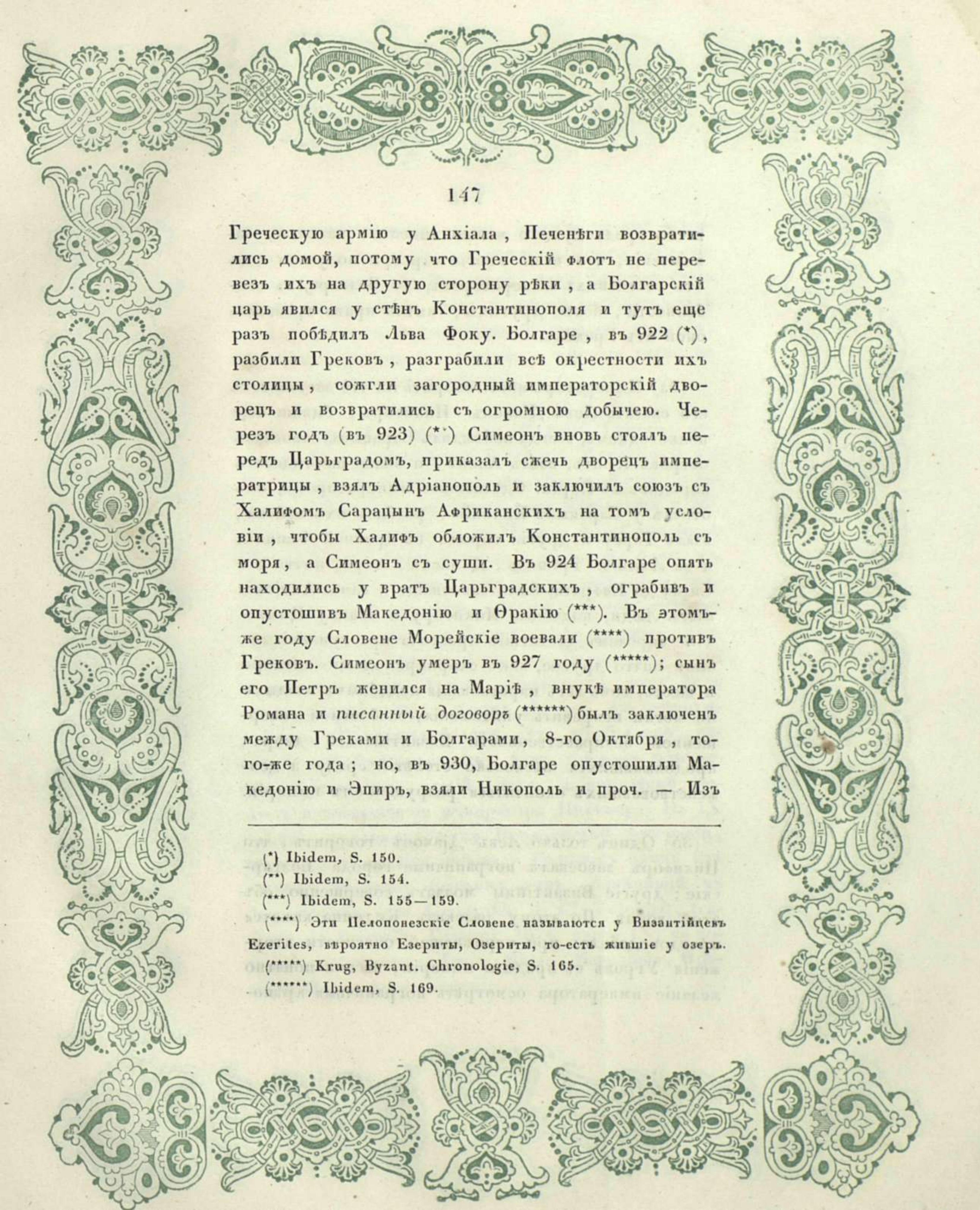


Императоръ Левъ назначилъ свиданіе, для переговоровъ о требованіи Крума, въ продолженіи которыхъ велѣлъ измѣннически убить царя Болгарскаго, но сей былъ только раненъ и спасся въ свой станъ. Разгнѣванный Крумъ приказалъ тогда своему войску разрушить и сжечь церкви, монастыри, дворцы, циркъ съ колоннами и статуями, его украшавшими, однимъ словомъ, всѣ зданія, находившіяся у Св. Мамы, мѣста занятаго арміею Болгаръ. Окрестности Царьграда, вся почти Ѳракія, были совершенно опустошены; мосты, водопроводы, изящные памятники древности были разрушены. Силимврія, Даона, Редестъ, Апра, и другіе города были взяты, ограблены, сожжены. Болѣе двѣнадцати тысячь плѣнныхъ, не считая женъ и дѣтей, отослано Болгарами за Дунай. Другая часть Болгарской арміи взяла Аркадіополь и увела еще пятдесятъ тысячь Грековъ въ Болгарію, совсѣмъ ихъ имуществомъ и скотомъ. Вотъ награда, которую получилъ Левъ за бесчестный свой поступокъ! Только одна смерть Крума, въ 814 году (*), избавила императора отъ взятія его столицы; ибо Болгарскій царь рѣшился погибнуть, или взять Константинополь во что-бы то ни стало. Онъ вооружилъ Аваровъ, всѣхъ Болгаръ и другихъ Словенъ, бывшихъ въ состояніи носить оружіе, устроилъ множество стѣнобитныхъ машинъ, приготовилъ, для перевоза ихъ, 5000 фуръ и 10,000 быковъ, и рѣшился взять Царьградъ со стороны Влахерна, какъ мѣста, близъ котораго императоръ хотѣлъ его из-

(*) Krug, Byzant. Chronologie, S. 156.

мѣннически лишить жизни. Послѣ смерти Крума возникли, между Болгаръ, несогласія: они претерпѣли пораженія и оставались спокойны въ продолженіи 74 лѣтъ. Въ 884 году, Симеонъ, царь Болгарскій разбилъ совершенно армію императорскую въ Македоніи: оба полководца Греческіе были убиты. Левъ VI-й, видя, что Греки не могутъ устоять противъ нападеній Симеона, подкупилъ цѣлой народъ Мадьярской, явившійся на границахъ имперіи, и такимъ образомъ заставилъ его напасть на Болгаръ. Послѣ первой неудачи, Симеонъ побѣдилъ Мадьяръ и принудилъ императора возвратить ему, безъ выкупа, всѣхъ Болгарскихъ плѣнныхъ, взятыхъ Мадьярами, и за которыхъ Левъ заплатилъ имъ огромную сумму. Тутъ императоръ долженъ былъ два раза платить Мадьярамъ: за опустошеніе Болгаріи и за выкупъ, у нихъ, Болгарскихъ плѣнныхъ. Въ 913 году (*) Симеонъ, съ цѣлою арміею, стоялъ у стѣнъ Царьграда; но скоро возвратился, получивъ богатые подарки отъ императора для себя и двухъ своихъ сыновъ. Черезъ годъ (въ 914-мъ) (**) царь Болгарскій занялъ Адріанополь и, взявъ за него выкупъ, возвратилъ городъ Грекамъ. Въ этомъ-же году императрица Ирина отправила много денегъ къ Печенѣгамъ и просила ихъ напасть на Болгаръ (***). Симеонъ, въ 917 году (****), разбилъ

(*) Krug, Byzant. Chronologie, S. 128.
(**) Ibidem, S. 129.
(***) Ibidem, S. 129.
(****) Ibidem, S 130 131.



Греческую армію у Анхіала, Печенѣги возвратились домой, потому что Греческій флотъ не перевезъ ихъ на другую сторону рѣки, а Болгарскій царь явился у стѣнъ Константинополя и тутъ еще разъ побѣдилъ Льва Фоку. Болгаре, въ 922 (*), разбили Грековъ, разграбили всѣ окрестности ихъ столицы, сожгли загородный императорскій дворецъ и возвратились съ огромною добычею. Черезъ годъ (въ 923) (**) Симеонъ вновь стоялъ передъ Царьградомъ, приказалъ сжечь дворецъ императрицы, взялъ Адріанополь и заключилъ союзъ съ Халифомъ Сарацынъ Африканскихъ на томъ условіи, чтобы Халифъ обложилъ Константинополь съ моря, а Симеонъ съ суши. Въ 924 Болгаре опять находились у вратъ Царьградскихъ, ограбивъ и опустошивъ Македонію и Ѳракію (***). Въ этомъже году Словене Морейскіе воевали (****) противъ Грековъ. Симеонъ умеръ въ 927 году (*****); сынъ его Петръ женился на Маріѣ, внукѣ императора Романа и *писанный договоръ* (******) былъ заключенъ между Греками и Болгарами, 8-го Октября, того-же года; но, въ 930, Болгаре опустошили Македонію и Эпиръ, взяли Никополь и проч. — Изъ

(*) Ibidem, S. 150.

(**) Ibidem, S. 154.

(***) Ibidem, S. 155—159.

(****) Эти Пелопонезскіе Словене называются у Византійцевъ Ezerites, вѣроятно Езериты, Озериты, то-есть жившіе у озеръ.

(*****) Krug, Byzant. Chronologie, S. 165.

(******) Ibidem, S. 169.

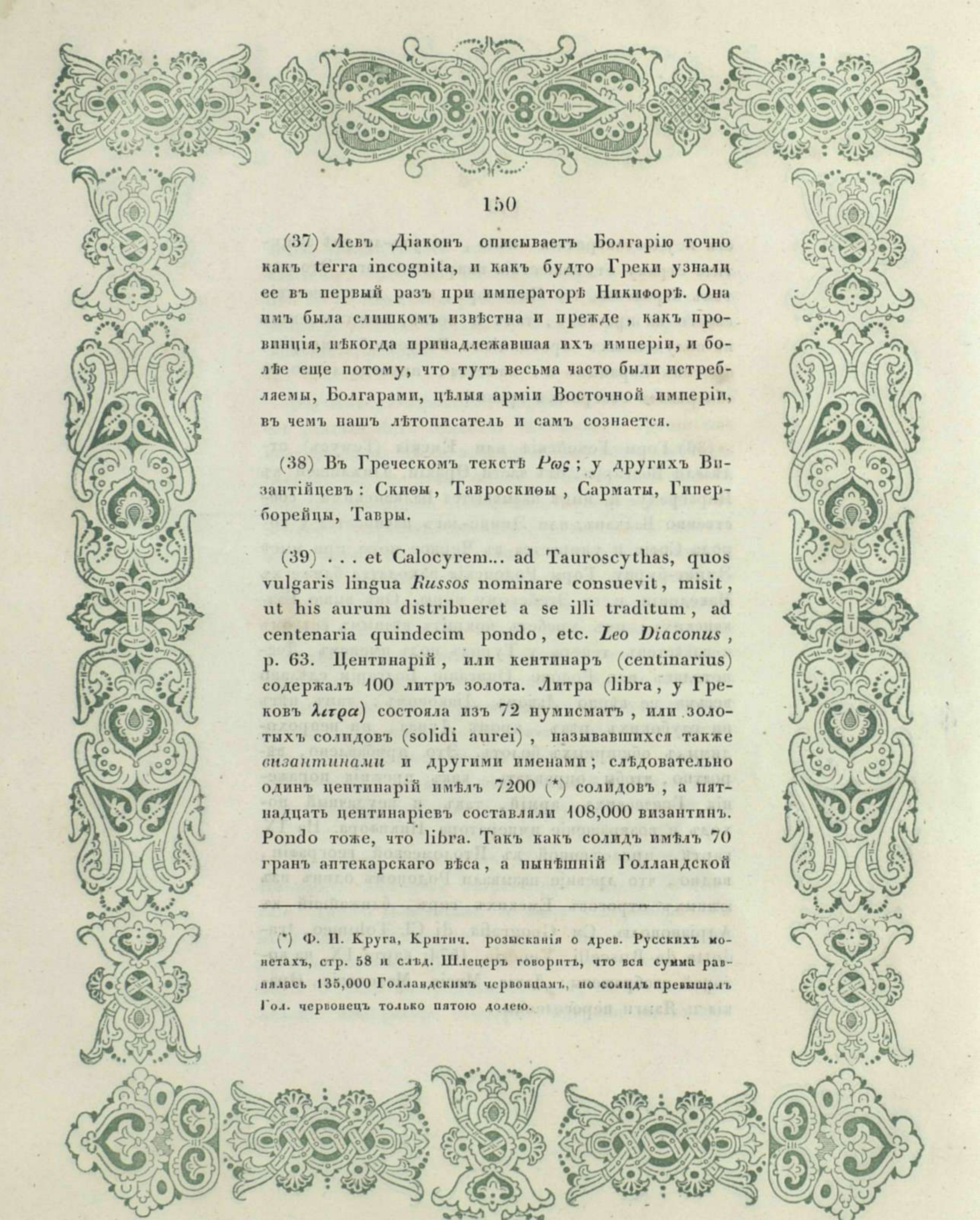
всего предъидущаго можно вывести, кажется, заключеніе, что если многіе варвары получали дань отъ восточныхъ императоровъ, то Болгаре, въ особенности, болѣе другихъ, имѣли права требовать оной отъ Грековъ.

(34) Императоръ могъ говорить то, что̀ заставляетъ его сказать Левъ Діаконъ. Никифоръ, бывши еще полководцемъ, всегда побѣждалъ Сарацынъ, завоевалъ островъ Критъ, взялъ Алепъ, и болѣе шестидесяти городовъ въ Сиріи. Сдѣлавшись императоромъ, онъ отнялъ у Сарацынъ Киликію, разбилъ ихъ войска, взялъ Тарсу и другіе города въ древней Финикіи и на Ливанѣ. Триполь, Дамаскъ, Акра, почти вся Сирія до Евфрата, были завоеваны и самая Антіохія взята. Люди, подобные Никифору и Іоанну Цимисхію, впрочемъ достигшіе престола преступленіями, были ничто другое, какъ скоропреходящіе метеоры и шесть, семь лѣтъ царствованія подобныхъ владыкъ, не могли исправить уничиженія, слабости и совершенной безнравственности Византійскаго двора, продолжавшихся нѣсколько столѣтій сряду и долженствовавшихъ окончиться разрушеніемъ имперіи.

(35) Одинъ только Левъ Діаконъ говоритъ, что Никифоръ завоевалъ пограничные города Болгарскіе; другіе Византійцы молчатъ совершенно объ этой войнѣ. По этому разсказъ Кедрина кажется правдоподобнѣе: при угрожавшей опасности вторженія Угровъ въ предѣлы имперіи, весьма понятно желаніе императора осмотрѣть пограничныя крѣпо-

сти и удостовѣриться лично, могутъ-ли онѣ защитить страну отъ нашествія непріятельскаго. Это еще тѣмъ вѣроятнѣе, что Никифоръ, какъ до восшествія своего на престолъ, такъ и послѣ, всегда воевалъ въ полуденныхъ провинціяхъ Восточной имперіи, противъ Сарацынъ и, кажется, никогда лично не обозрѣвалъ сѣверныхъ границъ.

(36) Горы Гемейскія или Емскія (Гемусъ) отдѣляли Болгарію, отъ части Ѳракіи, ближайшей къ Царьграду и нынѣ называются Балканскими: собственно Балканъ, или Эмине-дагъ начинается у города Софіи и упирается въ Черное море, при мысѣ Эмине-бурну. Горы Родопскія находятся ближе къ Македоніи и къ Эгейскому морю. Онѣ выше Балканскихъ; ихъ хребетъ покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ и извѣстенъ теперь у Турокъ подъ именемъ Деспотодагъ или Родопе. Описаніе Болгаріи сдѣлано весьма не вѣрно Львомъ Діакономъ: тамъ нѣтъ ни глубокихъ рѣкъ, кромѣ Дуная, ни непроходимыхъ обширныхъ болотъ. Это прибавлено, вѣроятно, чтобы оправдать, какъ прежнія пораженія Греческихъ армій, такъ и неудачный походъ и возвращеніе императора Никифора. На IX картѣ, приложенной къ Птоломеевой географіи, видно, что древніе называли Родопомъ одинъ изъ южныхъ отроговъ Емскихъ горъ, ближайшій къ Адріанополю. См. Geografia di Cl. Tolomeo, tradotta da Ruscelli. Venezia. 1574; карта IX, на которой изображены: Дакія, Мисія, Македонія, Ѳракія и Язиги переселенцы.



(37) Левъ Діаконъ описываетъ Болгарію точно какъ terra incognita, и какъ будто Греки узнали ее въ первый разъ при императорѣ Никифорѣ. Она имъ была слишкомъ извѣстна и прежде, какъ провинція, нѣкогда принадлежавшая ихъ имперіи, и болѣе еще потому, что тутъ весьма часто были истребляемы, Болгарами, цѣлыя арміи Восточной имперіи, въ чемъ нашъ лѣтописатель и самъ сознается.

(38) Въ Греческомъ текстѣ *Ρῶς*; у другихъ Византійцевъ: Скиѳы, Тавроскиѳы, Сарматы, Гиперборейцы, Тавры.

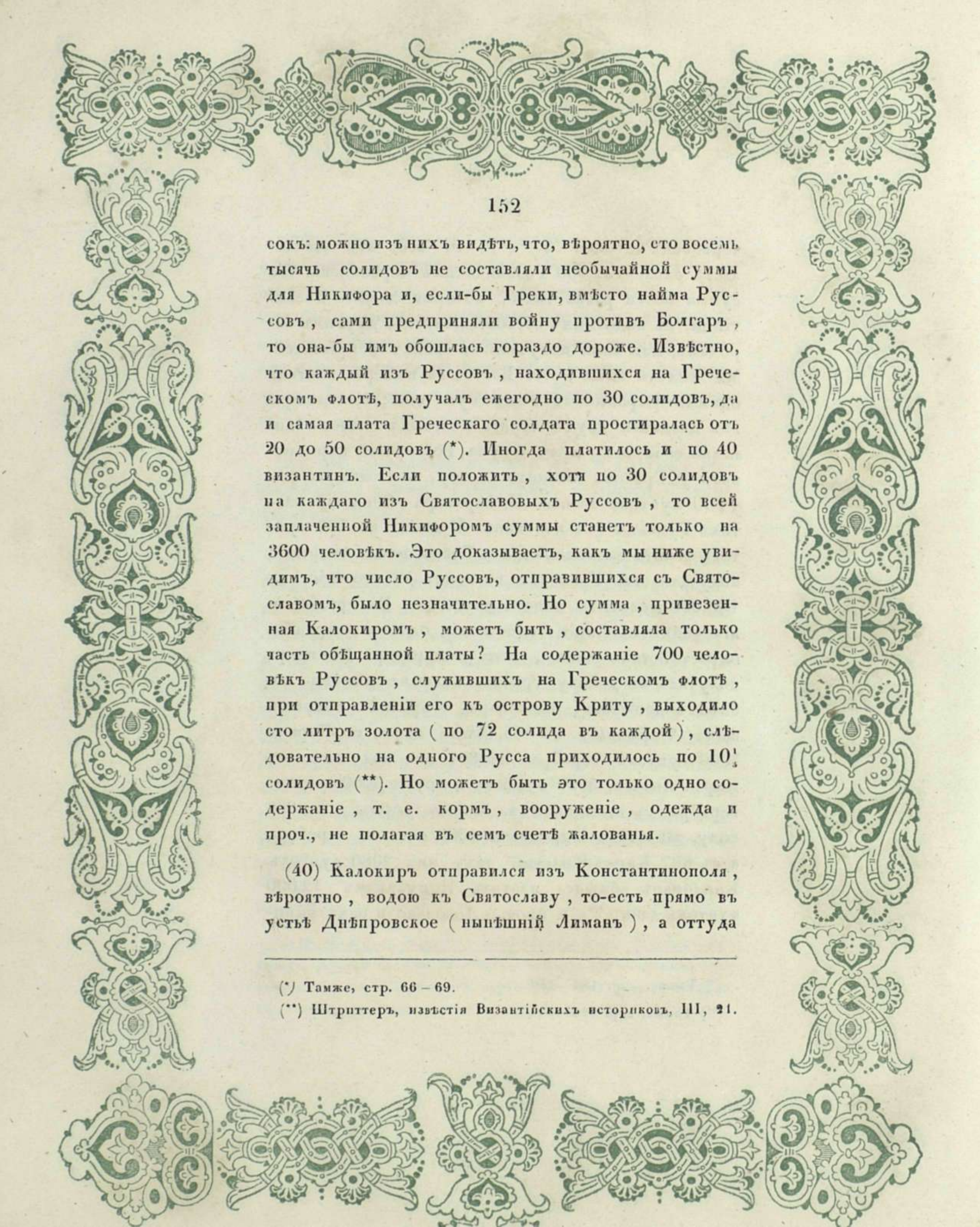
(39) . . . et Calocyrem... ad Tauroscythas, quos vulgaris lingua *Russos* nominare consuevit, misit, ut his aurum distribueret a se illi traditum, ad centenaria quindecim pondo, etc. *Leo Diaconus*, p. 63. Центинарій, или кентинаръ (centinarius) содержалъ 100 литръ золота. Литра (libra, у Грековъ *λιτρα*) состояла изъ 72 нумисматъ, или золотыхъ солидовъ (solidi aurei), называвшихся также *византинами* и другими именами; слѣдовательно одинъ центинарій имѣлъ 7200 (*) солидовъ, а пятнадцать центинаріевъ составляли 108,000 византинъ. Pondo тоже, что libra. Такъ какъ солидъ имѣлъ 70 гранъ аптекарскаго вѣса, а нынѣшній Голландской

(*) Ф. И. Круга, Критич. розысканія о древ. Русскихъ монетахъ, стр. 58 и слѣд. Шлецеръ говоритъ, что вся сумма равнялась 135,000 Голландскимъ червонцамъ, но солидъ превышалъ Гол. червонецъ только пятою долею.

червонецъ только 57 (*), то все это составляетъ около 132,600 Голландскихъ червонцевъ. Сія сумма почти равна тѣмъ, которыя давали Византійцы, въ подобныхъ обстоятельствахъ, другимъ народамъ, или сами получали съ своихъ непріятелей. Мы видѣли выше, что Восточная имперія платила однимъ Сарацынамъ ежегодную дань, состоявшую изъ двадцати двухъ тысячь золотыхъ монетъ (конечно солидовъ), и что Крумъ, Болгарскій царь, отнялъ у Грековъ военную казну, состоявшую изъ 1100 фунтовъ золота. Императоръ Ѳеодосій платилъ Гуннамъ (въ половинѣ V вѣка) по 700 фунтовъ золота ежегодной дани. Боянъ, вождь Аварскій, получалъ отъ Грековъ, въ концѣ VI столѣтія, по 100,000 золотыхъ монетъ ежегодно. Въ продолженіи войны въ Сиріи, при взятіи одного дворца въ окрестностяхъ Алепа, самъ императоръ Никифоръ получилъ въ добычу триста кожаныхъ мѣховъ, набитыхъ деньгами, не говоря о прочихъ сокровищахъ. Норманы, въ 845, взяли окупа съ Парижа 7000 фунтовъ серебра. Въ 861 они получили, отъ Карла Лысаго, 5000 фунтовъ и другіе 6000 фунтовъ серебра съ осажденныхъ. Сей-же король, въ 866 году, заплатилъ Норманамъ 4000 фунтовъ серебра, а въ 887 Карлъ Толстый далъ имъ 2080 фунтовъ. Карломанъ обязался платить Норманнамъ 12,000 фунтовъ дани (**), и проч. – Довольно и сихъ выпи-

(*) Тамже, стр. 184—186.

(**) Тамже, стр. 226—233.

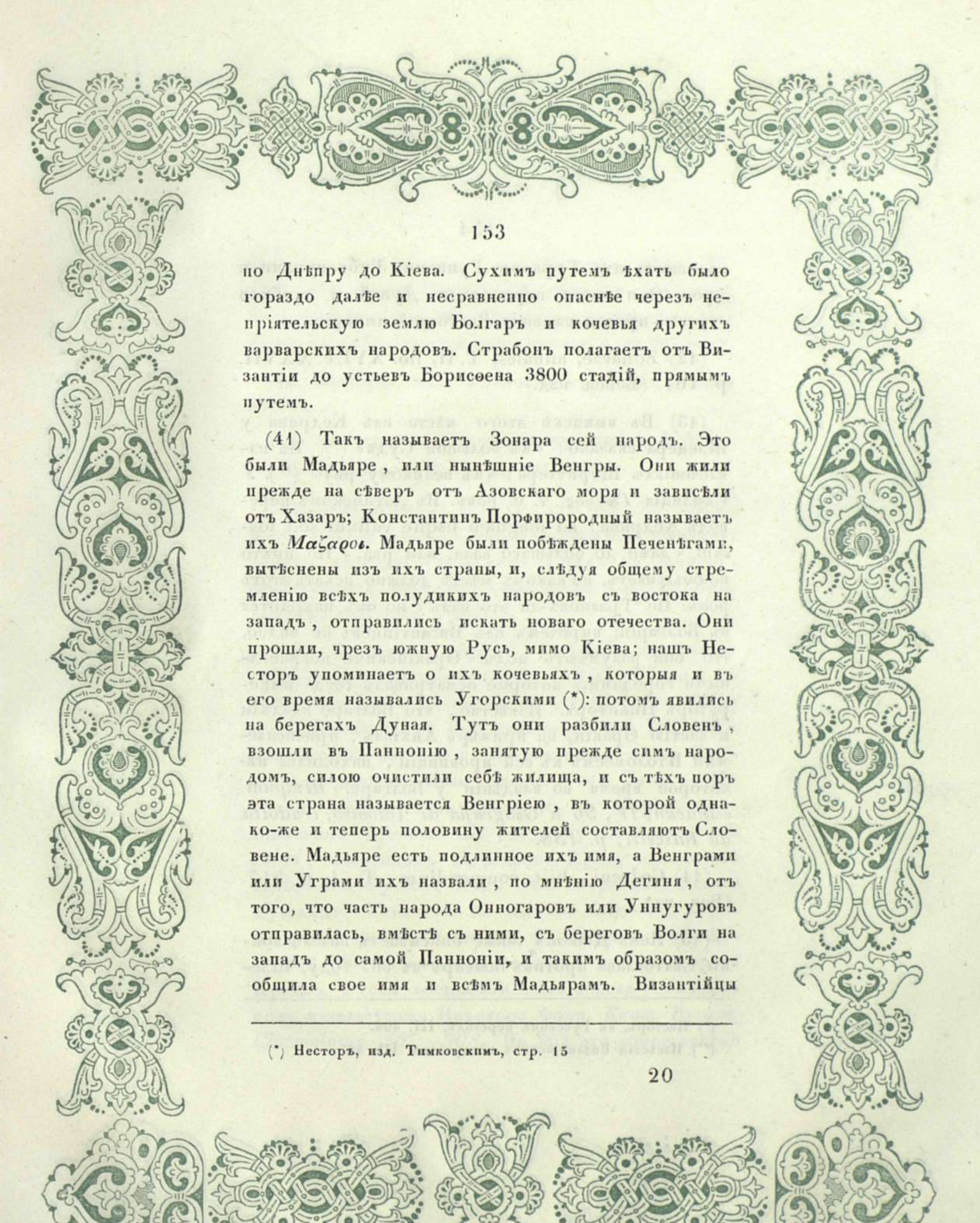


сокъ: можно изъ нихъ видѣть, что, вѣроятно, сто восемь тысячь солидовъ не составляли необычайной суммы для Никифора и, если-бы Греки, вмѣсто найма Руссовъ, сами предприняли войну противъ Болгаръ, то она-бы имъ обошлась гораздо дороже. Извѣстно, что каждый изъ Руссовъ, находившихся на Греческомъ флотѣ, получалъ ежегодно по 30 солидовъ, да и самая плата Греческаго солдата простиралась отъ 20 до 50 солидовъ (*). Иногда платилось и по 40 византинъ. Если положить, хотя по 30 солидовъ на каждаго изъ Святославовыхъ Руссовъ, то всей заплаченной Никифоромъ суммы станетъ только на 3600 человѣкъ. Это доказываетъ, какъ мы ниже увидимъ, что число Руссовъ, отправившихся съ Святославомъ, было незначительно. Но сумма, привезенная Калокиромъ, можетъ быть, составляла только часть обѣщанной платы? На содержаніе 700 человѣкъ Руссовъ, служившихъ на Греческомъ флотѣ, при отправленіи его къ острову Криту, выходило сто литръ золота (по 72 солида въ каждой), слѣдовательно на одного Русса приходилось по $10\frac{1}{4}$ солидовъ (**). Но можетъ быть это только одно содержаніе, т. е. кормъ, вооруженіе, одежда и проч., не полагая въ семъ счетѣ жалованья.

(40) Калокиръ отправился изъ Константинополя, вѣроятно, водою къ Святославу, то-есть прямо въ устьѣ Днѣпровское (нынѣшній Лиманъ), а оттуда

(*) Тамже, стр. 66 – 69.

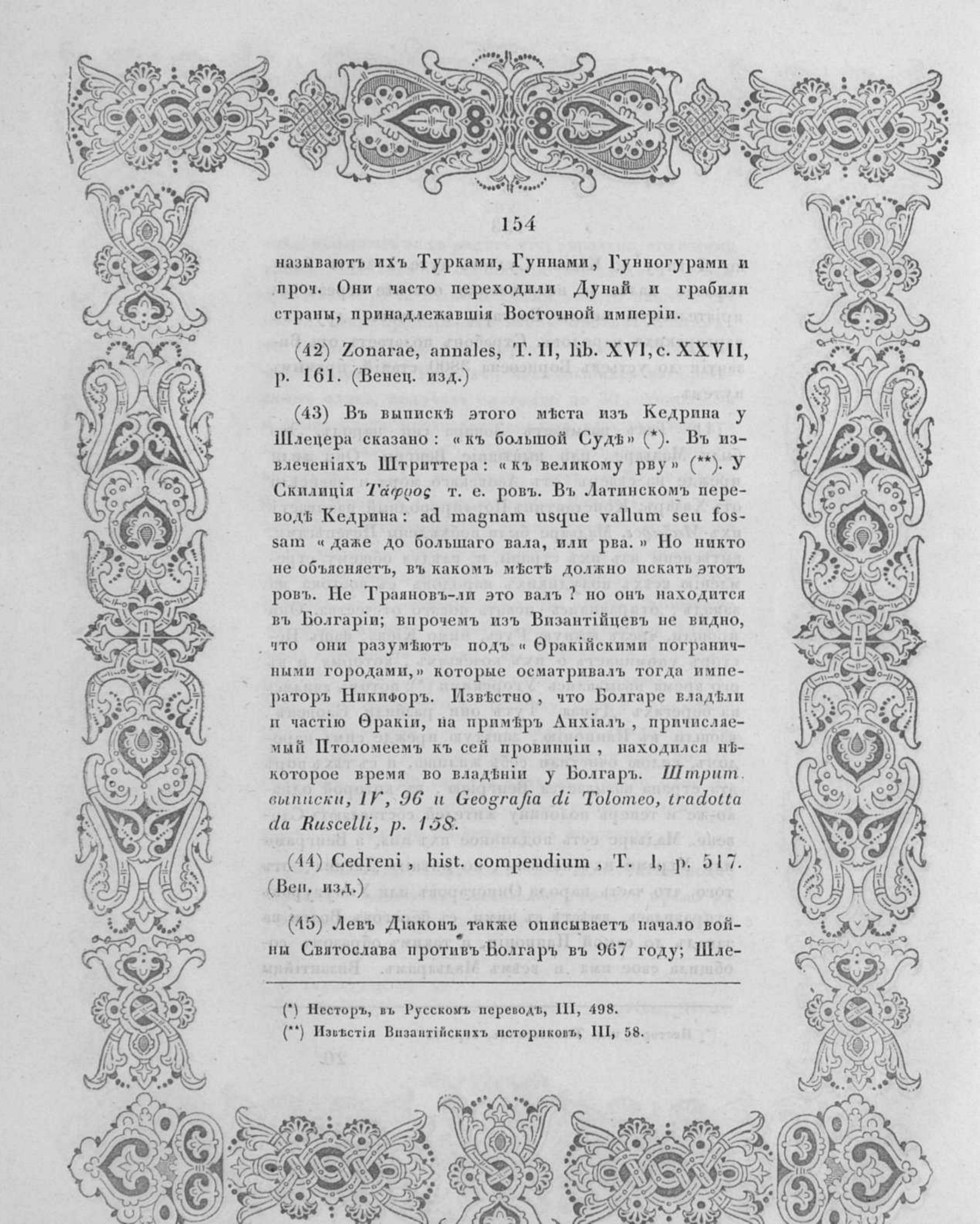
(**) Штриттеръ, извѣстія Византійскихъ историковъ, III, 21.



по Днѣпру до Кіева. Сухимъ путемъ ѣхать было гораздо далѣе и несравненно опаснѣе черезъ непріятельскую землю Болгаръ и кочевья другихъ варварскихъ народовъ. Страбонъ полагаетъ отъ Византіи до устьевъ Борисѳена 3800 стадій, прямымъ путемъ.

(41) Такъ называетъ Зонара сей народъ. Это были Мадьяре, или нынѣшніе Венгры. Они жили прежде на сѣверъ отъ Азовскаго моря и зависѣли отъ Хазаръ; Константинъ Порфирородный называетъ ихъ *Μαζαροι*. Мадьяре были побѣждены Печенѣгами, вытѣснены изъ ихъ страны, и, слѣдуя общему стремленію всѣхъ полудикихъ народовъ съ востока на западъ, отправились искать новаго отечества. Они прошли, чрезъ южную Русь, мимо Кіева; нашъ Несторъ упоминаетъ о ихъ кочевьяхъ, которыя и въ его время назывались Угорскими (*): потомъ явились на берегахъ Дуная. Тутъ они разбили Словенъ, взошли въ Паннонію, занятую прежде симъ народомъ, силою очистили себѣ жилища, и съ тѣхъ поръ эта страна называется Венгріею, въ которой однако-же и теперь половину жителей составляютъ Словене. Мадьяре есть подлинное ихъ имя, а Венграми или Уграми ихъ назвали, по мнѣнію Дегиня, отъ того, что часть народа Оннагаровъ или Уннугуровъ отправилась, вмѣстѣ съ ними, съ береговъ Волги на западъ до самой Панноніи, и такимъ образомъ сообщила свое имя и всѣмъ Мадьярамъ. Византійцы

(*) Несторъ, изд. Тимковскимъ, стр. 15



называютъ ихъ Турками, Гуннами, Гунногурами и проч. Они часто переходили Дунай и грабили страны, принадлежавшія Восточной имперіи.

(42) Zonarae, annales, T. II, lib. XVI, c. XXVII, p. 161. (Венец. изд.)

(43) Въ выпискѣ этого мѣста изъ Кедрина у Шлецера сказано: «къ большой Судѣ» (*). Въ извлеченіяхъ Штриттера: «къ великому рву» (**). У Скилиція *Τάφρος* т. е. ровъ. Въ Латинскомъ переводѣ Кедрина: ad magnam usque vallum seu fossam «даже до большаго вала, или рва.» Но никто не объясняетъ, въ какомъ мѣстѣ должно искать этотъ ровъ. Не Трояновъ-ли это валъ? но онъ находится въ Болгаріи; впрочемъ изъ Византійцевъ не видно, что они разумѣютъ подъ «Ѳракійскими пограничными городами,» которые осматривалъ тогда императоръ Никифоръ. Извѣстно, что Болгаре владѣли и частію Ѳракіи, на примѣръ Анхіалъ, причисляемый Птоломеемъ къ сей провинціи, находился нѣкоторое время во владѣніи у Болгаръ. *Штрит. выписки, IV, 96 и Geografia di Tolomeo, tradotta da Ruscelli, p. 158.*

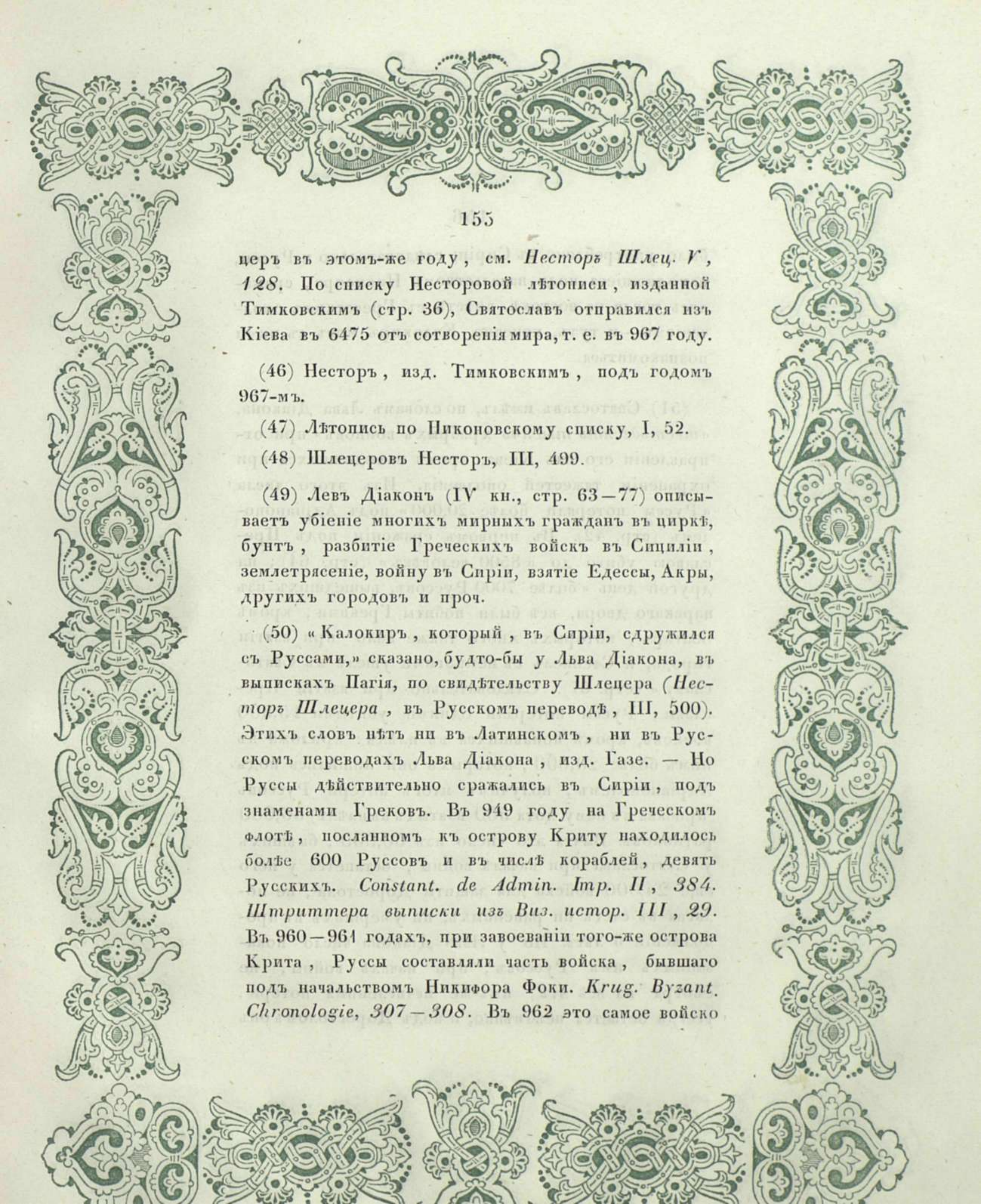
(44) Cedreni, hist. compendium, T. I, p. 517. (Вен. изд.)

(45) Левъ Діаконъ также описываетъ начало войны Святослава противъ Болгаръ въ 967 году; Шле-

---

(*) Несторъ, въ Русскомъ переводѣ, III, 498.

(**) Извѣстія Византійскихъ историковъ, III, 58.



церъ въ этомъ-же году, см. *Несторъ Шлец. V, 128*. По списку Несторовой лѣтописи, изданной Тимковскимъ (стр. 36), Святославъ отправился изъ Кіева въ 6475 отъ сотворенія міра, т. е. въ 967 году.

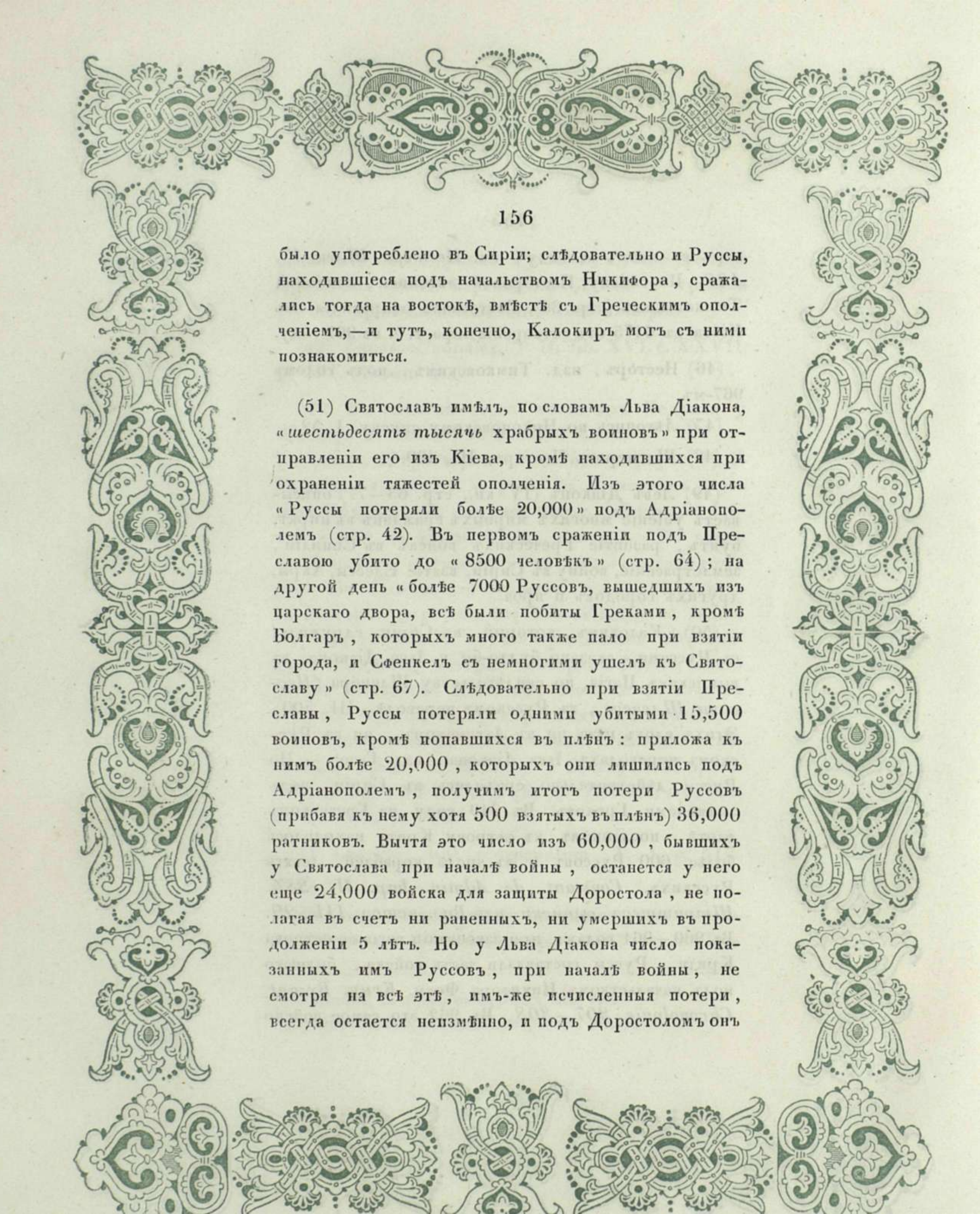
(46) Несторъ, изд. Тимковскимъ, подъ годомъ 967-мъ.

(47) Лѣтопись по Никоновскому списку, I, 52.

(48) Шлецеровъ Несторъ, III, 499.

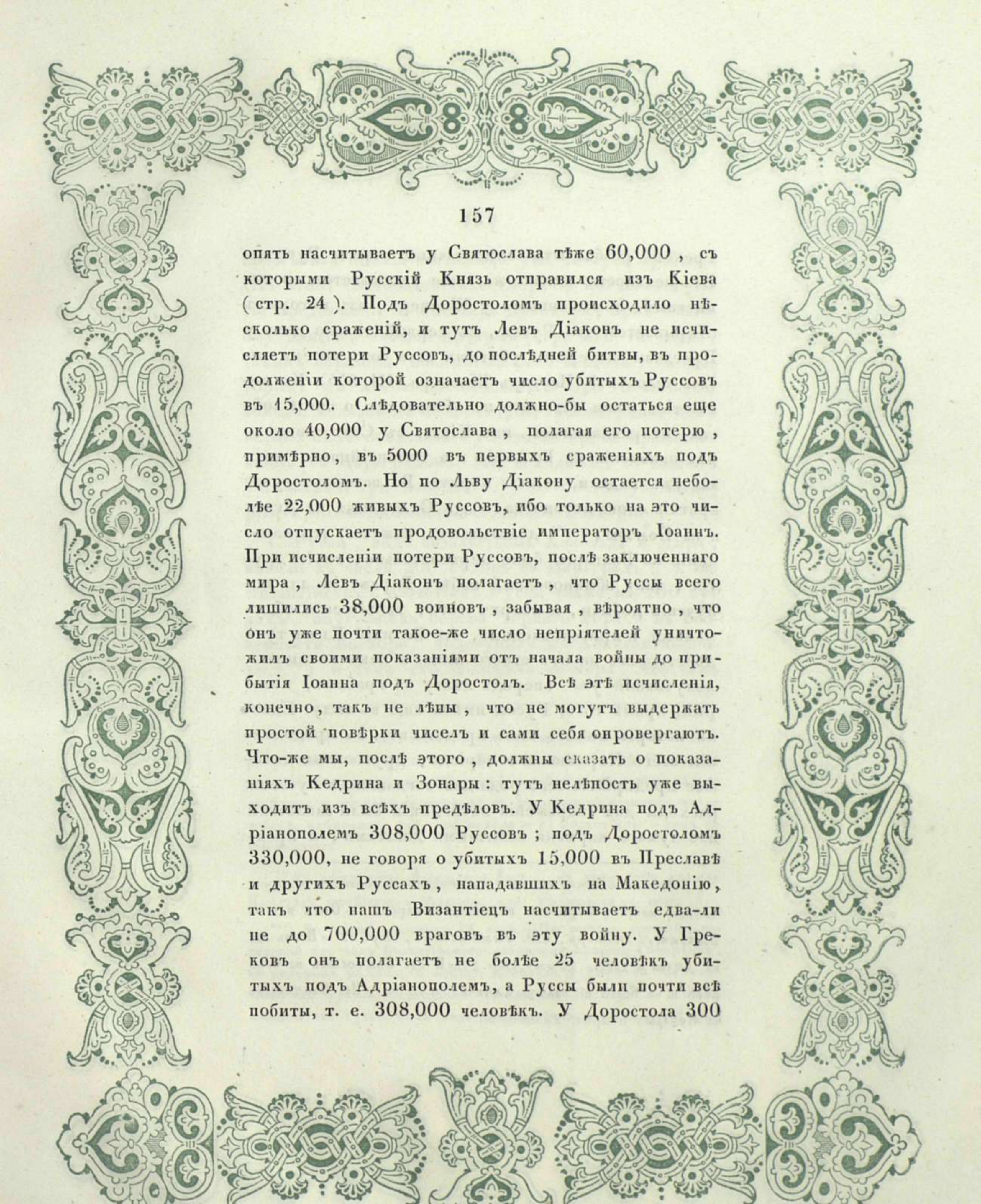
(49) Левъ Діаконъ (IV кн., стр. 63—77) описываетъ убіеніе многихъ мирныхъ гражданъ въ циркѣ, бунтъ, разбитіе Греческихъ войскъ въ Сициліи, землетрясеніе, войну въ Сиріи, взятіе Едессы, Акры, другихъ городовъ и проч.

(50) «Калокиръ, который, въ Сиріи, сдружился съ Руссами,» сказано, будто-бы у Льва Діакона, въ выпискахъ Пагія, по свидѣтельству Шлецера (*Несторъ Шлецера*, въ Русскомъ переводѣ, III, 500). Этихъ словъ нѣтъ ни въ Латинскомъ, ни въ Русскомъ переводахъ Льва Діакона, изд. Газе. — Но Руссы дѣйствительно сражались въ Сиріи, подъ знаменами Грековъ. Въ 949 году на Греческомъ флотѣ, посланномъ къ острову Криту находилось болѣе 600 Руссовъ и въ числѣ кораблей, девять Русскихъ. *Constant. de Admin. Imp. II, 384. Штриттера выписки изъ Виз. истор. III, 29.* Въ 960—961 годахъ, при завоеваніи того-же острова Крита, Руссы составляли часть войска, бывшаго подъ начальствомъ Никифора Фоки. *Krug. Byzant. Chronologie, 307—308*. Въ 962 это самое войско

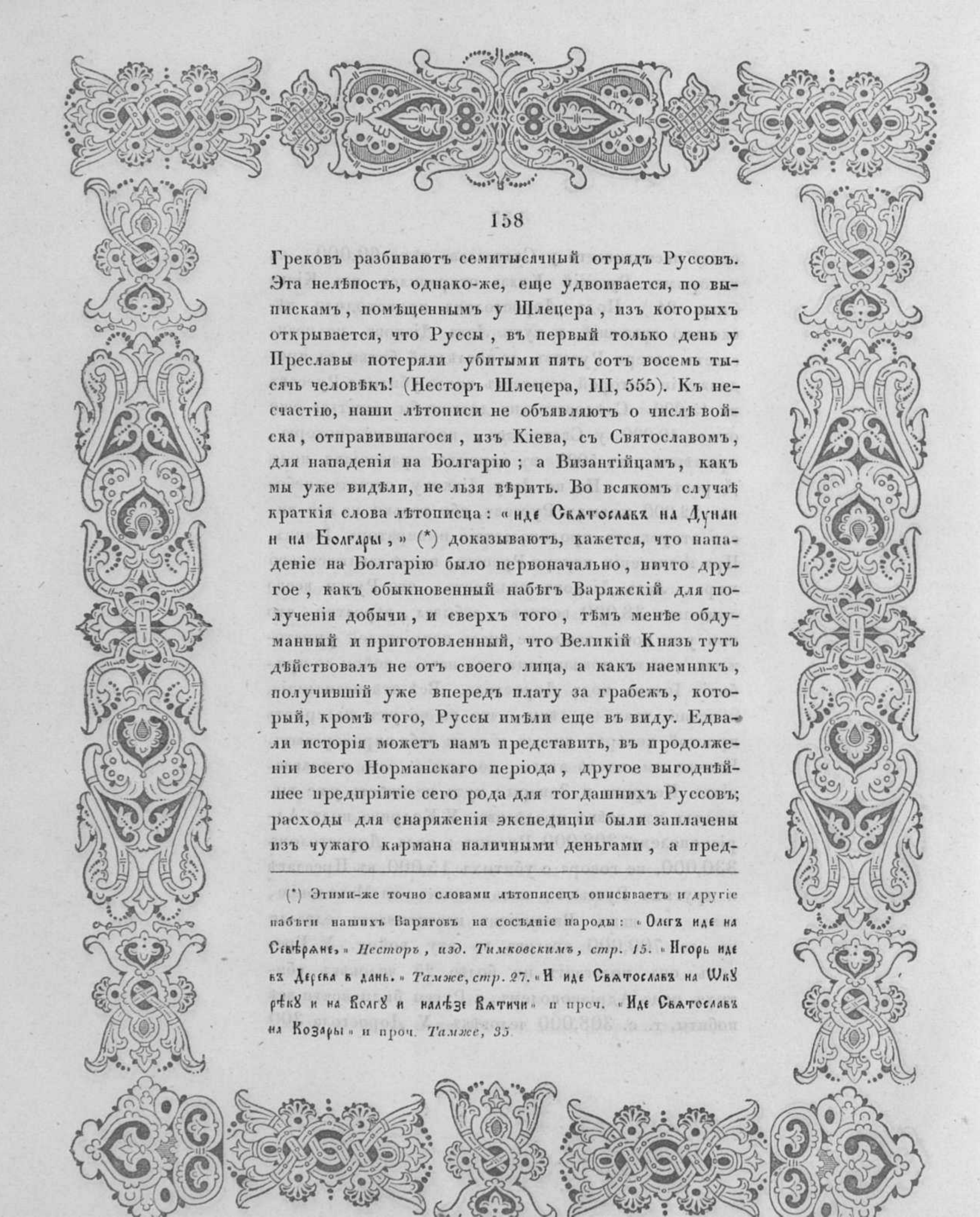


было употреблено въ Сиріи; слѣдовательно и Руссы, находившіеся подъ начальствомъ Никифора, сражались тогда на востокѣ, вмѣстѣ съ Греческимъ ополченіемъ,—и тутъ, конечно, Калокиръ могъ съ ними познакомиться.

(51) Святославъ имѣлъ, по словамъ Льва Діакона, «*шестьдесятъ тысячь* храбрыхъ воиновъ» при отправленіи его изъ Кіева, кромѣ находившихся при охраненіи тяжестей ополченія. Изъ этого числа «Руссы потеряли болѣе 20,000» подъ Адріанополемъ (стр. 42). Въ первомъ сраженіи подъ Преславою убито до «8500 человѣкъ» (стр. 64); на другой день «болѣе 7000 Руссовъ, вышедшихъ изъ царскаго двора, всѣ были побиты Греками, кромѣ Болгаръ, которыхъ много также пало при взятіи города, и Сфенкелъ съ немногими ушелъ къ Святославу» (стр. 67). Слѣдовательно при взятіи Преславы, Руссы потеряли одними убитыми 15,500 воиновъ, кромѣ попавшихся въ плѣнъ: приложа къ нимъ болѣе 20,000, которыхъ они лишились подъ Адріанополемъ, получимъ итогъ потери Руссовъ (прибавя къ нему хотя 500 взятыхъ въ плѣнъ) 36,000 ратниковъ. Вычтя это число изъ 60,000, бывшихъ у Святослава при началѣ войны, останется у него еще 24,000 войска для защиты Доростола, не полагая въ счетъ ни раненныхъ, ни умершихъ въ продолженіи 5 лѣтъ. Но у Льва Діакона число показанныхъ имъ Руссовъ, при началѣ войны, не смотря на всѣ этѣ, имъ-же исчисленныя потери, всегда остается неизмѣнно, и подъ Доростоломъ онъ

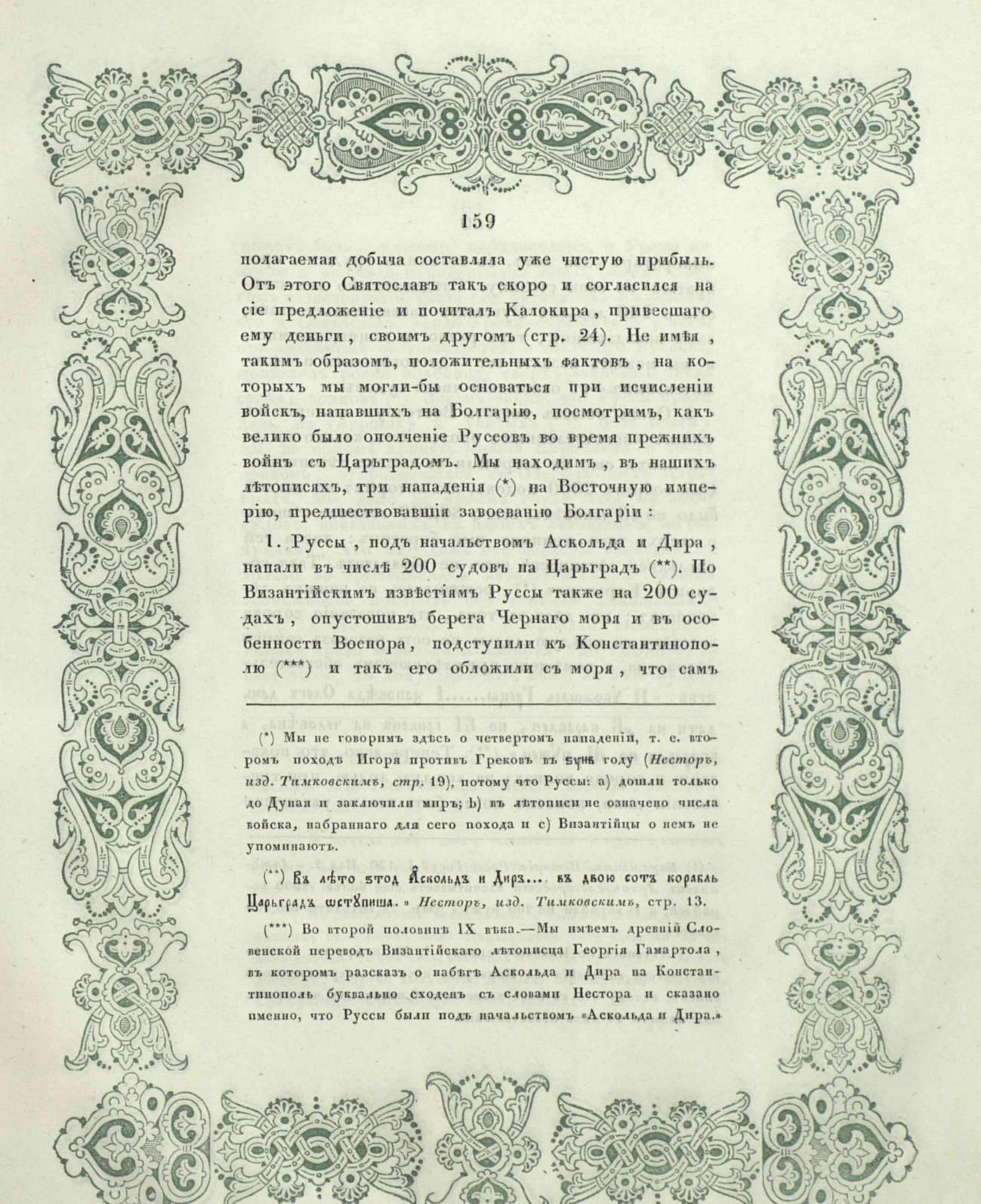


опять насчитываетъ у Святослава тѣже 60,000, съ которыми Русскій Князь отправился изъ Кіева (стр. 24). Подъ Доростоломъ происходило нѣсколько сраженій, и тутъ Левъ Діаконъ не исчисляетъ потери Руссовъ, до послѣдней битвы, въ продолженіи которой означаетъ число убитыхъ Руссовъ въ 15,000. Слѣдовательно должно-бы остаться еще около 40,000 у Святослава, полагая его потерю, примѣрно, въ 5000 въ первыхъ сраженіяхъ подъ Доростоломъ. Но по Льву Діакону остается неболѣе 22,000 живыхъ Руссовъ, ибо только на это число отпускаетъ продовольствіе императоръ Іоаннъ. При исчисленіи потери Руссовъ, послѣ заключеннаго мира, Левъ Діаконъ полагаетъ, что Руссы всего лишились 38,000 воиновъ, забывая, вѣроятно, что онъ уже почти такое-же число непріятелей уничтожилъ своими показаніями отъ начала войны до прибытія Іоанна подъ Доростолъ. Всѣ этѣ исчисленія, конечно, такъ не лѣпы, что не могутъ выдержать простой повѣрки чиселъ и сами себя опровергаютъ. Что-же мы, послѣ этого, должны сказать о показаніяхъ Кедрина и Зонары: тутъ нелѣпость уже выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ. У Кедрина подъ Адріанополемъ 308,000 Руссовъ; подъ Доростоломъ 330,000, не говоря о убитыхъ 15,000 въ Преславѣ и другихъ Руссахъ, нападавшихъ на Македонію, такъ что нашъ Византіецъ насчитываетъ едва-ли не до 700,000 враговъ въ эту войну. У Грековъ онъ полагаетъ не болѣе 25 человѣкъ убитыхъ подъ Адріанополемъ, а Руссы были почти всѣ побиты, т. е. 308,000 человѣкъ. У Доростола 300



Грековъ разбиваютъ семитысячный отрядъ Руссовъ. Эта нелѣпость, однако-же, еще удвоивается, по выпискамъ, помѣщеннымъ у Шлецера, изъ которыхъ открывается, что Руссы, въ первый только день у Преславы потеряли убитыми пять сотъ восемь тысячь человѣкъ! (Несторъ Шлецера, III, 555). Къ несчастію, наши лѣтописи не объявляютъ о числѣ войска, отправившагося, изъ Кіева, съ Святославомъ, для нападенія на Болгарію; а Византійцамъ, какъ мы уже видѣли, не льзя вѣрить. Во всякомъ случаѣ краткія слова лѣтописца: «иде Свѧтославъ на Дунаи и на Болгары,» (*) доказываютъ, кажется, что нападеніе на Болгарію было первоначально, ничто другое, какъ обыкновенный набѣгъ Варяжскій для полученія добычи, и сверхъ того, тѣмъ менѣе обдуманный и приготовленный, что Великій Князь тутъ дѣйствовалъ не отъ своего лица, а какъ наемникъ, получившій уже впередъ плату за грабежъ, который, кромѣ того, Руссы имѣли еще въ виду. Едва ли исторія можетъ намъ представить, въ продолженіи всего Норманскаго періода, другое выгоднѣйшее предпріятіе сего рода для тогдашнихъ Руссовъ; расходы для снаряженія экспедиціи были заплачены изъ чужаго кармана наличными деньгами, а пред-

(*) Этими-же точно словами лѣтописецъ описываетъ и другіе набѣги нашихъ Варяговъ на сосѣдніе народы: «Олегъ иде на Сѣверяне,» *Несторъ, изд. Тимковскимъ, стр. 15.* «Игорь иде въ Деревы в дань.» *Тамже, стр. 27.* «И иде Свѧтославъ на Оку рѣку и на Волгу и налѣзе Вятичи» и проч. «Иде Свѧтославъ на Козары» и проч. *Тамже, 35*



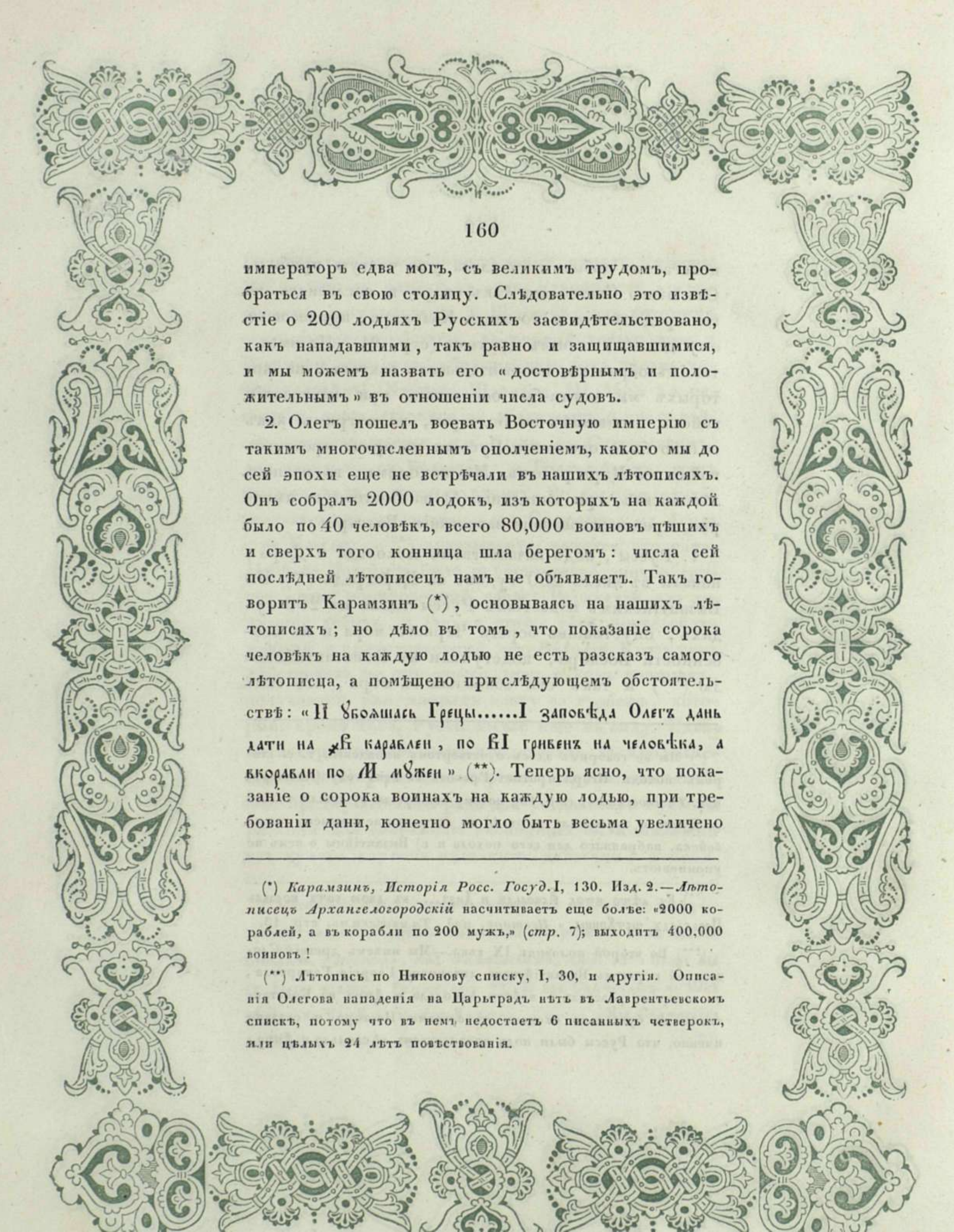
полагаемая добыча составляла уже чистую прибыль. Отъ этого Святославъ такъ скоро и согласился на сіе предложеніе и почиталъ Калокира, привесшаго ему деньги, своимъ другомъ (стр. 24). Не имѣя, такимъ образомъ, положительныхъ фактовъ, на которыхъ мы могли-бы основаться при исчисленіи войскъ, напавшихъ на Болгарію, посмотримъ, какъ велико было ополченіе Руссовъ во время прежнихъ войнъ съ Царьградомъ. Мы находимъ, въ нашихъ лѣтописяхъ, три нападенія (*) на Восточную имперію, предшествовавшія завоеванію Болгаріи:

1. Руссы, подъ начальствомъ Аскольда и Дира, напали въ числѣ 200 судовъ на Царьградъ (**). По Византійскимъ извѣстіямъ Руссы также на 200 судахъ, опустошивъ берега Чернаго моря и въ особенности Воспора, подступили къ Константинополю (***) и такъ его обложили съ моря, что самъ

(*) Мы не говоримъ здѣсь о четвертомъ нападеніи, т. е. второмъ походѣ Игоря противъ Грековъ въ ѕуиѕ году (*Несторъ, изд. Тимковскимъ, стр.* 19), потому что Руссы: a) дошли только до Дуная и заключили миръ; b) въ лѣтописи не означено числа войска, набраннаго для сего похода и c) Византійцы о немъ не упоминаютъ.

(**) Въ лѣто ѕтод Аскольдъ и Диръ... въ двою сотъ корабль Царьградъ оступиша.» *Несторъ, изд. Тимковскимъ*, стр. 13.

(***) Во второй половинѣ IX вѣка.—Мы имѣемъ древній Словенской переводъ Византійскаго лѣтописца Георгія Гамартола, въ которомъ разсказъ о набѣгѣ Аскольда и Дира на Константинополь буквально сходенъ съ словами Нестора и сказано именно, что Руссы были подъ начальствомъ «Аскольда и Дира.»



императоръ едва могъ, съ великимъ трудомъ, пробраться въ свою столицу. Слѣдовательно это извѣстіе о 200 лодьяхъ Русскихъ засвидѣтельствовано, какъ нападавшими, такъ равно и защищавшимися, и мы можемъ назвать его «достовѣрнымъ и положительнымъ» въ отношеніи числа судовъ.

2. Олегъ пошелъ воевать Восточную имперію съ такимъ многочисленнымъ ополченіемъ, какого мы до сей эпохи еще не встрѣчали въ нашихъ лѣтописяхъ. Онъ собралъ 2000 лодокъ, изъ которыхъ на каждой было по 40 человѣкъ, всего 80,000 воиновъ пѣшихъ и сверхъ того конница шла берегомъ: числа сей послѣдней лѣтописецъ намъ не объявляетъ. Такъ говоритъ Карамзинъ (*), основываясь на нашихъ лѣтописяхъ; но дѣло въ томъ, что показаніе сорока человѣкъ на каждую лодью не есть разсказъ самаго лѣтописца, а помѣщено при слѣдующемъ обстоятельствѣ: «И ѹбоꙗшась Грецы......І заповѣда Олегъ дань дати на ҂в҃ караблеи, по в҃і гривенъ на человѣка, а вкорабли по м҃ мѹжеи» (**). Теперь ясно, что показаніе о сорока воинахъ на каждую лодью, при требованіи дани, конечно могло быть весьма увеличено

(*) *Карамзинъ, Исторія Росс. Госуд.* I, 130. Изд. 2.—*Лѣтописецъ Архангелогородскій* насчитываетъ еще болѣе: «2000 кораблей, а въ корабли по 200 мужъ,» (*стр.* 7); выходитъ 400,000 воиновъ!

(**) Лѣтопись по Никонову списку, I, 30, и другія. Описанія Олегова нападенія на Царьградъ нѣтъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ, потому что въ немъ недостаетъ 6 писанныхъ четверокъ, или цѣлыхъ 24 лѣтъ повѣствованія.

(можетъ быть, удвоено) побѣдителемъ, и Греки не могли и не смѣли опровергнуть этого, самимъ Олегомъ назначеннаго, числа его ратниковъ. Мы знаемъ, что и Святославъ, когда Греки спрашивали у него, при подобномъ обстоятельствѣ, о числѣ его Руссовъ, прибавилъ ровно половину, сверхъ наличнаго числа своихъ воиновъ (*). Знаемъ также, что Руссы брали дань на умершихъ и убитыхъ (**). Вотъ почему мы не можемъ принять мнѣніе Карамзина о числѣ воиновъ, отправившихся съ Олегомъ подъ Царьградъ. Мы даже не можемъ согласиться на 2000 судовъ, показанныхъ въ нашихъ лѣтописяхъ, по той причинѣ, что находимъ это извѣстіе записаннымъ только во временникахъ нападавшихъ, и лишены возможности повѣрить его словами защищавшихся (***). Но если-бы мы и приняли вышеприведенное число кораблей и воиновъ (до 100,000) за настоящее, то допустивъ это, намъ не льзя будетъ

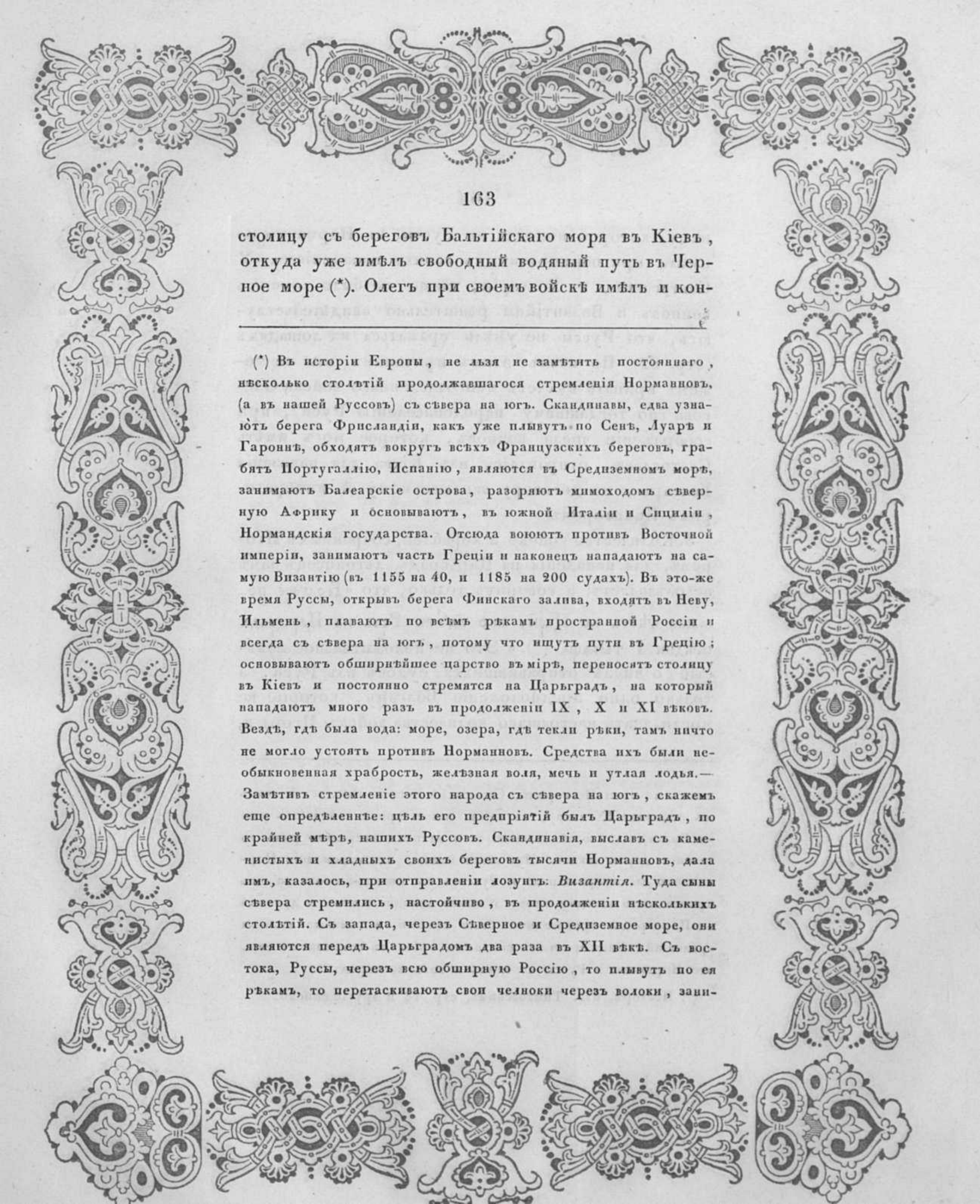
(*) «И рече имъ Святославъ: есть насъ К тысящь и прирече І тысящь, бѣ бо Руси І тысящь только.» *Несторъ, изд. Тимковскимъ, 40.*

(**) «И вздаша ему дань; имашетъ же и за убьеныя, глаголя: яко родъ его возметъ.» *Несторъ, изд. Тимковскимъ, стр. 41.*

(***) Мы разсуждаемъ здѣсь только о числѣ кораблей и войскъ, бывшихъ съ Олегомъ подъ Царьградомъ. Что касается до самаго похода, то онъ есть, конечно, фактъ историческій: Олеговъ договоръ, вопреки Шлецеру, доказанъ положительно Кругомъ. См. Byzantin. Chronologie, S. 19, 108—112.

поставить Олеговой войны, противъ Восточной имперіи, въ счетъ обыкновенныхъ ополченій Руссовъ и Норманновъ при ихъ нападеніяхъ на непріятельскія земли. Предпріятіе Олега противъ Византіи было, по словамъ однихъ нашихъ лѣтописей, что-то необычайное и мы, ни прежде, ни послѣ, не находимъ ничего подобнаго. Лѣтописецъ точно въ такомъ видѣ описываетъ намъ это ополченіе. «Олегъ.... поятже ссобою множество Варягъ и Словенъ і Чюдь и Кривичь и Мерю и Поляне и Сѣверы и Древляны і Радимичи і Вятичи и Хорваты и Дулѣбы и Тиверцы.... на конехъ і вкараблехъ» и проч. (*), между тѣмъ, какъ о прежнихъ и послѣдующихъ походахъ онъ говоритъ въ двухъ словахъ: «Аскольдъ и Диръ ωстꙋпиша Царьградъ; иде Игорь на Греки; иде Святославъ на Дꙋнай и на Болгары» и при подобныхъ набѣгахъ, не исчисляетъ народовъ, составлявшихъ войска этихъ князей. Ясно, что война Олега противъ Грековъ была что-то затѣянное въ большомъ размѣрѣ; тутъ исчислены не только всѣ народы, составлявшіе тогда владѣнія Руссовъ, отъ Финскаго залива до кочевьевъ Печенѣжскихъ, но даже и не принадлежавшіе имъ и нанятые, вѣроятно, для этого огромнаго предпріятія. Это было что-то похожее на народное переселеніе. Олегъ хотѣлъ, можетъ быть, завоевать Греческую имперію и переселиться въ Византію, подобно тому, какъ онъ перенесъ свою

(*) Лѣтописецъ по Никоновскому списку, стр. I, 29.



столицу съ береговъ Бальтійскаго моря въ Кіевъ, откуда уже имѣлъ свободный водяный путь въ Черное море (*). Олегъ при своемъ войскѣ имѣлъ и кон-

(*) Въ исторіи Европы, не льзя не замѣтить постояннаго, нѣсколько столѣтій продолжавшагося стремленія Норманновъ, (а въ нашей Руссовъ) съ сѣвера на югъ. Скандинавы, едва узнаютъ берега Фрисландіи, какъ уже плывутъ по Сенѣ, Луарѣ и Гароннѣ, обходятъ вокругъ всѣхъ Французскихъ береговъ, грабятъ Португаллію, Испанію, являются въ Средиземномъ морѣ, занимаютъ Балеарскіе острова, разоряютъ мимоходомъ сѣверную Африку и основываютъ, въ южной Италіи и Сициліи, Нормандскія государства. Отсюда воюютъ противъ Восточной имперіи, занимаютъ часть Греціи и наконецъ нападаютъ на самую Византію (въ 1155 на 40, и 1185 на 200 судахъ). Въ это-же время Руссы, открывъ берега Финскаго залива, входятъ въ Неву, Ильмень, плаваютъ по всѣмъ рѣкамъ пространной Россіи и всегда съ сѣвера на югъ, потому что ищутъ пути въ Грецію; основываютъ обширнѣйшее царство въ мірѣ, переносятъ столицу въ Кіевъ и постоянно стремятся на Царьградъ, на который нападаютъ много разъ въ продолженіи IX, X и XI вѣковъ. Вездѣ, гдѣ была вода: море, озера, гдѣ текли рѣки, тамъ ничто не могло устоять противъ Норманновъ. Средства ихъ были необыкновенная храбрость, желѣзная воля, мечь и утлая лодья.— Замѣтивъ стремленіе этого народа съ сѣвера на югъ, скажемъ еще опредѣленнѣе: цѣль его предпріятій былъ Царьградъ, по крайней мѣрѣ, нашихъ Руссовъ. Скандинавія, выславъ съ каменистыхъ и хладныхъ своихъ береговъ тысячи Норманновъ, дала имъ, казалось, при отправленіи лозунгъ: *Византія*. Туда сыны сѣвера стремились, настойчиво, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій. Съ запада, черезъ Сѣверное и Средиземное море, они являются передъ Царьградомъ два раза въ XII вѣкѣ. Съ востока, Руссы, черезъ всю обширную Россію, то плывутъ по ея рѣкамъ, то перетаскиваютъ свои челноки черезъ волоки, зани-

ницу, которой никогда ни Руссы, ни Норманны не имѣли при обыкновенныхъ своихъ нападеніяхъ. У Святослава, въ Болгаріи, также не было конныхъ воиновъ и Византійцы рѣшительно свидѣтельствуютъ, что Руссы не умѣли сражаться на лошадяхъ (стр. 82). По всѣмъ этимъ причинамъ мы не можемъ принять въ счетъ многочисленнаго войска Олегова (по тогдашнему народонаселенію Руси), при соображеніи числа воиновъ, которое могъ имѣть Святославъ, отправляясь изъ Кіева для наказанія Болгаръ, по договору заключенному съ императоромъ Никифоромъ.

3. Количество войскъ и кораблей, собранныхъ Игоремъ, для нападенія на Царьградъ, лѣтописецъ намъ не объявляетъ; а говоритъ только, что «Болгаре посланіа вѣсть ко Царю, яко идутъ Русь на Царьградъ скѣдіи І тысящь (*).» Это не положительное извѣстіе о числѣ отправившихся судовъ изъ Руси, а только одно предположеніе Болгаръ, которые не могли знать настоящаго количества войскъ Игоря и,

---

наютъ по-пути Новгородъ, Смоленскъ и едва овладѣвъ Кіевомъ (въ половинѣ IX вѣка), въ тоже самое время нападаютъ уже на Византію и возобновляютъ свои натиски нѣсколько разъ въ теченіе двухъ вѣковъ. Изъ этого видно, что стремленіе Норманновъ съ сѣвера-запада и Руссовъ съ сѣвера-востока на югъ происходило въ одну эпоху, и самое нападеніе тѣхъ и другихъ на Царьградъ производимо было одними и тѣми-же малыми средствами. Какъ по этимъ сильнымъ пріемамъ сомнѣваться еще, что Норманны и Руссы не одинъ и тотъ-же народъ?

(*) Несторъ, изд. Тимковскимъ, стр. 18 и другіе списки.

сверхъ того, взятое цѣликомъ изъ Византійскихъ извѣстій, какъ доказываетъ разсказъ о семъ походѣ, слово въ слово переведенный съ Греческаго нашимъ или Болгарскимъ лѣтописцемъ (*). И самое названіе судовъ, всегда извѣстныхъ у Нестора подъ словомъ корабли (лодьи) вдругъ, при этомъ описаніи, измѣняется въ «скѣдии,» также указываетъ на источникъ Византійской (**). Но и Греческіе лѣтописа-

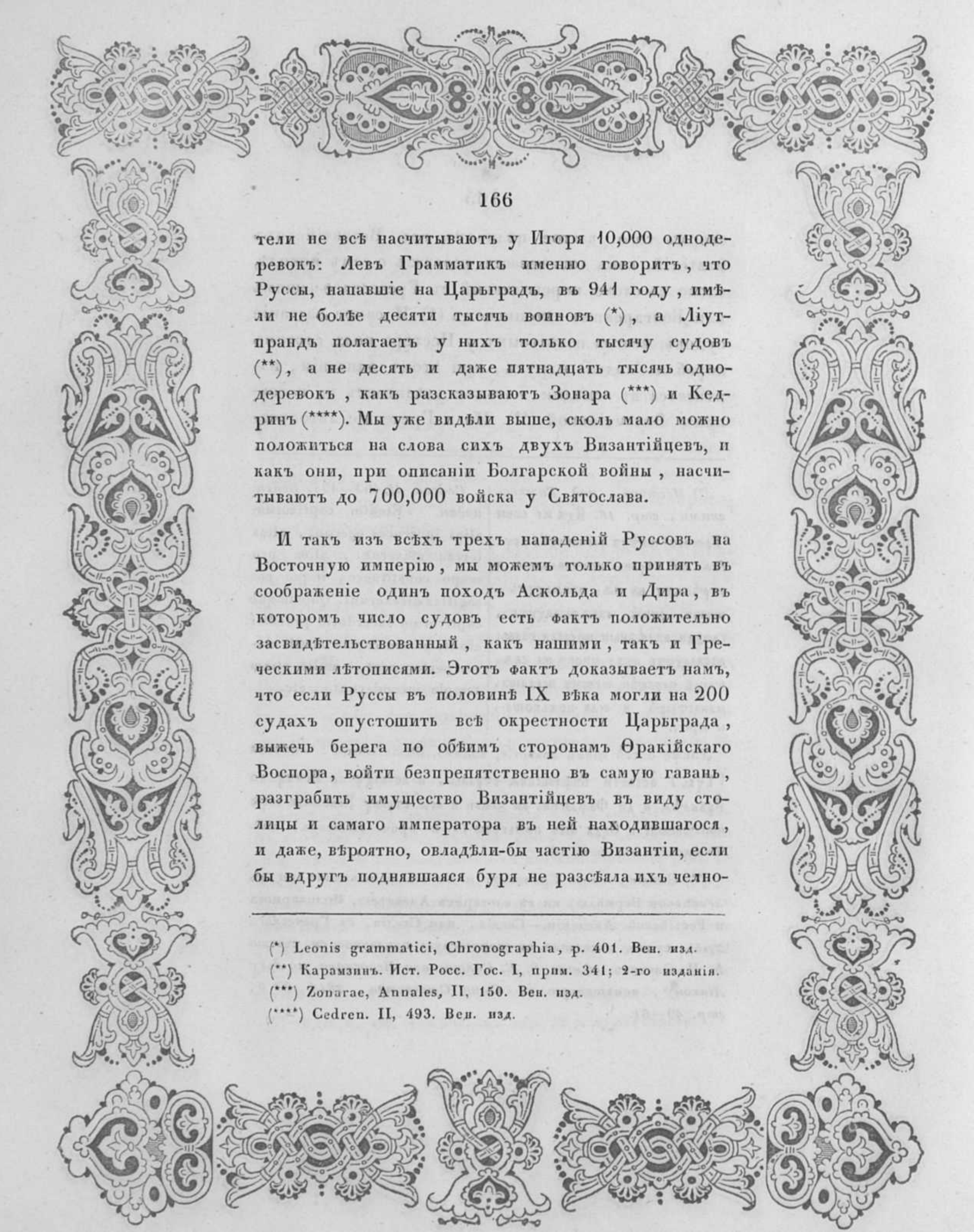
---

(*) *Несторъ, изд. Тимковскимъ, стр. 18.* Ихъ же емше (Грековъ) ѡвѣхъ распинахꙋ, другиꙗ аки странь поставлꙗаще и стрѣлꙗхꙋ въ нꙗ, изимахуть, ѡпаки руцѣ съвꙗзывахуть, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахуть ихъ; много же свꙗтыхъ церквѣй ѡгнемъ предаша, манастырѣ и села пожьгоша, и проч.

Cedren. II, 493—494. *Венец. издан.* «Etenim captivorum alios in cruces egerunt, alios terrae affixerunt, alios pro scopo constituere, inque eos sagittas direxerunt. Quicumque captivorum sacerdotio praediti erant, eorum capita acutis clavis perforarunt, multa etiam templa incenderunt», etc.

Также о сей войнѣ извѣстіе, видимо, Византійское: «почаша (Русь) воевати Вифаньскиꙗ страны, и воевахꙋ по Понтꙋ до Ираклѣꙗ и до Фафлагоньски земли и всю странꙋ Никомидиискую поплѣнивше и Судъ весь пожьгоша,» и проч. *Несторъ, изд. Тимковскимъ, стр. 18.*

(**) Скѣдія, слово Греческое и мы его не находимъ ни въ лексиконѣ Берынды, ни въ словаряхъ Алексѣева, Поликарпова и Россійской Академіи.—Скедія, или Схедія, съ Греческаго *Σχεδία*, судно, поспѣшно, на-скорую-руку сдѣланное; см. статью А. Н. Оленина: *обликъ В. К. Святослава Игоревича, по Льву Діакону*, помѣщенную въ «*Сынъ Отечества*, *1814*, № 2, *стр. 49—61*.



тели не всѣ насчитываютъ у Игоря 10,000 однодеревокъ: Левъ Грамматикъ именно говоритъ, что Руссы, напавшіе на Царьградъ, въ 941 году, имѣли не болѣе десяти тысячъ воиновъ (*), а Ліутпрандъ полагаетъ у нихъ только тысячу судовъ (**), а не десять и даже пятнадцать тысячъ однодеревокъ, какъ разсказываютъ Зонара (***) и Кедринъ (****). Мы уже видѣли выше, сколь мало можно положиться на слова сихъ двухъ Византійцевъ, и какъ они, при описаніи Болгарской войны, насчитываютъ до 700,000 войска у Святослава.

И такъ изъ всѣхъ трехъ нападеній Руссовъ на Восточную имперію, мы можемъ только принять въ соображеніе одинъ походъ Аскольда и Дира, въ которомъ число судовъ есть фактъ положительно засвидѣтельствованный, какъ нашими, такъ и Греческими лѣтописями. Этотъ фактъ доказываетъ намъ, что если Руссы въ половинѣ IX вѣка могли на 200 судахъ опустошить всѣ окрестности Царьграда, выжечь берега по обѣимъ сторонамъ Ѳракійскаго Воспора, войти безпрепятственно въ самую гавань, разграбить имущество Византійцевъ въ виду столицы и самаго императора въ ней находившагося, и даже, вѣроятно, овладѣли-бы частію Византіи, если бы вдругъ поднявшаяся буря не разсѣяла ихъ челно-

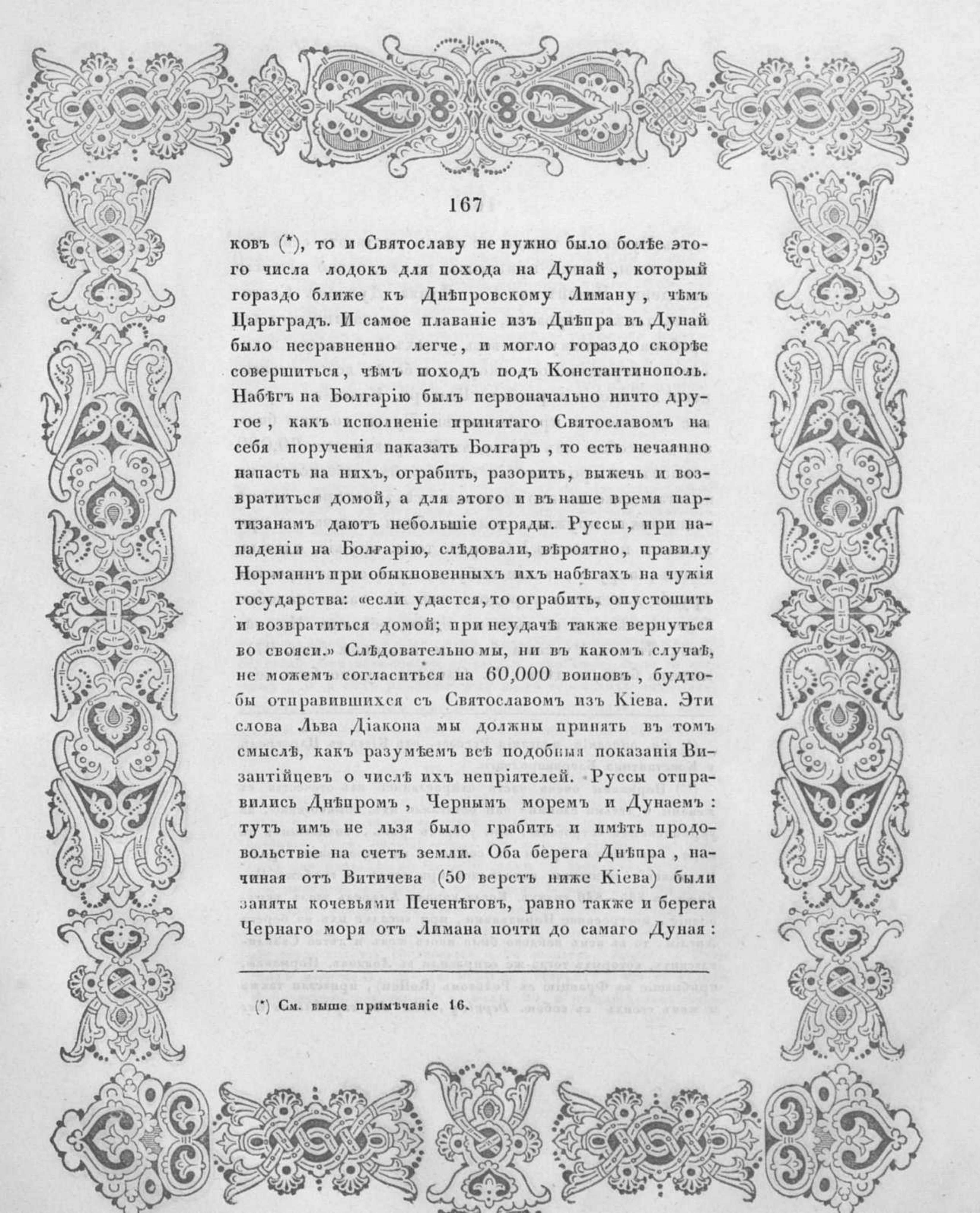
---

(*) Leonis grammatici, Chronographia, p. 401. Вен. изд.

(**) Карамзинъ. Ист. Росс. Гос. I, прим. 341; 2-го изданія.

(***) Zonarae, Annales, II, 150. Вен. изд.

(****) Cedren. II, 493. Вен. изд.



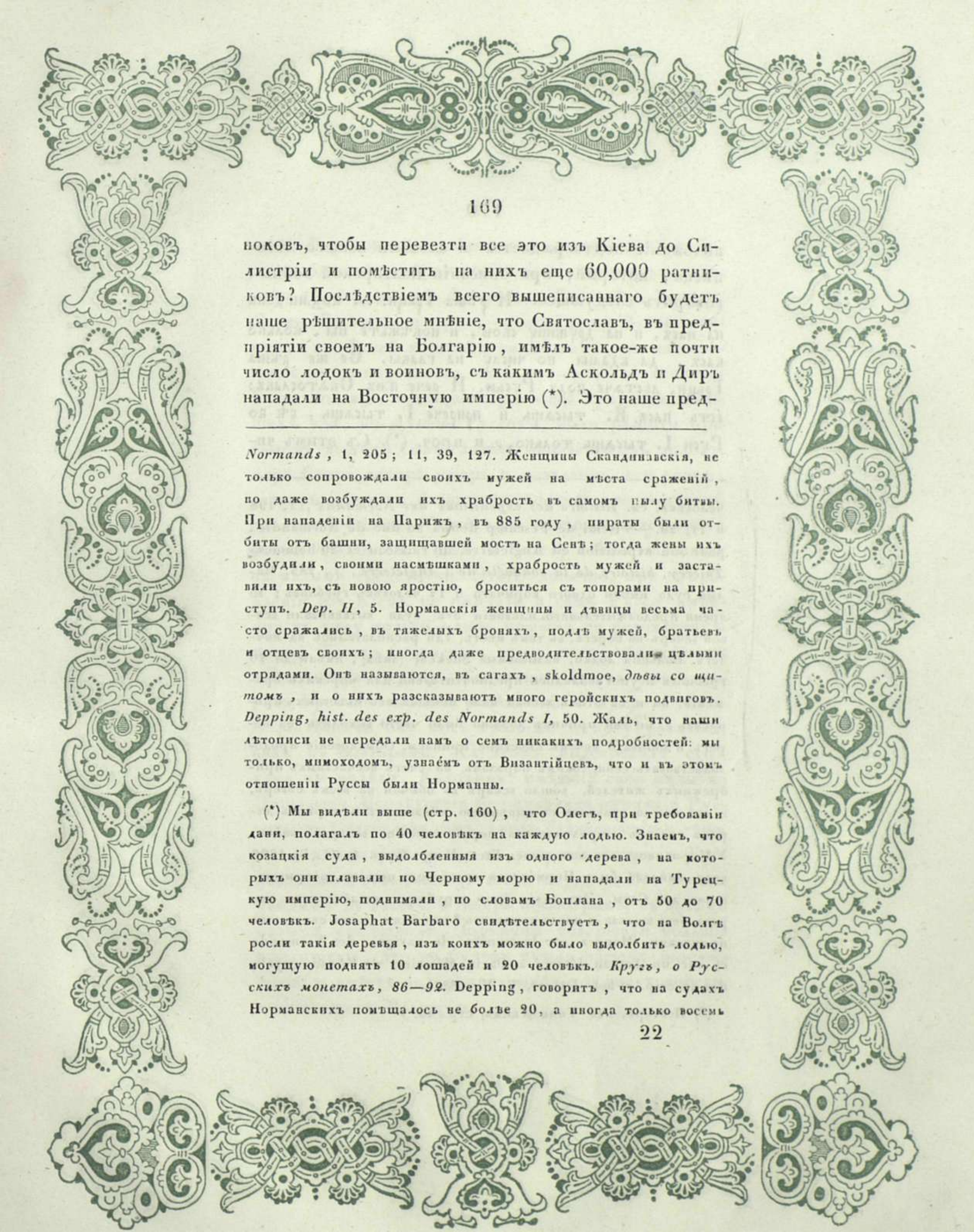
ковъ (*), то и Святославу не нужно было болѣе этого числа лодокъ для похода на Дунай, который гораздо ближе къ Днѣпровскому Лиману, чѣмъ Царьградъ. И самое плаваніе изъ Днѣпра въ Дунай было несравненно легче, и могло гораздо скорѣе совершиться, чѣмъ походъ подъ Константинополь. Набѣгъ на Болгарію былъ первоначально ничто другое, какъ исполненіе принятаго Святославомъ на себя порученія паказать Болгаръ, то есть нечаянно напасть на нихъ, ограбить, разорить, выжечь и возвратиться домой, а для этого и въ наше время партизанамъ даютъ небольшіе отряды. Руссы, при нападеніи на Болгарію, слѣдовали, вѣроятно, правилу Норманнъ при обыкновенныхъ ихъ набѣгахъ на чужія государства: «если удастся, то ограбить, опустошить и возвратиться домой; при неудачѣ также вернуться во свояси.» Слѣдовательно мы, ни въ какомъ случаѣ, не можемъ согласиться на 60,000 воиновъ, будтобы отправившихся съ Святославомъ изъ Кіева. Эти слова Льва Діакона мы должны принять въ томъ смыслѣ, какъ разумѣемъ всѣ подобныя показанія Византійцевъ о числѣ ихъ непріятелей. Руссы отправились Днѣпромъ, Чернымъ моремъ и Дунаемъ: тутъ имъ не льзя было грабить и имѣть продовольствіе на счетъ земли. Оба берега Днѣпра, начиная отъ Витичева (50 верстъ ниже Кіева) были заняты кочевьями Печенѣговъ, равно также и берега Чернаго моря отъ Лимана почти до самаго Дуная:

(*) См. выше примѣчаніе 16.

здѣсь Руссы, не только не могли доставать себѣ мечемъ жизненныхъ припасовъ, но ежедневно ожидали нападенія Печенѣговъ (*). Плывя Дунаемъ Святославъ также, вѣроятно, не могъ останавливаться для грабежа, потому что весь успѣхъ его набѣга зависѣлъ совершенно отъ скораго и болѣе всего нечаяннаго нападенія и разбитія Болгаръ. Какое-же огромное количество продовольствія Руссы должны были взять съ собою изъ Кіева, чтобы прокормить 60,000 воиновъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, не полагая даже въ это исчисленіе тѣхъ, которые, кромѣ носившихъ оружіе, должны были оставаться при лодьяхъ и запасахъ? Сверхъ того: оружіе, одежда, мачты, паруса, какіе нибудь, хотя самыя простыя орудія для взятія городовъ, все это также надобно было помѣстить на тѣхъ-же однодеревкахъ. Мы знаемъ, что съ Руссами были и женщины (стр. 97), можетъ быть, и дѣти (**). Сколько нужно было чел-

(*) См. описаніе плаванія Руссовъ, изъ Кіева въ Царьградъ, у Константина Багрянороднаго.

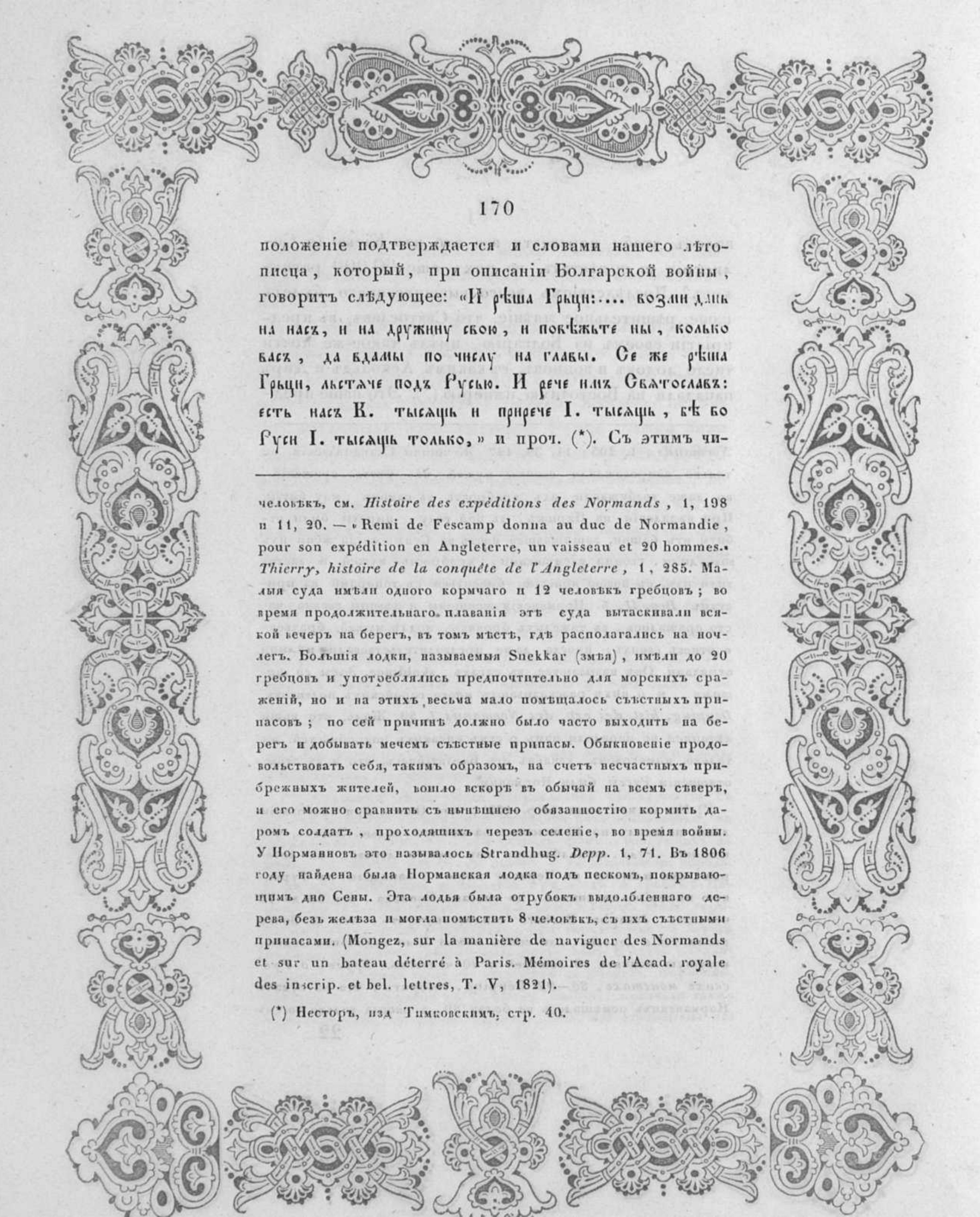
(**) Норманны очень часто отправлялись изъ отечества съ женами и дѣтьми своими: они оставляли ихъ, обыкновенно, на укрѣпленныхъ островахъ, при устьяхъ рѣкъ, впадавшихъ въ море; но иногда брали съ собою и въ завоеванные города. Норманскія женщины находились при осадѣ и грабежѣ Парижа въ 885—886 годахъ. Когда король Алфредъ взялъ укрѣпленіе, построенное Норманнами, при высадкѣ ихъ на берега Англіи, то въ немъ найдено было много женъ и дѣтей Скандинавскихъ, которыхъ тогда-же отправили въ Лондонъ. Норманны, прибывшіе во Францію съ Рольфомъ (Rollon), привезли также и женъ своихъ съ собою. *Depping, Hist. des expéditions des*



новъ, чтобы перевезти все это изъ Кіева до Силистріи и помѣстить на нихъ еще 60,000 ратниковъ? Послѣдствіемъ всего вышеписаннаго будетъ наше рѣшительное мнѣніе, что Святославъ, въ предпріятіи своемъ на Болгарію, имѣлъ такое-же почти число лодокъ и воиновъ, съ какимъ Аскольдъ и Диръ нападали на Восточную имперію (*). Это наше пред-

Normands, 1, 205; 11, 39, 127. Женщины Скандинавскія, не только сопровождали своихъ мужей на мѣста сраженій, но даже возбуждали ихъ храбрость въ самомъ пылу битвы. При нападеніи на Парижъ, въ 885 году, пираты были отбиты отъ башни, защищавшей мостъ на Сенѣ; тогда жены ихъ возбудили, своими насмѣшками, храбрость мужей и заставили ихъ, съ новою яростію, броситься съ топорами на приступъ. *Dep. II*, 5. Норманскія женщины и дѣвицы весьма часто сражались, въ тяжелыхъ броняхъ, подлѣ мужей, братьевъ и отцевъ своихъ; иногда даже предводительствовали цѣлыми отрядами. Онѣ называются, въ сагахъ, skoldmoe, *дѣвы со щитомъ*, и о нихъ разсказываютъ много геройскихъ подвиговъ. *Depping, hist. des exp. des Normands I*, 50. Жаль, что наши лѣтописи не передали намъ о семъ никакихъ подробностей: мы только, мимоходомъ, узнаёмъ отъ Византійцевъ, что и въ этомъ отношеніи Руссы были Норманны.

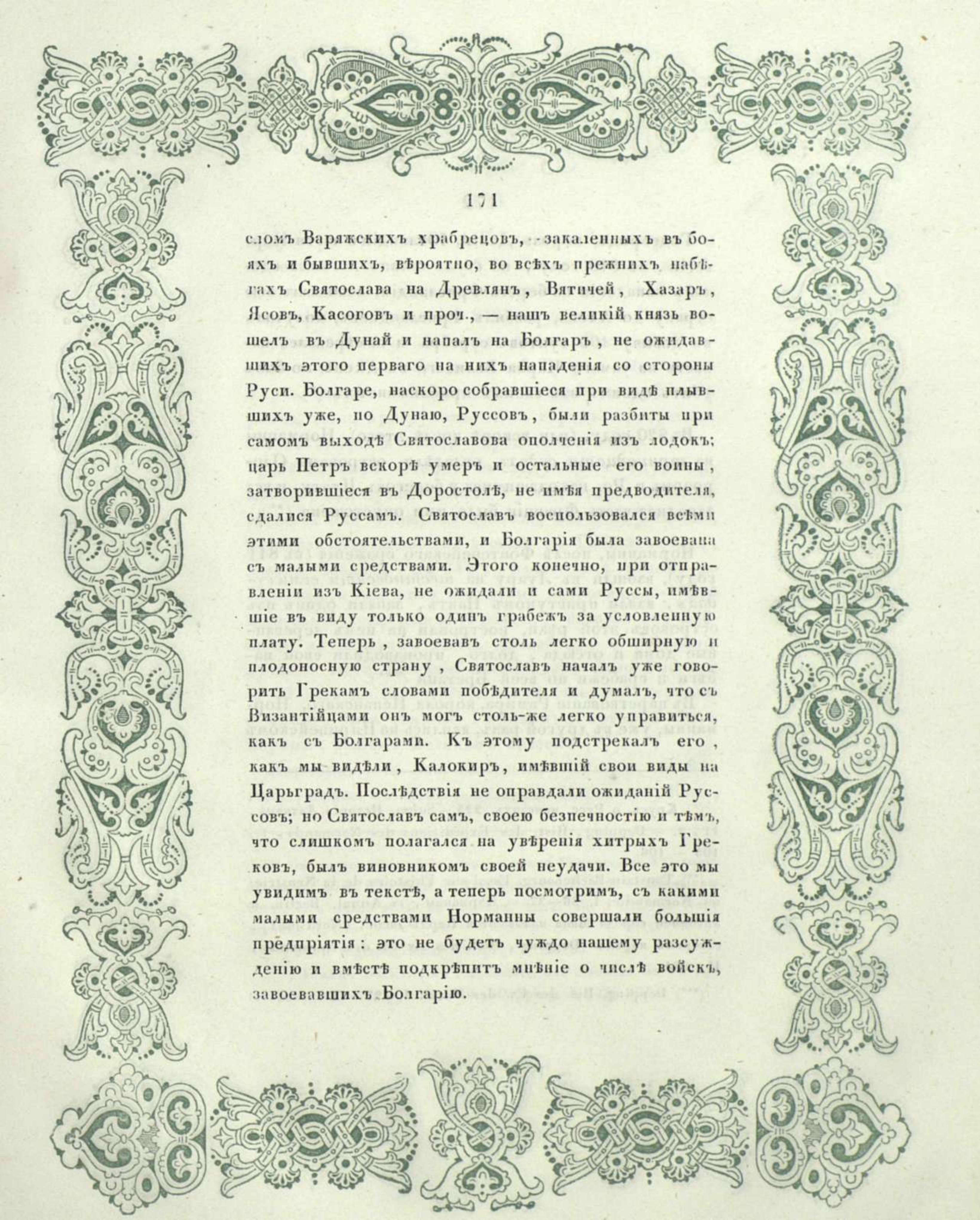
(*) Мы видѣли выше (стр. 160), что Олегъ, при требованіи дани, полагалъ по 40 человѣкъ на каждую лодью. Знаемъ, что козацкія суда, выдолбленныя изъ одного дерева, на которыхъ они плавали по Черному морю и нападали на Турецкую имперію, поднимали, по словамъ Боплана, отъ 50 до 70 человѣкъ. Josaphat Barbaro свидѣтельствуетъ, что на Волгѣ росли такія деревья, изъ коихъ можно было выдолбить лодью, могущую поднять 10 лошадей и 20 человѣкъ. *Кругъ, о Русскихъ монетахъ, 86—92.* Depping, говоритъ, что на судахъ Норманскихъ помѣщалось не болѣе 20, а иногда только восемь



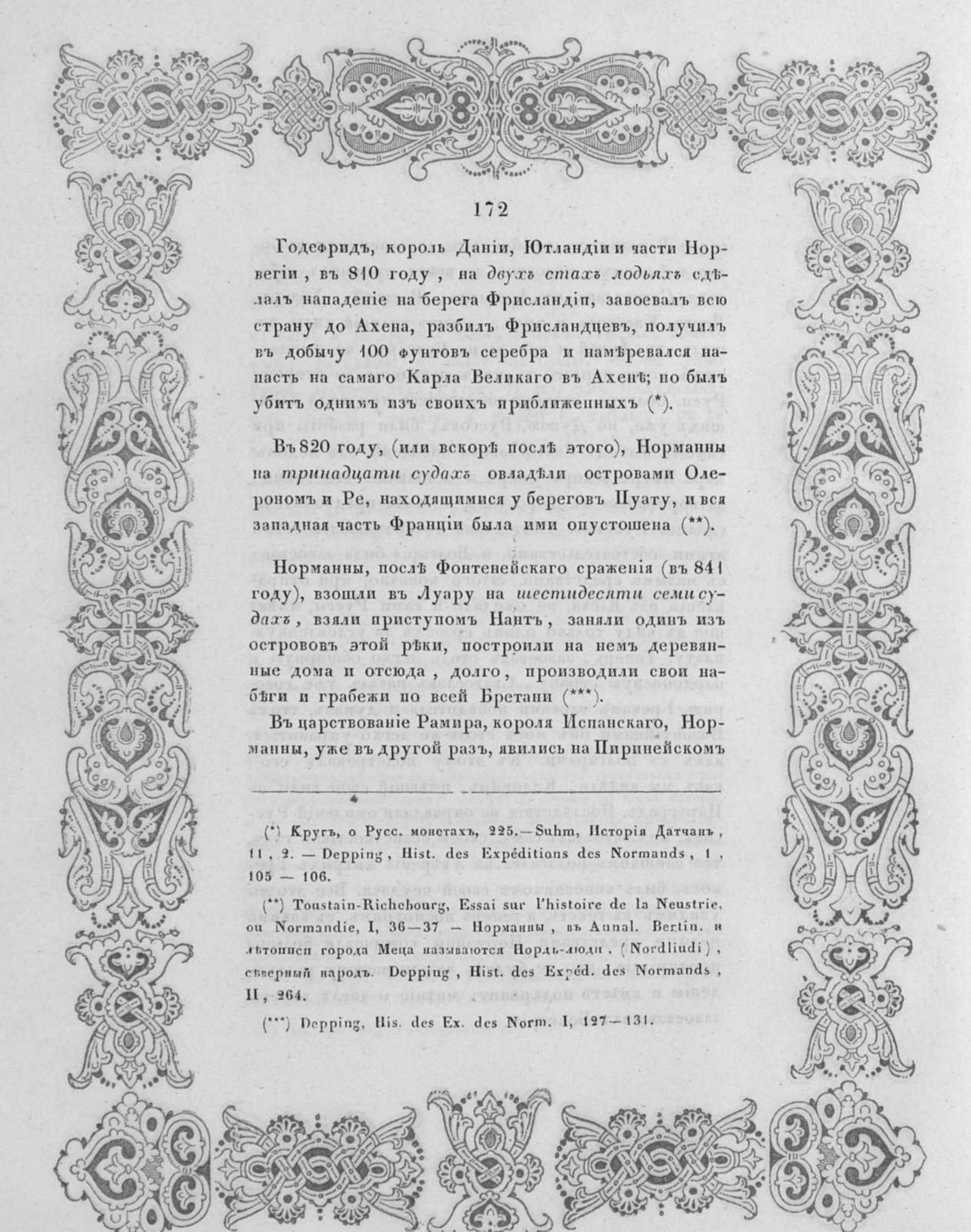
положеніе подтверждается и словами нашего лѣтописца, который, при описаніи Болгарской войны, говоритъ слѣдующее: «И рѣша Грьци:.... возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы. Се же рѣша Грьци, льстяче подъ Русью. И рече имъ Свѧтославъ: есть насъ К. тысѧщь и прирече I. тысѧщь, бѣ бо Руси I. тысѧщь только,» и проч. (*). Съ этимъ чи-

человѣкъ, см. *Histoire des expéditions des Normands*, 1, 198 и 11, 20. — «Remi de Fescamp donna au duc de Normandie, pour son expédition en Angleterre, un vaisseau et 20 hommes.» *Thierry, histoire de la conquête de l'Angleterre*, 1, 285. Малыя суда имѣли одного кормчаго и 12 человѣкъ гребцовъ; во время продолжительнаго плаванія эти суда вытаскивали всякой вечеръ на берегъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ располагались на ночлегъ. Большія лодки, называемыя Snekkar (змѣя), имѣли до 20 гребцовъ и употреблялись предпочтительно для морскихъ сраженій, но и на этихъ весьма мало помѣщалось съѣстныхъ припасовъ; по сей причинѣ должно было часто выходить на берегъ и добывать мечемъ съѣстные припасы. Обыкновеніе продовольствовать себя, такимъ образомъ, на счетъ несчастныхъ прибрежныхъ жителей, вошло вскорѣ въ обычай на всемъ сѣверѣ, и его можно сравнить съ нынѣшнею обязанностію кормить даромъ солдатъ, проходящихъ черезъ селеніе, во время войны. У Норманновъ это называлось Strandhug. *Depp.* 1, 71. Въ 1806 году найдена была Норманская лодка подъ пескомъ, покрывающимъ дно Сены. Эта лодья была отрубокъ выдолбленнаго дерева, безъ желѣза и могла помѣстить 8 человѣкъ, съ ихъ съѣстными припасами. (Mongez, sur la manière de naviguer des Normands et sur un bateau déterré à Paris. Mémoires de l'Acad. royale des inscrip. et bel. lettres, T. V, 1821).

(*) Несторъ, изд Тимковскимъ, стр. 40.



сломъ Варяжскихъ храбрецовъ, закаленныхъ въ бояхъ и бывшихъ, вѣроятно, во всѣхъ прежнихъ набѣгахъ Святослава на Древлянъ, Вятичей, Хазаръ, Ясовъ, Касоговъ и проч., — нашъ великій князь вошелъ въ Дунай и напалъ на Болгаръ, не ожидавшихъ этого перваго на нихъ нападенія со стороны Руси. Болгаре, наскоро собравшіеся при видѣ плывшихъ уже, по Дунаю, Руссовъ, были разбиты при самомъ выходѣ Святославова ополченія изъ лодокъ; царь Петръ вскорѣ умеръ и остальные его воины, затворившіеся въ Доростолѣ, не имѣя предводителя, сдалися Руссамъ. Святославъ воспользовался всѣми этими обстоятельствами, и Болгарія была завоевана съ малыми средствами. Этого конечно, при отправленіи изъ Кіева, не ожидали и сами Руссы, имѣвшіе въ виду только одинъ грабежъ за условленную плату. Теперь, завоевавъ столь легко обширную и плодоносную страну, Святославъ началъ уже говорить Грекамъ словами побѣдителя и думалъ, что съ Византійцами онъ могъ столь-же легко управиться, какъ съ Болгарами. Къ этому подстрекалъ его, какъ мы видѣли, Калокиръ, имѣвшій свои виды на Царьградъ. Послѣдствія не оправдали ожиданій Руссовъ; но Святославъ самъ, своею безпечностію и тѣмъ, что слишкомъ полагался на увѣренія хитрыхъ Грековъ, былъ виновникомъ своей неудачи. Все это мы увидимъ въ текстѣ, а теперь посмотримъ, съ какими малыми средствами Норманны совершали большія предпріятія: это не будетъ чуждо нашему разсужденію и вмѣстѣ подкрѣпитъ мнѣніе о числѣ войскъ, завоевавшихъ Болгарію.



Годефридъ, король Даніи, Ютландіи и части Норвегіи, въ 810 году, на *двухъ стахъ лодьяхъ* сдѣлалъ нападеніе на берега Фрисландіи, завоевалъ всю страну до Ахена, разбилъ Фрисландцевъ, получилъ въ добычу 100 фунтовъ серебра и намѣревался напасть на самаго Карла Великаго въ Ахенѣ; но былъ убитъ однимъ изъ своихъ приближенныхъ (*).

Въ 820 году, (или вскорѣ послѣ этого), Норманны на *тринадцати судахъ* овладѣли островами Олерономъ и Ре, находящимися у береговъ Пуату, и вся западная часть Франціи была ими опустошена (**).

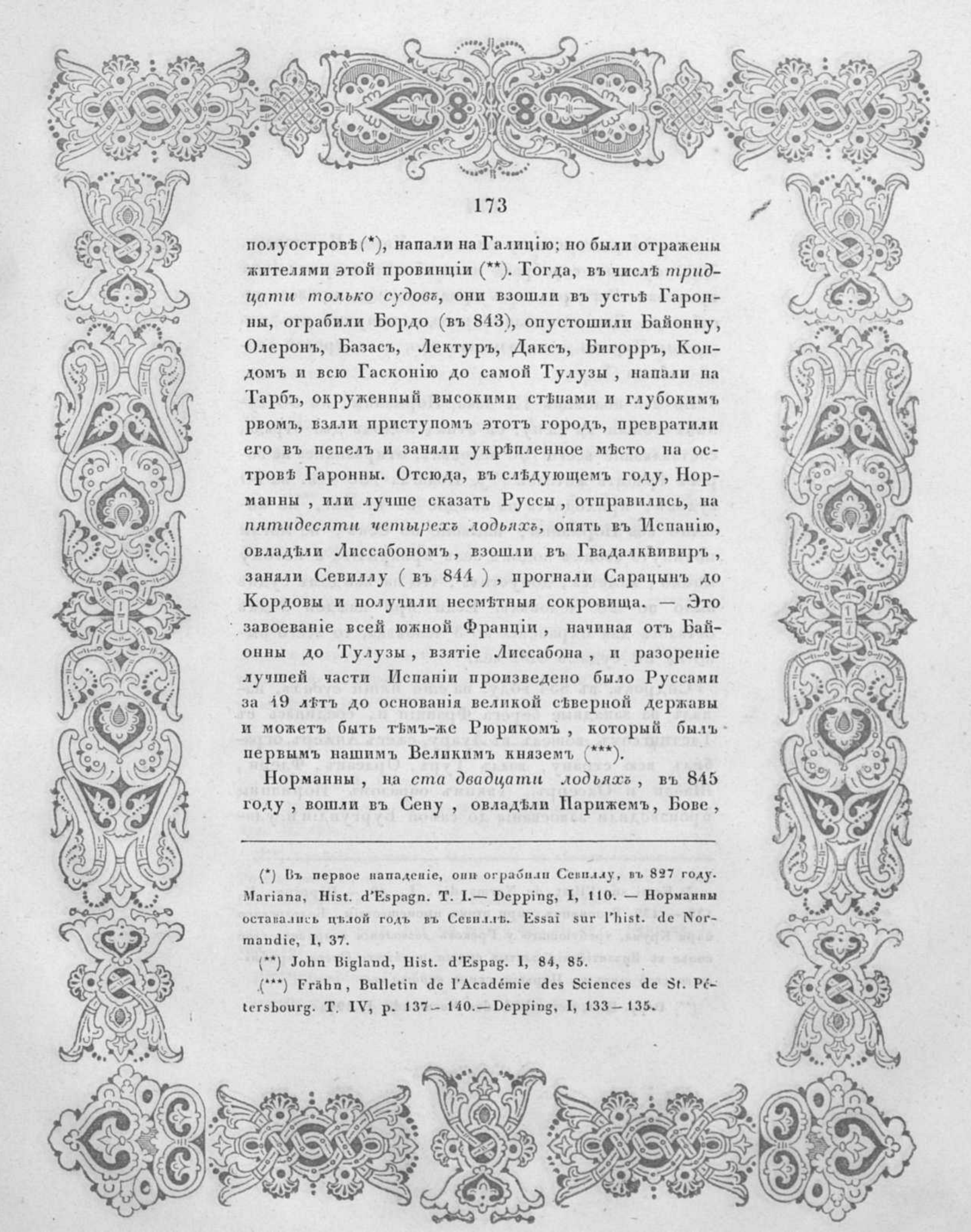
Норманны, послѣ Фонтенейскаго сраженія (въ 841 году), взошли въ Луару на *шестидесяти семи судахъ*, взяли приступомъ Нантъ, заняли одинъ изъ острововъ этой рѣки, построили на немъ деревянные дома и отсюда, долго, производили свои набѣги и грабежи по всей Бретани (***).

Въ царствованіе Рамира, короля Испанскаго, Норманны, уже въ другой разъ, явились на Пиринейскомъ

(*) Кругъ, о Русс. монетахъ, 225.—Suhm, Исторія Датчанъ, II, 2. — Depping, Hist. des Expéditions des Normands, I, 105 — 106.

(**) Toustain-Richebourg, Essai sur l'histoire de la Neustrie, ou Normandie, I, 36—37 — Норманны, въ Annal. Bertin. и лѣтописи города Меца называются Нордъ-люди, (Nordliudi), сѣверный народъ. Depping, Hist. des Expéd. des Normands, II, 264.

(***) Depping, His. des Ex. des Norm. I, 127—131.



полуостровѣ (*), напали на Галицію; но были отражены жителями этой провинціи (**). Тогда, въ числѣ *тридцати только судовъ*, они взошли въ устьѣ Гаронны, ограбили Бордо (въ 843), опустошили Байонну, Олеронъ, Базасъ, Лектуръ, Даксъ, Бигорръ, Кондомъ и всю Гасконію до самой Тулузы, напали на Тарбъ, окруженный высокими стѣнами и глубокимъ рвомъ, взяли приступомъ этотъ городъ, превратили его въ пепелъ и заняли укрѣпленное мѣсто на островѣ Гаронны. Отсюда, въ слѣдующемъ году, Норманны, или лучше сказать Руссы, отправились, на *пятидесяти четырехъ лодьяхъ*, опять въ Испанію, овладѣли Лиссабономъ, взошли въ Гвадалквивиръ, заняли Севиллу (въ 844), прогнали Сарацынъ до Кордовы и получили несмѣтныя сокровища. — Это завоеваніе всей южной Франціи, начиная отъ Байонны до Тулузы, взятіе Лиссабона, и разореніе лучшей части Испаніи произведено было Руссами за 19 лѣтъ до основанія великой сѣверной державы и можетъ быть тѣмъ-же Рюрикомъ, который былъ первымъ нашимъ Великимъ княземъ (***).

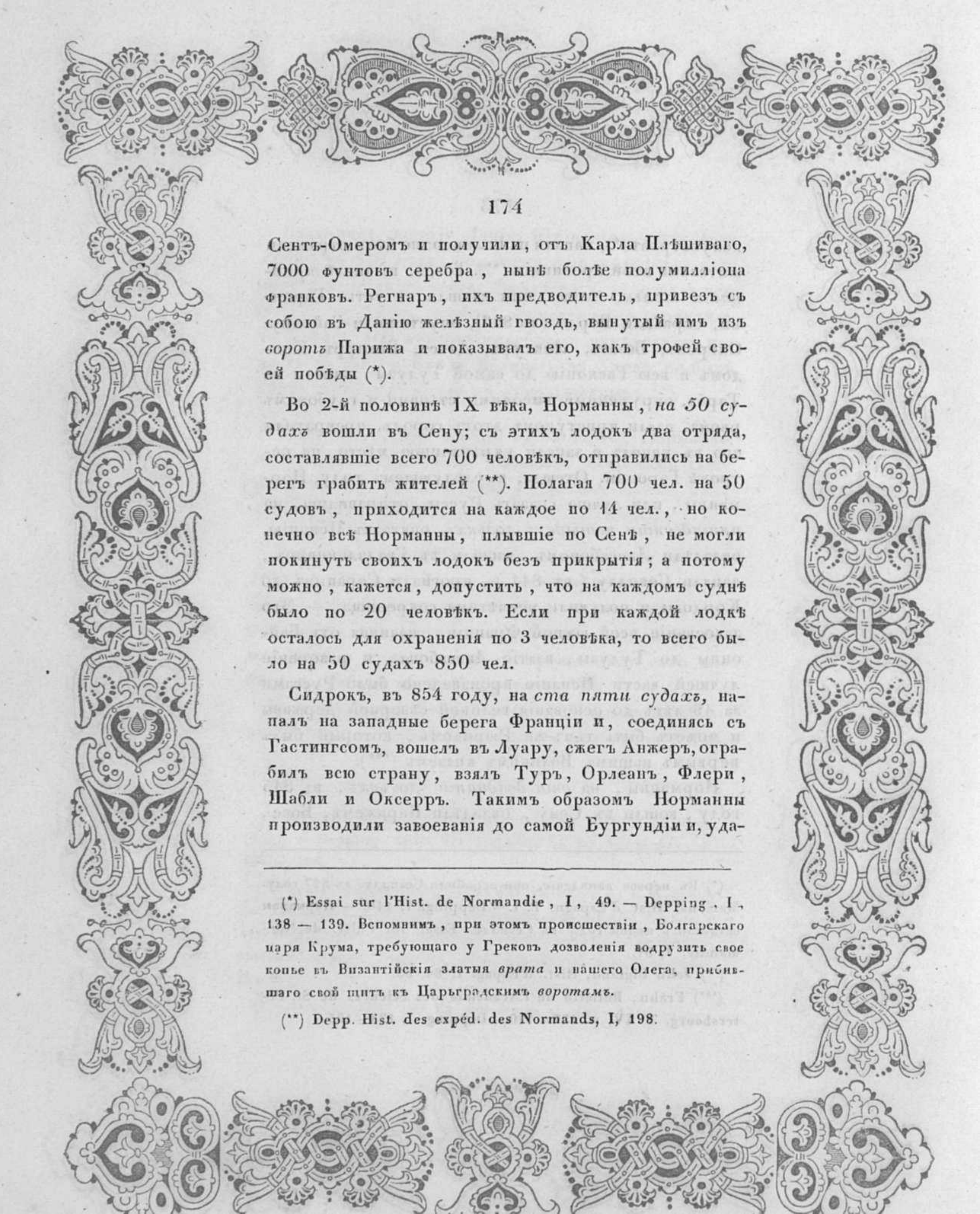
Норманны, на *ста двадцати лодьяхъ*, въ 845 году, вошли въ Сену, овладѣли Парижемъ, Бове,

---

(*) Въ первое нападеніе, они ограбили Севиллу, въ 827 году. Mariana, Hist. d'Espagn. T. I. — Depping, I, 110. — Норманны оставались цѣлой годъ въ Севиллѣ. Essai sur l'hist. de Normandie, I, 37.

(**) John Bigland, Hist. d'Espag. I, 84, 85.

(***) Frähn, Bulletin de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg. T. IV, p. 137—140. — Depping, I, 133—135.



Сентъ-Омеромъ и получили, отъ Карла Плѣшиваго, 7000 фунтовъ серебра, нынѣ болѣе полумилліона франковъ. Регнаръ, ихъ предводитель, привезъ съ собою въ Данію желѣзный гвоздь, вынутый имъ изъ *воротъ* Парижа и показывалъ его, какъ трофей своей побѣды (*).

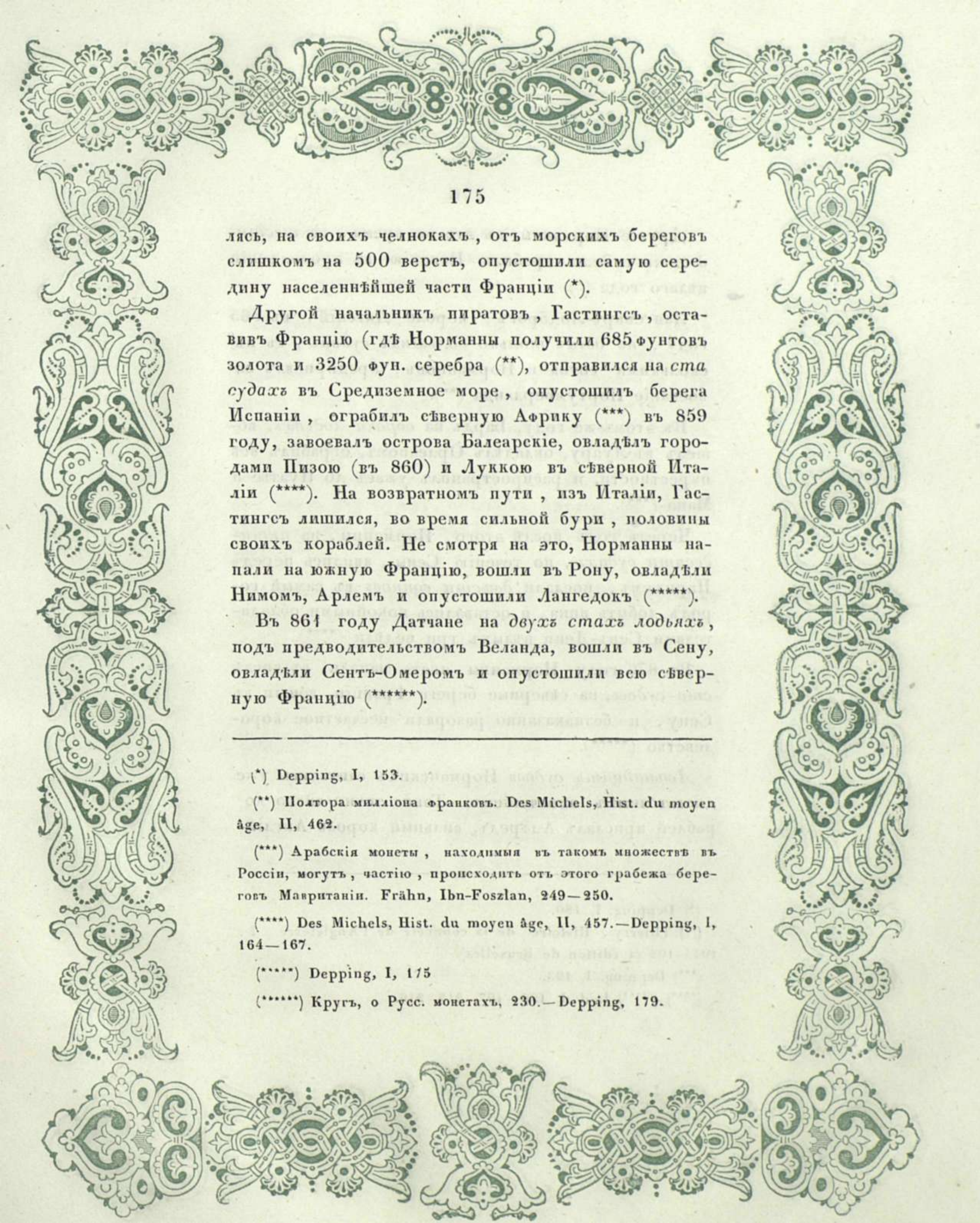
Во 2-й половинѣ IX вѣка, Норманны, *на 50 судахъ* вошли въ Сену; съ этихъ лодокъ два отряда, составлявшіе всего 700 человѣкъ, отправились на берегъ грабить жителей (**). Полагая 700 чел. на 50 судовъ, приходится на каждое по 14 чел., но конечно всѣ Норманны, плывшіе по Сенѣ, не могли покинуть своихъ лодокъ безъ прикрытія; а потому можно, кажется, допустить, что на каждомъ суднѣ было по 20 человѣкъ. Если при каждой лодкѣ осталось для охраненія по 3 человѣка, то всего было на 50 судахъ 850 чел.

Сидрокъ, въ 854 году, на *ста пяти судахъ,* напалъ на западные берега Франціи и, соединясь съ Гастингсомъ, вошелъ въ Луару, сжегъ Анжеръ, ограбилъ всю страну, взялъ Туръ, Орлеанъ, Флери, Шабли и Оксерръ. Такимъ образомъ Норманны производили завоеванія до самой Бургундіи и, уда-

---

(*) Essai sur l'Hist. de Normandie, I, 49. — Depping, I, 138 — 139. Вспомнимъ, при этомъ происшествіи, Болгарскаго царя Крума, требующаго у Грековъ дозволенія водрузить свое копье въ Византійскія златыя *врата* и нашего Олега, прибившаго свой щитъ къ Царьградскимъ *воротамъ*.

(**) Depp. Hist. des expéd. des Normands, I, 198.



лясь, на своихъ челнокахъ, отъ морскихъ береговъ слишкомъ на 500 верстъ, опустошили самую середину населеннѣйшей части Франціи (*).

Другой начальникъ пиратовъ, Гастингсъ, оставивъ Францію (гдѣ Норманны получили 685 фунтовъ золота и 3250 фун. серебра (**), отправился на *ста судахъ* въ Средиземное море, опустошилъ берега Испаніи, ограбилъ сѣверную Африку (***) въ 859 году, завоевалъ острова Балеарскіе, овладѣлъ городами Пизою (въ 860) и Луккою въ сѣверной Италіи (****). На возвратномъ пути, изъ Италіи, Гастингсъ лишился, во время сильной бури, половины своихъ кораблей. Не смотря на это, Норманны напали на южную Францію, вошли въ Рону, овладѣли Нимомъ, Арлемъ и опустошили Лангедокъ (*****).

Въ 861 году Датчане на *двухъ стахъ лодьяхъ*, подъ предводительствомъ Веланда, вошли въ Сену, овладѣли Сентъ-Омеромъ и опустошили всю сѣверную Францію (******).

(*) Depping, I, 153.

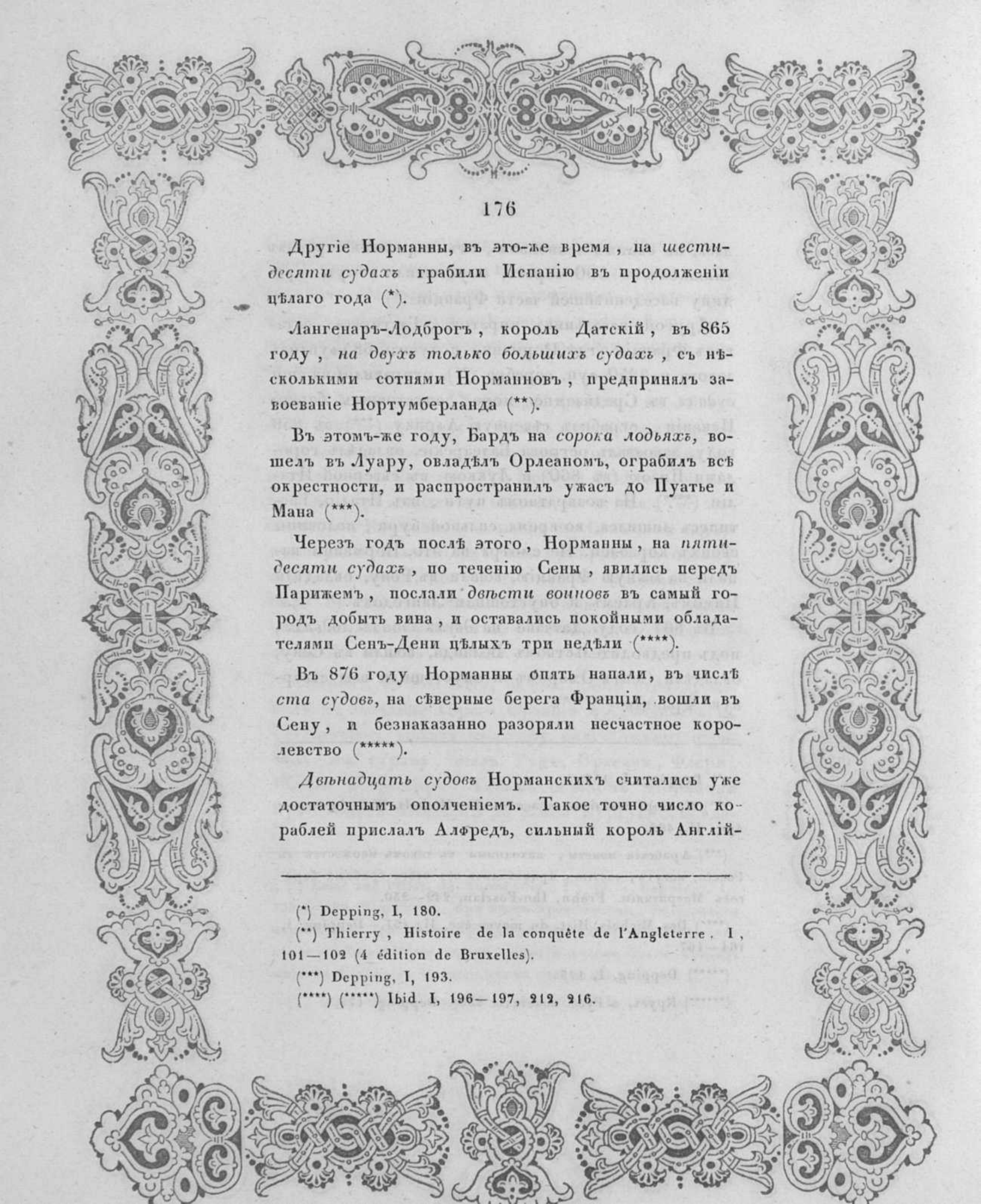
(**) Полтора милліона франковъ. Des Michels, Hist. du moyen âge, II, 462.

(***) Арабскія монеты, находимыя въ такомъ множествѣ въ Россіи, могутъ, частію, происходить отъ этого грабежа береговъ Мавританіи. Frähn, Ibn-Foszlan, 249—250.

(****) Des Michels, Hist. du moyen âge, II, 457.—Depping, I, 164—167.

(*****) Depping, I, 175

(******) Кругъ, о Русс. монетахъ, 230.—Depping, 179.



Другіе Норманны, въ это-же время, на *шестидесяти судахъ* грабили Испанію въ продолженіи цѣлаго года (*).

Лангенаръ-Лодброгъ, король Датскій, въ 865 году, *на двухъ только большихъ судахъ*, съ нѣсколькими сотнями Норманновъ, предпринялъ завоеваніе Нортумберланда (**).

Въ этомъ-же году, Бардъ на *сорока лодьяхъ*, вошелъ въ Луару, овладѣлъ Орлеаномъ, ограбилъ всѣ окрестности, и распространилъ ужасъ до Пуатье и Мана (***).

Черезъ годъ послѣ этого, Норманны, на *пятидесяти судахъ*, по теченію Сены, явились передъ Парижемъ, послали *двѣсти воиновъ* въ самый городъ добыть вина, и оставались покойными обладателями Сенъ-Дени цѣлыхъ три недѣли (****).

Въ 876 году Норманны опять напали, въ числѣ *ста судовъ*, на сѣверные берега Франціи, вошли въ Сену, и безнаказанно разоряли несчастное королевство (*****).

Двѣнадцать судовъ Норманскихъ считались уже достаточнымъ ополченіемъ. Такое точно число кораблей прислалъ Алфредъ, сильный король Англій-

(*) Depping, I, 180.

(**) Thierry, Histoire de la conquête de l'Angleterre. I, 101—102 (4 édition de Bruxelles).

(***) Depping, I, 193.

(****) (*****) Ibid. I, 196—197, 212, 216.

скій, союзнику своему знаменитому Рольфу, будущему герцогу Норманнскому, въ силу заключеннаго съ нимъ договора (*).

Норманны, въ 988 году, на *семи судахъ*, сдѣлали высадку на берега Кента, и овладѣли островомъ Тенетомъ. Въ это-же время, другіе Норманны, на *трехъ* только судахъ, ограбили окрестности Сутгамптона, завоевали многія мѣста восточной Англіи, и распространили ужасъ до самаго Лондона. Король Этельридъ предложилъ имъ 10,000 ливровъ: они взяли эту сумму, оставили Англію, но вскорѣ возвратились и продолжали свои нападенія (991 — 993) (**).

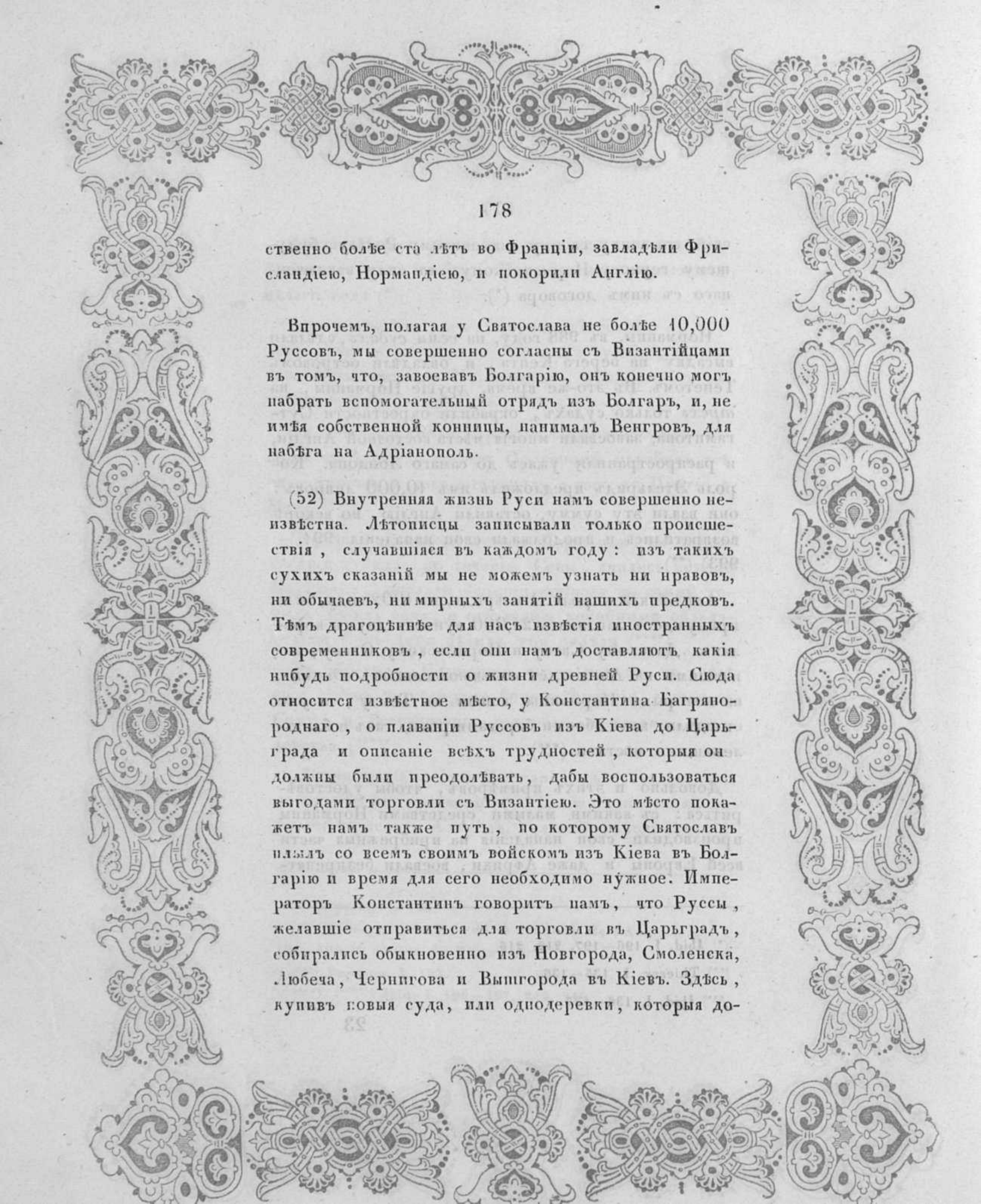
Англійскій король Этельридъ, въ 1002 году, былъ принужденъ заплатить 24,000 фунтовъ двумъ королямъ: Датскому Свену и Норвежскому Олаву, напавшимъ на Англію, съ *восьмьюдесятью лодьями*, на которыхъ Норманны вошли въ Темзу, и уже овладѣли, какъ обоими берегами рѣки, такъ и близълежащими мѣстами (***).

Довольно и этихъ примѣровъ, чтобы удостовѣриться: съ какими малыми средствами Норманны производили свои нападенія на прибрежныя части всей Европы и даже Африки, воевали безпрепят-

(*) Ibid. I, 196—197, 212, 216.

(**) Thierry, I, 135—136.

(***) Ibid. I, 136—137.



ственно болѣе ста лѣтъ во Франціи, завладѣли Фрисландіею, Нормандіею, и покорили Англію.

Впрочемъ, полагая у Святослава не болѣе 10,000 Руссовъ, мы совершенно согласны съ Византійцами въ томъ, что, завоевавъ Болгарію, онъ конечно могъ набрать вспомогательный отрядъ изъ Болгаръ, и, не имѣя собственной конницы, нанималъ Венгровъ, для набѣга на Адріанополь.

(52) Внутренняя жизнь Руси намъ совершенно неизвѣстна. Лѣтописцы записывали только происшествія, случавшіяся въ каждомъ году: изъ такихъ сухихъ сказаній мы не можемъ узнать ни нравовъ, ни обычаевъ, ни мирныхъ занятій нашихъ предковъ. Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ извѣстія иностранныхъ современниковъ, если они намъ доставляютъ какія нибудь подробности о жизни древней Руси. Сюда относится извѣстное мѣсто, у Константина Багрянороднаго, о плаваніи Руссовъ изъ Кіева до Царьграда и описаніе всѣхъ трудностей, которыя они должны были преодолѣвать, дабы воспользоваться выгодами торговли съ Византіею. Это мѣсто покажетъ намъ также путь, по которому Святославъ плылъ со всемъ своимъ войскомъ изъ Кіева въ Болгарію и время для сего необходимо нужное. Императоръ Константинъ говоритъ намъ, что Руссы, желавшіе отправиться для торговли въ Царьградъ, собирались обыкновенно изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода въ Кіевъ. Здѣсь, купивъ новыя суда, или однодеревки, которыя до-

ставлялись въ Кіевъ Кривичами и другими народами, обитавшими на сѣверъ отъ этого города, Руссы спускались внизъ по Днѣпру до Витичева (50 верстъ отъ Кіева). Тутъ оставались они до трехъ дней, пока всѣ суда собирались къ этому мѣсту. Потомъ продолжали путь къ Днѣпровскимъ порогамъ. У перваго порога Руссы выходили изъ судовъ, потому что онъ былъ чрезмѣрно узокъ и весьма опасенъ, по причинѣ стремленія воды, которая, ударяясь объ камни, низвергалась съ ужастнымъ шумомъ. Въ этомъ мѣстѣ, назначенные люди, шли по рѣкѣ въ бродъ и ощупывали босыми ногами тѣ части дна рѣчнаго, на которыхъ находилось менѣе камней. Нашедши такой болѣе удобный проходъ, они извѣщали другихъ Руссовъ, которые должны были, по назначенному имъ пути, проводить суда, упираясь длинными шестами спереди, въ срединѣ и сзади: такимъ образомъ почти перетаскивали, съ величайшимъ трудомъ, свои лодки черезъ русло этого перваго порога. Потомъ всѣ садились въ свои однодеревки и плыли къ второму порогу, который былъ столь-же опасенъ и затруднителенъ для прохода, какъ первый: здѣсь они опять высаживали людей и поступали съ судами, какъ прежде. Такимъже точно образомъ Руссы переходили третій порогъ. У четвертаго часть Руссовъ вооружалась и находилась на стражѣ, во все время перехода черезъ этотъ порогъ, ибо тутъ Печенѣги обыкновенно нападали на проѣзжавшихъ и грабили ихъ. Другая часть Руссовъ выгружала товары, несла ихъ на себѣ, на разстояніи 6000 шаговъ, и вела скованныхъ

невольниковъ (*). Остальные Руссы тащили, черезъ волокъ, свои суда, или несли на плечахъ до того мѣста, гдѣ уже можно было, безъ опасности, спустить ихъ на воду. Тутъ они снова нагружали свои лодки, садились въ нихъ и плыли къ пятому порогу, у котораго опять принуждены были проводить суда такъ точно, какъ они это дѣлали при переѣздѣ черезъ первый порогъ. Проѣхавъ это опасное мѣсто, они потомъ должны были переѣзжать черезъ два остальные порога, изъ которыхъ, у шестаго, Руссы принуждены были также поступать, какъ у пятаго, и наконецъ доплывали до Крарійскаго перевоза. Въ этомъ мѣстѣ обыкновенно переѣзжали Корсуняне, ѣздившіе къ Руссамъ, и Печенѣги, отправлявшіеся въ Корсунь (**). Здѣсь также Руссы должны были приготовляться къ бою, потому что и тутъ нападали на нихъ Печенѣги. Потомъ всѣ челноки приставили къ острову Св. Георгія (***) и оставались нѣкоторое время для приношенія жертвъ, бросанія жеребья, разныхъ гаданій и проч. Прошедъ этотъ островъ, Руссы уже не опасались нападеній

(*) Невольники, вѣроятно, употреблялись для гребли на судахъ, какъ у Римлянъ, и потомъ продавались въ Царьградѣ. Вспомнимъ слова Святослава, сказанныя своей матери: «из Руси же скоря и воскъ, медъ, и челядь,» *Несторъ, изд. Тимков. стр. 38.*

(**) Мѣсто за мысомъ Кичкасомъ, имѣющимъ ширины 150 шаговъ. *Бопланъ*, (Лербергъ, о Днѣпровскихъ порогахъ).

(***) Островъ Хортица.

Печенѣговъ до самой рѣчьки Селины и въ четыре дня пути достигали до устья Днѣпровскаго, въ которомъ находился островъ Св. Айѳерія (*). Тутъ они отдыхали до трехъ дней, починяли свои суда, послѣ такого опаснаго плаванія, оснащали ихъ мачтами, парусами, рулями и все это привозили съ собою изъ Кіева. А какъ Днѣпръ, въ устьѣ своемъ, образуетъ озеро (**), простирающееся до самаго моря, гдѣ находится островъ Св. Айферія, то они, послѣ этого, подавались опять назадъ (***) къ Днѣпру и тутъ опять отдыхали. Отсюда, если имѣли попутный вѣтеръ, то отправлялись уже на парусахъ

(*) Айферій—Березань.

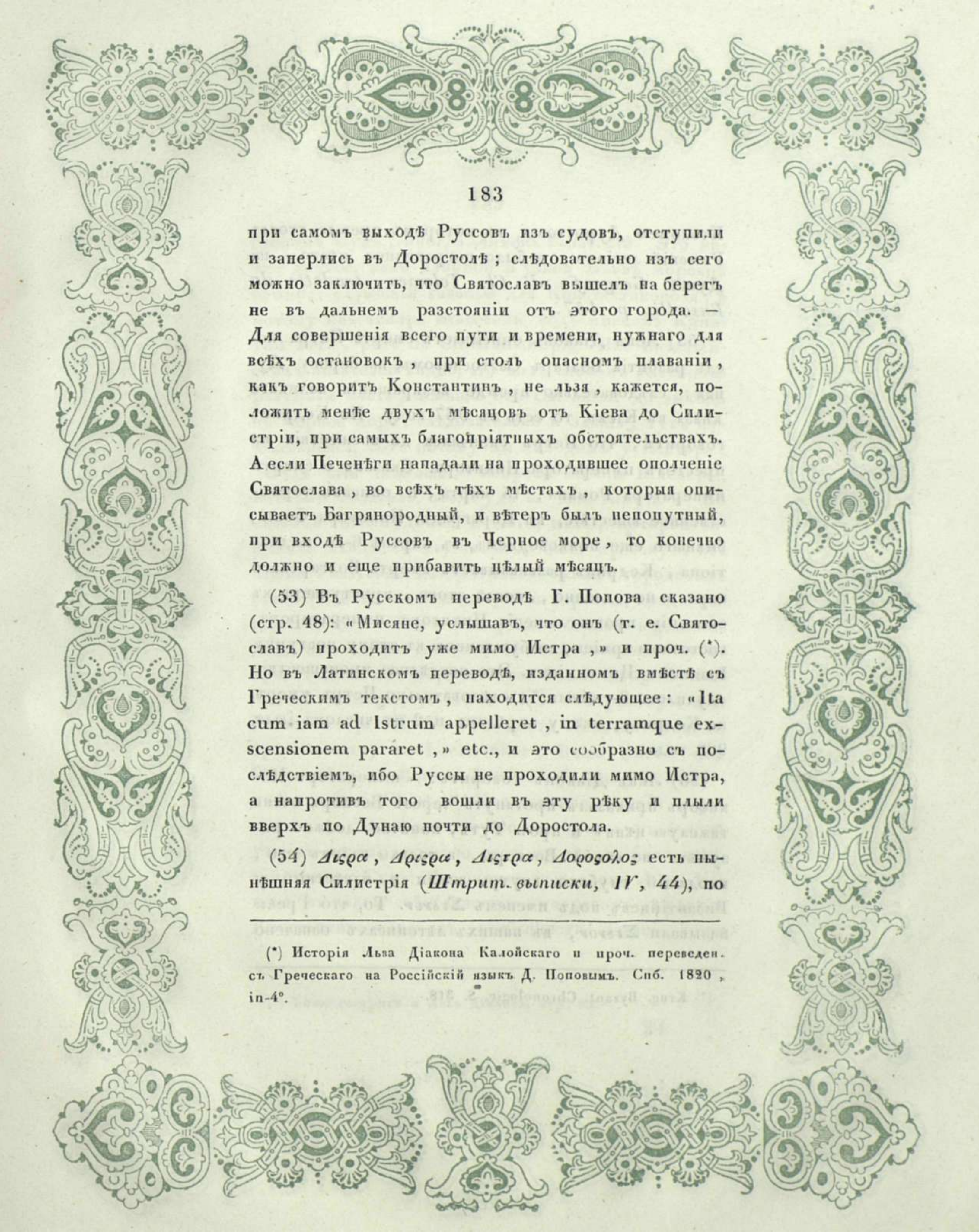
(**) Днѣпровскій Лиманъ: въ него также впадаетъ и Бугъ.

(***) «Можетъ быть, для того,» говоритъ Штриттеръ, «что Руссы не смѣли пускаться, въ своихъ судахъ, въ открытое море, но всегда ѣздили по берегамъ» Да, именно по этой причинѣ. Островъ Св Айферія (нынѣшній Березань) находится при самомъ входѣ въ Черное море и слѣдовательно, отправляясь прямо отъ него, на югъ, надобно было пуститься въ открытое море; обратившись-же нѣсколько назадъ, можно было объѣхать Лиманъ вдоль берега и такимъ образомъ войти въ Черное море, не отъѣзжая отъ земли. Но спросятъ, можетъ быть, для чего-же Руссамъ было доходить до острова и не удобнѣе-ли-бы прежде взять тоже самое направленіе, которому они слѣдовали, не доходя до Св. Айферія? Причина, заставлявшая ихъ доходить до острова, хотя и съ потерею нѣсколькихъ дней, состояла, конечно, въ томъ, чтобы имѣть безопасное мѣсто для оснастки и починки ихъ судовъ, а этого они никакъ не могли достигнуть, если-бы остановились на берегу Днѣпровскомъ, потому что тутъ Печенѣги непремѣнно напали-бы на нихъ.

до рѣки Бѣлой (*). Здѣсь пробывъ нѣсколько времени, продолжали свой путь къ рѣкѣ Селинѣ (**), которая есть ничто другое, какъ рукавъ Дуная. Въ этомъ мѣстѣ имъ опять предстояла великая опасность отъ Печенѣговъ; ибо, если вѣтеръ прибивалъ одну или нѣсколько, изъ лодокъ Русскихъ, къ берегу (что часто случалось), то всѣ Руссы должны были выходить изъ судовъ, чтобы вступить въ бой съ Печенѣгами и защитить своихъ товарищей. Избѣгнувъ этой послѣдней опасности, Руссы наконецъ спокойно доплывали до главнаго устья Дуная, и тогда отправлялись вдоль береговъ Болгаріи и Ѳракіи до самаго Царьграда. *Штрит. выписки, 111, 35—42. Лербергъ о Днѣпровскихъ порогахъ.* Вотъ путь, который долженъ былъ совершить Святославъ, со всемъ своимъ войскомъ, и тѣ трудности, которыя Руссы должны были преодолѣть при плаваніи ихъ отъ Кіева до устьевъ Дунайскихъ! Но и отсюда плаваніе ихъ должно было продолжиться, противъ теченія, до Доростола, или, по крайней мѣрѣ, до окрестностей этого города. Левъ Діаконъ, хотя и не указываетъ именно того мѣста, при которомъ Святославъ вышелъ на берегъ; но говоритъ, что Болгары, ожидавшіе его на Дунаѣ, бывъ разбиты

(*) *Ἄσπρον*: одна изъ рѣчекъ, впадающихъ въ Черное море, между Днѣпровскимъ Лиманомъ и устьями Дуная, а по мнѣнію Байера, между Днѣпромъ и Селиною.

(**) Одинъ изъ рукавовъ Дуная еще и теперь называется *Сулинскимъ гирломъ.*

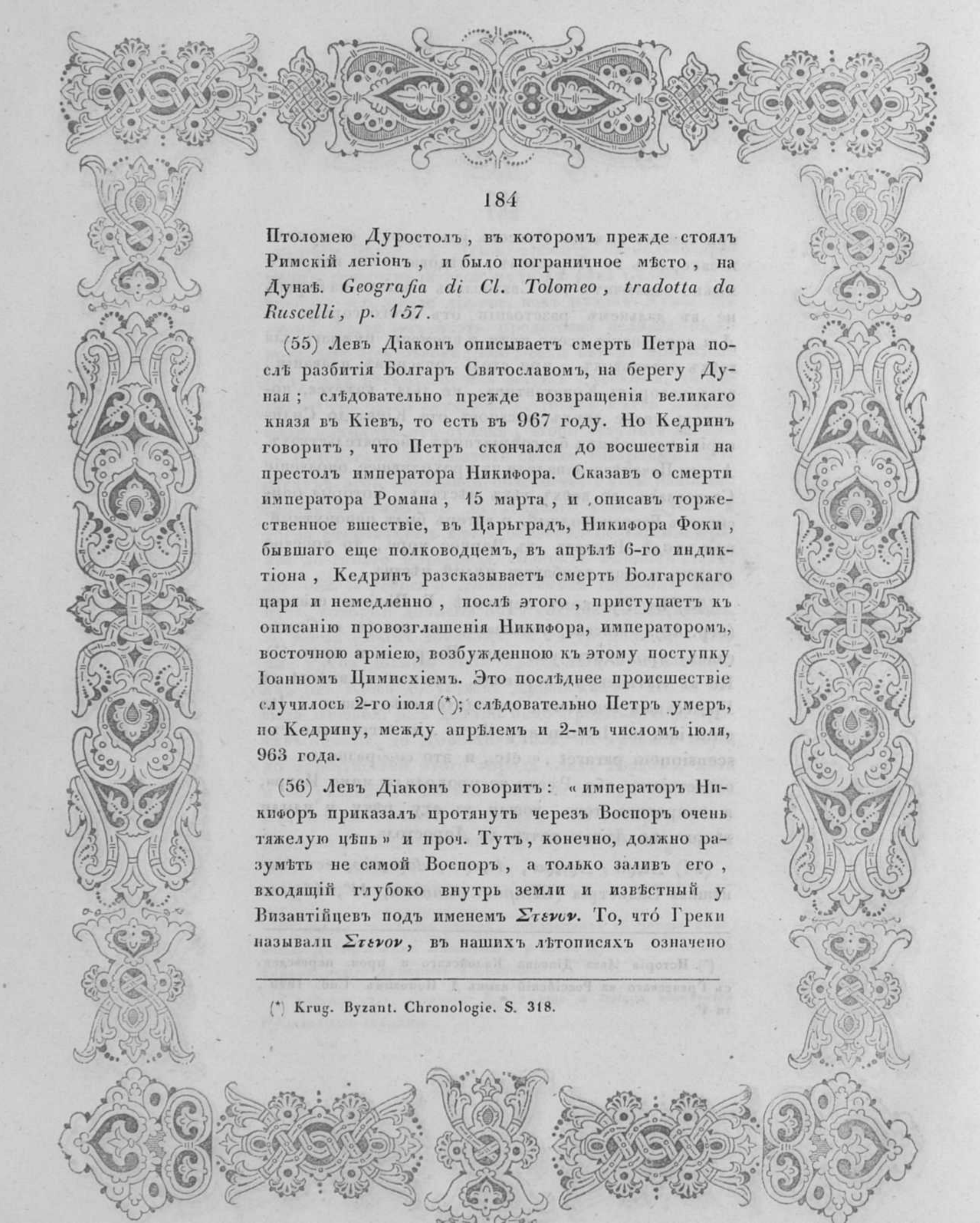


при самомъ выходѣ Руссовъ изъ судовъ, отступили и заперлись въ Доростолѣ; слѣдовательно изъ сего можно заключить, что Святославъ вышелъ на берегъ не въ дальнемъ разстояніи отъ этого города. — Для совершенія всего пути и времени, нужнаго для всѣхъ остановокъ, при столь опасномъ плаваніи, какъ говоритъ Константинъ, не льзя, кажется, положить менѣе двухъ мѣсяцовъ отъ Кіева до Силистріи, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. А если Печенѣги нападали на проходившее ополченіе Святослава, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя описываетъ Багрянородный, и вѣтеръ былъ непопутный, при входѣ Руссовъ въ Черное море, то конечно должно и еще прибавить цѣлый мѣсяцъ.

(53) Въ Русскомъ переводѣ Г. Попова сказано (стр. 48): «Мисяне, услышавъ, что онъ (т. е. Святославъ) проходитъ уже мимо Истра,» и проч. (*). Но въ Латинскомъ переводѣ, изданномъ вмѣстѣ съ Греческимъ текстомъ, находится слѣдующее: «Ita cum iam ad Istrum appelleret, in terramque exscensionem pararet,» etc., и это сообразно съ послѣдствіемъ, ибо Руссы не проходили мимо Истра, а напротивъ того вошли въ эту рѣку и плыли вверхъ по Дунаю почти до Доростола.

(54) *Διϛρα*, *Δριϛρα*, *Διϛτρα*, *Δοροϛολος* есть нынѣшняя Силистрія (*Штрит. выписки, IV, 44*), по

(*) Исторія Льва Діакона Калойскаго и проч. переведен. съ Греческаго на Россійскій языкъ Д. Поповымъ. Спб. 1820, in-4°.

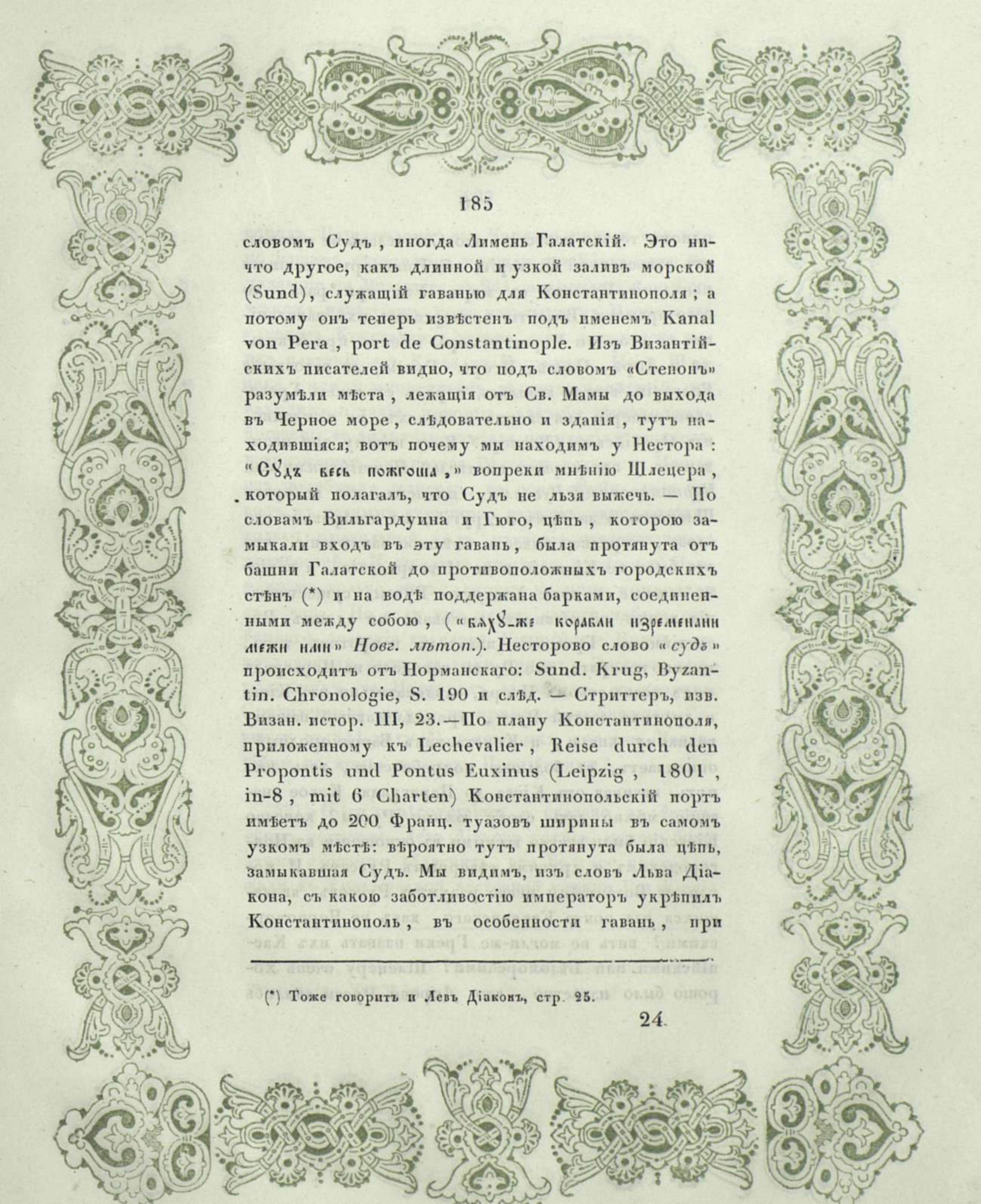


Птоломею Дуростолъ, въ которомъ прежде стоялъ Римскій легіонъ, и было пограничное мѣсто, на Дунаѣ. *Geografia di Cl. Tolomeo, tradotta da Ruscelli, p. 157.*

(55) Левъ Діаконъ описываетъ смерть Петра послѣ разбитія Болгаръ Святославомъ, на берегу Дуная; слѣдовательно прежде возвращенія великаго князя въ Кіевъ, то есть въ 967 году. Но Кедринъ говоритъ, что Петръ скончался до восшествія на престолъ императора Никифора. Сказавъ о смерти императора Романа, 15 марта, и описавъ торжественное вшествіе, въ Царьградъ, Никифора Фоки, бывшаго еще полководцемъ, въ апрѣлѣ 6-го индиктіона, Кедринъ разсказываетъ смерть Болгарскаго царя и немедленно, послѣ этого, приступаетъ къ описанію провозглашенія Никифора, императоромъ, восточною арміею, возбужденною къ этому поступку Іоанномъ Цимисхіемъ. Это послѣднее происшествіе случилось 2-го іюля (*); слѣдовательно Петръ умеръ, по Кедрину, между апрѣлемъ и 2-мъ числомъ іюля, 963 года.

(56) Левъ Діаконъ говоритъ: «императоръ Никифоръ приказалъ протянуть черезъ Воспоръ очень тяжелую цѣпь» и проч. Тутъ, конечно, должно разумѣть не самой Воспоръ, а только заливъ его, входящій глубоко внутрь земли и извѣстный у Византійцевъ подъ именемъ *Στενον*. То, что Греки называли *Στενον*, въ нашихъ лѣтописяхъ означено

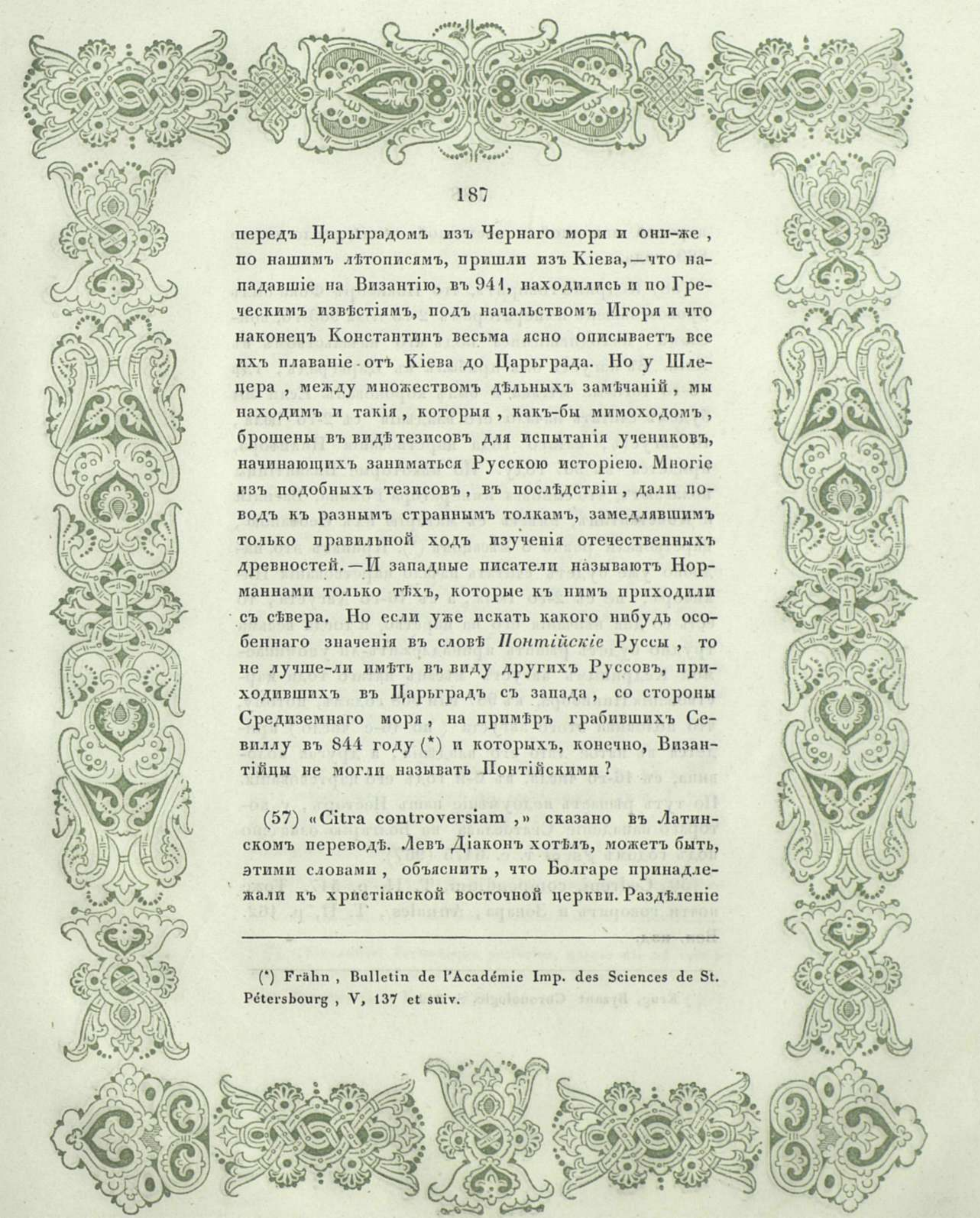
(*) Krug. Byzant. Chronologie. S. 318.



словомъ Судъ, иногда Лимень Галатскій. Это ничто другое, какъ длинной и узкой заливъ морской (Sund), служащій гаванью для Константинополя; а потому онъ теперь извѣстенъ подъ именемъ Kanal von Pera, port de Constantinople. Изъ Византійскихъ писателей видно, что подъ словомъ «Стенонъ» разумѣли мѣста, лежащія отъ Св. Мамы до выхода въ Черное море, слѣдовательно и зданія, тутъ находившіяся; вотъ почему мы находимъ у Нестора: "Судъ весь пожгоша," вопреки мнѣнію Шлецера, который полагалъ, что Судъ не льзя выжечь. — По словамъ Вильгардуина и Гюго, цѣпь, которою замыкали входъ въ эту гавань, была протянута отъ башни Галатской до противоположныхъ городскихъ стѣнъ (*) и на водѣ поддержана барками, соединенными между собою, («бяху-же корабли изрвменани межи ними» *Новг. лѣтоп.*). Несторово слово «*судъ*» происходитъ отъ Норманскаго: Sund. Krug, Byzantin. Chronologie, S. 190 и слѣд. — Стриттеръ, изв. Визан. истор. III, 23.—По плану Константинополя, приложенному къ Lechevalier, Reise durch den Propontis und Pontus Euxinus (Leipzig, 1801, in-8, mit 6 Charten) Константинопольскій портъ имѣетъ до 200 Франц. туазовъ ширины въ самомъ узкомъ мѣстѣ: вѣроятно тутъ протянута была цѣпь, замыкавшая Судъ. Мы видимъ, изъ словъ Льва Діакона, съ какою заботливостію императоръ укрѣпилъ Константинополь, въ особенности гавань, при

(*) Тоже говоритъ и Левъ Діаконъ, стр. 25.

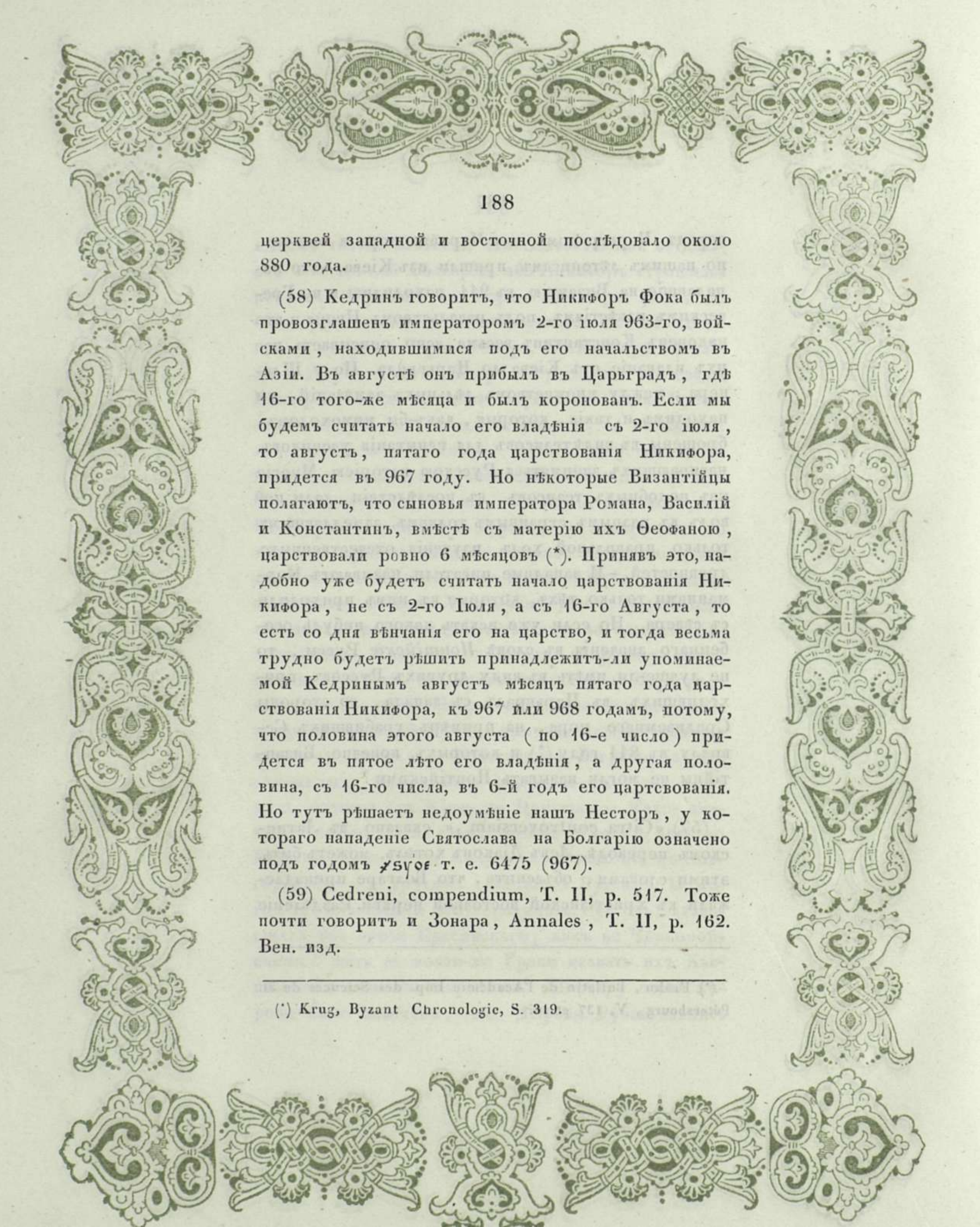
одномъ только извѣстіи, что Святославъ не оставляетъ завоеванной Болгаріи, ибо Никифоръ страшился нападенія Руссовъ съ моря. Уже три раза, до сего времени, Византія подвергалась ихъ нападеніямъ со стороны Чернаго моря, именно при Аскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ, Игорѣ. Руссы, до завоеванія Болгаріи, всегда являлись, передъ столицею Греческой имперіи, на своихъ челнокахъ, не ожиданно, изъ Ѳракійскаго Воспора. Вотъ почему они называются, у нѣкоторыхъ писателей *Понтійскими* или *Черноморскими Руссами*, именемъ, изъ котораго Шлецеръ, а за нимъ и другіе, не повѣрявшіе его словъ, старались вывести смѣшное заключеніе, что это были не Кіевскіе и не Новгородскіе, а какіе-то *южные* и даже *Хазарскіе* Руссы, существованія коихъ не засвидѣтельствовано ни однимъ Византійцемъ. Греческіе писатели напротивъ того, именно говорятъ, что Руссы нападали на Царьградъ подъ начальствомъ Игоря, слѣдовательно изъ Кіева и другихъ частей Руси, принадлежавшей нашему великому князю, а Константинъ Багрянородный, описываетъ, съ большею подробностію, весь ихъ путь, начиная отъ Кіева до Царяграда. Какое значеніе можно дать слову южные Руссы? конечно Кіевскіе были всегда южными въ отношеніи къ Новгородскимъ и другимъ сѣвернымъ Руссамъ. И могли-ли Византійцы иначе разумѣть Руссовъ, являвшихся изъ понта Евксинскаго, какъ не Черноморскими? вить не могли-же Греки назвать ихъ Каспійскими или Бѣломорскими? Шлецеру очень хорошо было извѣстно, что Дировы Руссы явились



передъ Царьградомъ изъ Чернаго моря и они-же, по нашимъ лѣтописямъ, пришли изъ Кіева,—что нападавшіе на Византію, въ 941, находились и по Греческимъ извѣстіямъ, подъ начальствомъ Игоря и что наконецъ Константинъ весьма ясно описываетъ все ихъ плаваніе отъ Кіева до Царьграда. Но у Шлецера, между множествомъ дѣльныхъ замѣчаній, мы находимъ и такія, которыя, какъ-бы мимоходомъ, брошены въ видѣ тезисовъ для испытанія учениковъ, начинающихъ заниматься Русскою исторіею. Многіе изъ подобныхъ тезисовъ, въ послѣдствіи, дали поводъ къ разнымъ страннымъ толкамъ, замедлявшимъ только правильной ходъ изученія отечественныхъ древностей.—И западные писатели называютъ Норманнами только тѣхъ, которые къ нимъ приходили съ сѣвера. Но если уже искать какого нибудь особеннаго значенія въ словѣ *Понтійскіе* Руссы, то не лучше-ли имѣть въ виду другихъ Руссовъ, приходившихъ въ Царьградъ съ запада, со стороны Средиземнаго моря, на примѣръ грабившихъ Севиллу въ 844 году (*) и которыхъ, конечно, Византійцы не могли называть Понтійскими?

(57) «Citra controversiam,» сказано въ Латинскомъ переводѣ. Левъ Діаконъ хотѣлъ, можетъ быть, этими словами, объяснить, что Болгаре принадлежали къ христіанской восточной церкви. Раздѣленіе

(*) Frähn, Bulletin de l'Académie Imp. des Sciences de St. Pétersbourg, V, 137 et suiv.

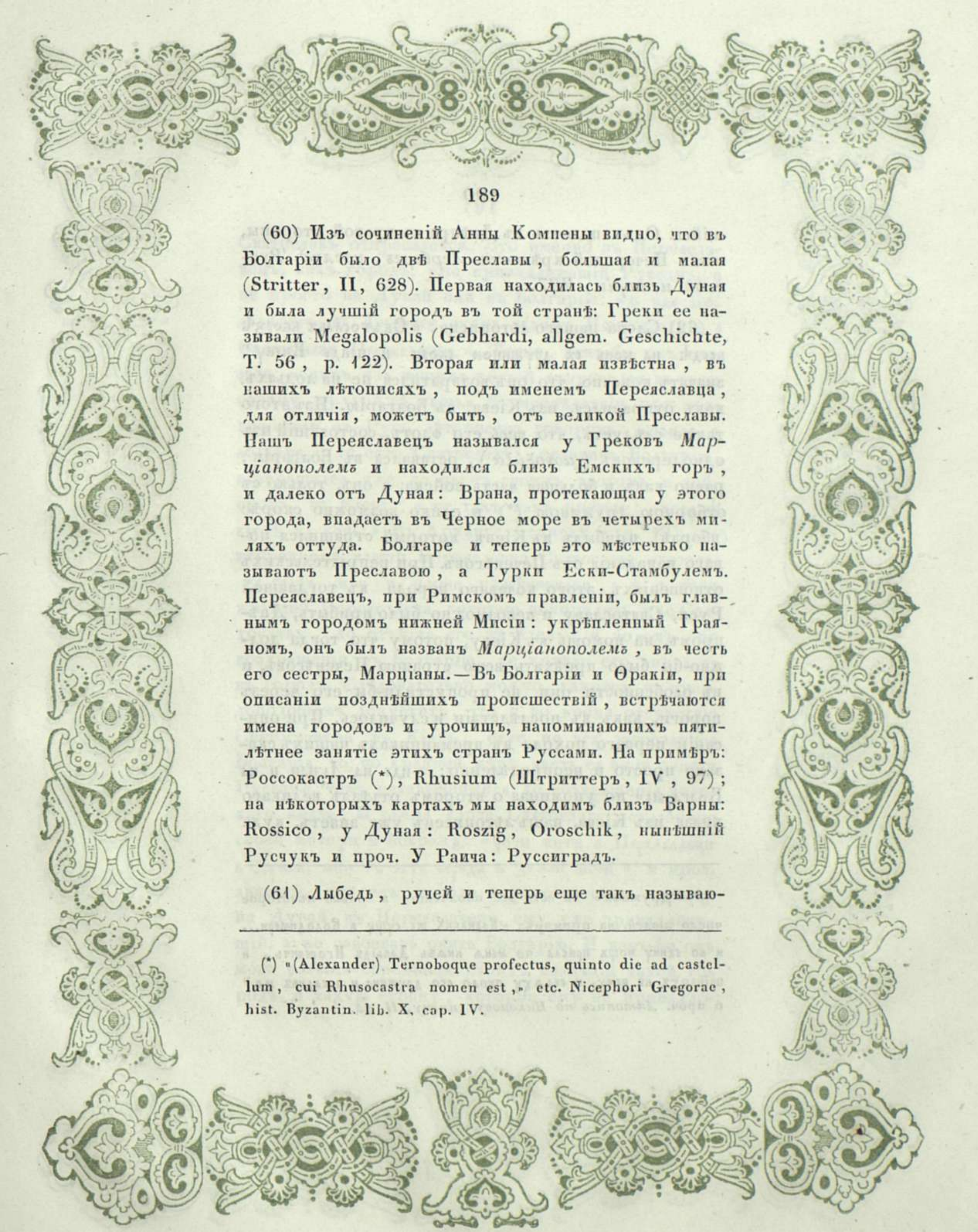


церквей западной и восточной послѣдовало около 880 года.

(58) Кедринъ говоритъ, что Никифоръ Фока былъ провозглашенъ императоромъ 2-го іюля 963-го, войсками, находившимися подъ его начальствомъ въ Азіи. Въ августѣ онъ прибылъ въ Царьградъ, гдѣ 16-го того-же мѣсяца и былъ коронованъ. Если мы будемъ считать начало его владѣнія съ 2-го іюля, то августъ, пятаго года царствованія Никифора, придется въ 967 году. Но нѣкоторые Византійцы полагаютъ, что сыновья императора Романа, Василій и Константинъ, вмѣстѣ съ матерію ихъ Ѳеофаною, царствовали ровно 6 мѣсяцовъ (*). Принявъ это, надобно уже будетъ считать начало царствованія Никифора, не съ 2-го Іюля, а съ 16-го Августа, то есть со дня вѣнчанія его на царство, и тогда весьма трудно будетъ рѣшить принадлежитъ-ли упоминаемой Кедринымъ августъ мѣсяцъ пятаго года царствованія Никифора, къ 967 или 968 годамъ, потому, что половина этого августа (по 16-е число) придется въ пятое лѣто его владѣнія, а другая половина, съ 16-го числа, въ 6-й годъ его цартсвованія. Но тутъ рѣшаетъ недоумѣніе нашъ Несторъ, у котораго нападеніе Святослава на Болгарію означено подъ годомъ ҂ѕуое т. е. 6475 (967).

(59) Cedreni, compendium, T. II, p. 517. Тоже почти говоритъ и Зонара, Annales, T. II, p. 162. Вен. изд.

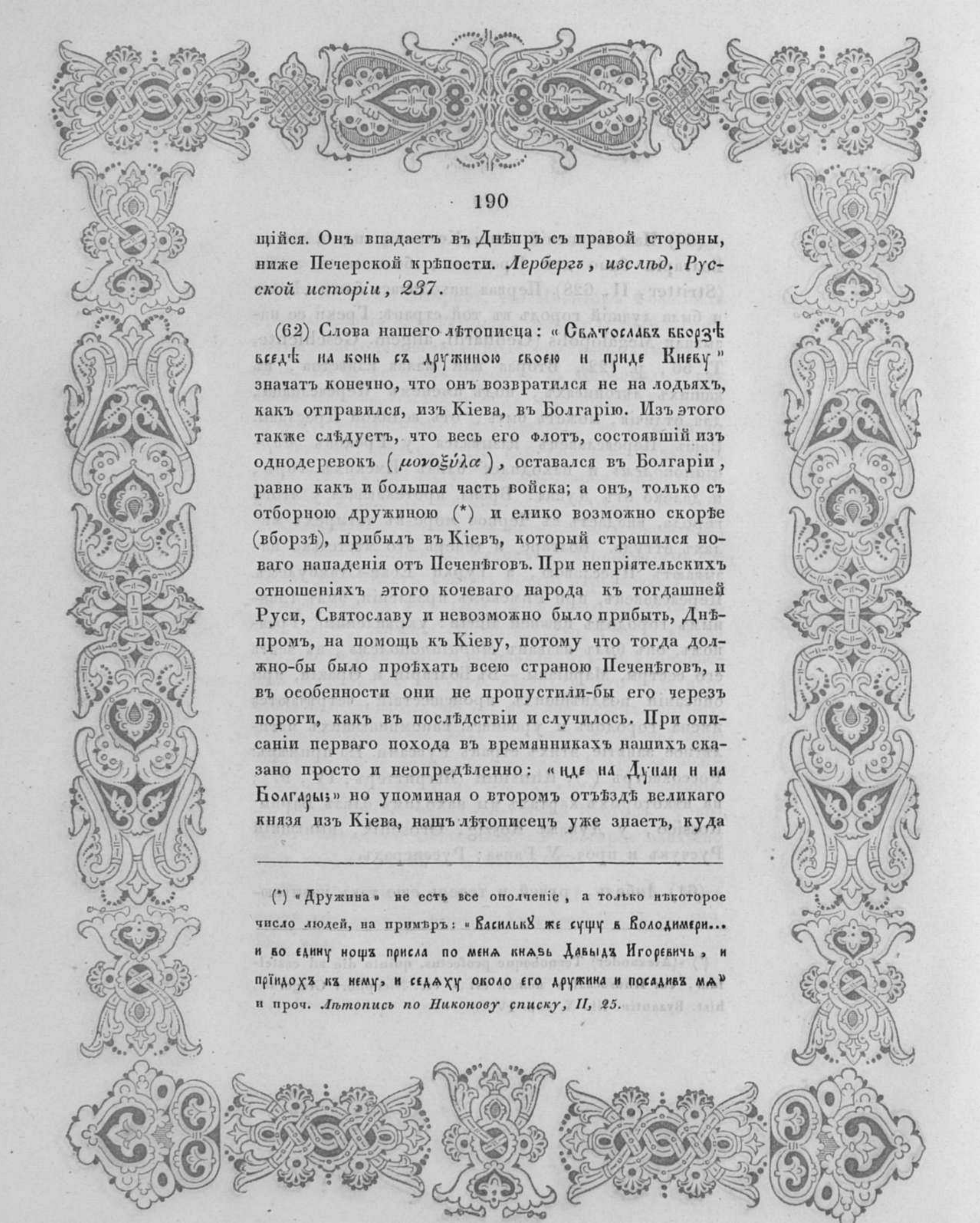
(*) Krug, Byzant Chronologie, S. 319.



(60) Изъ сочиненій Анны Компены видно, что въ Болгаріи было двѣ Преславы, большая и малая (Stritter, II, 628). Первая находилась близъ Дуная и была лучшій городъ въ той странѣ: Греки ее называли Megalopolis (Gebhardi, allgem. Geschichte, T. 56, p. 122). Вторая или малая извѣстна, въ нашихъ лѣтописяхъ, подъ именемъ Переяславца, для отличія, можетъ быть, отъ великой Преславы. Нашъ Переяславецъ назывался у Грековъ *Марціанополемъ* и находился близъ Емскихъ горъ, и далеко отъ Дуная: Врана, протекающая у этого города, впадаетъ въ Черное море въ четырехъ миляхъ оттуда. Болгаре и теперь это мѣстечко называютъ Преславою, а Турки Ески-Стамбулемъ. Переяславецъ, при Римскомъ правленіи, былъ главнымъ городомъ нижней Мисіи: укрѣпленный Траяномъ, онъ былъ названъ *Марціанополемъ*, въ честь его сестры, Марціаны. — Въ Болгаріи и Ѳракіи, при описаніи позднѣйшихъ происшествій, встрѣчаются имена городовъ и урочищъ, напоминающихъ пятилѣтнее занятіе этихъ странъ Руссами. На примѣръ: Россокастръ (*), Rhusium (Штриттеръ, IV, 97); на нѣкоторыхъ картахъ мы находимъ близъ Варны: Rossico, у Дуная: Roszig, Oroschik, нынѣшній Русчукъ и проч. У Раича: Руссиградъ.

(61) Лыбедь, ручей и теперь еще такъ называю-

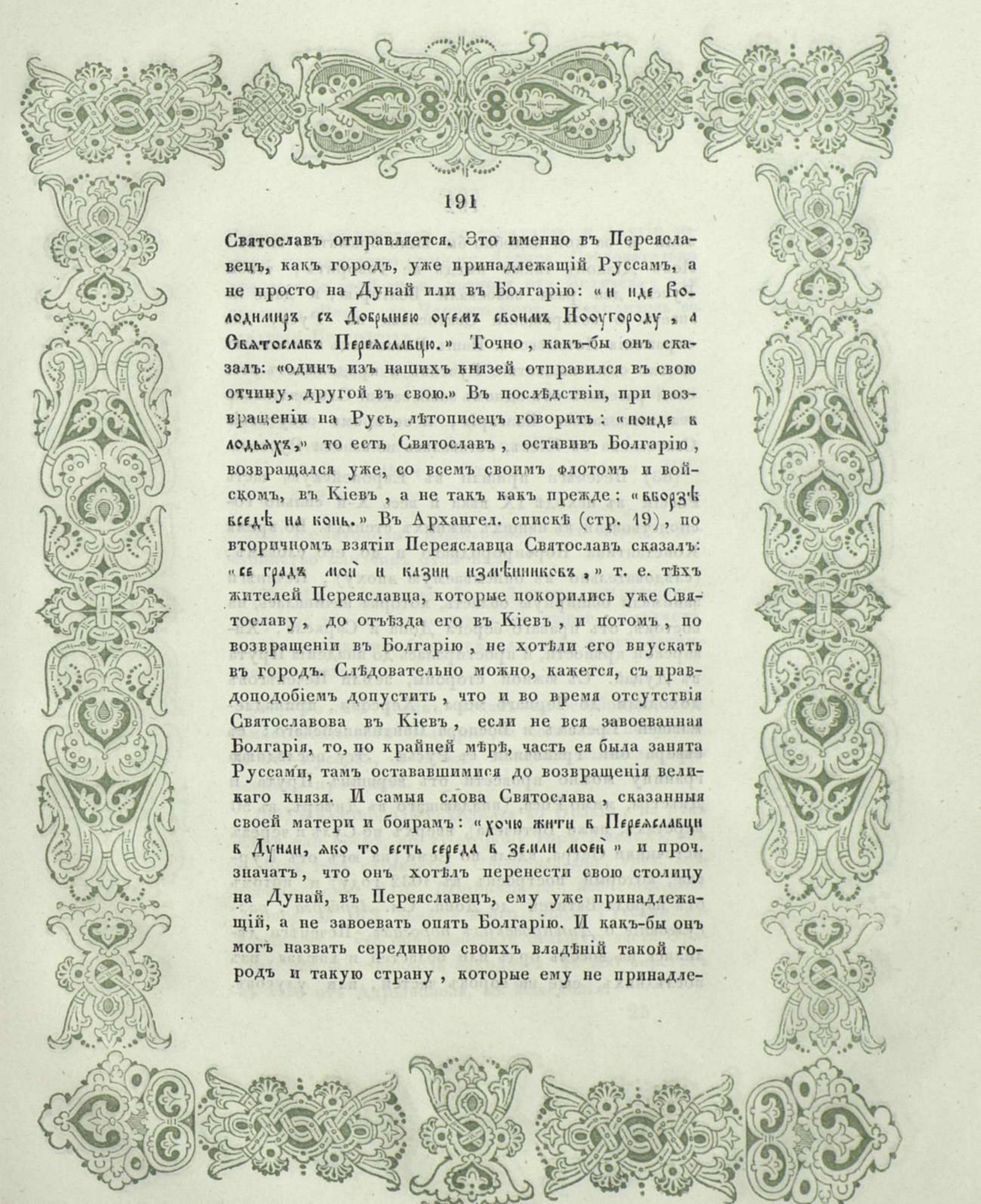
(*) «(Alexander) Ternoboque profectus, quinto die ad castellum, cui Rhusocastra nomen est,» etc. Nicephori Gregorae, hist. Byzantin. lib. X, cap. IV.



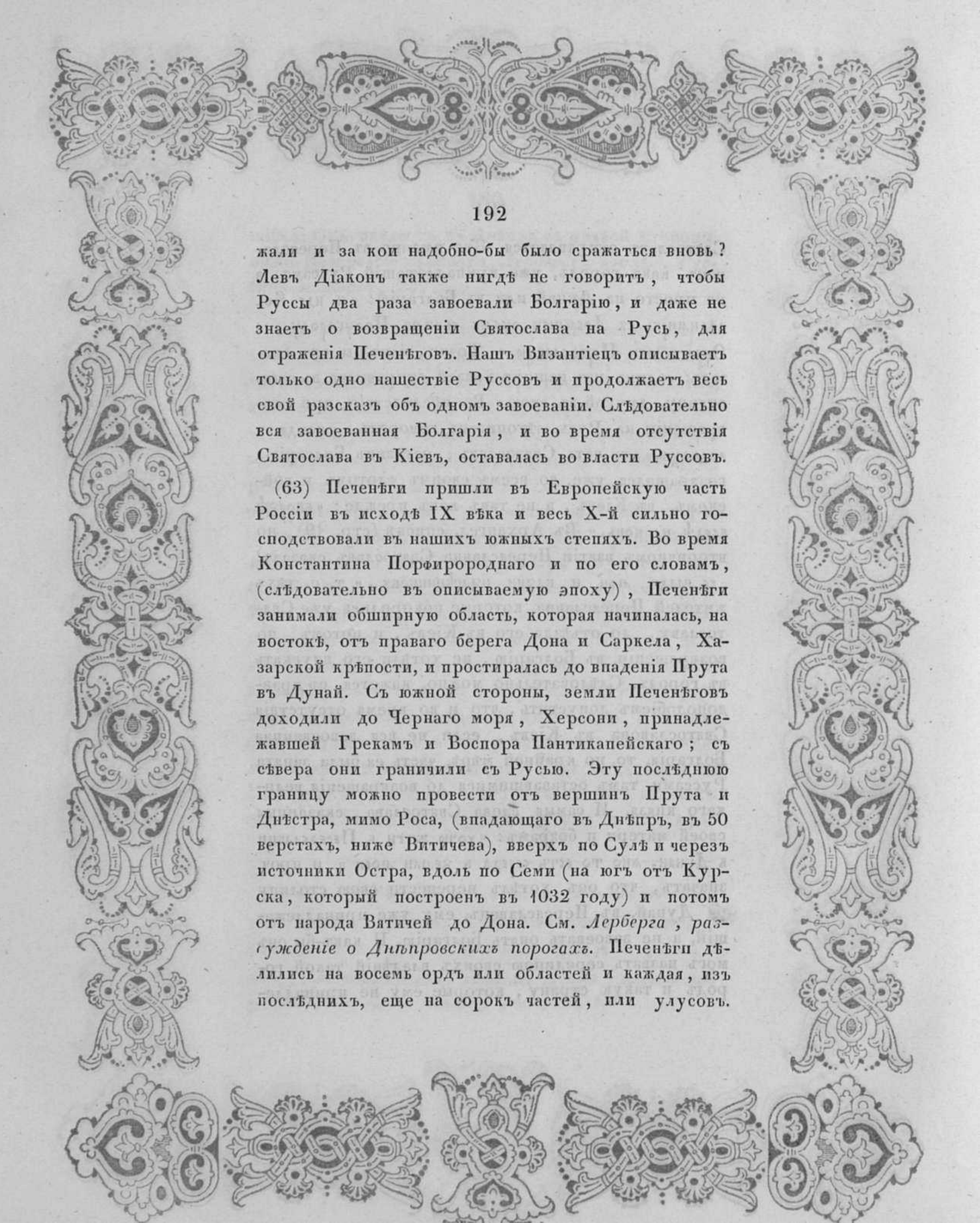
щійся. Онъ впадаетъ въ Днѣпръ съ правой стороны, ниже Печерской крѣпости. *Лербергъ, изслѣд. Русской исторіи, 237.*

(62) Слова нашего лѣтописца: «Святославъ вборзѣ вседѣ на конь съ дружиною своею и приде Киеву" значатъ конечно, что онъ возвратился не на лодьяхъ, какъ отправился, изъ Кіева, въ Болгарію. Изъ этого также слѣдуетъ, что весь его флотъ, состоявшій изъ однодеревокъ (*μονοξύλα*), оставался въ Болгаріи, равно какъ и большая часть войска; а онъ, только съ отборною дружиною (*) и елико возможно скорѣе (вборзѣ), прибылъ въ Кіевъ, который страшился новаго нападенія отъ Печенѣговъ. При непріятельскихъ отношеніяхъ этого кочеваго народа къ тогдашней Руси, Святославу и невозможно было прибыть, Днѣпромъ, на помощь къ Кіеву, потому что тогда должно-бы было проѣхать всею страною Печенѣговъ, и въ особенности они не пропустили-бы его через пороги, какъ въ послѣдствіи и случилось. При описаніи перваго похода въ времянникахъ нашихъ сказано просто и неопредѣленно: «иде на Дунаи и на Болгары;» но упоминая о второмъ отъѣздѣ великаго князя изъ Кіева, нашъ лѣтописецъ уже знаетъ, куда

(*) «Дружина» не есть все ополченіе, а только нѣкоторое число людей, на примѣръ: «Васильку же сущу в Володимери... и во едину нощъ присла по мене князь Давыдъ Игоревичь, и прійдохъ къ нему, и седаху около его дружина и посадивъ мя» и проч. *Лѣтопись по Никонову списку, II, 25.*

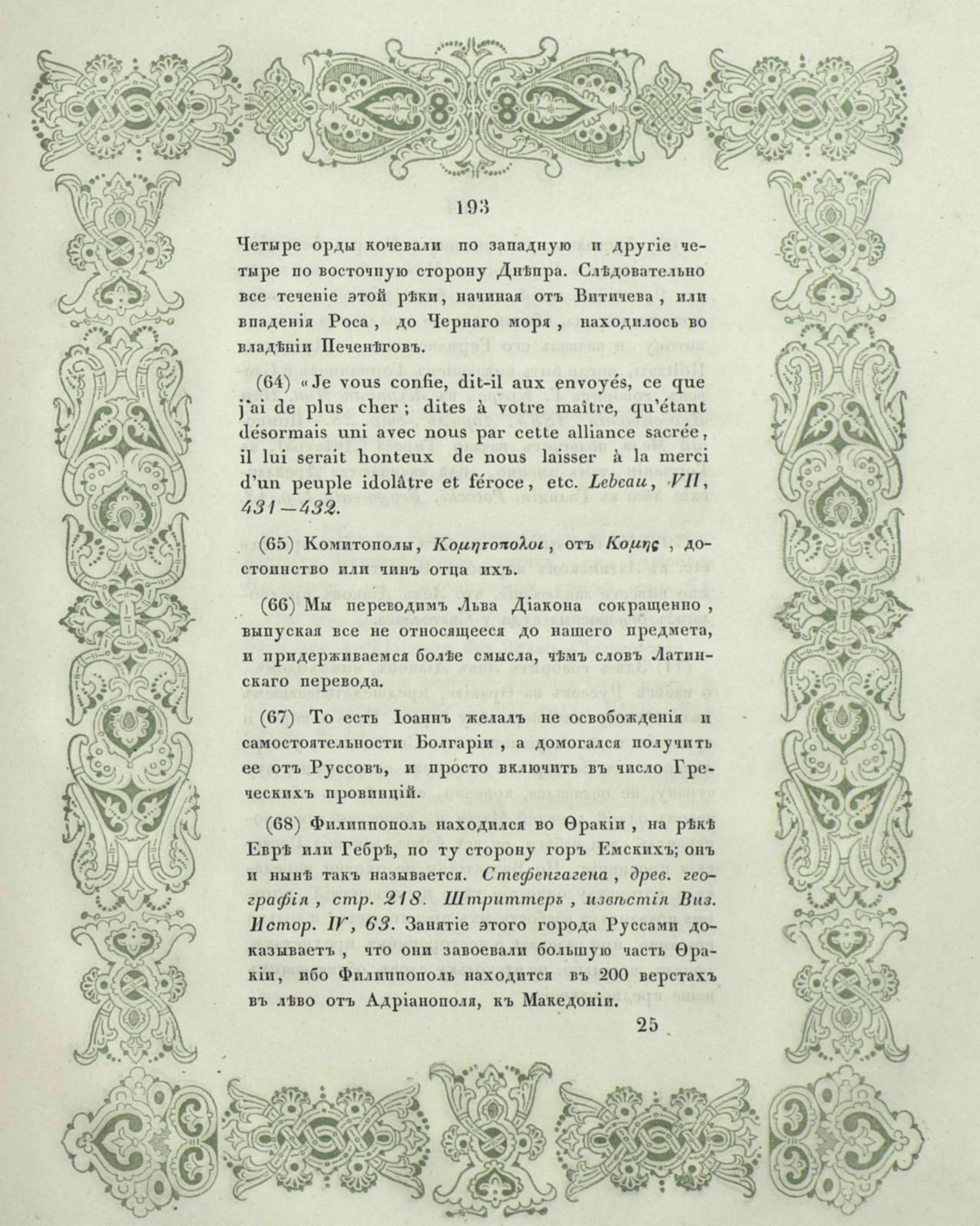


Святославъ отправляется. Это именно въ Переяславецъ, какъ городъ, уже принадлежащій Руссамъ, а не просто на Дунай или въ Болгарію: «и иде Володимиръ съ Добрынею оуемъ своимъ Нооугороду, а Святославъ Переяславцю.» Точно, какъ-бы онъ сказалъ: «одинъ изъ нашихъ князей отправился въ свою отчину, другой въ свою.» Въ послѣдствіи, при возвращеніи на Русь, лѣтописецъ говоритъ: «поиде в лодьяхъ,» то есть Святославъ, оставивъ Болгарію, возвращался уже, со всемъ своимъ флотомъ и войскомъ, въ Кіевъ, а не такъ какъ прежде: «вборзѣ вседѣ на конь.» Въ Архангел. спискѣ (стр. 19), по вторичномъ взятіи Переяславца Святославъ сказалъ: «се градъ мой и казни измѣнниковъ,» т. е. тѣхъ жителей Переяславца, которые покорились уже Святославу, до отъѣзда его въ Кіевъ, и потомъ, по возвращеніи въ Болгарію, не хотѣли его впускать въ городъ. Слѣдовательно можно, кажется, съ правдоподобіемъ допустить, что и во время отсутствія Святославова въ Кіевъ, если не вся завоеванная Болгарія, то, по крайней мѣрѣ, часть ея была занята Руссами, тамъ остававшимися до возвращенія великаго князя. И самыя слова Святослава, сказанныя своей матери и боярамъ: «хочю жити в Переяславци в Дунаи, яко то есть середа в земли моей» и проч. значатъ, что онъ хотѣлъ перенести свою столицу на Дунай, въ Переяславецъ, ему уже принадлежащій, а не завоевать опять Болгарію. И какъ-бы онъ могъ назвать серединою своихъ владѣній такой городъ и такую страну, которые ему не принадле-



жали и за кои надобно-бы было сражаться вновь? Левъ Діаконъ также нигдѣ не говоритъ, чтобы Руссы два раза завоевали Болгарію, и даже не знаетъ о возвращеніи Святослава на Русь, для отраженія Печенѣговъ. Нашъ Византіецъ описываетъ только одно нашествіе Руссовъ и продолжаетъ весь свой разсказъ объ одномъ завоеваніи. Слѣдовательно вся завоеванная Болгарія, и во время отсутствія Святослава въ Кіевъ, оставалась во власти Руссовъ.

(63) Печенѣги пришли въ Европейскую часть Россіи въ исходѣ IX вѣка и весь X-й сильно господствовали въ нашихъ южныхъ степяхъ. Во время Константина Порфиророднаго и по его словамъ, (слѣдовательно въ описываемую эпоху), Печенѣги занимали обширную область, которая начиналась, на востокѣ, отъ праваго берега Дона и Саркела, Хазарской крѣпости, и простиралась до впаденія Прута въ Дунай. Съ южной стороны, земли Печенѣговъ доходили до Чернаго моря, Херсони, принадлежавшей Грекамъ и Воспора Пантикапейскаго; съ сѣвера они граничили съ Русью. Эту послѣднюю границу можно провести отъ вершинъ Прута и Днѣстра, мимо Роса, (впадающаго въ Днѣпръ, въ 50 верстахъ, ниже Витичева), вверхъ по Сулѣ и черезъ источники Остра, вдоль по Семи (на югъ отъ Курска, который построенъ въ 1032 году) и потомъ отъ народа Вятичей до Дона. См. *Лерберга, разсужденіе о Днѣпровскихъ порогахъ*. Печенѣги дѣлились на восемь ордъ или областей и каждая, изъ послѣднихъ, еще на сорокъ частей, или улусовъ.



Четыре орды кочевали по западную и другіе четыре по восточную сторону Днѣпра. Слѣдовательно все теченіе этой рѣки, начиная отъ Витичева, или впаденія Роса, до Чернаго моря, находилось во владѣніи Печенѣговъ.

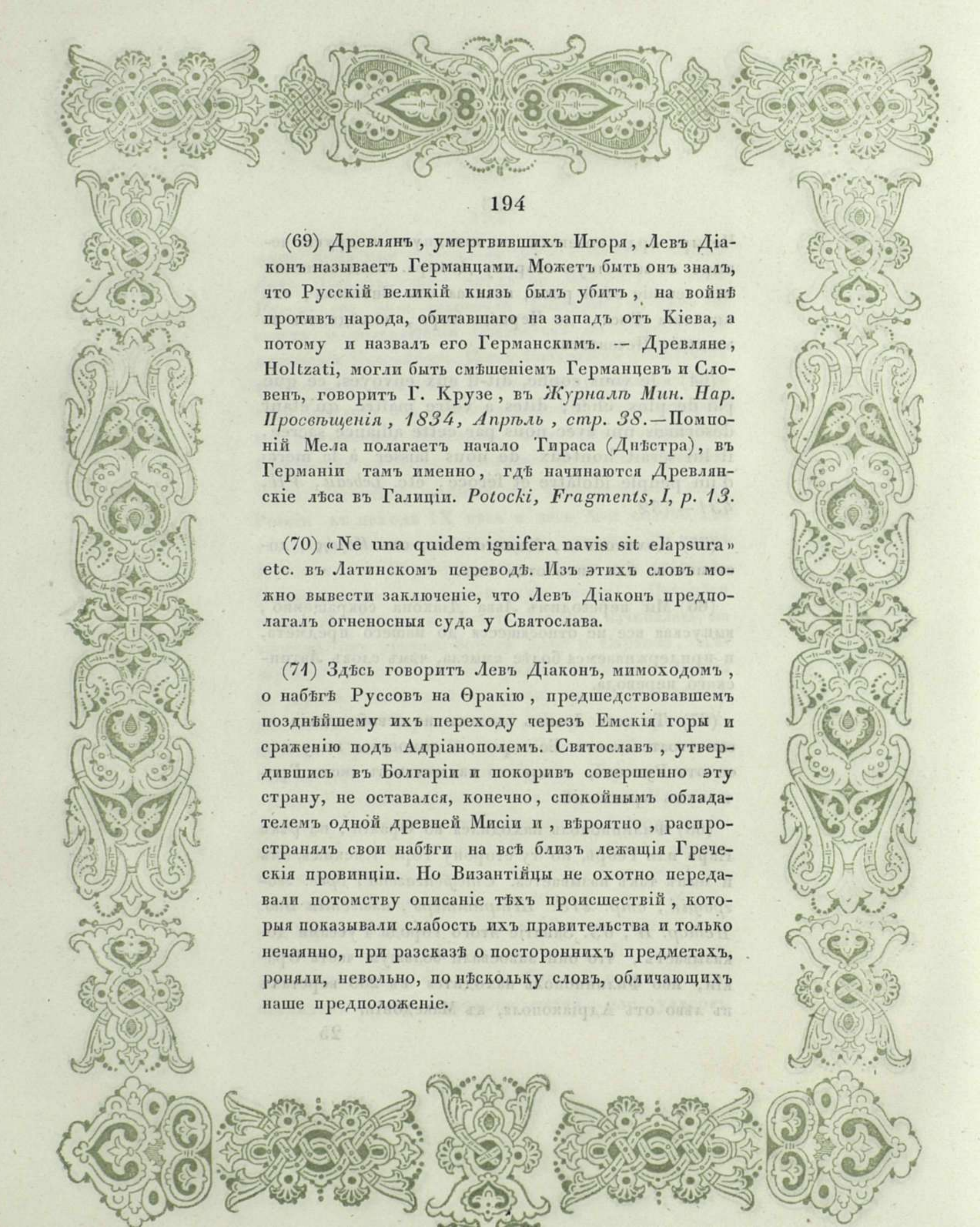
(64) «Je vous confie, dit-il aux envoyés, ce que j'ai de plus cher; dites à votre maître, qu'étant désormais uni avec nous par cette alliance sacrée, il lui serait honteux de nous laisser à la merci d'un peuple idolâtre et féroce, etc. *Lebeau*, *VII*, *431—432*.

(65) Комитополы, *Κομητοπολοι*, отъ *Κομης*, достоинство или чинъ отца ихъ.

(66) Мы переводимъ Льва Діакона сокращенно, выпуская все не относящееся до нашего предмета, и придерживаемся болѣе смысла, чѣмъ словъ Латинскаго перевода.

(67) То есть Іоаннъ желалъ не освобожденія и самостоятельности Болгаріи, а домогался получить ее отъ Руссовъ, и просто включить въ число Греческихъ провинцій.

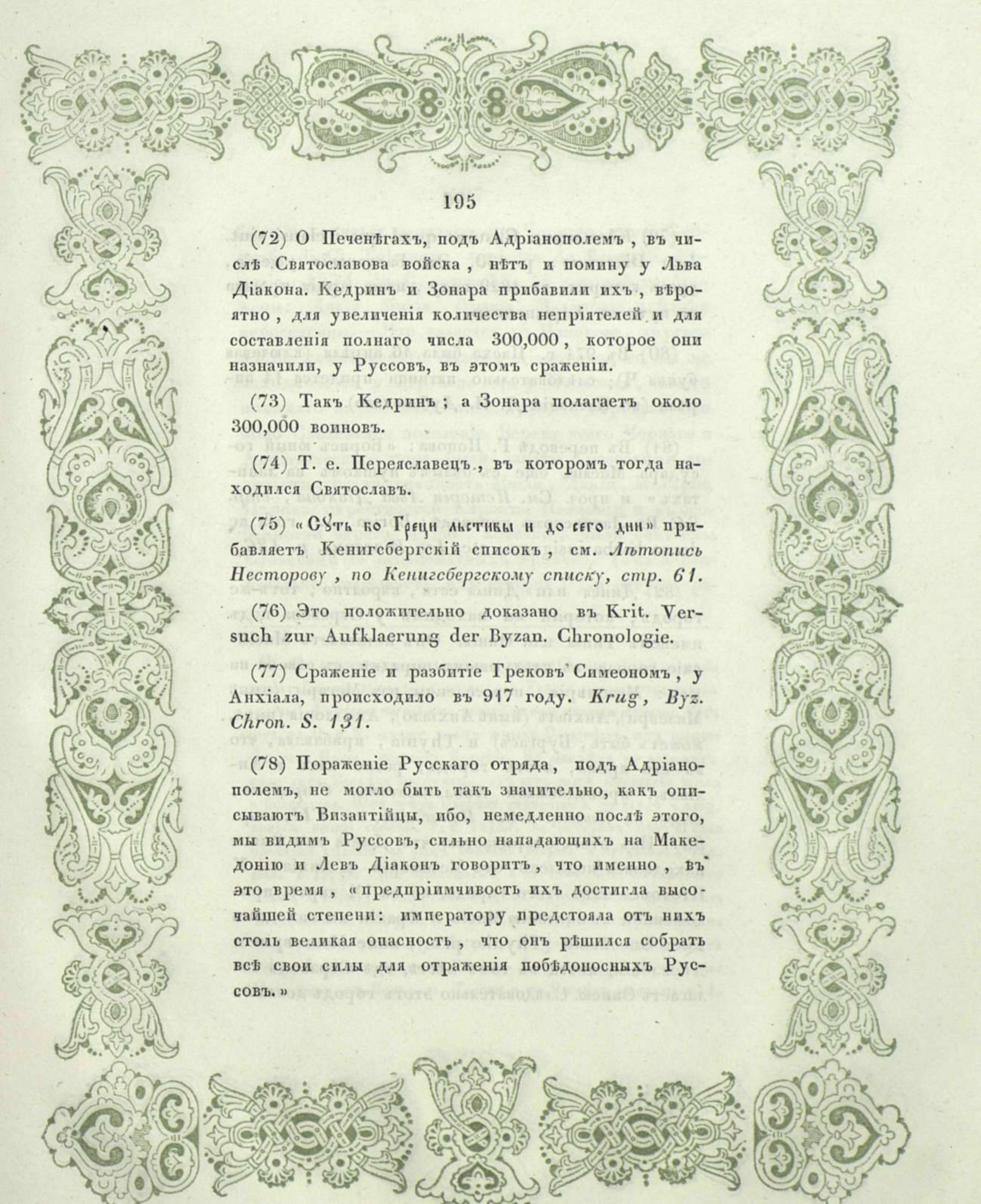
(68) Филиппополь находился во Ѳракіи, на рѣкѣЕврѣ или Гебрѣ, по ту сторону горъ Емскихъ; онъ и нынѣ такъ называется. *Стефенгагена*, *древ. географія*, *стр. 218. Штриттеръ*, *извѣстія Виз. Истор. IV, 63.* Занятіе этого города Руссами доказываетъ, что они завоевали большую часть Ѳракіи, ибо Филиппополь находится въ 200 верстахъ въ лѣво отъ Адріанополя, къ Македоніи.



(69) Древлянъ, умертвившихъ Игоря, Левъ Діаконъ называетъ Германцами. Можетъ быть онъ зналъ, что Русскій великій князь былъ убитъ, на войнѣ противъ народа, обитавшаго на западъ отъ Кіева, а потому и назвалъ его Германскимъ. — Древляне, Holtzati, могли быть смѣшеніемъ Германцевъ и Словенъ, говоритъ Г. Крузе, въ *Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1834, Апрѣль, стр. 38.*—Помпоній Мела полагаетъ начало Тираса (Днѣстра), въ Германіи тамъ именно, гдѣ начинаются Древлянскіе лѣса въ Галиціи. *Potocki, Fragments, I, p. 13.*

(70) «Ne una quidem ignifera navis sit elapsura» etc. въ Латинскомъ переводѣ. Изъ этихъ словъ можно вывести заключеніе, что Левъ Діаконъ предполагалъ огненосныя суда у Святослава.

(71) Здѣсь говоритъ Левъ Діаконъ, мимоходомъ, о набѣгѣ Руссовъ на Ѳракію, предшедствовавшемъ позднѣйшему ихъ переходу черезъ Емскія горы и сраженію подъ Адріанополемъ. Святославъ, утвердившись въ Болгаріи и покоривъ совершенно эту страну, не оставался, конечно, спокойнымъ обладателемъ одной древней Мисіи и, вѣроятно, распространялъ свои набѣги на всѣ близъ лежащія Греческія провинціи. Но Византійцы не охотно передавали потомству описаніе тѣхъ происшествій, которыя показывали слабость ихъ правительства и только нечаянно, при разсказѣ о посторонникъ предметахъ, роняли, невольно, по нѣскольку словъ, обличающихъ наше предположеніе.



(72) О Печенѣгахъ, подъ Адріанополемъ, въ числѣ Святославова войска, нѣтъ и помину у Льва Діакона. Кедринъ и Зонара прибавили ихъ, вѣроятно, для увеличенія количества непріятелей и для составленія полнаго числа 300,000, которое они назначили, у Руссовъ, въ этомъ сраженіи.

(73) Такъ Кедринъ; а Зонара полагаетъ около 300,000 воиновъ.

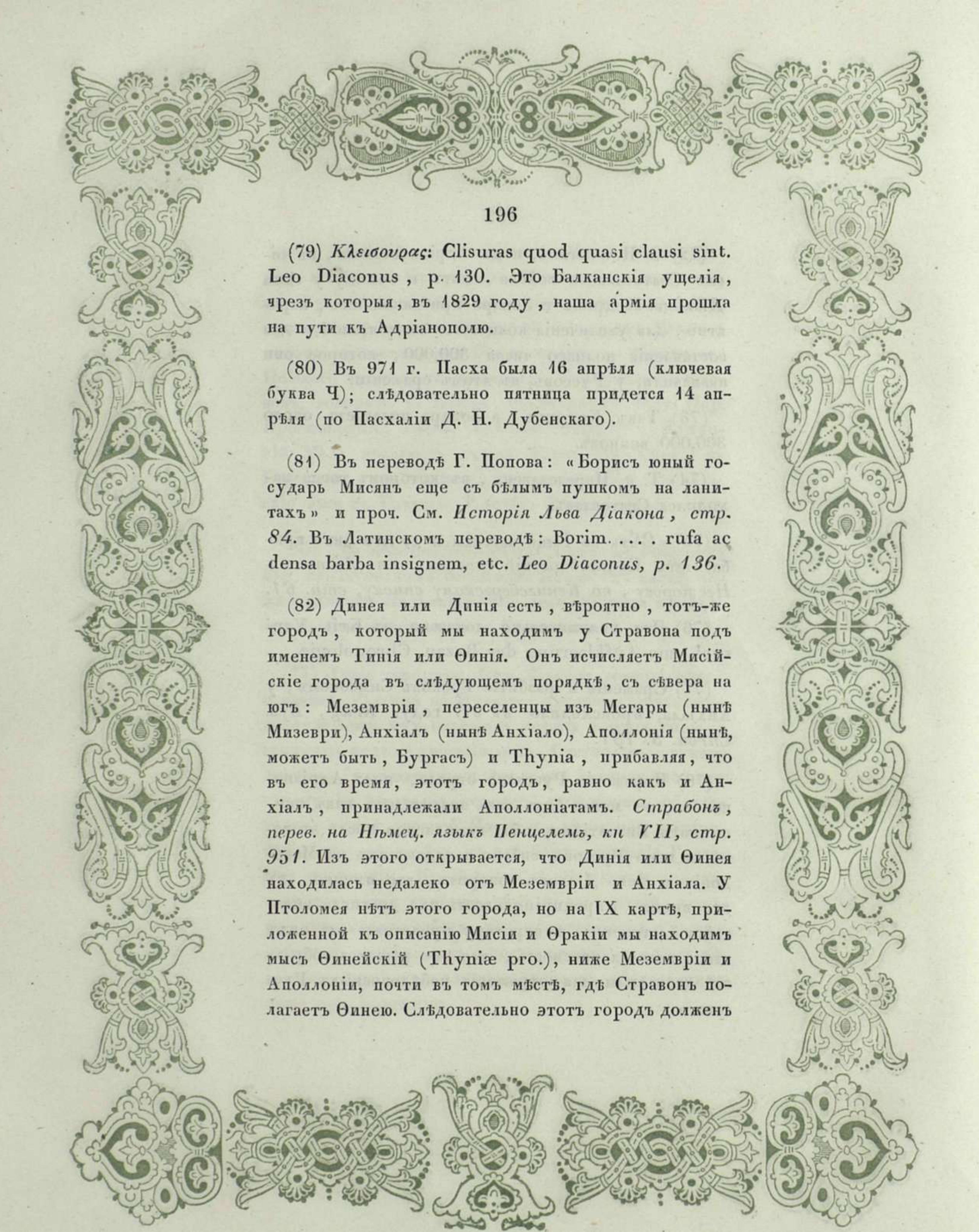
(74) Т. е. Переяславецъ, въ которомъ тогда находился Святославъ.

(75) «Сѹть ко Греци льстивы и до сего дни» прибавляетъ Кенигсбергскій списокъ, см. *Лѣтопись Несторову, по Кенигсбергскому списку, стр. 61.*

(76) Это положительно доказано въ Krit. Versuch zur Aufklaerung der Byzan. Chronologie.

(77) Сраженіе и разбитіе Грековъ Симеономъ, у Анхіала, происходило въ 917 году. *Krug, Byz. Chron. S. 131.*

(78) Пораженіе Русскаго отряда, подъ Адріанополемъ, не могло быть такъ значительно, какъ описываютъ Византійцы, ибо, немедленно послѣ этого, мы видимъ Руссовъ, сильно нападающихъ на Македонію и Левъ Діаконъ говоритъ, что именно, въ это время, «предпріимчивость ихъ достигла высочайшей степени: императору предстояла отъ нихъ столь великая опасность, что онъ рѣшился собрать всѣ свои силы для отраженія побѣдоносныхъ Руссовъ.»

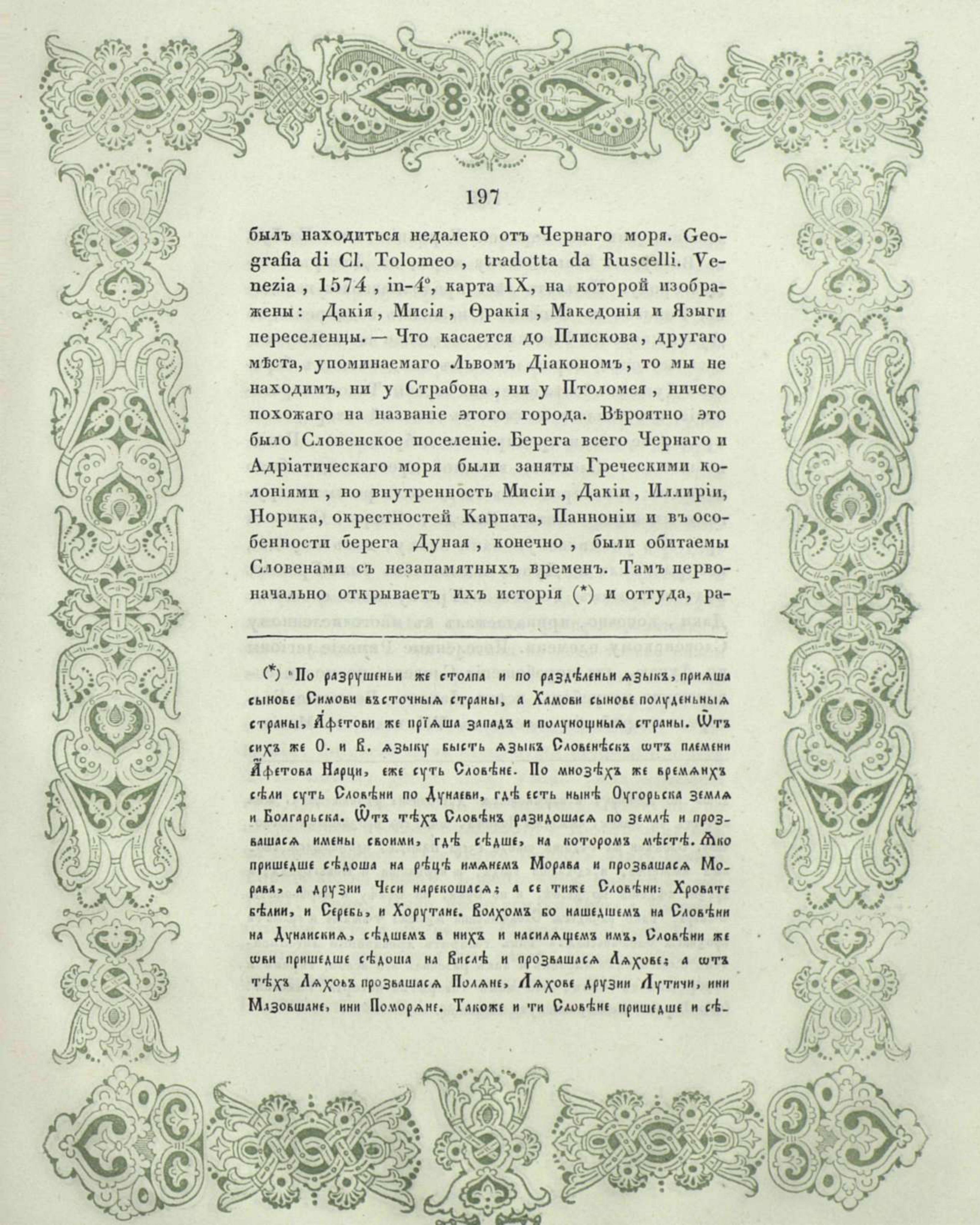


(79) *Κλεισούρας*: Clisuras quod quasi clausi sint. Leo Diaconus, p. 130. Это Балканскія ущелія, чрезъ которыя, въ 1829 году, наша а́рмія прошла на пути къ Адріанополю.

(80) Въ 971 г. Пасха была 16 апрѣля (ключевая буква Ч); слѣдовательно пятница придется 14 апрѣля (по Пасхаліи Д. Н. Дубенскаго).

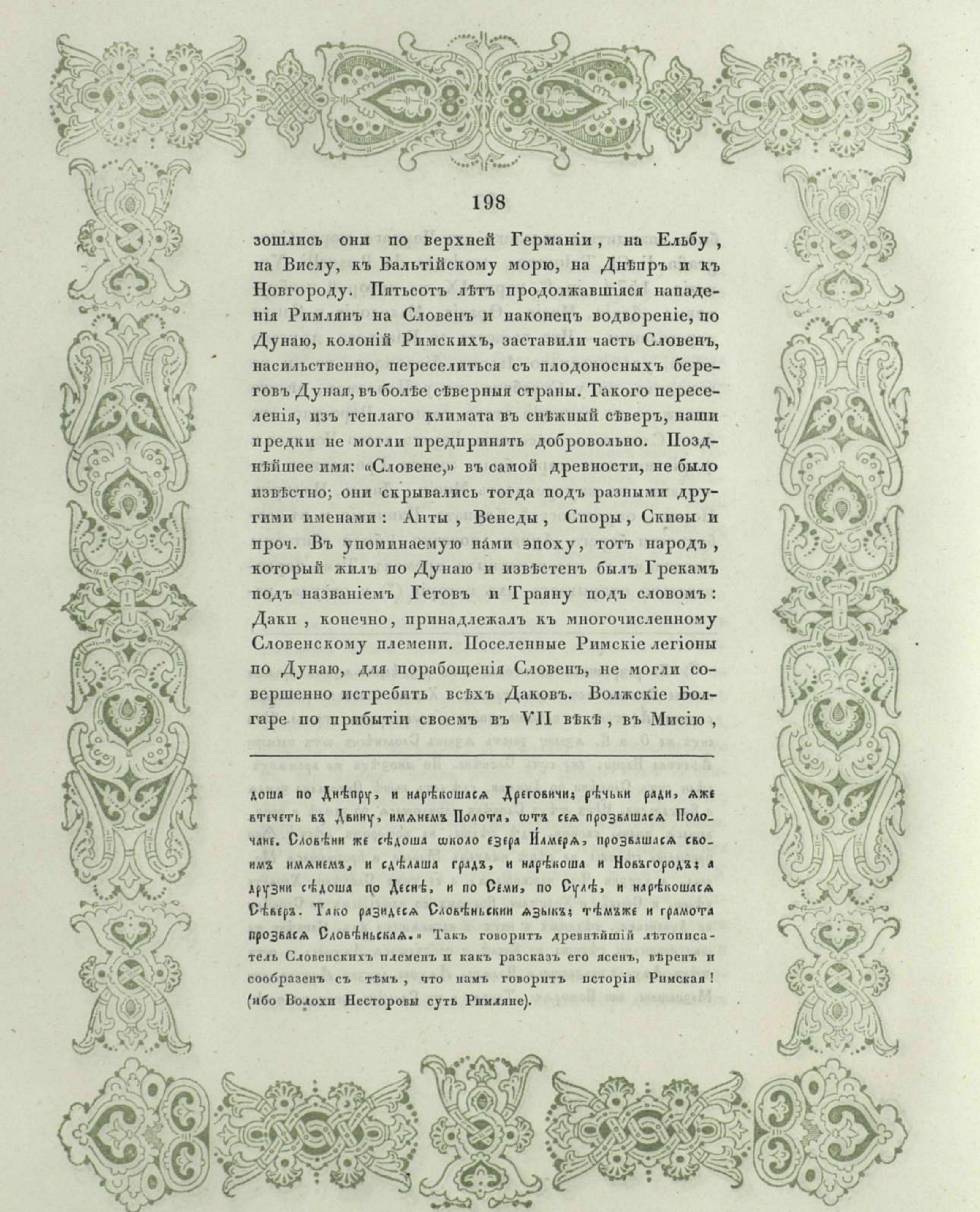
(81) Въ переводѣ Г. Попова: «Борисъ юный государь Мисянъ еще съ бѣлымъ пушкомъ на ланитахъ» и проч. См. *Исторія Льва Діакона, стр. 84.* Въ Латинскомъ переводѣ: Borim. . . . rufa ac densa barba insignem, etc. *Leo Diaconus, p. 136.*

(82) Динея или Динія есть, вѣроятно, тотъ-же городъ, который мы находимъ у Стравона подъ именемъ Тинія или Ѳинія. Онъ исчисляетъ Мисійскіе города въ слѣдующемъ порядкѣ, съ сѣвера на югъ: Меземврія, переселенцы изъ Мегары (нынѣ Мизеври), Анхіалъ (нынѣ Анхіало), Аполлонія (нынѣ, можетъ быть, Бургасъ) и Thynia, прибавляя, что въ его время, этотъ городъ, равно какъ и Анхіалъ, принадлежали Аполлоніатамъ. *Страбонъ, перев. на Нѣмец. языкъ Пенцелемъ, кн VII, стр. 951.* Изъ этого открывается, что Динія или Ѳинея находилась недалеко отъ Меземвріи и Анхіала. У Птоломея нѣтъ этого города, но на IX картѣ, приложенной къ описанію Мисіи и Ѳракіи мы находимъ мысъ Ѳинейскій (Thyniæ pro.), ниже Меземвріи и Аполлоніи, почти въ томъ мѣстѣ, гдѣ Стравонъ полагаетъ Ѳинею. Слѣдовательно этотъ городъ долженъ



былъ находиться недалеко отъ Чернаго моря. Geografia di Cl. Tolomeo, tradotta da Ruscelli. Venezia, 1574, in-4°, карта IX, на которой изображены: Дакія, Мисія, Ѳракія, Македонія и Языги переселенцы. — Что касается до Плискова, другаго мѣста, упоминаемаго Львомъ Діакономъ, то мы не находимъ, ни у Страбона, ни у Птоломея, ничего похожаго на названіе этого города. Вѣроятно это было Словенское поселеніе. Берега всего Чернаго и Адріатическаго моря были заняты Греческими колоніями, но внутренность Мисіи, Дакіи, Иллиріи, Норика, окрестностей Карпата, Панноніи и въ особенности берега Дуная, конечно, были обитаемы Словенами съ незапамятныхъ временъ. Тамъ первоначально открываетъ ихъ исторія (*) и оттуда, ра-

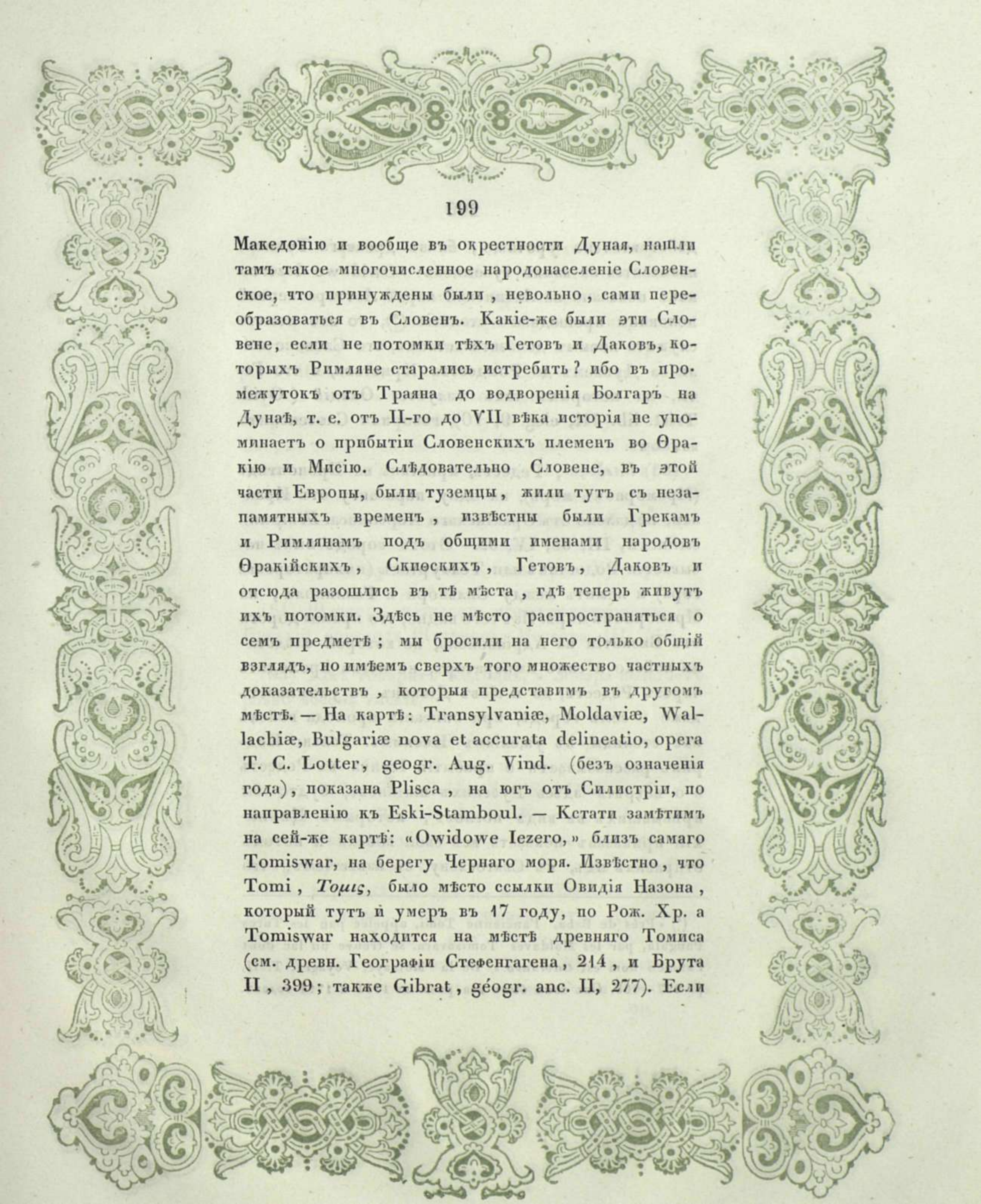
(*) "По разрушеньи же столпа и по раздѣленьи языкъ, пріяша сынове Симови въсточныя страны, а Хамови сынове полуденьныя страны, Афетови же пріяша западъ и полунощныя страны. Ѿтъ сихъ же О. и В. языку бысть языкъ Словенескъ ѿтъ племени Афетова Нарци, еже суть Словѣне. По мноӡѣхъ же времянхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Оугорьска земля и Болгарьска. Ѿтъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше, на которомъ мѣстѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава, а друзии Чеси нарекошася; а се тиже Словѣни: Хровате бѣлии, и Серебь, и Хорутане. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунаискія, сѣдшемъ в нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ѡви пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове; а ѿтъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзии Лютичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словѣне пришедше и сѣ-



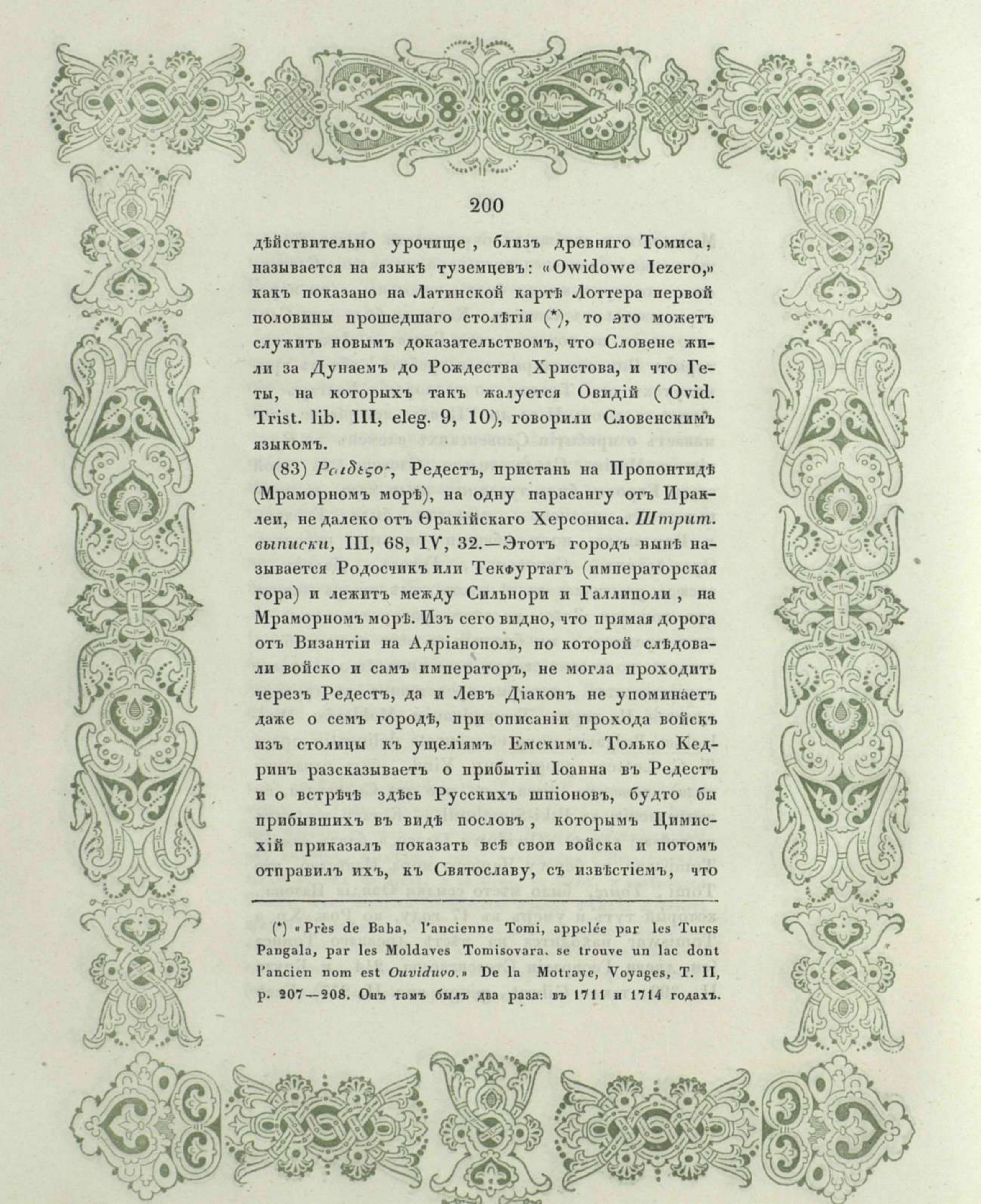
зошлись они по верхней Германіи, на Ельбу, на Вислу, къ Бальтійскому морю, на Днѣпръ и къ Новгороду. Пятьсотъ лѣтъ продолжавшіяся нападенія Римлянъ на Словенъ и наконецъ водвореніе, по Дунаю, колоній Римскихъ, заставили часть Словенъ, насильственно, переселиться съ плодоносныхъ береговъ Дуная, въ болѣе сѣверныя страны. Такого переселенія, изъ теплаго климата въ снѣжный сѣверъ, наши предки не могли предпринять добровольно. Позднѣйшее имя: «Словене,» въ самой древности, не было извѣстно; они скрывались тогда подъ разными другими именами: Анты, Венеды, Споры, Скиѳы и проч. Въ упоминаемую нами эпоху, тотъ народъ, который жилъ по Дунаю и извѣстенъ былъ Грекамъ подъ названіемъ Гетовъ и Траяну подъ словомъ: Даки, конечно, принадлежалъ къ многочисленному Словенскому племени. Поселенные Римскіе легіоны по Дунаю, для порабощенія Словенъ, не могли совершенно истребить всѣхъ Даковъ. Волжскіе Болгаре по прибытіи своемъ въ VII вѣкѣ, въ Мисію,

---

доша по Днѣпру, и нарѣкошася Дреговичи; рѣчьки ради, аже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, ѡтъ сея прозвашася Полочане. Словѣни же сѣдоша ѡколо езера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарѣкоша и Новъгородъ; а друзии сѣдоша по Деснѣ, и по Семи, по Сулѣ, и нарѣкошася Сѣверъ. Тако разидеся Словѣньскии языкъ; тѣмъже и грамота прозвася Словѣньская.» Такъ говоритъ древнѣйшій лѣтописатель Словенскихъ племенъ и какъ разсказъ его ясенъ, вѣренъ и сообразенъ съ тѣмъ, что намъ говоритъ исторія Римская! (ибо Волохи Несторовы суть Римляне).



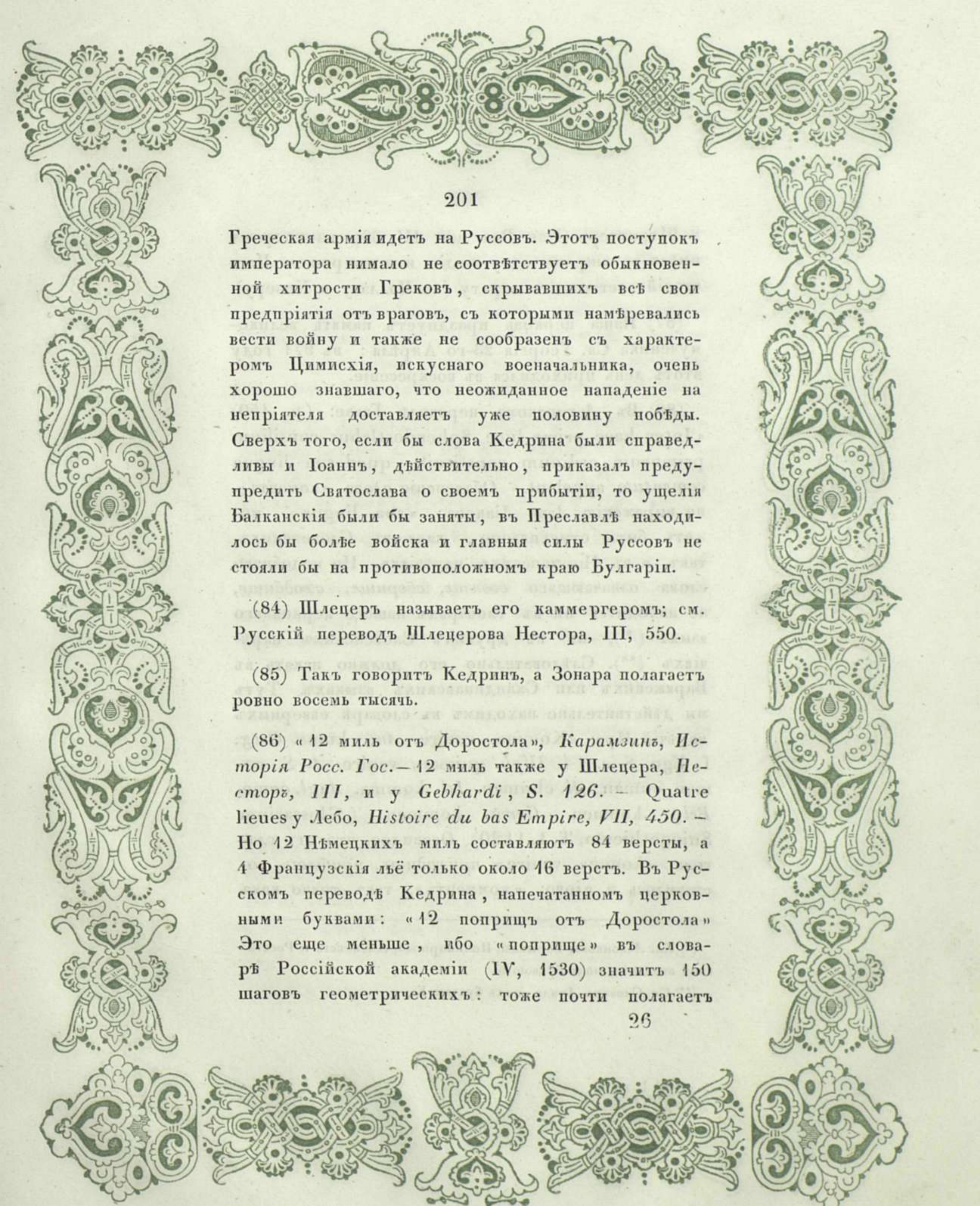
Македонію и вообще въ окрестности Дуная, нашли тамъ такое многочисленное народонаселеніе Словенское, что принуждены были, невольно, сами преобразоваться въ Словенъ. Какіе-же были эти Словене, если не потомки тѣхъ Гетовъ и Даковъ, которыхъ Римляне старались истребить? ибо въ промежутокъ отъ Траяна до водворенія Болгаръ на Дунаѣ, т. е. отъ II-го до VII вѣка исторія не упоминаетъ о прибытіи Словенскихъ племенъ во Ѳракію и Мисію. Слѣдовательно Словене, въ этой части Европы, были туземцы, жили тутъ съ незапамятныхъ временъ, извѣстны были Грекамъ и Римлянамъ подъ общими именами народовъ Ѳракійскихъ, Скиѳскихъ, Гетовъ, Даковъ и отсюда разошлись въ тѣ мѣста, гдѣ теперь живутъ ихъ потомки. Здѣсь не мѣсто распространяться о семъ предметѣ; мы бросили на него только общій взглядъ, но имѣемъ сверхъ того множество частныхъ доказательствъ, которыя представимъ въ другомъ мѣстѣ. — На картѣ: Transylvaniæ, Moldaviæ, Wallachiæ, Bulgariæ nova et accurata delineatio, opera T. C. Lotter, geogr. Aug. Vind. (безъ означенія года), показана Plisca, на югъ отъ Силистріи, по направленію къ Eski-Stamboul. — Кстати замѣтимъ на сей-же картѣ: «Owidowe Iezero,» близъ самаго Tomiswar, на берегу Чернаго моря. Извѣстно, что Tomi, *Τομις*, было мѣсто ссылки Овидія Назона, который тутъ и умеръ въ 17 году, по Рож. Хр. а Tomiswar находится на мѣстѣ древняго Томиса (см. древн. Географіи Стефенгагена, 214, и Брута II, 399; также Gibrat, géogr. anc. II, 277). Если



дѣйствительно урочище, близъ древняго Томиса, называется на языкѣ туземцевъ: «Owidowe Iezero,» какъ показано на Латинской картѣ Лоттера первой половины прошедшаго столѣтія (*), то это можетъ служить новымъ доказательствомъ, что Словене жили за Дунаемъ до Рождества Христова, и что Геты, на которыхъ такъ жалуется Овидій (Ovid. Trist. lib. III, eleg. 9, 10), говорили Словенскимъ языкомъ.

(83) *Ραιδεςος*, Редестъ, пристань на Пропонтидѣ (Мраморномъ морѣ), на одну парасангу отъ Иракліи, не далеко отъ Ѳракійскаго Херсониса. *Штрит. выписки,* III, 68, IV, 32.—Этотъ городъ нынѣ называется Родосчикъ или Текфуртагъ (императорская гора) и лежитъ между Сильнори и Галлиполи, на Мраморномъ морѣ. Изъ сего видно, что прямая дорога отъ Византіи на Адріанополь, по которой слѣдовали войско и самъ императоръ, не могла проходить черезъ Редестъ, да и Левъ Діаконъ не упоминаетъ даже о семъ городѣ, при описаніи прохода войскъ изъ столицы къ ущеліямъ Емскимъ. Только Кедринъ разсказываетъ о прибытіи Іоанна въ Редестъ и о встрѣчѣ здѣсь Русскихъ шпіоновъ, будто бы прибывшихъ въ видѣ пословъ, которымъ Цимисхій приказалъ показать всѣ свои войска и потомъ отправилъ ихъ, къ Святославу, съ извѣстіемъ, что

(*) «Près de Baba, l'ancienne Tomi, appelée par les Turcs Pangala, par les Moldaves Tomisovara, se trouve un lac dont l'ancien nom est *Ouviduvo.*» De la Motraye, Voyages, T. II, p. 207—208. Онъ тамъ былъ два раза: въ 1711 и 1714 годахъ.

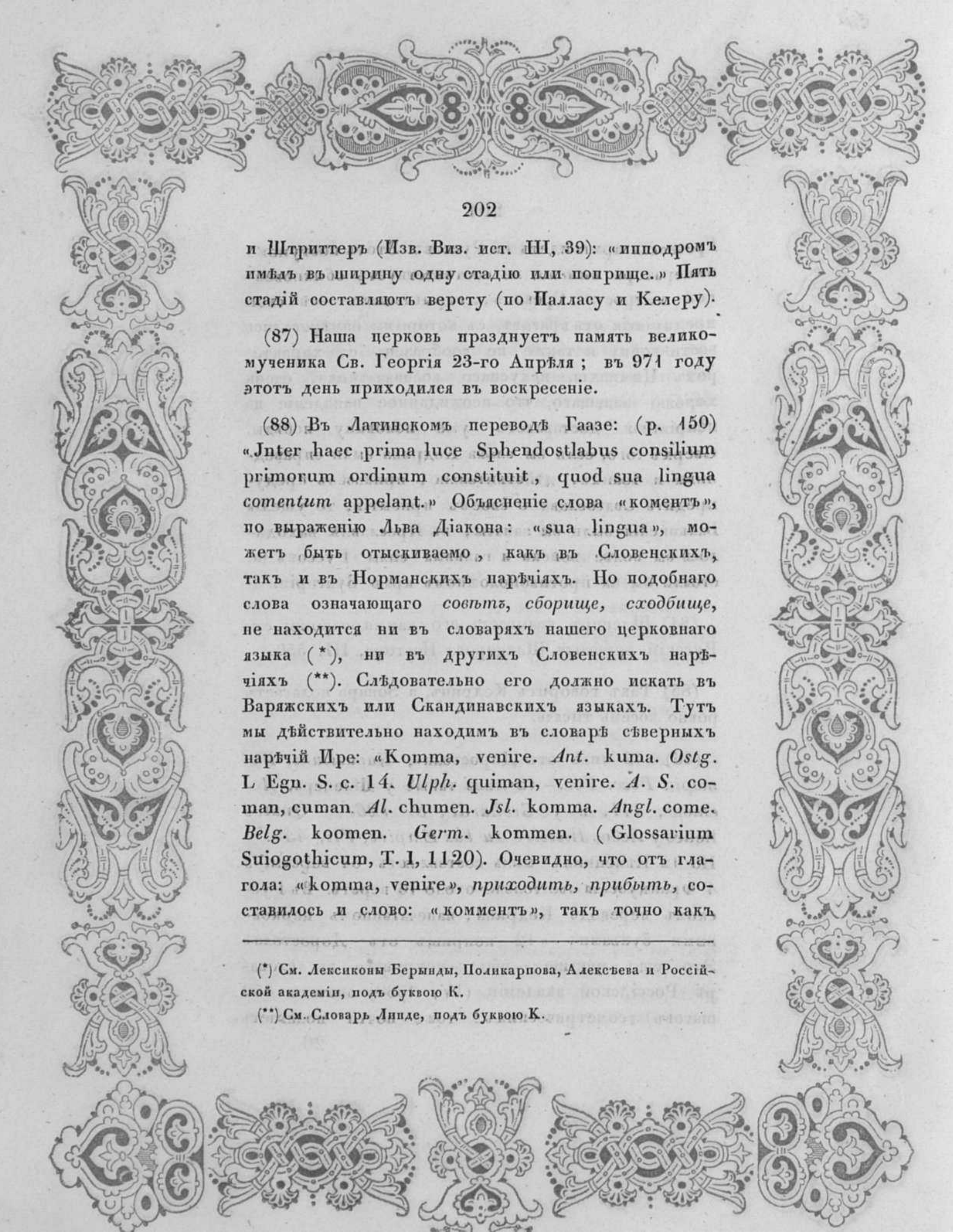


Греческая армія идетъ на Руссовъ. Этотъ поступокъ императора нимало не соотвѣтствуетъ обыкновенной хитрости Грековъ, скрывавшихъ всѣ свои предпріятія отъ враговъ, съ которыми намѣревались вести войну и также не сообразенъ съ характеромъ Цимисхія, искуснаго военачальника, очень хорошо знавшаго, что неожиданное нападеніе на непріятеля доставляетъ уже половину побѣды. Сверхъ того, если бы слова Кедрина были справедливы и Іоаннъ, дѣйствительно, приказалъ предупредить Святослава о своемъ прибытіи, то ущелія Балканскія были бы заняты, въ Преславлѣ находилось бы болѣе войска и главныя силы Руссовъ не стояли бы на противоположномъ краю Булгаріи.

(84) Шлецеръ называетъ его каммергеромъ; см. Русскій переводъ Шлецерова Нестора, III, 550.

(85) Такъ говоритъ Кедринъ, а Зонара полагаетъ ровно восемь тысячь.

(86) «12 миль отъ Доростола», *Карамзинъ, Исторія Росс. Гос.* — 12 миль также у Шлецера, *Несторъ, III*, и у *Gebhardi, S. 126.* — Quatre lieues у Лебо, *Histoire du bas Empire, VII, 450.* — Но 12 Нѣмецкихъ миль составляютъ 84 версты, а 4 Французскія льё только около 16 верстъ. Въ Русскомъ переводѣ Кедрина, напечатанномъ церковными буквами: «12 поприщъ отъ Доростола» Это еще меньше, ибо «поприще» въ словарѣ Россійской академіи (IV, 1530) значитъ 150 шаговъ геометрическихъ: тоже почти полагаетъ



и Штриттеръ (Изв. Виз. ист. III, 39): «ипподромъ имѣлъ въ ширину одну стадію или поприще.» Пять стадій составляютъ версту (по Палласу и Келеру).

(87) Наша церковь празднуетъ память великомученика Св. Георгія 23-го Апрѣля; въ 971 году этотъ день приходился въ воскресеніе.

(88) Въ Латинскомъ переводѣ Гаазе: (р. 150) «Inter haec prima luce Sphendostlabus consilium primorum ordinum constituit, quod sua lingua *comentum* appelant.» Объясненіе слова «коментъ», по выраженію Льва Діакона: «sua lingua», можетъ быть отыскиваемо, какъ въ Словенскихъ, такъ и въ Норманскихъ нарѣчіяхъ. Но подобнаго слова означающаго *совѣтъ, сборище, сходбище*, не находится ни въ словаряхъ нашего церковнаго языка (*), ни въ другихъ Словенскихъ нарѣчіяхъ (**). Слѣдовательно его должно искать въ Варяжскихъ или Скандинавскихъ языкахъ. Тутъ мы дѣйствительно находимъ въ словарѣ сѣверныхъ нарѣчій Ире: «Komma, venire. *Ant.* kuma. *Ostg.* L Egn. S. c. 14. *Ulph.* quiman, venire. *A. S.* coman, cuman *Al.* chumen. *Jsl.* komma. *Angl.* come. *Belg.* koomen. *Germ.* kommen. (Glossarium Suiogothicum, T. I, 1120). Очевидно, что отъ глагола: «komma, venire», *приходить, прибыть*, составилось и слово: «комментъ», такъ точно какъ

(*) См. Лексиконы Берынды, Поликарпова, Алексѣева и Российской академіи, подъ буквою К.

(**) См. Словарь Линде, подъ буквою К.

и нынѣшнія наши: *сходъ, сходбище, сходка,* происходятъ отъ глагола *ходить, приходить.* Въ словарѣ Росс. академіи (Ч. VI, 618 – 619): «*Сходъ,* сборъ народный сборище; *сходка,* тоже, что сходъ.» У Поликарпова (стр. ркд) «сходъ, *Συνοδος,* conventus,» слѣдовательно тоже, что разумѣетъ переводчикъ Льва Дьякона подъ выраженіемъ: consilium.

(89) Въ Латинскомъ переводѣ «qui dies erat septimanae sextus, a. d. IX, kal. August.» (Leo diac. p. 152); въ Русскомъ переводѣ: «въ шестый день недѣли, 24 Іюля» (Исторія Льва діак. стр. 94).

(90) «*Императоръ съ радостію согласился.*» Несторъ не передалъ намъ всѣхъ происшествій войны Святославовой противъ Грековъ; по крайней мѣрѣ то, что онъ говоритъ о концѣ этой войны совершенно согласно съ разсказомъ Византійцевъ.

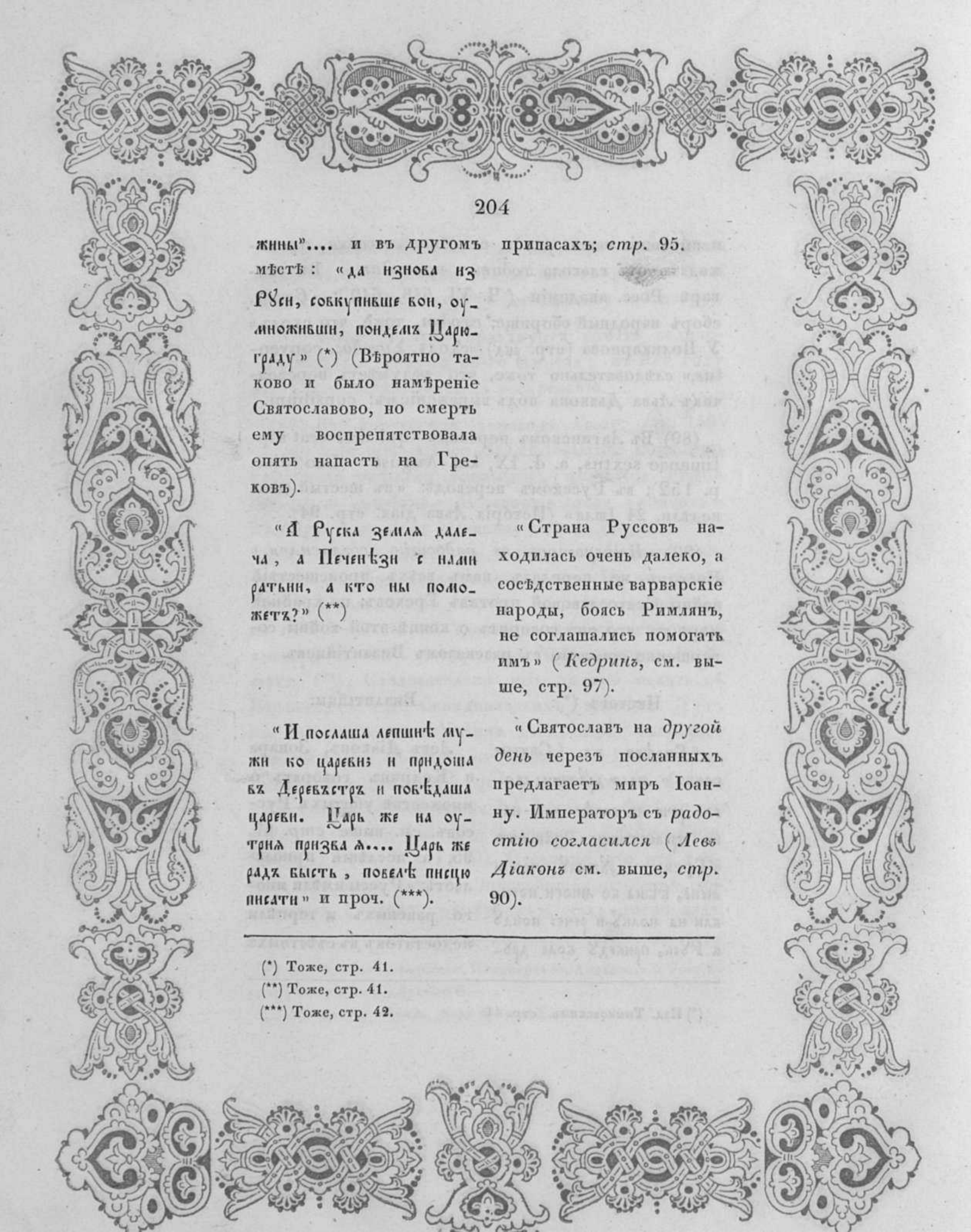
Несторъ (*):

«Видѣвъ же (Святославъ)» мало дружины своея, рече къ собѣ: еда како прельстивше избьютъ «(Греки)» дружину мою и мене, бѣша бо многи погибли на полку и рече: пойду в Русь, приведу боле дру-

Византійцы:

Левъ Діаконъ, Зонара и Кедринъ говорятъ о множествѣ убитыхъ Руссовъ, *см.* выше *стр.* 87, 95, а послѣній прибавляетъ: «Руссы имѣли много раненыхъ и терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ

(*) Изд. Тимковскимъ. стр. 41



жины".... и въ другомъ мѣстѣ: «да изнова из Руси, совкупивше вои, оумноживши, пойдемъ Царюграду» (*) (Вѣроятно таково и было намѣреніе Святославово, но смерть ему воспрепятствовала опять напасть на Грековъ).

припасахъ; *стр.* 95.

«А Руска земля далеча, а Печенѣзи с нами ратьни, а кто ны поможетъ?» (**)

«Страна Руссовъ находилась очень далеко, а сосѣдственные варварскіе народы, боясь Римлянъ, не соглашались помогать имъ» (*Кедринъ*, см. выше, стр. 97).

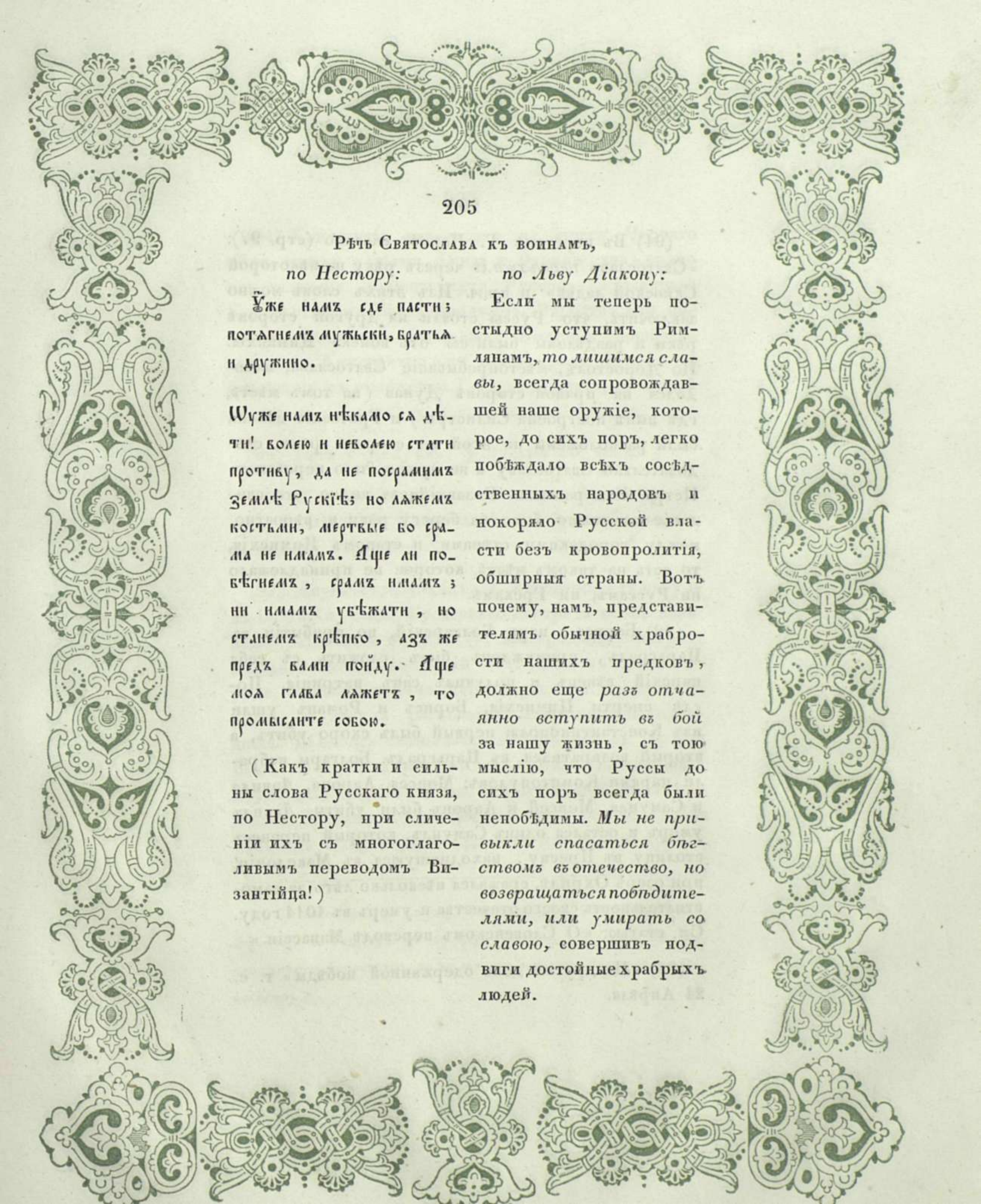
«И послаша лепшиѣ мужи ко цареви и придоша въ Деревъстръ и повѣдаша цареви. Царь же на оутрия призва я.... Царь же радъ бысть, повелѣ писцю писати» и проч. (***).

«Святославъ на *другой день* черезъ посланныхъ предлагаетъ миръ Іоанну. Императоръ съ *радостію согласился* (*Левъ Діаконъ* см. выше, *стр.* 90).

(*) Тоже, стр. 41.

(**) Тоже, стр. 41.

(***) Тоже, стр. 42.



Рѣчь Святослава къ воинамъ,

по Нестору:

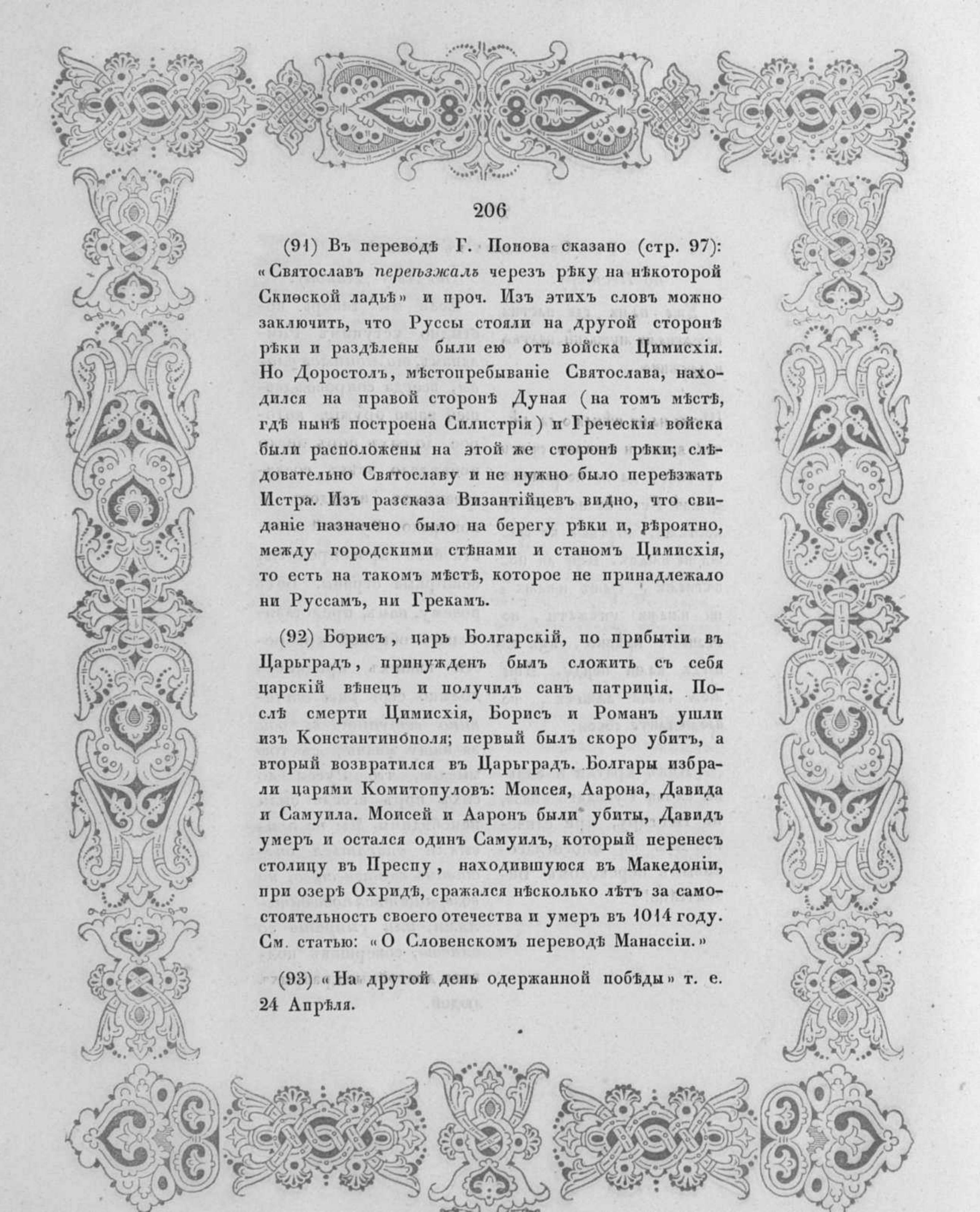
Ѹже намъ єде пасти; потѧгнемъ мужьски, братьѧ и дружино.

Ѡуже намъ нѣкамо сѧ дѣти! волею и неволею стати противу, да не посрамимъ землѣ Рускіѣ; но лѧжемъ костьми, мертвые бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ; ни имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду. Аще моѧ глава лѧжетъ, то промыслите собою.

(Какъ кратки и сильны слова Русскаго князя, по Нестору, при сличеніи ихъ съ многоглаголивымъ переводомъ Византійца!)

по Льву Діакону:

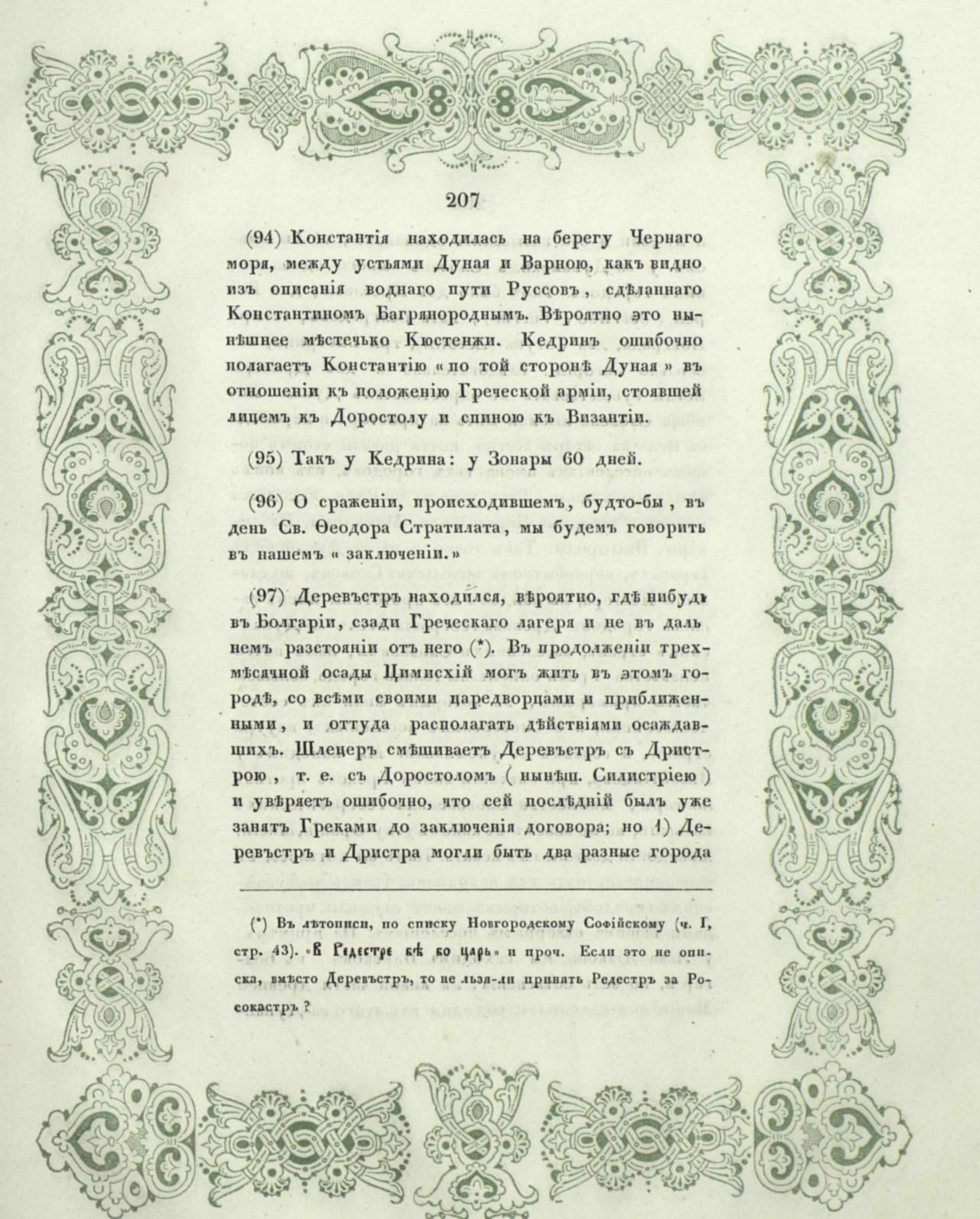
Если мы теперь постыдно уступимъ Римлянамъ, *то лишимся славы,* всегда сопровождавшей наше оружіе, которое, до сихъ поръ, легко побѣждало всѣхъ сосѣдственныхъ народовъ и покоряло Русской власти безъ кровопролитія, обширныя страны. Вотъ почему, намъ, представителямъ обычной храбрости нашихъ предковъ, должно еще *разъ отчаянно вступить въ бой* за нашу жизнь, съ тою мыслію, что Руссы до сихъ поръ всегда были непобѣдимы. *Мы не привыкли спасаться бѣгствомъ въ отечество, но возвращаться побѣдителями, или умирать со славою,* совершивъ подвиги достойные храбрыхъ людей.



(91) Въ переводѣ Г. Попова сказано (стр. 97): «Святославъ *переѣзжалъ* черезъ рѣку на нѣкоторой Скиѳской ладьѣ» и проч. Изъ этихъ словъ можно заключить, что Руссы стояли на другой сторонѣ рѣки и раздѣлены были ею отъ войска Цимисхія. Но Доростолъ, мѣстопребываніе Святослава, находился на правой сторонѣ Дуная (на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ построена Силистрія) и Греческія войска были расположены на этой же сторонѣ рѣки; слѣдовательно Святославу и не нужно было переѣзжать Истра. Изъ разсказа Византійцевъ видно, что свиданіе назначено было на берегу рѣки и, вѣроятно, между городскими стѣнами и становъ Цимисхія, то есть на такомъ мѣстѣ, которое не принадлежало ни Руссамъ, ни Грекамъ.

(92) Борисъ, царь Болгарскій, по прибытіи въ Царьградъ, принужденъ былъ сложить съ себя царскій вѣнецъ и получилъ санъ патриція. Послѣ смерти Цимисхія, Борисъ и Романъ ушли изъ Константинополя; первый былъ скоро убитъ, а вторый возвратился въ Царьградъ. Болгары избрали царями Комитопуловъ: Моисея, Аарона, Давида и Самуила. Моисей и Ааронъ были убиты, Давидъ умеръ и остался одинъ Самуилъ, который перенесъ столицу въ Преспу, находившуюся въ Македоніи, при озерѣ Охридѣ, сражался нѣсколько лѣтъ за самостоятельность своего отечества и умеръ въ 1014 году. См. статью: «О Словенскомъ переводѣ Манассіи.»

(93) «На другой день одержанной побѣды» т. е. 24 Апрѣля.



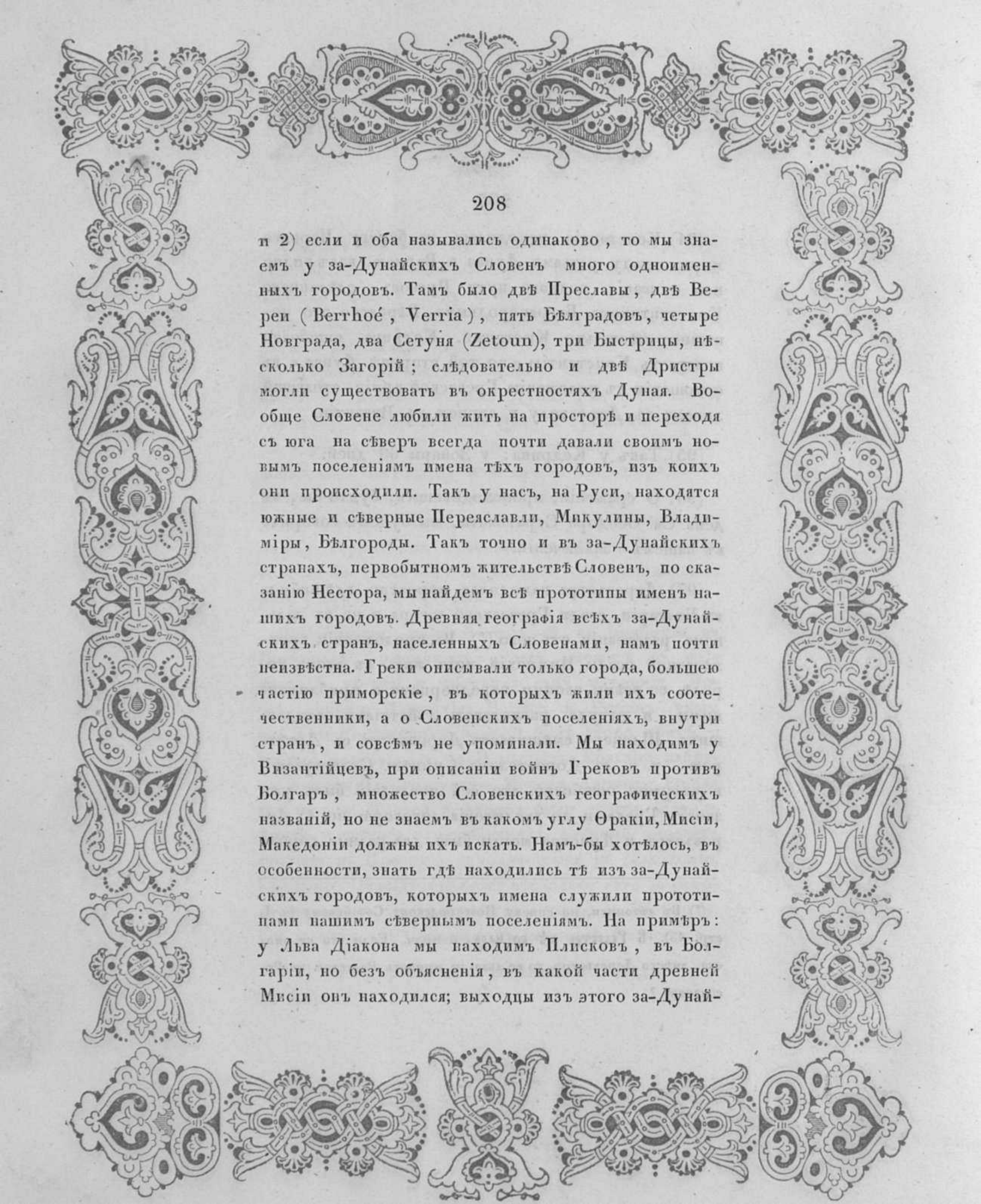
(94) Константія находилась на берегу Чернаго моря, между устьями Дуная и Варною, какъ видно изъ описанія воднаго пути Руссовъ, сдѣланнаго Константиномъ Багрянороднымъ. Вѣроятно это нынѣшнее мѣстечько Кюстенжи. Кедринъ ошибочно полагаетъ Константію « по той сторонѣ Дуная » въ отношеніи къ положенію Греческой арміи, стоявшей лицемъ къ Доростолу и спиною къ Византіи.

(95) Такъ у Кедрина: у Зонары 60 дней.

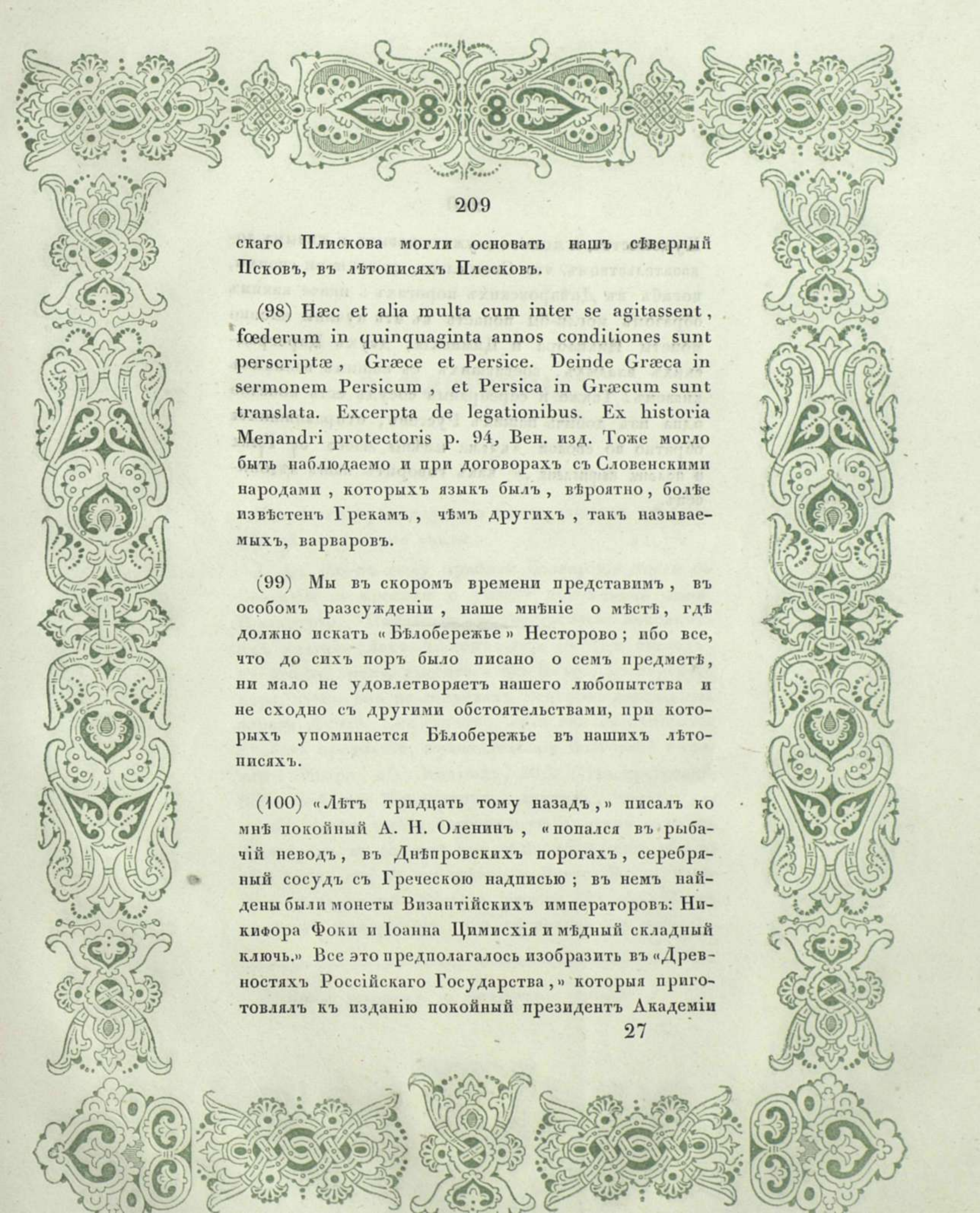
(96) О сраженіи, происходившемъ, будто-бы, въ день Св. Ѳеодора Стратилата, мы будемъ говорить въ нашемъ « заключеніи. »

(97) Деревъстръ находился, вѣроятно, гдѣ нибудь въ Болгаріи, сзади Греческаго лагеря и не въ дальнемъ разстояніи отъ него (*). Въ продолженіи трехмѣсячной осады Цимисхій могъ жить въ этомъ городѣ, со всѣми своими царедворцами и приближенными, и оттуда располагать дѣйствіями осаждавшихъ. Шлецеръ смѣшиваетъ Деревъстръ съ Дристрою, т. е. съ Доростоломъ (нынѣш. Силистріею) и увѣряетъ ошибочно, что сей послѣдній былъ уже занятъ Греками до заключенія договора; но 1) Деревъстръ и Дристра могли быть два разные города

(*) Въ лѣтописи, по списку Новгородскому Софійскому (ч. I, стр. 43). « В Редестре бѣ бо царь » и проч. Если это не описка, вмѣсто Деревъстръ, то не льзя-ли принять Редестръ за Росокастръ ?



и 2) если и оба назывались одинаково, то мы знаемъ у за-Дунайскихъ Словенъ много одноименныхъ городовъ. Тамъ было двѣ Преславы, двѣ Вереи (Berrhoé, Verria), пять Бѣлградовъ, четыре Новграда, два Сетуня (Zetoun), три Быстрицы, нѣсколько Загорій; слѣдовательно и двѣ Дристры могли существовать въ окрестностяхъ Дуная. Вообще Словене любили жить на просторѣ и переходя съ юга на сѣверъ всегда почти давали своимъ новымъ поселеніямъ имена тѣхъ городовъ, изъ коихъ они происходили. Такъ у насъ, на Руси, находятся южные и сѣверные Переяславли, Микулины, Владиміры, Бѣлгороды. Такъ точно и въ за-Дунайскихъ странахъ, первобытномъ жительствѣ Словенъ, по сказанію Нестора, мы найдемъ всѣ прототипы именъ нашихъ городовъ. Древняя географія всѣхъ за-Дунайскихъ странъ, населенныхъ Словенами, намъ почти неизвѣстна. Греки описывали только города, большею частію приморскіе, въ которыхъ жили ихъ соотечественники, а о Словенскихъ поселеніяхъ, внутри странъ, и совсѣмъ не упоминали. Мы находимъ у Византійцевъ, при описаніи войнъ Грековъ противъ Болгаръ, множество Словенскихъ географическихъ названій, но не знаемъ въ какомъ углу Ѳракіи, Мисіи, Македоніи должны ихъ искать. Намъ-бы хотѣлось, въ особенности, знать гдѣ находились тѣ изъ за-Дунайскихъ городовъ, которыхъ имена служили прототипами нашимъ сѣвернымъ поселеніямъ. На примѣръ: у Льва Діакона мы находимъ Плисковъ, въ Болгаріи, но безъ объясненія, въ какой части древней Мисіи онъ находился; выходцы изъ этого за-Дунай-

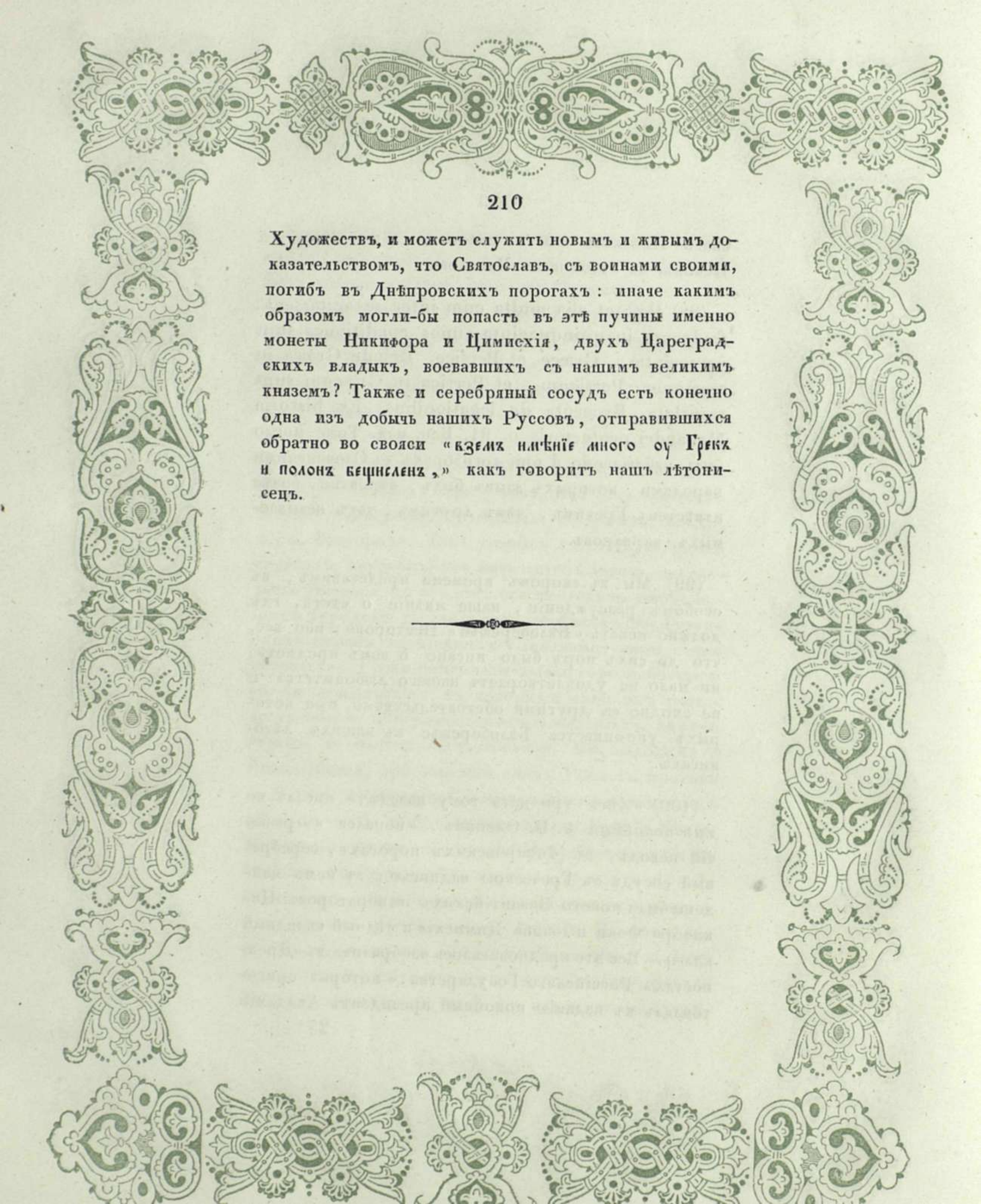


скаго Плискова могли основать нашъ сѣверный Псковъ, въ лѣтописяхъ Плесковъ.

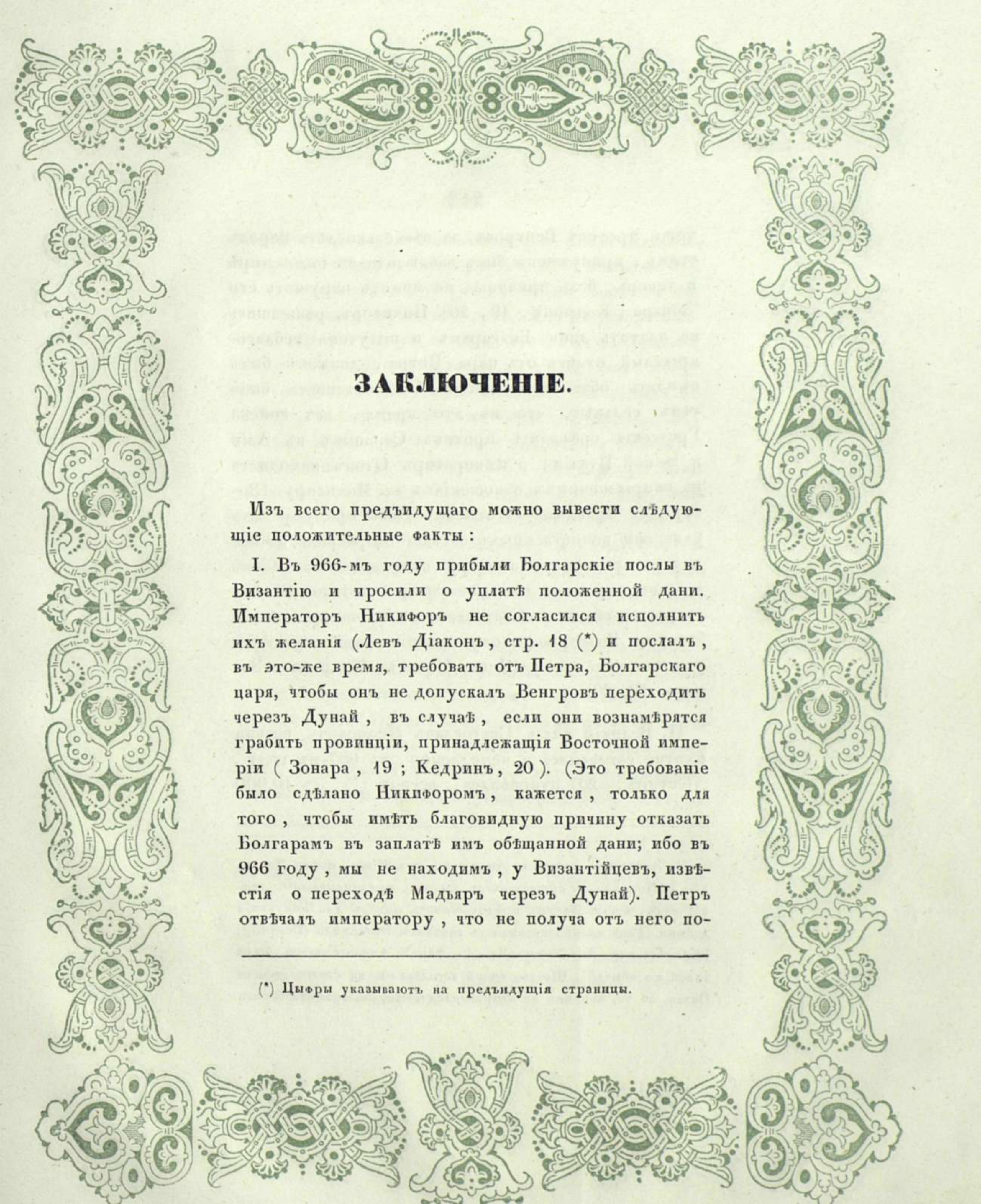
(98) Hæc et alia multa cum inter se agitassent, fœderum in quinquaginta annos conditiones sunt perscriptæ, Græce et Persice. Deinde Græca in sermonem Persicum, et Persica in Græcum sunt translata. Excerpta de legationibus. Ex historia Menandri protectoris p. 94, Вен. изд. Тоже могло быть наблюдаемо и при договорахъ съ Словенскими народами, которыхъ языкъ былъ, вѣроятно, болѣе извѣстенъ Грекамъ, чѣмъ другихъ, такъ называемыхъ, варваровъ.

(99) Мы въ скоромъ времени представимъ, въ особомъ разсужденіи, наше мнѣніе о мѣстѣ, гдѣ должно искать «Бѣлобережье» Несторово; ибо все, что до сихъ поръ было писано о семъ предметѣ, ни мало не удовлетворяетъ нашего любопытства и не сходно съ другими обстоятельствами, при которыхъ упоминается Бѣлобережье въ нашихъ лѣтописяхъ.

(100) «Лѣтъ тридцать тому назадъ,» писалъ ко мнѣ покойный А. Н. Оленинъ, «попался въ рыбачій неводъ, въ Днѣпровскихъ порогахъ, серебряный сосудъ съ Греческою надписью; въ немъ найдены были монеты Византійскихъ императоровъ: Никифора Фоки и Іоанна Цимисхія и мѣдный складный ключь.» Все это предполагалось изобразить въ «Древностяхъ Россійскаго Государства,» которыя приготовлялъ къ изданію покойный президентъ Академіи



Художествъ, и можетъ служить новымъ и живымъ доказательствомъ, что Святославъ, съ воинами своими, погибъ въ Днѣпровскихъ порогахъ: иначе какимъ образомъ могли-бы попасть въ этѣ пучины именно монеты Никифора и Цимисхія, двухъ Цареградскихъ владыкъ, воевавшихъ съ нашимъ великимъ княземъ? Также и серебряный сосудъ есть конечно одна изъ добычь нашихъ Руссовъ, отправившихся обратно во свояси «вземъ имѣніе много оу Грекъ и полонъ бещисленъ,» какъ говоритъ нашъ лѣтописецъ.



ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ всего предъидущаго можно вывести слѣдующіе положительные факты :

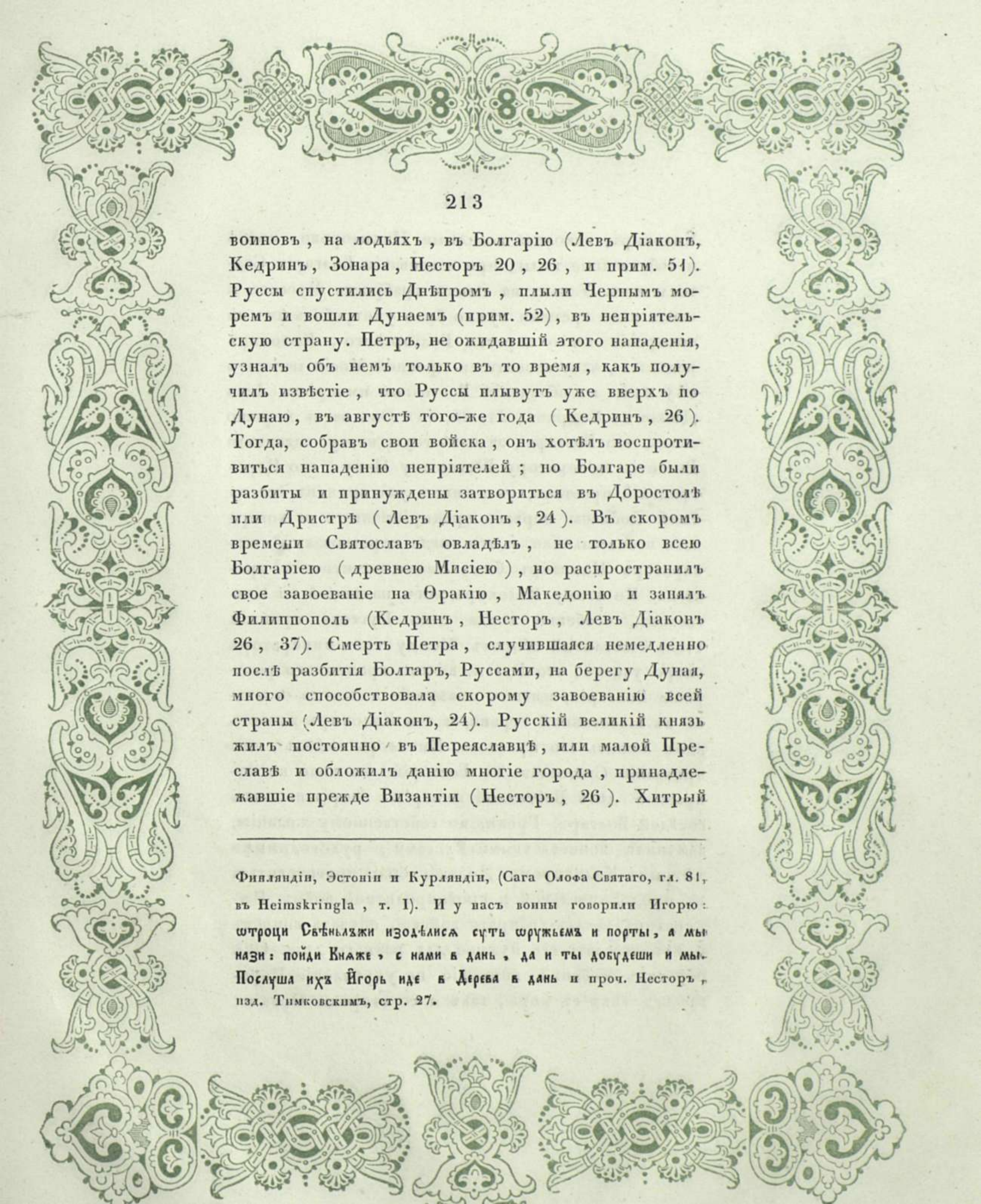
I. Въ 966-мъ году прибыли Болгарскіе послы въ Византію и просили о уплатѣ положенной дани. Императоръ Никифоръ не согласился исполнить ихъ желанія (Левъ Діаконъ, стр. 18 (*) и послалъ, въ это-же время, требовать отъ Петра, Болгарскаго царя, чтобы онъ не допускалъ Венгровъ переходить черезъ Дунай, въ случаѣ, если они вознамѣрятся грабить провинціи, принадлежащія Восточной имперіи (Зонара, 19 ; Кедринъ, 20). (Это требованіе было сдѣлано Никифоромъ, кажется, только для того, чтобы имѣть благовидную причину отказать Болгарамъ въ заплатѣ имъ обѣщанной дани; ибо въ 966 году, мы не находимъ, у Византійцевъ, извѣстія о переходѣ Мадьяръ черезъ Дунай). Петръ отвѣчалъ императору, что не получа отъ него по-

(*) Цыфры указываютъ на предъидущія страницы.

мощи противъ Венгровъ, за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, принужденъ былъ заключить съ ними миръ и теперь, безъ причины, не можетъ нарушить его (Зонара, Кедринъ, 19, 20). Никифоръ, рѣшившись не платить дани Болгарамъ и получивъ неблагопріятный отвѣтъ отъ царя Петра, долженъ былъ ожидать объявленія войны. Сія опасность была тѣмъ сильнѣе, что въ это время, всѣ войска Греческія сражались противъ Сарацынъ въ Азіи и южной Италіи; а императоръ Отонъ находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Никифору (Зонара, 19; западные лѣтописцы). Дабы предупредить нападенія воинственныхъ сосѣдей Царьграда, императоръ приказалъ Калокиру отправиться въ Кіевъ и, давъ ему пятнадцать кентинарій золота, велѣлъ стараться склонить Святослава къ произведенію набѣга на Болгарію и опустошенію этой страны за условленную плату (Левъ Діаконъ, Кедринъ, Зонара, 19, 20).

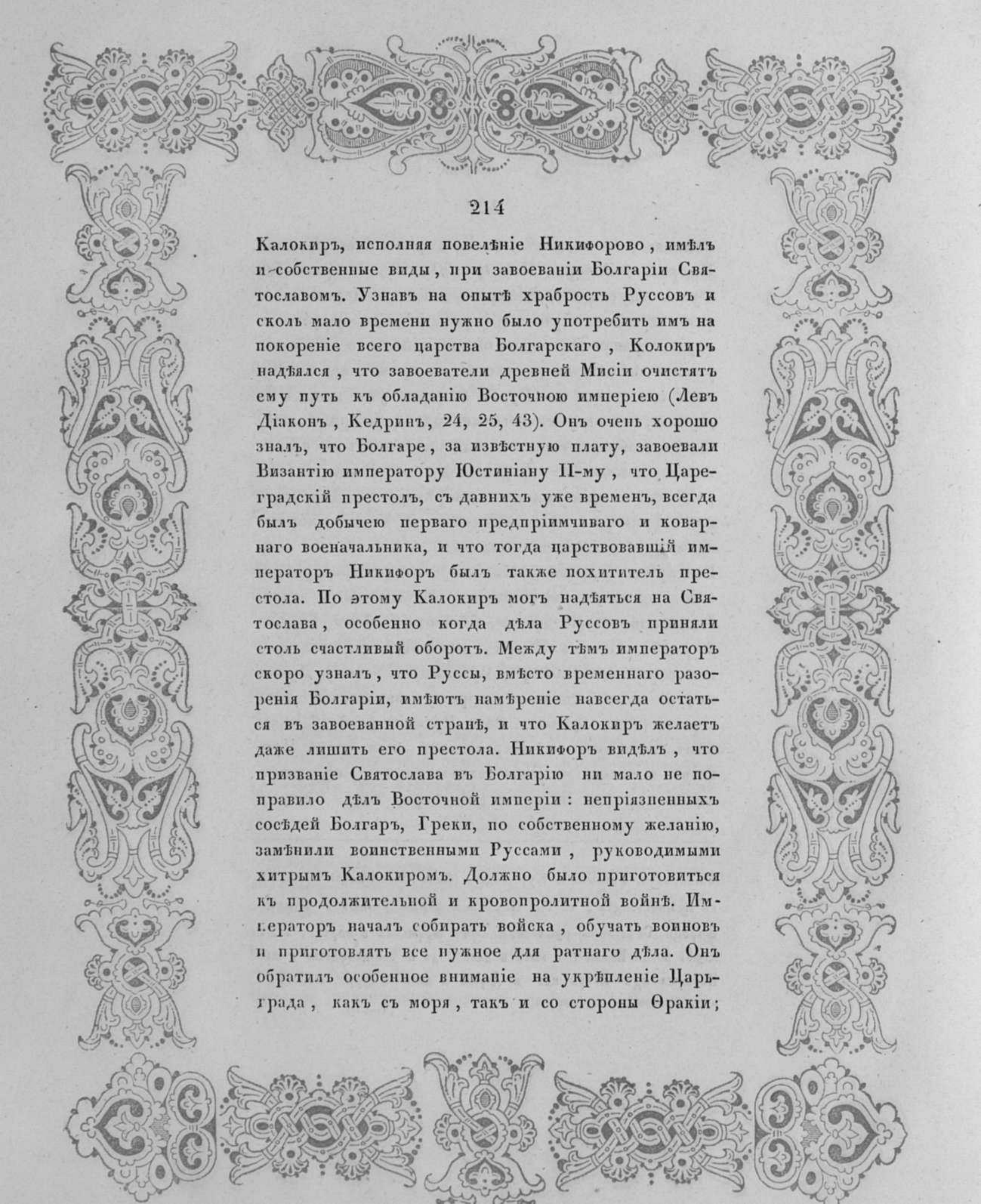
II. Великій князь Святославъ Игоревичь весьма охотно согласился и немедленно, въ 967-мъ году, (Несторъ, 20) отправился, весною (*), съ 10,000

(*) Святославъ, конечно, отправился изъ Кіева, послѣ Пасхи, ибо у Норманновъ существовалъ законъ, предписывавшій всякій годъ, послѣ Пасхи, предпринимать походъ для полученія добычи. Такъ именно сказано въ законахъ Этельрида (Depping; hist. des exp. des Normands, I, 75). У Англо Саксовъ былъ такой-же обычай. Шведы очень негодовали на своего короля Олава, за то, что онъ не отправлялся ежегодно грабить берега

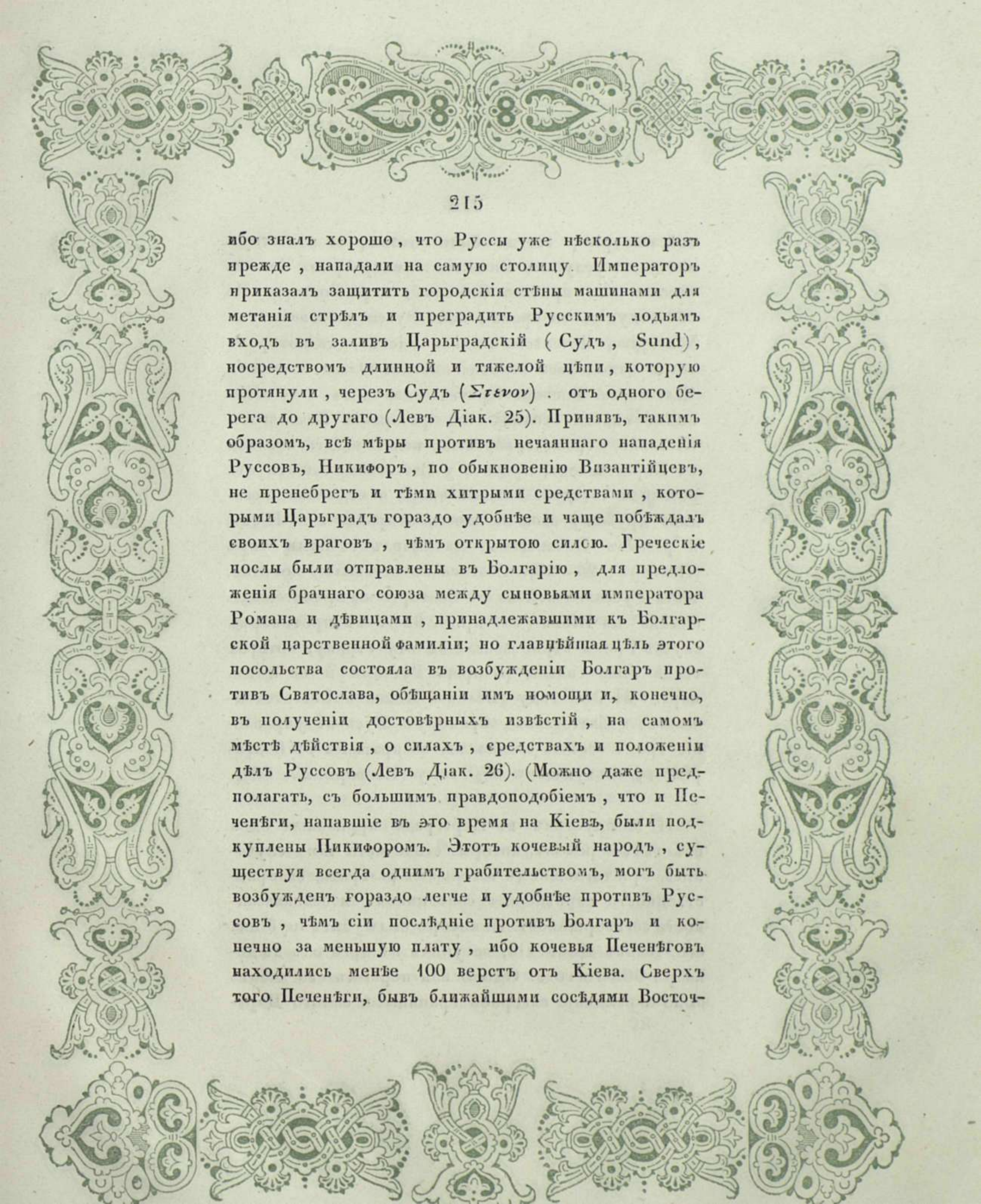


воиновъ, на лодьяхъ, въ Болгарію (Левъ Діаконъ, Кедринъ, Зонара, Несторъ 20, 26, и прим. 51). Руссы спустились Днѣпромъ, плыли Чернымъ моремъ и вошли Дунаемъ (прим. 52), въ непріятельскую страну. Петръ, не ожидавшій этого нападенія, узналъ объ немъ только въ то время, какъ получилъ извѣстіе, что Руссы плывутъ уже вверхъ по Дунаю, въ августѣ того-же года (Кедринъ, 26). Тогда, собравъ свои войска, онъ хотѣлъ воспротивиться нападенію непріятелей; но Болгаре были разбиты и принуждены затвориться въ Доростолѣ или Дристрѣ (Левъ Діаконъ, 24). Въ скоромъ времени Святославъ овладѣлъ, не только всею Болгаріею (древнею Мисіею), но распространилъ свое завоеваніе на Ѳракію, Македонію и занялъ Филиппополь (Кедринъ, Несторъ, Левъ Діаконъ 26, 37). Смерть Петра, случившаяся немедленно послѣ разбитія Болгаръ, Руссами, на берегу Дуная, много способствовала скорому завоеванію всей страны (Левъ Діаконъ, 24). Русскій великій князь жилъ постоянно въ Переяславцѣ, или малой Преславѣ и обложилъ данію многіе города, принадлежавшіе прежде Византіи (Несторъ, 26). Хитрый

Финляндіи, Эстоніи и Курляндіи, (Сага Олофа Святаго, гл. 81, въ Heimskringla, т. I). И у насъ воины говорили Игорю: отроци Свѣньлъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази: пойди Княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы. Послуша ихъ Игорь иде в Дерева в дань и проч. Несторъ, изд. Тимковскимъ, стр. 27.



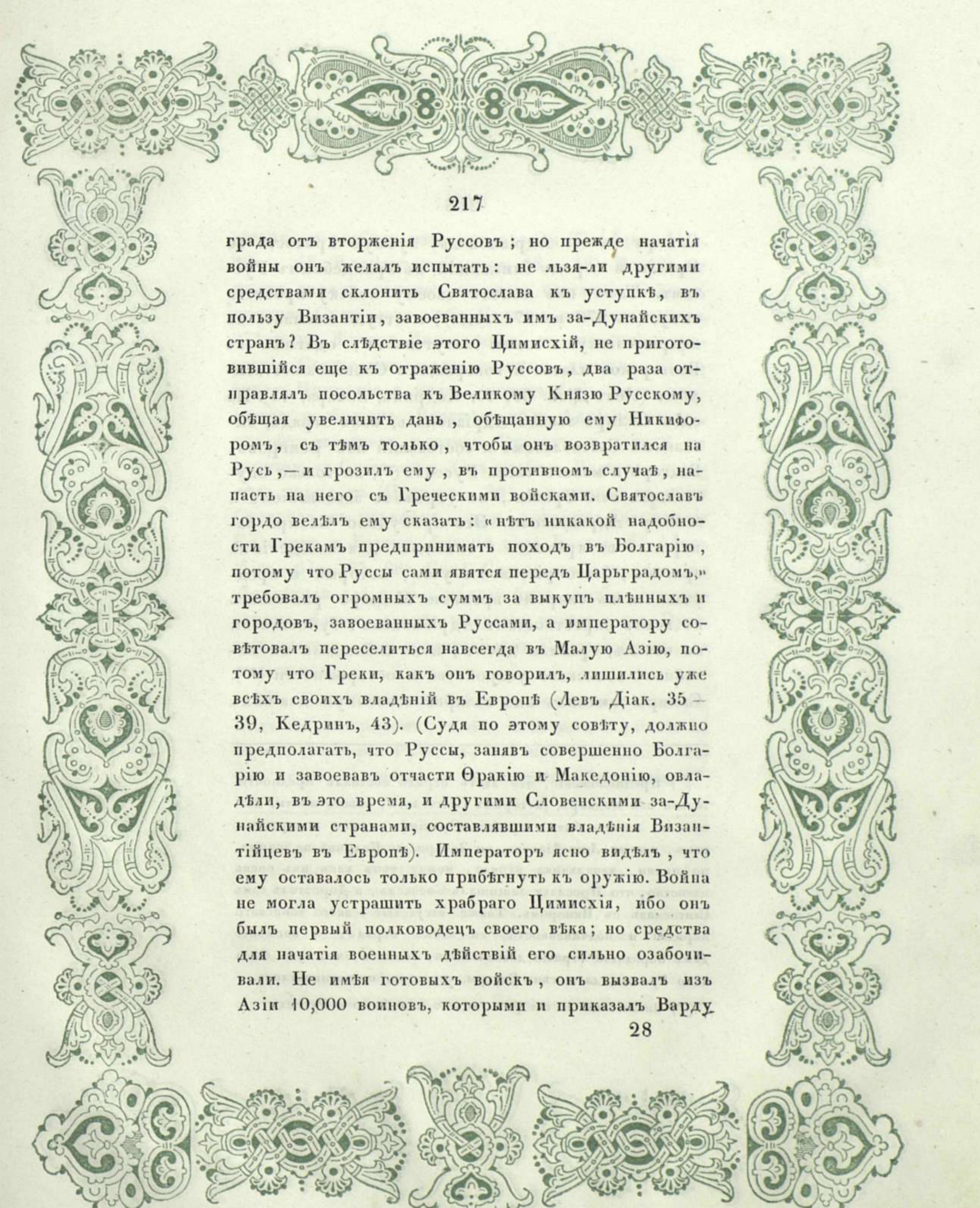
Калокиръ, исполняя повелѣніе Никифорово, имѣлъ и собственные виды, при завоеваніи Болгаріи Святославомъ. Узнавъ на опытѣ храбрость Руссовъ и сколь мало времени нужно было употребить имъ на покореніе всего царства Болгарскаго, Колокиръ надѣялся, что завоеватели древней Мисіи очистятъ ему путь къ обладанію Восточною имперіею (Левъ Діаконъ, Кедринъ, 24, 25, 43). Онъ очень хорошо зналъ, что Болгаре, за извѣстную плату, завоевали Византію императору Юстиніану II-му, что Царе-градскій престолъ, съ давнихъ уже временъ, всегда былъ добычею перваго предпріимчиваго и коварнаго военачальника, и что тогда царствовавшій императоръ Никифоръ былъ также похититель престола. По этому Калокиръ могъ надѣяться на Святослава, особенно когда дѣла Руссовъ приняли столь счастливый оборотъ. Между тѣмъ императоръ скоро узналъ, что Руссы, вмѣсто временнаго разоренія Болгаріи, имѣютъ намѣреніе навсегда остаться въ завоеванной странѣ, и что Калокиръ желаетъ даже лишить его престола. Никифоръ видѣлъ, что призваніе Святослава въ Болгарію ни мало не поправило дѣлъ Восточной имперіи: непріязненныхъ сосѣдей Болгаръ, Греки, по собственному желанію, замѣнили воинственными Руссами, руководимыми хитрымъ Калокиромъ. Должно было приготовиться къ продолжительной и кровопролитной войнѣ. Императоръ началъ собирать войска, обучать воиновъ и приготовлять все нужное для ратнаго дѣла. Онъ обратилъ особенное вниманіе на укрѣпленіе Царь-града, какъ съ моря, такъ и со стороны Ѳракіи;



ибо зналъ хорошо, что Руссы уже нѣсколько разъ прежде, нападали на самую столицу. Императоръ приказалъ защитить городскія стѣны машинами для метанія стрѣлъ и преградить Русскимъ лодьямъ входъ въ заливъ Царьградскій (Судъ, Sund), посредствомъ длинной и тяжелой цѣпи, которую протянули, черезъ Судъ (Στενον). отъ одного берега до другаго (Левъ Діак. 25). Принявъ, такимъ образомъ, всѣ мѣры противъ нечаяннаго нападенія Руссовъ, Никифоръ, по обыкновенію Византійцевъ, не пренебрегъ и тѣми хитрыми средствами, которыми Царьградъ гораздо удобнѣе и чаще побѣждалъ своихъ враговъ, чѣмъ открытою силою. Греческіе послы были отправлены въ Болгарію, для предложенія брачнаго союза между сыновьями императора Романа и дѣвицами, принадлежавшими къ Болгарской царственной фамиліи; но главнѣйшая цѣль этого посольства состояла въ возбужденіи Болгаръ противъ Святослава, обѣщаніи имъ помощи и, конечно, въ полученіи достовѣрныхъ извѣстій, на самомъ мѣстѣ дѣйствія, о силахъ, средствахъ и положеніи дѣлъ Руссовъ (Левъ Діак. 26). (Можно даже предполагать, съ большимъ правдоподобіемъ, что и Печенѣги, напавшіе въ это время на Кіевъ, были подкуплены Никифоромъ. Этотъ кочевый народъ, существуя всегда однимъ грабительствомъ, могъ быть возбужденъ гораздо легче и удобнѣе противъ Руссовъ, чѣмъ сіи послѣдніе противъ Болгаръ и конечно за меньшую плату, ибо кочевья Печенѣговъ находились менѣе 100 верстъ отъ Кіева. Сверхъ того Печенѣги, бывъ ближайшими сосѣдями Восточ-

ной имперіи, всегда были готовы, за извѣстную плату, къ услугамъ Византіи: императрица Зоя нанимала ихъ противъ Симеона, царя Болгаръ. Въ 968 году, въ то время, какъ Руссы завоевали уже Болгарію, Печенѣги осадили Кіевъ, въ которомъ тогда находилась великая княгиня Ольга съ дѣтьми Святослава. Воевода Прѣтичь едва могъ, и то обманомъ, спасти столицу отъ разоренія Печенѣговъ. Кіевляне, страшась, вѣроятно, новаго набѣга, послали въ Переяславецъ, просить у Святослава защиты отъ кочевыхъ сосѣдей. Великій князь, немедленно, посадивъ дружину свою на коней, отправился въ Кіевъ, и разбивъ Печенѣговъ, заключилъ съ ними миръ (Несторъ, 26—28). Святославъ оставилъ, конечно, часть Русскаго войска въ Болгаріи на время своего похода въ Кіевъ (см. прим. 62): въ противномъ случаѣ Греки вѣрно заняли-бы эту страну, которая тогда была сильно разорена Руссами и не имѣла царя. Въ 969 году Великая Княгиня Ольга скончалась; а Святославъ, препоруча Русь въ управленіе тремъ своимъ сыновьямъ, возвратился въ Болгарію, въ слѣдующемъ 970 году (Несторъ 29, 30).

III. Между тѣмъ въ Царьградѣ произошла одна изъ тѣхъ перемѣнъ, которыя столь часто тамъ случались, при тогдашнемъ всеобщемъ развратѣ, безнравственности первѣйшихъ сановниковъ и безнаказанности заговорщиковъ. Никифоръ былъ убитъ и убійца его, Іоаннъ Цимисхій, вступилъ на престолъ въ декабрѣ 969-го года. Одною изъ первыхъ его заботъ было огражденіе сѣверной границы и самого Царь-

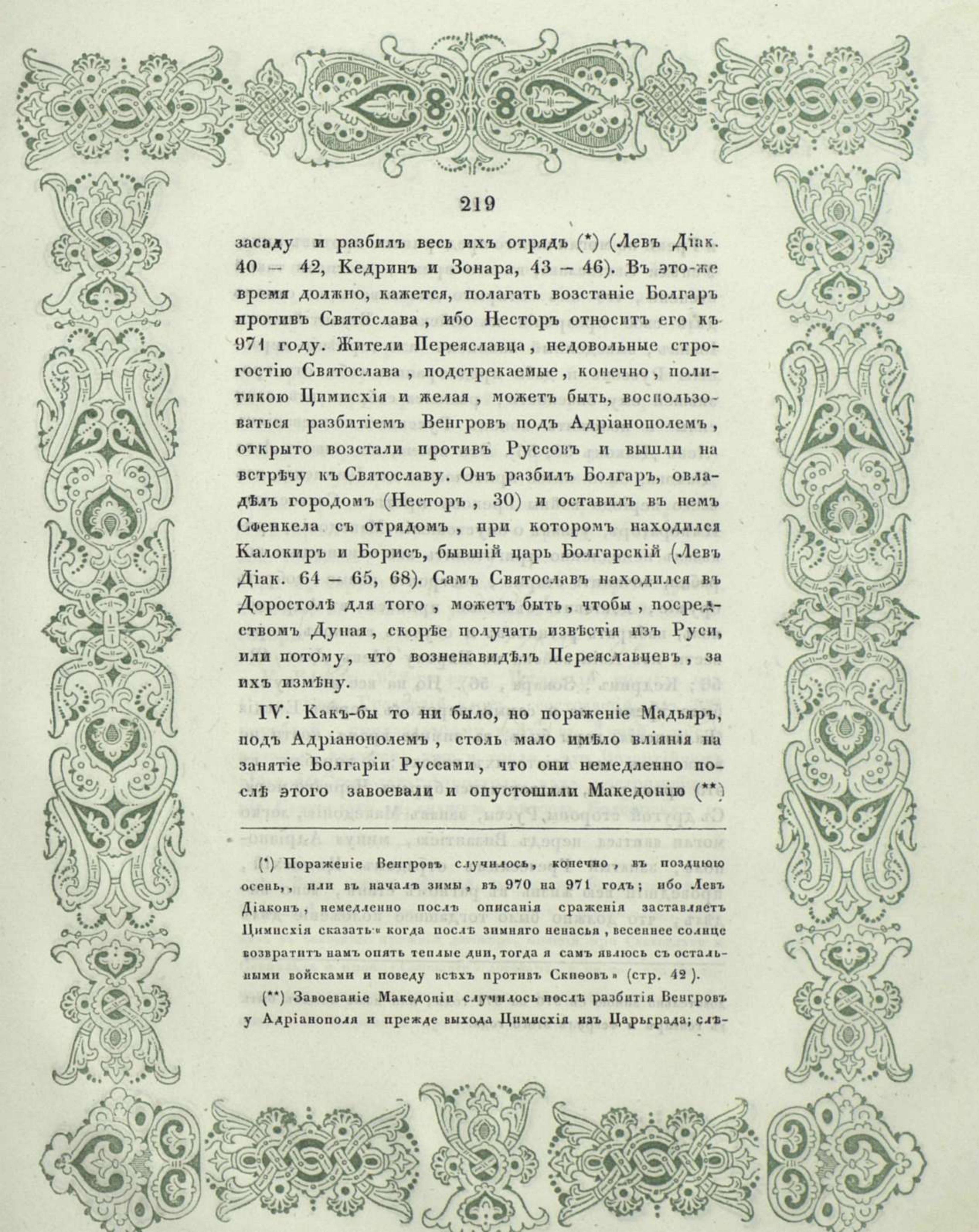


града отъ вторженія Руссовъ; но прежде начатія войны онъ желалъ испытать: не льзя-ли другими средствами склонить Святослава къ уступкѣ, въ пользу Византіи, завоеванныхъ имъ за-Дунайскихъ странъ? Въ слѣдствіе этого Цимисхій, не приготовившійся еще къ отраженію Руссовъ, два раза отправлялъ посольства къ Великому Князю Русскому, обѣщая увеличить дань, обѣщанную ему Никифоромъ, съ тѣмъ только, чтобы онъ возвратился на Русь,—и грозилъ ему, въ противномъ случаѣ, напасть на него съ Греческими войсками. Святославъ гордо велѣлъ ему сказать: «нѣтъ никакой надобности Грекамъ предпринимать походъ въ Болгарію, потому что Руссы сами явятся передъ Царьградомъ,» требовалъ огромныхъ суммъ за выкупъ плѣнныхъ и городовъ, завоеванныхъ Руссами, а императору совѣтовалъ переселиться навсегда въ Малую Азію, потому что Греки, какъ онъ говорилъ, лишились уже всѣхъ своихъ владѣній въ Европѣ (Левъ Діак. 35—39, Кедринъ, 43). (Судя по этому совѣту, должно предполагать, что Руссы, занявъ совершенно Болгарію и завоевавъ отчасти Ѳракію и Македонію, овладѣли, въ это время, и другими Словенскими за-Дунайскими странами, составлявшими владѣнія Византійцевъ въ Европѣ). Императоръ ясно видѣлъ, что ему оставалось только прибѣгнуть къ оружію. Война не могла устрашить храбраго Цимисхія, ибо онъ былъ первый полководецъ своего вѣка; но средства для начатія военныхъ дѣйствій его сильно озабочивали. Не имѣя готовыхъ войскъ, онъ вызвалъ изъ Азіи 10,000 воиновъ, которыми и приказалъ Варду

Склиру занять Адріанополь, лучшую крѣпость во Ѳракіи и городъ ближайшій къ враждебнымъ Руссамъ. Тамъ онъ велѣлъ своему войску провести зиму, (съ 970 на 971 годъ), и оттуда посылать въ непріятельскую землю лазутчиковъ, одѣтыхъ въ Болгарское платье и говорящихъ Словенскимъ языкомъ (Левъ Діак. 39, 40; Кедринъ, Зонара, 43). Но едва Склиръ занялъ Адріанополь, какъ отрядъ, высланный Святославомъ и состоявшій изъ Венгровъ, Болгаръ и малаго числа Руссовъ (*), не только опустошилъ всю Ѳракію, но угрожалъ завоеваніемъ и самому Адріанополю. Это принудило Склира запереться въ крѣпости и выжидать, для нападенія на враговъ, благопріятнаго случая, который и представился въ скоромъ времени. Мадьяре разсѣялись по всѣмъ окрестностямъ Адріанополя, буйствовали по ночамъ, грабили днемъ, и не соблюдали ни малѣйшаго воинскаго устройства и осторожности (**). Склиръ заманилъ ихъ въ приготовленную для нихъ

(*) Предположеніе, что этотъ отрядъ состоялъ предпочтительно изъ Мадьяръ, (которымъ Святославъ, вмѣсто платы, дозволилъ, можетъ быть, грабить Ѳракію), можно подкрѣпить тѣмъ, что ни Левъ Діаконъ, ни Зонара, ни Кедринъ не знаютъ, по имени, начальника отряда, между тѣмъ какъ имъ очень извѣстно, что Преславу защищалъ Сфенкелъ, а Доростолъ самъ Святославъ съ Икморомъ. Также отсутствіе всякаго воинскаго порядка и подчиненности, въ этомъ отрядѣ, и неимѣніе даже передовой стражи доказываютъ, кажется, что тутъ было мало Руссовъ, да и тѣмъ Венгры, вѣроятно, не повиновались.

(**) Византійцы не говорятъ ничего подобнаго о Руссахъ.



засаду и разбилъ весь ихъ отрядъ (*) (Левъ Діак. 40 – 42, Кедринъ и Зонара, 43 – 46). Въ это-же время должно, кажется, полагать возстаніе Болгаръ противъ Святослава, ибо Несторъ относитъ его къ 971 году. Жители Переяславца, недовольные строгостію Святослава, подстрекаемые, конечно, политикою Цимисхія и желая, можетъ быть, воспользоваться разбитіемъ Венгровъ подъ Адріанополемъ, открыто возстали противъ Руссовъ и вышли на встрѣчу къ Святославу. Онъ разбилъ Болгаръ, овладѣлъ городомъ (Несторъ, 30) и оставилъ въ немъ Сфенкела съ отрядомъ, при которомъ находился Калокиръ и Борисъ, бывшій царь Болгарскій (Левъ Діак. 64 – 65, 68). Самъ Святославъ находился въ Доростолѣ для того, можетъ быть, чтобы, посредствомъ Дуная, скорѣе получать извѣстія изъ Руси, или потому, что возненавидѣлъ Переяславцевъ, за ихъ измѣну.

IV. Какъ-бы то ни было, но пораженіе Мадьяръ, подъ Адріанополемъ, столь мало имѣло вліянія на занятіе Болгаріи Руссами, что они немедленно послѣ этого завоевали и опустошили Македонію (**)

(*) Пораженіе Венгровъ случилось, конечно, въ позднюю осень,, или въ началѣ зимы, въ 970 на 971 годъ; ибо Левъ Діаконъ, немедленно послѣ описанія сраженія заставляетъ Цимисхія сказать « когда послѣ зимняго ненасья, весеннее солнце возвратитъ намъ опять теплые дни, тогда я самъ явлюсь съ остальными войсками и поведу всѣхъ противъ Скиѳовъ » (стр. 42).

(**) Завоеваніе Македоніи случилось послѣ разбитія Венгровъ у Адріанополя и прежде выхода Цимисхія изъ Царьграда; слѣ-

и Греки не могли ничего предпринять противъ нихъ. Успѣхи Святослава, въ это время, достигли такой степени, что онъ «открыто доказывалъ на самомъ дѣлѣ свое презрѣніе къ войскамъ Византійскимъ. Іоаннъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія дерзостію Руссовъ и дабы предохранить себя отъ грозившей ему опасности, рѣшился собрать всѣ свои силы и положить конецъ Русскимъ завоеваніямъ (Левъ Діаконъ 55, 56). Это время, по словамъ Льва Діакона, было самое критическое для Цимисхія, изъ всего періода войны Грековъ противъ Святослава. Императоръ, узнавъ о опустошеніи Македоніи, приказалъ немедленно приготовить всѣ огненосные корабли, починить старые, построить новые, собрать оружіе, доставить съѣстные припасы въ Адріанополь, набирать ратниковъ и обучать воиновъ, перевести изъ Азіи войска въ Европу (Левъ Діак. 42, 56; Кедринъ, Зонара, 56). Но на все это нужно было время, да и самый переходъ черезъ Емскія (Балканскія) горы былъ, въ зимнее время, почти не возможенъ для Азіатскихъ войскъ; а корабли, въ это время года, подвергались бурямъ Чернаго моря. Съ другой стороны Руссы, занявъ Македонію, легко могли явиться передъ Византіею, минуя Адріанополь, занятый Греческимъ отрядомъ. Цимисхій, проведшій всю жизнь въ ратномъ станѣ, ясно видѣлъ, что должно было тогдашнее положеніе дѣлъ

довательно зимою съ 970 на 971 годъ, или даже можетъ быть въ генварѣ и февралѣ этого года.

продлить до весны, во что-бы то ни стало, и усыпить Святослава на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ это время, какъ мы думаемъ, могли быть посланы Великому Князю подарки, или часть дани, о которой говоритъ Несторъ, съ обѣщаніемъ заплатить остальное при наступленіи весны; даже былъ заключенъ, вѣроятно, предварительный договоръ о мирѣ и заплатѣ всего обѣщаннаго, какъ можно увѣриться изъ словъ, которыми начинаются мирныя условія, окончательно утвержденныя при сдачѣ Доростола: «равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ» (*) и проч. Ясно, что былъ прежде и въ эту-же войну съѣздъ, совѣщаніе уполномоченныхъ и договоръ на хартіи, ибо о словесныхъ переговорахъ, конечно, не стали-бы упоминать въ послѣднемъ договорѣ.

V. Весною (972-го года) Цимискій выслалъ изъ Суда весь Греческій флотъ, состоявшій изъ 300 кораблей, приказалъ ему войти въ Дунай, предполагая, кажется, уже и тогда, что Византійцамъ придется осаждать Доростолъ, какъ мѣстопребываніе Святослава и лучшую крѣпость Болгарскую на

(*) «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ и при Свѣнальдѣ» мы переводимъ: полагаясь, основываясь, принявъ въ основаніе прежній договоръ, бывшій при Святославѣ и Свѣнальдѣ и проч. «Свѣщаніе» договоръ, а не то, что мы теперь разумѣемъ подъ этимъ словомъ: «да схранимъ правая свѣщанья,» да сохранимъ справедливый договоръ.

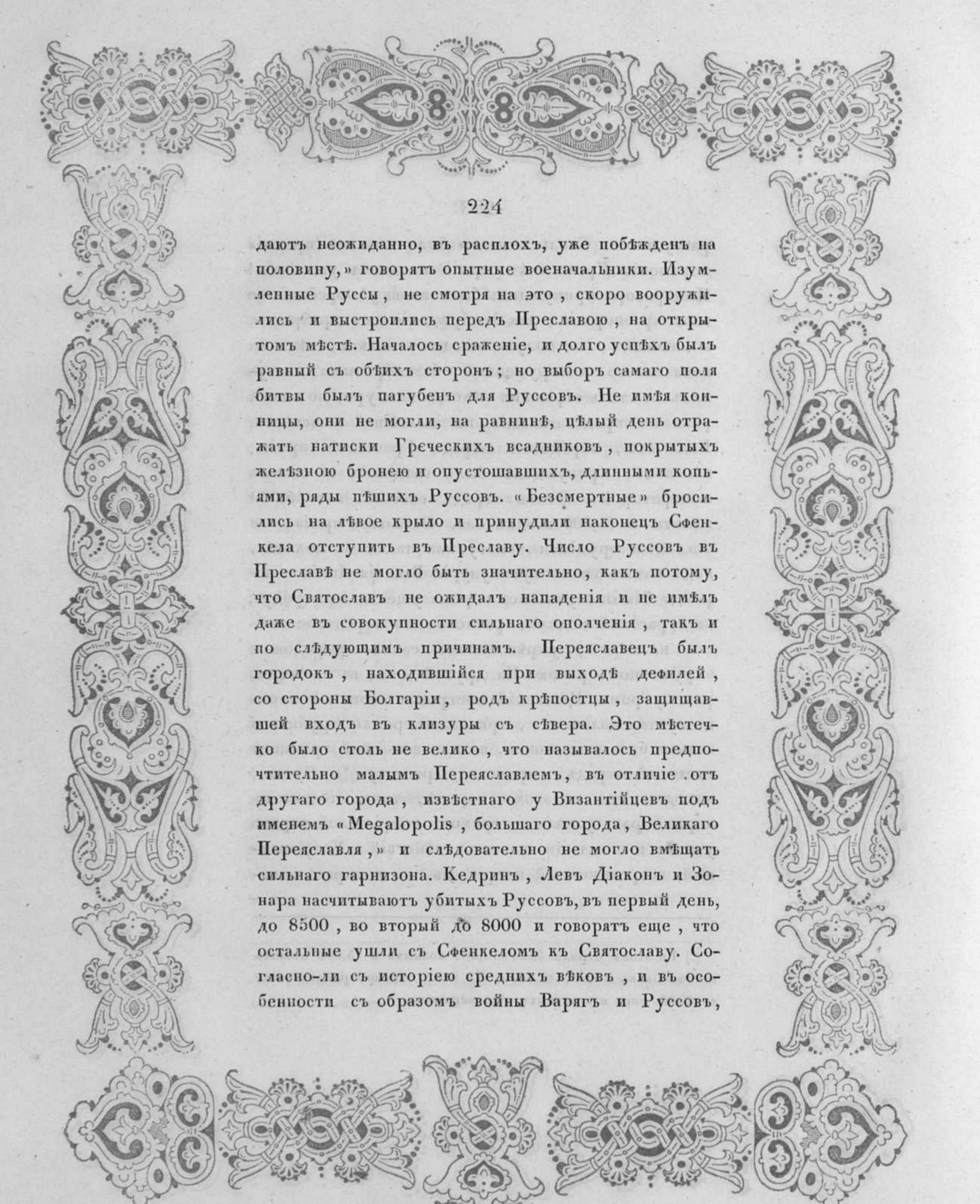
Истрѣ. Самъ императоръ, со всѣми собранными имъ войсками, немедленно выступилъ изъ Царьграда и прибылъ въ Адріанополь. Здѣсь онъ узналъ, черезъ лазутчиковъ, что клизуры (*), т. е. горныя тѣснины и дефилеи, въ Емскихъ горахъ, не были даже заняты Руссами. Это, по нашему мнѣнію, указываетъ на два обстоятельства: 1) Святославъ былъ столь увѣренъ въ заключеніи мира, что даже не занялъ единственнаго пути, ведшаго въ Болгарію, въ которомъ погибали всѣ Греческія ополченія, хотѣвшія вступить въ Мисію; и 2) главныя силы Руссовъ находились тогда въ Македоніи (какъ мы видѣли выше) и оттуда, а не черезъ Балканы, въ случаѣ не заключенія ожиданнаго мира, имѣли намѣреніе напасть на Царьградъ. Во всякомъ случаѣ незанятіе Емскихъ дефилей совершенно подтверждаетъ слова Льва Діакона, увѣряющаго, что «въ это именно время, самонадѣянность, дерзость и очевидное презрѣніе Руссовъ къ императору достигли высочайшей степени» (стр. 56, 60). Цимисхій, обрадованный полученнымъ извѣстіемъ и какъ полководецъ опытный, желалъ безъ отлагательства воспользоваться оплошностію непріятеля и провести свои войска, какъ возможно поспѣшнѣе, черезъ пагубныя дефилеи. Но военачальники Греческіе, хотя были совершенно увѣрены, что клизуры не заняты Руссами, почитали и самый входъ въ тѣснины предпріятіемъ дерзкимъ и без-

---

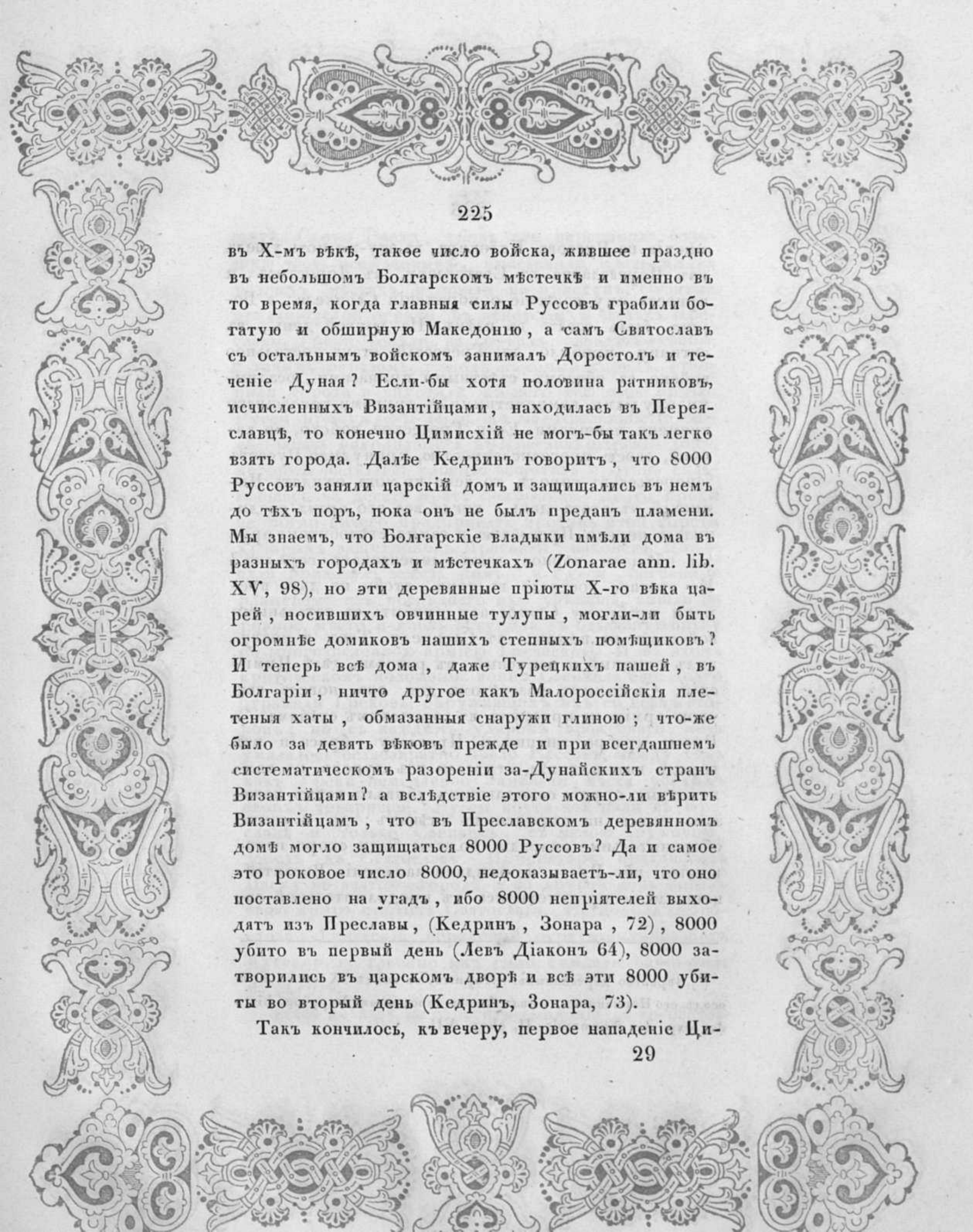
(*) Южные Словене и теперь называютъ горные проходы и дефилеи «*клизурами*.»

разсуднымъ. Столь памятны были имъ всѣ прежнія пораженія Греческихъ армій въ этихъ ущеліяхъ! Императоръ принужденъ былъ вновь употребить все свое краснорѣчіе, для возбужденія ихъ храбрости, и наконецъ, не получа отъ нихъ отвѣта, сѣлъ на коня своего и окруженный «безсмертными» вступилъ въ столь страшныя нѣкогда клизуры, но на сей разъ не представлявшія ни малѣйшей опасности. Видя это, передовой отрядъ Греческой арміи, наконецъ, принужденъ былъ слѣдовать за своимъ императоромъ. Этотъ отрядъ состоялъ изъ 15,000 пѣхоты и 13,000 всадниковъ. Остальная армія, съ осадными орудіями, выступила также въ походъ, подъ начальствомъ кувикуларія Василія. Іоаннъ, перейдя благополучно всѣ горныя ущелія, въ середу, на страстной недѣлѣ, расположилъ передовое войско на холмѣ, укрѣпленномъ самою природою и окруженномъ рѣкою. На другой день, въ четвергъ, рано утромъ, Цимисхій построилъ своихъ воиновъ въ густыя фаланги и, приказавъ громко трубить и сильно бить въ тимпаны, повелъ весь свой тридцати тысячный отрядъ, прямо на Преславу (*). Руссы, находившіеся въ этомъ городѣ, тогда только въ первый разъ узнали о переходѣ непріятелей черезъ ущелія и о начатіи военныхъ дѣйствій. «Устрашенный, встревоженный непріятель, на котораго напа-

(*) Въ этомъ отрядѣ было 13,000 конныхъ и 15,000 пѣшихъ воиновъ, какъ мы видѣли выше. Къ нимъ должно прибавить еще до 2000, такъ называемыхъ «безсмертныхъ.»



даютъ неожиданно, въ расплохъ, уже побѣжденъ на половину,» говорятъ опытные военачальники. Изумленные Руссы, не смотря на это, скоро вооружились и выстроились передъ Преславою, на открытомъ мѣстѣ. Началось сраженіе, и долго успѣхъ былъ равный съ обѣихъ сторонъ; но выборъ самаго поля битвы былъ пагубенъ для Руссовъ. Не имѣя конницы, они не могли, на равнинѣ, цѣлый день отражать натиски Греческихъ всадниковъ, покрытыхъ желѣзною бронею и опустошавшихъ, длинными копьями, ряды пѣшихъ Руссовъ. «Безсмертные» бросились на лѣвое крыло и принудили наконецъ Сфенкела отступить въ Преславу. Число Руссовъ въ Преславѣ не могло быть значительно, какъ потому, что Святославъ не ожидалъ нападенія и не имѣлъ даже въ совокупности сильнаго ополченія, такъ и по слѣдующимъ причинамъ. Переяславецъ былъ городокъ, находившійся при выходѣ дефилей, со стороны Болгаріи, родъ крѣпостцы, защищавшей входъ въ клизуры съ сѣвера. Это мѣстечко было столь не велико, что называлось предпочтительно малымъ Переяславлемъ, въ отличіе отъ другаго города, извѣстнаго у Византійцевъ подъ именемъ «Megalopolis, большаго города, Великаго Переяславля,» и слѣдовательно не могло вмѣщать сильнаго гарнизона. Кедринъ, Левъ Діаконъ и Зонара насчитываютъ убитыхъ Руссовъ, въ первый день, до 8500, во вторый до 8000 и говорятъ еще, что остальные ушли съ Сфенкеломъ къ Святославу. Согласно-ли съ исторіею среднихъ вѣковъ, и въ особенности съ образомъ войны Варягъ и Руссовъ,



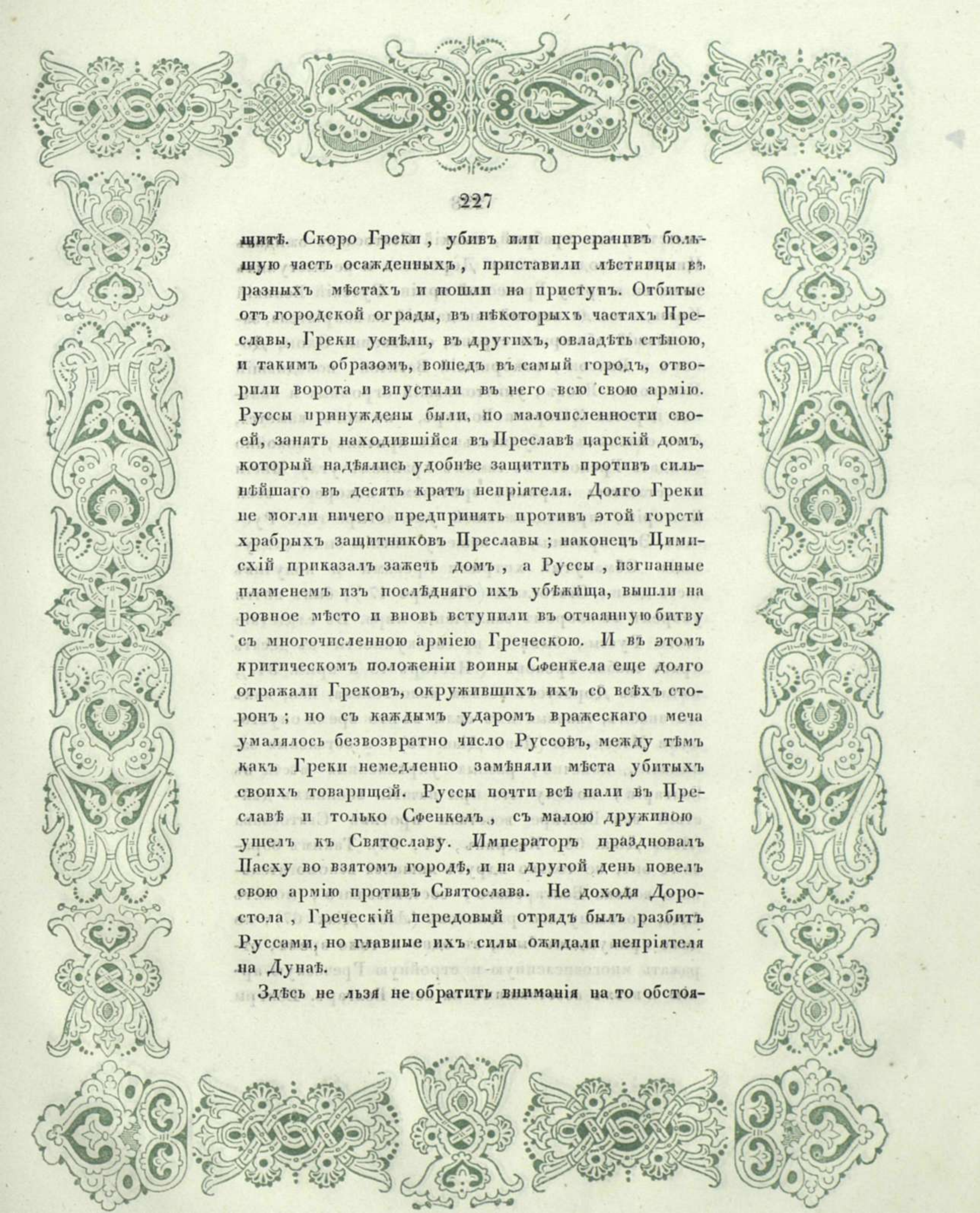
въ X-мъ вѣкѣ, такое число войска, жившее праздно въ небольшомъ Болгарскомъ мѣстечкѣ и именно въ то время, когда главныя силы Руссовъ грабили богатую и обширную Македонію, а самъ Святославъ съ остальнымъ войскомъ занималъ Доростолъ и теченіе Дуная? Если-бы хотя половина ратниковъ, исчисленныхъ Византійцами, находилась въ Переяславцѣ, то конечно Цимисхій не могъ-бы такъ легко взять города. Далѣе Кедринъ говоритъ, что 8000 Руссовъ заняли царскій домъ и защищались въ немъ до тѣхъ поръ, пока онъ не былъ преданъ пламени. Мы знаемъ, что Болгарскіе владыки имѣли дома въ разныхъ городахъ и мѣстечкахъ (Zonarae ann. lib. XV, 98), но эти деревянные пріюты X-го вѣка царей, носившихъ овчинные тулупы, могли-ли быть огромнѣе домиковъ нашихъ степныхъ помѣщиковъ? И теперь всѣ дома, даже Турецкихъ пашей, въ Болгаріи, ничто другое какъ Малороссійскія плетеныя хаты, обмазанныя снаружи глиною; что-же было за девять вѣковъ прежде и при всегдашнемъ систематическомъ разореніи за-Дунайскихъ странъ Византійцами? а вслѣдствіе этого можно-ли вѣрить Византійцамъ, что въ Преславскомъ деревянномъ домѣ могло защищаться 8000 Руссовъ? Да и самое это роковое число 8000, недоказываетъ-ли, что оно поставлено на угадъ, ибо 8000 непріятелей выходятъ изъ Преславы, (Кедринъ, Зонара, 72), 8000 убито въ первый день (Левъ Діаконъ 64), 8000 затворились въ царскомъ дворѣ и всѣ эти 8000 убиты во вторый день (Кедринъ, Зонара, 73).

Такъ кончилось, къ вечеру, первое нападеніе Ци-

мисхія на Руссовъ. Калокиръ, въ эту-же ночь, ушелъ изъ Переяславца къ Святославу, въ Доростолъ, и привезъ ему извѣстіе о пораженіи Сфенкела; а Борисъ былъ взятъ въ плѣнъ. На другой день, въ пятницу, прибыло въ Греческій станъ остальное войско, съ обозомъ, съѣстными припасами, осадными орудіями, камнеметными и другими тогдашняго времени машинами. Если Греческое войско, на канунѣ, своею многочисленностію, принудило Руссовъ запереться въ городѣ, то чего не могъ ожидать Цимисхій въ этотъ день, когда вся его армія соединилась передъ Преславою и самыя стѣнобитныя орудія обѣщали вѣрное взятіе деревяннаго городка? Но главное состояло въ томъ, чтобы не дать времени храброму Святославу прибыть съ остальными войсками на помощь къ Сфенкелу. Такъ и поступилъ опытный и искусный въ ратномъ дѣлѣ Цимисхій. Съ самымъ разсвѣтомъ дня онъ повелъ всю свою армію на приступъ къ городскимъ стѣнамъ (*). Руссы храбро защищали Преславу, бросали изъ города камни, копья, стрѣляли изъ луковъ, но камнеметныя орудія осаждавшихъ убивали всѣхъ показывавшихся на городскихъ стѣнахъ; да и самые оборонительные снаряды должны были скоро истощиться, ибо Руссы не ожидали нападенія Византійцевъ и не приготовились къ продолжительной за-

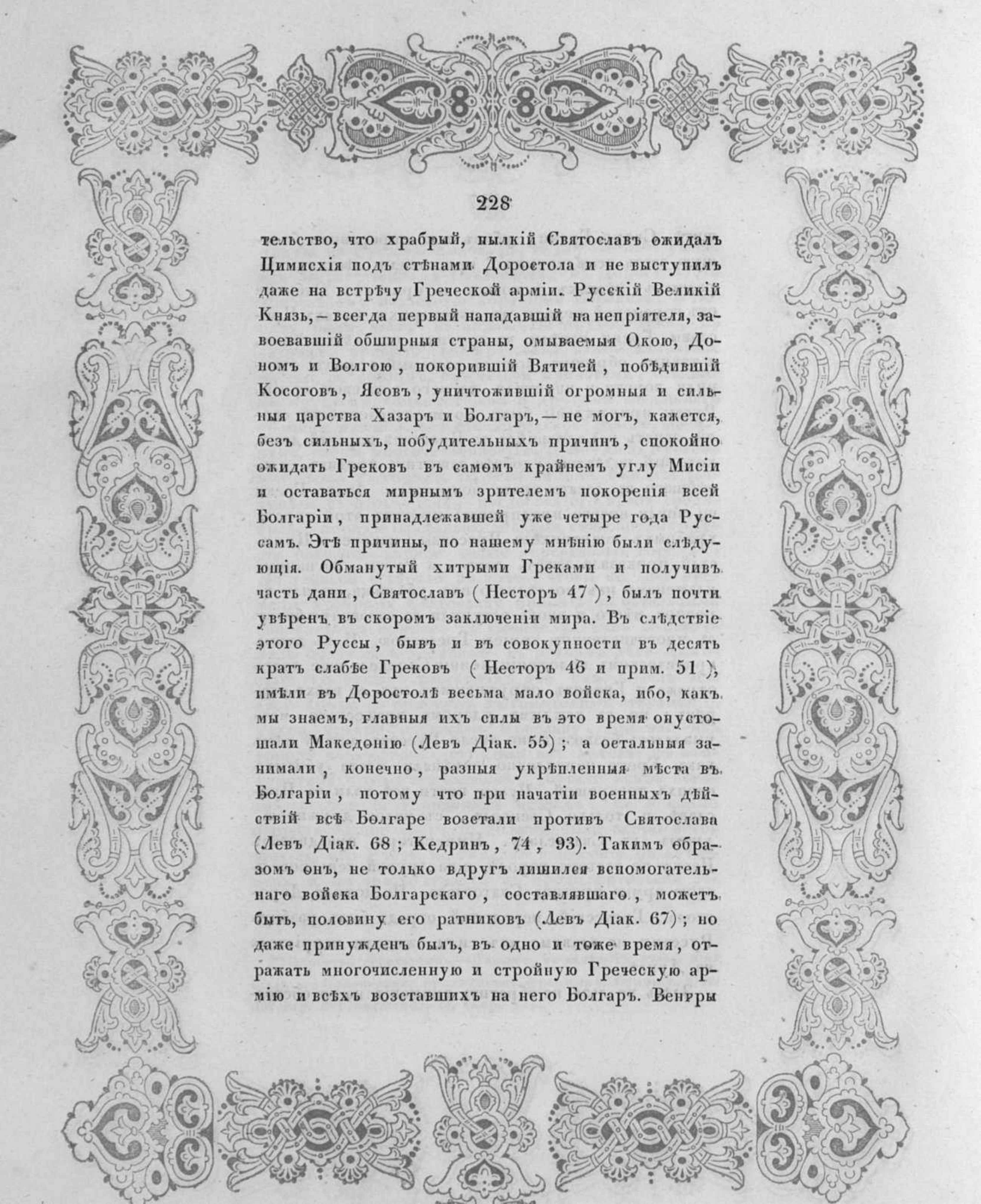
---

(*) Вѣроятно деревяннымъ. — Парижъ, въ концѣ IX вѣка, при осадѣ его Норманнами, имѣлъ башни деревянныя. Depping, hist. des exp. des Normands, II, chap. VII.

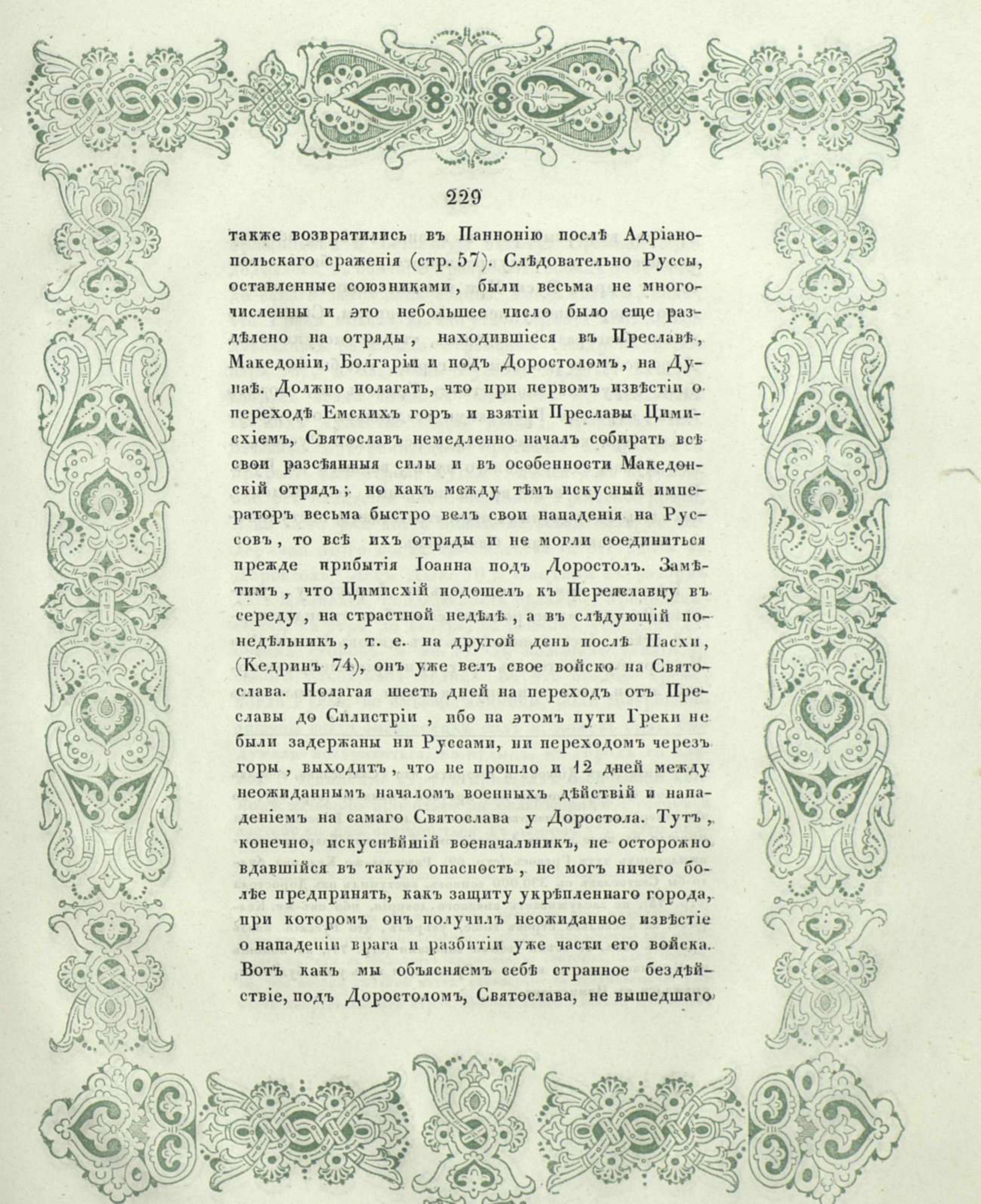


щитѣ. Скоро Греки, убивъ или переранивъ большую часть осажденныхъ, приставили лѣстницы въ разныхъ мѣстахъ и пошли на приступъ. Отбитые отъ городской ограды, въ нѣкоторыхъ частяхъ Преславы, Греки успѣли, въ другихъ, овладѣть стѣною, и такимъ образомъ, вошедъ въ самый городъ, отворили ворота и впустили въ него всю свою армію. Руссы принуждены были, по малочисленности своей, занять находившійся въ Преславѣ царскій домъ, который надѣялись удобнѣе защитить противъ сильнѣйшаго въ десять кратъ непріятеля. Долго Греки не могли ничего предпринять противъ этой горсти храбрыхъ защитниковъ Преславы; наконецъ Цимисхій приказалъ зажечь домъ, а Руссы, изгнанные пламенемъ изъ послѣдняго ихъ убѣжища, вышли на ровное мѣсто и вновь вступили въ отчаянную битву съ многочисленною арміею Греческою. И въ этомъ критическомъ положеніи воины Сфенкела еще долго отражали Грековъ, окружившихъ ихъ со всѣхъ сторонъ; но съ каждымъ ударомъ вражескаго меча умалялось безвозвратно число Руссовъ, между тѣмъ какъ Греки немедленно замѣняли мѣста убитыхъ своихъ товарищей. Руссы почти всѣ пали въ Преславѣ и только Сфенкелъ, съ малою дружиною ушелъ къ Святославу. Императоръ праздновалъ Пасху во взятомъ городѣ, и на другой день повелъ свою армію противъ Святослава. Не доходя Доростола, Греческій передовый отрядъ былъ разбитъ Руссами, но главные ихъ силы ожидали непріятеля на Дунаѣ.

Здѣсь не льзя не обратить вниманія на то обстоя-



тельство, что храбрый, пылкій Святославъ ожидалъ Цимисхія подъ стѣнами Доростола и не выступилъ даже на встрѣчу Греческой арміи. Русскій Великій Князь, — всегда первый нападавшій на непріятеля, завоевавшій обширныя страны, омываемыя Окою, Дономъ и Волгою, покорившій Вятичей, побѣдившій Косоговъ, Ясовъ, уничтожившій огромныя и сильныя царства Хазаръ и Болгаръ, — не могъ, кажется, безъ сильныхъ, побудительныхъ причинъ, спокойно ожидать Грековъ въ самомъ крайнемъ углу Мисіи и оставаться мирнымъ зрителемъ покоренія всей Болгаріи, принадлежавшей уже четыре года Руссамъ. Этѣ причины, по нашему мнѣнію были слѣдующія. Обманутый хитрыми Греками и получивъ часть дани, Святославъ (Несторъ 47), былъ почти увѣренъ въ скоромъ заключеніи мира. Въ слѣдствіе этого Руссы, бывъ и въ совокупности въ десять кратъ слабѣе Грековъ (Несторъ 46 и прим. 51), имѣли въ Доростолѣ весьма мало войска, ибо, какъ мы знаемъ, главныя ихъ силы въ это время опустошали Македонію (Левъ Діак. 55); а остальныя занимали, конечно, разныя укрѣпленныя мѣста въ Болгаріи, потому что при начатіи военныхъ дѣйствій всѣ Болгаре возстали противъ Святослава (Левъ Діак. 68; Кедринъ, 74, 93). Такимъ образомъ онъ, не только вдругъ лишился вспомогательнаго войска Болгарскаго, составлявшаго, можетъ быть, половину его ратниковъ (Левъ Діак. 67); но даже принужденъ былъ, въ одно и тоже время, отражать многочисленную и стройную Греческую армію и всѣхъ возставшихъ на него Болгаръ. Венгры



также возвратились въ Паннонію послѣ Адріанопольскаго сраженія (стр. 57). Слѣдовательно Руссы, оставленные союзниками, были весьма не многочисленны и это небольшое число было еще раздѣлено на отряды, находившіеся въ Преславѣ, Македоніи, Болгаріи и подъ Доростоломъ, на Дунаѣ. Должно полагать, что при первомъ извѣстіи о переходѣ Емскихъ горъ и взятіи Преславы Цимисхіемъ, Святославъ немедленно началъ собирать всѣ свои разсѣянныя силы и въ особенности Македонскій отрядъ; но какъ между тѣмъ искусный императоръ весьма быстро велъ свои нападенія на Руссовъ, то всѣ ихъ отряды и не могли соединиться прежде прибытія Іоанна подъ Доростолъ. Замѣтимъ, что Цимисхій подошелъ къ Переяславцу въ середу, на страстной недѣлѣ, а въ слѣдующій понедѣльникъ, т. е. на другой день послѣ Пасхи, (Кедринъ 74), онъ уже велъ свое войско на Святослава. Полагая шесть дней на переходъ отъ Преславы до Силистріи, ибо на этомъ пути Греки не были задержаны ни Руссами, ни переходомъ черезъ горы, выходитъ, что не прошло и 12 дней между неожиданнымъ началомъ военныхъ дѣйствій и нападеніемъ на самаго Святослава у Доростола. Тутъ, конечно, искуснѣйшій военачальникъ, не осторожно вдавшійся въ такую опасность, не могъ ничего болѣе предпринять, какъ защиту укрѣпленнаго города, при которомъ онъ получилъ неожиданное извѣстіе о нападеніи врага и разбитіи уже части его войска. Вотъ какъ мы объясняемъ себѣ странное бездѣйствіе, подъ Доростоломъ, Святослава, не вышедшаго

храбро, въ первый разъ въ жизни своей, на встрѣчу опасности и не предупредившаго, по обыкновенію своему, врага Руси. При малочисленности воиновъ и по совершенному неимѣнію конницы, Святославъ весьма благоразумно сдѣлалъ, что не выступилъ изъ Доростола на равнины Болгаріи, гдѣ-бы онъ могъ быть окруженъ множествомъ Грековъ и, можетъ быть, отрѣзанъ Греческими всадниками отъ Доростола, при которомъ находились лодки Руссовъ и отъ Дуная, единственнаго пути, ведшаго на Русь. Кажется и въ наше время искусный полководецъ, находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ, поступилъ-бы точно также, какъ Святославъ.

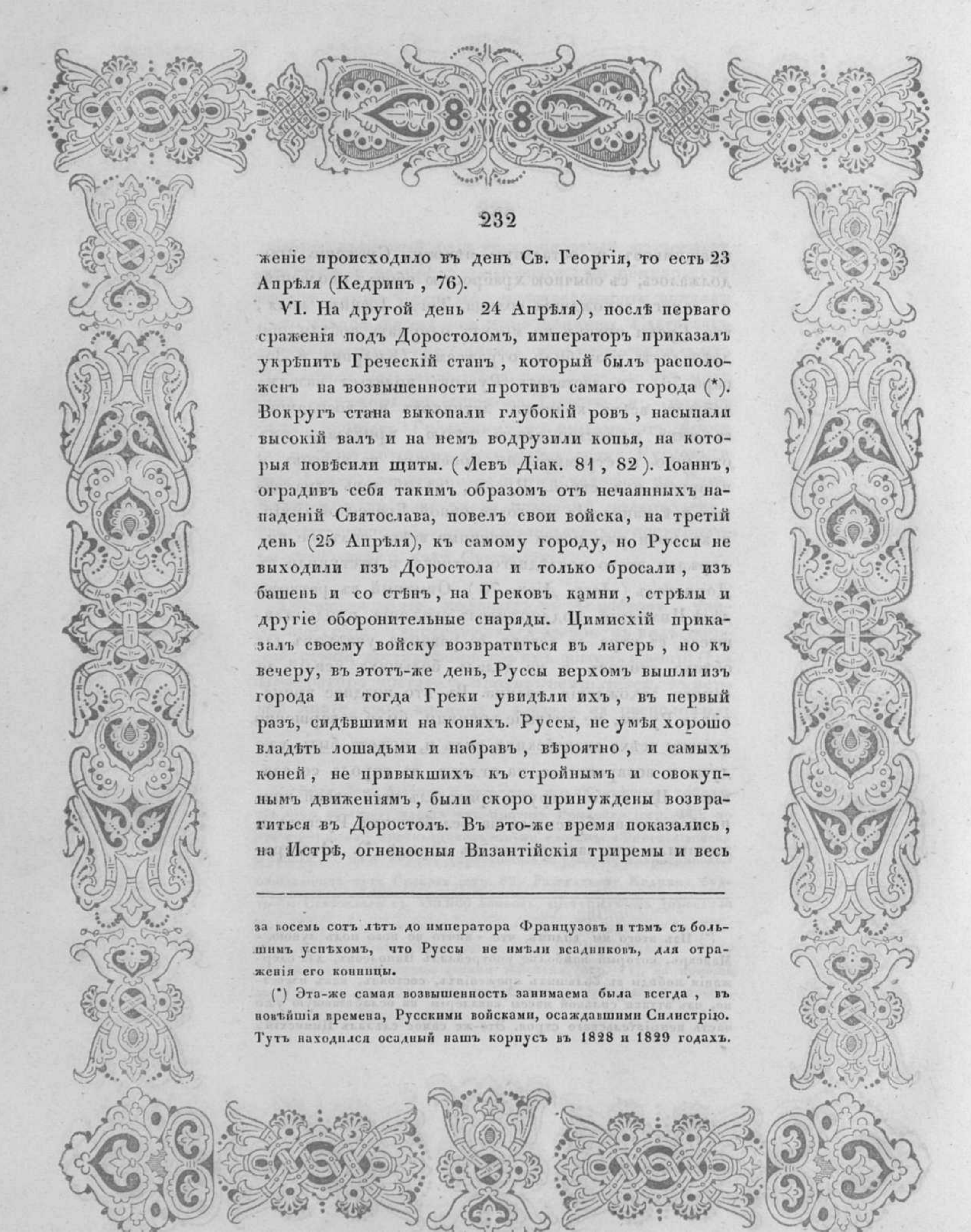
Греческая армія, подошедъ къ Доростолу, увидѣла Руссовъ «выстроившихся къ бою въ видѣ твердой стѣны, составленной изъ ихъ щитовъ и копій (*).» Императоръ поставилъ противъ непріятелей, въ первой линіи, свою конницу; а сзади ея расположилъ

(*) Хотя Левъ Діаконъ и говоритъ, что «Святославъ, собравъ всѣ свои войска,.. повелъ ихъ противъ Римлянъ,» (стр. 68), но это совершенно противорѣчитъ его-же словамъ: «Римскія войска пришли на поле передъ Доростоломъ и увидѣли Тавроскиѳовъ,» ожидавшихъ тутъ Грековъ (стр. 69). Разсказъ-же Кедрина, будто-бы Святославъ съ 330,000 воиновъ, выступилъ изъ Доростола (стр. 75), не заслуживаетъ никакого довѣрія, ибо онъ-же, Кедринъ, за нѣсколько строкъ выше, увѣрялъ, что Русскій князь прибылъ самъ, со всѣми своими войсками (стр. 71), на помощь къ Преславѣ, еще до взятія ея Греками, и тутъ уже, будто-бы, сражался съ Цимисхіемъ.

пращниковъ и остальную пѣхоту. Сраженіе продолжалось, съ обычною храбростію обоихъ ополченій, до самаго захожденія солнца. Тогда Іоаннъ, видя, что Греки никакъ не могутъ одержать побѣды, ибо двѣнадцать разъ были отражаемы (Кедринъ и Зонара 76), и заставитъ Руссовъ податься назадъ, собралъ всѣхъ конныхъ латниковъ и, воспламеня въ нихъ мужество своею рѣчью, приказалъ имъ отчаянно и стремительно броситься на враговъ и прорвать ихъ строй. Руссы, цѣлый день отражавшіе всѣ нападенія многочисленной Греческой арміи, и къ ночи уже почти лишенные всѣхъ силъ, не выдержали этого послѣдняго натиска и отступили въ Доростолъ (Левъ Діак. 70). Опытный въ ратномъ дѣлѣ Цимисхій, поддерживалъ сраженіе, продолжавшееся, съ утра до вечера, съ равнымъ успѣхомъ для обѣихъ сторонъ и не дѣлалъ большихъ усилій до самого захожденія солнца. Въ это позднее время, когда Руссы, не имѣвшіе конницы, были совершенно лишены всѣхъ физическихъ силъ и, можетъ быть, уже думали возвратиться, на отдыхъ, въ городъ со славою, Цимисхій вдругъ приказалъ всей своей коннице отчаянно броситься на ослабѣвшихъ Руссовъ и заставилъ ихъ затвориться въ городѣ (*). Это сра-

---

(*) Изъ этого мы видимъ, что «ничто не ново подъ луною.» Маневръ, который наиболѣе употреблялъ Наполеонъ, для одержанія побѣды въ большихъ сраженіяхъ, состоялъ, какъ извѣстно, изъ аттаки сильной массы кавалеріи на ослабѣвавшую уже часть непріятельскаго строя. Это-же самое сдѣлалъ Цимисхій,

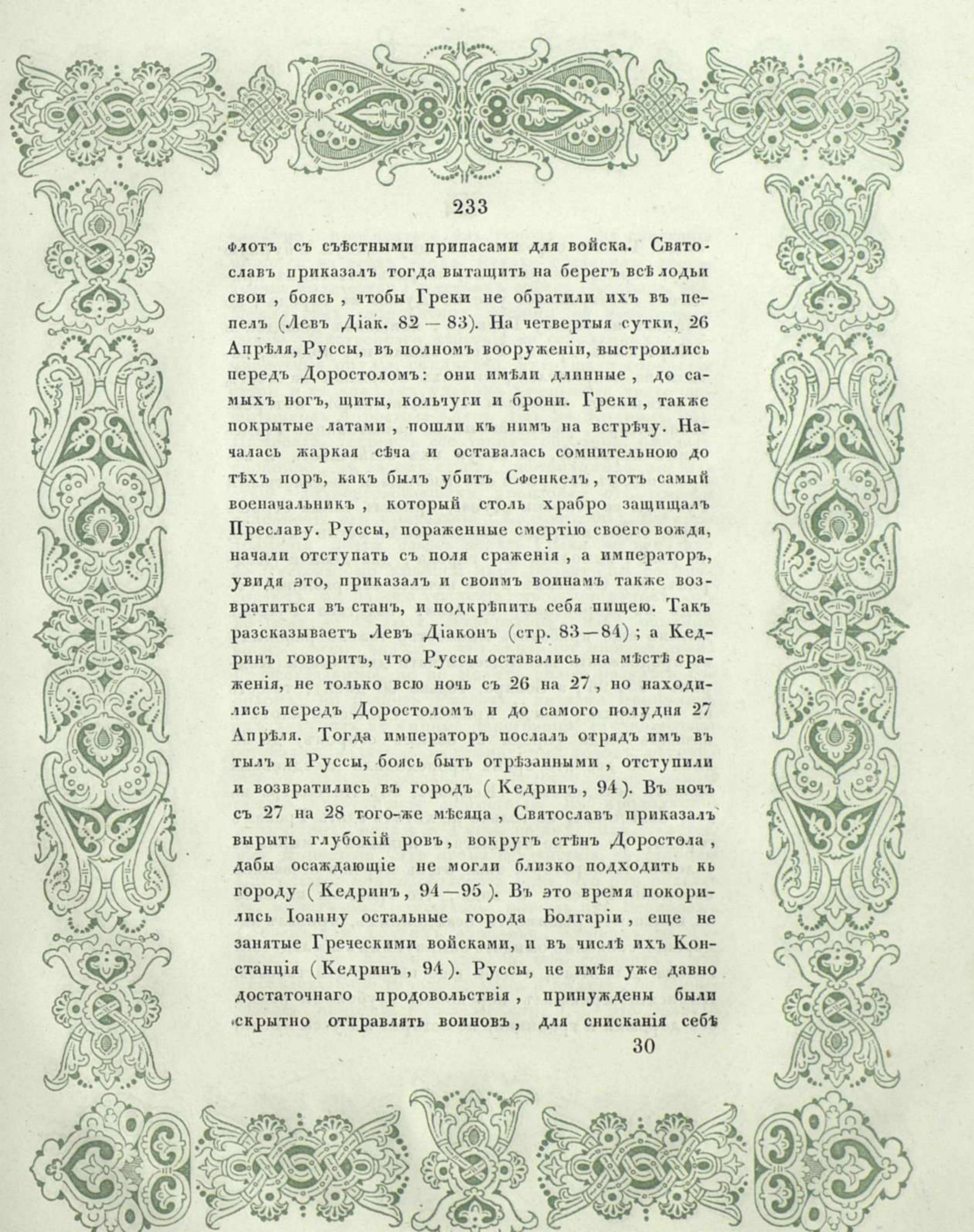


женіе происходило въ день Св. Георгія, то есть 23 Апрѣля (Кедринъ, 76).

VI. На другой день 24 Апрѣля), послѣ перваго сраженія подъ Доростоломъ, императоръ приказалъ укрѣпить Греческій станъ, который былъ расположенъ на возвышенности противъ самаго города (*). Вокругъ стана выкопали глубокій ровъ, насыпали высокій валъ и на немъ водрузили копья, на которыя повѣсили щиты. (Левъ Діак. 81, 82). Іоаннъ, оградивъ себя такимъ образомъ отъ нечаянныхъ нападеній Святослава, повелъ свои войска, на третій день (25 Апрѣля), къ самому городу, но Руссы не выходили изъ Доростола и только бросали, изъ башень и со стѣнъ, на Грековъ камни, стрѣлы и другіе оборонительные снаряды. Цимисхій приказалъ своему войску возвратиться въ лагерь, но къ вечеру, въ этотъ-же день, Руссы верхомъ вышли изъ города и тогда Греки увидѣли ихъ, въ первый разъ, сидѣвшими на коняхъ. Руссы, не умѣя хорошо владѣть лошадьми и набравъ, вѣроятно, и самыхъ коней, не привыкшихъ къ стройнымъ и совокупнымъ движеніямъ, были скоро принуждены возвратиться въ Доростолъ. Въ это-же время показались, на Истрѣ, огненосныя Византійскія триремы и весь

за восемь сотъ лѣтъ до императора Французовъ и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ, что Руссы не имѣли всадниковъ, для отраженія его конницы.

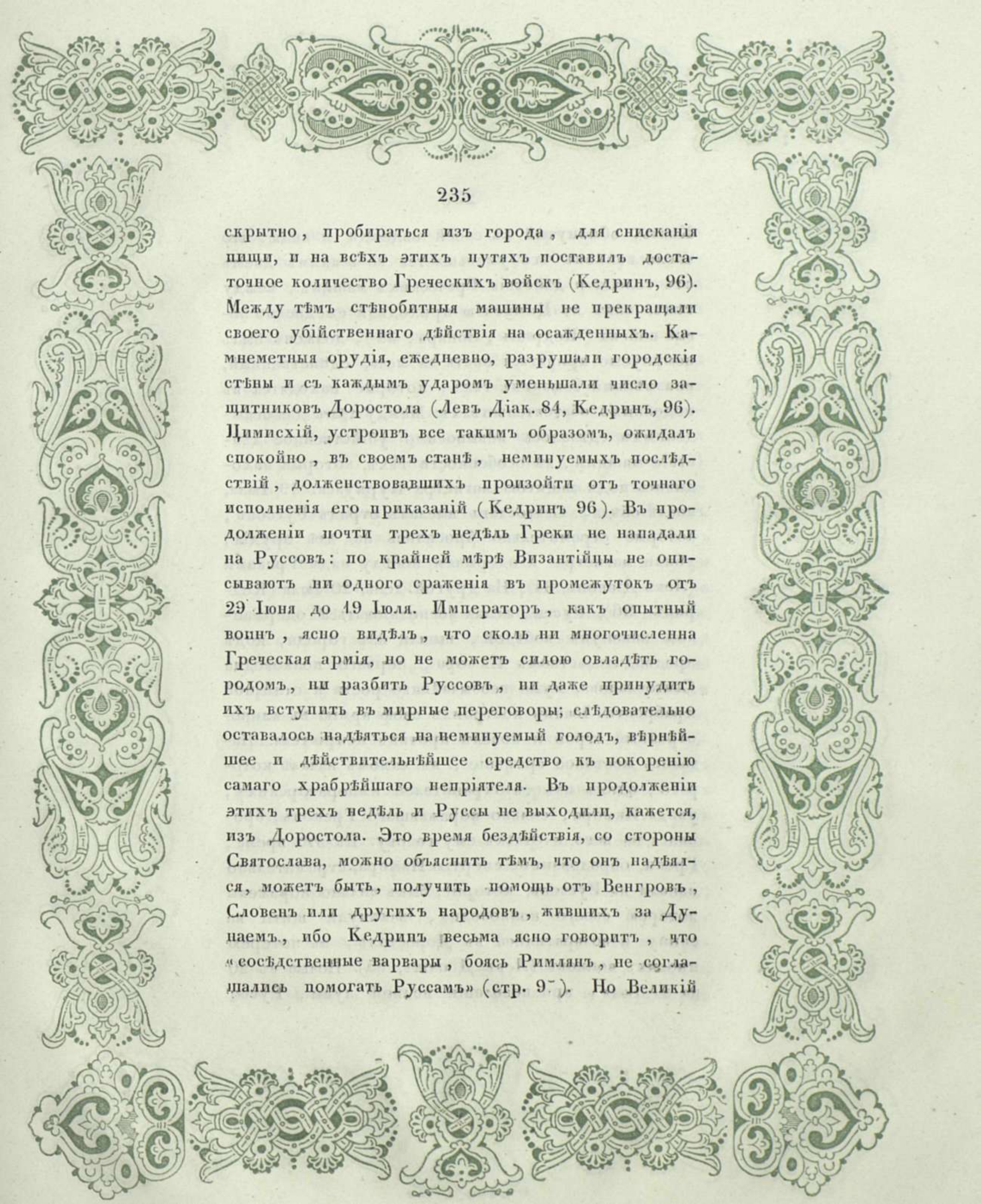
(*) Эта-же самая возвышенность занимаема была всегда, въ новѣйшія времена, Русскими войсками, осаждавшими Силистрію. Тутъ находился осадный нашъ корпусъ въ 1828 и 1829 годахъ.



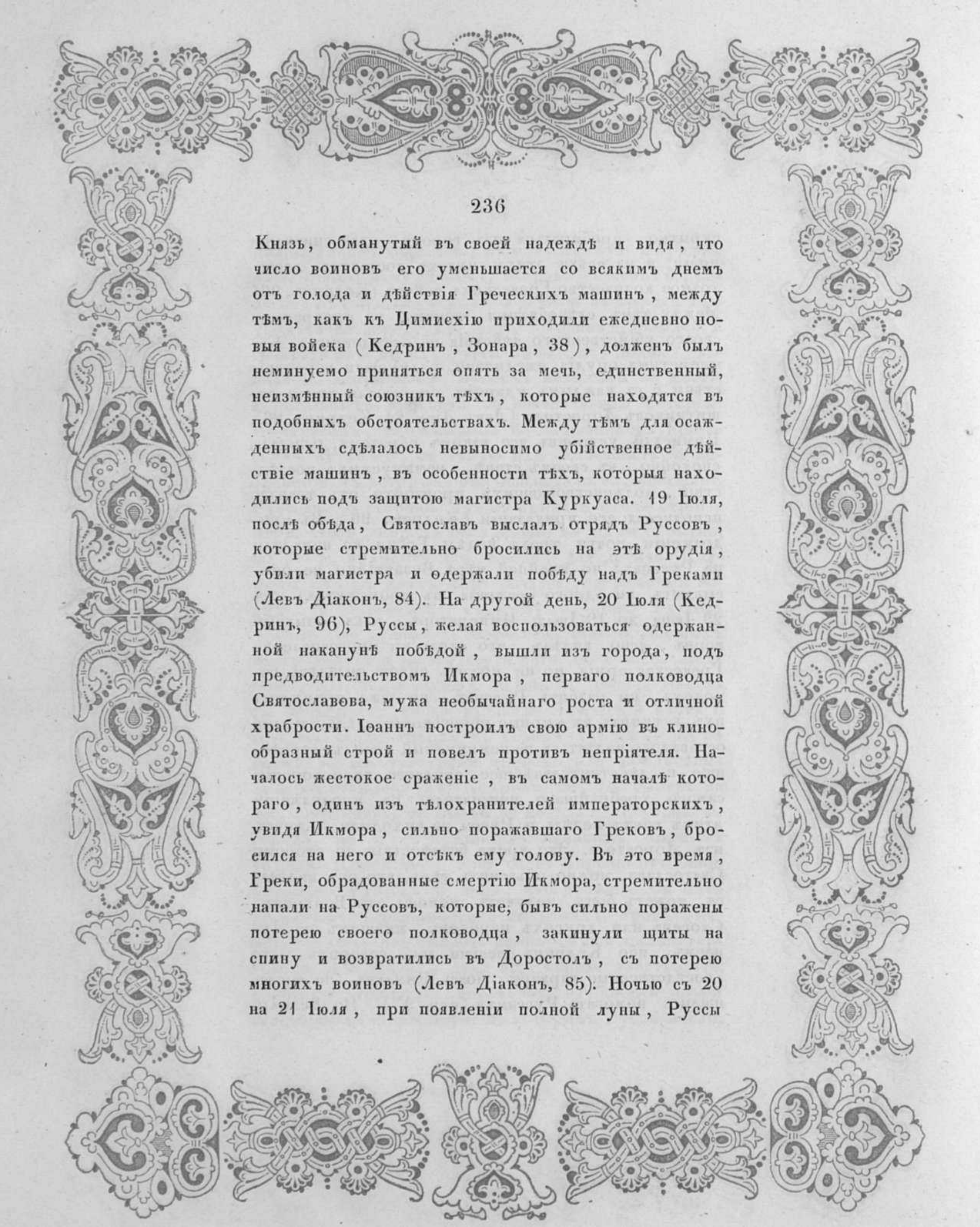
флотъ съ съѣстными припасами для войска. Святославъ приказалъ тогда вытащить на берегъ всѣ лодьи свои, боясь, чтобы Греки не обратили ихъ въ пепелъ (Левъ Діак. 82 — 83). На четвертыя сутки, 26 Апрѣля, Руссы, въ полномъ вооруженіи, выстроились передъ Доростоломъ: они имѣли длинные, до самыхъ ногъ, щиты, кольчуги и брони. Греки, также покрытые латами, пошли къ нимъ на встрѣчу. Началась жаркая сѣча и оставалась сомнительною до тѣхъ поръ, какъ былъ убитъ Сфенкелъ, тотъ самый военачальникъ, который столь храбро защищалъ Преславу. Руссы, пораженные смертію своего вождя, начали отступать съ поля сраженія, а императоръ, увидя это, приказалъ и своимъ воинамъ также возвратиться въ станъ, и подкрѣпить себя пищею. Такъ разсказываетъ Левъ Діаконъ (стр. 83—84); а Кедринъ говоритъ, что Руссы оставались на мѣстѣ сраженія, не только всю ночь съ 26 на 27, но находились передъ Доростоломъ и до самого полудня 27 Апрѣля. Тогда императоръ послалъ отрядъ имъ въ тылъ и Руссы, боясь быть отрѣзанными, отступили и возвратились въ городъ (Кедринъ, 94). Въ ночь съ 27 на 28 того-же мѣсяца, Святославъ приказалъ вырыть глубокій ровъ, вокругъ стѣнъ Доростола, дабы осаждающіе не могли близко подходить къ городу (Кедринъ, 94—95). Въ это время покорились Іоанну остальные города Болгаріи, еще не занятые Греческими войсками, и въ числѣ ихъ Констанція (Кедринъ, 94). Руссы, не имѣя уже давно достаточнаго продовольствія, принуждены были скрытно отправлять воиновъ, для сниканія себѣ

30

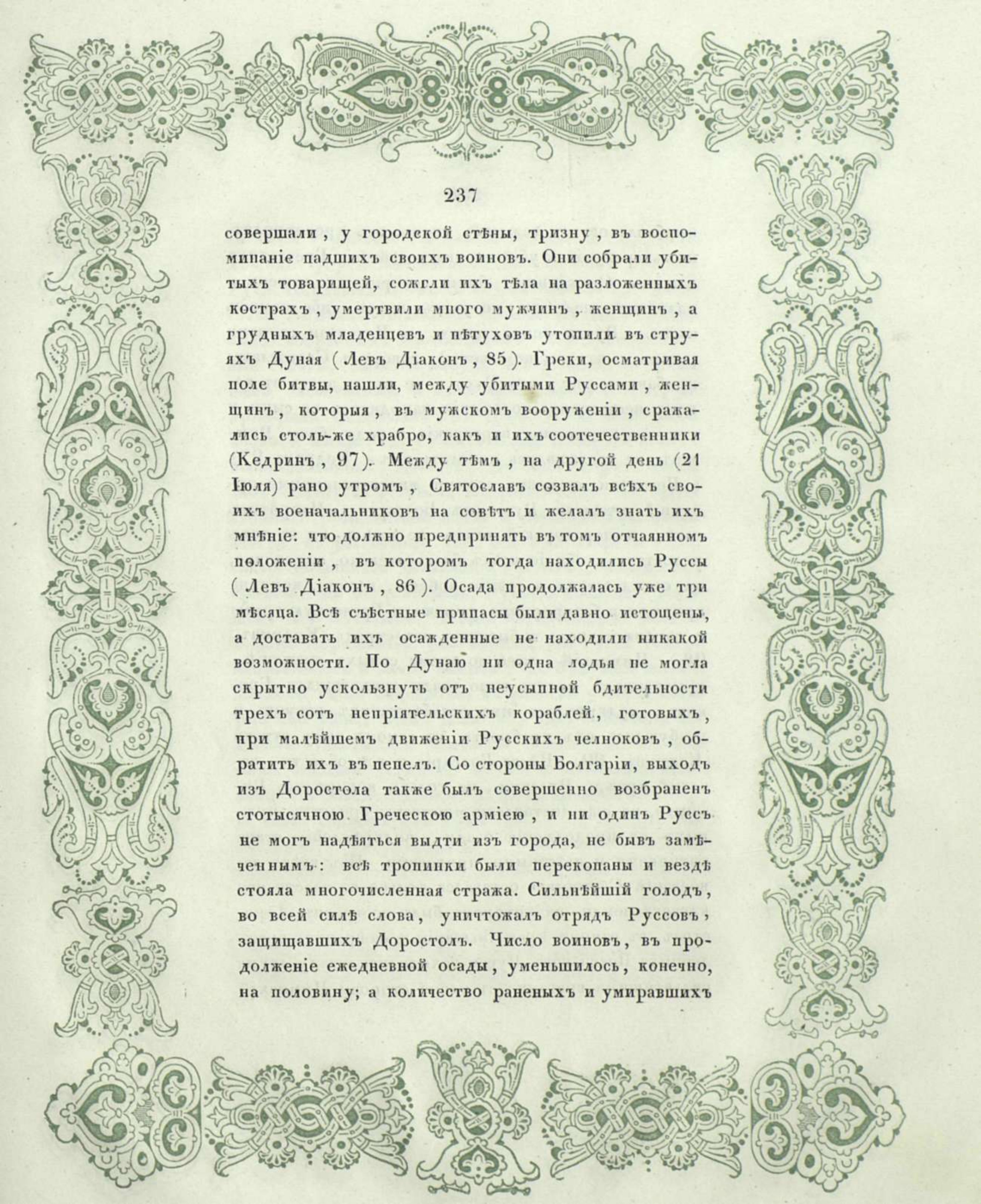
пищи. Такимъ образомъ, въ одну темную и бурную ночь, отрядъ осажденныхъ, набравъ съѣстныхъ припасовъ, возвращался уже по Дунаю въ городъ; но увидѣвъ на берегу Грековъ, поившихъ лошадей и собиравшихъ дрова, Руссы вышли изъ лодокъ, напали на непріятелей, многихъ положили на мѣстѣ, а остальныхъ прогнали съ значительною потерею. Императоръ, разгнѣванный на начальниковъ Греческихъ кораблей, за явную ихъ безпечность и небреженіе, съ которыми они наблюдали за дѣйствіями Руссовъ, со стороны Дуная, принялъ самыя строгія мѣры, чтобы впередъ осажденные не могли скрытно, по рѣкѣ, выходить изъ города, для добычи (Кедринъ, 95). Съ этихъ поръ начался совершенный голодъ въ Доростолѣ; къ этому бѣдствію Руссовъ должно еще прибавить множество тяжело раненыхъ въ продолженіи шестидесяти пяти дней осады (Кедринъ, 95, 96, а Зонара, только 60 дней); то-есть съ 5 Апрѣля, (когда пришелъ Греческій флотъ и началась осада города съ обѣихъ сторонъ) до 28 Іюня: во все это время происходили ежедневныя вылазки осажденныхъ (Кедринъ, 96). Не смотря на это, Святославъ, не только не хотѣлъ сдать Грекамъ города, но и не предлагалъ никакихъ мирныхъ условій. Императоръ, зная очень хорошо отчаянное положеніе Руссовъ и видя, что сраженія ни мало не измѣняютъ рѣшимости осажденныхъ, принялъ намѣреніе спокойно ожидать неминуемыхъ послѣдствій голода. Для этого, и дабы еще вѣрнѣе дѣйствовать, Цимисхій приказалъ перекопать глубокими рвами всѣ дорожки и тропинки, по которымъ Руссы могли,



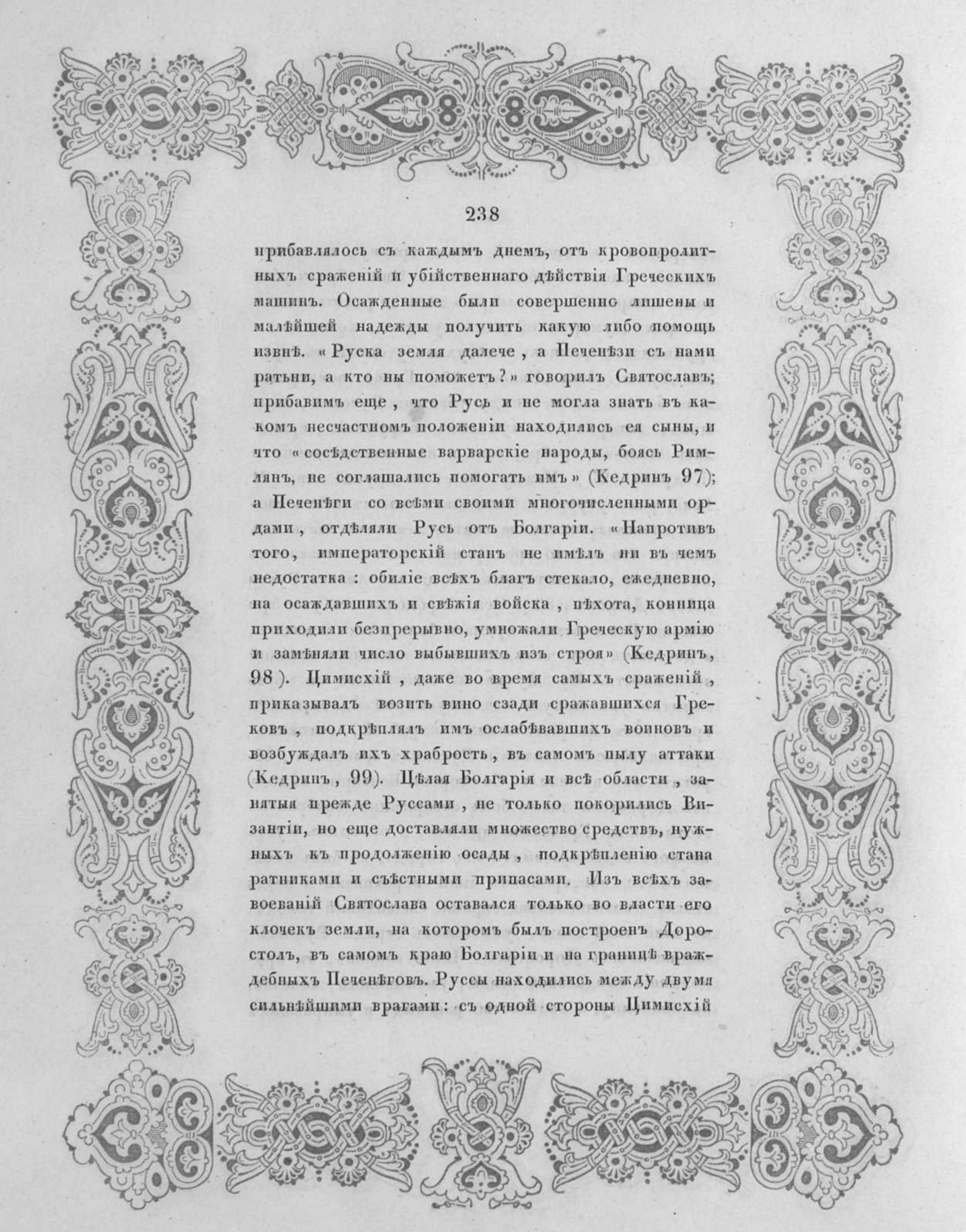
скрытно, пробираться изъ города, для сысканія пищи, и на всѣхъ этихъ путяхъ поставилъ достаточное количество Греческихъ войскъ (Кедринъ, 96). Между тѣмъ стѣнобитныя машины не прекращали своего убійственнаго дѣйствія на осажденныхъ. Камнеметныя орудія, ежедневно, разрушали городскія стѣны и съ каждымъ ударомъ уменьшали число защитниковъ Доростола (Левъ Діак. 84, Кедринъ, 96). Цимисхій, устроивъ все такимъ образомъ, ожидалъ спокойно, въ своемъ станѣ, неминуемыхъ послѣдствій, долженствовавшихъ произойти отъ точнаго исполненія его приказаній (Кедринъ 96). Въ продолженіи почти трехъ недѣль Греки не нападали на Руссовъ: по крайней мѣрѣ Византійцы не описываютъ ни одного сраженія въ промежутокъ отъ 29 Іюня до 19 Іюля. Императоръ, какъ опытный воинъ, ясно видѣлъ, что сколь ни многочисленна Греческая армія, но не можетъ силою овладѣть городомъ, ни разбить Руссовъ, ни даже принудить ихъ вступить въ мирные переговоры; слѣдовательно оставалось надѣяться на неминуемый голодъ, вѣрнѣйшее и дѣйствительнѣйшее средство къ покоренію самаго храбрѣйшаго непріятеля. Въ продолженіи этихъ трехъ недѣль и Руссы не выходили, кажется, изъ Доростола. Это время бездѣйствія, со стороны Святослава, можно объяснить тѣмъ, что онъ надѣялся, можетъ быть, получить помощь отъ Венгровъ, Словенъ или другихъ народовъ, жившихъ за Дунаемъ, ибо Кедринъ весьма ясно говоритъ, что «сосѣдственные варвары, боясь Римлянъ, не соглашались помогать Руссамъ» (стр. 97). Но Великій



Князь, обманутый въ своей надеждѣ и видя, что число воиновъ его уменьшается со всякимъ днемъ отъ голода и дѣйствія Греческихъ машинъ, между тѣмъ, какъ къ Цимисхію приходили ежедневно новыя войска (Кедринъ, Зонара, 38), долженъ былъ неминуемо приняться опять за мечь, единственный, неизмѣнный союзникъ тѣхъ, которые находятся въ подобныхъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ для осажденныхъ сдѣлалось невыносимо убійственное дѣйствіе машинъ, въ особенности тѣхъ, которыя находились подъ защитою магистра Куркуаса. 19 Іюля, послѣ обѣда, Святославъ выслалъ отрядъ Руссовъ, которые стремительно бросились на этѣ орудія, убили магистра и ѳдержали побѣду надъ Греками (Левъ Діаконъ, 84). На другой день, 20 Іюля (Кедринъ, 96), Руссы, желая воспользоваться ѳдержанной наканунѣ побѣдой, вышли изъ города, подъ предводительствомъ Икмора, перваго полководца Святославова, мужа необычайнаго роста и отличной храбрости. Іоаннъ построилъ свою армію въ клинообразный строй и повелъ противъ непріятеля. Началось жестокое сраженіе, въ самомъ началѣ котораго, одинъ изъ тѣлохранителей императорскихъ, увидя Икмора, сильно поражавшаго Грековъ, бросился на него и отсѣкъ ему голову. Въ это время, Греки, обрадованные смертію Икмора, стремительно напали на Руссовъ, которые, бывъ сильно поражены потерею своего полководца, закинули щиты на спину и возвратились въ Доростолъ, съ потерею многихъ воиновъ (Левъ Діаконъ, 85). Ночью съ 20 на 21 Іюля, при появленіи полной луны, Руссы



совершали, у городской стѣны, тризну, въ воспоминаніе падшихъ своихъ воиновъ. Они собрали убитыхъ товарищей, сожгли ихъ тѣла на разложенныхъ кострахъ, умертвили много мужчинъ, женщинъ, а грудныхъ младенцевъ и пѣтуховъ утопили въ струяхъ Дуная (Левъ Діаконъ, 85). Греки, осматривая поле битвы, нашли, между убитыми Руссами, женщинъ, которыя, въ мужскомъ вооруженіи, сражались столь-же храбро, какъ и ихъ соотечественники (Кедринъ, 97). Между тѣмъ, на другой день (21 Іюля) рано утромъ, Святославъ созвалъ всѣхъ своихъ военачальниковъ на совѣтъ и желалъ знать ихъ мнѣніе: что должно предпринять въ томъ отчаянномъ положеніи, въ которомъ тогда находились Руссы (Левъ Діаконъ, 86). Осада продолжалась уже три мѣсяца. Всѣ съѣстные припасы были давно истощены, а доставать ихъ осажденные не находили никакой возможности. По Дунаю ни одна лодья не могла скрытно ускользнуть отъ неусыпной бдительности трехъ сотъ непріятельскихъ кораблей, готовыхъ, при малѣйшемъ движеніи Русскихъ челноковъ, обратить ихъ въ пепелъ. Со стороны Болгаріи, выходъ изъ Доростола также былъ совершенно возбраненъ стотысячною Греческою арміею, и ни одинъ Руссъ не могъ надѣяться выдти изъ города, не бывъ замѣченнымъ: всѣ тропинки были перекопаны и вездѣ стояла многочисленная стража. Сильнѣйшій голодъ, во всей силѣ слова, уничтожалъ отрядъ Руссовъ, защищавшихъ Доростолъ. Число воиновъ, въ продолженіе ежедневной осады, уменьшилось, конечно, на половину; а количество раненыхъ и умиравшихъ

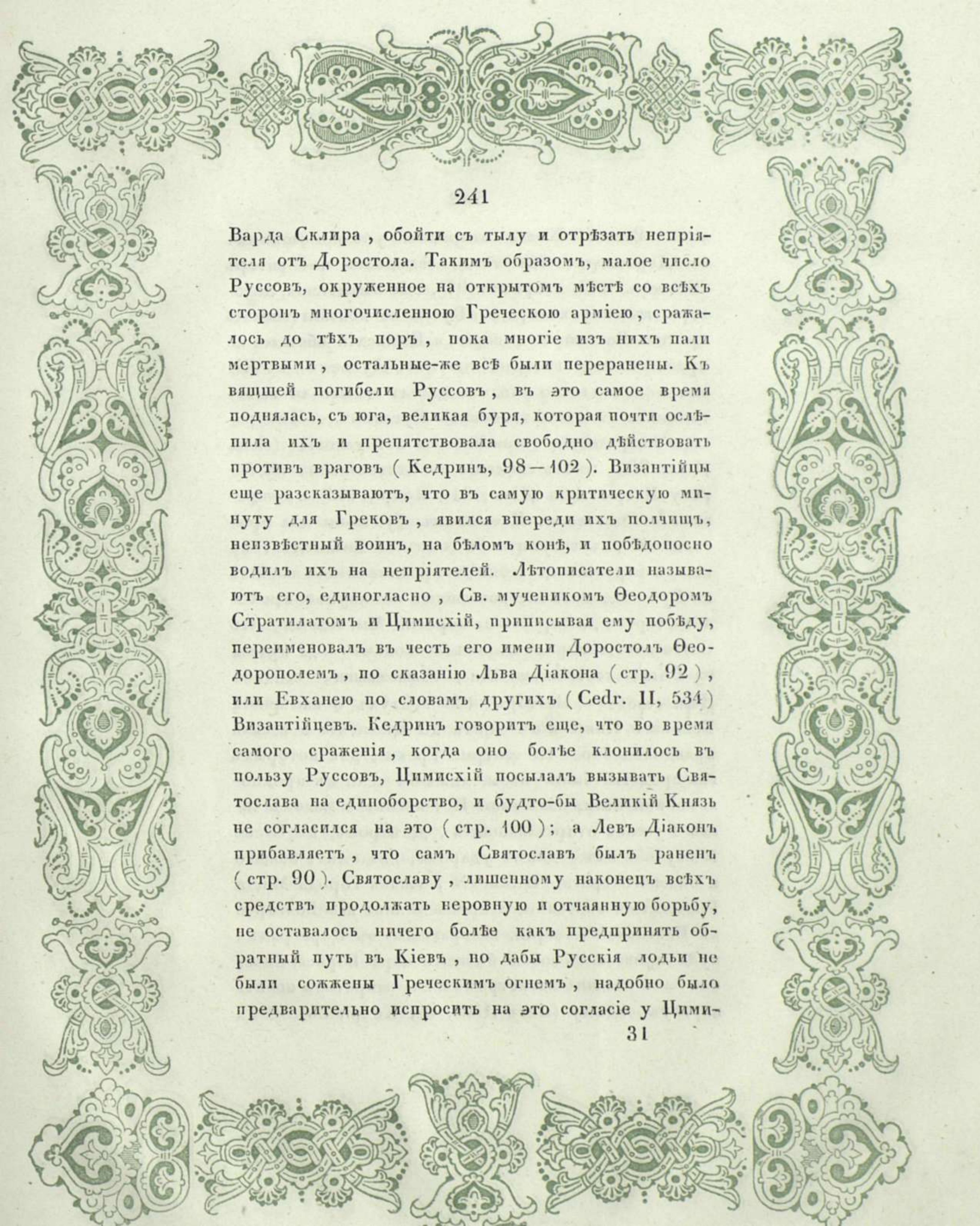


прибавлялось съ каждымъ днемъ, отъ кровопролитныхъ сраженій и убійственнаго дѣйствія Греческихъ машинъ. Осажденные были совершенно лишены и малѣйшей надежды получить какую либо помощь извнѣ. «Руска земля далече, а Печенѣзи съ нами ратьни, а кто ны поможетъ?» говорилъ Святославъ; прибавимъ еще, что Русь и не могла знать въ какомъ несчастномъ положеніи находились ея сыны, и что «сосѣдственные варварскіе народы, боясь Римлянъ, не соглашались помогать имъ» (Кедринъ 97); а Печенѣги со всѣми своими многочисленными ордами, отдѣляли Русь отъ Болгаріи. «Напротивъ того, императорскій станъ не имѣлъ ни въ чемъ недостатка: обиліе всѣхъ благъ стекало, ежедневно, на осаждавшихъ и свѣжія войска, пѣхота, конница приходили безпрерывно, умножали Греческую армію и замѣняли число выбывшихъ изъ строя» (Кедринъ, 98). Цимисхій, даже во время самыхъ сраженій, приказывалъ возить вино сзади сражавшихся Грековъ, подкрѣплялъ имъ ослабѣвавшихъ воиновъ и возбуждалъ ихъ храбрость, въ самомъ пылу аттаки (Кедринъ, 99). Цѣлая Болгарія и всѣ области, занятыя прежде Руссами, не только покорились Византіи, но еще доставляли множество средствъ, нужныхъ къ продолженію осады, подкрѣпленію стана ратниками и съѣстными припасами. Изъ всѣхъ завоеваній Святослава оставался только во власти его клочекъ земли, на которомъ былъ построенъ Доростолъ, въ самомъ краю Болгаріи и на границѣ враждебныхъ Печенѣговъ. Руссы находились между двумя сильнѣйшими врагами: съ одной стороны Цимисхій

со всею стройною Греческою арміею и съ другой хищные улусы Печенѣговъ, всегдашнихъ враговъ Руси, ожидавшихъ только случая напасть на Святослава. Въ этихъ отчаянныхъ обстоятельствахъ трудно было собраннымъ полководцамъ подать спасительный совѣтъ, сколько нибудь сообразный съ прежними завоеваніями и блестящею славою, которую пріобрѣлъ Святославъ, въ продолженіи всей своей военной жизни. Но Русскій Князь собиралъ своихъ военачальниковъ, кажется, для того только, чтобы воодушевить ихъ, сколь возможно болѣе, къ предстоявшей рѣшительной битвѣ и объявить имъ, чтобы завтра, съ разсвѣтомъ дня, они приготовили малое число, оставшихся въ живыхъ, Руссовъ къ отчаянному сраженію съ непріятелемъ. Русскіе воеводы, услышавъ это повелѣніе, весьма обрадовались, ибо, по мнѣнію Норманновъ, они вѣрили, что Руссъ убитый непріятелемъ и послѣ смерти, въ будущей жизни, долженъ вѣчно находиться въ рабствѣ у того, который его убилъ (Левъ Діак. 87). Для избѣжанія подобной участи всѣ языческіе Руссы готовы были вновь отчаянно вступить въ бой и низложить сколь возможно болѣе Грековъ, дабы, попавшись въ плѣнъ, не быть убитыми отъ руки врага. На другой день (22 Іюля), рано утромъ (*), Святославъ вывелъ въ поле всѣхъ Руссовъ, сохранившихъ еще достаточно

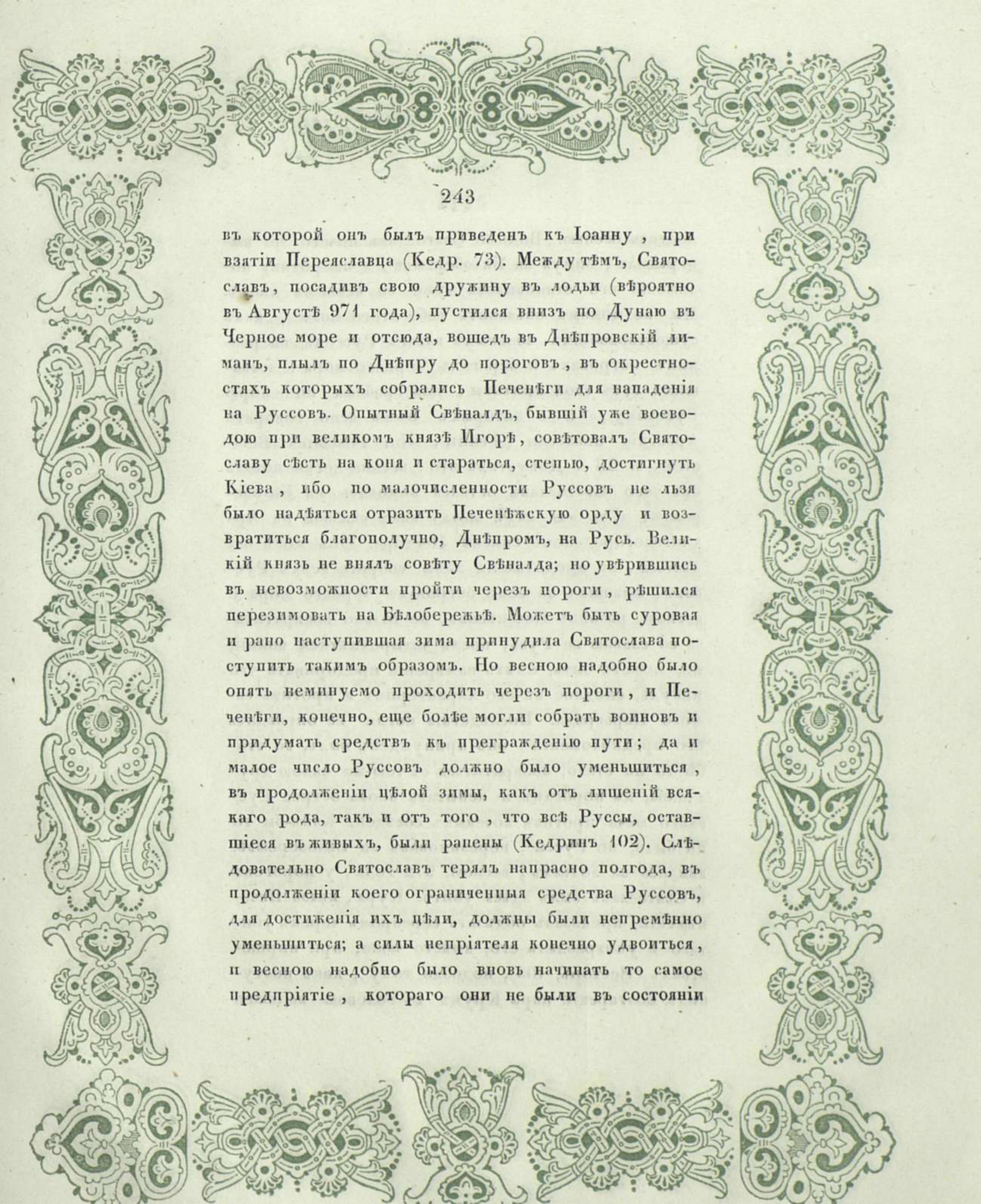
(*) Мы слѣдуемъ Кедрину, который описываетъ послѣднее сраженіе съ большею подробностію, чѣмъ Левъ Діаконъ, стр. 99 — 102.

силъ, чтобы владѣть оружіемъ и приказалъ запереть городскіе ворота, чтобы ни одинъ воинъ не могъ и подумать о спасеніи себя за стѣнами Доростола. Начался жестокій бой и Руссы нападали еще съ большею храбростію, чѣмъ прежде. Около полудня Греки начали уступать побѣду Руссамъ: въ это время императоръ прискакалъ съ свѣжими всадниками на помощь къ разбитымъ своимъ воинамъ, и какъ день былъ чрезвычайно жаркій, то Іоаннъ приказалъ освѣжить ихъ водою и виномъ и вновь повелъ на непріятеля. Но ни число Грековъ, ни вновь прибывшее подкрѣпленіе, ни даже всѣ усилія и средства храбраго Цимисхія не могли заставить Руссовъ податься назадъ. Тогда императоръ, — видя, что всѣ нападенія остаются безъ успеха и что, подъ стѣнами города, Руссы, по тѣснотѣ мѣста, сообразнаго съ ихъ малымъ числомъ, не могутъ быть ни обойдены Греческими войсками, ни разбиты, при всей многочисленности нападавшихъ, — приказалъ своей арміи отступить на мѣсто болѣе обширное, и на которомъ онъ-бы могъ, вдругъ, со всѣхъ сторонъ, окружить Святослава своею конницею. Военачальники исполнили въ точности приказаніе императорское; а Руссы, принявъ это отступленіе полупобѣжденныхъ Грековъ, за настоящее бѣгство съ поля сраженія, стремительно бросились въ погоню за непріятелемъ. Императоръ, обрадованный удачнымъ исполненіемъ своей стратагемы, какъ искусный полководецъ, распорядился слѣдующимъ образомъ. Онъ раздѣлилъ свою армію на два отряда: одному приказалъ удерживать натискъ Руссовъ, другому, подъ начальствомъ



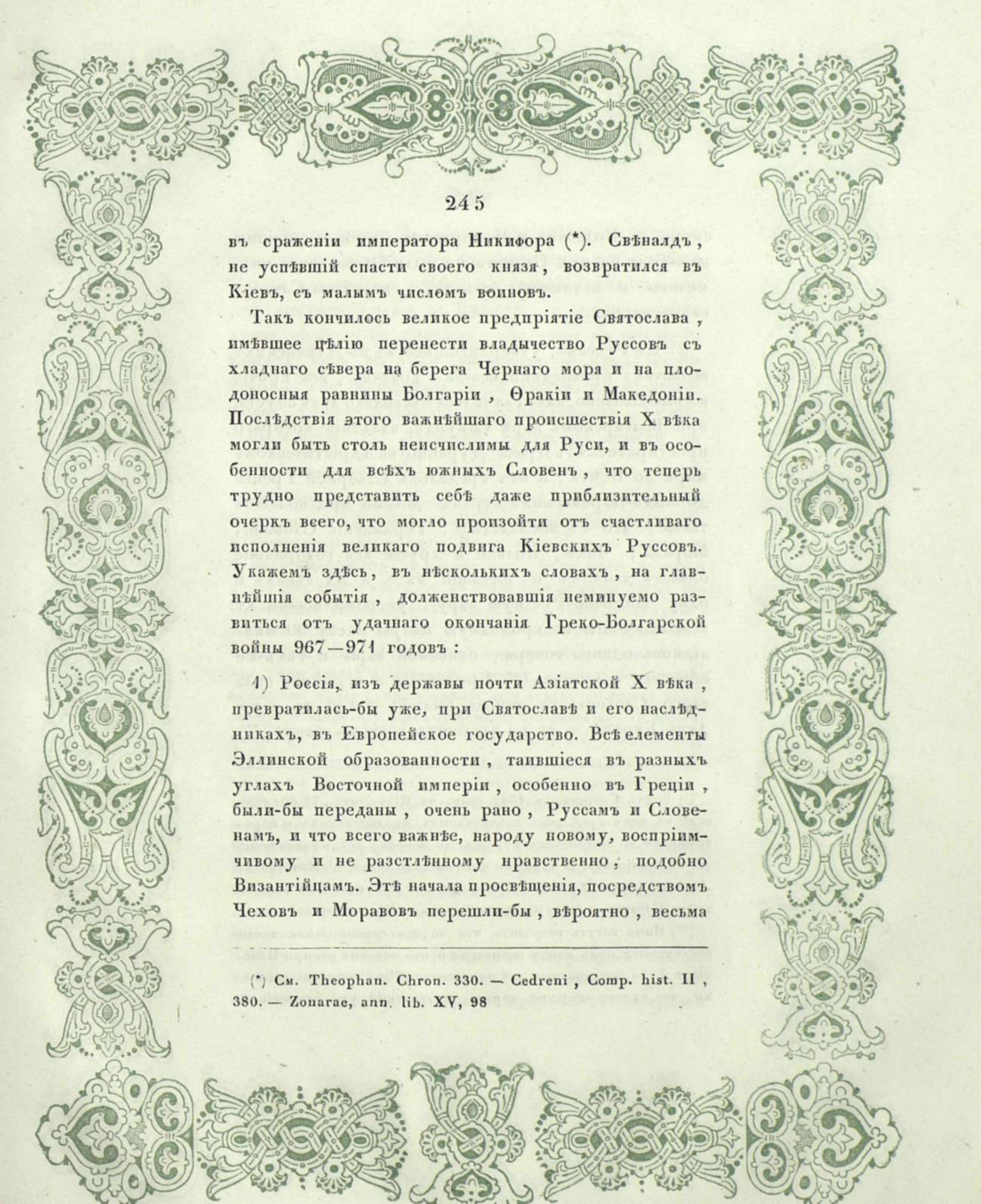
Варда Склира, обойти съ тылу и отрѣзать непріятеля отъ Доростола. Такимъ образомъ, малое число Руссовъ, окруженное на открытомъ мѣстѣ со всѣхъ сторонъ многочисленною Греческою арміею, сражалось до тѣхъ поръ, пока многіе изъ нихъ пали мертвыми, остальные-же всѣ были переранены. Къ вящшей погибели Руссовъ, въ это самое время поднялась, съ юга, великая буря, которая почти ослѣпила ихъ и препятствовала свободно дѣйствовать противъ враговъ (Кедринъ, 98—102). Византійцы еще разсказываютъ, что въ самую критическую минуту для Грековъ, явился впереди ихъ полчищъ, неизвѣстный воинъ, на бѣломъ конѣ, и побѣдоносно водилъ ихъ на непріятелей. Лѣтописатели называютъ его, единогласно, Св. мученикомъ Θеодоромъ Стратилатомъ и Цимисхій, приписывая ему побѣду, переименовалъ въ честь его имени Доростолъ Θеодорополемъ, по сказанію Льва Діакона (стр. 92), или Евханею по словамъ другихъ (Cedr. II, 534) Византійцевъ. Кедринъ говоритъ еще, что во время самого сраженія, когда оно болѣе клонилось въ пользу Руссовъ, Цимисхій посылалъ вызывать Святослава на единоборство, и будто-бы Великій Князь не согласился на это (стр. 100); а Левъ Діаконъ прибавляетъ, что самъ Святославъ былъ раненъ (стр. 90). Святославу, лишенному наконецъ всѣхъ средствъ продолжать неровную и отчаянную борьбу, не оставалось ничего болѣе какъ предпринять обратный путь въ Кіевъ, но дабы Русскія лодьи не были сожжены Греческимъ огнемъ, надобно было предварительно испросить на это согласіе у Цими-

схія. Великій Князь отправилъ уполномоченныхъ въ Деревстръ, гдѣ тогда находился императоръ (Несторъ, 103, и примѣч. 97), для заключенія договора, въ силу котораго «Руссы не должны воевать противъ Восточной имперіи, а Цимисхій обязался не препятствовать возвращенію ихъ, Дунаемъ, въ Кіевъ и немедленно утолить голодъ малаго числа оставшихся въ живыхъ воиновъ Русскихъ. «Императоръ съ радостію согласился на этѣ условія» (Левъ Діак. 90), имѣлъ свиданіе съ Святославомъ на берегу Истра (Левъ Діак., 91; Кедр., 102) и отправилъ посольство къ Печенѣгамъ, будто-бы для приглашенія ихъ вступить въ союзъ съ Византіею; но весьма вѣроятно съ тайнымъ предложеніемъ напасть на Руссовъ, долженствовавшихъ неминуемо проходить черезъ Днѣпровскіе пороги. Мы знаемъ, что Святославъ говорилъ своимъ воеводамъ: «да изнова из Руси, совокупивше вои, оумножившн, поидемъ Царю городу» (Несторъ, 103). Слухъ о намѣреніи Великаго Князя могъ дойти до Цимисхія и весьма правдоподобно, что хитрые Греки, для которыхъ всѣ средства были равны, лишь-бы вели къ предположенной цѣли, извѣстили Печенѣговъ о маломъ числѣ Руссовъ отправлявшихся, Днѣпромъ, въ Кіевъ и научили ихъ, однимъ ударомъ, низложить общаго и опаснаго врага. Цимисхій, занявъ города Мисіи Греческими войсками, и присоединивъ всю Болгарію къ Восточной имперіи, возвратился въ Царьградъ, куда привезъ съ собою бывшаго царя Бориса. Здѣсь онъ былъ названъ магистромъ и ему запретили носить царскую одежду (Левъ Діак., 92; Кедр., Зон. 102),



въ которой онъ былъ приведенъ къ Іоанну, при взятіи Переяславца (Кедр. 73). Между тѣмъ, Святославъ, посадивъ свою дружину въ лодьи (вѣроятно въ Августѣ 971 года), пустился внизъ по Дунаю въ Черное море и отсюда, вошедъ въ Днѣпровскій лиманъ, плылъ по Днѣпру до пороговъ, въ окрестностяхъ которыхъ собрались Печенѣги для нападенія на Руссовъ. Опытный Свѣналдъ, бывшій уже воеводою при великомъ князѣ Игорѣ, совѣтовалъ Святославу сѣсть на коня и стараться, степью, достигнуть Кіева, ибо по малочисленности Руссовъ не льзя было надѣяться отразить Печенѣжскую орду и возвратиться благополучно, Днѣпромъ, на Русь. Великій князь не внялъ совѣту Свѣналда; но увѣрившись въ невозможности пройти черезъ пороги, рѣшился перезимовать на Бѣлобережьѣ. Можетъ быть суровая и рано наступившая зима принудила Святослава поступить такимъ образомъ. Но весною надобно было опять неминуемо проходить черезъ пороги, и Печенѣги, конечно, еще болѣе могли собрать воиновъ и придумать средствъ къ преграшденію пути; да и малое число Руссовъ должно было уменьшиться, въ продолженіи цѣлой зимы, какъ отъ лишеній всякаго рода, такъ и отъ того, что всѣ Руссы, оставшіеся въ живыхъ, были ранены (Кедринъ 102). Слѣдовательно Святославъ терялъ напрасно полгода, въ продолженіи коего ограниченныя средства Руссовъ, для достиженія ихъ цѣли, должны были непремѣнно уменьшиться; а силы непріятеля конечно удвоиться, и весною надобно было вновь начинать то самое предпріятіе, котораго они не были въ состояніи

достичь осенью. Видимо Святославъ ничего не выигрывалъ, зимуя на Бѣлобережьѣ, а напротивъ положеніе его становилось хуже со всякимъ днемъ. Мы не можемъ объяснить себѣ этого иначе, какъ существованіемъ вольныхъ ватагъ Руссовъ на разныхъ островахъ и берегахъ Чернаго моря, имѣвшихъ тутъ свои притоны, для грабежа по «морю Русскому,» и о которыхъ очень ясно говорятъ Арабскіе писатели (Frähn, Ibn Foszlan's Berichte, s. 28). Допустивъ это, весьма легко понять отъ чего Святославъ остался зимовать на Бѣлобережьѣ, т. е. «къ лꙋзѣ морѧ» какъ сказано въ Архангелогородскомъ спискѣ Нестора. Онъ могъ надѣяться, въ продолженіи зимы, собрать всѣхъ Руссовъ, жившихъ на семи островахъ Чернаго моря и весною, разбивъ Печенѣговъ, не только возвратиться со славою на Русь, послѣ четырехлѣтней войны, но, можетъ быть, имѣлъ намѣреніе предпринять что нибудь, сходное съ его характеромъ и противъ самого Царьграда. Послѣдствія могли не оправдать его предположеній; онъ принужденъ былъ, во чтобы то ни стало, возвратиться съ тою-же малою дружиною, къ порогамъ и испытать вновь острее Русскаго меча противъ кочевыхъ сосѣдей. Какъ-бы то ни было, но Руссы, перезимовавъ на Бѣлобережьѣ, явились на лодьяхъ, весною, 972 года, у пороговъ и Святославъ былъ здѣсь убитъ. Куря, князь Печенѣжскій, приказалъ обдѣлать серебромъ черепъ убитаго и употреблялъ его, вмѣсто чаши, при пиршествахъ (Несторъ, 105), подобно тому, какъ поступилъ Болгарскій царь Крумъ съ головою падшаго

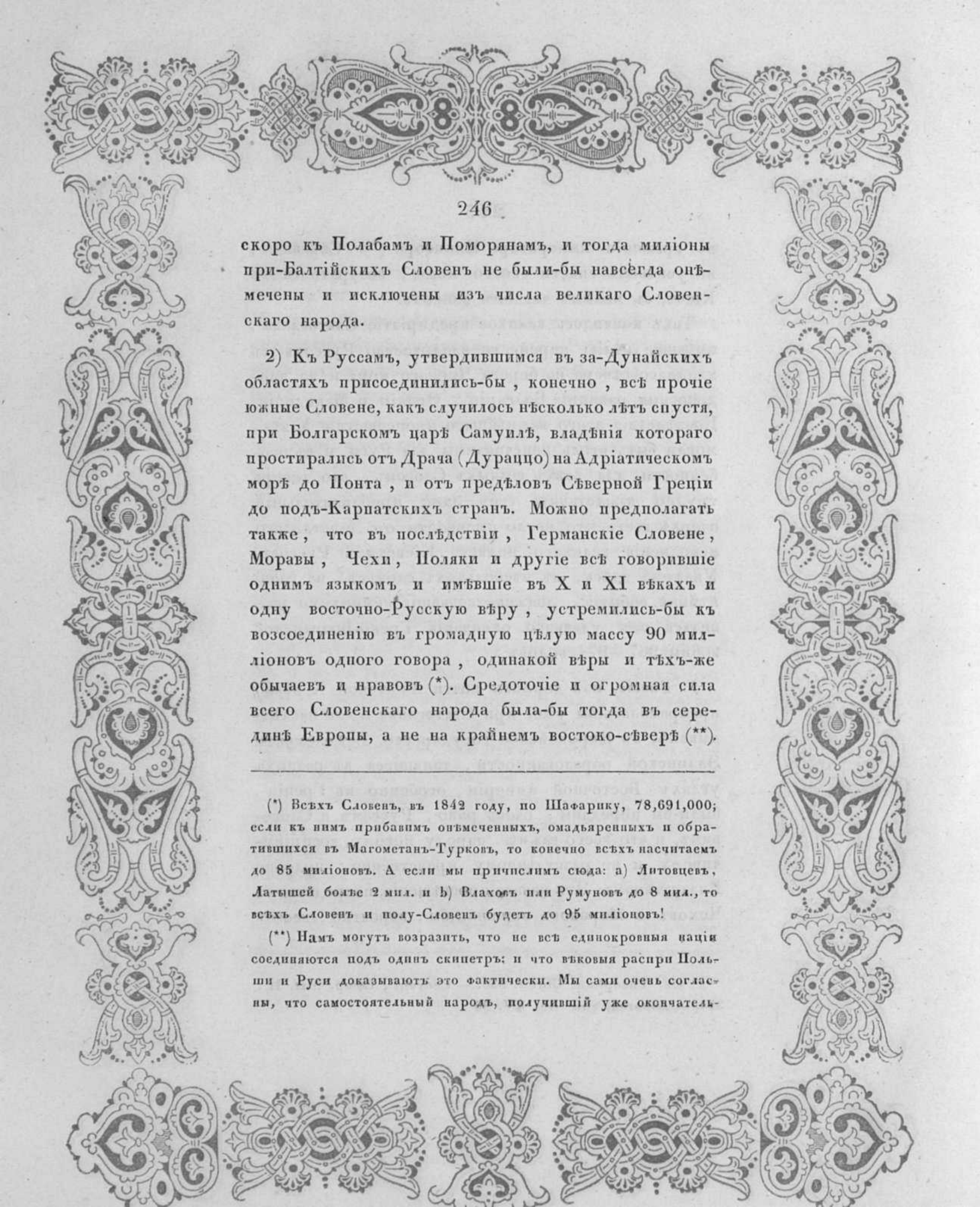


въ сраженіи императора Никифора (*). Свѣналдъ, не успѣвшій спасти своего князя, возвратился въ Кіевъ, съ малымъ числомъ воиновъ.

Такъ кончилось великое предпріятіе Святослава, имѣвшее цѣлію перенести владычество Руссовъ съ хладнаго сѣвера на берега Чернаго моря и на плодоносныя равнины Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи. Послѣдствія этого важнѣйшаго происшествія X вѣка могли быть столь неисчислимы для Руси, и въ особенности для всѣхъ южныхъ Словенъ, что теперь трудно представить себѣ даже приблизительный очеркъ всего, что могло произойти отъ счастливаго исполненія великаго подвига Кіевскихъ Руссовъ. Укажемъ здѣсь, въ нѣсколькихъ словахъ, на главнѣйшія событія, долженствовавшія неминуемо развиться отъ удачнаго окончанія Греко-Болгарской войны 967—971 годовъ:

1) Россія, изъ державы почти Азіатской X вѣка, превратилась-бы уже, при Святославѣ и его наслѣдникахъ, въ Европейское государство. Всѣ элементы Эллинской образованности, таившіеся въ разныхъ углахъ Восточной имперіи, особенно въ Греціи, были-бы переданы, очень рано, Руссамъ и Словенамъ, и что всего важнѣе, народу новому, воспріимчивому и не разстлѣнному нравственно, подобно Византійцамъ. Этѣ начала просвѣщенія, посредствомъ Чеховъ и Моравовъ перешли-бы, вѣроятно, весьма

(*) См. Theophan. Chron. 330. — Cedreni, Comp. hist. II, 380. — Zonarae, ann. lib. XV, 98

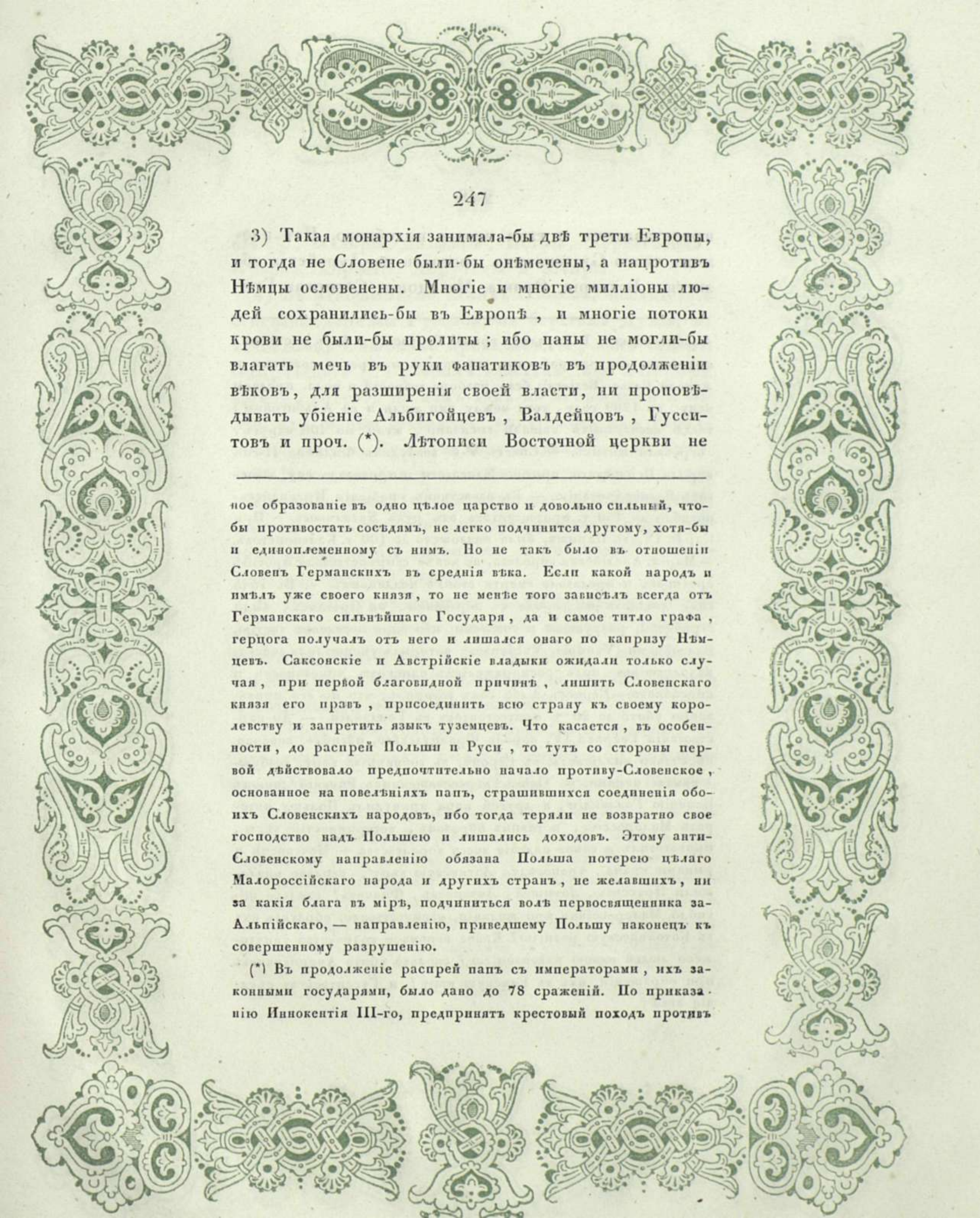


скоро къ Полабамъ и Поморянамъ, и тогда миліоны при-Балтійскихъ Словенъ не были-бы навсегда онѣмечены и исключены изъ числа великаго Словенскаго народа.

2) Къ Руссамъ, утвердившимся въ за-Дунайскихъ областяхъ присоединились-бы, конечно, всѣ прочіе южные Словене, какъ случилось нѣсколько лѣтъ спустя, при Болгарскомъ царѣ Самуилѣ, владѣнія котораго простирались отъ Драча (Дураццо) на Адріатическомъ морѣ до Понта, и отъ предѣловъ Сѣверной Греціи до подъ-Карпатскихъ странъ. Можно предполагать также, что въ послѣдствіи, Германскіе Словене, Моравы, Чехи, Поляки и другіе всѣ говорившіе однимъ языкомъ и имѣвшіе въ X и XI вѣкахъ и одну восточно-Русскую вѣру, устремились-бы къ возсоединенію въ громадную цѣлую массу 90 милліоновъ одного говора, одинакой вѣры и тѣхъ-же обычаевъ и нравовъ (*). Средоточіе и огромная сила всего Словенскаго народа была-бы тогда въ серединѣ Европы, а не на крайнемъ востоко-сѣверѣ (**).

(*) Всѣхъ Словенъ, въ 1842 году, по Шафарику, 78,691,000; если къ нимъ прибавимъ онѣмеченныхъ, омадьяренныхъ и обратившихся въ Магометанъ-Турковъ, то конечно всѣхъ насчитаемъ до 85 миліоновъ. А если мы причислимъ сюда: а) Литовцевъ, Латышей болѣе 2 мил. и b) Влаховъ или Румуновъ до 8 мил., то всѣхъ Словенъ и полу-Словенъ будетъ до 95 миліоновъ!

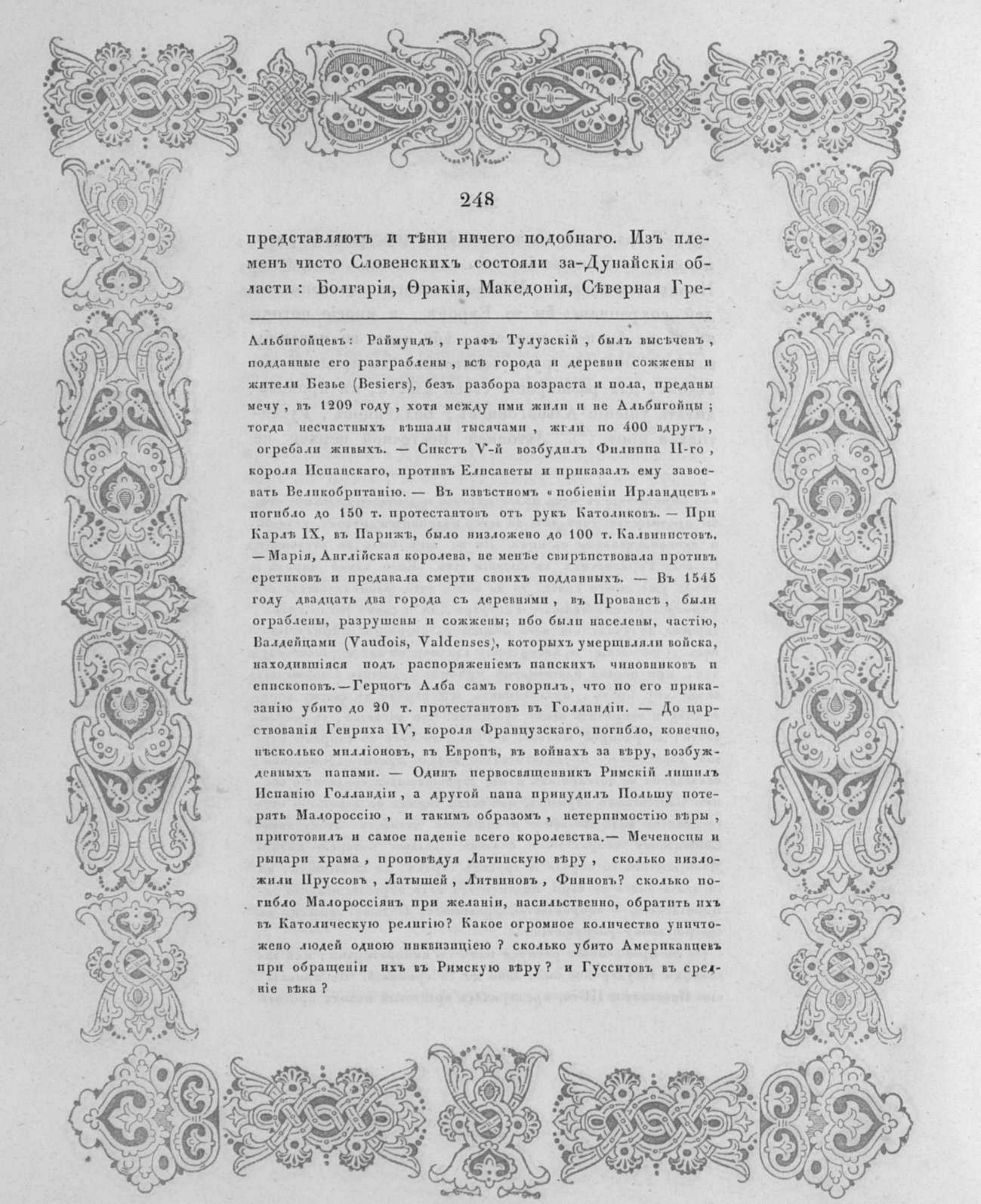
(**) Намъ могутъ возразить, что не всѣ единокровныя націи соединяются подъ одинъ скипетръ; и что вѣковыя распри Польши и Руси доказываютъ это фактически. Мы сами очень согласны, что самостоятельный народъ, получившій уже окончатель-



3) Такая монархія занимала-бы двѣ трети Европы, и тогда не Словене были-бы онѣмечены, а напротивъ Нѣмцы ословенены. Многіе и многіе милліоны людей сохранились-бы въ Европѣ, и многіе потоки крови не были-бы пролиты; ибо папы не могли-бы влагать мечь въ руки фанатиковъ въ продолженіи вѣковъ, для расширенія своей власти, ни проповѣдывать убіеніе Альбигойцевъ, Валдейцовъ, Гусситовъ и проч. (*). Лѣтописи Восточной церкви не

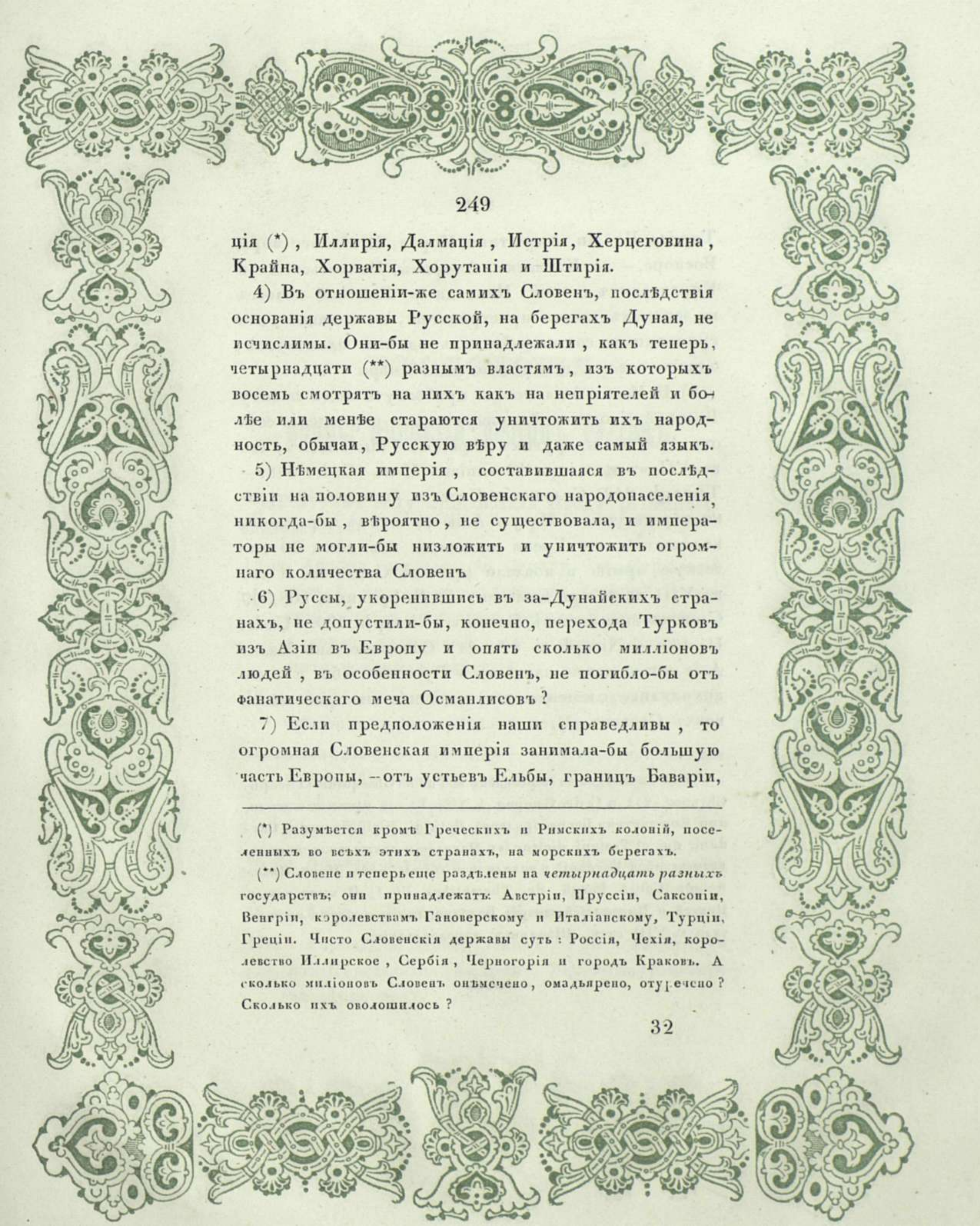
ное образованіе въ одно цѣлое царство и довольно сильный, чтобы противостать сосѣдямъ, не легко подчинится другому, хотя-бы и единоплеменному съ нимъ. Но не такъ было въ отношеніи Словенъ Германскихъ въ средніе вѣка. Если какой народъ и имѣлъ уже своего князя, то не менѣе того зависѣлъ всегда отъ Германскаго сильнѣйшаго Государя, да и самое титло графа, герцога получалъ отъ него и лишался онаго по капризу Нѣмцевъ. Саксонскіе и Австрійскіе владыки ожидали только случая, при первой благовидной причинѣ, лишить Словенскаго князя его правъ, присоединить всю страну къ своему королевству и запретить языкъ туземцевъ. Что касается, въ особенности, до распрей Польши и Руси, то тутъ со стороны первой дѣйствовало предпочтительно начало противу-Словенское, основанное на повелѣніяхъ папъ, страшившихся соединенія обоихъ Словенскихъ народовъ, ибо тогда теряли не возвратно свое господство надъ Польшею и лишались доходовъ. Этому анти-Словенскому направленію обязана Польша потерею цѣлаго Малороссійскаго народа и другихъ странъ, не желавшихъ, ни за какія блага въ мірѣ, подчиниться волѣ первосвященника за-Альпійскаго, — направленію, приведшему Польшу наконецъ къ совершенному разрушенію.

(*) Въ продолженіе распрей папъ съ императорами, ихъ законными государями, было дано до 78 сраженій. По приказанію Иннокентія III-го, предпринятъ крестовый походъ противъ



представляютъ и тѣни ничего подобнаго. Изъ племенъ чисто Словенскихъ состояли за-Дунайскія области: Болгарія, Ѳракія, Македонія, Сѣверная Гре-

Альбигойцевъ: Раймундъ, графъ Тулузскій, былъ высѣченъ, подданные его разграблены, всѣ города и деревни сожжены и жители Безье (Besiers), безъ разбора возраста и пола, преданы мечу, въ 1209 году, хотя между ими жили и не Альбигойцы; тогда несчастныхъ вѣшали тысячами, жгли по 400 вдругъ, огребали живыхъ. — Сикстъ V-й возбудилъ Филиппа II-го, короля Испанскаго, противъ Елисаветы и приказалъ ему завоевать Великобританію. — Въ извѣстномъ «побіеніи Ирландцевъ» погибло до 150 т. протестантовъ отъ рукъ Католиковъ. — При Карлѣ IX, въ Парижѣ, было низложено до 100 т. Калвинистовъ. — Марія, Англійская королева, не менѣе свирѣпствовала противъ еретиковъ и предавала смерти своихъ подданныхъ. — Въ 1545 году двадцать два города съ деревнями, въ Провансѣ, были ограблены, разрушены и сожжены; ибо были населены, частію, Валдейцами (Vaudois, Valdenses), которыхъ умерщвляли войска, находившіяся подъ распоряженіемъ папскихъ чиновниковъ и епископовъ. — Герцогъ Алба самъ говорилъ, что по его приказанію убито до 20 т. протестантовъ въ Голландіи. — До царствованія Генриха IV, короля Французскаго, погибло, конечно, нѣсколько милліоновъ, въ Европѣ, въ войнахъ за вѣру, возбужденныхъ папами. — Одинъ первосвященникъ Римскій лишилъ Испанію Голландіи, а другой папа принудилъ Польшу потерять Малороссію, и такимъ образомъ, нетерпимостію вѣры, приготовилъ и самое паденіе всего королевства. — Меченосцы и рыцари храма, проповѣдуя Латинскую вѣру, сколько низложили Пруссовъ, Латышей, Литвиновъ, Финновъ? сколько погибло Малороссіянъ при желаніи, насильственно, обратить ихъ въ Католическую религію? Какое огромное количество уничтожено людей одною инквизиціею? сколько убито Американцевъ при обращеніи ихъ въ Римскую вѣру? и Гусситовъ въ средніе вѣка?



ція (*), Иллирія, Далмація, Истрія, Херцеговина, Крайна, Хорватія, Хорутанія и Штирія.

4) Въ отношеніи-же самихъ Словенъ, послѣдствія основанія державы Русской, на берегахъ Дуная, не исчислимы. Они-бы не принадлежали, какъ теперь, четырнадцати (**) разнымъ властямъ, изъ которыхъ восемь смотрятъ на нихъ какъ на непріятелей и болѣе или менѣе стараются уничтожить ихъ народность, обычаи, Русскую вѣру и даже самый языкъ.

5) Нѣмецкая имперія, составившаяся въ послѣдствіи на половину изъ Словенскаго народонаселенія, никогда-бы, вѣроятно, не существовала, и императоры не могли-бы низложить и уничтожить огромнаго количества Словенъ

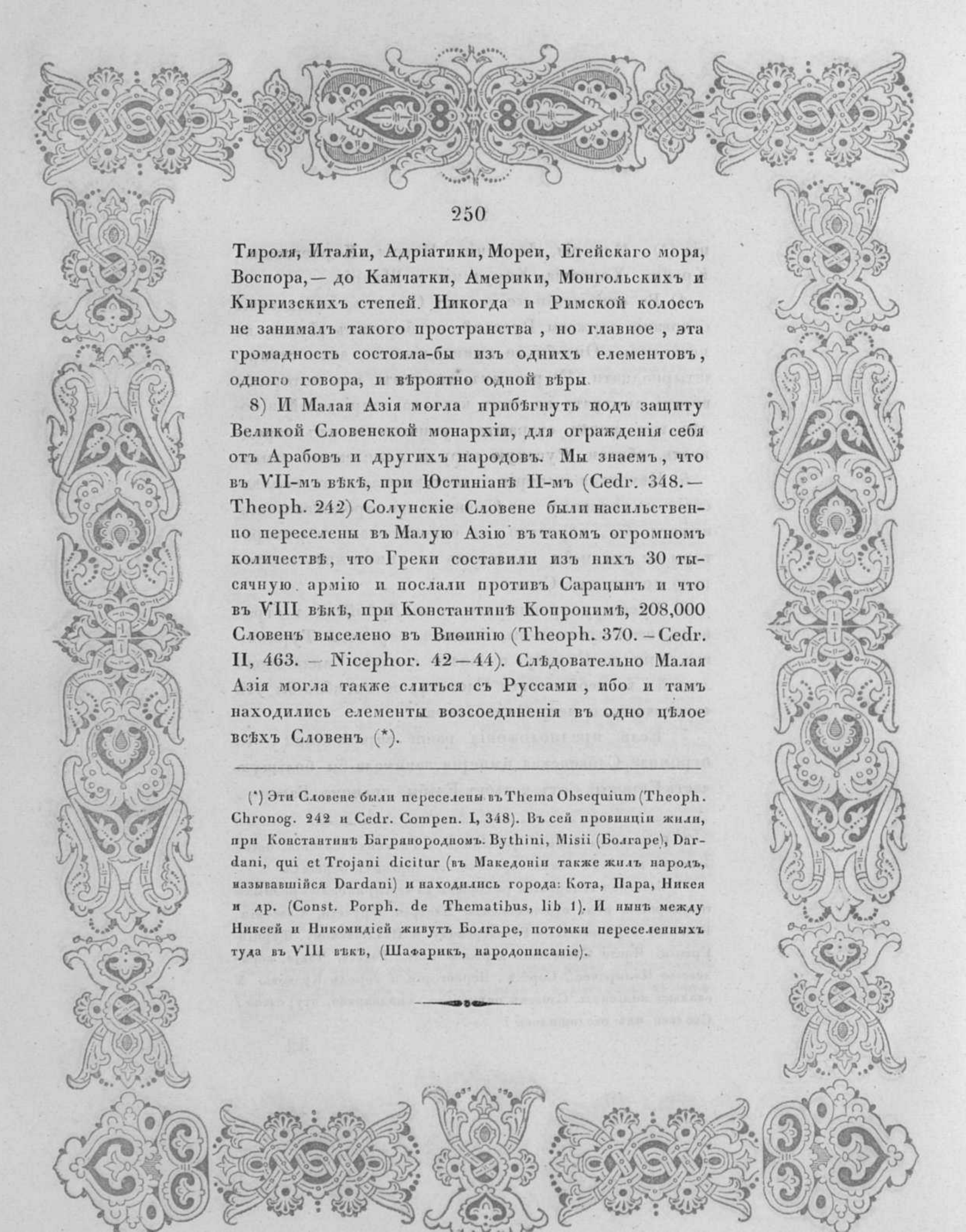
6) Руссы, укоренившись въ за-Дунайскихъ странахъ, не допустили-бы, конечно, перехода Турковъ изъ Азіи въ Европу и опять сколько милліоновъ людей, въ особенности Словенъ, не погибло-бы отъ фанатическаго меча Османлисовъ?

7) Если предположенія наши справедливы, то огромная Словенская имперія занимала-бы большую часть Европы, —отъ устьевъ Ельбы, границъ Баваріи,

---

(*) Разумѣется кромѣ Греческихъ и Римскихъ колоній, поселенныхъ во всѣхъ этихъ странахъ, на морскихъ берегахъ.

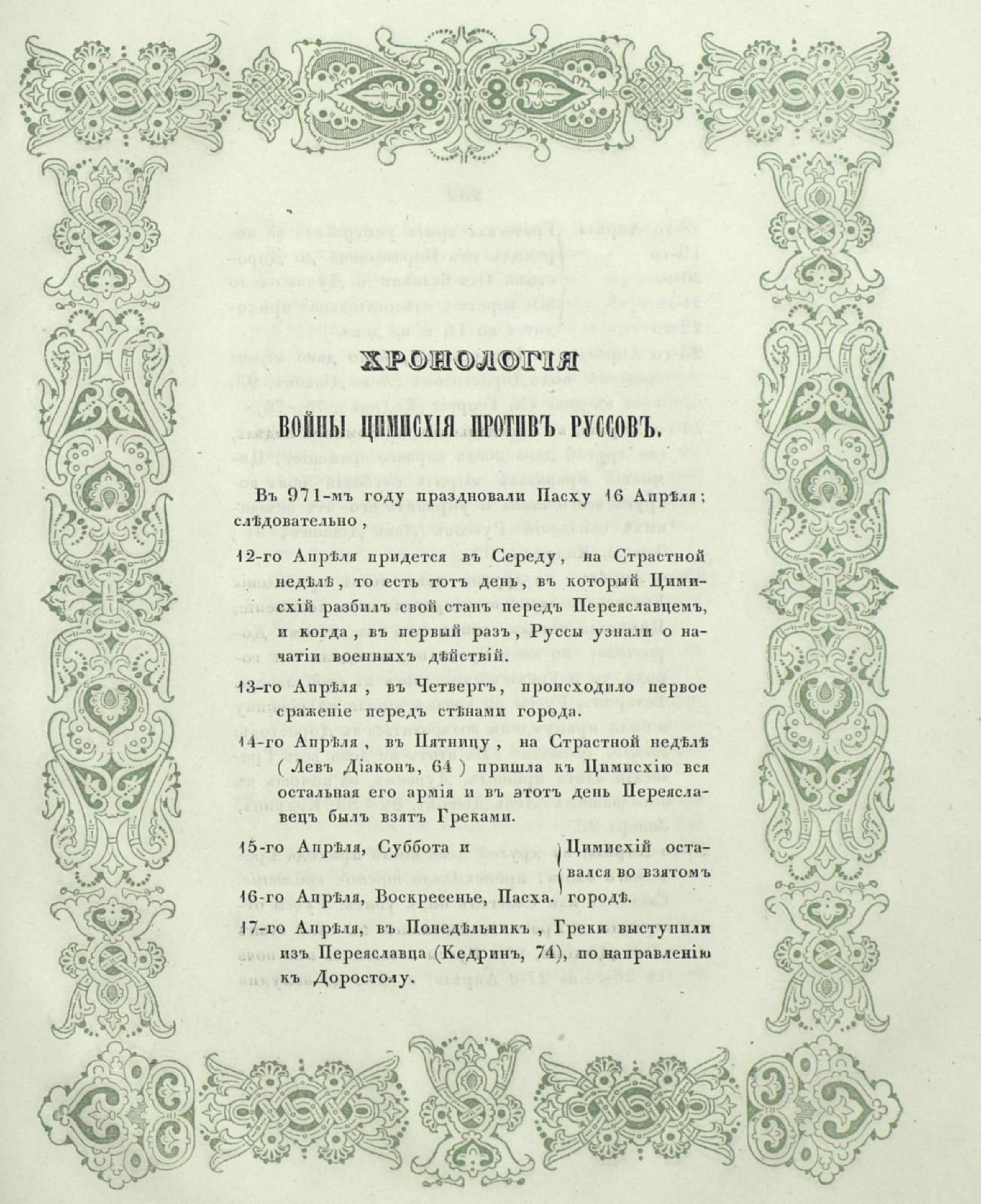
(**) Словене и теперь еще раздѣлены на *четырнадцать разныхъ* государствъ; они принадлежатъ: Австріи, Пруссіи, Саксоніи, Венгріи, королевствамъ Гановерскому и Италіанскому, Турціи, Греціи. Чисто Словенскія державы суть: Россія, Чехія, королевство Иллирское, Сербія, Черногорія и городъ Краковъ. А сколько миліоновъ Словенъ онѣмечено, омадьярено, отуречено? Сколько ихъ оволошилось?



Тироля, Италіи, Адріатики, Мореи, Егейскаго моря, Воспора, — до Камчатки, Америки, Монгольскихъ и Киргизскихъ степей. Никогда и Римской колоссъ не занималъ такого пространства, но главное, эта громадность состояла-бы изъ однихъ елементовъ, одного говора, и вѣроятно одной вѣры

8) И Малая Азія могла прибѣгнуть подъ защиту Великой Словенской монархіи, для огражденія себя отъ Арабовъ и другихъ народовъ. Мы знаемъ, что въ VII-мъ вѣкѣ, при Юстиніанѣ II-мъ (Cedr. 348. — Theoph. 242) Солунскіе Словене были насильственно переселены въ Малую Азію въ такомъ огромномъ количествѣ, что Греки составили изъ нихъ 30 тысячную армію и послали противъ Сарацынъ и что въ VIII вѣкѣ, при Константинѣ Копронимѣ, 208,000 Словенъ выселено въ Виѳинію (Theoph. 370. — Cedr. II, 463. — Nicephor. 42—44). Слѣдовательно Малая Азія могла также слиться съ Руссами, ибо и тамъ находились елементы возсоединенія въ одно цѣлое всѣхъ Словенъ (*).

(*) Эти Словене были переселены въ Thema Obsequium (Theoph. Chronog. 242 и Cedr. Compen. I, 348). Въ сей провинціи жили, при Константинѣ Багрянородномъ. Bythini, Misii (Болгаре), Dardani, qui et Trojani dicitur (въ Македоніи также жилъ народъ, называвшійся Dardani) и находились города: Кота, Пара, Никея и др. (Const. Porph. de Thematibus, lib 1). И нынѣ между Никеей и Никомидіей живутъ Болгаре, потомки переселенныхъ туда въ VIII вѣкѣ, (Шафарикъ, народописаніе).



ХРОНОЛОГІЯ

ВОЙНЫ ЦИМИСХІЯ ПРОТИВЪ РУССОВЪ.

Въ 971-мъ году праздновали Пасху 16 Апрѣля; слѣдовательно,

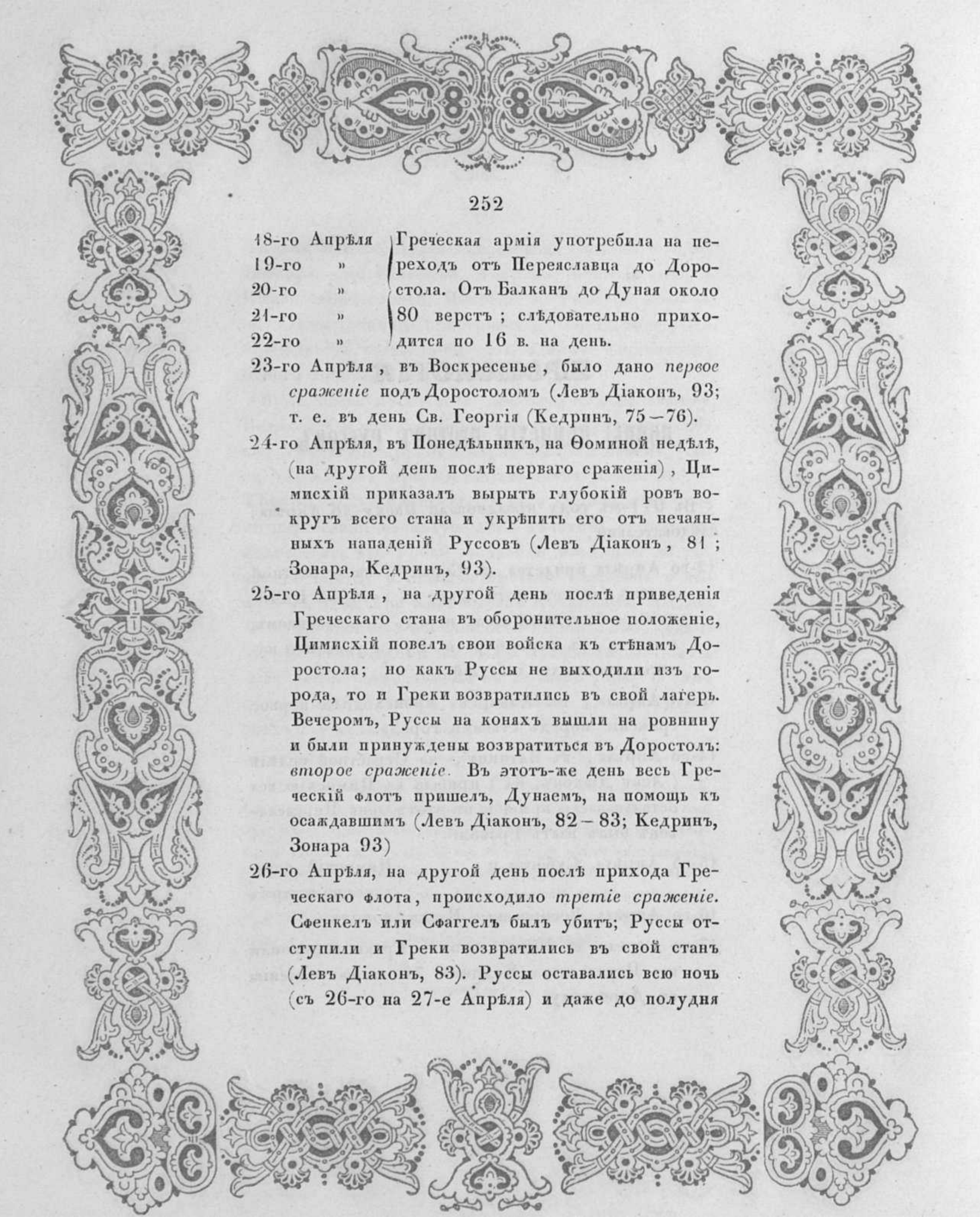
12-го Апрѣля придется въ Середу, на Страстной недѣлѣ, то есть тотъ день, въ который Цимисхій разбилъ свой станъ передъ Переяславцемъ, и когда, въ первый разъ, Руссы узнали о начатіи военныхъ дѣйствій.

13-го Апрѣля, въ Четвергъ, происходило первое сраженіе передъ стѣнами города.

14-го Апрѣля, въ Пятницу, на Страстной недѣлѣ (Левъ Діаконъ, 64) пришла къ Цимисхію вся остальная его армія и въ этотъ день Переяславецъ былъ взятъ Греками.

15-го Апрѣля, Суббота и } Цимисхій оставался во взятомъ городѣ.
16-го Апрѣля, Воскресенье, Пасха.

17-го Апрѣля, въ Понедѣльникъ, Греки выступили изъ Переяславца (Кедринъ, 74), по направленію къ Доростолу.



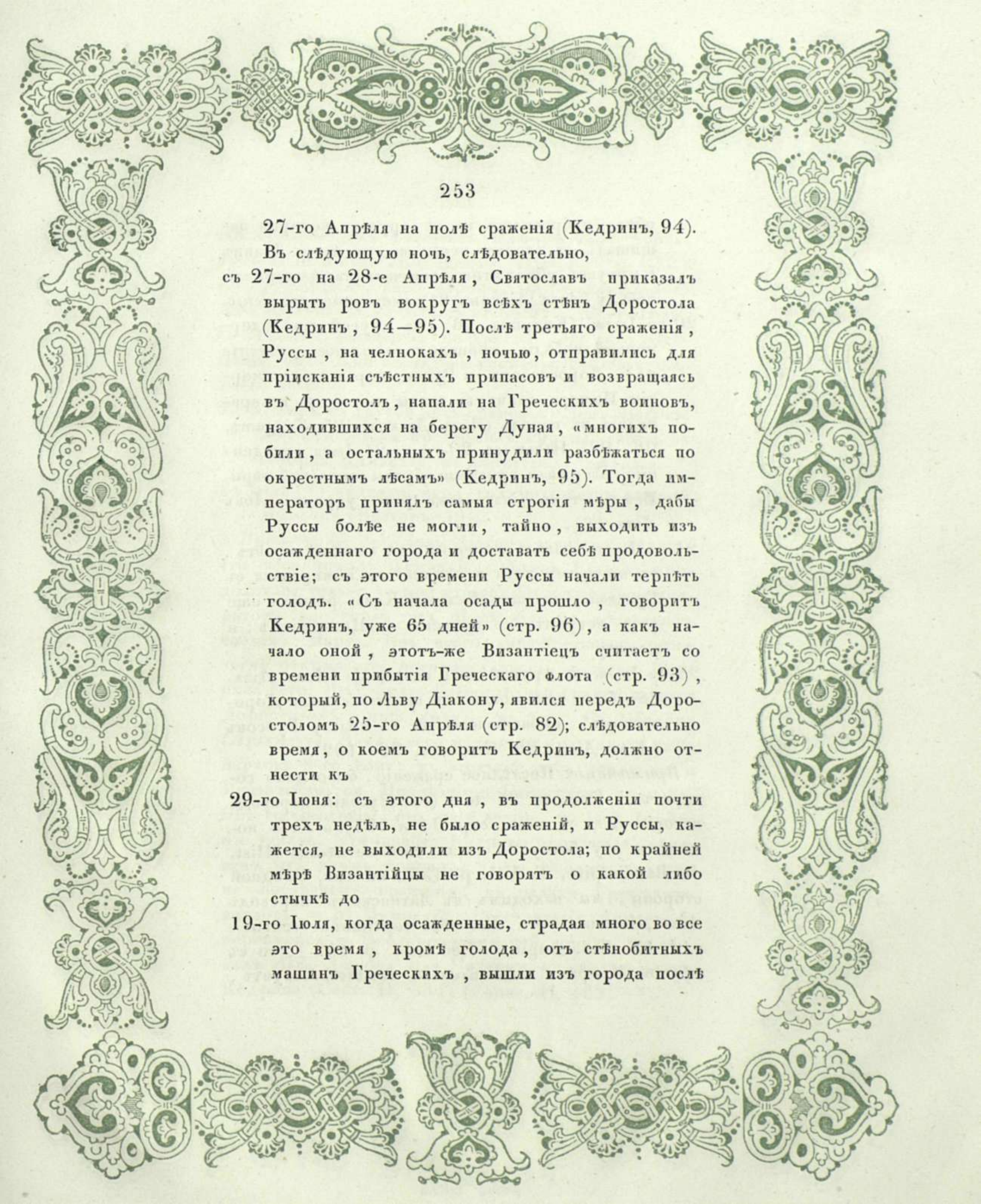
18-го Апрѣля | Греческая армія употребила на переходъ отъ Переяславца до Доростола. Отъ Балканъ до Дуная около 80 верстъ; слѣдовательно приходится по 16 в. на день.
19-го »
20-го »
21-го »
22-го »

23-го Апрѣля, въ Воскресенье, было дано *первое сраженіе* подъ Доростоломъ (Левъ Діаконъ, 93; т. е. въ день Св. Георгія (Кедринъ, 75—76).

24-го Апрѣля, въ Понедѣльникъ, на Ѳоминой недѣлѣ, (на другой день послѣ перваго сраженія), Цимисхій приказалъ вырыть глубокій ровъ вокругъ всего стана и укрѣпить его отъ нечаянныхъ нападеній Руссовъ (Левъ Діаконъ, 81; Зонара, Кедринъ, 93).

25-го Апрѣля, на другой день послѣ приведенія Греческаго стана въ оборонительное положеніе, Цимисхій повелъ свои войска къ стѣнамъ Доростола; но какъ Руссы не выходили изъ города, то и Греки возвратились въ свой лагерь. Вечеромъ, Руссы на коняхъ вышли на ровнину и были принуждены возвратиться въ Доростолъ: *второе сраженіе*. Въ этотъ-же день весь Греческій флотъ пришелъ, Дунаемъ, на помощь къ осаждавшимъ (Левъ Діаконъ, 82—83; Кедринъ, Зонара 93)

26-го Апрѣля, на другой день послѣ прихода Греческаго флота, происходило *третіе сраженіе*. Сфенкелъ или Сфаггелъ былъ убитъ; Руссы отступили и Греки возвратились въ свой станъ (Левъ Діаконъ, 83). Руссы оставались всю ночь (съ 26-го на 27-е Апрѣля) и даже до полудня



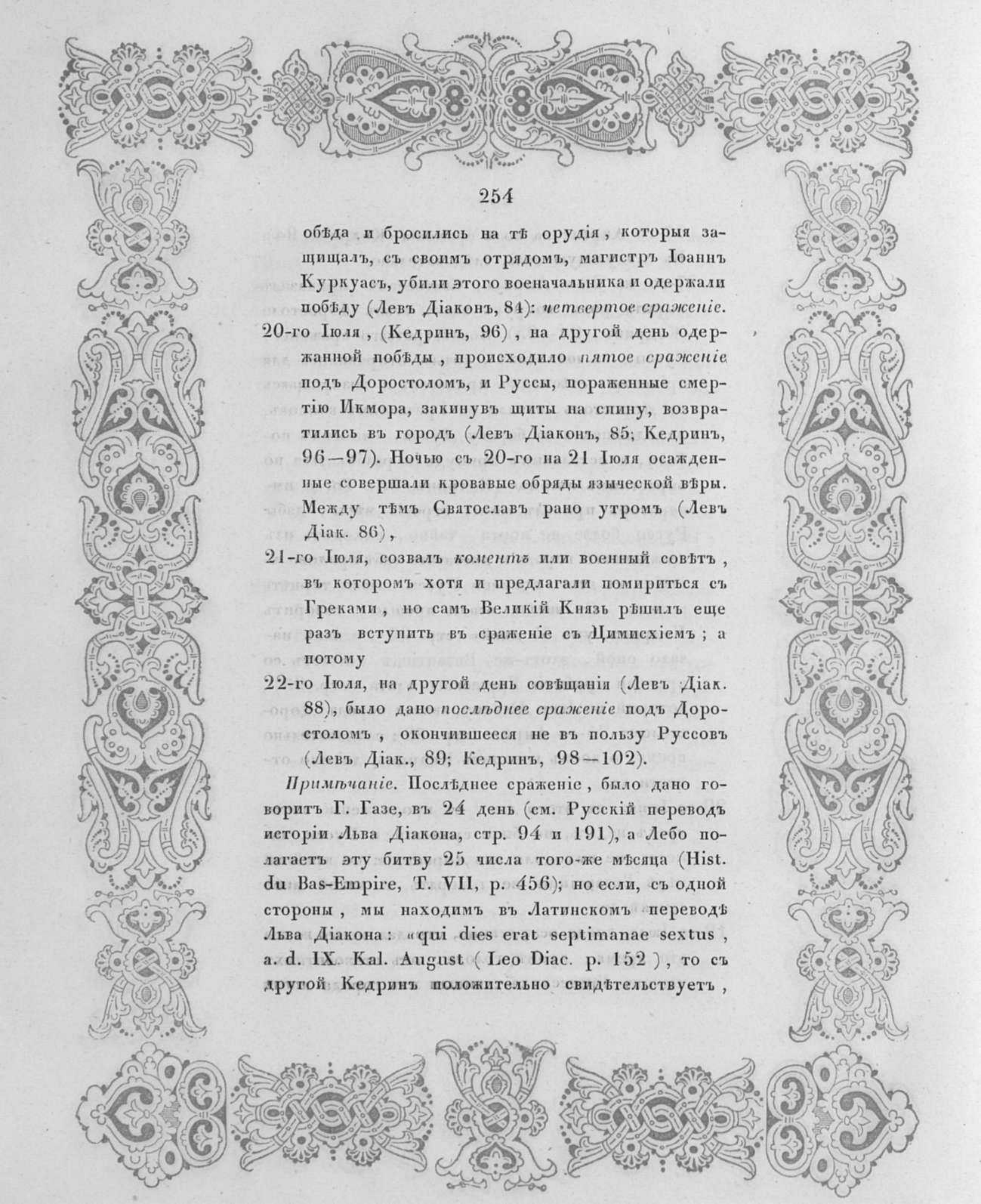
27-го Апрѣля на полѣ сраженія (Кедринъ, 94).

Въ слѣдующую ночь, слѣдовательно,

съ 27-го на 28-е Апрѣля, Святославъ приказалъ вырыть ровъ вокругъ всѣхъ стѣнъ Доростола (Кедринъ, 94—95). Послѣ третьяго сраженія, Руссы, на челнокахъ, ночью, отправились для прискапія съѣстныхъ припасовъ и возвращаясь въ Доростолъ, напали на Греческихъ воиновъ, находившихся на берегу Дуная, «многихъ побили, а остальныхъ принудили разбѣжаться по окрестнымъ лѣсамъ» (Кедринъ, 95). Тогда императоръ принялъ самыя строгія мѣры, дабы Руссы болѣе не могли, тайно, выходить изъ осажденнаго города и доставать себѣ продовольствіе; съ этого времени Руссы начали терпѣть голодъ. «Съ начала осады прошло, говоритъ Кедринъ, уже 65 дней» (стр. 96), а какъ начало оной, этотъ-же Византіецъ считаетъ со времени прибытія Греческаго флота (стр. 93), который, по Льву Діакону, явился передъ Доростоломъ 25-го Апрѣля (стр. 82); слѣдовательно время, о коемъ говоритъ Кедринъ, должно отнести къ

29-го Іюня: съ этого дня, въ продолженіи почти трехъ недѣль, не было сраженій, и Руссы, кажется, не выходили изъ Доростола; по крайней мѣрѣ Византійцы не говорятъ о какой либо стычкѣ до

19-го Іюля, когда осажденные, страдая много во все это время, кромѣ голода, отъ стѣнобитныхъ машинъ Греческихъ, вышли изъ города послѣ



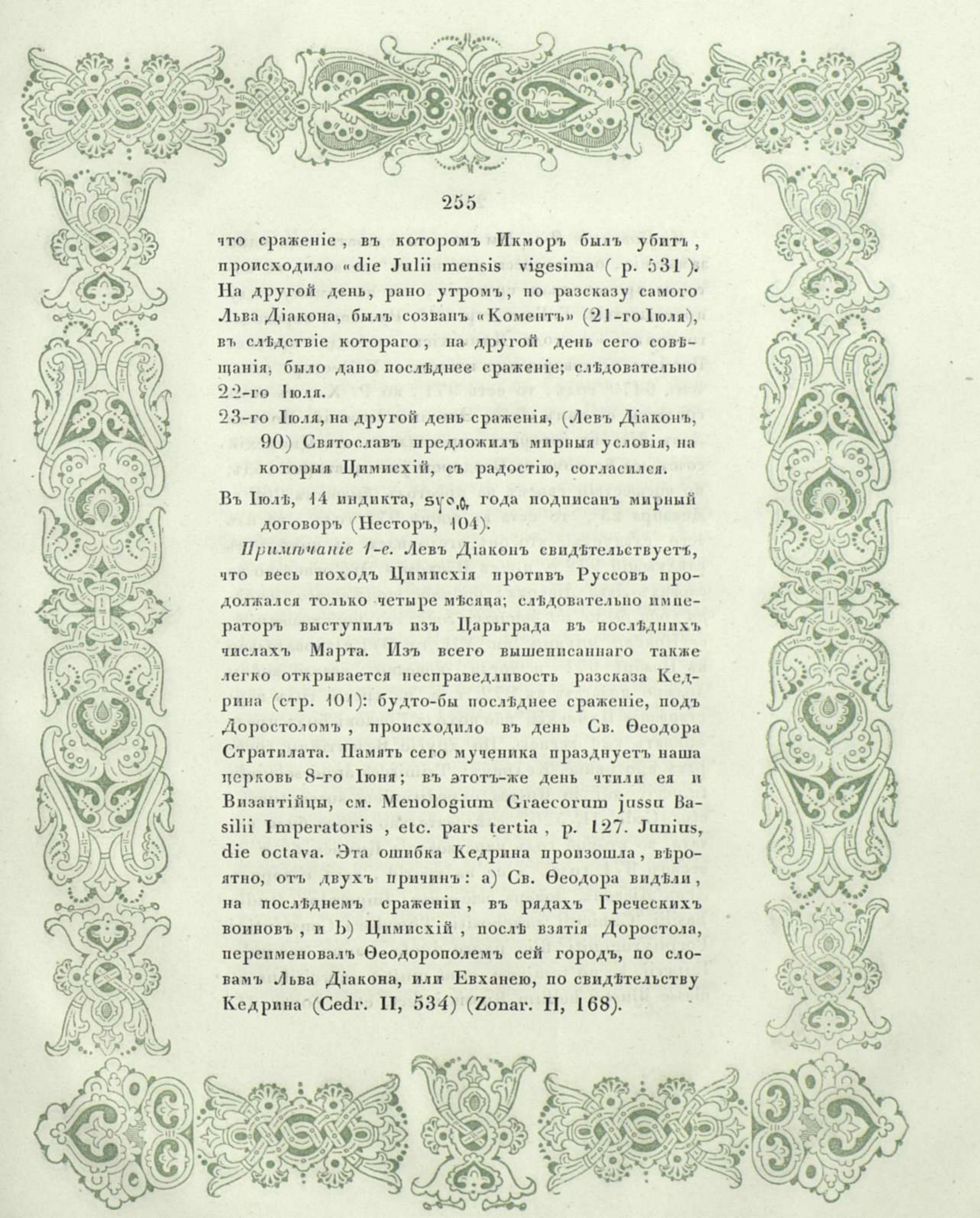
обѣда и бросились на тѣ орудія, которыя защищалъ, съ своимъ отрядомъ, магистръ Іоаннъ Куркуасъ, убили этого военачальника и одержали побѣду (Левъ Діаконъ, 84): *четвертое сраженіе*.

20-го Іюля, (Кедринъ, 96), на другой день одержанной побѣды, происходило *пятое сраженіе* подъ Доростоломъ, и Руссы, пораженные смертію Икмора, закинувъ щиты на спину, возвратились въ городъ (Левъ Діаконъ, 85; Кедринъ, 96—97). Ночью съ 20-го на 21 Іюля осажденные совершали кровавые обряды языческой вѣры. Между тѣмъ Святославъ рано утромъ (Левъ Діак. 86),

21-го Іюля, созвалъ *коментъ* или военный совѣтъ, въ которомъ хотя и предлагали помириться съ Греками, но самъ Великій Князь рѣшилъ еще разъ вступить въ сраженіе съ Цимисхіемъ; а потому

22-го Іюля, на другой день совѣщанія (Левъ Діак. 88), было дано *послѣднее сраженіе* подъ Доростоломъ, окончившееся не въ пользу Руссовъ (Левъ Діак., 89; Кедринъ, 98—102).

Примѣчаніе. Послѣднее сраженіе, было дано говоритъ Г. Газе, въ 24 день (см. Русскій переводъ исторіи Льва Діакона, стр. 94 и 191), а Лебо полагаетъ эту битву 25 числа того-же мѣсяца (Hist. du Bas-Empire, T. VII, p. 456); но если, съ одной стороны, мы находимъ въ Латинскомъ переводѣ Льва Діакона: «qui dies erat septimanae sextus, a. d. IX. Kal. August (Leo Diac. p. 152), то съ другой Кедринъ положительно свидѣтельствуетъ,



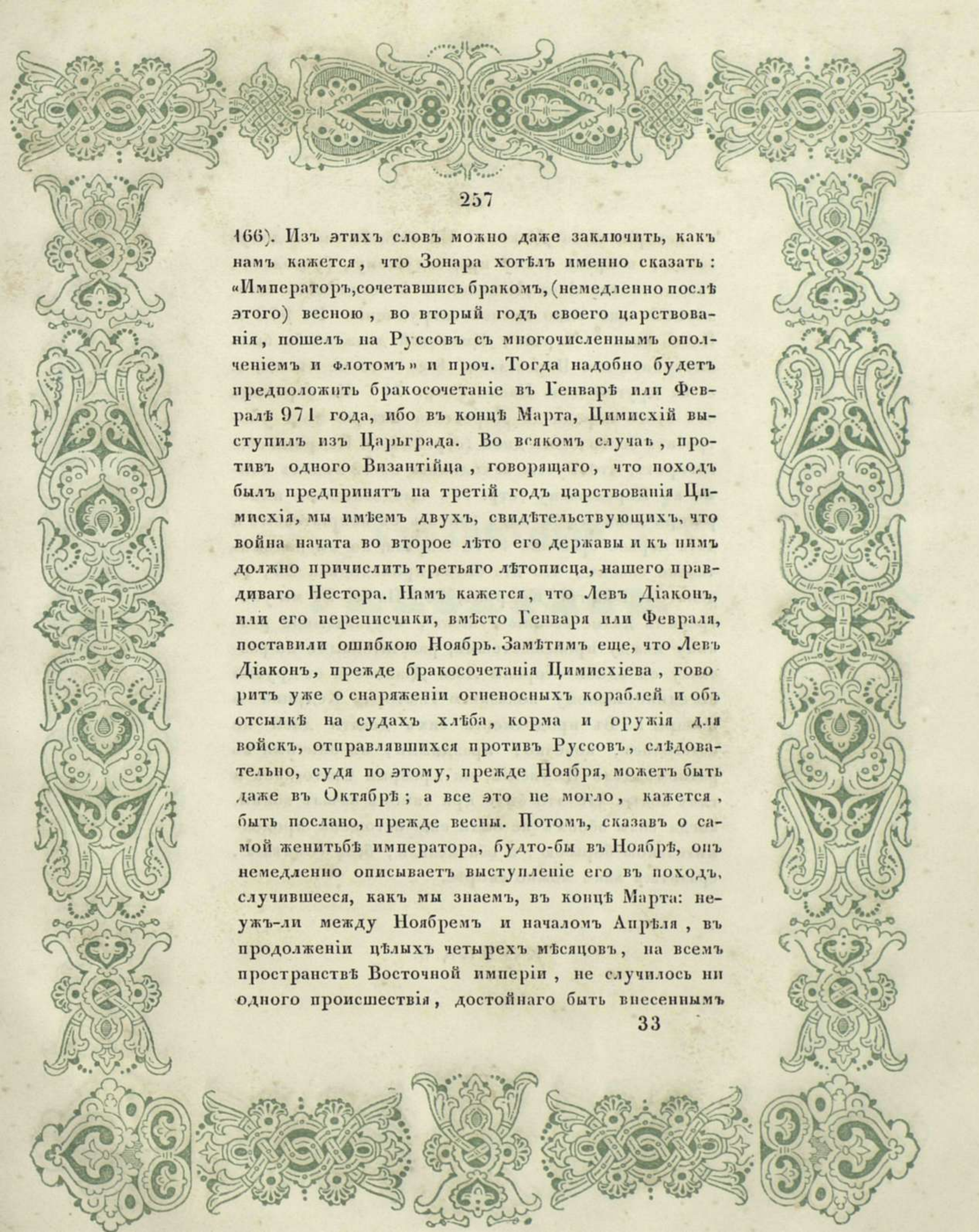
что сраженіе, въ которомъ Икморъ былъ убитъ, происходило «die Julii mensis vigesima (p. 531). На другой день, рано утромъ, по разсказу самого Льва Діакона, былъ созванъ «Коментъ» (21-го Іюля), въ слѣдствіе котораго, на другой день сего совѣщанія, было дано послѣднее сраженіе; слѣдовательно 22-го Іюля.

23-го Іюля, на другой день сраженія, (Левъ Діаконъ, 90) Святославъ предложилъ мирныя условія, на которыя Цимисхій, съ радостію, согласился.

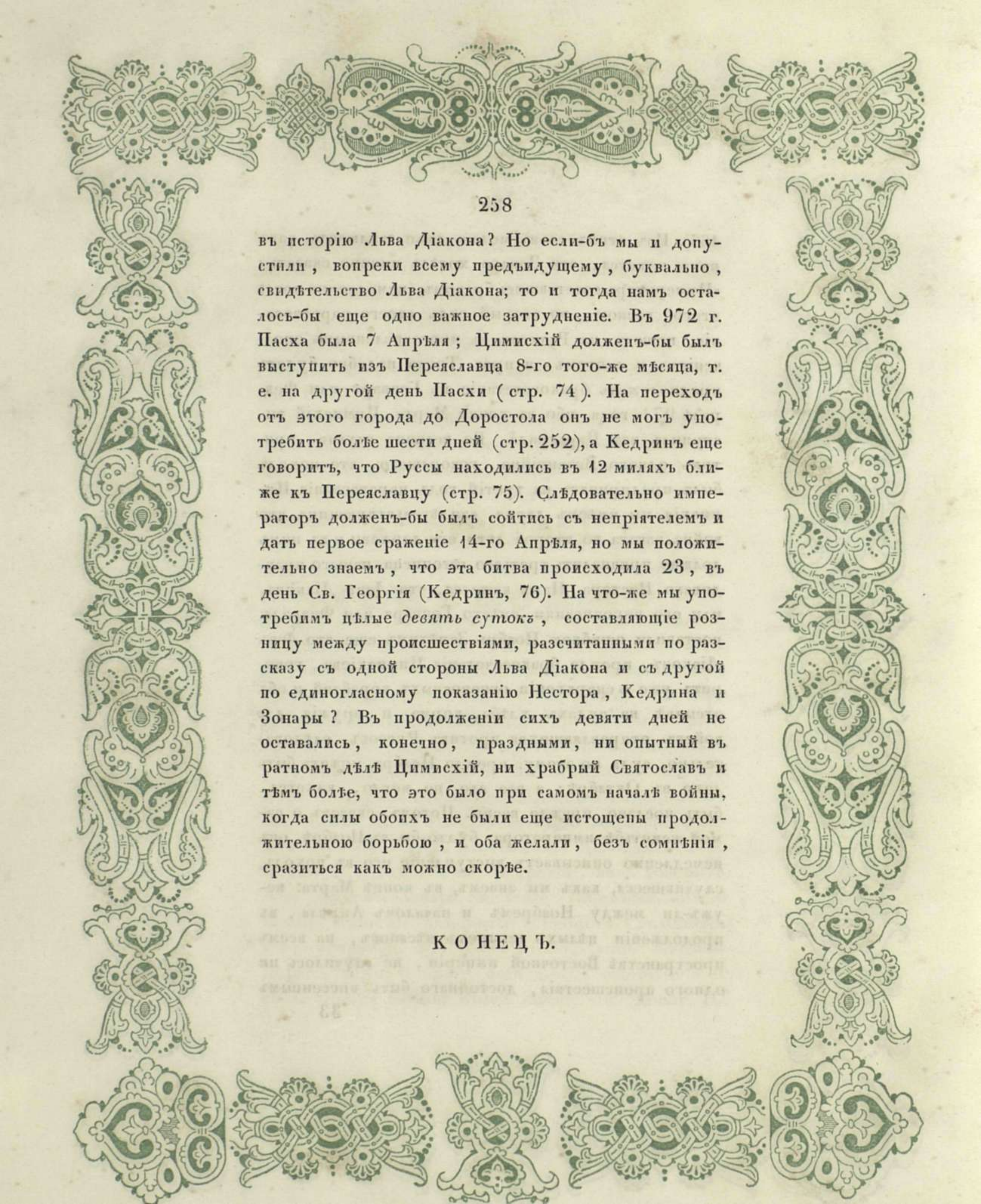
Въ Іюлѣ, 14 индикта, ѕуоѳ года подписанъ мирный договоръ (Несторъ, 104).

Примѣчаніе 1-е. Левъ Діаконъ свидѣтельствуетъ, что весь походъ Цимисхія противъ Руссовъ продолжался только четыре мѣсяца; слѣдовательно императоръ выступилъ изъ Царьграда въ послѣднихъ числахъ Марта. Изъ всего вышеписаннаго также легко открывается несправедливость разсказа Кедрина (стр. 101): будто-бы послѣднее сраженіе, подъ Доростоломъ, происходило въ день Св. Ѳеодора Стратилата. Память сего мученика празднуетъ наша церковь 8-го Іюня; въ этотъ-же день чтили ея и Византійцы, см. Menologium Graecorum jussu Basilii Imperatoris, etc. pars tertia, p. 127. Junius, die octava. Эта ошибка Кедрина произошла, вѣроятно, отъ двухъ причинъ: a) Св. Ѳеодора видѣли, на послѣднемъ сраженіи, въ рядахъ Греческихъ воиновъ, и b) Цимисхій, послѣ взятія Доростола, переименовалъ Ѳеодорополемъ сей городъ, по словамъ Льва Діакона, или Евханею, по свидѣтельству Кедрина (Cedr. II, 534) (Zonar. II, 168).

Примѣчаніе 2-е. Мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе, относящееся уже не къ числамъ, въ которыя происходили сраженія, но къ самому году происшествія. Г. Газе (стр. 191, Русскаго перевода) говоритъ: «о годѣ Цимисхіева похода противъ Россіянъ не совершенно извѣстно. У Нестора означенъ 6479 годъ, то есть 971, по Р. X., въ чемъ согласны съ нимъ Лебо, Энгель и Бароній. Но если Левъ Діаконъ говоритъ справедливо, что Цимисхій сочетался бракомъ съ Θеодорою уже во вторый годъ, по восшествіи своемъ на престолъ, бывшемъ 969 г. Декабря 25, то есть въ концѣ 971 года, то изъ сего слѣдуетъ, что онъ отправился въ походъ въ слѣдующій 972 г. предъ Пасхою.» Это основано на словахъ Льва Діакона: *брачное торжество императора было на второмъ году его царствованія, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ* (кн. VII, гл. 9); слѣдовательно въ Ноябрѣ 971 и тогда, конечно, начало войны должно полагать въ 972, т. е. на третій годъ царствованія Цимисхія; ибо походъ Грековъ былъ предпринятъ уже весною. Но другіе Византійцы говорятъ противное. Кедринъ: Tzimisces anno secundo Imperii sui in Russos expeditionem suscepturus, etc. (Cedr. II, 526), слѣдовательно война была начата во второй годъ царствованія Цимисхія, т е. весною 971 года, а не на третій, какъ говоритъ Левъ Діаконъ. Зонара еще яснѣе: Imperator, studio Basilii Cubiculi praepositi Theodora Constantini Porphyrogeniti filia uxore ducta, anno secundo Imperii, verno tempore, cum multis exercitibus et classe illustri bellum Russis infert, etc. (Zonar II,

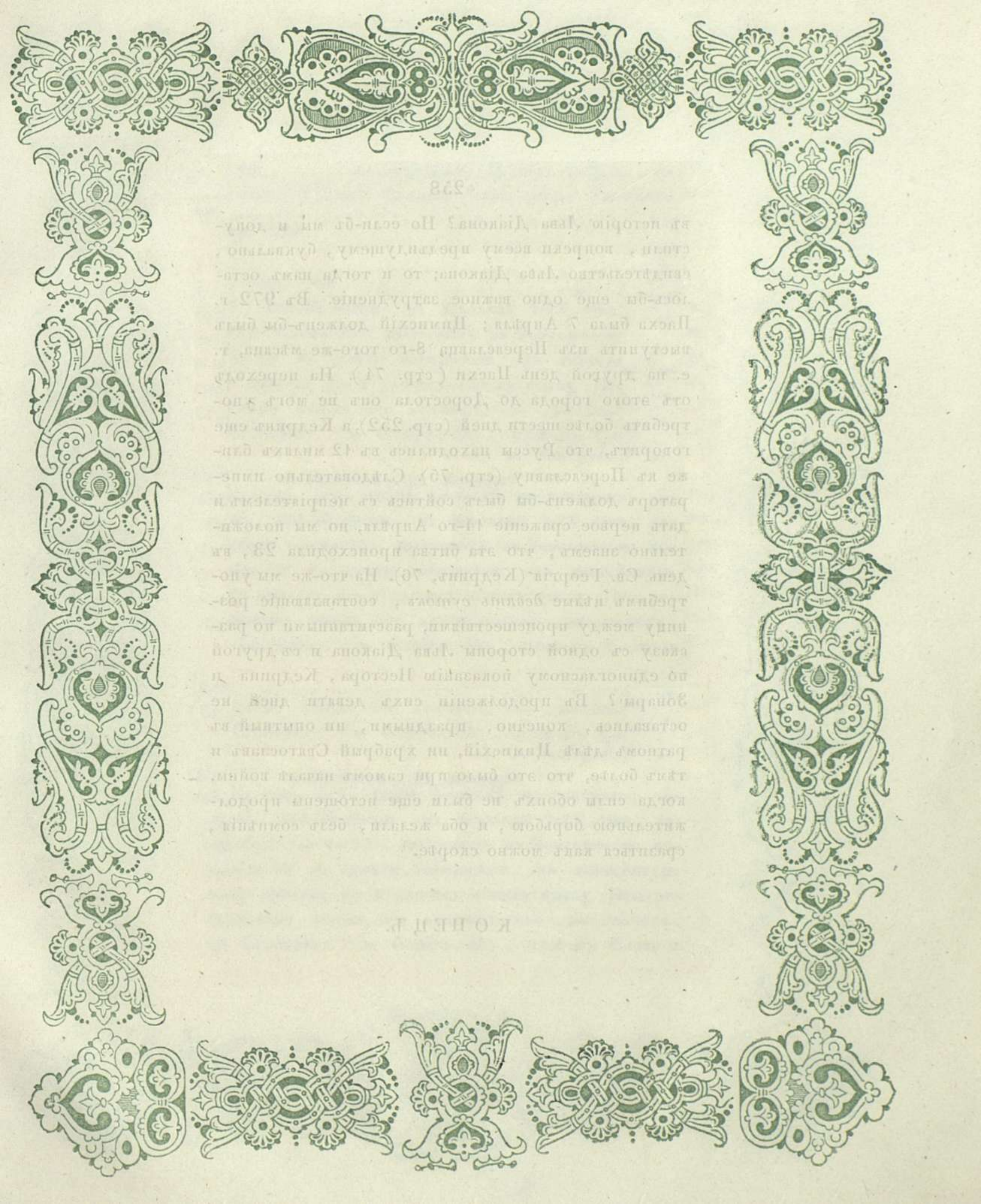


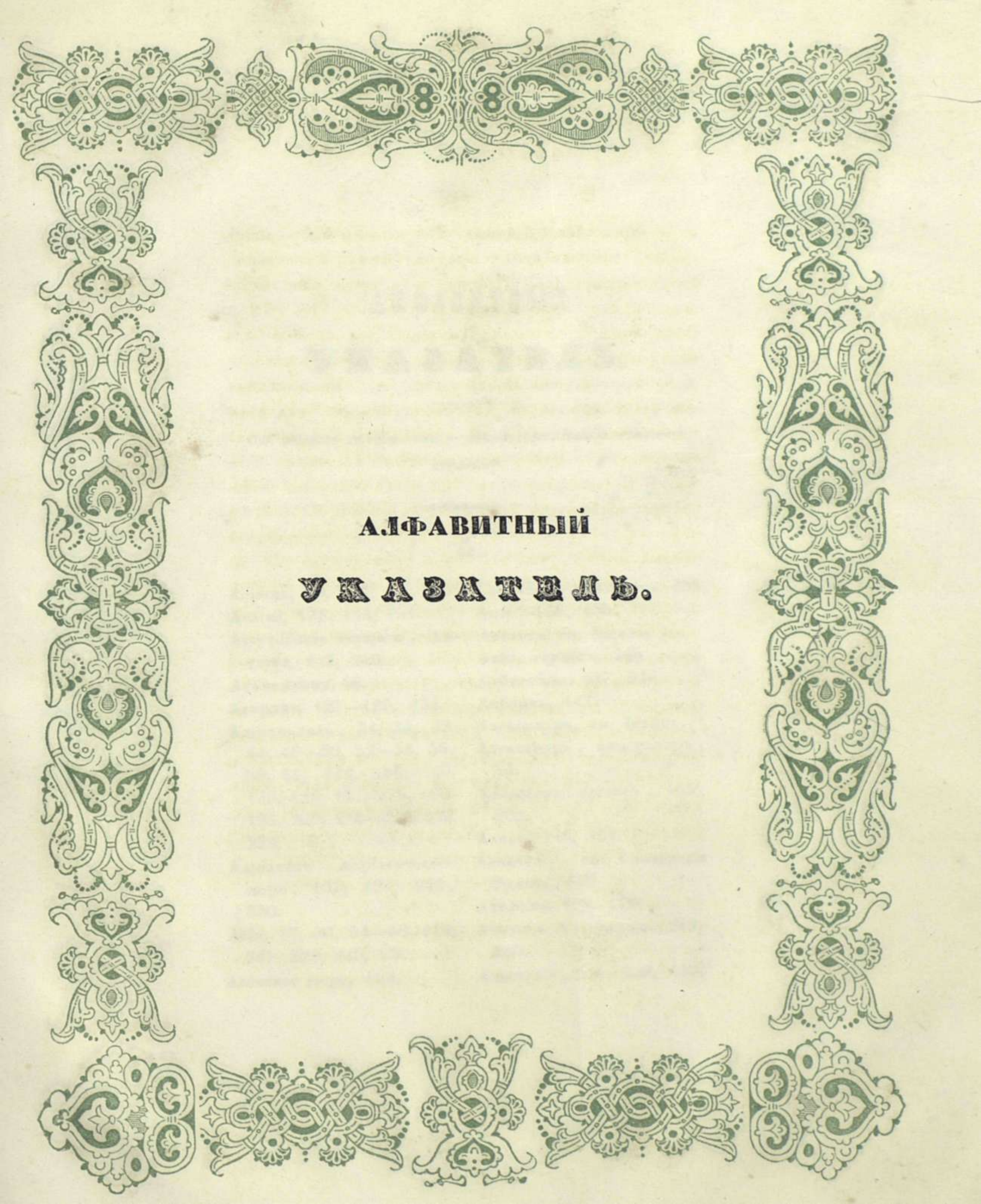
166). Изъ этихъ словъ можно даже заключить, какъ намъ кажется, что Зонара хотѣлъ именно сказать: «Императоръ, сочетавшись бракомъ, (немедленно послѣ этого) весною, во вторый годъ своего царствованія, пошелъ на Руссовъ съ многочисленнымъ ополченіемъ и флотомъ» и проч. Тогда надобно будетъ предположить бракосочетаніе въ Генварѣ или Февралѣ 971 года, ибо въ концѣ Марта, Цимисхій выступилъ изъ Царьграда. Во всякомъ случаѣ, противъ одного Византійца, говорящаго, что походъ былъ предпринятъ на третій годъ царствованія Цимисхія, мы имѣемъ двухъ, свидѣтельствующихъ, что война начата во второе лѣто его державы и къ нимъ должно причислить третьяго лѣтописца, нашего правдиваго Нестора. Намъ кажется, что Левъ Діаконъ, или его переписчики, вмѣсто Генваря или Февраля, поставили ошибкою Ноябрь. Замѣтимъ еще, что Левъ Діаконъ, прежде бракосочетанія Цимисхіева, говоритъ уже о снаряженіи огненосныхъ кораблей и объ отсылкѣ на судахъ хлѣба, корма и оружія для войскъ, отправлявшихся противъ Руссовъ, слѣдовательно, судя по этому, прежде Ноября, можетъ быть даже въ Октябрѣ; а все это не могло, кажется, быть послано, прежде весны. Потомъ, сказавъ о самой женитьбѣ императора, будто-бы въ Ноябрѣ, онъ немедленно описываетъ выступленіе его въ походъ, случившееся, какъ мы знаемъ, въ концѣ Марта: неужъ-ли между Ноябремъ и началомъ Апрѣля, въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ мѣсяцовъ, на всемъ пространствѣ Восточной имперіи, не случилось ни одного происшествія, достойнаго быть внесеннымъ



въ исторію Льва Діакона? Но если-бъ мы и допустили, вопреки всему предъидущему, буквально, свидѣтельство Льва Діакона; то и тогда намъ осталось-бы еще одно важное затрудненіе. Въ 972 г. Пасха была 7 Апрѣля; Цимисхій долженъ-бы былъ выступить изъ Переяславца 8-го того-же мѣсяца, т. е. на другой день Пасхи (стр. 74). На переходъ отъ этого города до Доростола онъ не могъ употребить болѣе шести дней (стр. 252), а Кедринъ еще говоритъ, что Руссы находились въ 12 миляхъ ближе къ Переяславцу (стр. 75). Слѣдовательно императоръ долженъ-бы былъ сойтись съ непріятелемъ и дать первое сраженіе 14-го Апрѣля, но мы положительно знаемъ, что эта битва происходила 23, въ день Св. Георгія (Кедринъ, 76). На что-же мы употребимъ цѣлые *девять сутокъ*, составляющіе розницу между происшествіями, разсчитанными по разсказу съ одной стороны Льва Діакона и съ другой по единогласному показанію Нестора, Кедрина и Зонары? Въ продолженіи сихъ девяти дней не оставались, конечно, праздными, ни опытный въ ратномъ дѣлѣ Цимисхій, ни храбрый Святославъ и тѣмъ болѣе, что это было при самомъ началѣ войны, когда силы обоихъ не были еще истощены продолжительною борьбою, и оба желали, безъ сомнѣнія, сразиться какъ можно скорѣе.

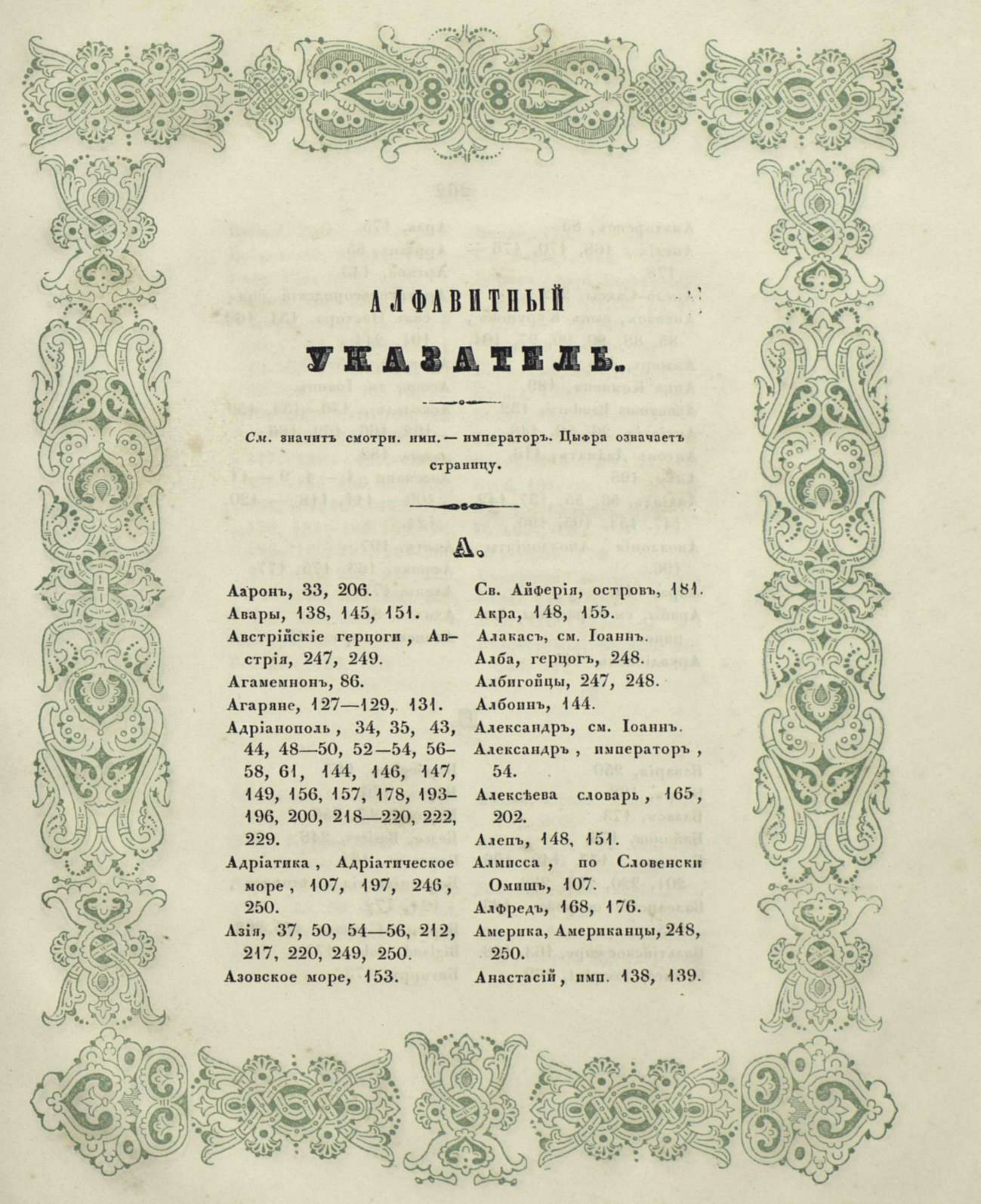
КОНЕЦЪ.





АЛФАВИТНЫЙ

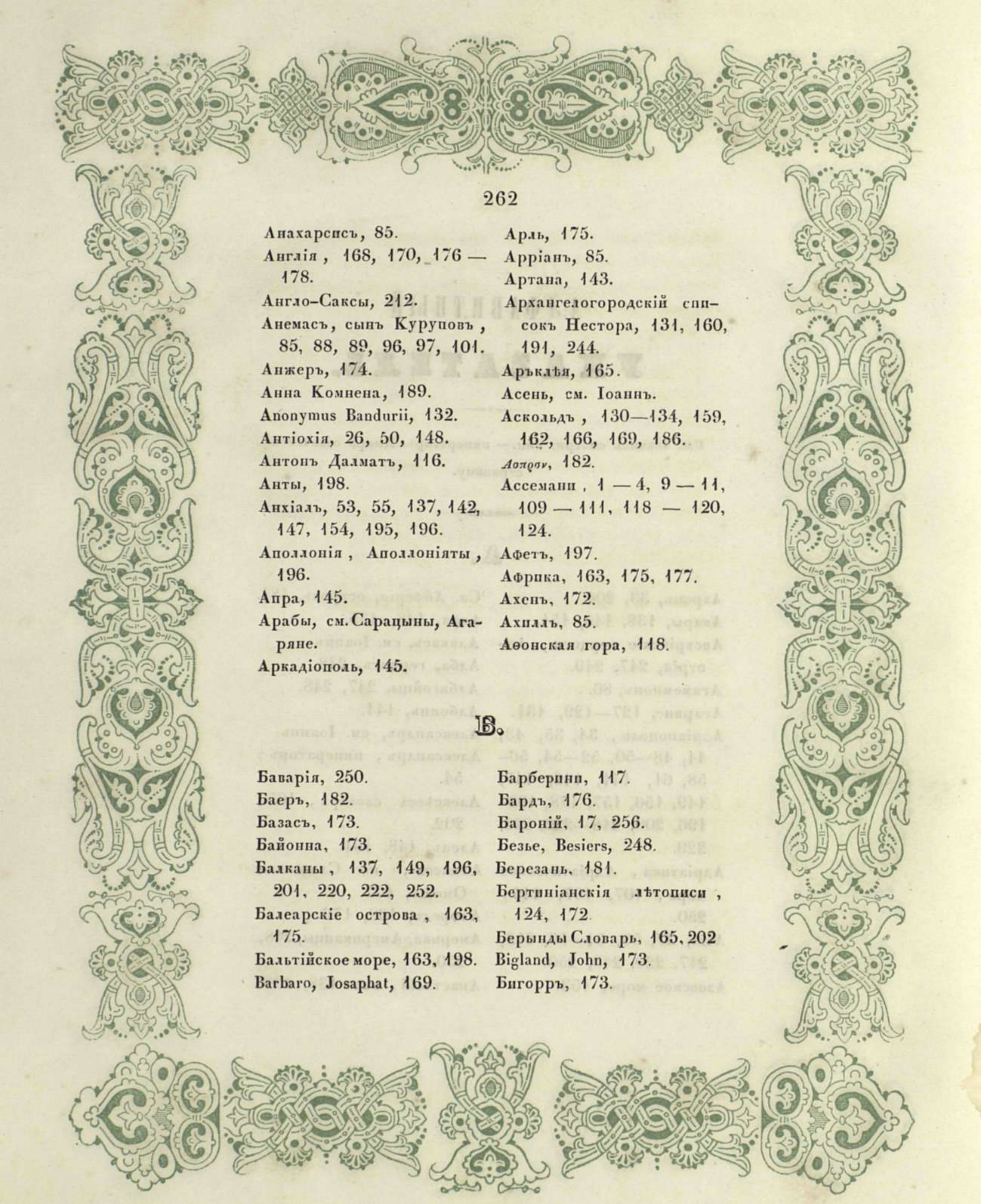
УКАЗАТЕЛЬ.



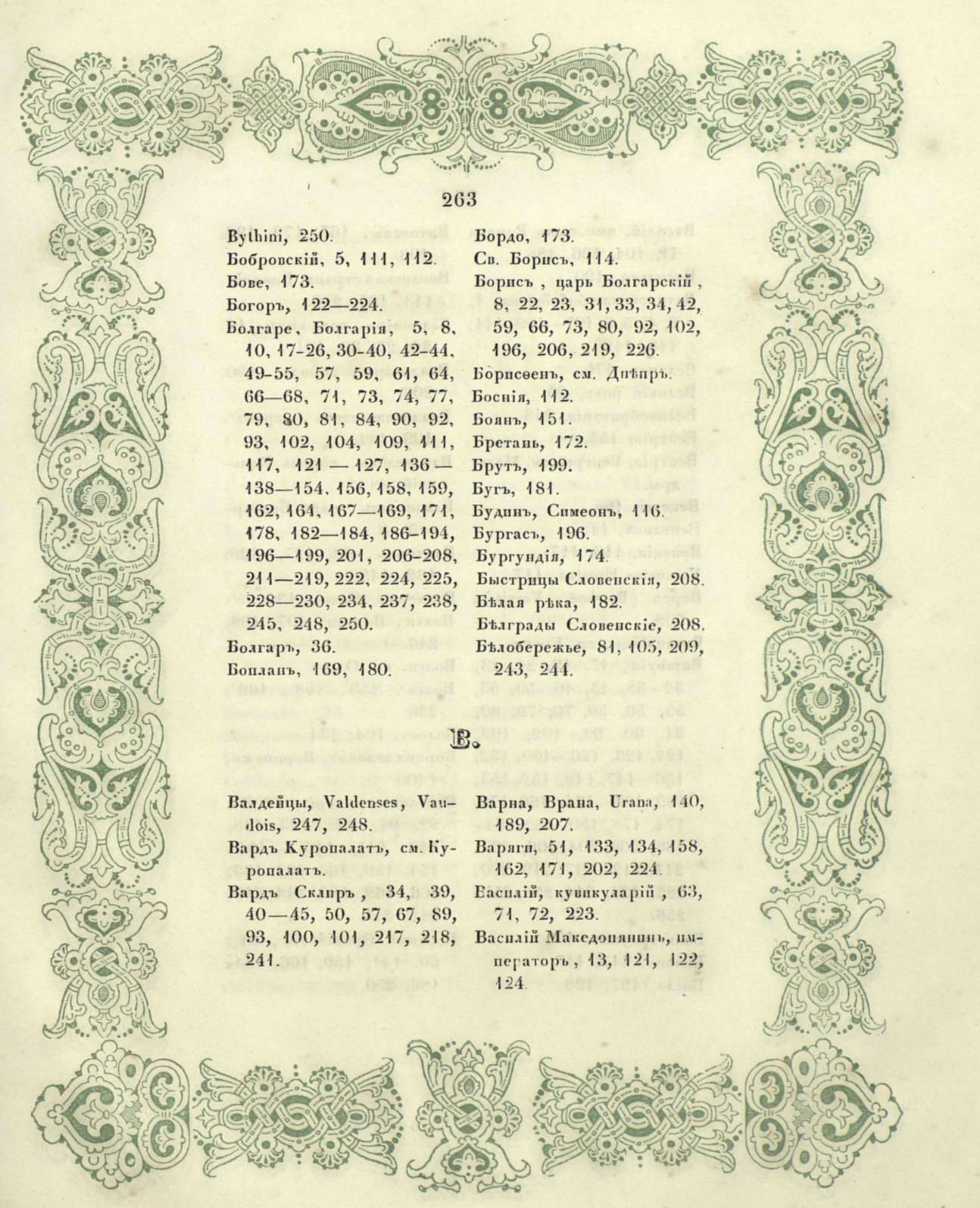
АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

См. значитъ смотри. имп. — императоръ. Цыфра означаетъ страницу.

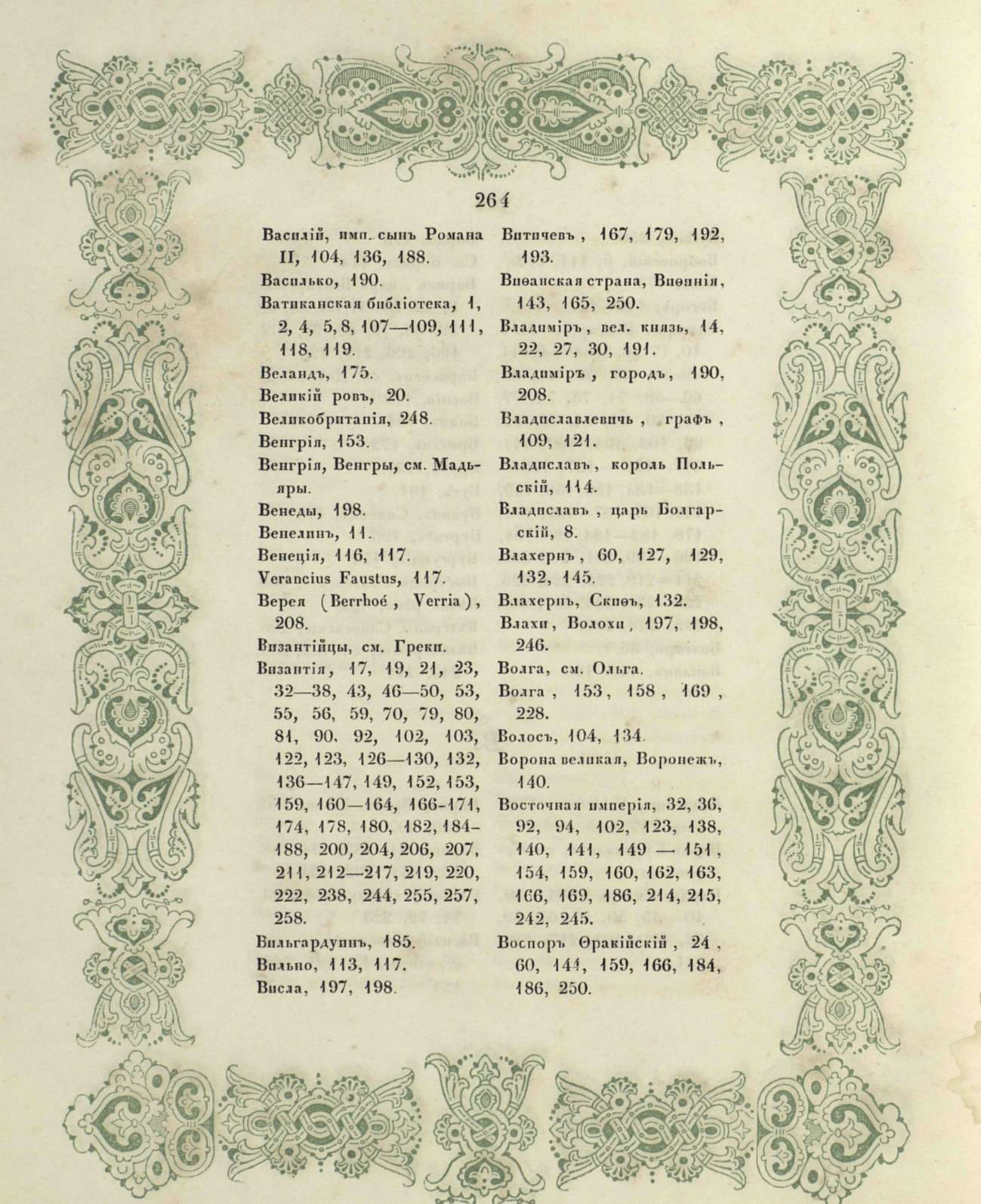
А.

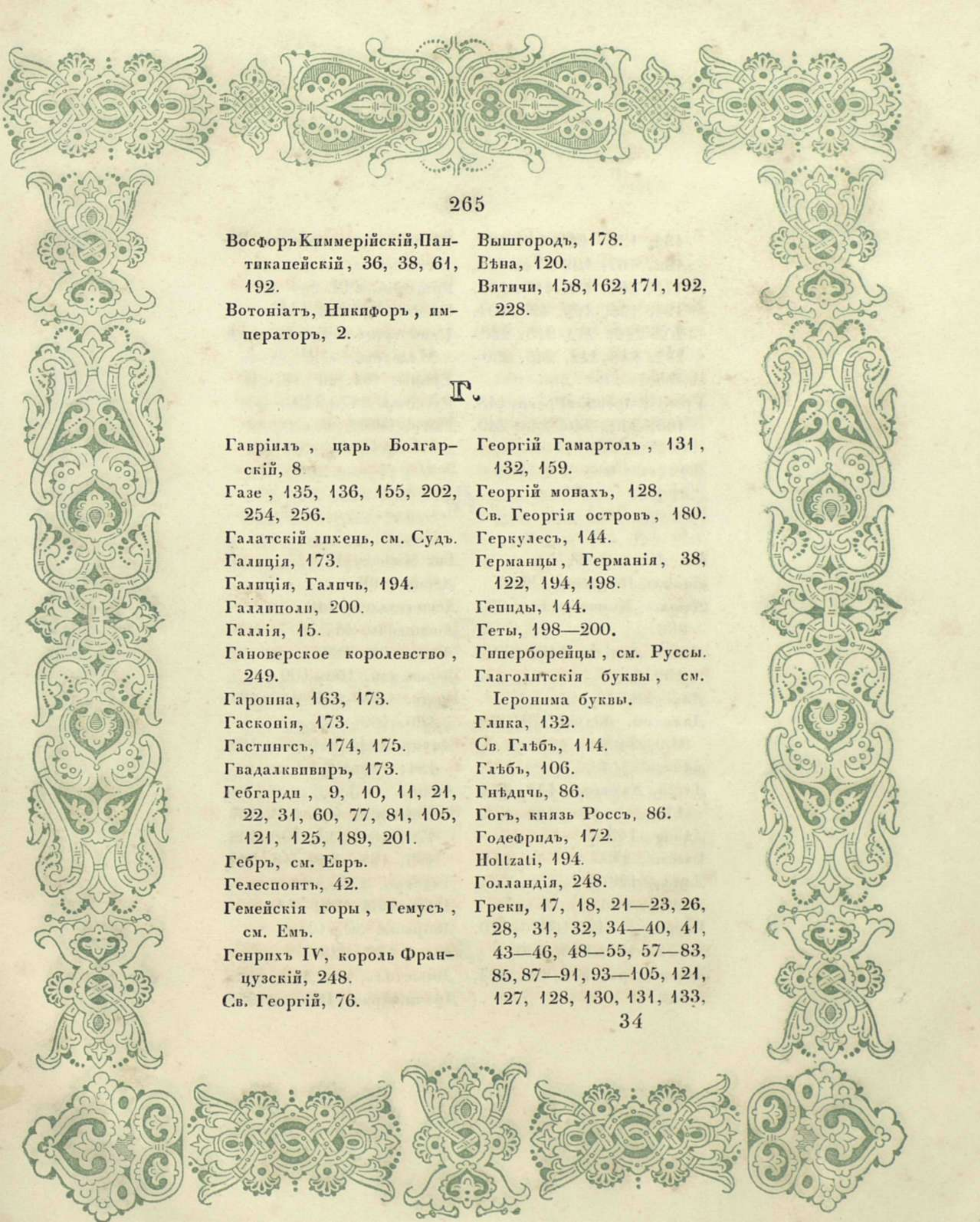


Б.

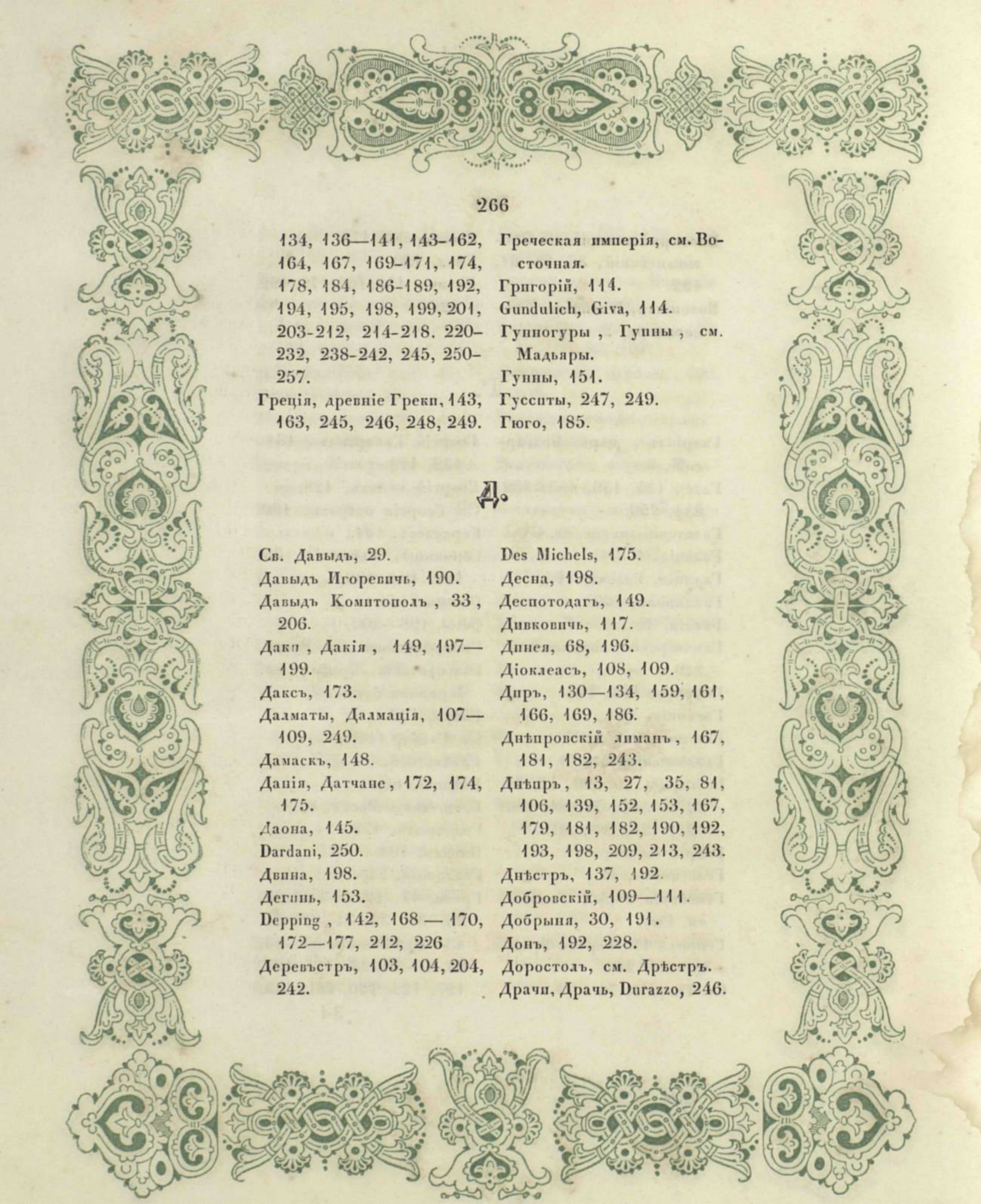


В.

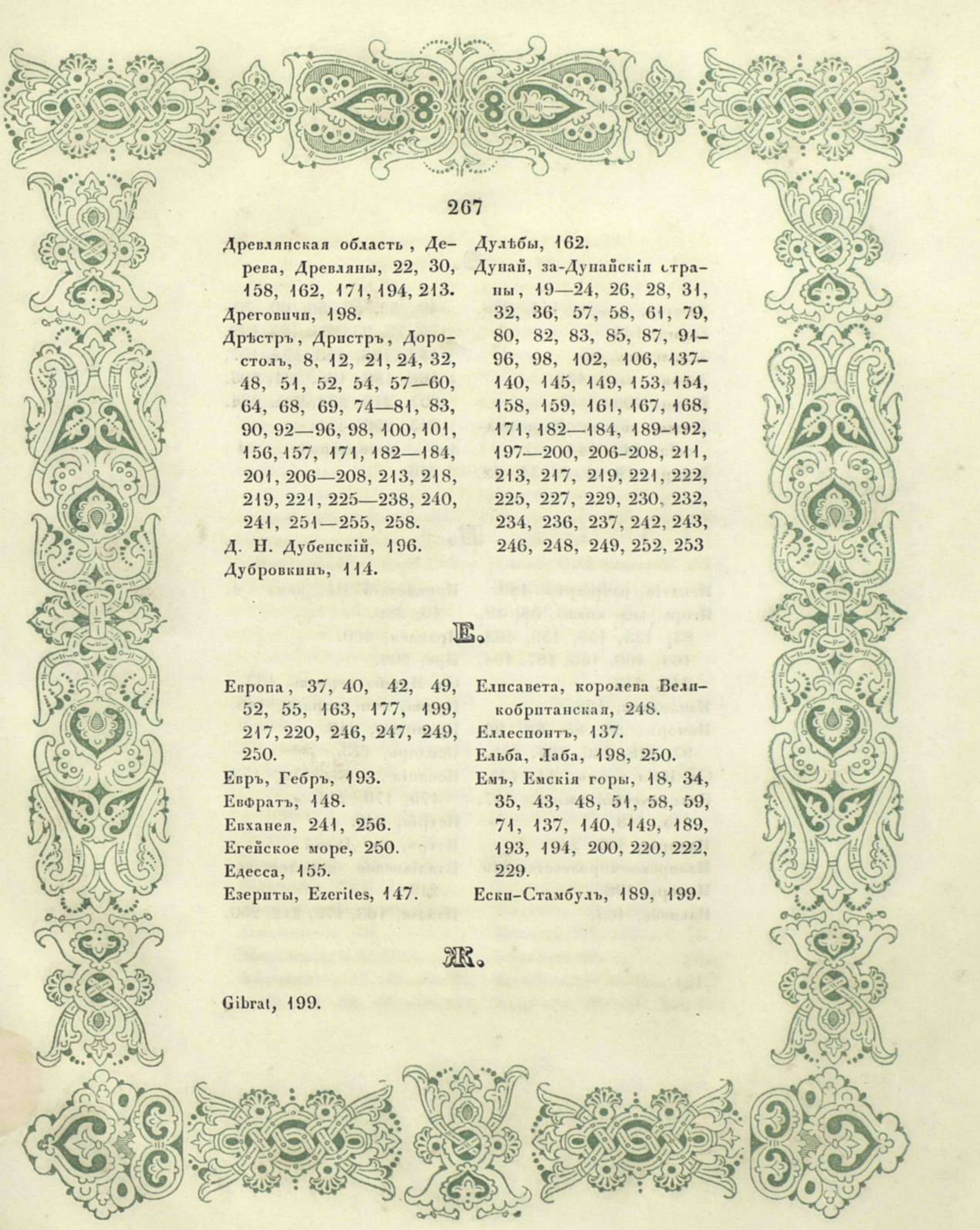




Г.

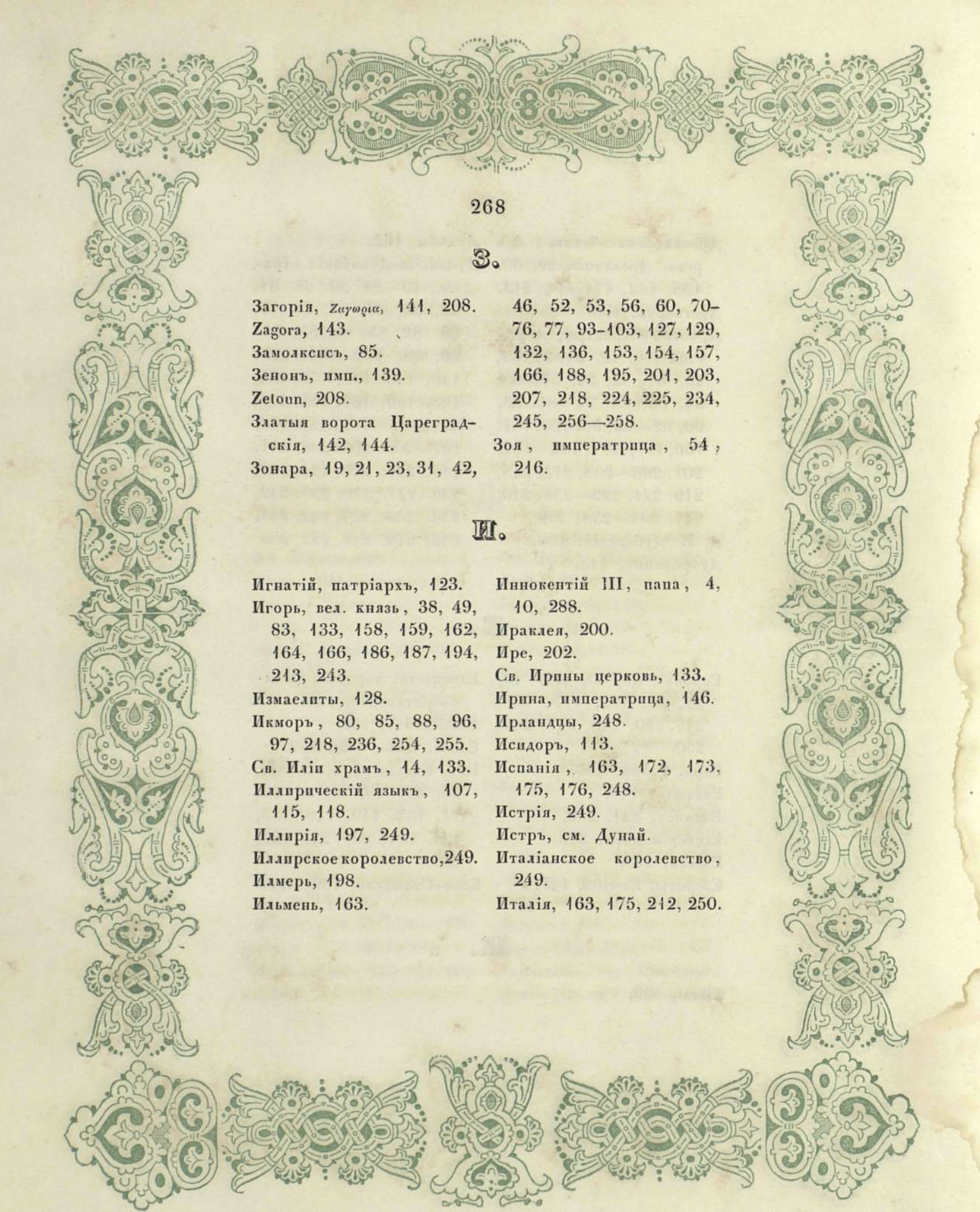


Д.



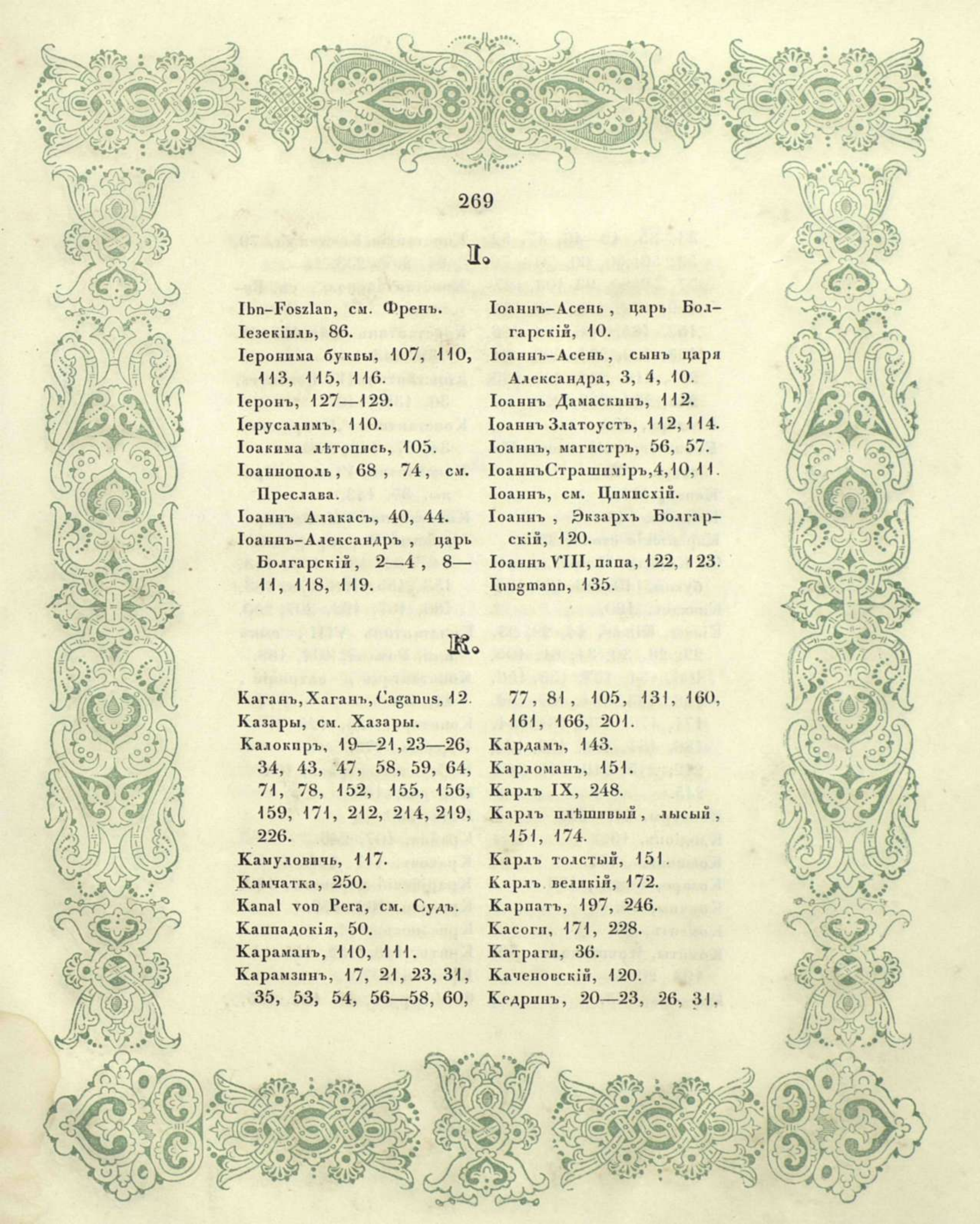
Е.

Ж.



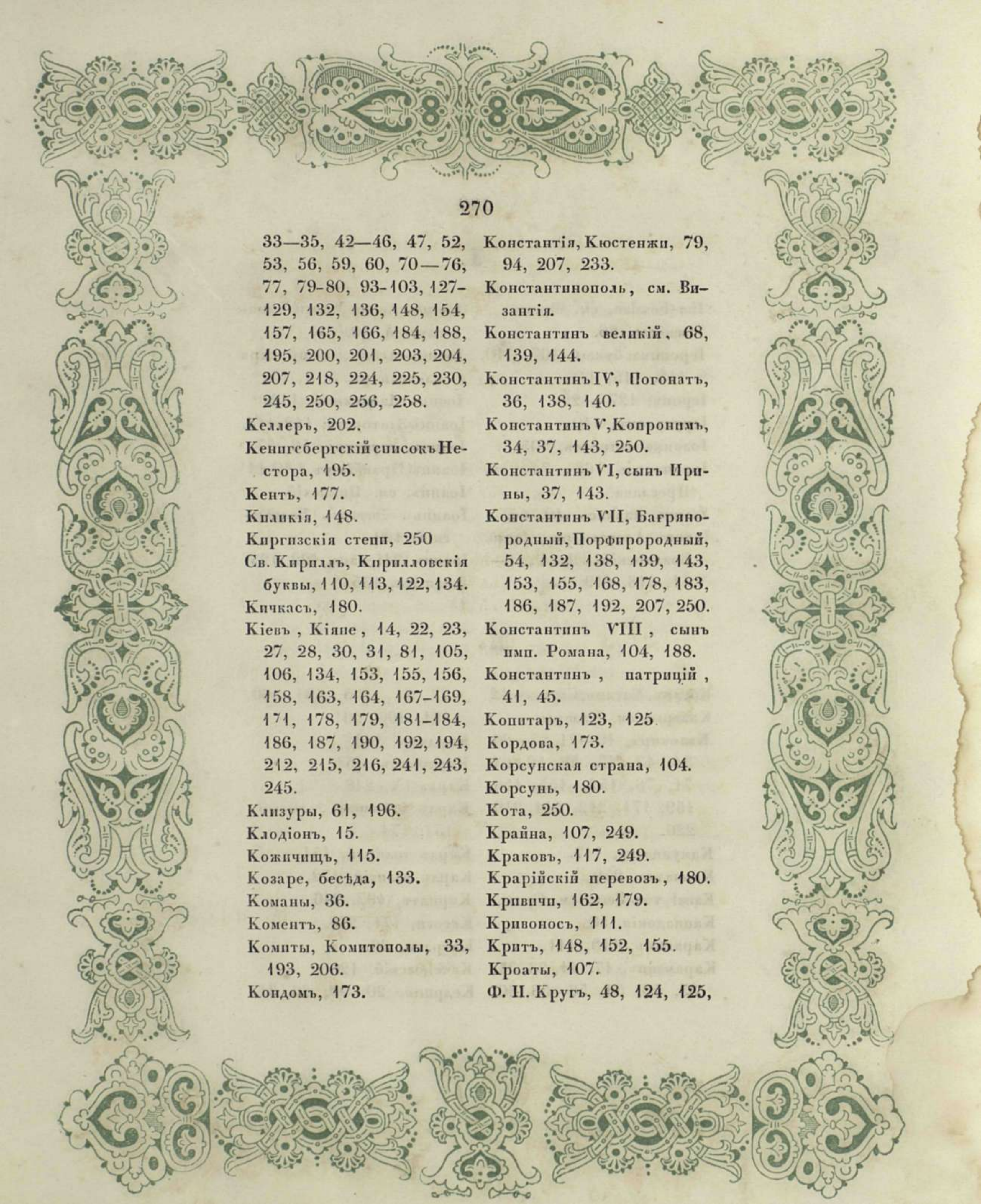
З.

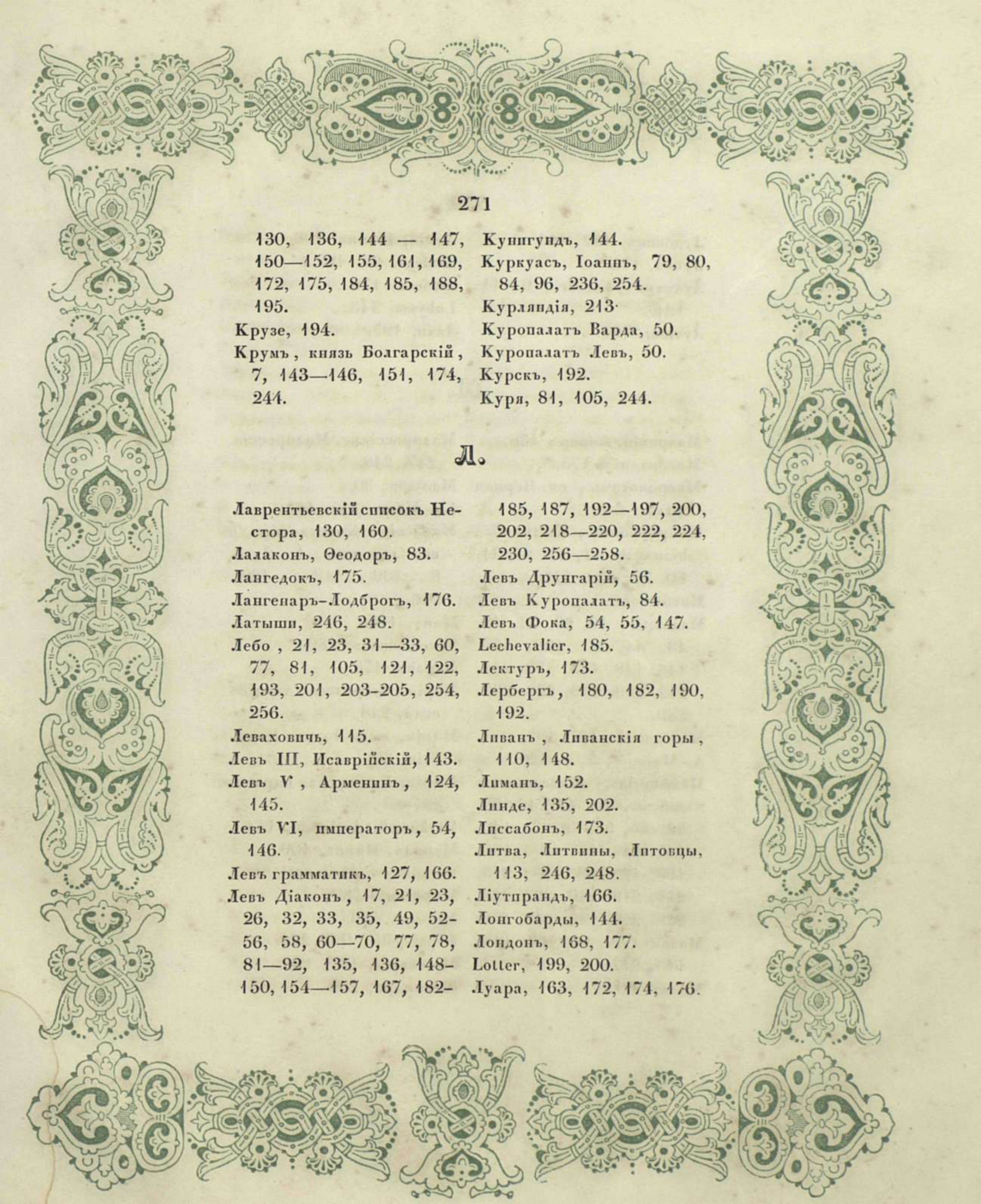
И.



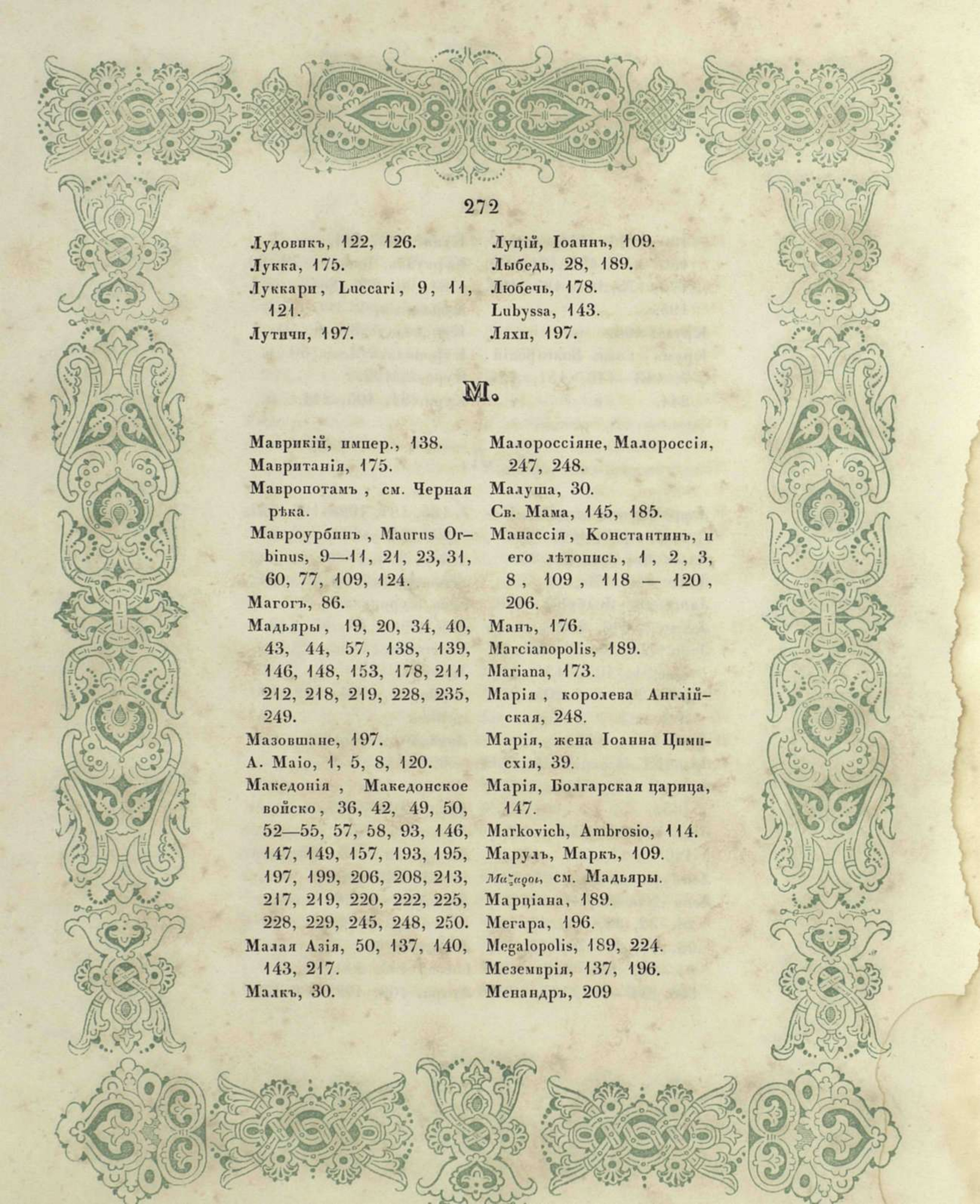
I.

К.

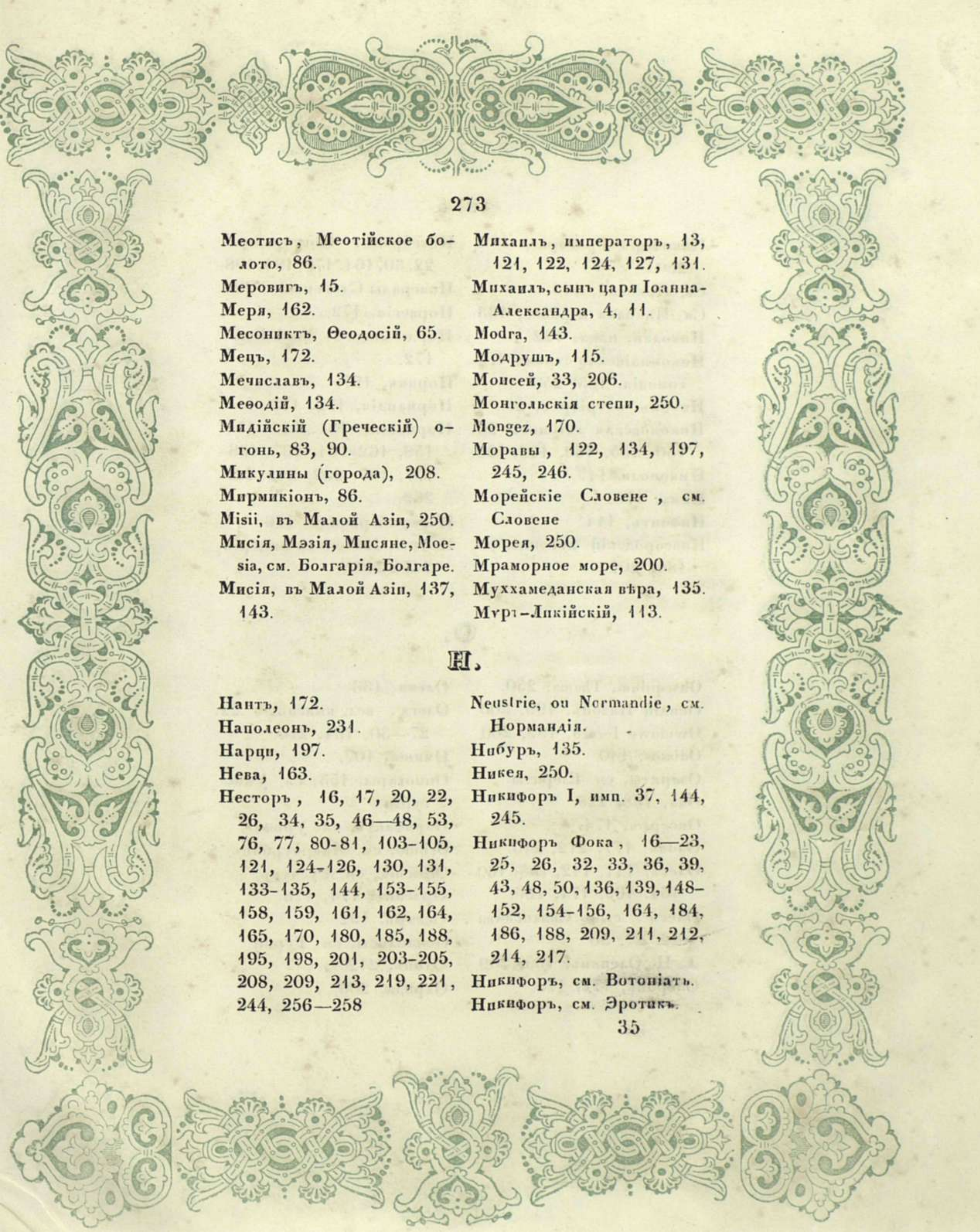




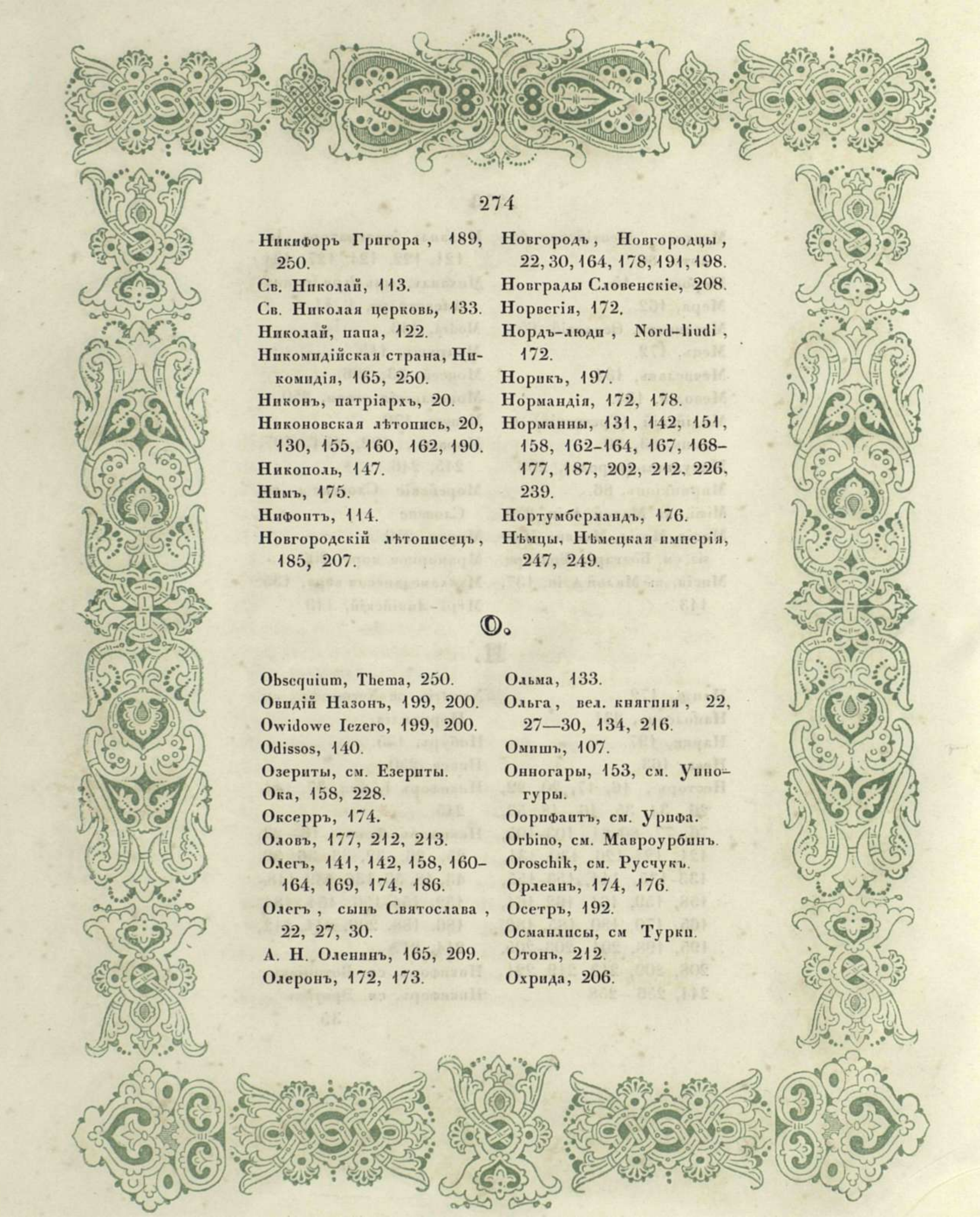
Л.



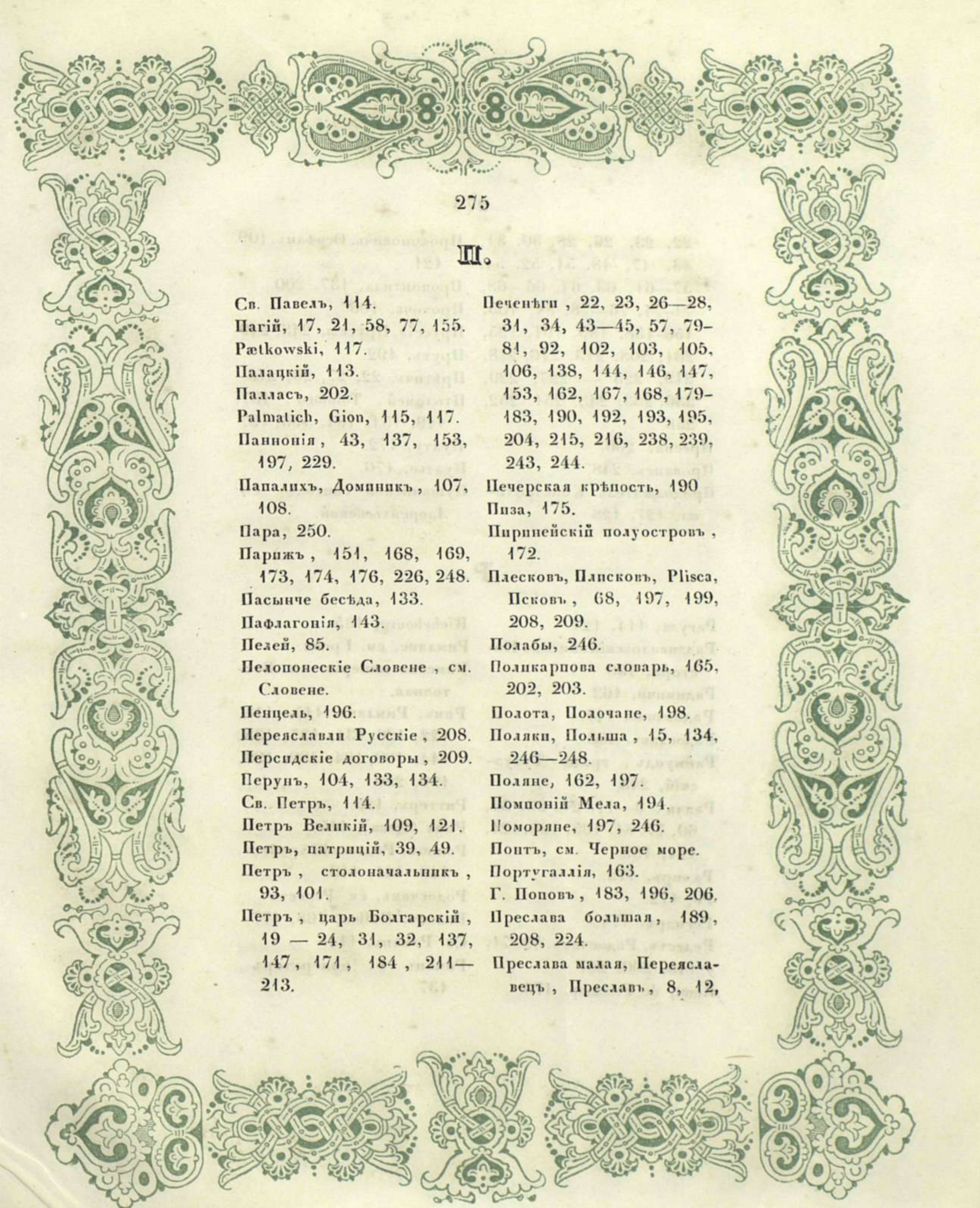
М.



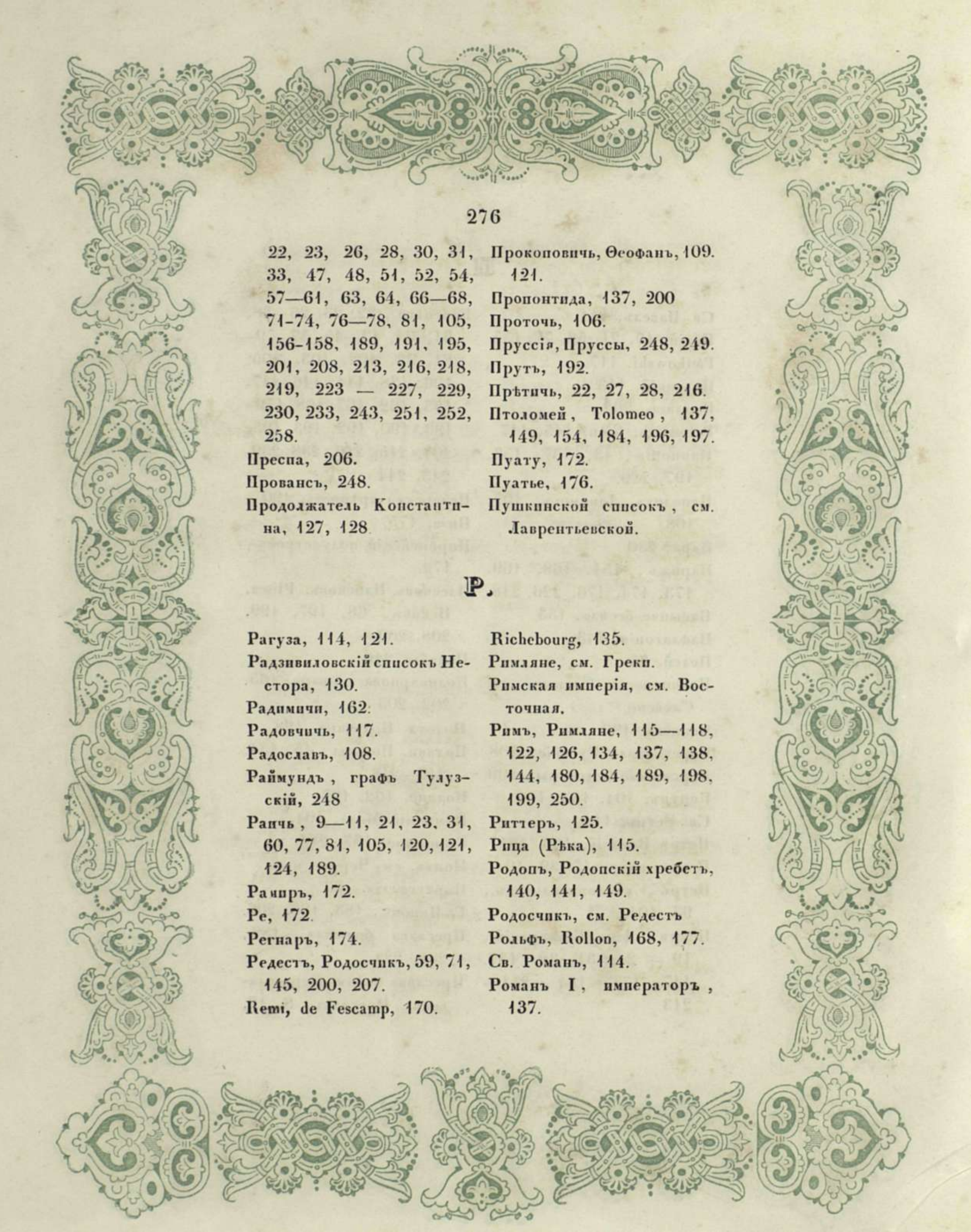
Н.



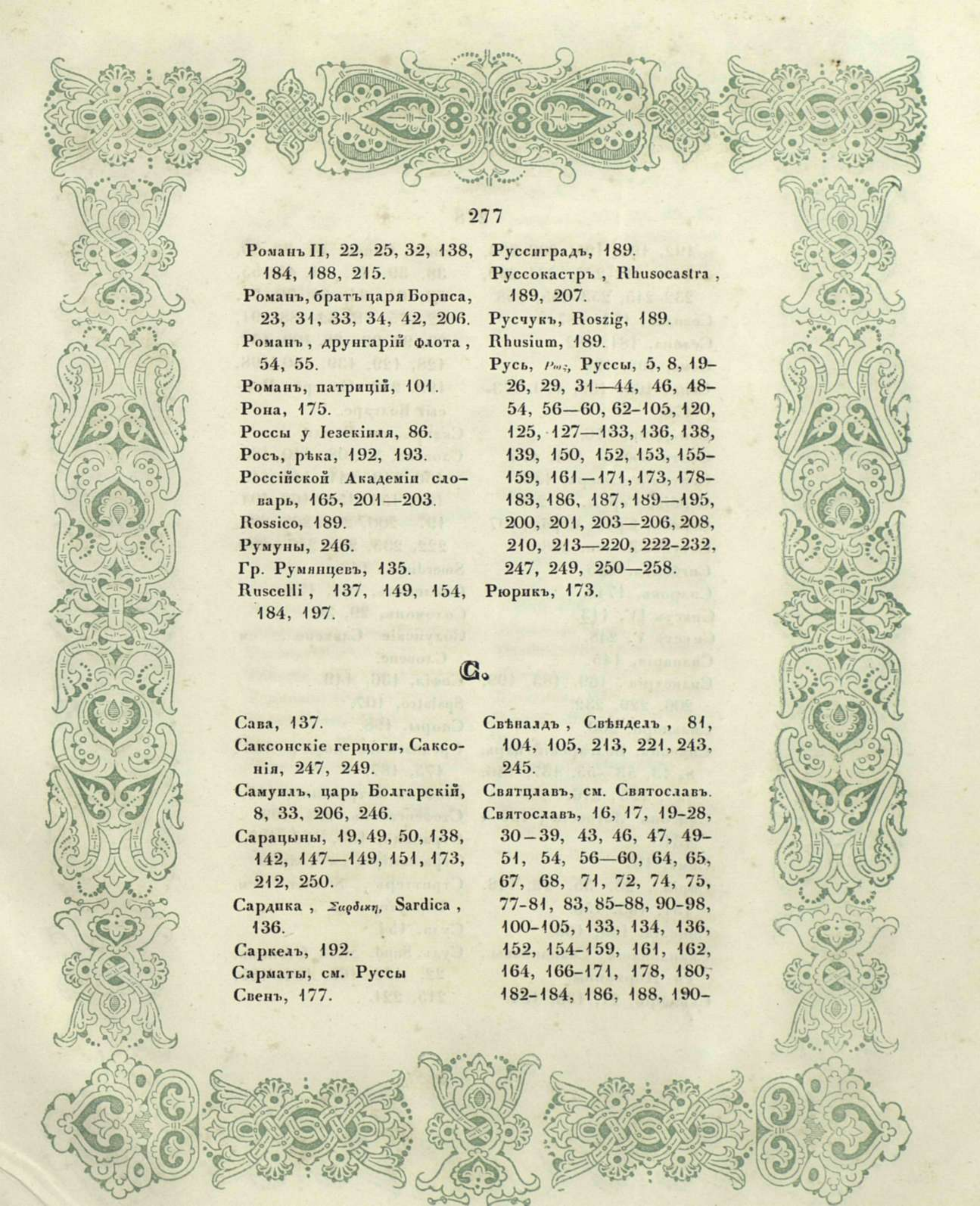
О.



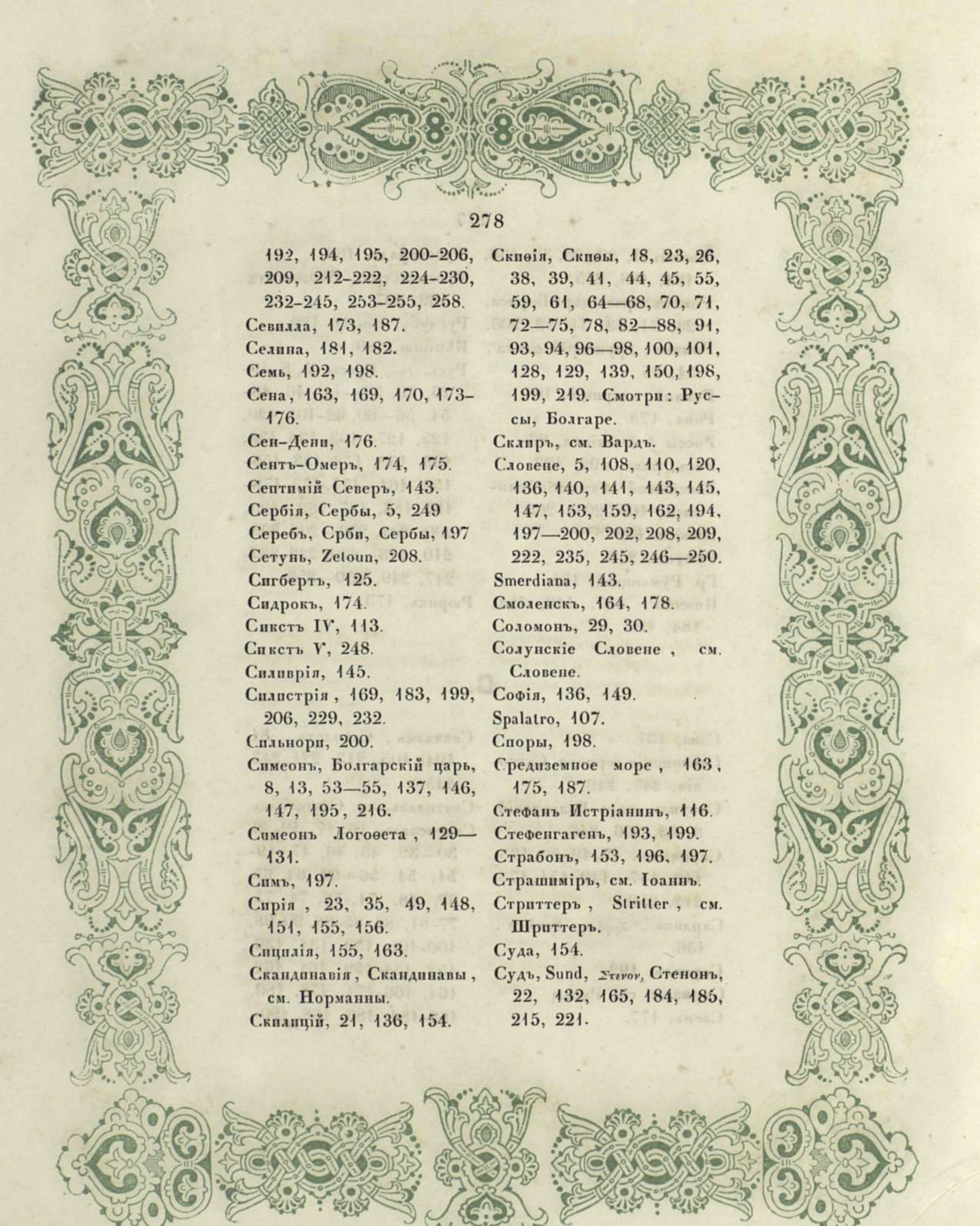
П.

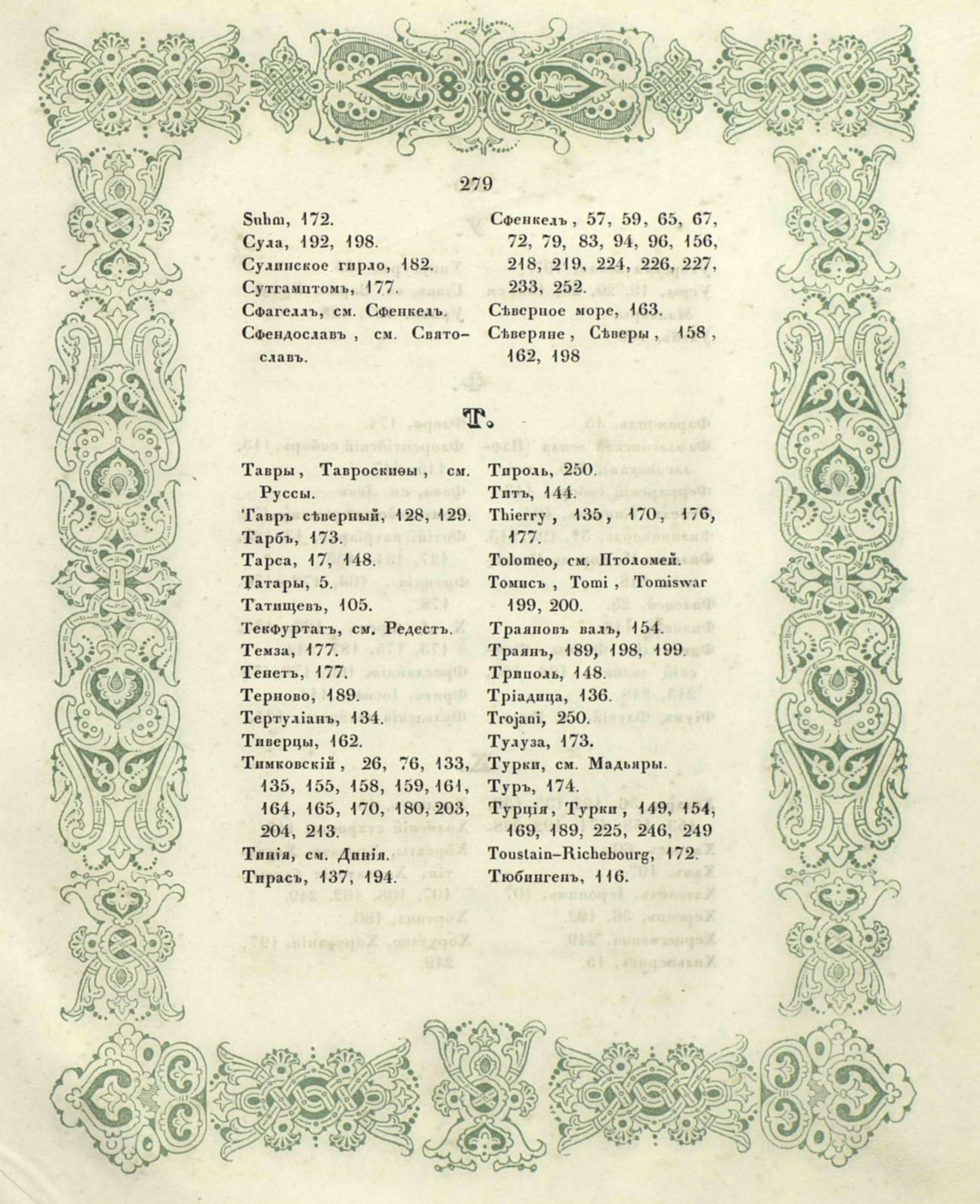


Р.

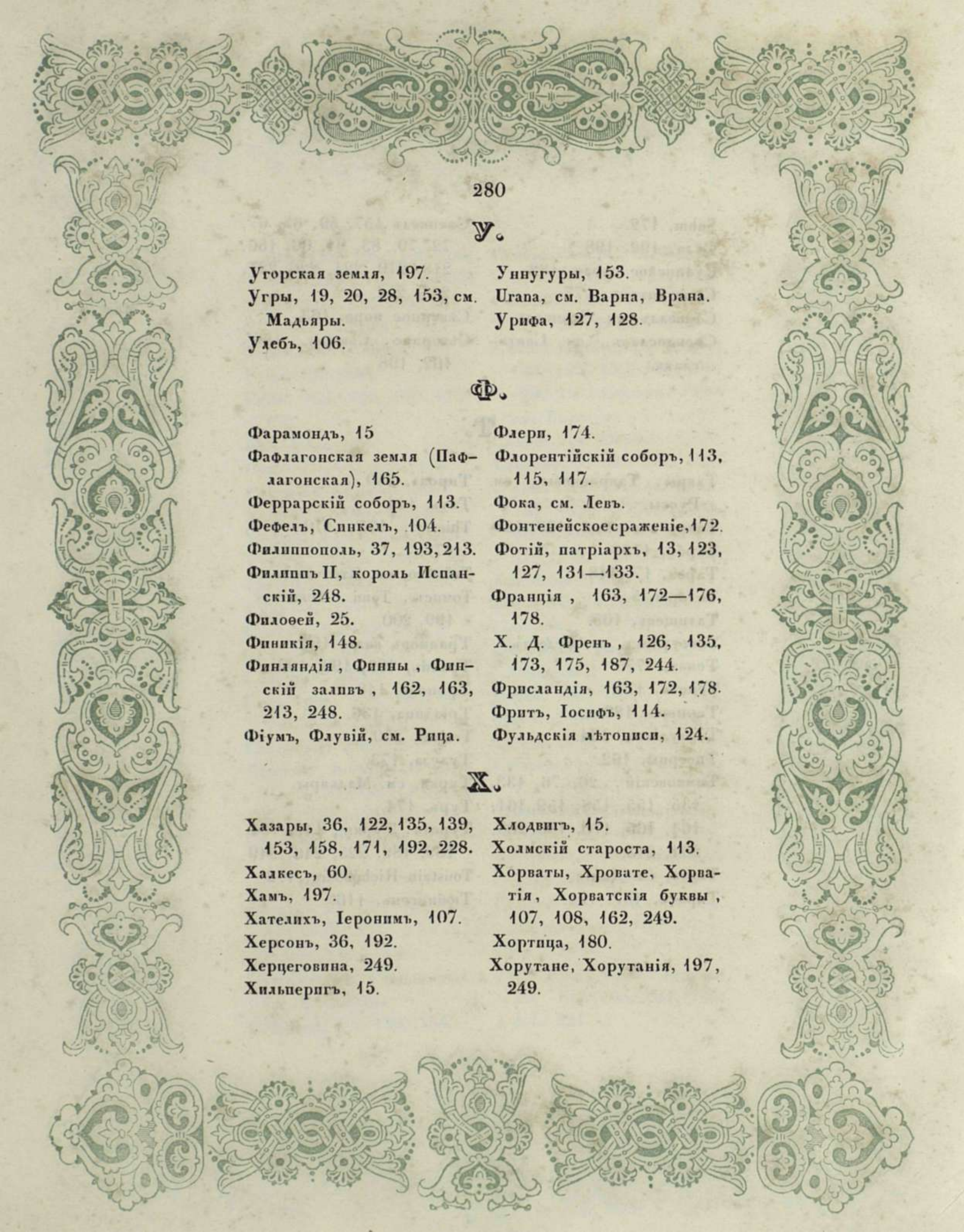


С.





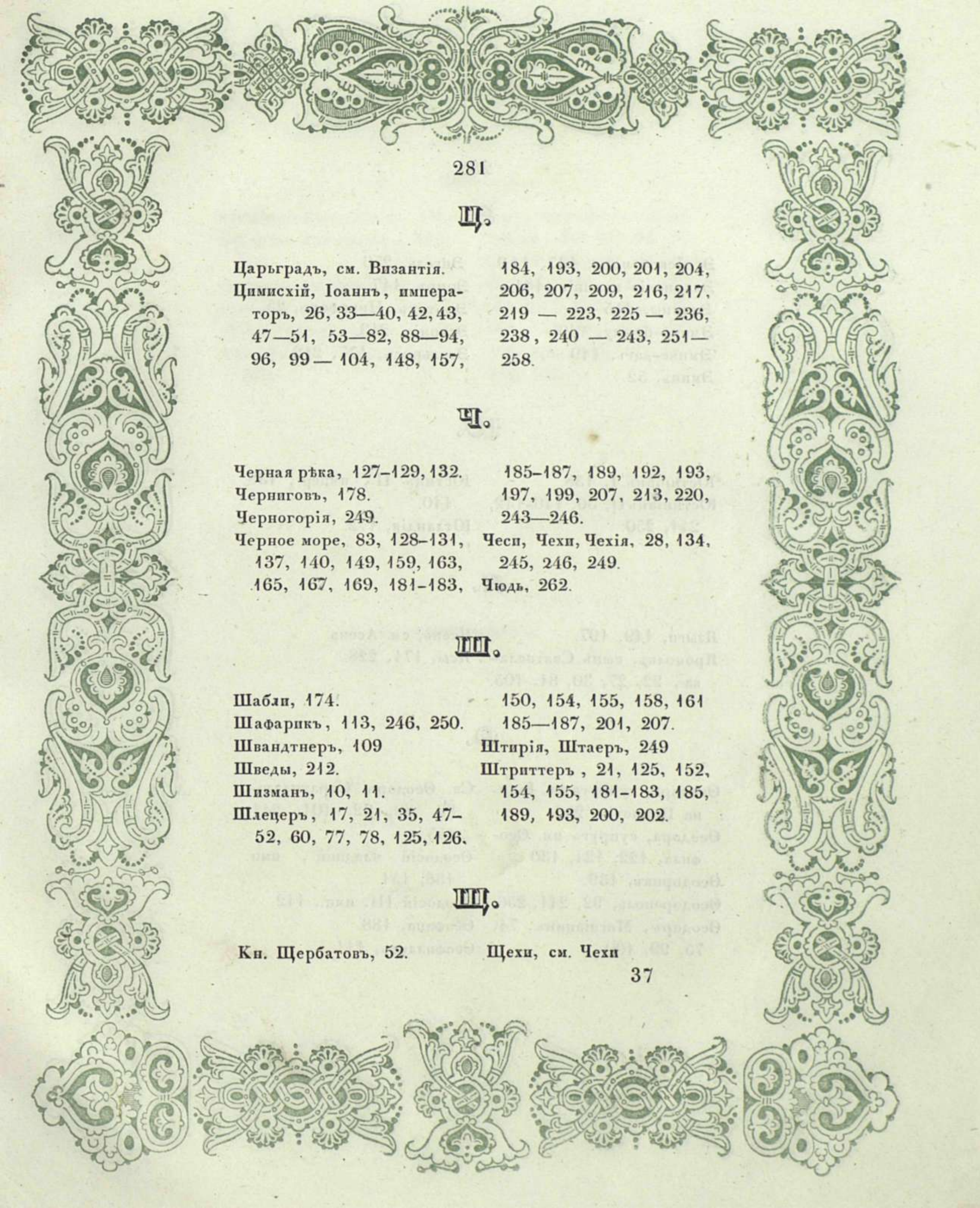
Т.



У.

Ф.

Х.

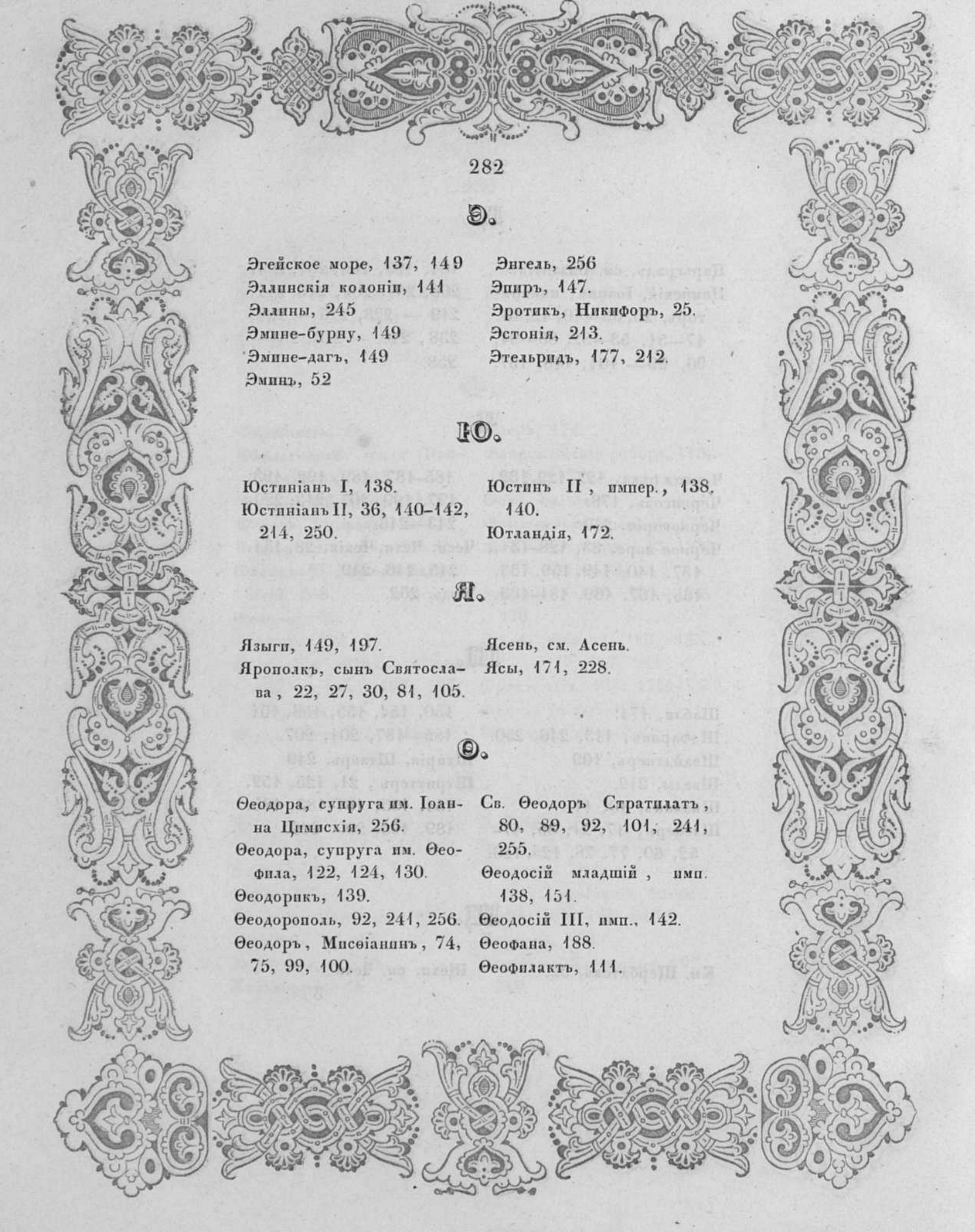


Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

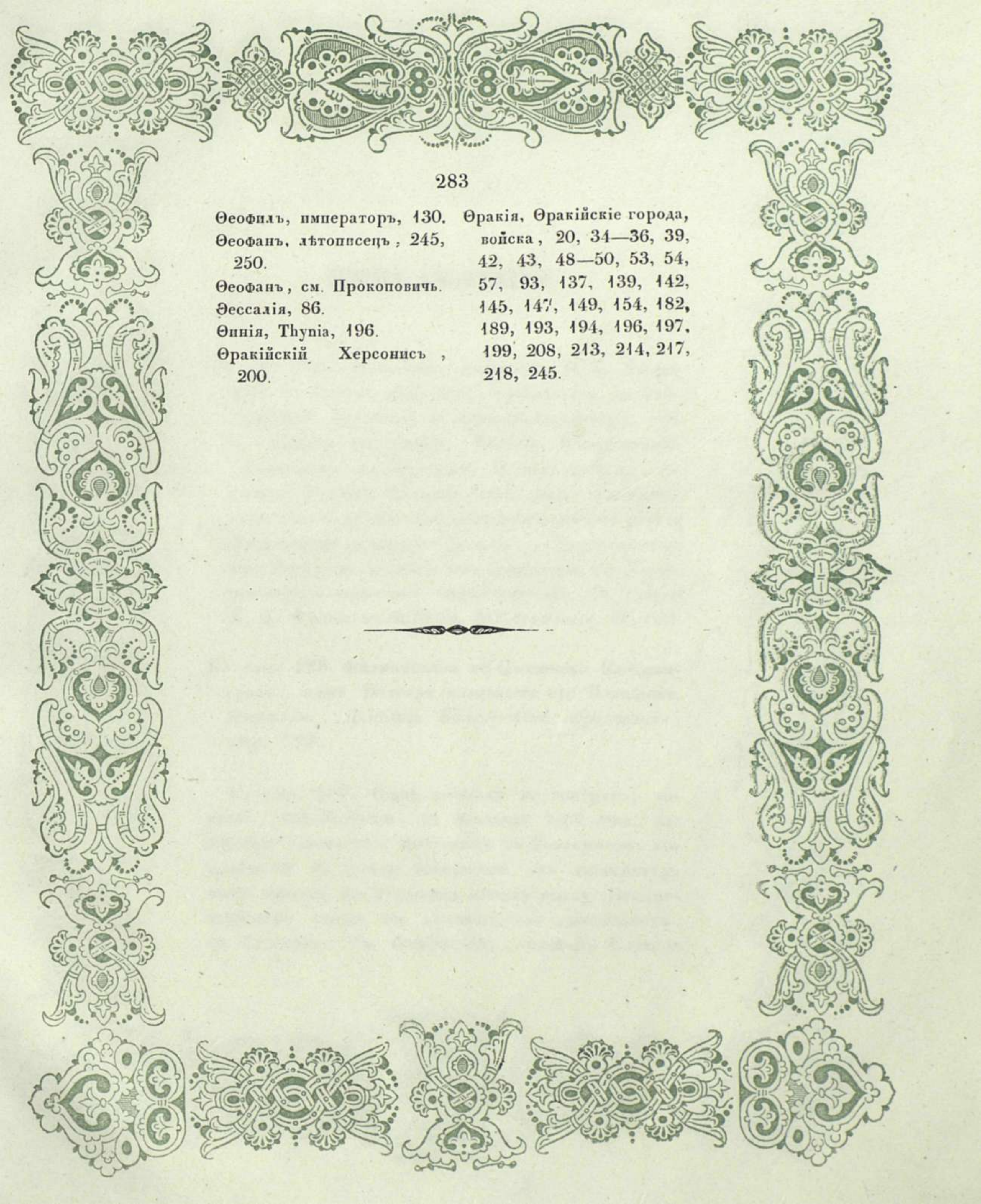


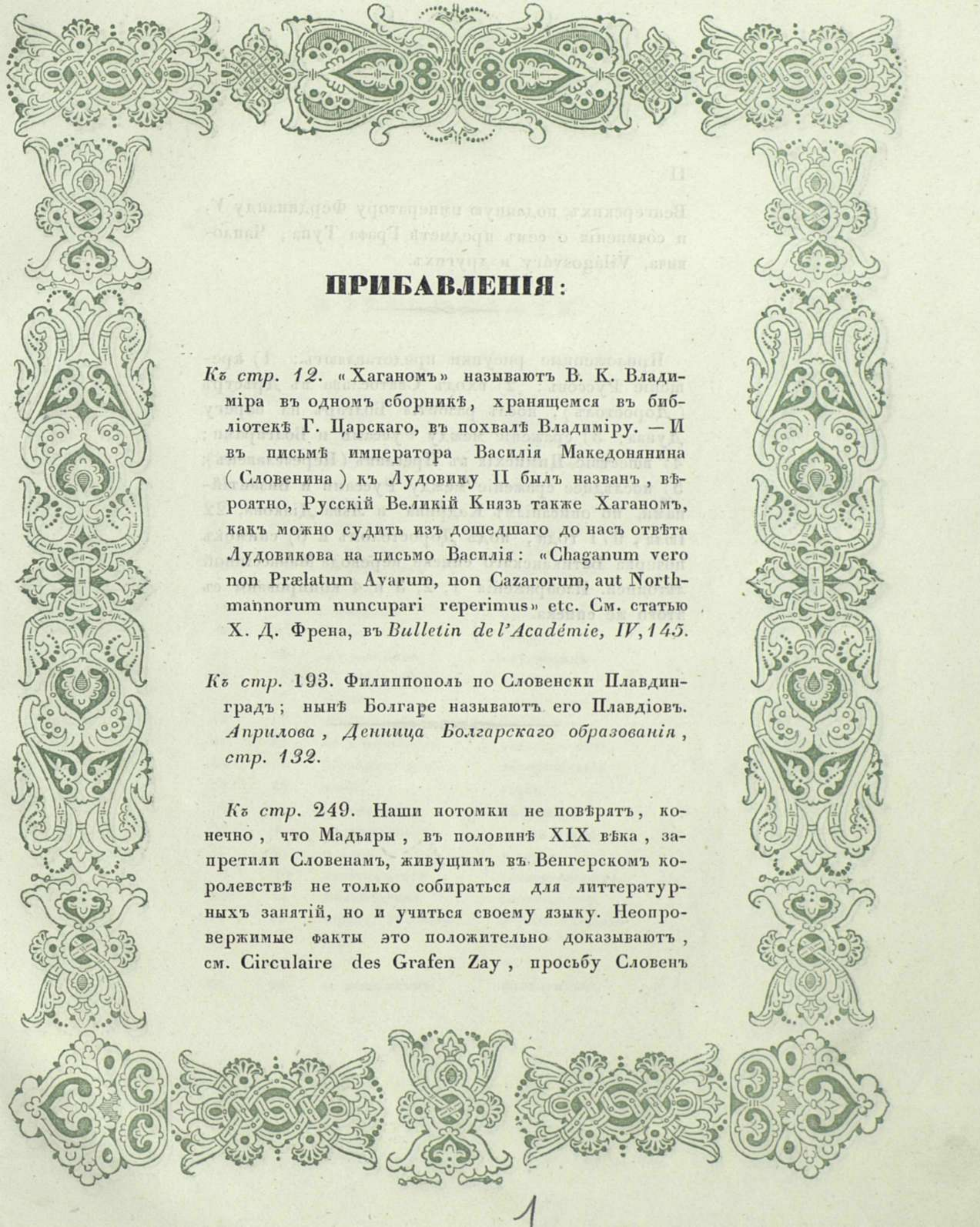
Э.

Ю.

Я.

Ѳ.



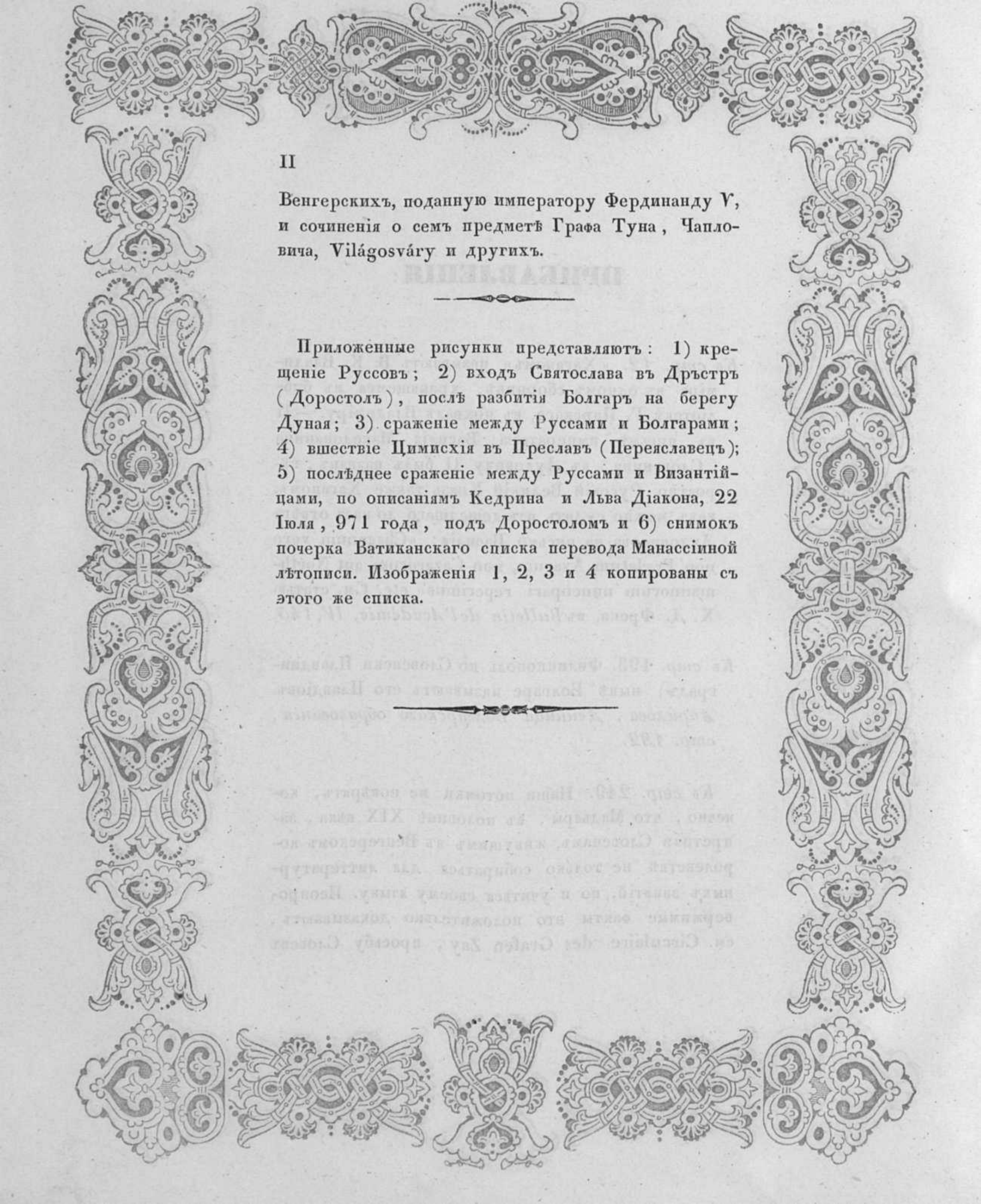


ПРИБАВЛЕНІЯ:

Къ стр. 12. «Хаганомъ» называютъ В. К. Владиміра въ одномъ сборникѣ, хранящемся въ библіотекѣ Г. Царскаго, въ похвалѣ Владиміру. — И въ письмѣ императора Василія Македонянина (Словенина) къ Лудовику II былъ названъ, вѣроятно, Русскій Великій Князь также Хаганомъ, какъ можно судить изъ дошедшаго до насъ отвѣта Лудовикова на письмо Василія: «Chaganum vero non Prælatum Avarum, non Cazarorum, aut Northmannorum nuncupari reperimus» etc. См. статью Х. Д. Френа, въ *Bulletin de l'Académie, IV, 145.*

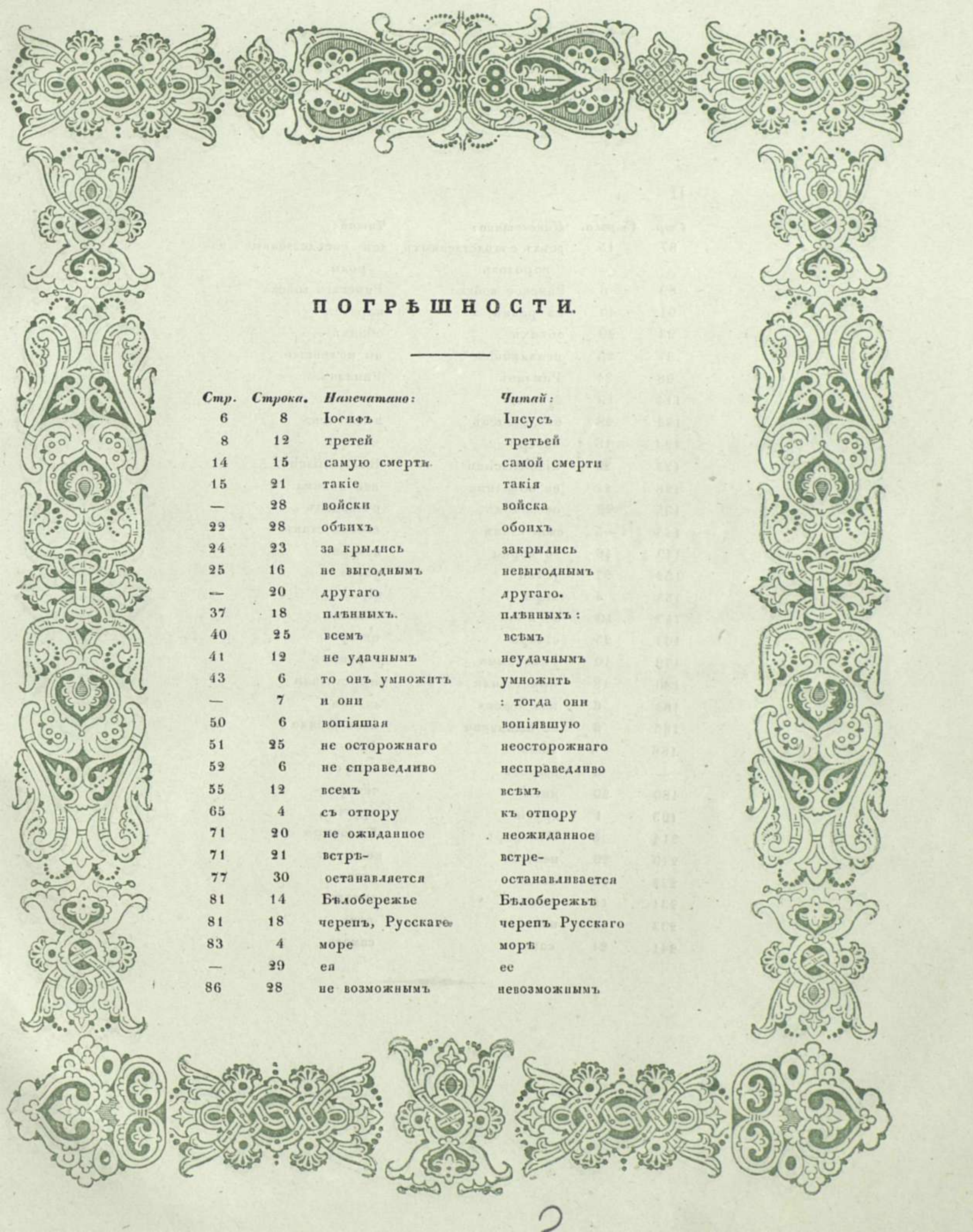
Къ стр. 193. Филиппополь по Словенски Плавдинградъ; нынѣ Болгаре называютъ его Плавдіовъ. *Априлова, Денница Болгарскаго образованія, стр. 132.*

Къ стр. 249. Наши потомки не повѣрятъ, конечно, что Мадьяры, въ половинѣ XIX вѣка, запретили Словенамъ, живущимъ въ Венгерскомъ королевствѣ не только собираться для литтературныхъ занятій, но и учиться своему языку. Неопровержимые факты это положительно доказываютъ, см. Circulaire des Grafen Zay, просьбу Словенъ



Венгерскихъ, поданную императору Фердинанду V, и сочиненія о семъ предметѣ Графа Туна, Чапловича, Világosváry и другихъ.

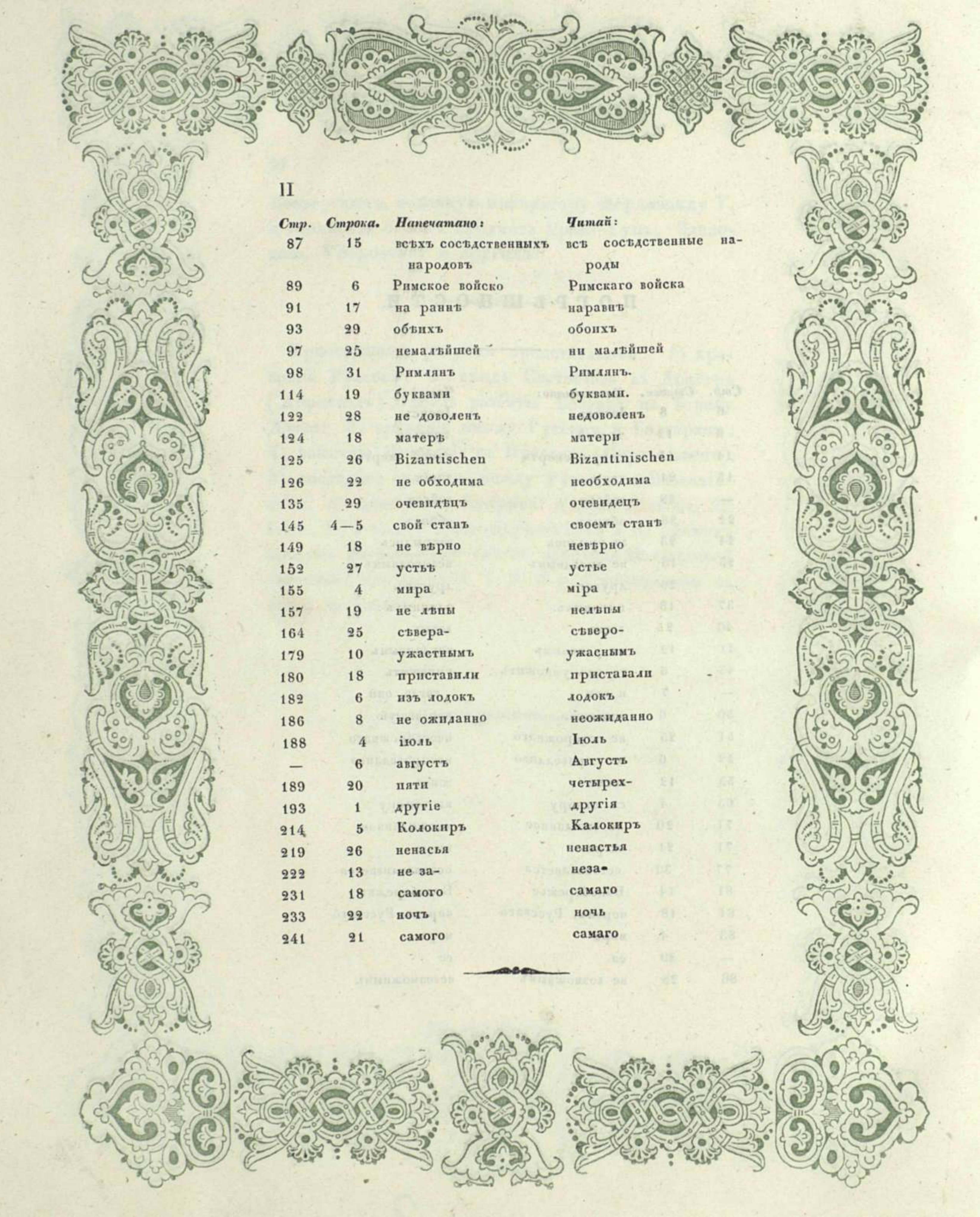
Приложенные рисунки представляютъ: 1) крещеніе Руссовъ; 2) входъ Святослава въ Дрьстръ (Доростолъ), послѣ разбитія Болгаръ на берегу Дуная; 3) сраженіе между Руссами и Болгарами; 4) вшествіе Цимисхія въ Преславъ (Переяславецъ); 5) послѣднее сраженіе между Руссами и Византійцами, по описаніямъ Кедрина и Льва Діакона, 22 Іюля, 971 года, подъ Доростоломъ и 6) снимокъ почерка Ватиканскаго списка перевода Манассіиной лѣтописи. Изображенія 1, 2, 3 и 4 копированы съ этого же списка.



ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Читай:
6	8	Іосифъ	Інсусъ
8	12	третей	третьей
14	15	самую смерть	самой смерти
15	21	такіе	такія
—	28	войски	войска
22	28	обѣихъ	обоихъ
24	23	за крылись	закрылись
25	16	не выгоднымъ	невыгоднымъ
—	20	другаго	другаго.
37	18	плѣнныхъ.	плѣнныхъ :
40	25	всемъ	всѣмъ
41	12	не удачнымъ	неудачнымъ
43	6	то онъ умножитъ	умножитъ
—	7	и они	: тогда они
50	6	вопіяшая	вопіявшую
51	25	не осторожнаго	неосторожнаго
52	6	не справедливо	несправедливо
55	12	всемъ	всѣмъ
65	4	съ отпору	къ отпору
71	20	не ожиданное	неожиданное
71	21	встрѣ-	встре-
77	30	останавляется	останавливается
81	14	Бѣлобережье	Бѣлобережъѣ
81	18	черепъ, Русскаго	черепъ Русскаго
83	4	море	морѣ
—	29	ея	ее
86	28	не возможнымъ	невозможнымъ

2



Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Читай:*
87	15	всѣхъ сосѣдственныхъ народовъ	всѣ сосѣдственные народы
89	6	Римское войско	Римскаго войска
91	17	на раннѣ	наравнѣ
93	29	обѣихъ	обоихъ
97	25	немалѣйшей	ни малѣйшей
98	31	Римлянъ	Римлянъ.
114	19	буквами	буквами.
122	28	не доволенъ	недоволенъ
124	18	матерѣ	матери
125	26	Bizantischen	Bizantinischen
126	22	не обходима	необходима
135	29	очевидѣцъ	очевидецъ
145	4—5	свой станъ	своемъ станѣ
149	18	не вѣрно	невѣрно
152	27	устьѣ	устье
155	4	мира	міра
157	19	не лѣпы	нелѣпы
164	25	сѣвера-	сѣверо-
179	10	ужастнымъ	ужаснымъ
180	18	приставили	приставали
182	6	изъ лодокъ	лодокъ
186	8	не ожиданно	неожиданно
188	4	іюль	Іюль
—	6	августъ	Августъ
189	20	пяти	четырех-
193	1	другіе	другія
214	5	Колокиръ	Калокиръ
219	26	ненасья	ненастья
222	13	не за-	неза-
231	18	самого	самаго
233	22	ночъ	ночь
241	21	самого	самаго

Съ ицрьцими сХи прѣѩтъ прѣслаⷡ҇· и възеⷨ҇
в сас цⷭ҇ркыѥ бѣлѣгы· и самого бориса ѿвеⷣ҇ въ цр҃и
граⷣ· съвлече его тамо съ цⷭ҇ркыⷯ҇· и створи его ма
гистра· се же естⷭ҇ саиъвели въ грьцⷦ҇ѣⷯ҇: по прѣ
ѩтиже прѧслаⷡ҇ стѣⷨ҇· свѧтславоу кнѧзоу роуⷭ҇
ськомоу попалѣни въ ѿ блъгарскѫѩ земѧ· и посеⷣ҇
бе сътвориⷲ҇· и въ дрьстѣ емоуⷭ҇ сѫщоу· шеⷣ҇ тамⷪ҇
цимисхиї съ многыми ратми побѣди его· са
моⷢ҇ же своеволнѣ ѿпоусти· и ѫ итъ и дошеⷣ҇ въ пе
ченѣгы тамо скончасѧ съ всѣми своими:~

(крещеніе русомъ)

(цимисхии царь прѣятъ прѣславъ. василіе царь).

рускыи плѣнъ еже на блъгары

6

(рускыи плѣнъ еже на блъгары)

плѣнъ рѹскы
идѫⷮ въ дрѣстръ

2007059120